

ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Νικόλαος Γύζης (1842–1901)
Ιστορία (1892)

FOR THOSE WHO CANNOT REMEMBER THE PAST
OR EVEN THE PRESENT ARE CONDEMNED TO REPEAT IT!

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA
THE MONOGRAPH IS PREPARED FOR
THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Введение к новому Большому академическому словарю русского языка
Марк Ф. Карамян и Станислав А. Головань*

ЛОНДОН • САН-ФРАНСИСКО • АКАПУЛЬКО

Σίγμα
2012

LA FILOLÓGICA POR LA CAUSA
LA MONOGRAFÍA ESTÁ PREPARADO PARA
EL INSTITUTO DE ESTUDIOS LINGÜÍSTICOS
DE LA ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA

**THE HISTORY OF
THE GREAT ACADEMIC
DICTIONARY OF THE
RUSSIAN LANGUAGE**

An Introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language
by Mark M. Karamian and Stanislav A. Golovan

LONDON • SAN FRANCISCO • ACAPULCO

Σίγμα
2012

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

THE PRINTING ENDOWMENT BESTOWED BY PRIVATE BENEFACTORS

PROTOTYPE LIMITED **NONVENAL ET PRO NONPROFITIS** EDITION DE LUXE

Limited to 50HC (Fifty of ISBN: 978-1-62209-422-6) Copies Numbered 1-50 Only.

Limited to 500LB (Five hundred of ISBN: 978-1-62209-423-3) Copies Numbered 1-500 Only.

This is copy № HC/LB out of 50/500.

THE COPYRIGHT AND 100% OF THE PROCEEDS GENERATED FROM THE SALES OF THIS MONOGRAPH IN ITS CONSECUTIVE EDITION/S ARE TO BE DONATED TO THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES.

EDITORS-IN-CHIEF

MARK M. KARAMIAN (USA/MEXICO)

STANISLAV A. GOLOVAN (USA/MEXICO)

TDK EDITORIAL COLLEGIUM

CRYSTAL ANGSTEN-VAN RIDER (USA)

ANTHONY BASHFORD (UNITED KINGDOM)

EUGÉNIE BOUBERON (FRANCE)

ODETTE M. CARAVELLA (FRANCE)

JACK L. CROSS (1921-2011) (USA)

GALINA S. KRUGLYASHOVA (USA)

ANTONINA P. LYUBOV (1928-2011) (MEXICO)

MARK J. MOODY (1951-2011) (USA)

SOFIA A. PAHLEVANIAN (BULGARIA)

JOSEPH N. ROSENTHAL (1923-2012) (MEXICO)

MERCEDES DE LAS SALAS (ESPAÑA)

British Library Cataloguing in Publication Data

Data Available

Library of Congress Cataloguing in Publication Data

Data Available

ISBN-13: 978-1-62209-422-6 (Hard cover)

ISBN-13: 978-1-62209-423-3 (Leather-bound)

© THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2012

© THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF THE RAS, 2012

© La Editorial Σίγμα LLC., 2012

© La Editorial Σίγμα LLC., 2012

PRINTED IN BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA BY TBB PRINT HOUSE

www.tbb.sk

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

© THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2012

© THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF RAS, 2012

© La Editorial Σίγμα LLC., 2012

© La Editorial Σίγμα LLC., 2012

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior permission in writing of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences or as expressly permitted by law, or under terms agreed with the appropriate reprographics rights organization. Enquiries concerning reproduction outside the scope of the above should be sent to the Rights Department, the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences:
РОССИЯ, 199053, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ТУЧКОВ ПЕР., 9.
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

www.iling.spb.ru

British Library Cataloguing in Publication Data
Data Available

Library of Congress Cataloguing in Publication Data
Data Available

ISBN-13: 978-1-62209-422-6 (Hard cover)

ISBN-13: 978-1-62209-423-3 (Leather-bound)

TYPESET IN HERMANN ZAPF'S PALATINO REAL
BY TDK EDITORIAL COLLEGIUM
DESIGNED BY CRYSTAL ANGSTEN-VAN RIDER
EDITED BY TDK EDITORIAL COLLEGIUM

PUBLISHED BY Σίγμα LLC. / M. M. KARAMIAN AND J. N. ROSENTHAL FOR MOTHER RUSSIA AS A GRATITUDE AND HUMBLE TOKEN OF REGARD FOR EXALTED PRIVATE WORTH, EXTENSIVE LITERARY ATTAINMENTS, AND SUPERIOR INTELLECTUAL ENDOWMENTS.

ИСТОРИЯ БАС ГОТОВИЛАСЬ К ПЕЧАТИ В БАНСКА-БИСТРИЦЕ
ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДОМ ТБВ
ТБВ, a.s., PARTIZÁNSKA CESTA 59,
974 01 BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAK REPUBLIC
www.tbb.sk

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

РЕЦЕНЗЕНТЫ «БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ:

JOSEPH N. ROSENTHAL, M.D., Ph.D. (1923-2012) (MEXICO)

STANISLAV A. GOLOVAN, M.D., Ph.D. (USA)

MARK M. KARAMIAN, M.D., Ph.D. (USA/MEXICO)

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ENGLISH TEXT PARTIALLY REVIEWED BY

Dr. JACK L. CROSS, Ph.D. (1921-2011)

Dr. ANTONINA S. LYUBOV, Ph.D. (1928-2011)

Dr. MARK J. MOODY, Ph.D. (1951-2011)

Dr. JOSEPH N. ROSENTHAL, M.D., Ph.D. (1923-2012)

TEXT EDITED BY
TDK EDITORIAL COLLEGIUM

CRYSTAL ANGSTEN-VAN RIDER, B.A.

ANTHONY BASHFORD, ESQ.

EUGÉNIE BOUBERON, Ph.D.

ODETTE CARAVELLA, Ph.D.

STANISLAV A. GOLOVAN, M.D., Ph.D.

MARK M. KARAMIAN, M.D., Ph.D.

GALINA KRUGLYASHOVA, Ph.D.

SOFIA PAHLEVANIAN, Ph.D.

MERCEDES DE LAS SALAS, Ph.D.

MOST OF THE TREATISES IN THIS MONOGRAPH HAVE ALREADY BEEN
REVIEWED IN THE SOVIET UNION AND RUSSIA BY
DISTINGUISHED ACADEMICIANS AND PROFESSORS OF
THE USSR ACADEMY OF SCIENCES, THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
AND PRINCIPAL RUSSIAN UNIVERSITIES INCLUDING:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУРЫКИН,

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН;

ТАИСИЯ НИКОЛАЕВНА БУЦЕВА,

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН;

ЕВГЕНИЯ ГРИГОРЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ,

Доктор филологических наук, профессор РГПУ имени А. И. ГЕРЦЕНА;

ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ КОДУХОВ (1919-1996),

Доктор филологических наук профессор ИГПИ имени П. П. ЕРШОВА;

ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА ЛИЛИЧ (1921-2012),

Доктор филологических наук, почётный профессор СПбГУ;

ВАЛЕРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ МОРКОВКИН,

Доктор филологических наук, профессор ГИРЯ имени А. С. ПУШКИНА;

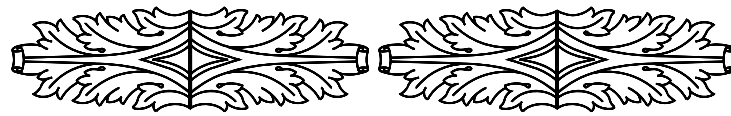
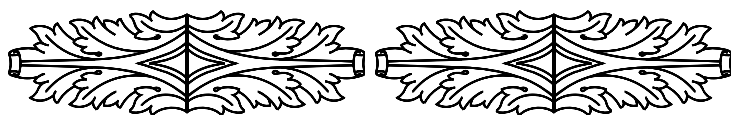
ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА ПРОХОРОВА (1923-2011),

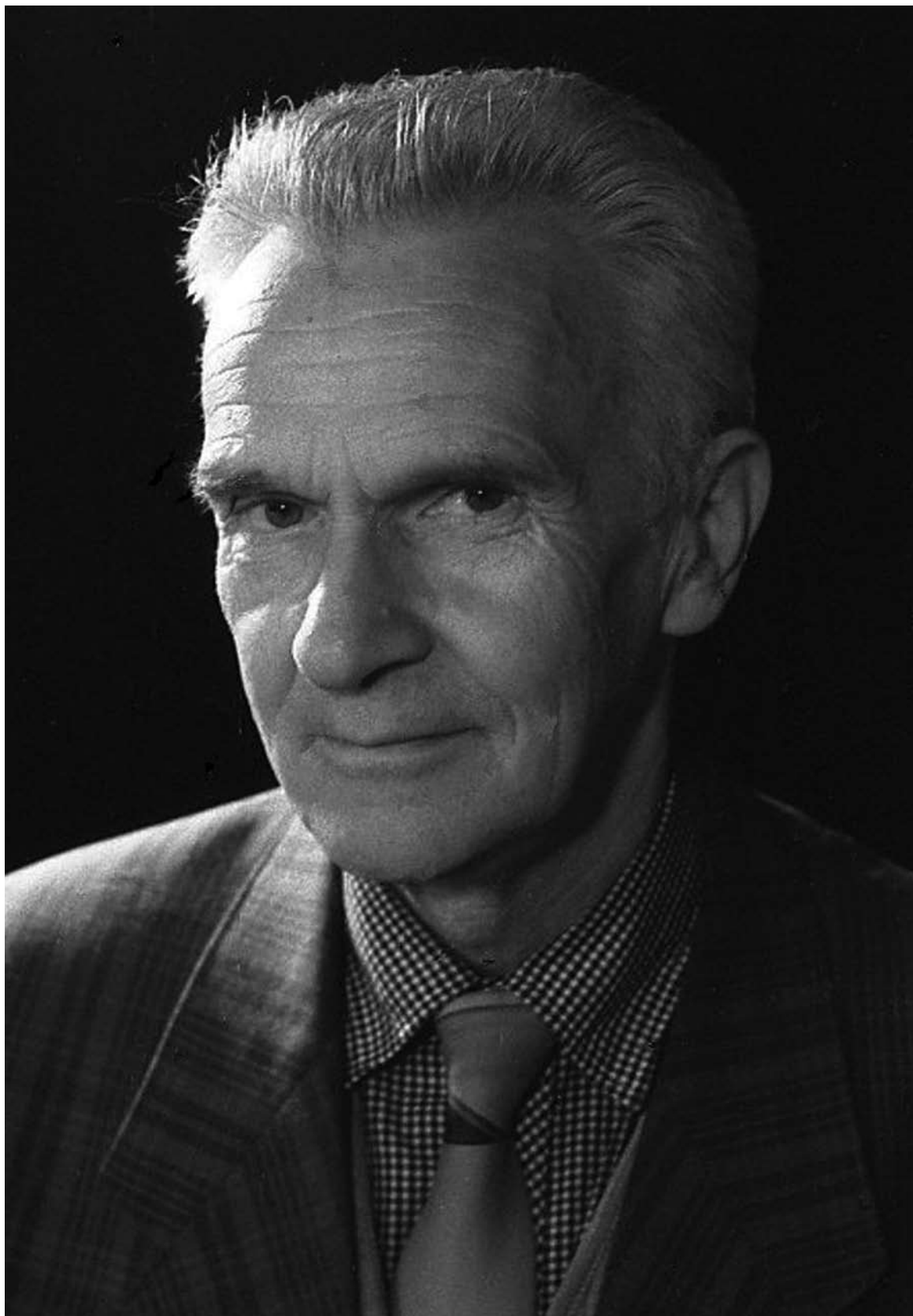
Доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. ЛОМОНОСОВА.

IN MEMORIAM
THE IMMORTAL AND BELOVED
PROFESSOR KIRILL SERGEEVICH GORBACHEVICH (1925-2005)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF T. A. KOROVANENKO)

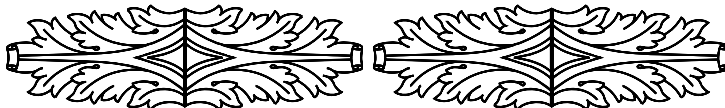
THIS MONOGRAPH IS DEDICATED TO MY BELOVED RUSSIAN LANGUAGE AND MOTHER
RUSSIA AS A TOKEN OF REGARD FOR EXALTED PRIVATE WORTH, EXTENSIVE LITERARY
ATTAINMENTS, AND SUPERIOR INTELLECTUAL ENDOWMENTS.

PROFESSOR AT SPBSU ALEXANDER SERGEEVICH GERD
SOVIET AND RUSSIAN SCIENTIST IN LINGUISTICS
THE EDITOR-IN-CHIEF OF *THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY*

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН (Гарвардский университет, 20-ого мая, 2011 г.)

PART ONE: INTRODUCTION

I. DEDICATION	7
II. APPRECIATION	8
III. HIERARCHICAL OUTLINE AS TABLE OF CONTENT	10-14
IV. FOREWORD (Jack L. Kross)	16
V. ACKNOWLEDGEMENT	24
VI. EXORDIUM (M. M. Karamian)	25
VII. PROLEGOMENON (M. M. Karamian)	29
A. § 1 ПЕТЕРБУРГСКАЯ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ) АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (Л. Е. Крутликowa)	41
B. § 2 РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (С. А. Головань, М. Ф. Карамян)	45
1. § 2.1 Русская академическая лексикография XVIII века	45
2. § 2.2 Русская академическая лексикография XX века	51
C. § 3 РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЗА 40 ЛЕТ [1917-1957] (С. Г. Бархударов)	53
D. § 4 КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (С. А. Головань)	71
E. § 5 СОВРЕМЕННЫЙ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК	75
1. § 5.1 СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО ПОДСИСТЕМЫ	89
2. § 5.2 НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	91
F. § 6 ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПЛАН РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРЫ	95
1. § 6.1 РУССКАЯ ПРОЗА	95
G. § 7 ПУШКИН И РУССКИЙ ЯЗЫК (Г. О. Винокур)	97
H. § 8 «ОТ ПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ...» (С. А. Головань, М. Ф. Карамян)	111
I. § 9 БАС СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ [1926-1953] (С. А. Головань, М. Ф. Карамян)	115
1. § 9.1 ХРОНИКА АКАДЕМИИ НАУК СССР	119
J. § 10 КРИТИЧЕСКИЕ РЕЦЕНЗИИ НА БАС (М. Ф. Карамян)	125
K. § 11 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БАС (М. Ф. Карамян)	127
1. § 11.1 THE FIRST LEXICOGRAPHICAL SOURCE FOR THE GAD (M. M. Karamian)	135
2. § 11.2 THE SECOND LEXICOGRAPHICAL SOURCE FOR THE GAD (M. M. Karamian)	137
L. § 12 НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (М. М. Karamian)	141
M. § 13 ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	147
N. § 14 ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ СЛОВАРИ	149
O. § 15 THE DICTIONARY MAKING ART IN RUSSIA (M. M. Karamian)	151
P. § 16 БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА	167
Q. § 17 CONCLUSION: A REVIEW RATHER THAN A CRITICISM (M. M. Karamian)	169

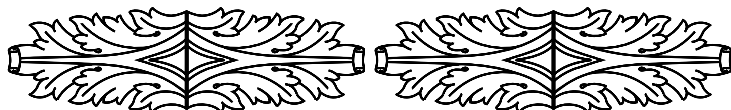
PART TWO: EXTRAPOLATED INFERENTIAL PROPOSITIONS TERMINAL OBJECTIVES I

VIII. § 18 A, B, C, OR ALPHABET (Voltaire)	185
IX. § 19 Βιβλιογραφία and Les Livres (S. A. Golovan, M. M. Karamian)	185
X. § 20 DICTIONARY (Voltaire)	189
A. § 20.1 DICTIONNAIRE (D. Diderot)	189
XI. § 21 BOOKS (Voltaire)	195
A. § 21.1 Գիրք (Ա. Մարգարյան)	197
B. § 21.2 ՄԱՏԵՆԱԴԱՐԱՆ (Ա. Մարգարյան)	197
XII. § 22 ՍՈՒՐԲ ԳՐԳԻ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ (Հ. Աճառյան)	199
XIII. § 23 CATEGORIES (Aristotle)	205
XIV. § 24 ON INTERPRETATION (Aristotle)	209
XV. § 25 SENS COMMUN (E. Bouveron)	213
XVI. § 26 THE PHILOSOPHY OF COMMON SENCE (Henry Sidgwick)	215
XVII. § 27 CLARUS PRÆFATORIUM LEXICA	217
A. § 27.1 СЛОВАРЬ АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ (Е. Р. Дашкова)	217
B. § 27.2 PREFACE TO THE ENGLISH DICTIONARY BY S. JOHNSON (1755)	219
C. § 27.3 THE HISTORY OF THE OED THE FIRST EDITION 1857-1928	223
D. § 27.4 Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm	233
E. § 27.5 Dictionnaire de l'Académie française	249
F. § 27.6 Préface du dictionnaire d'Émile Littré	251
G. § 27.7 Noah Webster's American Dictionary of the English Language (Shmuel Ross)	259
H. § 27.8 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО БАРС (Ю. Д. Апресян)	261
XVIII. § 28 A MINUSCULE PASSAGE FROM THE HISTORY OF WORLD LEXICOGRAPHY (M. M. Karamian)	269
A. § 28.1 Մխիթար Արամայրը իր «Հայկազան բառարանի» մասին	271
B. § 28.2 ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕД. Д.Н. УШАКОВА	273

THE VERY HONOURABLE ACADEMICIAN YURI SERGEEVICH OSIPOV
25TH PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1991)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF WWW.KREMLIN.RU)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

C. § 28.3 СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА (Р.Р. Гельгардт)	275
--	-----

TERMINAL OBJECTIVES II

XIX. § 29 РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В АКАДЕМИИ НАУК (Ф. П. Сороколетов)	277
XX. § 30 ЛЕКСИКОГРАФИЯ XIX ВЕКА	281
XXI. § 31 АКАДЕМИК ЯКОВ КАРЛОВИЧ ГРОТ (Ф. П. Сороколетов)	285
XXII. § 32 СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я.К. ГРОТА (Г.П. Галаванова)	283
A. § 32.1 Источники словаря Грота	289
B. § 32.2 Структура словаря Грота	289
C. § 32.3 Смысловая характеристика слов в Словаре Грота	291
D. § 32.4 Грамматическая характеристика слов в Словаре Грота	293

TERMINAL OBJECTIVES III

XXIII. § 33 I. ЛЕКСИКОГРАФИЯ XX ВЕКА (Ф. П. Сороколетов)	295
A. § 33.1 II. Общая характеристика	297
XXIV. § 34 ОПЫТ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ (Л. В. Щерба)	297
XXV. § 35 О ТРОЯКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБ ЭКСПЕРИМЕНТЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ (Л. В. Щерба)	305
XXVI. § 36 О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Л. В. Щерба)	309
XXVII. § 37 О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (В. В. Виноградов)	313
XXVIII. § 38 Л.В. ЩЕРБА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (Ф. П. Сороколетов)	319
XXIX. § 39 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (Ю.Н. Караулов)	319
XXX. § 40 СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ (Ю. Д. Апресян)	323
XXXI. § 41 СМЫСЛОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (Ф. П. Сороколетов)	327

TERMINAL OBJECTIVES IV

XXXII. § 42 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК (В. В. Виноградов)	329
XXXIII. § 43 ПУШКИН И ЛЕРМОНТОВ — ОСНОВОПОЛОЖНИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (В. В. Виноградов)	331
XXXIV. § 44 ЯЗЫК «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» (Л.Б. Перльмуттер)	333
XXXV. § 45 СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК (Л. В. Щерба)	337
XXXVI. § 46 О СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (Ф. П. Филин)	341
XXXVII. § 47 РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА В ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ <...> (Л. Е. Кругликова)	343
XXXVIII. § 48 РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XX (С. А. Головань)	345
XXXIX. § 49 РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ (С. А. Головань)	349
XL. § 50 НУЖЕН ЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК? (В. И. Ленин)	351
XLI. § 51 ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ РФ	351

TERMINAL OBJECTIVES V

XLII. § 52 ХРОНИКА: ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР	351
XLIII. § 53 СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (Т. А. Корованенко)	353
A. § 53.1 Концепция Большого академического словаря и ее эволюция (Т. А. Корованенко)	353
B. § 53.2 БАС как сокровищница лексики современного русского литературного языка (Т. А. Корованенко)	355
C. § 53.3 Энциклопедия истории и культуры народов мира (Т. А. Корованенко)	357
D. § 53.4 Исторический памятник эпохи (Т. А. Корованенко)	359
E. § 53.5. Традиции и новаторство БАС в сфере семантической характеристики слова (Т. А. Корованенко)	359

TERMINAL OBJECTIVES VI

XLIV. § 54 О ВТОРОМ ИЗДАНИИ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (БАС2) (Ф. П. Сороколетов)	363
A. § 54.1 Отбор слов	363
B. § 54.2 Усиление принципа нормативности	365
C. § 54.3 Исправление ошибок и неточностей	365
XLV. § 55 ПРЕДИСЛОВИЕ К БАС2	365

TERMINAL OBJECTIVES VII

XLVI. § 56 О СОСТОЯНИИ РАБОТЫ НАД ССРЛЯ (БАС1) (Е.А. Земская)	365
XLVII. § 57 ОБСУЖДЕНИЕ IV ТОМА ССРЛЯ (И. И. Ковтунова)	369
XLVIII. § 58 СЕМНАДЦАТИТОМНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ССРЛЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ <...> (В. В. Виноградов)	369

TERMINAL OBJECTIVES VIII

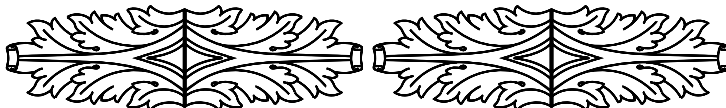
XLIX. § 59 СОВРЕМЕННАЯ НОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (К. С. Горбачев)	377
L. § 60 О НОВОМ ССРЛЯ (К. С. Горбачев, Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин)	379

**THE HONOURABLE ACADEMICIAN NIKOLAI NIKOLAEVICH KAZANSKY
THE DIRECTOR OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF THE RAS, SAINT PETERSBURG)

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

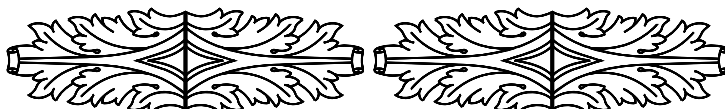
LI. § 61 О СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	385
LII. § 62 О НОВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	387
LIII. § 63 О НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (Ф. П. Сороколетов)	391
LIV. § 64 СЛОВАРЬ И ЦИТАТА (К. С. Горбачев)	393
LV. § 65 ТЕРМИНОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ (Ф. П. Сороколетов)	397
LVI. § 66 СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ. ОТБОР СЛОВ (Ф. П. Сороколетов)	399
LVII. § 67 СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (Г. Н. Скляревская)	399
LVIII. § 68 КАТЕГОРИЯ ОБРАЗНОСТИ И ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (Г. Н. Скляревская)	405
LIX. § 69 ОДА СЛОВАРЯМ (Л. П. Крысин)	407
LX. § 70 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ БУМ: БЛАГО ИЛИ ЗЛО? (Л. Е. Кругликова)	407

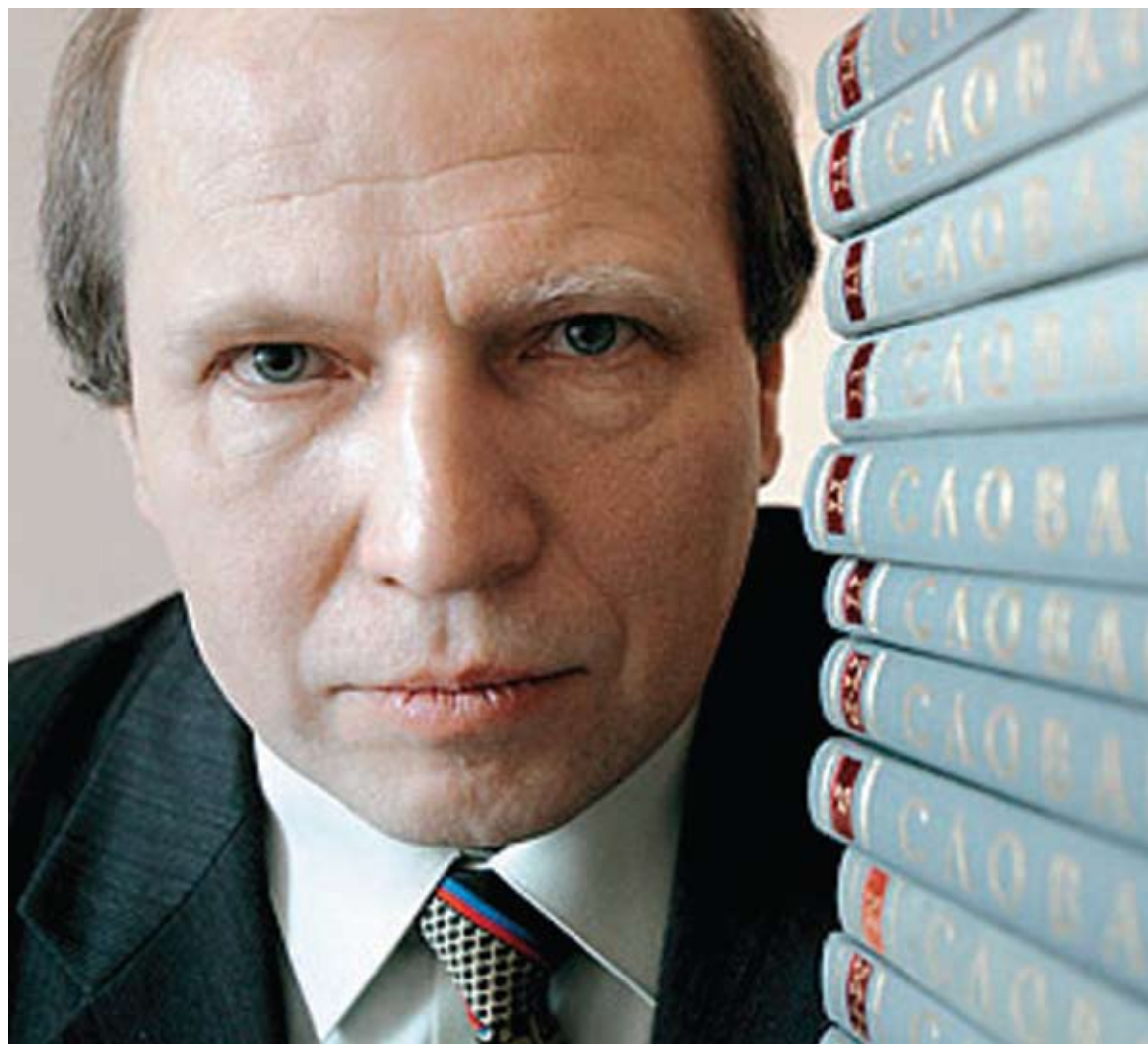
TERMINAL OBJECTIVES IX

LXI. § 71 THE EMERGENCE OF THE NEW GREAT ACADEMIC DICTIONARY (M. M. Karamian)	411
LXII. § 72 ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА РАН АКАДЕМИКА Ю. С. ОСИПОВА	411
LXIII. § 73 РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИРЕКТОРА ИЛИ РАН АКАДЕМИКА Н.Н. КАЗАНСКОГО	413
LXIV. § 74 ПРЕДИСЛОВИЕ К БАСЗ	413
LXV. § 75 ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛОВАРЕ (БАСЗ)	415
LXVI. § 76 ПРИШЛО ВРЕМЯ... (М. Ф. Карамян)	421
LXVII. § 77 СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА (Ф. П. Сороколетов)	423
LXVIII. § 78 НАУЧНОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БАС (М. Ф. Карамян, А. С. Головань)	425
LXIX. § 79 ОБЩИЙ ФИЛОЛОГИЗМ И БАСЗ (М. Ф. Карамян, А. С. Головань)	425
LXX. § 80 СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ В БАСЗ (М. Ф. Карамян, А. С. Головань)	429
LXXI. § 81 СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА БАС АКТИВНОГО ТИПА (М. Ф. Карамян, А. С. Головань)	435
A. § 81.1 Просодия — маркер семантического перехода	435
B. § 81.2 Семантические правила, понятие употребления	437
C. § 81.3 Семантические типы актантов	437
D. § 81.4 Реализация семантического актанта «темного» характера	437
E. § 81.5 Семантические принципы сичетаемости слов статей ИДТИ БАС versus УСССРЯ	439
F. § 81.6 Семантические принципы сичетаемости слов статей ОПАСНОСТЬ БАС versus УСССРЯ	443
G. § 81.7 Lexico-combinational examples of some words from well-known active dictionaries with select Russian parallels	443
LXXII. § 82 СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (Л. Ю. Касьянова)	449
LXXIII. § 83 ЧТО НОВОГО В БАС: ОТ БАС1 ДО БАСЗ <...> ? (М. Ф. Карамян, А. С. Головань)	453
A. Изменения неологизмами словарного состава русско-го Языка	453
B. Сопоставление значений слов из БАС1 и БАСЗ	459
C. Избранные новые слова в БАСЗ	459
D. Относительное значение нового слова в БАС и в других лексикографических пособиях	463
E. Неологизмы и лексическая категория	465
LXXIV. § 84 ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА НОВОГО СЛОВА (Л. Ю. Касьянова)	467
LXXV. § 85 THE GAD AS AN ACTIVE ACADEMIC MANUAL AND AS A PASSIVE COGNITIVE REFERENCE BOOK (M. M. Karamian)	471
LXXVI. § 86 THE GAD AS AN INSTRUMENT OF AUTODIDACTIC RATIONAL EDUCATION (M. M. Karamian)	475
A. § 86.1 TURNING THE LIGHT ON! (M. M. Karamian)	481
LXXVII. § 87 И ЗГЛЯДЫВАЛ Я ВСТАРЬ В АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ... (М. Ф. Карамян)	483
LXXVIII. § 88 БЕСЧИСЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ... (М. Ф. Карамян)	485

TERMINAL OBJECTIVES X

LXXIX. § 89 ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (А. В. Десницкая)	487
A. § 89.1 Картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН	489
LXXX. § 90 100-ЛЕТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКИ (Ф. П. Сороколетов)	491
LXXXI. § 91 БУДУЩЕЕ БАС: РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ (А. Савина, Т. Типикина, Е. Киселев)	493
APPENDIX 1: TO THE STUDENT RESEARCHER (M. M. Karamian).....	495
APPENDIX 2: BIBLIOGRAPHY	499

SERGEY ALEXEEVICH MIZNIKOV

DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES

**THE EXECUTIVE OF THE DICTIONARY DEPARTMENT OF
THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**«СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ» —
САМЫЙ МАСШТАБНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИНСТИТУТА
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Прошло более ста лет со времени выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852) и «Дополнения» к нему (СПб., 1858). «Опыт областного великорусского словаря» был составлен в ту пору, когда русская диалектология только начиналась и в распоряжении ученых имелись скудные сведения о русской народной речи. С 60-х годов прошлого столетия до нашего времени поколениями ученых и любителей русского народного слова накоплены новые, весьма обширные словарные материалы, которые до сих пор оставались необобщенными. Наблюдения, относящиеся к словарному составу русских народных говоров, содержатся в весьма многочисленных печатных изданиях, которые, как правило, давно уже стали библиографической редкостью. Еще больше наблюдений и записей их и вовсе не опубликовано и хранится в центральных и местных архивах и у частных лиц. Накопленные огромные материалы в их совокупности оказываются недоступными не только для широких кругов читателей, но и для специалистов-диалектологов. В знаменитом «областическом» словаре В.И. Даля представлена лишь сравнительно небольшая часть употребившихся и бытующих теперь на обширной территории русского языка областных слов.

Между тем разработка многих важнейших проблем истории русского языка, истории родственных славянских языков и некоторых общих и частных вопросов истории других языков затруднительна или даже невозможна без должного использования словарных богатств русской народной речи. В русских говорах сохранились напластования различных исторических эпох, которые во многом нашли только частичное отражение в современном русском литературном языке и в старой русской письменности или оказались вовсе не представленными в них. Необходимость ввести в научный оборот основные запасы русской диалектной лексики привела к решению создать словарь русских народных говоров, в котором были бы собраны воедино и должным образом обработаны все доступные записи словарных особенностей всех русских народных говоров XIX–XX столетий. Этот словарь будет иметь такое же научное значение, как и исторические словари русского языка XI–XIV, XV–XVII и XVIII вв., работа над которыми начата, как и полные толковые словари современного русского литературного языка. «Словарь русских народных говоров» — важная и неотъемлемая часть комплекса словарей русского языка. Только тогда, когда работа над этим комплексом словарей будет завершена, русская лексика будет описана всесторонне и русская лексикология будет иметь хорошую фактическую базу.

Известно, что в народной речи отражается жизнь ее создателя и носителя — народа. Нам представляется, что некоторые сведения, имеющиеся в Словаре, будут интересны и для историков и этнографов, литературоведов и искусствоведов, а народные названия особенностей ландшафта, растений, животных, болезней и их лечения и т. д., и т. п. могут заинтересовать ученых других специальностей.

К народному словарному источнику обращаются писатели. И если далеко не всё из того, что включено в Словарь, пригодно для введения в речевую ткань художественного произведения, все же, как мы надеемся, кое-что окажется полезным и для писательских целей.

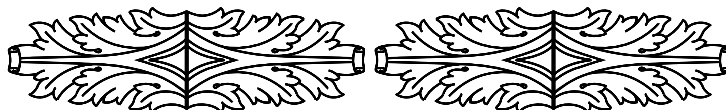
Наконец, собрание словарных особенностей народных говоров, представленное в одном труде и становящееся доступным для всех, кто интересуется русским народным словом, само по себе не может не иметь некоторого значения для нашей культуры.

Таким образом, «Словарь русских народных говоров» предназначен для языковедов, а также историков, фольклористов, этнографов, ученых других дисциплин, для писателей и журналистов, для всех лиц, которые любят и ценят русское народное слово.

Словари будут издаваться отдельными выпусками. После значительного накопления новых материалов предполагается публиковать дополнительные выпуски. Предполагается также печатать списки новых источников Словаря, которые не были утнены в настоящем выпуске.

В подготовке списков источников и списка географических и административных названий существенную помощь составителю оказала Н. В. Попова. Составитель выражает благодарность официальным рецензентам В. И. Максимова и О. Г. Пороховой, а также С. Ф. Геккер, Ф. П. Сороколетову и другим лицам, сделавшим много ценных замечаний.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF ANDREY KULGUN/OGONEK)

FOREWORD

Jack L. Cross, Ph.D.
Austin, USA. 2011.

"We don't know a millionth of one percent about anything".

– Thomas Alva Edison (1847-1931)

This *Monograph* is a result of a collective effort of hundreds of editorial years employed, starting from Aristotle, Voltaire, É. Littré, L.V. Shcherba, V.V. Vinogradov, H.H. Adjarian, S.G. Barkhudarov, Yu.D. Apresyan, K.S. Gorbachevich, A.S. Gerd, F.P. Sorokoletov, L.E. Kruglikova to the Editorial Collegium of TDK, lead by M.M. Karamian. The topic of the *Monograph* is apropos to the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* along with some fascinating moments and facts from Russian history and the period during which the *Dictionary* was being written. It covers approximately 175 years of turbulent and glorious history of Russian academic lexicography.

The title of this *Monograph*, by containing the word *history*, would definitely manifest, chronicle and archive *changes* in Russian academic lexicography during a given period of time.

The *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* is exclusively intended and envisaged for those in masterful virtuosity in philological, linguistic, and mainly lexicographical studies, who are eloquent in Russian, English, French, Bulgarian, German, articulate in Greek, Latin and Armenian. The principal languages employed for this oeuvre are Russian and English. Without this precondition by compulsory stipulation of multilingual proficiency in linguistic expertise, simply governed by *common sense*, the coherently apprehensive notion of the *Monograph* will be worthlessly discredited and unscrupulously defaced in underestimating "intellectual" merit through the darkness of the reader's ignorance.

The *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* is profoundly understood as the combined history of Academician Jacob Grot's *Dictionary of the Russian Language*, the first, second (Словарь современного русского литературного языка) and new editions of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

The *Monograph* is sectioned into two correspondingly independent anthological partitions:

1) The *Prolegomenon* as an extended introductory passage which can be surveyed as a guide to a condensed and reflexive version of the *Extrapolated Inferential Proposition*;

2) The *Extrapolated Inferential Proposition*, formulated through *Terminal Objectives*, which is an anthology of select essays directly related to the theoretical and practical aspects of the *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* and the *Great Academic Dictionary*.

The entire work, as a single unit, is chronologically arranged essays, directly complementing the main subject. Each chapter can be read, used and lectured independently. Therefore, the work is formulated to appear not just as a glorious appendix to the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, serving as a companion volume, but it is also composed and devised to perform as a functional and utilitarian textbook on Russian academic normative lexicography not just for Russian students of philological studies, or foreign students at departments of Slavic

languages at different universities around the world and russophiles likewise, but, in the interim, to play an impressive role to function as a guidebook for professorial lecturers and as an illustrious *Preface to the Great Academic Dictionary of the Russian Language*, as well.

The deficiency of an empirical textbook on such a subject has never existed before for foreign students. The state of Russian studies abroad have always been in dire demand for it for many years with no positive outcome. Hence, the *Monograph* is considered to appear as the first and only attempt on this particular subject matter to be realized outside Russia as somewhat of a complete portrait of Russian academic lexicography to serve its objectively affirmative duty for illuminating numerous specialists in Russian studies theoretically and practically.

The *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* is not just a descriptive subject on what the bare name of the *Monograph* suggests. The *Great Academic dictionary* is a normative explanatory dictionary. Its lexicographical motivation does not just focus on the descriptive methodology of Russian words. In fact, it is a normative dictionary, meaning that the dictionary maintains and focuses on several norms: grammatical, morphologic, syntactic, semantic, orthographic, orthoepic, word-formational, word-combinational, phraseological, idiomatic, stylistic, syntagmatic and paradigmatic metamorphosis, correct mode of expression in reading-writing-speaking strategies of contemporary Russian literary language etc.

As a result, all the above mentioned disciplines and lexical factors candidly constitute the dictionary as of an active type lexicographical toil, both for a learner to master Russian and for a reader to understand the written text in Russian. In another words, the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* is prepared for a specific purpose:

- 1) for obtaining correct and error-free reading skills;
- 2) for developing perfect and clear cognitive abilities;
- 3) for mastering reader's skills into learner's expertise.

One (1 and 2) is intended to comprehend correct letter-perfect writing artistry and aptitude, and the other (3) for the ability to precisely master word-perfect speaking and virtuosity. This particular subject is well elucidated in § 85 (see pages 471-475).

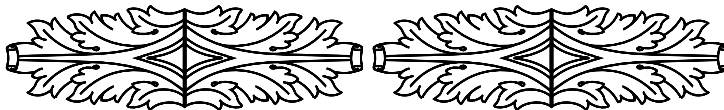
In due course, some minor portions in different essays are recapitulated, leaving the editorial collegium no choice to avoid this method of several attempts of "dress rehearsals". However, Thomas Aquinas' platitude comes to us proficiently to remind everyone that "Repeticio est mater studiorum". Such recapitulation has its own deductive purposes.

To understand the essence and the difference between classical Russian, literary Russian, current Russian and contemporary Russian literary language altogether has generated a unique vortex of perplexity to such a considerable degree that entirely unabridged chapters by the giants in lexicography had to be integrated into compositional oeuvres, essays and discourses to alleviate the the process of comprehension as transparent as possible. The end result of this predicament is to approach the reader of the *Great Academic Dictionary* closer to Russian literature. Hence, the *Great Academic Dictionary* justifies the dutifully respectful title of being the genuinely attested envoy to the norms and usages of classical and current Russian language.

TDK EDITORIAL COLLEGIUM OF **THE HISTORY OF THE GAD**
WOULD LIKE TO EXPRESS OUR DEEPEST GRATITUDE TO
LYUDMILA EVGENEVNA KRUGLIKOVA, DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES,
LEADING SCIENTIFIC RESEARCH WORKER AT THE DICTIONARY DEPARTMENT OF
THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FOR HER IMMENSE GUIDANCE AND HIGHEST PROFESSIONALISM.

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The *Monograph* generously reflects most related subjects, dealing with the lexicographical questions in theory and practice. There are sufficient amounts of information regarding the dictionary making art, the place where the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* is made, and the people who have laboured very strenuously for many decades to compile, edit and re-edit the *Dictionary* for us as a lexicographical symbol to be unified under one nation and one language, amplifying all of our love towards our Mother Russia and our sacred Russian language.

It would be very erroneous and delusional to consider this *Monograph* either complete or finished. It is far from being a perfect manual yet it serves its true purpose for the cause. However, the second edition will be systematized, edited and mastered in a better and suitable scheme than this present prototype if unconditional support will be provided by the professionals from the *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*.

Based on many suggestions from Alexander Gerd, the editor-in-chief of the *Great Academic Dictionary*, and *Oxford University* colleagues this *Monograph* shall reflect the principal questions regarding Russian academic lexicography and its indispensable value as a scientific project, functional and constructive manual for the reader and the student of philological studies, especially, keeping in mind the obscure fact, that this particular subject matter has been very vaguely and incompletely ill-presented to the professionals and students of the West.

As a result, the system of delivering the message must have been modified from the norm, in order to incorporate the following *four aspects* in the dictionary making art for elucidating the reader about the immense achievements of Russian academic lexicography, and especially Soviet lexicography which still stands very resolutely on its firm plinth as the foundation for today's and tomorrow's lexicography whether in Russia or elsewhere in the world:

- the analysis of the *general philology*: Russian linguistics, study of Russian literature, literary criticism and textology within the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*;
- *historism*: (not to be confused with historicism) philosophical and historiographical theory; man, his binding to tradition, and the awareness of human's affection by their past, documented in lexicography, e. g. the history of Russian academic lexicography and Russian words;
- *semantism*, the study of meaning; the "synergic" picture of semantic (polysemantic) definition of lexical values within descriptive (and sometimes prescriptive) definition of presented systemology. Semantics is the subfield that is devoted to the study of meaning, as inherent at the levels of Russian words, phrases, sentences, and larger units of discourse (referred to as *texts*). The basic area of the study is the meaning of signification, and the study of the relation between different linguistic units and compounds: homonymy, synonymy, antonymy, hypernymy, hyponymy, meronymy, metonymy, holonymy, paronymy. The focal concern is how meaning attaches itself to larger portions of text, possibly as a result of the composition from smaller units of meaning. Traditionally, semantics has included the study of sense and denotative reference, truth conditions, argument structure, thematic roles, discourse analysis, and

the linkage of all of these to syntax.; and

- pure *lexicographism* as it has been developed by the same governing body, now the *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*. Developing *contemporary Russian literary language* through normative, historical and other types of dictionaries by passionately selecting quotations from Russian literature for correct usage and its functionality as the motivation and the essence of St. Petersburg academic lexicography. Based on Professor Alexander Gerd, lexicographism is contingent upon several predicaments:

- «1. *взаимопроникновение методов различных наук и совершенствование методов традиционных школ и направлений*;
2. *постоянное возникновение новых научных направлений*;
3. *интеграция отдельных отраслей знания и дальнейшая все углубляющаяся дифференциация внутри различных наук, рост их полиаспектности*;
4. *коллективный характер научного творчества, рост комплексно решаемых тем, проблем*;
5. *интеграция вузовской науки и науки академической, отраслевой*;
6. *появление межотраслевых, межведомственных коллективов*;
7. *практическое внедрение результатов научных разработок*;
8. *постоянное совершенствование системы организации и управления наукой, автоматизация всего исследовательского процесса*»¹.

The *Monograph* is written in a classical style of mindset or in an old philological spirit to counterpart the modus operandi of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*. The *Prolegomenon* is a brief and reflective version of the *Monograph* itself. However, the *Prolegomenon* and the *Monograph* do not absolutely compliment each other in every respect, even though they both exemplify identical rendition of similar subject matter in different proportions and emphases. Nevertheless, they could be surveyed and considered as independent components at the same time.

Each chapter in the *Prolegomenon* is a reference and a link to the *Terminal Objectives* in the body of the *Monograph* where the same topic is discussed in a completely different light either by the author or other famous academic figures, portraying Russian academic lexicography through *Golden Essays*, unveiling numerous cardinal theoretical cases, later to become maxims in the science of global lexicography.

Consequently, each chapter is an independent essay or lecture. The entire book is an indispensable reserve which can be also utilized as a majorly invaluable source in the role of significantly accumulated and meaningfully edited material for future projects in further studies in lexicography and linguistics for those who propose it as an initial topic for their dissertation in lexicography and linguistics in pursuit of one's advancement in academism (see appendix 1, "To the student-researcher" on page 495).

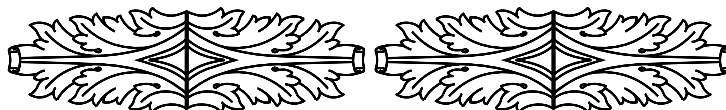
The *History of the Great Academic Dictionary* is not compiled based on a new idea. It took seven years (1794–1801) for Professor A.L. Schlözer from Georg-August-Universität, Göttingen to finish his *Review* on *Словарь*

¹ А.С. Герд, Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) Университета // Русская историческая лексикология и лексикография, № 7, Санкт-Петербург, 2007. С. 3-24.

THE HONOURABLE LYUDMILA ALEKSEEVNA VERBITSKAYA
SOVIET AND RUSSIAN SCIENTIST IN LINGUISTICS
THE FIRST PRESIDENT OF SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY (2008)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF KREMLIN.RU)

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Академии Российской (тт. I–VI, Санкт-Петербург, 1789–1794) which was sent to him by Catherine Dashkova in 1794. Ironically, Professor Schlözer wanted to do the same, to write a brief history on the *Russian Academy, Academic Lexicography* and the *Словарь Академии Российской* which had never happened. Coincidentally, that wish has been fulfilled presently, ever since the initial work was commenced on this *Monograph* six years ago, in 2006 (ММК, ИБАС: 33).

Once again, “*The History of the Great Academic Dictionary* is compiled purposely to serve as a *Companion Volume* or as a *Grand Introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language*. In another words, the *Great Academic Dictionary* is a monumental oeuvre, supported by a temporary pedestal, the *History of the Great Academic Dictionary*, for the time being until its permanent version is finalized by utilizing the material herewithin.

The traditional style and structure of a monograph is not what has been maintained or chosen in this instance. This *Monograph* is purposely structured as a draft presentation to an applied dissertation to serve as an example for students in advanced studies.

All the material used for comparison purposes traces back to Academician Jacob Carlovich Grot’s *Dictionary of the Russian Language, Volume I, A–D, St. Petersburg, 1893*. As a result, the existence of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* is emphatically credited to this particular and unfinished academic normative dictionary, formatted and edited by Jacob Grot¹, and *Словарь Современного Русского Литературного Языка*. Grot’s *Dictionary* had become the beacon to Russian normative lexicography and the initial reasoning behind this *Monograph* to come into existence.

The dictionary is not just a book about words. Words are symbols of graphemes, structured with the aid of powerful capabilities of the alphabet. Therefore, the text of this *Monograph* takes into consideration the state of the Russian alphabet. In fact, the entire work is somewhat of a system, coinciding with an epigram “*От азбуки до словаря*”.

The originally compiled amass of material regarding Russian lexicography was arranged to represent the subject from Cyril and Methodius’ cyrillic alphabet to Peter the Great’s orthographical reform to the establishment of the Russian Academy in 1783 by Catherine the Great and Catherine Dashkova; from the Russian Academy’s *Dictionary of the Russian Academy* to Academician Grot’s *Dictionary of the Russian Language* leading to the postulation and realization of the *Great Academic Dictionary* and its newest edition which has been in the production process since 2004.

In this respect, the proposed outline was going to discuss the following periods in Russian lexicography:

- 1) from the XI century to 1710 (*Кириллица – Гражданница*);
- 2) from 1710 to 1783 (*Петровская реформа – САР*);
- 3) from 1783 to 1895 (*САР – Словарь русского языка Я.К. Грота*);
- 4) from 1895 to 1940 (*Словарь русского языка Я.К. Грота – БАС1*);
- 5) from 1940 to the present day (*БАС1 – Новый БАС*).

However, due to the extremely intense magnitude of this project with very little help, the realized plan had to be shelved in order to apply a rational approach to it, waiting to be condensed and re-planned in a different method for complimenting the subject matter properly. The material was extremely large, requiring the drudgery to be sectioned into a multi-volume set. The cost for the production would not be feasible. To facilitate the plan for the book and find a solution for this dilemma, by turning it into a more reasonable version, the editorial collegium made a firm decision to start the project from 1895, from the first normative dictionary to the latest, *Great Academic Dictionary of the Russian Language* in its new edition. This resolution would give more logical time frame and space, intended for the actual work to be prepared and printed sensibly.

Even the present *History of the Great Academic Dictionary* (from 1895 to the new GAD) is still an immensely devised work in its size, material coverage and numerous illustrations pasted throughout the entire *Monograph*. This would make the printing process almost impossible! The only solution suggested to us by the *Oxford University Press* was to reduce the text of the *History of the Great Academic Dictionary* micrographically to have the chance to represent our opus in a comfortably desirable single volumed book, furnished with a similar magnifying reading lens which is exclusively designed for the deluxe edition of *The Compact Oxford English Dictionary*, containing the entire 20 volumes of the second edition of the OED in a single book. Without employing this method of production, the *History of the Great Academic Dictionary* would have become another *white elephant*” (ММК, ИБАС).

To expedite the utilization of the book, the editorial team decided to furnish the book with iBooks version for iPad, containing the extended variant of the *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* and USB micro-flash drive to provide the reader with an option to print-out any desired portion of the *Monograph* for further study.

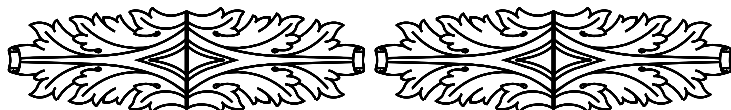
The *history of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* cannot be supported by itself only. Even though it is a new dictionary, written on new principles, however, it must have originated from somewhere. All these questions will be answered throughout the entire *Monograph* which has acquired an identity of a *manual* or a *textbook* designed for native or non-native students of philological studies, and for all who are interested in lexicography and the Russian language.

The *History of the Great Academic Dictionary* is written and prepared for **one** purpose in mind – to elucidate the reader on theoretical and practical questions, concerning the several disciplines, unifying and consolidating the lexicographical science into a single book along with essentially systematic and canonic writings of the Soviet lexicographic giants in this field, since the *Preface to the Great Academic Dictionary of the Russian Language* (*Большой академический словарь русского языка. Том 1. Санкт-Петербург. 2004.*) appears to

¹ Jacob Carlovich Grot (Яков Карлович Грот) (1812–1893), was a XIX century Russian philologist of Swedish extraction who worked at the University of Helsinki. Grot was a graduate of the Tsarskoye Selo Lyceum. In his lifetime he gained fame for his translations of German and Scandinavian poetry, his work on the theory of Russian orthography, lexicography, and grammar, and his approach to literary editing and criticism, exemplified in a full edition of the works of Derzhavin (1864–1883). His *Russkoye Pravopisaniye* (1878, 1885) (*Русское правописание, Russian orthography*) became the standard textbook of Russian spelling and punctuation until superseded by the decrees of 1917–1918, although his definition of the theoretical foundations remains little changed to this day. Shortly before his death, he assumed the compilation of the *Academic dictionary of Russian* (1891–1923), which, although continued by Aleksey Shakhmatov, was never to be completed. He was a member of the Russian Academy of Sciences from 1858, its chairman from 1884, and its vice-president from 1889. He was appointed Russian-language tutor to the future tsars Alexander II and Alexander III. His spelling primers “reduced words to historical hieroglyphs of a kind, mismatched with the living spoken language of most Russians”; later linguists like Baudouin de Courtenay and Filipp Fortunatov promoted reforms that would make spelling a better reflection of the spoken language.

ALEXANDER SERGEEVICH PUSHKIN (1799-1837)
THE GREATEST RUSSIAN POET
FOUNDER OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1833)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

be overly and equivocally concise.

The inverted or “contrapuntal” purpose of the *Monograph* is to review the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* from the historical and theoretical point of view by discussing its scientific and philological impact on the Russian language and its usage, the pure motivations of a normative dictionary in its active capacity.

The authors perspicuously take into consideration the fact that any omissions and misinterpretations are directly related to the history of Russian Lexicography which still remains as an underdeveloped chapter in history.

Meanwhile, it is essential to note that major epochs of historical developments through which Russian lexicography has been shifted forward have found their irreplaceable venue throughout the text of the *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

Alexandre Pouchkine (1799-1837)

Eugène Onéguine, *La Lettre De Tatiana*

«Je vous écris ; voilà c'est tout.
Et je n'ai plus rien à vous dire.
Maintenant, je sais, vous pouvez
Me mépriser pour me punir.
Mais vous aurez pour mon malheur
Juste un petit peu de pitié.
Vous ne m'abandonnerez pas.
Au début, je voulais me taire.
Croyez-moi : vous n'auriez jamais
Rien su de ce qui fait ma honte,
Si j'avais pu avoir l'espoir
De vous voir dans notre village
Peut-être une fois par semaine,
Juste d'entendre votre voix,
De vous dire un mot, pour, ensuite,
Jour et nuit penser et penser,
Jusqu'à ce que vous reveniez.
Oui, mais non vous dit misanthrope.
Notre campagne vous ennuie.
Ce que nous offrons est bien peu.
Mais nous vous l'offrons de bon cœur.
Il a fallu que vous veniez.
Perdue au fond de mon village,
J'aurais pu ne pas vous connaître,
Le trouble de mon cœur naïf
Aurait passé avec le temps
(Qui sait ?) et j'aurais rencontré
Un compagnon ; j'aurais été
Fidèle épouse et bonne mère.

Un autre ! Non personne au monde.

Mon cœur n'était pas fait pour eux.

Le ciel en avait décidé ;

Il l'a voulu : je suis à toi.

Toute ma vie fut la promesse

De cette rencontre avec toi.

C'est Dieu qui t'envoie, je le sais

Pour me garder jusqu'à la mort...

Tu apparaissais dans mes rêves ;

Sans te voir je te chérissais

Ton regard me faisait languir,

Ta voix résonnait dans mon âme

Depuis toujours... En vérité

Je t'ai reconnu tout de suite.

Ce fut pour moi un froid, un feu,

Et dans mon cœur, j'ai dit : c'est lui!

Je t'entendais dans le silence,

Quand j'allais secourir les pauvres

Ou quand la prière apaisait

L'angoisse de mon âme en peine.

Et maintenant, à l'instant même,

C'est toi qui viens de te glisser,

Chère vision, dans la pénombre,

De te pencher à mon chevet,

De me dire des mots d'espoir,

Ces mots d'amour qui me consolent.

Qui es-tu ? Mon ange gardien?

Ou le perfide Tentateur?

Je doute. Viens me rassurer.

Tout cela, serait-ce un mirage?

Mon âme naïve se trompe!

Et l'avenir sera tout autre...

Eh bien ! J'y consens ! A jamais

Je te confie ma destinée.

Je suis là, devant toi, je pleure.

Protège moi, je t'en supplie.

Songe que je suis seule ici,

Que personne ne me comprend.

Songe que ma raison s'égare,

Que je vais mourir sans rien dire.

Je t'attends, que, d'un seul regard,

Tu rendes l'espoir à mon cœur,

Ou qu'un reproche mérité,

Hélas ! mette fin à mon rêve.

J'achève. J'ai peur de relire...

Je frémis de peur et de honte...

Mais je compte sur votre honneur.

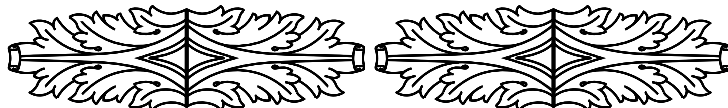
Hardiment, je me fie en lui»¹.

(1823-1831)

¹ Alexandre Pouchkine, *Eugène Onéguine*, 1823-1831 traducteur: Jean-Louis Backès, Paris: Folio Classique, 1996.

ACADEMICIAN JACOB CARLOVICH GROT (1812-1893)
THE FOUNDER OF RUSSIAN NORMATIVE LEXICOGRAPHY
(ARTWORK COURTESY OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES)

ACKNOWLEDGEMENT

"All books are made of other books".

– Voltaire (1694–1778).

I am deeply indebted to our art director, Crystal Angsten van Rider, Professor Alexander Gerd¹, Doctor Lyudmila Kruglikova and the entire editorial staff of the *Great Academic Dictionary* at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences for being my guide throughout the whole period of ecstatic literary excitement whilst I was preparing this *Monograph*. I would like to express my deepest gratitude for their assistance and the precious time they generously spent on this project as a dedication to *Our* professionalism for understanding the human mind and delivering my message in a rather invigorating way.

"At times our own light goes out and is rekindled by a spark from another person. Each of us has cause to think with deep gratitude of those who have lighted the flame within us".

– Albert Schweitzer (1875–1965).

I highly admire professor Lynda Mugglestone from Pembroke College at the University of Oxford, UK for being my remote mentor. Words are not enough to express my gratitude to the members of *Team Doctor Karamian (TDK)*, especially my right arm, Stanislav Golovan, M.D., Ph.D. and Anthony Bashford, Esq., who have never spared a moment to dedicate their time and devotion for proofreading and systematizing my entire literary heritage reserved for this and other similar literary achievements.

To my lifetime muse and true inspiration, Joseph Rosenthal, M.D., Ph.D. whose immense guidance academically has been unmatched for the last two and a half decades. I thank him for professing me both in theoretical and the practical fields of my philological studies and medical career as well, making me truly to understand the meaning and the reasoning of *time and space*; or the efforts of mastering genuine methods for developing my professionalism in the *School of Fluency* in Russian and English philology; and for professing etymologic academic studies in Greek and Latin. Many thanks to Joseph Rosenthal (1923–2012) for reading the *History of the Great Academic Dictionary* from *ἀλφα* to *ωμέγα*, applying and following the strictly set instructional principles of "*Los Estudios Filológicos Por La Causa*"² to this opus. His absence amongst us will never be forgotten!

All the above mentioned people not only have served for the ideal of my mastering technique in general, which has determined the character of this very *Monograph* on Russian academic lexicography and the philosophical aspect of it, regardless the shortness of time and tightness of space intended for this particular work, but they also provided many valuable suggestions, criticism, stimulating guidance and endless encouragement without which it would not have been possible to finish our *History of the Great Academic Dictionary*.

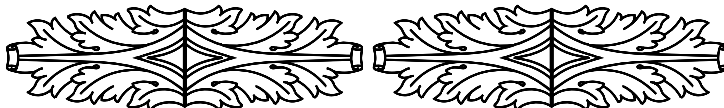
Finally, I would like to thank the Soviet Nation for my glorious education, my lifetime companion and my selfless pride for my scientific achievements without which I would be *nothing*. Above all, I will never forget the Russian people who, with open arms welcomed me as one of them, incarnating me with Russian soul, pouring Russian culture, language, literature and the love of books upon me which will remain with me as an unconditional relationship for the rest of my life.

It was a serendipitous encounter for me to have the opportunity to write about the *Great Academic Dictionary*, my beloved Russian language, and have my essays incorporated within this *Monograph* along with the essays, segments of treatises and of the following distinguished scientists and honourable professionals:

- Юрий Сергеевич Осипов;
- Николай Николаевич Казанский;
- Александр Сергеевич Герд;
- Эдуард Багратович Агаян;
- Юрий Дереникович Апресян;
- Нина Давидовна Арутюнова;
- Рачия Акопович Ачарян;
- Аристотель;
- Асмик Антонович Асмангулян;
- Степан Григорьевич Бархударов;
- Эжени Буберон;
- Виктор Владимирович Виноградов;
- Григорий Осипович Винокур;
- Франсуа-Мари Аруэ Вольтер;
- Галина Петровна Галаванова;
- Филип Бэбок Гоув;
- Кирилл Сергеевич Горбачевич;
- Якоб Людвиг Карл Гримм;
- Зинаида Михайловна Губина;
- Агния Васильевна Десницкая;
- Самюэль Джонсон;
- Дени Дидро;
- Морис Самюэль Дрюон;
- Елена Андреевна Земская;
- Николай Николаевич Казанский;
- Юпий Николаевич Караулов;
- Людмила Юрьевна Касьянова;
- Ирина Ильинична Ковтунова;
- Татьяна Алексеевна Корованенко;
- Людмила Евгеньевна Кругликова;
- Леонид Петрович Крысин;
- Владимир Ильич Ленин;
- Эмиль Литтре;
- Степан Саркисович Малхасянц;
- Аршадуйс Егшишеевна Маргарян;
- Джеймс Огастес Генри Марри;
- Мариам Иравапарович Оганесян;
- Чарльз Тальбут Опионс;
- Лазарь Борисович Перльмуттер;

¹ Proper noun Gerd is a direct transliteration from Russian. The name Gerd is the same name as Heard in English, clearly showing the genealogy of Gerd, tracing the family name back to England and English roots.

² Los Estudios Filológicos Por La Causa was established by Joseph Rosenthal in Los Angeles, USA and Acapulco, Mexico in the year of 1960 which was re-named TDK as of 1992.

- Владимир Владимирович Путин;
- Самюэль Росс;
- Жан-Жак Руссо;
- Мхитар Севастийский;
- Генри Сиджвик;
- Галина Николаевна Складневская;
- Николай Васильевич Соловьев;
- Юрий Сергеевич Сорокин;
- Федор Павлович Сороколетов;
- Рафаэль Гусман Тирадо;
- Ноа Уэбстер;
- Федот Петрович Филиц;
- Лев Владимирович Щерба et al.

"Appreciation is a wonderful thing. It makes what is excellent in others belong to us as well."

– Voltaire (1694–1778)

Thank you again to all, especially my beloved and devoted disciple of architecture from SCAD¹, Kevin Likins, M.Arch., for his revitalizing power of my insight on *Think Different* and listening to the the phonemes of the sound of Universe, YahWeb² (From Hebrew יְהוָה) in a completely different light.

I express my sincere gratitude to all, especially **Crystal Angsten-Van Rider**, my art director and designer of this book, and all who were granted with my generosity the opportunity to look at themselves through this monograph, *the History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language*, the mirror of my soul.

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути к счастью и могуществу будущего».

– В. И. Ленин (1870–1924)

Ветхий Завет. Соломон Мудрый, Притчи 1:2-4. Иерусалим, 717 д.н.э.

Чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума; усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты; простым дать смысленность, юноше–знание и рассудительность.

✦✦✦

За да се познае мъдрост и поука, за да се разбере изреченията на разума; за да се усвоят правилата на благоразумие, правосъдие, съд и правота; за да даде на прости разумност, на юноша - знание и разсъдливост.

✦✦✦

For one to know wisdom and discipline, to discern the sayings of understanding, to receive the discipline that gives insight, righteousness and judgment and uprightness, to give to the inexperienced ones shrewdness, to a young man knowledge and thinking ability.

✦✦✦

Pour connaître la sagesse et l'instruction, Pour comprendre les paroles de l'intelligence; Pour recevoir des leçons de bon sens, De justice, d'équité et de droiture; Pour donner aux simples du discernement, Au jeune homme de la connaissance et de la réflexion.

✦✦✦

Zu lernen Weisheit und Zucht, Verstand; Klugheit, Gerechtigkeit, Recht und Schlecht; daß die Unverständigen klug und die Jünglinge vernünftig und vorsichtig werden.

✦✦✦

Ad sciendam sapientiam et disciplinam, ad intelligenda verba prudentiae et suscipiendam eruditionem doctrinae iustitiam et iudicium et aequitatem ut detur parvulis astutia adulescenti scientia et intellectus.

✦✦✦

Γνωσις σοφίας και παιδείας νοήσαι τε λόγων φροντιστάς δέεσθαι τε στροφάς λόγων νοήσαι τε δικαιοσύνην αληθή και κερία κατευθυνειν; ινα διο ακακοις πανουσίαν παιδι δε νεω αισθησιν τε και εννοιν.

✦✦✦

Հանաչի իմաստութիւնն ու խաղաղ, իմաստ Հանձարի խաղերը, ընկալի խաղի բարդ դարձուածքները, Հանգանակ եղանակի արդարութիւնը և ուղղի իրաւունքը՝ պարզամտութիւն խորագիտութիւն և երիտասարդների փոքր ու հանձար տալու համար:

EXORDIUM

«Հանաչի զիմաստութիւն և զխաղաղ, իմաստ գրանալ լանձարը...»

– Մարտիկ Մաշտոց (361–440)

... и все что люди знают, а не просто восприняли слухом как шум, может быть высказано в трех словах.

– Фердинанд Кюрнбергер (1821–1879)

«Объяснительный словарь есть дело лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключил в своей природе к тому преимущественные, особенные способности, носил бы в себе самом внутренне ухо, слышащее гармонию языка. Явления таких лингвистов всегда и повсюду бывали редки».

– Н. В. Гоголь (1809–1852)

This Monograph, like many others, “began with a chance discovery”³. In the year 2006 my colleagues⁴ sent me a package which contained a note in it asking for my immediate attention and profound observation to review the book they had sent to me. The package contained three copies of volume 4 of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (hereafter GAD3) or Большой академический словарь русского языка, Новый БАС или БАС3.

The reason for my being chosen for completing this occupational persecution as a task and undertaking this responsibility of fulfilling such an assignment still remains under the question mark! A linguist may have made lexicography as his profession, but I was born with a dictionary in my hand. I have spent collectively at least more than 60 years in different studies of practical and theoretical aspects of Armenian, Russian, Bulgarian, English, Greek and Latin languages; perhaps considerably longer than some genuine philologists who claim a resolute ownership of lexicography.

Great dictionaries are reserved for great men! Finding the usefulness and uselessness of a dictionary is a complex and perplexed academic phenomenon which comes naturally into the light before anyone else would think about it. This is the main reason why my editorial collegium chose my directly sincere involvement and collaboration to complete this exhaustingly uneasy task of evaluating *the Great Academic Dictionary*.

Volumes 1 through 5 (letters A–Д inclusive) of the GAD have been thoroughly read and rigorously analyzed. I kept a copy of volume 4 in three different locations. Recently those three copies of volume 4 ended their journey under one roof in Savannah, Georgia USA where I reside and work with graduate students from several universities by guiding or opposing dissertational proposals; and write or finally edit lectures for master classes on various subjects.

The Great Academic Dictionary of the Russian Language was the best news ever from Russian since December 25, 1991. *The Institute for Linguistic Studies* of the Russian Academy of Sciences is the principle scientific-research school for planning, compiling, writing, editing and publishing one of many dictionary projects in Russia ever since Her Imperial

¹ SCAD: Savannah College of Art and Design, Savannah, Atlanta, Lacoste, Hong Kong.

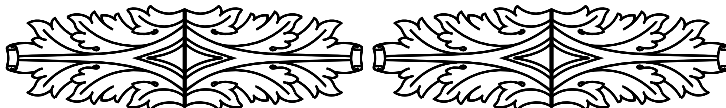
² The sound of systolic and diastolic cardiac contraction, the essence of life.

³ The author expresses his gratitude to Professor Alexander Heard³ for his immense guidance and Doctor Lyudmila Kruglikova et al. from the Department of Dictionaries at the Institute for Linguistic Studies of the RAS for corrections, suggestions and supplements.

⁴ Some sources indicate a different spelling as a result of direct transliteration from the Russian language: Alexander Gerd (http://de.wikipedia.org/wiki/Benutzer:Capitali/Alexandr_Gerd)

⁵ Lynda Muggleston, Lost for Words, The Hidden Story of the Oxford English Dictionary, Preface, page XI, Yale University Press, New Haven & London, 2005.

⁶ Real-Reread Comprehension Research Project USA, lead by previous members of Los Estudios Filológicos Por La Causa, Los Angeles, USA and Acapulco, Mexico.

Majesty, Catherine the Great decreed the establishment of the *Russian Academy* for the purpose of making the *Russian Dictionary*, «Словарь Академии Российской, тт. I–VI, Санкт-Петербург, 1789–1794: первый толковый словарь русского языка, содержащий 43 357 слов в 6 частях. Работа над словарём началась в 1783 году и заняла 11 лет. Словарь содержал элементы этимологического словаря: слова располагались по общему корню, образуя разветвленные смысловые гнезда. Пользуясь словарём, можно было определить, откуда произошло слово; кроме того, издание включало множество новых слов в русском языке, в частности введенные М.В. Ломоносовым в науку термины»[SG]¹.

This was just the beginning of a long and fascinating story of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

In the light of the XXI century scientific lexicographical conception (i.e. types of lexicographical data about words and its strategy of presentation within the structure of dictionary entries), analyzed and discussed in the *Monograph* altogether justifies and determines the facade of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*. Lexicographical conception itself, in a considerable degree, is determined by the condition of the lexicographical notion in the corresponding epoch. Currently, the distinguishing factor of this phenomenon is that lexicography itself has began playing a significant role in contemporary life and the dazzling Russian culture.

In its wide spectrum of sense, the amalgamating effect of synthesis in *philology* and *culture* is the distinguishing and differentiating characteristic of contemporary lexicography, the essence of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

A significantly massive and immense proportion of any civilized nation's culture is mainly realized, recognized and comprehended through its language. First and foremost, the Russian language, in its entire substance of wealth and superiority, is predominantly documented, registered and archived in its numerous diverse dictionaries.

Очень понятно, что Большой академический словарь русского языка организован и написан по другому – в старом филологическом духе. Этот словарь должен отразить то, что происходило в нашей жизни и литературе в XIX–XXI вв. Советский период невозможно вычеркнуть из истории России и российской лексикографии. Менталитет нашего народа находил свое крепкое место в нашей литературе и академической лексикографии XX века. Современный русский литературный язык является государственным языком Российской Федерации (Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ "О государственном языке Российской Федерации"). Принят Государственной Думой 20 мая 2005 года. Одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года) [Станислав А. Головань].

Разумеется, что «любой словарь есть важный инструмент для выражения национальной гордости и укоренения патриотизма»².

Ultimately, the opus on the *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* would be insufficient and indeterminate if other major lexicographical toils, such as *Das Deutsche Wörterbuch* von Jacob und Wilhelm Grimm, le *Dictionnaire de l'Académie française*, le *Dictionnaire de la langue française* de Émile Maximilien Paul Littré, Noah

Webster's *Third New International Dictionary of the English Language*, Samuel Johnson's *Dictionary of the English Language* and Dr. James Murray's *The Oxford English Dictionary* would not be juxtaposed against the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* as a comparatively justifying instrument. There was a firm decision made by Dr. Cross to include the entire prefaces to major dictionaries into the HGAD, where the reader will find more information sincerely related to the lexicon.

Furthermore, the *History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language* will reveal some captivating lexicographical facts and conceptions of theoretical and practical aspects of the GAD based on philological (not ideological³) changes; and interests mostly related to its two previously published consecutive editions, commenced from Jacob Grot's *Dictionary of the Russian Language*, БАСИ, its second edition, and the currently prepared, new, the third edition: *Большой академический словарь русского языка*.

The History of the Great Academic Dictionary is written and edited based on veritable facts only. As a review to the *Great Academic Dictionary*, the *Monograph* not only proportionally focuses on the *Great Academic Dictionary* and its theoretical and practical essence, but it also demonstrates itself to be an example of a seriously written mock dissertation proposal for students (See Appendix 1, p. 495).

Besides the main subject matter, there are several controversial and provocative issues presented within this *Monograph* for which the author of this project is to be criticized and blamed for. The reader of this *Monograph* will feel big or small, significant or insignificant, intelligent or ignorant (see the III paragraph to the **Foreword** by Jack L. Cross on page 11). In another words, there is absolutely no middle ground left for the reader, leaving no room to swing a cat by the tail. That is all up to the reader's prerogative.

According to Lyudmila Kruglikova, if the reader of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* is confused about the GAD and what it is all about, please exit the Dictionary: «То, что находится за этими пределами, отражается в других лексикографических справочниках» (Kruglikova, HGAD:45). A similar *modus operandi* is applied to this very *Monograph* by suggesting the reader to exit this book gracefully, passing by and be better off for not having his or her *intellectual bones crushed!*

When it comes to criticism, everything is seen completely in a different light. All kinds of criticism, regardless of its positive or negative nature, is the most powerful tool for publicity. Above all, there is no such thing as bad publicity or *succès de scandale*.

Conclusively, by summing up the achievements of Russian academic lexicography in the XX century, it is very obvious that studies in lexicography and science about the language is always in constant development. Therefore, plenty of extra material is consciously included within *Terminal Objectives* which have already become a solid rock foundation of accomplishments in Soviet Russian academic lexicography by the *Institute for Linguistic Studies* and its predecessors.

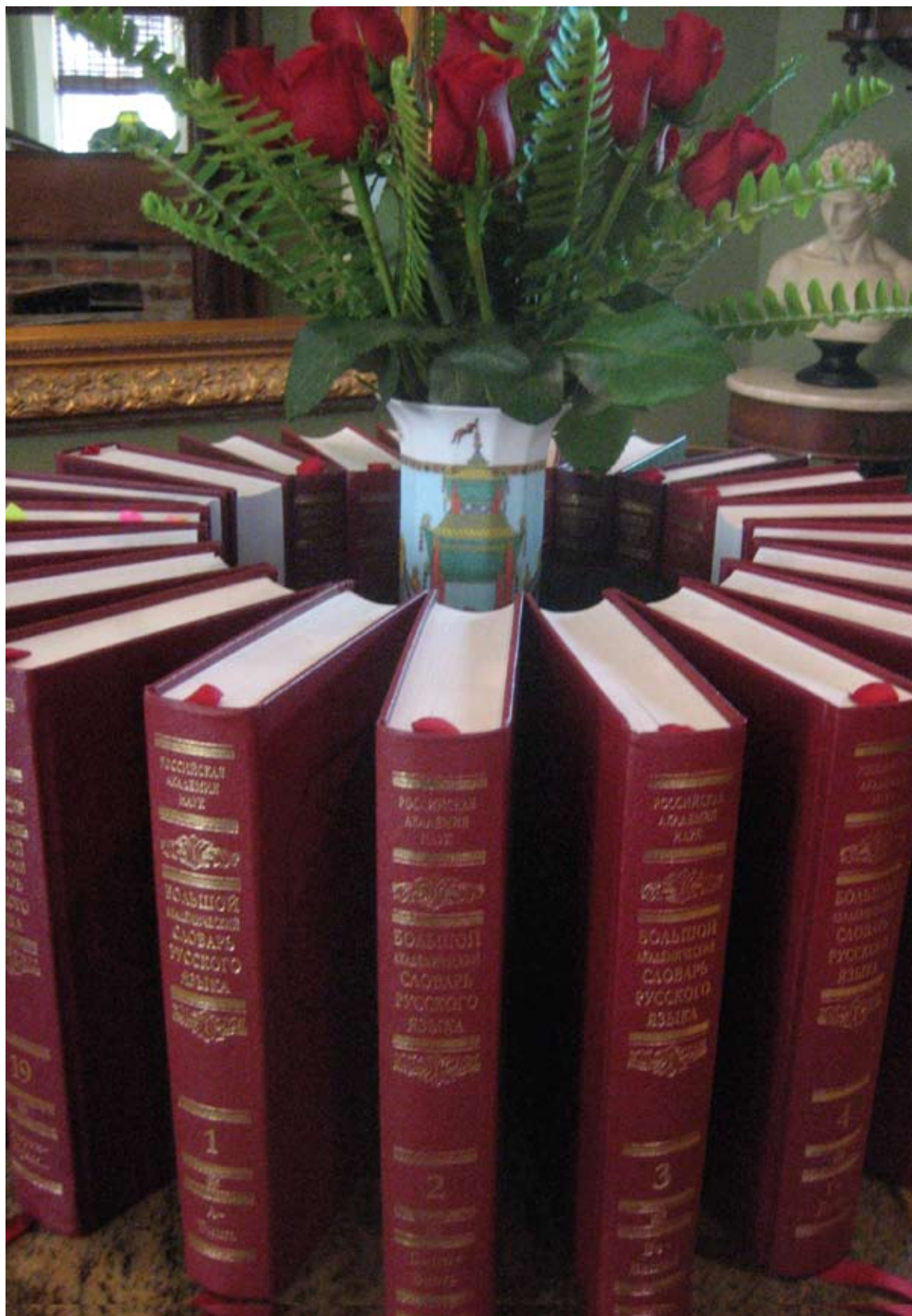
¹ Ed. by Stanislav Golovan.

² М. Карамян, И. Ризенталь. Англолиз, с. 1317. Акапулко: **Σίγμα**, 2006 (издание на английском языке).

³ This subject is thoroughly covered by Peter A. Druzhinin, Ph.D. in his latest monumental toil, "Ideology and Philology" (volumes 1-2, text in Russian. Publication ISBN: 978-5-86793-982-3 (v. 1), 978-5-86793-983-0 (v. 2). <<http://www.amazon.com/gp/product/5867939820>>, <<http://www.ozon.ru/context/detail/id/18296727/>>.

The entire material within these two volumes of *101* are based on numerous facts and information wherever published, previously unknown sources or classified cases, the author concludes the work. In another words the *101* books and *101* website are "an Educational Material" on Soviet science, which both helped to educate and to enlighten the history of Soviet science and children. The

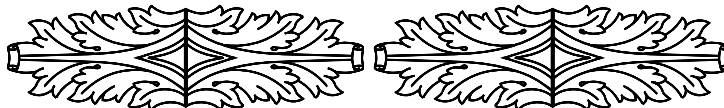
ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

CYRILL (827–869) AND METHIDIUS (815–885)
 (ARTWORK COURTESY OF TROYAN MONASTERY, BULGARIA)

PROLEGOMENON

"The Russian academic normative language dictionary, a work which will be erected higher upon, enlarged, supplemented, elaborated, justified, finished, ended but never complete. Lexicography is a purely scientific project where miracles simply do not happen in either theoretical or practical aspects. It is a result of a laboriously collective effort of devotees in philological studies".

—Joseph Rosenthal.

«Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,-
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!»¹.

—Анна Андреевна Ахматова (1889–1866).

It is an irrefutable fact, that *"explanatory dictionaries are intended for satisfying every educated person"*². However, *"the nucleus of Russian lexicography and its fundamentals have always been Russian explanatory dictionaries which are multipurpose references on semantics, stylistics, grammar, phraseology, orthography, and in some cases, also pronunciation"*³.

The history of generating classic academic definitive or explanatory dictionaries of the Russian language has been inseparably linked to a city on the banks of the river Neva, St. Petersburg. Here, in 1783 a prominent reformer and *visioneer* of her time, Her Imperial Majesty, Catherine the Great discussed with Princess Dashkova the establishment of the *Russian Academy* to serve as a centre for gathering writers, scholars, social figures and the literati strata whose central task was going to be the question of formulating Russian grammar, cleansing the Russian language, studying liberal arts, establishing rules of poetry, determining rhyming formulas, and **mainly** producing the *Russian Dictionary*. This was Catherine the Great's sincere dream who herself wrote many articles for the dictionary.

The *Russian Academy* was founded and located here, in St. Petersburg to house the *Department of Russian Language* [Literature and Philology] in 1783. It was here that the first female president of the *Russian Academy*, Princess Dashkova by appointment to Catherine the Great, started her academic career. During the very first conference of the *Russian Academy* on October 21st she read the *Imperial Declaration and the Constitution of the Russian Academy* along with one of the most important and urgent points on the agenda of making the *Russian Dictionary* based on the *Theory of Three Styles* by

Mikhail Lomonosov. Catherine Dashkova became the head of *both Academies: the Russian Academy and Petersburg Academy of Sciences*. She is still considered the first and last female president of an academy in the entire world.

Some 58 years later on October 19th of 1841, 31 years after Princess Dashkova's death, the *Russian Academy* was annexed with the *Imperial Academy of Sciences* [founded and established by Peter the Great in 1724] as the *Second Branch to the Imperial Academy, Department of the Russian Language and Literature*. The *Second Branch* was a name, given to the *Department of the Russian Language and Literature* to distinguish it from the *First Branch, the Department of Mathematical and Physical Sciences*; and the *Third Branch, the Department of Historical and Philological Sciences*.

To this present day, the *Department of Dictionaries* stands proudly as an independent subdivision of the *Institute for Linguistic Studies* under the auspices of the *Russian Academy of Sciences*, formerly known as the *Academy of Sciences of the USSR*, and in the beginning - as the *Russian Academy* which was established to resemble the genuine function and the purpose of *l'Académie française*.

The *Institute for Linguistic Studies* was [re]established as of 1991 (previously known as the *Leningrad Branch of the Institute for Lexicology, the Academy of Sciences of the USSR*) under the auspices of the *Russian Academy of Sciences*⁴. At this location the largest corpus of the card index system of the Russian language, as the monumental achievement of a national significance, is still being catalogued, enlarged and digitalized.

It is not forgotten when a great Russian writer, Ivan Turgenev (1818–1883) said the following: *"In times of doubtfulness, in times of distressful reverie about the fate of my fatherland, You are the only support and advocate, oh my great, mighty, righteous and free Russian Language! ...which appears melodious to [the] Russian ear"*⁵.

The English polymath, and philologist by chance, of the XVIII century, Samuel Johnson (1709–1784) dedicated the following passage about lexicographers: *"Among these unhappy mortals is the writer of dictionaries; who mankind have considered, not as the pupil, but, as the slave of science, the pioneer of literature, doomed only to remove rubbish and clear obstructions from the paths through which Learning and Genius press forward to conquest and glory, without bestowing a smile on the humble drudge that facilitates their progress. Every other author may aspire to praise; the lexicographer can only hope to escape reproach, and even this negative recompense has yet been granted to very few"*⁶.

It has been almost two and a half centuries that serious lexicographical works have begun and are led by the *Russian Academy* to create definitive dictionaries of the Russian language. Academic lexicography has established fundamental dictionaries for developing Russian lexicography by giving its complete, clear and successful picture on principles of registering stylistic and

¹ Анна Ахматова, Мужество (23 февраля 1942, Ташкент). Рукопись, Стихотворения, Париж, 1947. С. 36 // Личная Библиотека Мадам Эжени Боуверона.

² Alexander Heard², *Essays from the History of Science, Larin's Lexicographical School of St. Petersburg University*, page 4, St. Petersburg, 2007.

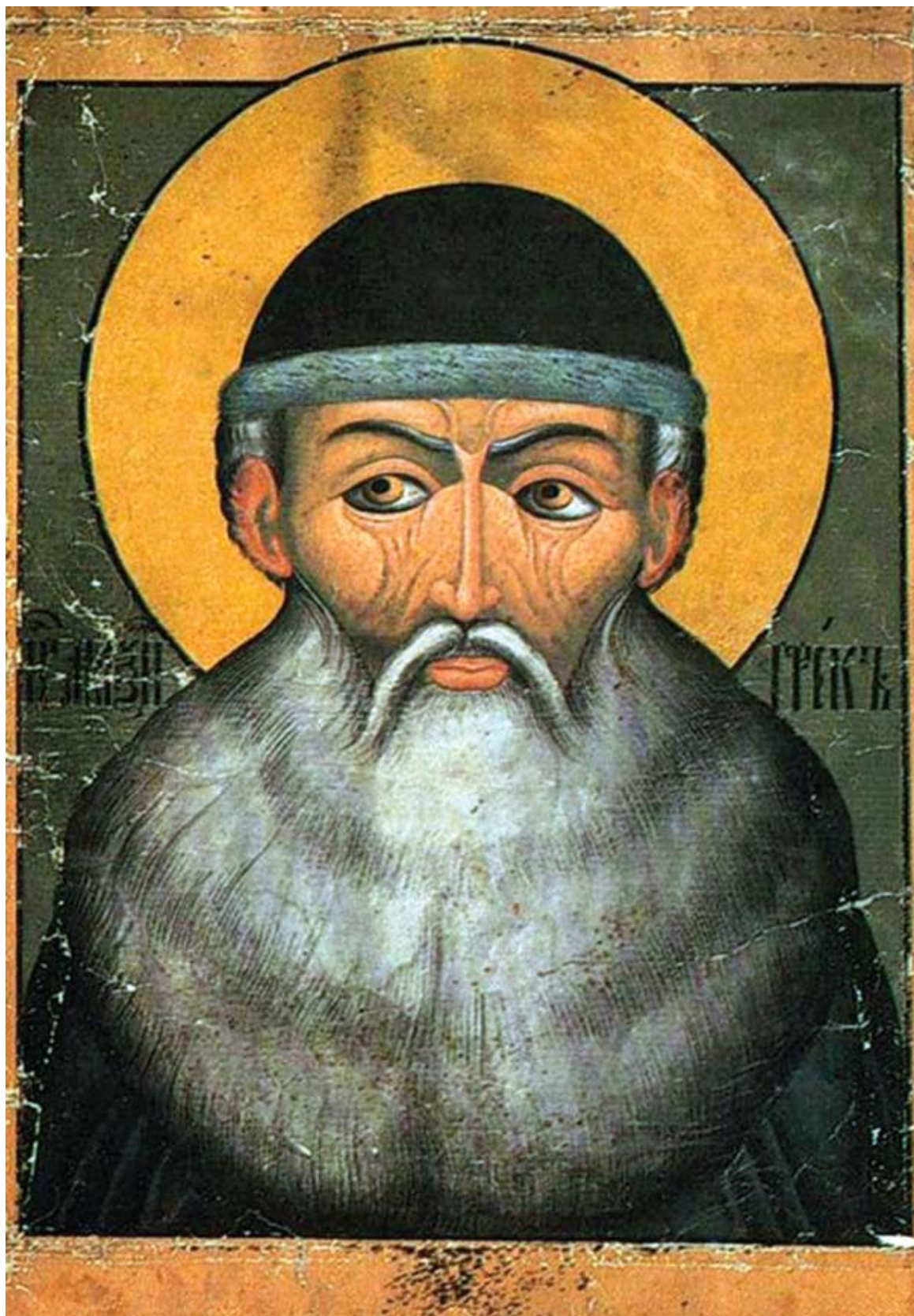
³ Some sources indicate a different spelling of his name as a result of direct transliteration from the Russian language: Alexander Gerd (http://de.wikipedia.org/wiki/Benutzer:Capitali/Alexandr_Gerd)

⁴ Lyudmila Kruglikova, *The Archive of Letters and Correspondence for J. Rosenthal & M. Karaman*, File BAC 173-01/EM, page 73, April 15, 2011, Acapulco, Mexico & Savannah, USA.

⁵ Hereafter referred to as the RAS.

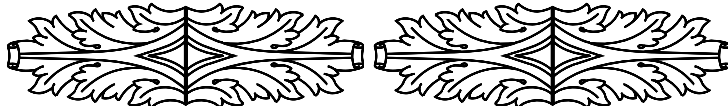
⁶ Voltaire, *Philosophical Dictionary // Languages: Harmony of Languages*, volume IV, page 290, First and Second English Editions, Covent Garden, London, 1824.

⁷ Samuel Johnson, *A Dictionary of English Language*, volume I, page 7, London, 1755.

MAXIMUS THE GREEK (1470-1556)
RUSSIAN RELIGIOUS PUBLICIST
POLYGLOT AND TRANSLATOR

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

grammatical characteristics of Russian words. During the entire course of the history of human civilization, "lexicography as a theoretical and practical science of developing and producing dictionaries is one of the oldest areas of man's humanitarian venture"¹.

«Первый лингвистический Институт в системе Академии наук, получивший сперва название Института яфетидологических изысканий, был организован акад. Н.Я. Марром в 1921 г. В 1931 г. он был переименован в Институт Языка и мышления. После смерти акад. Марра руководителем Института почти 20 лет был акад. И. И. Мещанинов, ориентировавший лингвистические исследования на разнообразие и теоретически актуальную тематику. Работа Института постепенно расширялась, охватывая все большее число лингвистических специальностей. Институт усиливал работу по подготовке научных кадров, в том числе для национальных республик»².

—Агния Васильевна Десницкая³ (1912–1992).

The milestones of the Russian academic lexicography are as follows:

■ *The Dictionary of the Russian Academy*, volumes I–VI, St. Petersburg, 1789–1794; *Словарь Академии Российской*. Т. 1–6. — СПб., 1789–1794.

Exegesis. *The Dictionary of the Russian Academy* was compiled by 47 out of 60 members of the Academy, edited by Catherine Dashkova (1743–1810), Peter Inokhodtsev (1742–1806), Ivan Lepekhin (1740–1802), Ivan Boltin (1735–1792), Denis Fonvizin (1745–1792), Gavril Derzhavin (1743–1816), Jacob Knyazhnin (1742–1791), Ippolit Bogdanovich (1743–1803) et al. It was prepared in 10 years and 9 months, containing 43,257 words, volumes I–VI, St. Petersburg, 1789–1794.

This dictionary has presently found its modern reflection in the *Dictionary of the Russian Language of the XVIII Century*, compiled on historical principles: *Словарь русского языка XVIII века* / АН СССР. Институт русского языка/Институт лингвистических исследований РАН; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. — Л.—СПб.: Наука. Ленинградское/Санкт-Петербургское отделение, 1984–2011. — Вып. 1–19 (А—Планжерд); СПб.: Наука. (Издание продолжается). Основатели «Словаря русского языка XVIII века» Л.А. Кутина и Ю.С. Сорокин. The online version can be located at: <<http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>>.

■ *The Dictionary of the Russian Academy*, second edition, the *Dictionary of the Russian Academy in Alphabetical Order*, volumes I–VI, St. Petersburg, 1806–1822; *Словарь Академии Российской*, по азбучному порядку расположенный. Т. 1–6. — СПб., 1806–1822. The online version can be located at: <it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDF/SAR/FrameSetpdf.htm>.

Exegesis. *The Dictionary of the Russian Academy*, Second Edition, contains 51,288 words, volumes I–VI, St. Petersburg, 1806–1822.

■ *The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language* or the *Dictionary of 1847*, volumes I–IV, St. Petersburg, 1847; *Словарь церковнославянского и русского языка*, составлен 2-м отделением Императорской Академии Наук. Т. 1–4. — СПб., 1847. *Словарь церковнославянского и русского языка*, составлен 2-м отделением Императорской Академии Наук. Т. 1–4. — СПб., 1867–1868.

Exegesis. *The third Academic dictionary*. It was compiled and edited by Alexander Vostokov (1781–1864) et al., at the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences, containing 114,749 words in four volumes,

published in St. Petersburg in 1847, followed by its second edition between the years of 1867–1868. The *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*, prepared and republished unchanged by Alexander Gerd, Irina Lutovinova and Aleksey Shchekin, St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, 2001.

■ *The Dictionary of Practical Regional Great Russian Language*, volumes I–II, St. Petersburg, 1852 and its *Supplement*, St. Petersburg, 1858;

Exegesis. *The Dictionary of Practical Regional Great Russian Language* and its *Supplement* (Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852.), prepared and republished unchanged by Alexander Gerd, Sergei Miznikov and Sergei Volkov, St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, 2001; *Опыт областного великорусского языка*, Compiled by Alexander Vostokov in two volumes, St. Petersburg, 1852, followed by its *Supplement*, St. Petersburg, 1858.

■ *The Dictionary of the Russian Language* under the editorship of Jacob Grot et al., St. Petersburg, 1891; *Словарь русского языка*, составлен 2-м отделением императорской Академии наук. Том 1 (А–Д). — СПб., 1891–1895/ Под редакцией Я.К. Грота. (Незавершенный академический словарь).

■ Izmail Sreznevsky, *Materials for the Dictionary of Old Russian Language [based] on Ancient Manuscripts*, St. Petersburg, 1893; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. — СПб., 1890–1912.

This dictionary has found its modern reflection in the *Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII Centuries [compiled on historical principles]*: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / АН СССР. Институт русского языка./ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова; Гл. ред.: Ф.П. Филин/ В.Б. Крысько. — М.: Наука. Азбуковник 1975–2011. — Вып. 1–29 (А—Тольмиже); М.: Наука. (Издание продолжается).

Exegesis. *Materials of the Old Russian Language for the Dictionary on Written Monuments* published in four volumes in St. Petersburg between the years of 1893–1912 by Izmail Sreznevsky (1812–1880), a towering figure in the field of XIX century Slavistics.

■ *The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* or the *GAD1*, volumes I–XVII, Moscow & Leningrad, 1948/1950–1965; *Словарь современного русского литературного языка* (БАС или БАС1). Т. I–XVII. — М.; Л., 1948/1950–1965.

■ *The Dictionary of the Russian Language* or the *PAD1*, *PAD2* (2-е изд. — М., 1981–1984.), *PAD3* (3-е изд. — М., 1985–1988.) and *PAD4 [Petite Academic Dictionary]*, volumes I–IV, 1957–1961 (second enlarged and supplemented edition, 1981–1984; third edition with corrections, 1985–1988 and forth stereotypical edition, 1999), Moscow & St. Petersburg; *Словарь русского языка*. Т. 1–4. — М., 1957–1961.

■ *The Dictionary of Synonyms of the Russian Language*, Volumes I–II, Moscow & Leningrad, 1970–1972; second stereotypical print by the Institute for Linguistic Studies, Moscow & St. Petersburg, 2003;

■ *The Great Academic Dictionary of the Russian Language* or the *GAD3*, volumes 1–[30], Moscow & St. Petersburg, 2004–... (publication continues, volumes 1–19 are published as of 2012). Большой академический словарь русского языка/ Институт лингвистических исследований; Гл. ред.: Кирилл Сергеевич Горбачевич (тт. 1–10)/ Александр Сергеевич Герд (тт.

¹ Alexander Heard, *Essays from the History of Science, Larin's Lexicographical School of St. Petersburg University*, page 3, St. Petersburg, 2007.

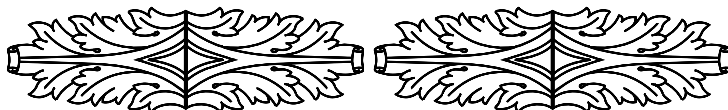
² 50 лет академического лингвистического института. В ноябре 1971 г. А.В. Десницкая прочитала доклад "Лингвистические институты Ленинграда в истории советского языкознания" на конференции "50 лет академического лингвистического института в Ленинграде".

³ А. В. Десницкая — советский филолог, организатор науки, педагог; специалист по общему, сравнительно-историческому и германскому языкознанию, истории языкознания и албановедению, по проблемам балканского языкового союза, истории и теории отдельных групп индоевропейских языков, албанской литературе и фольклору. Основатель советской школы албановедения. Доктор филологических наук (1946), профессор. Директор ЛО Института языкознания АН СССР (1963–1976). Член-корр. АН СССР по Отделению языка и литературы (1964). Под руководством таких специалистов, как Л. В. Щерба, А. П. Баранников, А. П. Якубинский и др. она изучала классические языки (древнегреческий и латинский), санскрит, славянские, иранские, кельтские и хеттский языки, позднее самостоятельно овладела албанским языком.

JOHN AMOS COMENIUS (1592-1670)
THE FOUNDER OF SCIENTIFIC PEDAGOGY
(ARTWORK COURTESY OF THE NATIONAL MUSEUM, PRAGUE)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

13–...). – СПб.: Наука. 2004–2012. – Томы 1–19 (А–Прецц); СПб.: Наука. (Издание продолжается).

"Although, a dictionary is like the entire Universe set in alphabetical order! If one would like to reason well, a dictionary is the book of books. It incorporates all the other books within itself. One just needs to extract them from it..."¹.

—Anatole France (1844–1924).

Reviewing and examining a multi-volume dictionary is not a simple task, especially when the work is almost more than half way through its production, not mentioning previously published two separate editions, the GAD1 (1948–1965) and the GAD2 (1991–1994). It may take years to write a reasonable review on such a publication like the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

The *Great Academic Dictionary of the Russian Language* is a strictly normative dictionary of an active type extensively colouring contemporary Russian literary language from late XVIII–XXI centuries: "from Pushkin to the present day", from 1799 to the present. Some exceptions can indicate earlier periods of Nikolay Karamzin (1766–1826).

More than two centuries ago, it took seven years (1794–1801) for Professor A.L. Schlözer from Georg-August-Universität, Göttingen to finish his "review on *Словарь Академии Российской*"² (тт. I–VI, Санкт-Петербург, 1789–1794) which was sent to him by Catherine Dashkova in 1794. Ironically, Professor Schlözer wanted to do the same, to write a brief history on the *Russian Academy* and the *Dictionary of the Russian Academy*. However, that wish was never fulfilled until now, this moment of the year 2012.

The sheer volume of the *Great Academic Dictionary* and its vivid history simply make it impossible to demonstrate and uncover the relatively complete picture of the normative values of *contemporary Russian literary language*³ of the late XVIII to early XXI centuries, and some essential aspects of it, fairly related to the argument or the subject matter of this monograph by maintaining it not only within a compact historical framework but also in an academically descriptive and proscriptive parallel shadows of its *contemporaneity and normativity*.

Keeping this difficult task in mind, the enormous amount of data accumulated on St. Petersburg (Leningrad) academic lexicography had grown so large that the idea of writing about Russian academic lexicography, especially about the *Great Academic Dictionary* had become daunting.

Since the subject matter is entirely related to the *Great Academic Dictionary* and even named as such, the main emphasis is focused on other matters that were always in question by non-Russians and Russians likewise. Therefore, the system called *From the ABC to the Dictionary* or *От Азбуки до Словаря*⁴ is a carefully mastered formula to be employed, in this particular case, to elucidate the entire picture by presenting the subject matter from the *Russian alphabet to the Dictionary*. In order for the reader to assimilate this approach and not to *surge* from source to source, in order for him to comprehend the subject matter, everything that is discussed will be found in a single source, right here!

From the ABC to the Dictionary is a "system of rationally organized and well-thought out naturally developed series of historic events that display a transparent notion of essence of the evolutionary progress of this particular pragmatic methodology in scholastic linguistic discipline of λόγος, λέξις, γλώσσα, γλωσσολογία και λεξικό:

- *lingua simplex*
- *verbal communication before the origin of the writing system*;
- *Φωνητική*: phonetics or speech sounds;
- *Αλφάβητο*: the origin of the alphabet;
- *Φωνολογία*: phonology phonemes;
- *Μορφολογία*: morphology, resulting in word creation or promoting lexical developments;
- *Γραμματική*: grammar as a direct result of alphabetic existence;
- *Σύνταξη*: syntax: the formation of phrases and sentences;
 - *recording and documentation of speech matter*;
 - *Λογοτεχνία*: literature as a direct result of the process of documentation;
 - *Φιλολογία*: philological developments;
- *Σημασιολογία*: semantics, resulting in literal meaning of phrases and sentences;
 - *variations of the written signification*;
 - *expansion of literary materials*;
- *Πραγματικός*: pragmatics, resulting in meaning in context of discourse;
- *Ανάλυσις*: lexical analysis;
- *Συνταγματικός και Παραδειγματικός*: documenting syntagmatic and paradigmatic shifts;
- *Λογοφιλία*: philosophy of words, phrases and sentences;
- *Κυβερνητικός*: cybernetics of lexical science; and
- *Λεξικό και Λεξικογραφία*: dictionary as a momentarily taken lexicographical picture of the language"⁵.

This system in its simplified version is the essence of this monograph:

- *alphabet and its further development*;
- *time and changes*;
- *literature through historic events*;
- *current or contemporary literary language*;
- *various factors affecting further modification*;
- *lexical signification and novelties*;
- *scientific lexicography*;
- *dictionary as a momentarily taken lexicographical picture of the language*.

For many of us using a dictionary is just a brief visit to this reference book looking for words from explicit or implicit, descriptive or prescriptive angle of interest. It is not always possible to find the majority of lexical characteristics of a word in a single source unless the topic is analyzed through a mindset of an *active*

¹ Anatole France (1844–1924). *Lexicon*, from P. Galpin's Private Library, Manhattan, New York 1954.

² *Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen*, Bd. 2, S. 1463–1472, Göttingen, 1801.

³ *Contemporary Russian literary language* is also understood as *standard or current Russian*.

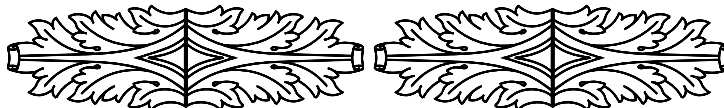
⁴ *From the ABC to the Dictionary* (*От Азбуки до Словаря*) is a future project embracing the events from 1710 to the present day.

⁵ Karamian M., *Angliolysis*, Preface, pp. xxxix–xcxi, Acapulco & Savannah, 2006.

PETER THE GREAT (1672-1725)
FIRST EMPEROR AND AUTOCRAT OF ALL THE RUSSIAS (1721-1725)
FOUNDER OF THE RAS (1724) AND ST. PETERSBURG UNIVERSITY (1724)
(ARTWORK COURTESY OF MÜNCHNER REZIDENZ, MÜNCHEN)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

approach to the subject. *The Great Academic Dictionary* is prepared on principles of an *active type dictionary*.

From the first sight the reader of *the Great Academic Dictionary* definitely can notice *the Cyrillic alphabet*. Hence, it all starts from there... The alphabet is utilized for word formation. Orthographic norms are employed to unify a clear set of grammatical rules and values when writing. Everything written is considered as a document. The documented historic events here are related to the time period when Academic Lexicography was founded and to the people who made it happen. Every documented written material, including this *Monograph* itself represents this or that literary style. So to speak, the language is stylistically prepared for written or verbal purposes.

The Russian language used in *the Great Academic Dictionary* is nothing but a well systemic version, called 1) *Russian Literary Language* or 2) *Contemporary Russian Literary Language* (or current Russian). *Contemporary Russian Literary Language* has its own history and chronological borders. Alexander Pushkin (1799–1837) is considered to be the founder of literary Russian. Therefore, the chronology of this particular epoch definitely coincides with the date of birth of Alexander Pushkin, the year of 1799. This very factor indicates strictly defined chronological borders for *the Great Academic Dictionary*. Since the dictionary is dealing with literary language, then some major and decisive questions regarding Russian literary language from Pushkin to the present day and contemporary literary language norms will be one of the central issues for discussion.

The Great Academic Dictionary is the dictionary of the state language of the Russian Federation. *The Great Academic Dictionary* is a scientific edition and its *strict normativity on philological principles* are the *raison d'être* of “this unparalleled monumental lexicographical opus, unmatched in the world”¹. *The Great Academic Dictionary* is a *normative* dictionary of several combined norms under one title: orthographic, orthoepic, grammatical, syntactic, semantic, lexical combinations, idiomatic, phraseological, lexicographic origins, etymologic, stylistic, illustrative, functional etc. The dictionary also indicates antonyms, cross-referential information within lexical units and historical elements, phenomena and orthographic or orthoepic metamorphosis within the referential/etymological zone.

Exegesis. Each paragraph in *the Prolegomenon* denotes by *additional essays and materials related to the subject matter, refer to Terminal Objectives* which gives a generous amount of expanded materials and essays directly and relevantly connected to the particular topic of a certain paragraph within *the Prolegomenon*. Therefore, *the Prolegomenon* can be considered as a separate and independent brief version of *the History of the Great Academic Dictionary*.

The reader has a clear choice of reading a rather massive *Prolegomenon* alone and ignoring *Terminal Objectives* of *the History of the Great Academic Dictionary*; or he can skip *the Prolegomenon* and read the main chapters in *Terminal Objectives* on the history of *the Great Academic Dictionary*. However, a curious reader will find both parts of this monograph irresistibly inseparable and indispensable.

Therefore, they shall be constituted separately as *the Petit Introduction* and *Grand Introduction* as *A Companion Volume* to the

entire set of *the Great Academic Dictionary*, a missing volume and a link that has not been addressed by authors and editors alike starting from its initial edition of 1948 to its present edition, the GAD3.

■ БАСЗ: «ПАРАГРАФ, а, м. Часть текста внутри главы, раздела и т. п. книги, статьи, имеющая самостоятельное значение (выделяемая обычно специальным знаком § и порядковым номером). Статья делится на три параграфа. □ [Фауст:] Слова: «единство» и «предмет», обыкновенно встречаются в первых параграфах всякой философской книги. В. Одоев. Русск. ночи. В одном из параграфов устава было сказано: «Директор назначает роли, и все актеры должны беспрекословно повиноваться его назначению». С. Акс. Воспоминания. Я ему рассказал, какие, по моему мнению, главы и параграфы нуждаются в особенно серьезной доработке, каким проблемам важно уделить особое внимание. Г. Арбатов, Человек Системы. // Сам этот знак (§). Параграфы набирать курсивом. II Разг. Отдельное правило, указание, положение какого-л. документа, устава, программы и т. п. Говорили, что он все законы знает наизусть, и я этому верил, потому что сам слышал, как он, бывало, начнет приводить указы, ..пункты, параграфы, ..как будто разогнутая книга лежала перед его не слепыми, а зрячими глазами. С. Акс. Детск. годы Багр.-внука. — Нашекина умная, добрая и достойная особа. Не виновата же она в том, что ей приходится строго исполнять все параграфы нашего институтского полу монастырского устава. Купр. Юнкера.

— Вейсманн, 1731, с. 239: параграф; Нордстет, 1782: параграф; Слов. Акад. 1793: параграф; Гейм, 1801: параграф; Слов. Акад. 1822: параграф. — От греч. παράγραφος.²

Russian academic lexicography came into existence along with *the Russian Academy*³ & ⁴ which was established in St. Petersburg in 1783. It has been developed during the span of the past 230 years. From 1783 to the present day many social, economic and political changes have taken place in Russia which have left their definite impression on *Russian academic lexicography*, the main subject of this monograph where every major relevant event regarding St. Petersburg (Leningrad) academic lexicography is possibly registered here on chronological principles.

During this time period *the Russian Academy* has published several well established and successful *normative* and *historical* dictionaries of the Russian language which have maintained their international status and functionality to this present day.

A standard was strived to be maintained throughout the entire *Monograph* by utilizing the following lexicographical masterpieces:

■ GAD3, *The Great Academic Dictionary of the Russian Language* или *Большой академический словарь русского языка* (hereafter the GAD или БАС);

■ GAD2, *The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* или *двадцатитомный Словарь современного русского литературного языка* (hereafter the GAD2 или БАС2);

■ GAD1, *The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* или *семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка* (hereafter the GAD1 или БАС1);

¹ Karamian M., Anglology, Chapter 12, P. 1032. Exhibit D. Acapulco & Savannah, 2006.

² *Большой академический словарь русского языка*. Т. 15, с. 364. Институт лингвистических исследований, РАН. Наука: Санкт-Петербург, 2011.

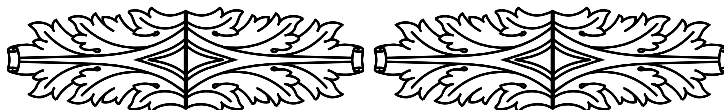
³ Not to be confused with the *Petrine Petersburg Academy of Sciences*, established in 1724 which was renamed the *Российская академия наук* (1917—1925). From 1925 onwards the Soviet government recognized the *Russian Academy of Sciences* as the “highest all-Union scientific institution” and renamed it the *Academy of Sciences of the USSR* (1925–1991). After the dissolution of the Soviet Union, by decree of the President of Russia on December 2, 1991, the institute once again became the *Russian Academy of Sciences*, inheriting all the facilities of the *USSR Academy of Sciences* in the territory of Russia.

⁴ A separate highest institution, called the *Russian Academy* (Академия Российская), was established in 1783 to operate on the study of the Russian language. Presided over by Princess Catherine Dashkova (who at the same time was the Director of the *Imperial Academy of Arts and Sciences*, i.e., the country’s “main” academy), the Russian Academy was engaged in compiling the six-volume *Academic Dictionary of the Russian Language* (1789–1794). Later the *Russian Academy* was merged into the *Petersburg Academy of Sciences* and in 1841, re-organized as the *Second Branch of the Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences* or *Petersburg Academy of Sciences*.

FEOFAN PROKOPOVICH (1681-1736)
ONE OF THE FOUNDERS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1724)
FIRST VICE-PRESIDENT OF THE HOLY SYNOD (1721)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

■ PAD3, *The Petite Academic Dictionary* или Академический четырехтомный Словарь русского языка (hereafter the PAD3 или MAC3, Малый академический словарь);

■ Словарь синонимов русского языка в 2-х томах; и

■ CPЯ18, *The legendary Dictionary of the XVIII Century Russian* или Словарь русского языка XVIII века (hereafter CPЯ18);

■ Extracts, mainly quotations used in the above mentioned dictionaries, or quoting the entire lexical entries anywhere in this *Monograph* mostly relevant or rarely irrelevant to the subject matter is predetermined to show the usefulness of the GAD3, GAD2, GAD1, the PAD3 and the CPЯ18, in this respect. Mostly the *Dictionnaire de la langue française* by Émile Littré, commonly called simply the Littré, was used as a comparison base to the GAD3 throughout the entire text of this *Monograph*.

Formulating this *Monograph* chronologically by *От Азбуки до Словаря* is not a new idea. This method would definitely make the subject matter more explicit and facile for comprehension; impressive and memorable by the way the entire material is gathered and presented. *От Азбуки до Словаря* is a unique chronological method, scrupulously developed all about either the fate of our words used in speech and in literature on a daily basis, or of words of a forever forgotten fate.

A collective effort was employed to prepare, write, edit and make this monograph ready. The Editorial Collegium of TDK have spent almost 14 editorial years to put this very unusual *Monograph* in shape. The names of colleagues are as follows:

- Anthony Bashford, Esq.;
- Odette Caravella, Ph.D.;
- Jack L. Cross, Ph.D. (1921-2011);
- Stanislav Golovan, M.D., Ph.D.;
- Глаина Кругляшова, Ph.D.;
- Antonina Lyubov, Ph.D. (1928-2011);
- Mark J. Moody, Ph.D. (1951-2011);
- Lynda Muggleston, Ph.D.;
- Sofia Pahlevanian, Ph.D.;
- Joseph Rosenthal, M.D., Ph.D. (1923-2012);
- Mercedes de las Salas, Ph.D.

Some complete or partial selections of critical essays and treatises of a national and historical significance, written by famous academic scholars and lexicographers, have been generously included within the *anatomy* of the *Petit Introduction*, the *Prolegomenon* or the *Grand Introduction*, the *Terminal Objectives* to the *History of the Great Academic Dictionary*. By utilizing mainly Russian and English simultaneously, it can serve as a comparative example of a *Russian essay vs. English essay* for purely didactic purposes, intended for the *school of fluency* as a manual for students at Romano-Germanic Departments of Philological Faculties at various institutes or universities.

Every paragraph (§) or chapter within the *Prolegomenon* discusses briefly in the *Petit Introduction*, the *Preface* or extensively in the *Grand Introduction* or the *Terminal Objectives* the state of Russian academic lexicography or closely related events of the late XVIII, XIX, mainly XX and XXI centuries respectively. It covers the periods from the origin of Jacob Grot's *Dictionary of the Russian language* through the *Great Academic Dictionary* of the XXI

century, showing every possible link connecting “the Alphabet to the words and their journey to be documented in the dictionary”.²

Forever immortal and beloved Professor Cyrill Gorbachevich's essays found their firm places in the essential body of this *Monograph*. Fragments³ of Professor Alexander Heard's essay *On the Russian Studies of Petersburg (Leningrad) Lexicography* is used here with his kind permission.

Several major lexicographical works of international significance have been lovingly analyzed and studied thoroughly for a lifetime before making comparison values to the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*. All the sources were always kept discretionally present at my fingertips, next to the manuscript, serving as the vital and supportive elements to the subject matter of this *Monograph*.

The GAD is contiguously compared to alternatively excellent lexicographical projects and superbly complied foreign dictionaries for comparative purposes. The authenticity of any dictionary's rightfully quintessence as a supremely devised facade is aggregated and represented in its *preface*. The essential purpose of the objective goal to illustrate the text by providing prefaces of world renowned dictionaries had shaped a definite frame of a chapter within the *Prolegomenon*, proudly named as **CLARUS PREFATORIUM LEXICA**.

No dictionary is ever made without having its frame based on its card index system. What is a card index, and where is it located? Similar questions are subliminally answered somewhere in this *Monograph*.

The *Portrait Galleria* of this *Monograph* is pasted throughout the text to show those who were and are involved in the integral processes of the Russian Academy and lexicographical projects. The *Portrait Galleria* is the other identity of the *Monograph*, yet to be explored! The original textual plan was starting from the XVIII century. However, that portion is reserved for our upcoming project, the *History of the Dictionary of XVIII Century Russian Language*.

To make the dull material and the subject matter seem a little brighter, the text is exposed to *strictly chronological Portrait Galleria*⁴ which is directly related to almost all who were or are related to either the *Russian Academy*⁵, Russian literature or academic lexicography. The *Portrait galleria* is arranged on historical principles to support the subject matter indirectly by adding a little colour to show some vitality in the process of the making of this *Monograph*.

■ БАСЗ: «ГАЛЕРЕЯ, и, ж. 1. Длинный и узкий крытый коридор или балкон вдоль стены здания. [Иллюше] *страсть хочется избежать на огибавшую весь дом высшую галерею, чтоб посмотреть оттуда на реку; но галерея ветха, чуть-чуть держится*. Гонч. Обломов. *Передо мной, опираясь на перила галереи, обходившей дом, стояла девушка*. Тихон. Кавалькада. □ Устар. Галлерея. Я отсюда вижу низенький домик с галлерею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущую вокруг всего дома, чтобы можно было, затворить ставни окон, не за-мочась дождем. Гог. Старосв. помещ. // Крытый переход, соединяющий отдельные здания. По дороге к комнате сестры, в галерее, соединявшей один дом с другим, князь Андрей встретил, т-lle Bourienne. А. Толст. Война и мир. [Шереметев] носился с мыслью о постройке двух флигелей, соединенных переходными галереями с главным домом. Грабарь, В поисках неизвестн. построек В. И. Баженова. // Длинный проход, коридор, соединяющий помещения внутри здания; длинная комната, узкий зал со сплошным рядом больших окон в одной из продольных стен.

¹ Cf. Karamian M., *Anglolysis*, Acapulco & Savannah, 2006.

² Karamian M., *An Essay from Anglolysis*⁶, *From ABC to the Dictionary*, pages 37-380; *Anales del Instituto de Literaturas Clásicas, La Universidad Nacional Autónoma de México*, Mexico D.F., Eldonejo La Portal Electronica, Acapulco & Savannah, 2006.

³ See the full length text of the essay *On the Russian Studies of Petersburg (Leningrad) Lexicography* by Professor Alexander Heard in *Abstract XIII*.

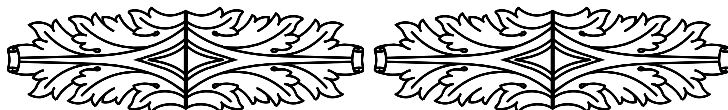
⁴ Credits to *Portrait Galleria* could be found at 1) Пушкинский дом <<http://www.ras.ru/rusacademy/b7f80eab-a4e3-4178-ad95-99a43dc6569b.aspx>>, 2) Третьяковская галерея и 3) Эрмитаж portals.

⁵ См. Е. В. Кочнев, *Портретная галерея Российской Академии в собрании Литературного Музея ИРЛИ РАН* (по материалам выставки «Слава Академии Российской», посвященной 225-летию учреждения Российской академии) // *Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков*. СПб, 2009. С. 183-205.

JOHANN SEBASTIAN BACH (1685-1750)
(BACH BY VOLBACH FROM MARK KARAMIAN'S ART COLLECTION)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

За большой гостиной следовала «галерея» — длинная комната, проходная в бильярдную и в читальню, имевшая также выход в сад. Гиляр. Москва и москвичи. Я продолжал путь через так называемую большую галерею.. Во всю длину этого широкого коридора висели громадные портреты. Игнат. 50 лет в строю. // Длинное строение с застекленными стенами или открытое с боков, служащее для прогулок, отдыха на воздухе и т. п. Вот и колодезь.. На площадке близ него построен домик, ..а подальше галерея, где гуляют во время дождя. Лерм. Кн. Мери. // Устар. Крытая прогулочная палуба вдоль бортов судна. Наша пароходная публика, небольшими группами сидела и гуляла по верхней галерее. Гл. Усп. Из пут. заметок. [Фома] стоял на галерее парохода, отходившего от пристани. М. Горький, Фома Гордеев.

2. Устар. Верхний ярус в театре, цирке и т. п.; галерка (в 1 знач.). Каждый день, ходил я в театр, в галерею 4-го яруса. Пушк. Ист. с. Горюхина. Еще задолго до занавеса театр уже был полон: партер, ложи и галерея были усыпаны публикой. Мам.-Сиб. Бурн. поток. // Балкон в верхней части большого зала; хоры. В восточном конце залы галерея для музыкантов, а в западном трон королевский. Греч. Путев. письма.. Верхняя галерея, широкая и светлая, совершенно напоминает вам такую же галерею, или хоры, в храме Спасителя. Гл. Усп. Оч. перх. времени.

3. Подземный ход, служащий для производственных, военных и т. п. целей. Водосборные галереи. □ Шахты надобно углублять, галереи вести все дальше. Черныш. «Основ, полит, экономии» Милля. Генуэзцы и венецианцы, несколько десятилетий долбили там [на острове Корфу] скалы, проводя в них подземные галереи. Серг.-Ценск. Флот и крепость.

4. Специальное помещение, в котором размещены для обозрения произведения искусства; художественный музей. [Третьяков] обычно посещал мастерские художников и еще до выставок приобретал для галереи самые выдающиеся картины. Телеш. Зап. писателя. □ Картинная галерея. Картинные галереи Лувра были залиты сплошною и очень пестрою толпою. Леек. Обойденные. Я был у одного банкира, в картинной галерее которого находятся, несколько произведений Фор-туни. Поленов, Письма. 1875 г. ◇ В составных названиях художественных музеев. Национальная галерея. Третьяковская галерея. // Собрание, коллекция произведений искусства. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем. Пушк. Дубровский. Посреди главного зала в этом отделе музея собрана галерея портретов самых знаменитых энтомологов, включая Линнея. Шулейкин, Дни прожитые.

5. Перен. Последовательный ряд, вереница образов, типов и т. п. ◇ Галерея чего-л. Комедия «Горе от ума» есть и картина нравов, и галерея живых типов. Гонч. Милльон терзаний. Чехов создал громадную галерею типов и характеров всех классов современного ему общества. В. Катаев, Чехов.

— С иным (устар.) напис: галлерей (прим. см. выше). — Вейсманн, 1731, с. 557: галлерия; Леке. 1762: галлерия, галерея; Нордстет, 1780: галерея; Слов. Акад. 1790: галлерия; Слов. Акад. 1847: галерея; Даль: галерея и галлерей; Слов. Акад. 1892: галлерей; Даль (3 изд.): галерея, галлерей; Слов. иностр. ел. 1937: галлерей; Ожегов, 1949: галерея. — Итал. galleria, франц. galerie, нем. Galerie.»¹

■ БАС1: «Галерея, и, ж. 1. Длинный крытый, иногда застекленный проход, переход; проход под навесом вдоль стены дома. По дороге к комнате сестры, в галерее, соединявшей один дом с другим, князь Андрей встретил мило улыбающуюся т-Пе Воипетте.

Л. Толст. Война и мир, т. I, ч. I, гл. 28. Я отсюда вижу низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущую вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочаясь дождем. Гог. Старосв. помещ.

• Длинное, узкое, открытое с боков или застекленное строение отдельно от жилья, предназначенное для прогулок, отдыха и т. п. Наконец вот и колодезь.. На площадке близ него построен домик.., а подальше галерея, где гуляют во время дождя. Лерм. Кн. Мера. ...

— С иным написанием: галлерей (примеры см. выше). — Вейсманнов Леке. 1731, с. 557: галлерия; Нордстет, Слов. 1780: галерея, галерейный; Слов. Акад. 1790: галлерей; Слов. Акад. 1847: галерея; Даль, Слов.: галерея и галлерей; Слов. Акад. 1892: галлерей; Ушак. Толк. слов. 1934: галерея и галлерей, галёрка; Слов. иностр. слов 1949: галерея и галлерей; Ожегов, Слов. 1949 и 1952: галерея. — Итал. galleria, в X в. в Риме обозначало паперть в церквях. ».²

■ СРЯ18: «< ГАЛЕРЕЯ 1709 (-але- 1699, <◇ -ля-1698, <◇ -ала- 1706, <◇ -ла- 1732, <◇ -ля-1734, <◇ го- 1708, <◇ ге- 1730, <◇ -ия 1705, <◇ -ия 1724) и нейтр. → Прост. ГАЛДАРЕЯ 1703 (-де- 1775), и, ж. □ род. мн. -ей и -ев. 1. Ит. galleria (galla-), фр. galerie, нем. Gallerie, гол. galery (galde-), пол. galerya Форт. Проход, подземный ход, подкоп. Здѣлать галареи для бережения от поткопоф. ПБП IV 211. Уже спускаютца в ров и готовятца проити галереи [или покрытые дороги]. О воин. Цез. 283. Под земляными валами добрые галлѣрии и своды построены .. были. Побежд. кр. 32.

2. Ит. galleria, фр. galerie, через гол. galery, galdery. Мор. Балкон вокруг кормы; бортовой коридор на судне. С адмиральского корабля рѣзные галдарей сшибло. МРФ I 72. Нижние галдарей здѣланы; а рѣзбы нѣтъ и трети. ПБП II 569. И в галериях, то есть в переходах перед каморами может <провиантмейстер> тот хлѣб положить. УВМ 225.

3. Ит. gallaria, фр. galerie, непоср. и через пол. galerya, нем. Gallerie, гол. galery, galdery. Архит. Длинный переход, соединяющий помещения или отдельные здания; длинный балкон вдоль стены. Изволил король ходить, сквозь галерию старого Лувра, смотреть свою Типографию. Вед. II 307. Построена весьма изрядная ратуша или биржа, при которой есть галлерей для купцов. Сев. Ам. 144. Столбы сии превеликую красоту дѣлают, составляя в три ряда галлерей во всю длину онаго здания. Дшк. Англ. пут. 117. || Ярус в театре. Она съла сперва в галлерей; но Актеры просили ее .. сойти в одну из первых лож. МЖ IV 25. Большие Театры строились в три этажа или в три галлерей. Корифей II 71. || Отдельное легкое продолговатое строение (в саду, парке). Кушали в галдарей что в рошеть на берегу рѣки против луту. Псм Дев. 1243. Да липин же не обсьченныя вершины, чѣм огибают бесѣдки и покрытыя галареи, 1000 дерев <купить>. МГО I 78.

4. Ит. galleria, непоср. и через пол. galerya, нем. Gallerie. Здание, помещение для хранения картин, редкостей; собрание картин. Галерия или собрание вещей. АК I 118. В Ливорнѣ у гран-дука галерия, в которой разныя вещи от пиктуры и от скульптуры древней. Зап. Неп. 48. Поѣхали было смотрѣть в Луксембургском дворцѣ галлерейю славнаго Рубенса. Пут. Хмн. 375. ◇ Картинная г. Пошел я в славную картинную галлерейю, которая почитается одною из первых в Европѣ. Крм. ПРП I 271.

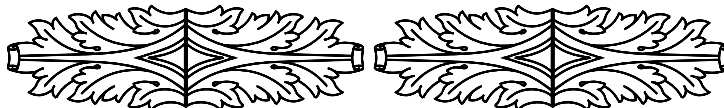
Галерейка (-але-), и, ж. На построенной там галерейкѣ, с кавалерами забавляться в карты. ЖКФ 1766 77. Украшать их

¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 4, с. 29-30. Институт лингвистических исследований, РАН. Наука: Санкт-Петербург, 2006.

² Словарь современного русского литературного языка, том III, столб. 22-23, Москва & Ленинград, 1954.

VOLTAIRE (1694-1778) by Nicolas de Largillière (1656-1746)
(ARTWORK COURTESY OF THE CARNAVALET MUSEUM, PARIS)

<площадки в саду> .. бесѣдками, нишами, галлерейками. СЖ II 77.

Галерейный, ая, ое. От галерейных дверей. ЖКФ 1756 130.

— Удар. галлѣрія (см. цит.). Норм. САР¹ галлерея. Лекс. ЛВН галерия.»¹.

A unique and atypical method of bibliography and footnotes are established, implicit or explicit, in the text. This is mainly due to senselessly different rules used in British English, American English and Russian. It was decided to summarize all the differences and make an occasional approach to this ever-confused area.

The traditional system of word order used in a classical formulation of footnotes and bibliography is not utilized in this monograph. Instead, a philosophically sound and different system of the *Five W's* (also known as the *Five W's* (and one H), or the *Six W's* and more than one full stops (.)) are used in a concept of journalistic or jurisprudential style, research and legal investigations that are regarded as basics in information-gathering protocols and documenting events chronologically. It is a formula for achieving a relatively complete story on the subject discussed or examined historically and chronologically. The maxim of the *Five W's* (and one H) is that for a report to be considered complete, it must answer a checklist of six questions, each of which comprises [possibly] of an interrogative word; generally developing from general to specific order. This method of writing benefits the reader who will not be annoyed by flipping the book back and forth in order to find the footnotes and Примечания.

Meanwhile, the text will be available both in printed and electronic versions, published conventionally (on paper) and electronically. www.GreatAcademicDictionary.com (currently under construction) is intended for russophiles by giving the reader the chance of utilizing interactive tasks regarding the *Great Academic Dictionary*, i.e. creating forums on the subject etc.

Since the argument of this *Monograph* is all about the *Great Academic Dictionary* and its history, special attention is paid to the GAD1, *Словарь современного русского литературного языка* and its second edition, the GAD2 which brings us to the GAD3 or the new edition of the *Great Academic Dictionary* itself, and the people who were and are still involved in the making of it.

Furthermore, this *Monograph* will mainly emphasize on strictly logically developed chronological events which took place from the late XVIII century onwards, keeping the Russian academic lexicography in its spotlight of *who, what, where, when and why*: **What** or **who** is it about? **What** happened? **Where** did it take place? **When** did it take place? **Why** did it happen? **How** did it happen?

If logic or rationality is applied to the formula of “from ABC to the Dictionary”, than the theoretical and practical characteristics of the GAD will be wisely elucidated: the objectives **why** and **how** it was compiled, **where** does it originate from, and **who** have been the compilers and editors? This is the main purpose and the sole reason, standing firmly behind this *Monograph*: *От Азбуки до Словаря* which is the vicious circle that revolves around the axis of the empirical essentials of the alphabet, the core framework of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, and the notion of its various disciplinary elements, filed and lined between the *Alphabet* and the *Dictionary* – namely just the philological and lexicographical evolution alone, driven by the modification on the chronological history of the GAD, rather than on the *ideological philology through history*².

§ 1. ПЕТЕРБУРГСКАЯ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ) АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ВВЕДЕНИЕ

Автор: Л.Е. Кругликова.

Russian academic lexicography emerged at the end of the XVIII century. Many outstanding figures in science, art and government, including such writers as Catherine the Great, Catherine Dashkova, Denis Fonvizin, Gavril Derzhavin etc. were involved in the compilation of the first Russian academic dictionary: the Dictionary of the Russian Academy - Словарь Академии Российской (1789-1794).

How did lexicography develop in Russia and the Soviet Union? What lexicographical oeuvres does the Russian Academy of Sciences publish? How does one orient oneself in the present labyrinth of diversity of dictionaries? This Monograph is dedicated to the history and the present state of academic lexicography in Russia. [SG]

Сердцевину академической лексикографии, ее основу составляют толковые словари того или иного языка, которые являются универсальными справочниками по семантике, стилистике, грамматике, фразеологии, орфографии, в ряде случаев орфоэпии. История создания академических толковых словарей русского языка неразрывно связана с городом на Неве – Санкт-Петербургом (в советский период именовавшимся Ленинградом). Именно здесь в 1783 г. Екатерина II обсудила с Е. Р. Дашковой создание Российской Академии – собрания писателей, общественных деятелей, основной задачей которых было создание российской грамматики, русского словаря, риторики и правил стихотворения. Именно здесь размещалось Второе отделение (Отделение русского языка и словесности) Императорской Академии наук после присоединения Академии Российской к Академии наук в октябре 1841 г. Именно здесь до настоящего времени находится Словарный отдел как подразделение с 1991 года Института лингвистических исследований РАН (Российской академии наук). Здесь же располагается богатейшая картотека, являющаяся национальным достоянием.

Французский филолог XVI века Жозеф Скалигер посвятил работе словарников стихи, переведенные на русский язык одним из замечательных просветителей Петровской эпохи Феофаном Прокоповичем:

«Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон делает – то одно доклет,
Всех мук роды сей един труд в себе имеет»³.

Как видим, еще несколько веков назад осознали, насколько тяжел труд словарников. К тому же словарное дело требует не только трудолюбия, самоотверженности, знаний, но и особого лингвистического дара. Не всякий, даже самый известный языковед, может преуспеть в лексикографической работе. Вот что по этому поводу пишет А. С. Герд: «Любой словарь при определении значения слова опирается прежде всего на корпус цитат из письменных источников, в которых представлено это слово, и затем уже, опираясь на свое профессиональное знание, на характер сочетаемости, на данные

¹ *Словарь русского языка XVIII в.*, Вып. 5. (Выпущен — Грызть). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — 256 с.

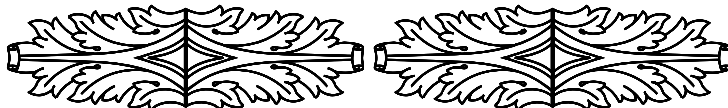
² This particular subject is thoroughly covered by Peter A. Druzhinin, Ph.D. in his latest monumental toil, “Ideology and Philology” (volumes 1-2, text in Russian. Publication ISBN: 978-5-86793-982-3 (v. 1), 978-5-86793-983-0 (v. 2). <<http://www.amazon.com/gp/product/5867939820>>, <<http://www.ozon.ru/context/detail/id/18296727/>>.

³ Феофан Прокопович. Сочинения. М., Л., 1961. С. 224. См.: Николай С. И. «Лексикографическая» эпитафия Феофана Прокоповича // Русская речь. 1995. No 5. С. 3-5. (см. также ЛЕКСИКОН, САРЯ 18, т. II, стр. 148.)

VASILY KIRILLOVICH TREDIAKOVSKY (1703-1769)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1745)
FOUNDER OF SYLLABO-TONICAL VERSIFICATION
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

других словарей, традицию, интуицию, разграничивает разные значения и употребления слова. При этом сама процедура определения значения большинства слов в словаре требует больших навыков, врожденного дарования, большого вкуса, стилистического мастерства и во многом, действительно, представляет собой особое искусство толкования текста, которое исключая определение терминов и топонимов, не может пока быть заменено никаким компьютером¹.

О трудности составления словаря говорил и В.К. Тредиаковский в речи 1735 г. к членам Российского собрания: «Вся трудность состоит в дикционарии. ... великое и трудное дело есть дикционарий, и дикционарий таков, какому ему быть надлежит, то есть полному и совершенному. Однако спрашиваю вас: видали ли вы когда дикционарий на каком языке? Вижу, что никто из вас не может отрещися; знаю, что из оных многие вы видали, и на многих языках. Сие самое, мои господа, доказывает ясно, что и дикционарий не выше человеческих сил, а сего с меня и довольно»².

Любое научное исследование начинается со сбора материала. Для того чтобы создать словарь, нужно множество примеров употребления слов в самых разнообразных контекстах. Информация о каждом слове помещается на карточки. В результате составители словаря располагают картотекой, которая и служит основой для нового словаря. Основы Академической словарной картотеки были заложены во времена Я.К. Грота (1812–1893) и А.А. Шахматова (1864–1920).

В ноябре 1886 года Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук приступило «к приговору материалов для Словаря, в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова, в их хронологической последовательности»³. Работа по подготовке словаря была поручена академику Я.К. Гроту. Словарь должен был строиться с опорой на язык писателей XVIII–XIX вв. В предисловии к «Словарю русского языка» читаем: «В прежнем академическом словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большей частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все наши первоклассные и некоторые второстепенные писатели»⁴.

Новый словарь русского языка стал первым в русской лексикографии словарем, который широко использовал материалы произведений художественной и специальной литературы для пополнения словника словаря, разработки словарных статей, для подтверждения значений слов цитатами, в первую очередь из литературных произведений. Сначала каждый участник работы выписывал цитаты на листы, затем включал их в словарную статью, тоже на листах. Лишь в 1888 году, как отмечается в отчете за этот год, введен новый прием «записывания слов на карточки одинакового размера, располагаемые в строго алфавитном порядке в особо устроенных для того ящиках. Этот прием существенно способствовал к упорядочению и ускорению работы»⁵. Составленные на карточках словарные статьи сдавались в

типографию, затем гранки разрезались, и один экземпляр, наклеенный на карточку, оставался в картотеке.

После смерти Я.К. Грота (24 мая 1893 г.) Отделение русского языка и словесности поручило работу по «Словарю русского языка» А.А. Шахматову. Он внес ряд изменений в характер словаря. Теперь временные границы словаря определялись периодом «от Пушкина до наших дней». Выборка производилась на конкретные буквы почти полностью из всех произведений И. Крылова, С. Аксакова, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Гончарова, И. Тургенева, А. Островского, Л. Толстого. Источниками картотеки стали также материалы народных говоров, цитаты из учебников, научных произведений и руководств. Накопление словарных материалов заметно увеличивается с 1927 года.

В 1937 году Президиум Академии наук постановил прекратить работу над «Словарем русского языка» Я. Грота–А. Шахматова и начать работу над «Словарем современного русского литературного языка». К этому времени в картотеке было более 4 000 000 карточек.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) прервала работу по собиранию и систематизации словарных материалов. Возобновилась она в 1948 году. В 50-е гг. XX века картотека была значительно увеличена и стала насчитывать более 6 000 000 карточек.

Перед составителями словаря стояла труднейшая задача отбора слов. В «Словаре современного русского литературного языка» включалась только общеупотребительная лексика от Пушкина до наших дней, за его пределами остались слова специальные и областные, устарелые и жаргонные. Однако некоторые из них нашли место в словаре. Главным критерием их отбора служило использование в художественной литературе.

Важной особенностью данного словаря, получившего в научных кругах неофициальное название БАС (Большой академический словарь), является широкое включение в его состав производных слов. Впервые в истории русской лексикографии достаточно полно и последовательно показывается разного рода типичные сочетания слов. Достоинством словаря является также то, что в нем толкуются не только переносные общеязыковые значения, но и образные, метафорические, еще не ставшие общепринятыми. Каждое значение, каждое употребление слова подтверждается рядом цитат, взятых из авторитетных источников. Составители выполнили и такую кропотливую работу, как указание на словарь, который первым поместил толкуемое слово.

Словарь издавался с 1948 по 1965 г. и вышел в 17 томах (вместо 12–15 задуманных). В 1970 году «Словарь современного русского литературного языка» был удостоен высшей правительственной награды страны – Ленинской премии. В 1975 году было принято решение о его переиздании. С 1968 по 1994 г. активно собирался материал для новой картотеки, насчитывающей около 2.000.000 карточек.

За период с 1991 по 1994 г. вышло 6 томов переработанного и дополненного второго издания словаря. В связи с изменением политической ситуации в стране, отсутствием финансирования издание было прекращено. Вместе с тем работа по сбору и обработке материала продолжалась, хотя и не столь активно,

¹ Грод А. С., Словарное значение слова и смысл // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии: Межвузовский сб. научных трудов. Иваново, 1997. С.195.

² Тредиаковский В. К., Стихотворения. Л., 1935. С. 332.

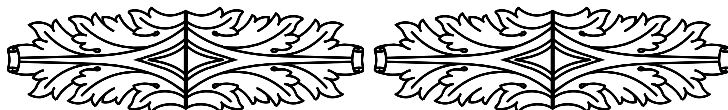
³ Отчеты ОРЯС (Отделения русского языка и словесности) за 1886–1891 гг., СПб., 1903. С.607.

⁴ Словарь русского языка. Т.1, А–Д, СПб., 1891–1895. С.VI.

⁵ Отчеты ОРЯС...С.658.

IVAN IVANOVICH BETSKOY (1704-1795)
EMINENT FIGURE OF RUSSIAN ENLIGHTENMENT
PRESIDENT OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1763-1795)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

как раньше. Результатом этой кропотливой деятельности явился «Большой академический словарь русского языка», начавший издаваться в 2004 году. Он продолжает и развивает богатые академические традиции словарного дела в России. Не случайно его назвали так, как неофициально именовался «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах. Как говорится в предисловии к словарю, «БАС – новый академический словарь современного русского языка. Он охватывает гораздо более протяженный хронологический период, чем все предыдущие академические словари, и тем самым представляет собой уникальную сокровищницу русской лексики XIX–XXI вв.»¹. Предполагается, что словарь будет состоять из 30 томов. В настоящее время вышли из печати 14 томов, в издательстве находятся еще 5 томов. Завершено издание будет предположительно через 7–8 лет.

Словарь создается небольшим коллективом – 8 человек (для сравнения укажем на то, что над новым изданием Оксфордского словаря английского языка в настоящее время трудится 80 специалистов). Когда начиналась работа над словарем, в штате было 6 сотрудников, причем все они, за исключением доктора филологических наук **Л. Е. Крутlikовой**, подключившейся к работе в 1995 году, уже участвовали в предыдущих подобных изданиях. Это главный редактор издания доктор филологических наук, автор ряда словарей и многочисленных научных публикаций **Кирилл Сергеевич Горбачевич**, скончавшийся в 2005 году, ныне покойные кандидаты филологических наук **Людмила Ивановна Балахонova** и **Николай Васильевич Соловьев**, кандидат филологических наук **Вера Петровна Фелицына**, помощник главного редактора **Александр Андреевич Заяц**. На разных этапах создания данного лексикографического труда к работе над ним подключились выпускники Санкт-Петербургского государственного университета **Ульяна Викторовна Буторова**, **Дмитрий Иванович Панков**, **Анна Сергеевна Марина**, а также кандидат филологических наук **Александр Александрович Шушков**. В настоящее время к работе над словарем в качестве внештатных сотрудников привлечены 3 магистранта Санкт - Петербургского государственного университета с целью обучения их словарному делу. С 2004 года (начала издания словаря) до 2008 года научным координатором издания данного лексикографического труда являлся известный лингвист, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук **Александр Сергеевич Герд**, который после смерти К. С. Горбачевича, начиная с 13 тома, выполняет обязанности главного редактора словаря.

За последние годы, благодаря развитию информационных технологий, значительно расширен круг источников, из которых выбирается материал для «Большого академического словаря русского языка». В частности широко используется Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), объем которого составляет более 140.000.000 слов. Чтобы показать многообразие источников, послуживших основой для создания Национального корпуса русского языка, достаточно привести следующую информацию с его сайта: «Национальный корпус русского языка охватывает прежде всего период от середины XVIII до начала XXI века: этот период представляет как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах — литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном. В корпус

включаются оригинальные (непереводные) произведения художественной литературы (проза и драматургия, в дальнейшем также поэзия), имеющие культурную значимость, а также представляющие интерес с точки зрения языка. Но Национальный корпус ни в коей мере не является только корпусом языка художественной литературы. Помимо художественных текстов, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного (а для современного этапа — и устного) языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, публичные выступления, частная переписка, дневники, документы и т. п.».

По всей видимости, объем Большого академического словаря по сравнению с заявленным (150.000 словарных статей) окажется значительно большим, так как использование компьютерных технологий дало возможность выявить новые языковые единицы, которые выпали из поля зрения при традиционной выборке материала. К тому же надо учесть, что в соответствии с принятыми принципами в одной словарной статье с прилагательными разрабатываются отдельные разряды производных от них наречий. Внутри словарной статьи также находится множество фразеологизмов.

Привлечение новых источников не изменило сущность словаря. Он остался нормативным словарем современного русского языка. **То, что находится за этими пределами, отражается в других лексикографических справочниках.** Укажем прежде всего на те, работа над которыми ведется в Институте лингвистических исследований РАН. Это «Словарь русских народных говоров» (вышло 42 [ММК] томов, издание продолжается), «Словарь русского языка XVIII века» (вышло 19 [ММК] томов, издание продолжается), словари новых слов и значений, которые выходят как ежегодно, так и раз в десятилетие. К ним примыкает «Словарь русского языка XI–XVII вв.», подготовка которого ведется в Институте русского языка РАН (вышло 29 [ММК] томов, издание продолжается).

§ 2 РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Редакторы: С. А. Головань и М. Ф. Карамян.

Академическая лексикография в России возникла в конце XVIII в. Над первым толковым *Словарем Академии Российской* (САР) работали выдающиеся деятели культуры, политические деятели, в том числе и такие писатели, как Екатерина Великая, Е.Р. Дашкова, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин и др.

Как же дальше развивалась лексикография в России и в Советском Союзе? Над какими сейчас словарями работает Академия Наук? Как сегодня ориентироваться в существующем многообразии словарей? Сия монография посвящена истории и современному состоянию академической лексикографии в России.

§ 2.1 Русская академическая лексикография XVIII века

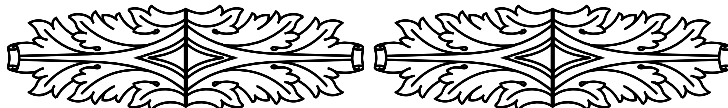
XVIII век — это новая и особая страница в истории России, характеризующаяся как эпоха решительных перемен. Уже с конца XVIII века укрепляются связи с Западной Европой — дипломатические, торговые, научные, культурные и пр. Развитие военного и морского дела, наука, «художеств» требовало многих специалистов. Наряду с приглашением западных мастеров, ремесленников, ученых посылаются для

¹ Большой академический словарь русского языка. М.: СПб., 2004. Т. 1. С. 4.

LEONARD EULER (1707-1783)
RUSSIAN MATHEMATICIAN AND PHYSICIST
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1766)
(ARTWORK COURTESY OF THE KUNSTMUSEUM BASEL, BASEL)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

обучения за границу русские юноши. Одновременно принимаются меры для обучения своих, «природных» знатков у себя. С этой целью заводятся новые учебные заведения — морской и сухопутный шляхетские корпуса, в середине века также и морская академия, артиллерийские училища, медицинское, хирургическое училища. В 1725 г. начинает действовать Академия Наук с гимназией и университетом. В 1755 г. открывается Московский университет и гимназия. Появляются первые женские учебные заведения и частные пансионы. В 1783 г. открывается первое филологическое научное учреждение — *Российская Академия*, ставшая своей задачей создание словаря, грамматики и риторики русского языка.

В стране происходит рост книгопечатания, вводится гражданский шрифт. Увеличивается количество типографий, а с 80-х гг. наряду с правительственными проявляются и частные типографии. Печатная продукция растет с каждым десятилетием, пик ее приходится на 70 – 90 гг. Именно книги играли важную роль в овладении культурными достижениями западноевропейского мира, в распространении образования и просвещения.

XVIII в. в истории лексикографии стал периодом быстрого и решительного развертывания словарных работ. С начала века происходит переход от предшествующей традиции рукописного воспроизведения словарей книгопечатанию. Тем самым словари становятся гораздо более доступной, массовой продукцией. Многие из них выдерживают по несколько изданий, подвергаясь исправлениям и дополнениям при каждом переиздании. Увеличиваются и их тиражи. Тем не менее постоянно наблюдался «словарный голод», поскольку росла потребность в получении новых видов словарей и была недостаточная обеспеченность выпущенными лексиконами. Если учесть также, что печатные книги, в том числе и словари, стоили дорого, то понятно, что продолжалось составление новых и переписывание старых рукописных словарей.

О печатной словарной продукции XVIII в. дает представление аннотированный указатель В.П. Вомперского,¹ содержащий 277 номеров. Справочников, обобщающих сведения о рукописных лексиконах XVIII в., назвать пока невозможно. Развитие словарного дела на протяжении века не шло по нарастающей прямой. По подсчетам Л.С. Ковтун, проведенным по Указателю Вомперского, к первой четверти века относится 25 словарных работ, ко второй несколько меньше — 19, к третьей четверти — 50, следовательно, больше, чем за всю первую половину века, а в последней четверти наблюдается бурный рост лексикографических изданий — 183 словарных труда.

Расширяется круг людей, занимающихся составлением словарей. Если в предшествующую пору словарное искусство было по преимуществу делом монахов-книжников и деятелей культуры, таких как Максим Грек, Лаврентий Зизаний, Павла Берында, Епифаний Славинецкий, то в XVIII в. среди авторов словарей оказались и профессиональные переводчики (И.С. Горлицкий, В.Е. Адогуров, С.С. Волчков, И.П. Сатаров, К.А.

Кондратович, Г.Н. Теплов), и профессора, преподаватели и учителя учебных заведений (И.А. Гейм, Ф. Гелтергоф, П.И. Жданов, Н.Г. Курганов, Д. Синьковский), и академики (П.Б. Иноходцев, И.Л. Лепехин, Н.Я. Озерцовский, А.П. Протасов, С.Я. Румовский), и лица духовного звания (П. Алексеев, Аполлос Байбаков, Евгений Романов), и государственные и общественные деятели (Я.В. Брюс, В.Н. Татищев, Е.Р. Дашкова). Хотя в прежних словарных центрах, таких как Киевская и Московская академии, продолжалась словарная работа (напр. в 1724 г. И. Максимович составил Латино-русский Лексикон, использовав Латино-польский словарь Кнапского; словарь не публиковался), однако все больше лексикографическая деятельность тяготеет к новым научным центрам, прежде всего к Академии Наук. Силами академических переводчиков были сделаны первые большие иноязычно-русские словари, ориентированные на живые европейские языки — немецкий² и французский³, обработан с добавлением к нему русской части латино-немецкий лексикон⁴ — словарь учебного назначения и составлен к нему алфавитный «Реестр российских слов». Не все словарные работы, которые велись в Академии, были опубликованы. К примеру, остались в архивах АН Польско-латино-греческий словарь Княпия с добавленным переводом на русский язык, Двенадцатизычный лексикон Калепина, а также Русско-латинский Целлариус лексикон, представленные академическим переводчиком К. Кондратовичем⁵.

Академия рассматривала также словари, поступавшие к ней на «апробацию», давая им строгую оценку и нередко отклоняя их. Так, не был одобрен Российско-немецкий лексикон И.Л. Егера, в частности из-за введения слов, «таких, — как писал в своем заключении И.И. Тауберт, — ни в Славянском, ни в Русском языке нигде не бывало». По отзыву Ломоносова был признан неудовлетворительным и возвращен автору Русско-латино-итальяно-французский словарь Г. Дандило.

Характерно, что на Академию наук как на средоточие словарных работ возлагали надежды ее современники. Показательна в этом отношении программа создания лексиконов, которую развертывает В. Н. Татищев в своих письмах к Шумахеру⁶. Татищев считает первейшей задачей создание славено-русской грамматики и лексикона, «которых нет», затем нужны лексиконы тех языков, «с которого и на который переводить», ибо без хороших словарей «переводы не только трудны, но и весьма неисправны являются». Он предлагает использовать «Фабриев» латинский лексикон в качестве образца для составления, высоко ценившийся в то время (им пользовался Тредиаковский, Ломоносов, Кондратович⁷). При этом, так как словарное дело «колько нужно, толико трудное», то чтобы привлечь знающих людей, по мнению Татищева, нужно предложить за сочинение лексиконов награждение (за Фабриев, например, до 500 рублей).

После открытия Московского университета в сфере его интересов также оказываются словарные работы.

Составление и издание словарей в других местах России, судя по библиографическим справочникам, осуществлялось

¹ Вомперский В. П., *Словари XVIII века*. М., 1986. 136 с. — В указатель включены также и несобственно словарные книги: так называемые «Домашние разговоры», «Школьные разговоры», представляющие собой параллельные тексты на двух или более языках.

² Вейсман Э., *Немецко-латинский и русский лексикон* купно с первыми началами русского языка и общей пользе при изп. Академии наук печатно издан. СПб., 1731.

³ Волчков С. С., *Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова*. СПб., 1755 - 1764. Ч. 1 - 2.

⁴ Целларий К., *Христианский Целларий Краткой латинской лексикон с польским и немецким переводом*... СПб., 1746.

⁵ Макаев В. Н., *Русская лексикография 40-х—50-х годов XVIII в. и Ломоносов* // Ломоносов. Сб. статей и материалов. IV. М., -А, 1960. С. 180 - 205.

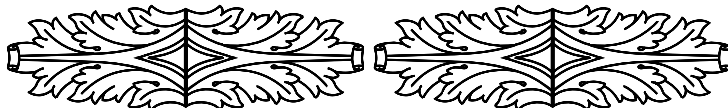
⁶ Перепелко В. Н., *Татищев за 1746 - 1750 гг.* // Ист. архив. Т. VI, М. - А, 1951.

⁷ Faber B. S., *Thesaurus eruditioris scholasticae omnium usui et disciplinam omnibus*... Lipsiae, 1735.

ANTIOCHUS KANTEMIR (1708-1744)
RUSSIAN POET-SATIRIST AND DIPLOMAT
EMINENT FIGURE OF EARLY RUSSIAN ENLIGHTENMENT
RUSSIAN AMBASSADOR TO LONDON AND PARIS (1738-1742)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

нечасто: несколько словарей было издано в Риге¹, упоминаются город Владимир, Екатеринослав.

Словари, изданные на протяжении XVIII в., могут быть отнесены к четырем основным направлениям:

- переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные словари;
- словари иностранных и непонятных слов;
- специальные словари (терминологические и энциклопедические); и
- толковые словари.

Эта классификация в известной мере условна, поскольку, многие словари не представляют собою «чистого типа» как по составу отбираемого материала, так и по способам его описания. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть совокупность словарей в рамках намеченных рубрик, а очерки о некоторых наиболее существенных для истории лексикографии XVIII в. словарях дать отдельно. Поскольку единственный полностью составленный толковый словарь появился лишь в конце века, то предшествующие ему лексикографические начинания, относящиеся к нашему четвертому направлению, разумнее представить в очерке об этом словаре, а именно — о «Словаре Академии Российской».

В XIX в. русская национальная культура достигла в литературе, искусстве, во многих областях знания, тех высот, которые определимы словом «классический» (в смысле «могущий служить образцом; совершенный»² и вместе с тем «основополагающий, отличающийся особенной точностью и полнотой»³). Значительны и успехи лексикографии. Явной переменной явилось выдвижение в качестве ведущего типа толкового словаря национального языка. Этот поворот в ориентации словарного дела произошел уже в конце 80—90-х гг. XVIII в., ознаменованный выходом в свет *Словаря Академии Российской*. На исходе XIX в. была решена (в плане лексикографическом) кардинальная проблема славяно-русских взаимодействий. С этого времени толковые словари непосредственно ориентированы на описание русского языка. Названный перелом был предопределен тем, что в ходе развития языка национального, являющего собой синтез разговорной и письменной речи, объектом более пристального внимания лексикографов становится живая русская речь в ее городском и крестьянском обличии (См.: *Словарь живого великорусского языка* В. И. Даля, 1863—1866 гг.). Значительным для лексикографической практики XIX в. и ее теоретических обобщений было также все более четкое осознание и оформление отличительных признаков филологического словаря, его несходных с энциклопедией, сложных и разнообразных функций.

XIX век начался с переиздания САР (1806—1822 гг.) и параллельных с этим усилий по выработке основ нового академического словаря. Подготовкой его в это время руководил А.С. Шишков, а после организации второго (словесного) отделения Академии Наук — А.Х. Востоков решительное изменивший лексикографические научные планы. «Словарь Церковнославянского и русского языка» (в 4-х томах) был напечатан в 1847 г. В этом труде выявлены и отграничены от

смежных областей параметры избранного (философического) аспекта описания словарного состава в виде ряда характеристик, указывающих на отношении лексики к другим языковым уровням — грамматике и фонетике; разграничены словообразовательные и орфографические варианты лексем; решается по языковым признакам проблема омонимии; отработаны отвечающие принципам языкового анализа типы лексических значений.

Переводная и специальная лексикографии обособились. Вокруг жанра толковых словарей возникли словарные разработки, которые углубляли (в историческом и современном аспектах) те или иные стороны изучения процесса формирования языка русской нации. Так «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. был призван фиксировать состояние этих языков, описав под этим углом зрения лексику русской книжности середины XIX в.

Предвидя дальнейшее развитие русского языка, естественней было бы сделать упор на его ежечасно крепнущие позиции, о чем и говорили противники выдвинутого Академией плана, но у Второго (словесного) отделения АН была иная цель. Выход в свет в 1858 г. «Словаря церковнославянского и русского языка» А.Х. Востокова показывает, что этой целью вовсе не было смешать языки, названные в заголовке академического словаря, скорее, напротив развести их, выявив зоны наибольших сближений, запечатлев результаты их длительного взаимодействия на том переломном этапе, которым была для русского литературного языка середина XIX в. Научное значение поставленной и решенной Словарем 1847 г. задачи неоспоримо. Материалы этого словаря еще далеко не использованы и не оценены. Что касается «Словаря церковнославянского и русского языка», то его состав не только имеет самостоятельное научное значение, но и во многом служит обоснованием того отбора церковнославянских слов, который был сделан при создании второго академического словаря.

Система русских словарей, разработанная в академических кругах середины XIX в. была, таким образом, ориентирована в первую очередь на изучение истории языка. «Толковые словари русского языка, — пишет об этом состоянии знаний, академик В.В. Виноградов, — отрываются от живого процесса литературного языка»⁴. И далее, имея ввиду «Словарь Академии Российской» в издании 1806 г. и особенно «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в свет в 1847 году: «Казалось, что главной задачей академических словарей стал ареставрация старого литературного наследия».

Разработка профиля филологического словаря была интенсивно продолжена в начальном томе (А—Д) третьего академического словаря, вышедшего в 1895 г. под редакцией академика Я.К. Грота. Выдающееся значение этого труда не только в том, что объектом описания впервые явился современный литературный язык, но и в том, что задача описания значений слов здесь осмыслена в органической связи с описанием образцового словоупотребления. Изучение семантических и стилистических особенностей применения слов потребовало широких материалов и вызвало настоятельную нужду в создании фундаментальной словарной картотеки. Начало собирания Я.К. Гротом материалов для первой

¹ Родде Я. М., *Российский лексикон по алфавиту*, изданный Яковом Родде секретарем и переводчиком при Министрате российско-императорского города Риги. Лейпциг, 1784; И. А. Гейм, *Словарь немецко-русский и русинско-немецкий* старшим Иоганна Гейма. Рига, 1795-1798, ч. 1-2.

² *Словарь современного русского литературного языка*, Т. V, столб 997. Слова «классик» в том же словаре определено «образцовый, выдающийся, общепризнанный писатель, деятель науки, искусства» (стб. 994).

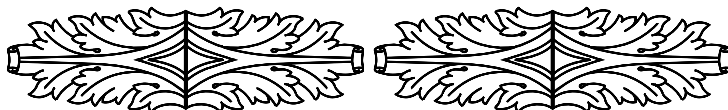
³ Там же, стб. 997.

⁴ *Ibid.*, стр. 223.

ELIZABETH OF RUSSIA (1709-1762) ELIZAVETA PETROVNA
EMPRESS AND AUTOCRAT OF ALL THE RUSSIAS (1741-1762)
(ARTWORK OF A PRIVATE COLLECTION, BERLIN)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

картотеки русских слов, связанное с этим периодом развития лексикографии, относится к 1886 г.

В 1894 г. после смерти академика Грота в 1893 г., начиная со второго тома, работу над академическим словарем возглавил Алексей Шахматов. С преобразованием грововского нормативного словаря в шахматовский тезаурус, в котором, помимо лексики литературного языка, должны были быть описаны и слова других подсистем языка нации, объем картотеки стал быстро и непрерывно возрастать, а состав ее становится все более многоплановым. Отвергнувший рекомендательный подход к языковым материалам, Шахматов не только нне оттищал принцип анализа словоупотребления, но именно этот анализ и стал неперменным условием выявления смысловых структур, а требование визможно более полного и объективного отражения состояния языка и обязательной документации, сделанных обобщений, придало еще большую весомость роли словарных фондов.

Возникновение магистральной линии в развитии русской лексикографии, всецело устремленной к собиранию, разработке и описанию лексики национального языка, вызвало коренные изменения в самой структуре этой области знаний. Произошло заметное обособление двух ее функциональных сфер:

- переводной лексикографии, в том числе и учебныс словарей, и
- лексикографии энциклопедической.

Обе эти области описания слов или ветви лексикографии, то расходясь, то смыкаясь, были ведущими на протяжении трех четвертей XVIII в. Насущно необходимые и сами по себе, они бмесе с тем подготовили почву для создания толковых словарей национального языка. «Работа над составлением русско-иноязычных словарей, — пишет в этой связи академик В.В. Виноградов, — имела громадное значение для развития русского литературного языка. Поиски русских соответствий иностранным словам приводили более к глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Устанавливались национальные русские формы для выражения понятий, выработанных западноевропейскими языками. При определении значений чужого слова точнее осознавались смысловые оттенки синонимов в составе самого литературного языка. Все эти процессы обострили еще необходимость объяснять широким кругам общества значение недавно заимствованных терминов»¹. Столь же значительна для развития науки, культуры и языка, а также для словарных трудов, выполняемых в филологическом аспекте, роль энциклопедий и всякого рода специальных словарей. Без опоры на них не будет достаточно достоверным и филологический анализ словесных значений. Слова представляют собой наименования классов реалий. Описание их смыслового содержания не может быть оторвано от познания самой действительности, или, точнее, исторической изменчивости наших сведений о реальном мире. Соответствие толковых словарей современного языка современному уровню научных знаний во многом зависит от возможности привлечь компетентные источники. Академическая лексикография XIX века получила такую опору.

«Крупнейшие писатели XIX в. стремились как можно теснее сблизить литературный язык с народным. Гоголь собирал материал для нового словаря русского языка»². Им должен был стать труд, объединяющий «все книжные и народные богатства

родной речи»³. В «Напутном слове», прозвучавшем 21 апреля 1862 г. на заседании «Общества любителей русской словесности», В.И. Даль произнес свои широко известные слова: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный»⁴.

§ 2.2 Русская академическая лексикография XX века

Конце XIX в. в истории русской лексикографии ознаменовался выдающимся явлением — созданием первого тома (А—Д) *Словаря Русского Языка* под ред. академика Я.К. Грота. Смерть прервала работу Грота над составлением этого словаря. Преемником Я.К. Грота на посту главного редактора и руководителя словаря стал Алексей Шахматов, который по его словам, всецело посвятил этой работе первые годы пребывания в Академии. Шахматов коренным образом меняет все направление словаря. Прежде всего отвергается точка зрения на «пределы содержания словаря»: в словарь широко открывается доступ областной лексике, церковнославянизмам, узкоспециальным терминам, окказиональным словам, и архаизмам. Из словаря литературного языка нормативного типа издание превращается в словарь *thesaurus* — сокровищницу русского языка без разграничения понятии «литературное» — «областное», «современное» — «устарелое», «общеупотребительное» — «специальное». Изменился способы толкования слов и выделения значений, а также приемы грамматической характеристики. Словарь отказывается от стилистических и других оценочных помет. Нормативные указания и рекомендации вытесняются указанием источников, в которых употреблено слова. Нормативность *Словаря русского языка* установленным акад. Я.К. Гротом отвергается акад. А.А. Шахматовым принципиально. Эта точка зрения была характерной для «Далеваго языкознания» конца XIX в.

Во взглядах Шахматова на задачи словаря и принципы его составления сказалось также основное направление научной деятельности ученого — историко-диалектологическое.

После Октябрьской революции работа над словарем шахматовской редакции была возобновлена в 1922 г. специально созданной при Академии Наук Комиссией по составлению *Словаря* под председательством акад. В.М. Истрина. В Комиссию входили:

- С.П. Обнорский;
- В.И. Чернышев;
- Л.В. Щерба;
- Е.С. Истрина;
- П.Л. Маштаков, и
- И.А. Фалев.

В Академии Наук был создан институт штатных научных сотрудников. Лексикографическая работа в Академии Наук получила объединяющий коллективный центр. Работа каждого редактора теперь коллективно обсуждалась на заседаниях Комиссии, что способствовало подъему общей теоретической мысли в области лексикографии. Однако интересный и многообещающий по замыслу *Словаря русского языка* шахматовской редакции оказался неосуществленным. Издание отдельных выпусков словаря затянулось и рподолжалось до начала 30-х годов XX в., но так и осталось незаконченным. Практические достижения Словарной Комиссии были

¹ Виноградов В. В., *Толковые словари русского языка* // Избранные труды, *Лексикология и лексикография*, Москва, 1977. С. 213.

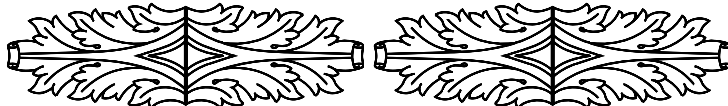
² *Ibid.*, стр. 223-224.

³ Цейтлин Р. М., *Краткий очерк истории русской лексикографии*, Москва, 1958, С. 74.

⁴ Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, третье издание Бодуэна де Куртэна. Москва, 2004. Т. I, С. 9.

SAMUEL JOHNSON (1709-1784)
ENGLISH ESSAYIST AND LEXICOGRAPHER
AUTHOR OF THE DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE (1755)
(ARTWORK COURTESY OF MAGILL LIBRARY, QUAKER & SPECIAL COLLECTIONS, HAVERFORD)

незначительны. Более важной представляется теоретическая разработка вопросов связанных с дальнейшей работой нач целой серией словарей русского языка.

Подчеркивая, что словарная работа должна основываться на достижениях филологической науки, В.М. Истрин вместе с тем замечал, что при этом необходимо учитывать и конкретно-исторические условия, в которых создается каждый словарь. Отсюда — выдвигается задача вести разработку материалов русского языка в двух направлениях:

- изучение народных говоров;
- изучение литературного языка в его истории и современном состоянии.

Намечается продолжение издания словаря шахматовской редакции, выпуск «время от времени» добавлений к словарю, составление (два раза в столетие) словаря литературного языка строго синхронного характера, подготовка идеографического и синонимического словарей, составление словарей языка писателей. Эти планы были рассчитаны на значительный срок. Они сохраняют в определенной мере актуальность и в наше время.

В конце 30-х годов XX в. возникает идея создания многотомного *Словаря современного русского литературного языка* (БАС1), а в начале 50-х годов задумывается и начинает составляться четырехтомный *Словарь русского языка* — словарь среднего типа. Семнадцатитомный *Словарь современного русского литературного языка* (Большой Академический словарь, БАС1) был издан 1948-1965 гг., а его второе прекрасное издание перестало существовать после VI тома из-за политического и экономического состояния в СССР во время издания I-VI томов БАС2. В 1957-1961 гг. выходит в свет четырехтомный *Словарь русского языка* (МАС — Малый академический словарь. Создание этих словарей завершает целый этап в истории русской академической лексикографии, но отнюдь не завершает существование русской академической лексикографии.

§ 3. РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЗА 40 ЛЕТ [1917-1957]^{1, 2}

Автор: С.Г. Бархударов.

Развитие русской советской лексикографии связано с длительной научной традицией составления академических словарей русского языка. Известно, что работа над словарем русского языка всегда считалась одной из главных задач в деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук. На протяжении более полутора столетий в Академии почти непрерывно велась словарная работа. И каждый из изданных Академией словарей русского языка был большим событием в культурной жизни России.

Среди этих словарей наиболее крупными научными предприятиями были следующие четыре издания толкового словаря русского языка, каждое из которых отличалось по своему объему, направленности и принципам построения и представляло собой определенный этап в развитии лексико-грамматической теории и техники в нашей стране:

- 1) «Словарь Академии Российской» в шести частях (1789—1794),

- 2) «Словарь церковнославянского и русского языка», сост. Вторым отдием Ими. Акад. наук (1842—1847),
- 3) «Словарь русского языка» акад. Я.К. Грота, т. I — буквы А—Д (1891—1895),
- 4) «Словарь русского языка» под ред. акад. А.А. Шахматова (буквы Е—Ж—З) (1897—1907).

К этим академическим словарям примыкает известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1-е изд. — 1863—1866; 2-е изд. — 1880—1882).

Советская академическая лексикография по своим словарным и фразеологическим материалам, по системе филологической разработки значений и оттенков значения слова, по технике показа сферы употребления слова, по способу грамматической характеристики слова в значительной степени опиралась на опыт, с одной стороны, гротовской, а с другой — шахматовской редакции словаря русского языка. Поэтому считаю необходимым напомнить в общих чертах историю возникновения и принципы построения этих двух словарей.

Отделение русского языка и словесности АН вслед за выходом в свет «Словаря церковнославянского и русского языка» поставило вопрос о возобновлении подготовительных работ и о переиздании словаря с исправлениями и дополнениями. В 1854 г. Отделение опубликовало «Мнения о новом издании русского словаря и правила издания, утвержденные Вторым отделением Академии наук». Отделение, согласно с мнением И.И. Срезневского, намечало теперь к изданию словарь русского языка, не объединяя его со словарем церковнославянским. «Нельзя смешивать, — говорится в этом „Мнении“, — старославянского наречия с русским совершенно безусловно. Самая измененность первого у русских показывает, что нам принадлежит та часть его, которая принята, изменена и возделана нами... составитель Словаря... не может быть смелее писателей и народа, не может включать в Словарь русский того, что не употребляется в наших книгах или в нашем народе» (стр. 9). Быстрое развитие общественной жизни, русской художественной литературы, науки, искусства и связанный с этим сильный рост русского языка указывали на необходимость «в новом издании стеснить пределы словаря в отношении к церковнославянскому языку», а также вообще относительно слов устарелых, отживших, малоупотребительных. Состав будущего издания должен был определяться новым положением: «Помещать в Словаре современного русского языка слова современного нашего общества, современной нашей жизни — семейной, общественной и умственной...» (стр. 13). После основной статьи за подписью председателя Второго отделения акад. И.И. Давыдова следовали записки и замечания об объеме, плане и построении нового издания словаря виднейших филологов того времени: Д.И. Бердникова, Ф.И. Буслаева, Н.И. Греча, Я.К. Грота, В.И. Даля, Г.П. Павского, И.И. Срезневского, С.П. Шевырева.

Предполагавшееся издание не было осуществлено в свое время, хотя Отделение продолжало заботиться о собирании материалов и работало над подготовкой примерных листов словаря. Примерные листы слов на букву А, подготовленные акад. И. И. Давыдовым, были напечатаны в V томе «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики»,

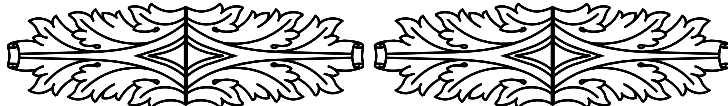
¹ С. Г. Бархударов, Вопросы языкознания, АН СССР, № 5, 1957, С. 31-45.

² Степан Григорьевич Бархударов (23 февраля (7 марта) 1894, Баку — 3 октября 1983, Москва) — советский педагог, лингвист, специалист по грамматике и лексике русского языка, профессор (1932), член-корреспондент АН СССР (1946), редактор многотомного «Словаря русского литературного языка». Родился в армянской семье. В 1918 году окончил факультет славянской филологии Петербургского (Петроградского) университета. По представлению академика А. А. Шахматова был оставлен на кафедре русского языка для подготовки к научно-исследовательской работе. В 1918—1922 годах преподавал русский язык в школах Питтигорска, Баку, Петрограда. С 1926 года доцент, а с 1932 года профессор кафедры русского языка Ленинградского государственного университета. В 1950—1953 гг. заведовал кафедрой русского языка Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Заведовал словарным сектором Института русского языка Академии наук СССР. Был председателем редколлегий 2, 3 и 4 томов и членом редколлегий всех других томов академического «Словаря современного русского литературного языка». В 1970 г. С. Г. Бархударову была присуждена Ленинская премия. Был инициатором создания четырехтомного академического словаря русского языка. Он был председателем редколлегий первого тома этого словаря. В 1975—1979 гг. возглавлял подготовку четырехтомного «Словаря древнерусского языка».

MIKHAIL VASILYEVICH LOMONOSOV (1711-1765)
RUSSIAN POLYMATH
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1745)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

в 1861 г. Но тотчас вслед за этим, в 1863—1866 гг., вышел «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля в 4 томах, издание которого, хотя и построенное на иных основаниях, все же отвечало задаче Отделения и несколько смягчало остроту назревшей общественной потребности. Словарь Даля был переиздан в 1880—1882 гг. А в «Отчете о деятельности Отделения» за 1886 год было заявлено о возобновлении работ над «составлением полного словаря русского языка, который совмещал бы в себе все его богатство». С этого времени в протоколах и отчетах Отделения постоянно сообщается о ходе работы над словарем. Руководство работами было поручено акад. Я.К. Гроту.

В отношении цели и назначения словаря было указано, что он «имеет по преимуществу практический характер». «Отделение русского языка и словесности имело в виду дать словарь, который отвечал бы потребностям образованного класса людей вообще, но к которому мог бы прибегать с пользою и литератор и ученый» («Предисловие», стр. XII). Самый подбор лексики указывает на большие сдвиги в понимании того, каков должен быть состав словаря современного русского литературного языка; так, иностранные заимствованные слова и неологизмы включались в словарь постольку, поскольку они, отвечая преобразованиям «общественного и государственного быта», входили в общее употребление. Как указано в положении втором, в словаре помещались частично областные слова, встречающиеся у писателей или представлявшие составителям словаря ценными по своему содержанию. Основной же состав словаря относился к литературному языку. Вместе с расширением словарного состава расширялась и семантическая обработка словарных статей: в них более тщательно и детально указывались значения слов и приводились примеры их употребления у писателей «первоклассных и некоторых второстепенных». Новый словарь по своему объему был значительно больше предшествующего издания 1847 г.

Основная работа по словарю производилась редактором его акад. Я.К. Гротом. Корректурные листы словаря обсуждались сначала на заседаниях Отделения, затем исправленные корректуры рассылались членам других Отделений, многим ученым и любителям русского слова, выразившим готовность принять участие в их чтении, дополнении и исправлении. Лишь после такого широкого просмотра текст окончательно редактировался и поступал в печать. Вполне понятно, что работа по составлению и изданию «Словаря русского языка»¹ шла медленно: I том, на буквы А — Д, печатание которого было начато в 1891 г., вышел лишь в 1895 г. Он был закончен уже после смерти акад. Грота (в мае 1893 г.), главным образом благодаря трудам акад. А.Ф. Бычкова. Дальнейшее редактирование этого издания было поручено в конце 1894 г. вновь избранному члену Отделения А.А. Шахматову.

Взявшись за порученное ему дело с исключительной энергией, новый редактор обратил внимание на недостаток точных документированных материалов, по которым надлежит прежде всего устанавливать самый словарный состав

литературного языка, а затем определять значения слов и показывать примеры их употребления. Приостановив составление словаря, Шахматов, с согласия Отделения, целиком отдался собиранию обширных материалов из произведений писателей XIX в., а также из учебной и научно-популярной литературы по разным областям знания. Широко собиравшиеся материалы позволяли значительно расширять и углублять словарные статьи, давать более тонкую и подробную семантическую характеристику слов с большим выделением типичных словосочетаний, оборотов и идиоматических выражений, с рядами соответствующих примеров из произведений писателей. Была выработана более полная и последовательная система подачи грамматических сведений, входящих в словарную статью, введены инославянские параллели. Вслед за всеми этими подготовительными работами Шахматов предложил коренное изменение плана словаря, настаивая на включении в него вместе с литературной лексикой и лексики диалектной, сведения о которой в это время стали поступать в Отделение в ответ на рассылавшиеся Отделением «Программы для собирания великорусских говоров». К непосредственной работе над словарем были привлечены многие работники с мест, среди которых были известные знатоки народного языка, быта, творчества; материалы, доставленные ими, встречаются уже на первых страницах нового издания. В число источников «Словаря русского языка» вошли богатые материалы русского фольклора: былины, песни, сказки, пословицы.

В конце 1897 г. был закончен и вышел из печати I-й выпуск новой редакции, обозначенный как I-й выпуск II тома (Е — Железный). В «Предисловии» к нему были даны объяснения по поводу происшедших изменений в программе издания.

Уже в «Предисловии» к I-му выпуску 1891 г. была отмечена трудность разграничения общерусских слов и слов областных. В дальнейшем, с накоплением обширного материала, затруднения эти становились все ощутительнее: «...во-первых, далеко не всегда выяснялось, насколько то или другое областное слово распространено, так как среди областных слов попадаются нередко такие, которые известны на большом пространстве России, но чужды общеупотребительному языку, языку Москвы и Петербурга, центров нашей образованности; во-вторых, самый язык наших писателей изобилует областными словами: Тургенев, Кольцов, Григорович, гр. Л. Толстой, Мельников, Гл. Успенский, Златовратский и др., описывая народную жизнь, не только впадают в уста действующих лиц слова местного, областного происхождения, но и сами охотно их употребляют; в-третьих, наконец, оказывалось, что в „общеупотребительном“ языке недостает слов для выражения очень многих понятий, определенно выражаемых областными словами: таковы, в особенности, слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремеслам и производствам» (стр. V). В силу этих соображений «Отделение русского языка и словесности, оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности,

¹ Словарь русского языка (или Словарь Грота—Шахматова), составл. 2-м отделением имп. Академии наук. Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением. Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, 1891—1930.

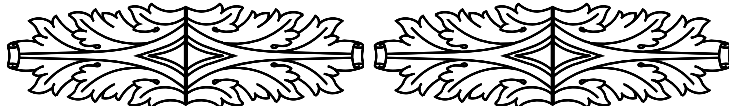
Том 1, выпуск 2 (А—Бз), 1891; Том 1, выпуск 2 (Вз—Дз), 1892; Том 1, выпуск 3 (Дз—Дз), 1895 / Под ред. Я. К. Грота; Том 2, выпуск 1 (Е—Железный), 1897; Том 2, выпуск 2 (Железный—Зз), 1898; Том 2, выпуск 3 (Зз—Зз), 1899; Том 2, выпуск 4 (Зз—Зз), 1900; Том 2, выпуск 5 (Зз—Зз), 1901; Том 2, выпуск 6 (Зз—Зз), 1902; Том 2, выпуск 7 (Зз—Зз), 1902; Том 2, выпуск 8 (Зз—Зз), 1905; Том 2, выпуск 9 (Зз—Зз), 1907 / Под ред. А. А. Шахматова; Том 3, выпуск 1 (И—Из), 1922 / Под ред. С. К. Булича; Том 3, выпуск 2 (Из—Из), 1929 / Под ред. А. В. Шербы; Том 4, выпуск 1 (К—Кампиль), 1906—1907; Том 4, выпуск 2 (Кампиль—Кампиль), 1908; Том 4, выпуск 3 (Кампиль—Кампиль), 1909; Том 4, выпуск 4 (Кампиль—Кампиль), 1911; Том 4, выпуск 5 (Кампиль—Кампиль), 1912; Том 4, выпуск 6 (Кампиль—Кампиль), 1913; Том 4, выпуск 7 (Кампиль—Кампиль), 1914; Том 4, выпуск 8 (Кампиль—Кампиль), 1915; Том 4, выпуск 9 (Кампиль—Кампиль), 1916; Том 4, выпуск 10 (Кампиль—Кампиль), 1926 / Под ред. Д. К. Зеленина; Том 5, выпуск 1 (Л—Лёкий), 1915; Том 5, выпуск 2 (Лёкий—Лёкий), 1927; Том 5, выпуск 3 (Лёкий—Лёкий), 1928 / Под ред. С. П. Обиорского; Том 6, выпуск 1 (М—Малый), 1927; Том 6, выпуск 2 (Малый—Малый), 1929 / Под ред. П. Л. Маштактова; Том 8, выпуск 1 (Не—Неуронище), 1927; Том 8, выпуск 2 (Неуронище—Неуронище), 1929 / Под ред. В. И. Чернышева; Том 9, выпуск 1 (О—Обозоруживать), Том 9, выпуск 2 (Обозоруживать—Обзатать), 1930 / Под ред. Е. С. Истриной.

FREDERICK THE GREAT (1712-1786) by JOHANN GEORG ZIESENIS (1716-1776)
KING OF PRUSSIA (1740-1786)

(ARTWORK COURTESY OF LANDESHAUPTSTADT DÜSSELDORF/ DIGITIZING COURTESY OF RALF PROKOP)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» (там же).

«Итак, задача Словаря естественным образом расширилась: сначала областные слова допускались в него в виде исключений, теперь они входят в Словарь по законному праву...

Таким образом, Словарь русского языка по своему объему и своим задачам приближается к Толковому словарю живого великорусского языка Даля, отличаясь от него главным образом тем, что не исключает словарного материала из памятников XVIII века. В Словаре Даля впервые смешаны два языка — язык письменный и живой язык современных великорусских говоров. Это несколько не умалило его значения как справочного руководства: он удовлетворяет вполне и научным, и практическим требованиям. В отличие от предыдущих трех выпусков, здесь нашли место многие слова церковнославянские, а именно те из них, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русском переводе книг Св. Писания» (там же, стр. VI VII).

Корректурные листы по-прежнему рассылались «всем, кто выражал свое согласие помочь Отделению в его работах. Листы эти возвращались большей частью со многими поправками и дополнениями, значительно увеличившими и изменившими первоначальную редакцию» (стр. VIII). В первом выпуске было указано 73 лица, которые «постоянно» читали корректурные листы «Словаря русского языка».

А.А. Шахматов вел словарную работу с исключительным знанием и пониманием словарного дела, с необыкновенным вниманием и редкой энергией. С 1897 до 1907 г. он составил и выпустил под своей редакцией полный II том «Словаря русского языка» на буквы **Е, Ж, З** — девять выпусков, более 93 печатных листов, 2966 столбцов текста, не считая предисловий и приложений со списками сокращений и перечень многочисленных источников словаря, причем этот перечень занял около 2 печатных листов. Если гротовская редакция превышала словарь 1847 г. в 1 1/2—2 раза, то новая редакция Шахматова превышала его более чем в 10 раз.

Главная и первая задача Академического словаря, по Шахматову, заключается «в зарегистрировании по возможности всех слов русского языка с указанием их значений и степени распространенности»¹. Одно из основных требований Шахматова к словарю, которое сохраняет силу и для нас, заключается в том, чтобы каждое слово, каждое его значение и оттенки значения, каждое типичное употребление слова, каждое фразеологическое сочетание непременно имело бы точную документацию, т. е. опиралось бы на цитату из литературного произведения или из какого-либо другого авторитетного источника.

Нормативность, в нашем понимании этого слова, была чужда всему лингвистическому мировоззрению А.А. Шахматова. «...Странно было бы вообще, — писал он в ответ на записку И.Х. Пахмана, — если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить. Очевидно, что такое учреждение упразднило бы таким образом те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка — это, во-первых, авторитет самого

народа с его безыскусственным словоупотреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вот почему Академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее словарь должен содержать не плоды сочинительства и „научных“ соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.».

Дальнейшая работа над словарем продолжалась по тому же плану, за которым твердо установилось наименование «шахматовской редакции». Но сам Шахматов сохранил только общее руководство над ней.

С 1906 г. начали выходить выпуски IV тома на буквы **К** под редакцией Д.К. Зеленина. Для томов на буквы **И, Л, М, Н** были приглашены редакторами С.К. Булич, С.П. Обнорский, П.Л. Маштаков, В.И. Чернышев. Начавшаяся подготовка соответствующих томов была замедлена сначала войны 1914 г. В августе 1920 г. умер А.А. Шахматов.

Работа над «Словарем русского языка» возобновилась в 1922 г., когда была организована при Академии наук Комиссия по составлению словаря русского языка под председательством акад. В.И. Истрина. Вначале работа заключалась лишь в разборе материалов, собранных до Октябрьской революции под руководством А.А. Шахматова. С 1924 г. Комиссия приступила к планомерной работе по подготовке к печати новых выпусков. Редакторами отдельных томов состояли: С.П. Обнорский, В.И. Чернышев, Л.В. Щерба, Е.С. Истрина, П.Л. Маштаков, И.А. Фалев.

В октябре 1930 г. была образована Комиссия по русскому языку², в состав которой вошли ранее существовавшие на самостоятельных началах три комиссии: словарная, диалектологическая и по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку. Председателем Комиссии по русскому языку состоял сначала акад. Е.Ф. Карский, а затем акад. Н.С. Державин. С октября 1931 г. Комиссия вошла в состав Института языка и мышления на правах его самостоятельного отдела.

Перед Словарной комиссией прежде всего возник серьезный вопрос: вносить ли во вновь подготавливаемые томы словаря новые слова, новые значения, новые типы словоупотребления, которые стали появляться в XX в., в особенности после Великой Октябрьской революции.

Трудность разрешения этого вопроса заключалась в том, что Комиссия практически располагала лишь материалами по литературному языку, собранными еще в конце прошлого столетия и только частично в первом десятилетии XX в. Перед Комиссией стояла дилемма: или приостановить работу над очередными томами словаря и приступить к серьезному пополнению картотеки новыми материалами, извлеченными из многочисленных литературных источников XX в., на что потребовались бы многие годы, учитывая скудные ассигнования, которые тогда Академия наук могла выделить Комиссии, и ограниченный состав работников словаря (5—6 человек), или же

¹ См. А.А. Шахматов, Несколько слов по поводу записки И.Х. Пахмана, «Сб. Отделения русск. языка и словесности Имп. Акад. наук», т. LXVII, No 1, СПб., 1939.

² О лексикографических трудах А.А. Шахматова см. статью Е.С. Истриной «А.А. Шахматов как редактор словаря русского языка» (ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 5).

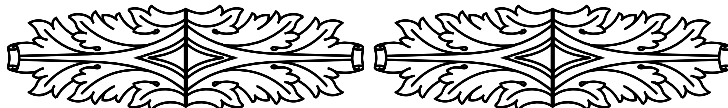
³ Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку АН СССР, тт. 1-14, Ленинград, 1929—1936.

Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР, 2-е изд., Л., 1930-1932.

Том 1, выпуск 1 (А-Азко), 1932; Том 1, выпуск 2 (Азко-Азотриопия), 1933; Том 1, выпуск 3 (Азотриопия-Анархический), 1935; Том 1, выпуск 4 (Анархический-Антиципировать), 1936; Том 3, выпуск 1 (А-Давельный), 1937; Том 5, выпуск 1 (А-Дакуюн), 1930; Том 5, выпуск 2 (Дакуюн-Лебедушка), 1932; Том 6, выпуск 1 (М-Малый), 1932; Том 6, выпуск 2 (Малый-Масловый), 1933; Том 8, выпуск 1 (Не-Невняность), 1932; новое, перераб. и доп. изд., Л., 1932; Том 8, выпуск 2 (Невнянство-Недовернуться), 1933, 7-е изд., Л.-М., 1934-1937; Том 9, выпуск 1 (И-Идеализировать), 1935; Том 11, выпуск 3 (Лебедушка-Лезгинка), 1934; Том 11, выпуск 4 (Лезгинка-Лесной), 1935; Том 12, выпуск 2 (Малый-Масловый), 1934; Том 12, выпуск 3 (Маслолазый-Махат), 1936; Том 13, выпуск 4 (Нежуренный-Некрытый), 1935; Том 14, выпуск 4 (Обульпывать-Ободарать), 1935; Том 14, выпуск 5 (Ободарать-Обратность), 1936.

DENIS DIDEROT (1713-1784)
FRENCH PHILOSOPHER AND ENCYCLOPÆDIST
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1773)
(ARTWORK COURTESY OF THE MUSÉE DU LOUVRE, PARIS)

продолжить работу над словарем по плану А.А. Шахматова.

Отделение русского языка и словесности решило, что «издаваемый словарь в области языка литературного должен представлять собой словарь русского классического литературного языка, как последний сложился под пером выдающихся писателей двух веков, XVIII и XIX, конечно, главным образом, — последнего. Следовательно, и вновь обрабатываемые выпуски Словаря должны выходить по типу уже вышедших с теми, разумеется, видоизменениями, которые вызываются самим процессом работы. Что же касается новых слов, новых словообразований и новых значений старых слов, которые частью вызываются новизной самой жизни, а большую частью чисто литературными побуждениями, то собирание и издание их, по определению Отделения, должно составить особую задачу»¹. Таким образом, «Словарь русского языка», издаваемый в первые годы после Октябрьской революции Академией наук, по своим принципиальным установкам почти ничем не отличался от дореволюционного словаря А.А. Шахматова: в нем не нашли отражения лексическая и семантическая система русского литературного языка XX в., в особенности те сдвиги, которые произошли в русском языке после Великой Октябрьской революции.

Однако это не значит, что лексикологическая работа в Академии наук СССР, теоретическая мысль в области общих вопросов лексикологии шли прежними путями и темпами. До образования Словарной комиссии в Академии наук не было объединяющего коллективного центра. Каждый редактор тогда работал индивидуально, исходя из своих лингвистических убеждений и языковых представлений и привычек. С организацией Комиссии, имеющей штатных научных сотрудников, возник руководящий, организующий коллективный центр в области академической лексикографии: работа каждого редактора коллективно обсуждалась на заседаниях Комиссии, которые регулярно созывались еженедельно, а в случае надобности и два раза в неделю.

Комиссия, помимо текущей работы над продолжением издания «Словаря русского языка», занималась подготовительными работами для целой серии будущих словарей русского языка. Комиссия наметила вести исследовательскую работу в двух направлениях: во-первых, в направлении изучения народных говоров, во-вторых, в направлении разработки русского литературного языка в его истории (прежде всего XVIII—XIX вв.), а затем и в его современности.

Приступая к изучению областного языка, Комиссия решила прежде всего систематизировать тот огромный лексический материал, который накоплен трудами предшествовавших исследователей и собирателей и содержится в большой своей части в рукописных источниках. Решено было каждое областное слово заносить на карточку, с указанием его значения, с обозначением местности, где оно записано. Собранный таким образом картотека стала бы основным лексическим фондом областного русского языка. Этот фонд в дальнейшем систематически должен был пополняться новыми поступлениями. Параллельно предполагалось создать карточный фонд словарного материала с распределением по территориальным областям, районам.

Далее Комиссия считала своей задачей составление специальных словарей по разным признакам: по ремеслам,

например плотничьему, портняжному, гончарному; по промыслам, например рыболовному, охотничьему; по бытовой обстановке, например по терминологии устройства домашнего жилища, домашнего хозяйства, по названиям платья и пищи различных местностей. Таковы в основном были широкие замыслы Комиссии в области изучения областного языка. Вдохновителем этих начинаний был член Комиссии С.П. Обнорский.

Еще шире был намечен перспективный план подготовки словарей русского литературного языка. План этот составлен был при ближайшем участии члена Комиссии Л.В. Щербы и сохраняет свою актуальность и в наши дни. Это дает основание более подробно воспроизвести существенные его части. «1) Издаваемый в настоящее время словарь дает материал по литературному языку XVIII и XIX столетий, который может быть назван классическим русским языком. На обязанности Отделения русского языка и словесности, в лице его Комиссии, лежит время от времени выпускать и добавления к этому словарю, содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный период времени, начиная с XX века. Эти добавления будут крайне поучительны, так как будут наглядно представлять современные изменения языка в связи с изменениями в структуре Общества и в материальной и духовной культуре его...

2) Другой задачей Комиссии, и может быть не менее насыщенной, является составление время от времени, например, два раза в столетие, «Словаря литературного языка данной эпохи». Этот словарь будет заключать в себе лишь слова, в той или другой мере актуальные для литературно-образованного общества определенного исторического периода. Таким образом в него не войдут слова устаревшие, слова почему-либо непонятные и, конечно, все областные слова, поскольку они не вошли в какой-либо литературный стиль. Словарям этого типа, которые по самому существу своему должны иметь строго синхронический характер, желательно придать основательно проработанную стилистическую перспективу.

3) Третьей задачей Комиссии явилась бы подготовка идеографического словаря русского языка на подобие имеющихся аналогичных словарей на главных европейских языках, но, конечно, — в ином масштабе и по иному плану. Здесь, вероятно, нашел бы себе разрешение и вопрос о синонимическом Словаре русского языка, отсутствие которого чувствуется и школой и обществом...

4) Параллельно со всеми вышеуказанными задачами на Комиссии должна лежать и обязанность по составлению словарей к произведениям отдельных русских писателей. Это дополнило бы общий словарь теми материалами, которые все же могут быть там пропущены, богаче документировало бы стилистическую работу со словарем и представляло бы большой историко-литературный интерес, давая возможность сравнения словарей разных писателей между собой и с общим словарем...»².

Для реализации намеченной программы работ, рассчитанных на долгие годы, Комиссия, естественно, нуждалась в значительном расширении состава сотрудников, в большой финансовой поддержке. Но Комиссия не смогла получить ни новых сотрудников, ни новых ассигнований. Поэтому ее работа ограничилась подготовкой очередных выпусков «Словаря русского языка» и некоторым пополнением картотеки новыми материалами по русскому литературному языку XIX—XX вв. и по русской областной лексике. Новые выпуски словаря на буквы **И** (Л.В. Щерба), **Л** (С.П. Обнорский), **М** (П.Л. Маштаков), **Н** (В.И. Чернышев), **О** (Е.С. Истрина) представляют большую ценность

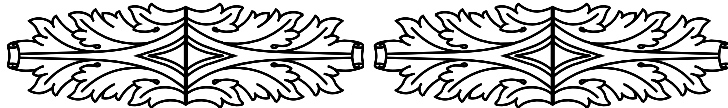
¹ Истрин В., Работа над Словарем русского языка в Академии наук, ИАН СССР, № 18, Серия VI, 1927, стр. 1665.

² Истрин В., указ. соч., стр. 1672—1673.

MIKHAIL ILLARIONOVICH VORONTSOV (1714-1767)
CHANCELLOR OF THE RUSSIAN EMPIRE (1758-1762)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

как по собранному и систематизированному огромному лексическому и фразеологическому материалу, так и по тщательности грамматической и семантической обработки этого материала.

В 1937 г. наша общественность и печать обратили внимание на неудовлетворительное состояние подготовки и издания Академического словаря русского языка. Этот словарь ни по своему замыслу, ни по характеру построения, ни по материалу, ни по темпам и срокам издания не отвечал тем требованиям, которые к нему предъявляли широкие круги советской интеллигенции. Не соответствовал словарь и насущным задачам развития русского литературного языка советской поры. Остро стал вопрос о *новом типе словаря*. К сожалению, сложная и актуальная проблема разработки нового типа Академического словаря русского языка в силу различных причин с самого начала попала в руки небольшой группы мало сведущих в лексикографии и вообще в языкознании людей. Вся их сила тогда состояла в том, что они считались приверженцами «нового учения» о языке и действовали от его имени. Известные наши специалисты и знатоки словарного дела академики Л.В. Щерба и С.П. Обнорский были освобождены от работы в словаре, а Е. С. Истрина несколько позже сама вынуждена была прекратить лексикографическую деятельность. Оставленные же на работе опытные и квалифицированные словарики — чл.-корр. АН СССР В.И. Чернышев, старший редактор И.А. Фалев, редактор Л. Ляпунова — фактически находились в зависимом положении и вынуждены были работать под контролем преданных марровскому учению сотрудников *Института языка и мышления*.

«Проект словаря современного русского литературного языка», изданный *Институтом языка и мышления* в 1938 г., носил следы *вульгарного социологизма*¹. Самая основная задача словаря была сформулирована нечетко, противоречиво. «Словарь должен быть толково-историческим и нормативным; он должен охватить все богатство русского литературного языка с его лексикой и семантикой в пределах его развития от эпохи Пушкина и до наших дней; он должен явиться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах»². При этом «*принцип нормативности подчиняет себе интересы истории языка*»³.

В процессе работы скоро обнаружилось основное противоречие в самом замысле нового словаря: сочетание в одном словаре принципов историзма и нормативности, стремление показать «социальное значение слова», понимаемое в духе марровской идеи классовости языка, с одной стороны, и желание описать современное общенациональное, «общепринятое употребление слов и оборотов речи в их значениях и формах», с другой.

В.И. Чернышев, главный редактор I тома, в своем докладе на собрании Отделения литературы и языка от 26 мая 1939 г.

отмечал: «Вообще при практической работе над подготовкой текста I тома словаря редакция употребляла большие усилия, чтобы очистить текст от случаев обработки в духе вульгарного социологизма». И действительно, благодаря напряженному труду В.И. Чернышева, I том словаря, вышедший из печати в 1948 г. и дополнительным тиражом в начале 1950 г., был значительно обновлен и улучшен, хотя первоначального вульгарно-социологические установки в этом томе нашли довольно яркое отражение.

II том (вышел из печати в 1951 г.) и III том (вышел из печати в 1954 г.) были составлены и подготовлены к печати еще до лингвистической дискуссии. В процессе печатания они подверглись обстоятельному редактированию и по возможности были освобождены от ошибочных установок «Проекта» 1938 г. Начиная с IV тома (буквы Ж — З, редактор А.М. Бабкин) Академический словарь составляется уже по новой инструкции, учитывающей требования советской лексикографической науки.

Говоря об академических толковых словарях, необходимо всегда помнить, что основная ценность их заключается в том, что они широко иллюстрированы, т. е. каждое значение слова, каждый оттенок значения, каждое употребление слова опирается на ряд цитат, взятых из авторитетных источников. Появление новых значений, новых фразеологических сочетаний, отмирание отдельных значений и особенно передвижение слов или отдельных их употреблений из одного стиля в другой — все это должно быть показано подбором соответствующих материалов. Известно, что одна удачная иллюстрация в словаре способствует иной раз уяснению смысла слова гораздо лучше, чем любые словесные описания. Значение слова раскрывается не только и не столько в его толковании, сколько в цитатах, иллюстрирующих его употребление. Цитаты в Академическом словаре имеют двойное назначение: с одной стороны, они раскрывают значение слова, с другой — показывают, как устойчивое и общее значение применяется к отдельным частным случаям. И эта вторая задача очень важна, так как истинное значение слова отчетливо обнаруживается, когда показано, в каком словесном окружении оно применяется. При этом необходимо иметь в виду, что употребление слова может быть или типичным, более или менее распространенным, или же очень индивидуальным, своеобразным. В отличие от шахматовской редакции словаря, где стремились по возможности регистрировать всякое употребление слова, в нашем Академическом словаре, имеющем ограниченный объем, показываются преимущественно лишь типичные, традиционные случаи словоупотребления, в том числе и образного. Здесь уместно вспомнить прекрасное практическое требование Л.В. Щербы к составителям нормативных словарей: «*Не мудруй лукаво, а давай как можно больше примеров*»⁴.

¹ *Вульгарный социологизм*, вульгарная социология, догматическое упрощение марксистского метода главным образом в области истории, художественной критики, теории искусства, литературы и других форм общественного сознания; более широко — абстрактное понимание марксизма, ведущее к утрате его подлинного богатства и к ложным политическим выводам, «карикатура на марксизм» (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 30, с. 77).

² Термин «*Вульгарный социологизм*» употребляется в советской печати с 30-х гг., но само это явление известно гораздо раньше. Ещё при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса к рабочему движению примкнуло много полубразованных представителей буржуазной интеллигенции, пренебрежавших марксизм в грубую схему, ведущую к оппортунизму или анархическому бунтарству. Одним из типичных представителей *Вульгарного социологизма* в России был В. Шугаилов. «Шугаиловщина» — термин, созданный Плехановым для характеристики *Вульгарного социологизма* в области истории философии (1909). После Октябрьской революции быстрое распространение марксизма шло и при приспособлении к нему части старой интеллигенции сделала *Вульгарный социологизм* явлением замечным и представляющим серьёзную опасность. В идейном отношении *Вульгарный социологизм* явился общей питательной средой для разных «левачьих» движений, отвергающих наследие старой культуры — от проповеди уничтожения музеев до теории распыления искусства в производстве и самой жизни. Так, считалось почти доказанным, что наиболее «сознательный» пролетариат «организованные» направления в живописи, вышедшие из кубизма. Станковую живопись отрицали во имя монументальной. Литературные жары, унаследованные от старого общества, также были поставлены под сомнение — существовали теории отмирания трагедии и комедии. Более умеренное течение *Вульгарного социологизма* рассматривало старую культуру как громадные кладбища формальных приёмов, которыми победивший пролетариат может пользоваться для своих утилитарных целей, соблюдая при этом известную осторожность.

³ Чернышев В. И., Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1939, No 2.

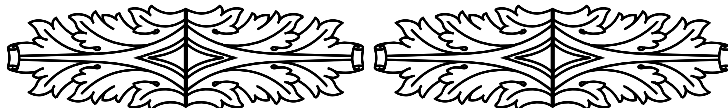
⁴ Там же, стр. 54—55.

⁵ Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, No 3, стр. 2103.

ALEXANDER PETROVICH SUMAROKOV (1717-1777)
RUSSIAN POET AND PLAYWRIGHT
GREAT MASTER OF RUSSIAN LITERARY CLASSICISM
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Академическая лексикография, как она сложилась в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции, естественно, не могла полностью удовлетворить культурные потребности нового советского общества. Широкие слои советской интеллигенции нуждались прежде всего в компактном нормативном словаре современного русского литературного языка с четкой грамматической, семантической и стилистической характеристикой русской литературной лексики.

18 января 1920 г. В.И. Ленин писал наркому просвещения А.В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Дала.

Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь классиками, от Пушкина до Горького...

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение»¹. 5 мая 1920 г. Владимир Ильич в письме к М.Н. Покровскому снова поднимает вопрос о словаре: «Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Дала, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)...

Луначарский сказал, что об этом он уже думал и что это не то делается, не то будет сделано.

Будьте любезны проверить, делается ли, и черкнуть мне»². Спустя год, 6 мая 1921 г. В.И. Ленин в письме к Е.А. Литкенсу снова возвращается к вопросу об издании нового словаря русского языка: «т. Литкенс! Забыл при свидании просить Вас проверить, как стоит дело с комиссией ученых, составляющих словарь (краткий) современного кина до Горького) русского языка.

Я давно, много раз уславливался об этом с Покровским и Луначарским.

Делается ли? Что именно? Узнайте и напишите точно»³. Через несколько дней Владимир Ильич снова пишет Е.А. Литкенсу: «Воспользуйтесь отдыхом Покровского, чтобы, не обременяя его администрированием, начать работу по составлению словаря русского языка.

1) Назначьте комиссию 3—5 лучших филологов. Они должны в 2 недели разработать план и состав окончательной комиссии (для работы), ее состава, срока и пр.

2) Задание — краткий (малый «Ляруес» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию.

3) По их (3—5) докладу научно-академический центр должен утвердить. Тогда к осени начнем»⁴. В конце мая того же года В.И. Ленин считает необходимым в письме к Е.А. Литкенсу еще раз напомнить о словаре: «Условимся, значит, по вопросу о словаре так:

1) приблизительно через месяц (в отсутствие Покровского) сделайте формальное постановление и назначьте ответственное лицо или лица. 2) На основе этого постановления составить план работы с указанием не только ответственных лиц, но и расходов и

пайков.

Выполнять должны начать, по плану, с августа или сентября»⁵. Такой постоянный, неослабевающий интерес В.И. Ленина к изданию толкового словаря современного русского литературного языка, проявленный в тяжелые годы восстановления народного хозяйства и укрепления молодого советского государства, свидетельствует о том, какое большое значение придавал Владимир Ильич такому словарю в деле подъема и развития советской культуры. Знаменательно, что В. И. Ленин рассматривал толковый словарь как руководство «для пользования и учения всех».

Создание сжатого толкового нормативного словаря русского литературного языка от Пушкина до Горького, рассчитанного на массового читателя, было делом сложным, трудоемким. Группа советских филологов (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский) во главе с Д.Н. Ушаковым, взявшаяся за создание такого словаря, смогла закончить и издать I том его лишь в 1934 г. Последний, IV том вышел из печати в 1940 г. Как первый опыт популярного нормативного словаря современного литературного языка «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова является крупным событием в истории советской лексикографии. Ценность этого словаря заключается в том, что, подводя итоги предшествующей работы над составлением толковых словарей литературного языка, он в доступной форме доводит до сведения массового читателя достижения академической лекси кографии. В нем впервые в русской лексикографии широко и последовательно применяется специальная система помет, указывающих на чисто стилистическую природу слова или отдельного его значения (книжное, торжественное, просторечное, вульгарное), на выразительные оттенки слов (бранное, ироническое, неодобрительное, шутовое, презрительное и др.), на историческую перспективу (новое, старинное, устарелое, дореволюционное и др.), на специальную сферу применения слова (научное, техническое, канцелярское, поэтическое и др.). (Система стилистических помет разработана В. В. Виноградовым.) Словарь содержит большой материал, показывающий те изменения, которые произошли в русском языке после Великой Октябрьской революции. Определенную ценность представляют и нормативные указания словаря в области грамматической, произносительной, орфографической.

Трудно переоценить значение «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова в развитии советской лексикографии. Достаточно указать, что в основе почти всех двуязычных русско-национальных и русско- иностранных словарей, в большом количестве издаваемых в течение последних пятнадцати лет у нас в Советском Союзе, лежит (в русской части) словарь Д.Н. Ушакова. Влияние этого словаря заметно сказывается и на новых томах большого академического «Словаря современного русского литературного языка».

На основе словаря Д.Н. Ушакова одним из его авторов С.И. Ожеговым составлен однотомный «Толковый словарь русского языка» под ред. С.П. Обнорского (первое издание 1949 г., 2-е⁶, исправленное и дополненное, 1952 г.). В нашей лексикографической традиции словарь Сергея И. Ожегова

¹ Ленин В. И., Полное собрание соч., т. 35, стр. 369.

² Там же, стр. 381.

³ Ленин В. И., Соч., т. 35, стр. 416.

⁴ Там же, стр. 421.

⁵ Там же, стр. 428.

⁶ Ожегов Сергей Иванович. Словарь русского языка / Гл. ред. С. П. Обнорский. 50000 слов. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. XVIII, 968 с. В сост. словаря принимали участие проф. Г. О. Винокур и В. А. Петроски.

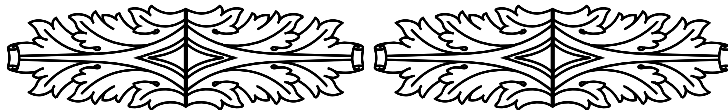

ROMAN ILLARIONOVICH VORONTSOV (1717-1783)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF *THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY*

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

представляет собой первый удачный опыт создания однотомного научного нормативного словаря. В этом словаре словарный состав русского литературного языка наших дней, в его активной части, нашел широкое отражение, стилистическая оценка слов довольно точно передает систему современного словоупотребления. Большое научное и практическое значение имеет проведенная в словаре нормализация в области, грамматических форм, орфографии и ударения¹.

В 1955 г. вышел из печати словарь-справочник «Русское литературное ударение и произношение», подготовленный Институтом языкознания АН СССР под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. Это первый опыт «создания краткого общедоступного справочника, который должен, во-первых, давать ответы на конкретные вопросы о правильном произношении отдельных слов и выражений, во-вторых, служить пособием по общим вопросам русского литературного произношения и ударения» (из «Предисловия»). И как первый опыт словарь безусловно является положительным явлением в советской лексикографии. Самостоятельную научную ценность имеет приложенная к словарю статья «Сведения о произношении и ударении»².

К типу словаря-справочника примыкает и большой «Орфографический словарь русского языка» Института языкознания АН СССР (редакторы С.И. Ожегов и А.Б. Шапиро). В нем спорные случаи правописания унифицированы на основе данных «Правил русской орфографии и пунктуации». По охвату лексики и по полноте показа грамматических форм данный словарь превосходит все орфографические словари, изданные у нас за советское время. В этом его практическая ценность³.

Большое принципиальное и научное значение имеет выход в свет в 1956 г. I тома четырехтомного «Словаря языка Пушкина», подготовленного сотрудниками группы Пушкинского словаря Института языкознания АН СССР (ответственный редактор словаря — акад. В.В. Виноградов, редактор I тома — И.С. Ильинская). Это первый в нашей стране полный словарь языка писателя, составленный на уровне требований современной научной лексикографии. С выходом его осуществится давнишняя мечта русской филологической общественности — подготовить словарь великого русского поэта, основоположника русского литературного языка. (Идея создания словаря Пушкина возникла еще в 1899 г., в столетнюю годовщину рождения поэта.)

Основная задача словаря — описать факты русского литературного языка, засвидетельствованные произведениями Пушкина⁴. И эта задача выполнена составителями со всей тщательностью и большим знанием дела. Принципы составления словаря подробно описаны акад. В.В. Виноградовым в «Предисловии к I тому»⁵.

Словарь Д.Н. Ушакова при всех его бесспорных достоинствах в наши дни значительно устарел: он отражает словарный состав русского литературного языка 20—30-х годов и сейчас уже не может в полной мере удовлетворять современным требованиям. За истекшее после выхода словаря время в словарном составе русского языка произошли значительные изменения: он обогатился новыми словами, оформились новые значения и смысловые оттенки у многих слов, пополнился фразеологический состав, произошли заметные стилистические

сдвиги в употреблении отдельных групп слов. Назрела острая потребность в толковом словаре русского языка наших дней.

Учитывая это, Президиум АН СССР принял в 1952 г. постановление, обязывающее Институт языкознания составить новый краткий толковый, нормативный, общедоступный словарь русского языка. «Инструкция» этого словаря, определяющая его тип, состав, структуру и принципы составления, была опубликована для широкого обсуждения в 1953 г. В текущем году вышел из печати I том нового четырехтомного «Словаря русского языка» (буквы А—Й, редактор А.П. Евгильева). Отличительная особенность этого словаря заключается в том, что он, как и все большие академические словари, построен на материале богатой картотеки Института языкознания АН СССР и иллюстрирован авторитетными цитатами из различных литературных источников—классических и современных советских писателей, ученых, публицистов. Составители стремились творчески пользоваться положительным опытом предшествующих русских лексикографов и учесть достижения советской лексикологической науки. Общая научная и практическая значимость этого словаря самоочевидна.

Общепризнано, что капитальные толковые словари языка являются материальной базой для многих специальных филологических разысканий. С другой стороны, успехи лексикографии как дисциплины преимущественно научно-прикладного характера находятся в прямой зависимости от степени и интенсивности разработки теоретических лингвистических дисциплин, как-то: лексикологии (включая и семасиологию), проблем стилистики, общей теории лексикографии, теоретической грамматики, методологии изучения вопросов истории литературного языка, а также конкретных исторических исследований о движении семантической структуры отдельных групп лексики, об изменениях в словарном составе языка в определенную историческую эпоху и т. п.

В дореволюционной России эти разделы языкознания, имеющие первостепенное значение для лексикографической практики, как известно, разрабатывались слабо. Только в советское время многие из указанных проблем стали в центре исследовательских интересов языковедов. Здесь в первую очередь следует указать на многочисленные основополагающие труды по лексике и лексикологии, по стилистике, по истории русского литературного языка, по языку художественной литературы, по языку писателей, по теоретическим вопросам грамматики В. В. Виноградова и обстоятельное двухтомное исследование Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX века».

Стимулирующее влияние на разработку теоретических основ советской лексикологии и лексикографии имели в особенности следующие богатые идеями и наблюдениями работы В. В. Виноградова: «О формах слова» (ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 1), «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» («Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Секция филол. наук, Л., 1946), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (сб. «А.А.

¹ Критический разбор словаря С. И. Ожегова дан в статье А. П. Евгильевой «К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи» (ВЯ, 1953, No 3).

² См. отзывы об этом словаре С. П. Обнорского («Русский язык в школе», 1956, No 5) и А. Анкива («Русский язык в национальной школе», 1957, No 1).

³ См. рецензии С. П. Обнорского (ИАН ОЛЯ, 1957, вып. 3) и К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя (ВЯ, 1957, No 5).

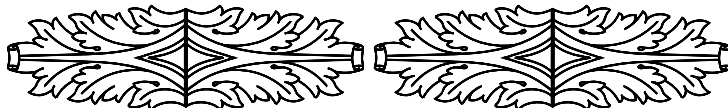
⁴ [Г. О. Винокур], «Словарь языка Пушкина» в кн. «Проект Словаря языка Пушкина». М.-Л., 1949.

⁵ См. рецензии Ю. С. Сорокина (ВЯ, 1957, No 5) и Р. П. Гельмгардта (ИАН ОЛЯ, 1957, No 3).

JEAN-BAPTISTE LE ROND D'ALAMBERT (1717-1783)
MEMBER OF THE FRENCH ACADEMY (1745)
MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1764)
(ARTWORK COURTESY OF THE MUSÉE DU LOUVRE, PARIS)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Шахматов», М.—Л., 1947), «Основные типы лексических значений слова» (ВЯ, 1953, No 5), «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» (ВЯ, 1956, No 5) и ряд конкретно-исторических исследований по развитию семантики отдельных русских слов и выражений¹. Общие лексикологические проблемы поставлены и освещены также в книге А.И. Смирницкого «Лексикология английского языка» (М., 1956), в докторской диссертации В.А. Звезгинцева «О принципах семасиологических исследований» (см. автореферат— М., 1954) и в недавно выпшедшей книге О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (М., 1957).

Из теоретических работ наибольшей популярностью среди советских лексикографов заслуженно пользуется статья Л.В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» (Этюд 1 — Основные типы словарей) (ИАН ОЛЯ, 1940, No 3). Преждевременная смерть помешала Л.В. Щербе закончить намеченную серию этюдов по теории лексикографии, которые он хотел посвятить основополагающим проблемам лексикографии: природе слова, его значению и употреблению, его связям с другими словами того же языка, построению словарной статьи в связи с семантическим, грамматическим и стилистическим анализом слова. Вряд ли можно безоговорочно принять все лексикографические положения и утверждения Л.В. Щербы². Однако статья его, блестяще написанная и четко аргументированная, побуждает к дальнейшей разработке поставленных в ней задач. *Одна из важных задач нормативных толковых словарей — это установление норм (грамматических, стилистических, орфографических, произносительных).* Но понятие языковой нормы как конкретно-исторического, общественно-осознанного явления и пути и способы ее выявления в теоретическом плане у нас пока еще никто не разрабатывал. Важное значение для советских лексикографов-практиков имеет следующая мысль Л.В. Щербы (указ. статья, стр. 97—98): «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забракковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позволяет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей (то же относится, конечно, и к складывающимся литературным языкам, где на первый взгляд иногда даже кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка). Не менее нужно опасаться и произвольной дифференциации синонимических форм: на этих путях легко можно сделать литературный язык без надобности затрудненным...»

В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, неспособной выражать какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность. Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помочь естественному ходу вещей, а могут и мешать ему, направляя развитие языка по ложным путям».

Эти указания имеют первостепенное значение для советских лексикографов-нормализаторов именно в наши дни, когда кое-где наблюдаются ясные архаизаторские тенденции при установлении языковых норм³.

В области изучения общих и конкретных вопросов русской лексикологии и лексикографии у нас в течение последнего десятилетия наблюдается значительное оживление. Опубликовано большое количество статей по различным проблемам русской современной и исторической лексикологии. Показательно, что за последние годы защищены десятки диссертаций по вопросам истории и теории лексикографии: В. В. Розановой «„Словарь церковнославянского и русского языка“, составленный Вторым отделением Академии наук, СПб., 1847 (История создания, принципы построения)» (Л., 1952); Г.П. Галавановой «Я.К. Грот как лексикограф». (Л., 1953); М.В. Канкава «В.И. Даль как лексикограф» (докторская диссертация) (Тбилиси, 1952); В.П. Ковалева «Сочетания слов в словаре языка писателя (преимущественно на материале повестей Л.Н. Толстого)» (М., 1955), Н.З. Котеловой «Характеристика синтаксических связей слов в толковом словаре» (Л., 1954) ими. др. Среди многочисленных работ по русской исторической лексике выделяются два монографических исследования: Ф.П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (Л., 1949) и П.Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период.» ([М.], 1956)⁴.

Показателем роста и оживления научной мысли в области лексикологии и лексикографии в Советском Союзе является возникновение специальных периодических органов: «Лексикографичний бюлетень», издаваемый Академией наук УССР, и «Лексикографический сборник» Института языкознания АН СССР (вышел 1-й выпуск, находятся в печати выпуски 2— 3-й), в которых публикуются интересные и актуальные для лексикографической практики статьи.

Определенное научное и большое организующее и руководящее значение имеют инструкции для составителей словарей: 1) «Словарь русского языка. Инструкция для редакторов», сост. С.П. Обнорским (М. —Л., 1936); 2) «Проект «Словаря современного русского литературного языка»» (М.—Л., 1938); 3) «Проект «Словаря языка Пушкина»» (М.—Л., 1949); 4) «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)»» (б. м., 1953); 5) «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в 14 томах)»» (находится в печати).

Сравнение этих инструкций показывает, как в них заметно совершенствуется и углубляется постановка и освещение центральных вопросов практической лексикографии, как плодотворные идеи советской теоретической лексикологии (в особенности идеи В.В. Виноградова) постепенно проникают в практику составления словарей.

Безусловно, наши академические словари далеки от совершенства: а них все еще имеются непоследовательности разного характера, неточные толкования, спорные случаи раскрытия семантической структуры слова, не всегда ясны методика выделения и размещения значений слов, принципы классификации фразеологизмов, особо спорны приемы толкования семантически однородных или близких слов или отдельных значений и т. п. Поэтому естественно, что

¹ Библиография работ В. В. Виноградова дана в сб. «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию» (М., 1956).

² См., например, серьезные возражения против ряда мыслей Л. В. Щербы в статьях Н. И. Фельдман «О б анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях» («Лексикографический сборник», вып. 1, М., 1957) и «О специфике небольших двуязычных словарей» (ВЯ, 1952, No 2).

³ О лексикологических работах Л. В. Щербы см. статью Е. С. И с т р и н о в «Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог» (сб. «Памятник Л. В. Щербы», Л., 1951).

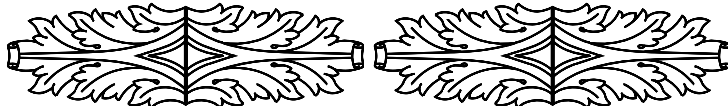
⁴ Почти полная библиография работ по русской лексике и лексикографии приводится в докладе В. В. Виноградова на Международном совещании славистов в Белграде: «Изучение русского литературного языка за последние десятилетия в СССР» (М., 1955).

IVAN IVANOVICH MELISSINO (1718-1795)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

взыскательного знатока-лексиколога наши словари не могут вполне удовлетворить. Некоторое отставание лексикографии от тех высоких научных требований, которые законно предъявляют ей наши теоретики-лексикологи, объясняется главным образом тем, что до сих пор не определено, какими приемами и методами можно и нужно реализовать в нормативных толковых словарях весь комплекс этих сложных научных требований. Кроме того, многие насущные вопросы практической и теоретической лексикографии еще не разрешены в должной мере и конкретности¹.

Русская академическая лексикография за сорок лет своего развития [1917-1957] преодолела немалые трудности и достигла определенных успехов. Но самым бесспорным достижением, гарантирующим дальнейшее ее быстрое движение, является то, что она в настоящее время располагает большим коллективом молодых, вполне подготовленных к лексикографической работе специалистов, среди которых имеется не один десяток талантливых и творческих работников.

■ БАСЗ: «**АКАДЕМИЧЕСКИЙ**, а я, о е. 1. Относящ. к академии (в 1 знач.), связанный с ее деятельностью. Академические учреждения. Академические институты. Академическая библиотека. ◇ Академический словарь. Толковый словарь нормативного типа, отличающийся обычно полнотой охвата лексики литературного языка и ее функционально-стилистической характеристикой. ◇ Академическое издание. Издание, содержащее научно выверенный текст, различные его варианты, комментарии и другой справочный аппарат.

2. Относящ. к академии (во 2 знач.), связанный с ней. Академическое образование. □ Я прислал ее [мать] давать мне по триста рублей в год, покаду я не кончу академического курса. Салт. Благонам. речи. [Фрунзе:] И они всерьез учили вас по академической программе? Н. Погодин, Не померкнет никогда. // Учебный. С точки зрения деканата и общественных организаций — академическая успеваемость студента гораздо важнее, чем его личное обаяние и талант гитариста. Кон, Социология личности. ◇ Академический год. Учебный год в вузах, продолжающийся обычно 8—10 месяцев. ◇ Академический час. Учебный час в вузах и средних специальных учебных заведениях, продолжающийся обычно 45—50 минут. Обо всем этом я и рассказал на четырех тетрадных страницах за отведенные нам на сочинение два академических часа. Рыленков, Мне четырнадцать лет. ◇ Академическая задолженность. Не сданные студентом в определенные сроки экзамены или зачеты по изучаемым учебным дисциплинам. ◇ Академический отпуск. Освобождение студента вуза или учащегося среднего специального учебного заведения по болезни или по какой-л. другой уважительной причине от посещения лекций и сдачи экзаменов в течение какого-л. времени.

3. Относящ. к академизму (в 1 знач.); оторванный от практики, отвлеченный. Академический спор. □ Когда человеку уже нельзя есть и того, и другого, и третьего, ..он вдруг начинает усиленно интересоваться вопросами питания. Но это уже имеет тогда для него чисто академический, а отнюдь не практический интерес. По-хлебкий, Тайны хорош, кухни.

4. Относящ. к академизму (во 2 знач.), выполненный с использованием изобразительных средств, приемов и т. п. академизма. Академическая живопись. □ Кроме академических рисунков и портретов, Федотов еще рисовал на продажу портреты великого князя Михаила Павловича. Шклов. Пов. о художн. Федотове. ◇ Академический стиль. То же, что академизм (во 2 знач.).

5. Являющийся почетным званием, присваиваемым театрам, хоровым коллективам и т. п. Государственный академический Малый театр. Государственный академический русский народный хор имени Пятницкого.

6. Академические суда, лодки. Спортивные лодки с узким удлиненным корпусом, вынесенными за борт уключинами и подвижными сиденьями. Гонимые академические лодки. Парные академические суда. О Академическая гребля. Вид гребли на таких судах, лодках.

— Вейсманн, 1731, с. 309⁹: академический; Леке. 1762: академической; Нордстет, 1780: академический.»².

■ СРЯ18: «**АКАДЕМИЧЕСКИЙ** (-ой) 1715 и <► АКАДЕМИЦКИЙ 1721, ая, ое. От лат. academicus < гр., пол. akademicki. Отн. к академии и академикам. Долженствовали убо члены Академическия .. показать ученым мужем, что не токмо начатки наук предавать, но и в совершенство оные науки приводити могут. КАН 4. Если кто из учителей противен покажется Академичским уставом. ДР 27 (1 паг.). Платону, Академической Секты основателю. Анчкв 1777 25. // Производимый, издаваемый академией. Оное <объявление о мире> не инако печатать, как при обыкновенных академических газетах. АВ IV 279. По совершении академических учений. Чбт. 1779 21. Академической Словарь. Шшкв Расс. 71. — Лекс. Л. 1762 академической, РЦ академический»³.

■ САР: «**Словарь**, ря. с. м. Собрание всѣхъ словъ языка какаго либо азбучнымъ порядкомъ. Словарь языка Россійскаго»⁴.

■ БАС1: «**Словарь**, я, м. 1. Книга, содержащая перечень слов, обычно с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. Толковый словарь русского языка. Технический словарь, □ [Г-н Коссович] внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Бел . Литер. новости. Он взял англо-русский словарь и, переводя слова и угадывая их значение, мало-помалу составил такую фразу: «Пью здоровье моей дорогой возлюбленной». Чех. Супруга. В энциклопедическом словаре об этом поселке было сказано следующее: «Иверсайд — рыбацкий поселок на крайнем северо-западе Шотландию». Паустов. Поселок среди скал. ◇ Словарь писателей, ученых и т. п. Книга, содержащая перечень писателей, ученых и т. п. с биографическими и библиографическими сведениями. В 1772 Новиков счел уже нужным составление исторического словаря русских писателей. Пыпин, Ист. русск. лит. IV, 37. Историю университета взялся написать Шевырев; но я должен был участвовать в словарях профессоров и замечательных воспитанников университета. С. Соловьев, Записки, 20.

2. Только ед. Совокупность слов, используемых в чьей-либо речи; лексика. Словарь Фофанова не богат, область его любимых образов ограничена. Брюс. К. М. Фофанов. // в период уже богато развитого литературного языка, общерусский словарь

¹ См. о них в статье О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, В. В. Иванова «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии» (ВЯ, 1956, No 3), а также в передовой статье «Лексикографического сборника» (вып. 1).

² Большой академический словарь русского языка. Т. 1, с. 133. Институт лингвистических исследований, РАН. Наука: Санкт-Петербург, 2004.

³ Словарь русского языка XVIII в., АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984—2007. — Вып. 1—17. СПб.: Наука. Санкт-Петербург, 1984—2007.

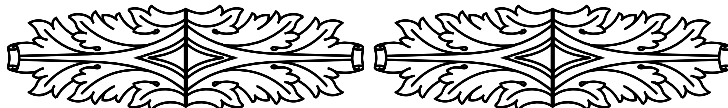
⁴ Словарь Академии Российской, том VI, столб. 535, Санкт-Петербург, 1789-1794.

ADAM VASILYEVICH OLSUFEV (1721-1784)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF TVER REGIONAL PICTURE GALLERY, TVER)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

обильно пополнялся областным материалом. Федин, Мастерство писат. 4. Воробейцев уже сносно говорил по-немецки — во всяком случае, располагал словарем из каких-нибудь ста пятидесяти слов, при помощи которых можно было вполне объясняться. Казакев. Дом на площади, II, 6. ◊ Поэтический, бранный и т. п. словарь. [Де Пуль:] Ты все-таки скот! [Внйон:] Скоты бессловесны. Твой бранный словарь Перещеголять я — увь! — не берусь. П. Апток. Франсуа Вийон, I, 2. В маленьком по размеру стихотворении у Вас трижды повторяется слово погонь)). Это, между прочим, говорит и о бедности Вашего поэтического словаря. Исак. О поэт, мастерстве.

— Росс. Целлариус 1771, с. 466: словарь¹.

§ 4. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык — один из восточнославянских языков, один из крупнейших языков мира, национальный язык русского народа. Является самым распространённым из славянских языков и самым распространённым языком Европы как географически, так и по числу носителей языка как родного (хотя также значительная и географически большая часть русского языкового ареала находится в Азии). Наука о русском языке называется лингвистической русистикой, или, сокращённо, просто русистикой.

«Истоки Русского языка уходят в глубокую древность. Примерно во 2000—1000-м тыс. до н. э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык (на поздней стадии — примерно в I—VII вв. — называемый праславянским). Где жили протославяне и их потомки праславяне, — вопрос дискуссионный. Вероятно, праславянские племена во второй половине I в. до н. э. и в начале н. э. занимали земли от среднего течения Днепра на В. до верховьев Вислы на З., к Ю. от Припяти на С. и лесостепные районы на Ю. В I-й половине I в. праславянская территория резко расширилась. В VI—VII вв. славяне занимали земли от Адриатики на Ю.-З. до верховьев Днепра и озера Ильмень на С.-В. Праславянское этноязыковое единство распалось. Образовались три близкородственные группы: восточная (древнерусская народность), западная (на базе которой сложились поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (её представители — болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы).

Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с VII по XIV в. В X в. на его основе возникает письменность (кирилловский алфавит, см. Кириллица), достигшая высокого расцвета (Остромирово евангелие, XI в.; «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, XI в.; «Повесть временных лет», начала XII в.; «Слово о полку Игореве», XII в.; Русская правда, XI—XII вв.). Уже в Киевской Руси (IX — начало XII вв.) древнерусский язык стал средством общения некоторых балтийских, финно-угорских, тюркских, отчасти иранских племён и народностей. В XIV—XVI вв. юго-западная разновидность литературного языка восточных славян была языком государственности и православной церкви в Великом княжестве литовском и в Молдавском княжестве. Феодальная раздробленность, способствовавшая диалектному дроблению, монголо-татарское иго (XIII—XV вв.), польско-литовские завоевания привели в XIII—XIV вв. к распаду древнерусской

народности. Постепенно распалось и единство древнерусского языка. Образовалось три центра новых этноязыковых объединений, боровшихся за свою славянскую самобытность: северо-восточный (великорусы), южный (украинцы) и западный (белорусы). В XIV—XV вв. на базе этих объединений складываются близкородственные, но самостоятельные восточнославянские языки: русский, украинский и белорусский.

Русский язык эпохи Московской Руси (XIV—XVII вв.) имел сложную историю. Продолжали развиваться диалектные особенности. Оформились две основные диалектные зоны — северновеликорусское (примерно на С. от линии Псков — Тверь — Москва, южнее Н. Новгорода) и южновеликорусское (на Ю. от указанной линии до белорусской и украинской областей) наречия, перекрывавшиеся другими диалектными делениями. Возникли промежуточные средневеликорусские говоры, среди которых ведущую роль стал играть говор Москвы. Первоначально он был смешанным, затем сложился в стройную систему.

Язык письменности остаётся пёстрым. Религию и зачатки научных знаний в основном обслуживал книжно-славянский, по происхождению древнеболгарский, испытывавший заметное воздействие русского языка, оторванный от народно-разговорной стихии. Язык государственности (так называемый деловой) имел в своей основе русскую народную речь, но совпадал с ней не во всём. В нём выработались речевые штампы, нередко включавшие чисто книжные элементы; его синтаксис, в отличие от разговорного языка, был более организованным, с наличием громоздких сложноподчинённых предложений; проникновению в него диалектных особенностей в значительной степени препятствовали стандартные общерусские нормы. Разнообразной по языковым средствам была письменная художественная литература. С древних времён большую роль играл устный язык фольклора, обслуживавший до XVI—XVII вв. все слои населения. Об этом свидетельствуют его отражение в древнерусской письменности (сказания о белгородском киселе, о мести Ольги и др. в «Повести временных лет», фольклорные мотивы в «Слове о полку Игореве», яркая фразеология в «Молениях» Даниила Заточника и т.п.), а также архаичные слои современных былин, сказок, песен и иных видов устного народного творчества. С XVII в. начинаются первые записи фольклорных произведений и книжные подражания фольклору, например песни, записанные в 1619—1620 для англичанина Ричарда Джемса, лирические песни Квашнина-Самарина, «Повесть о Горе Злочастии» и др. Сложность языковой ситуации не позволяла выработать единые и устойчивые нормы. Единого русского литературного языка не было.

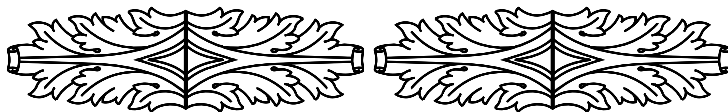
В XVII в. возникают национальные связи, закладываются основы русской нации. В 1708 произошло разделение гражданского и церковно-славянского алфавита. В XVIII и начале XIX вв. получила распространение светская письменность, церковная литература постепенно отодвигалась на задний план и наконец стала уделом религиозной обрядности, а её язык превратился в своеобразный церковный жаргон. Бурно развивалась научно-техническая, военная, мореходная, административная и другая терминология, что вызывало большой приток в Русский язык слов и выражений из западноевропейских языков. Особенно большое воздействие со второй половины XVIII в. на русскую лексику и фразеологию стал оказывать французский язык. Столкновение разнородных

¹ Словарь современного русского литературного языка, том XIII, столб. 1225 - 1226, Москва, Ленинград, 1962.

PETER ALEXANDROVICH RUMYANTSEV-ZADUNAYSKY (1725-1796)
FIELD MARSHAL OF THE RUSSIAN EMPIRE (1770)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1776)
(ARTWORK COURTESY OF STATE MEMORIAL MUSEUM OF A.V. SUVOROV, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

языковых стихий и потребность в общем литературном языке поставили проблему создания единых национальных языковых норм. Становление этих норм проходило в острой борьбе разных течений. Демократически настроенные слои общества стремились к сближению литературного языка с народной речью, реакционное духовенство пыталось сохранить чистоту архаического «словенского» языка, малопонятного широким слоям населения. В то же время среди высших слоев общества началось чрезмерное увлечение иностранными словами, грозившее засорением русского языка. Большую роль сыграла языковая теория и практика М.В. Ломоносова, автора первой обстоятельной грамматики русского языка, предложившего распределить различные речевые средства в зависимости от назначения литературных произведений на высокий, средний и низкий «стили». Ломоносов, В.К. Тредиаковский, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и другие русские писатели подготовили почву для великой реформы А.С. Пушкина. Творческий гений Пушкина синтезировал в единую систему разнообразные речевые стили: русскую народную, церковно-славянскую и западноевропейскую, причём цементирующей основой стал русский народный язык, особенно его московская разновидность. С Пушкина начинается современный русский литературный язык, складываются богатые и разнообразные языковые стили (художественный, публицистический, научный и др.), тесно связанные между собой, определяются общерусские, обязательные для всех владеющих литературным языком фонетические, грамматические и лексические нормы, развивается и обогащается лексическая система. В развитии и формировании русского литературного языка большую роль играли русские писатели XIX—XX вв. (А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.Н. Толстой, М. Горький, А.П. Чехов и др.). Со второй половины XX в. на развитие литературного языка и формирование его функциональных стилей — научного, публицистического и др. — начинают оказывать влияние общественные деятели, представители науки и культуры.

Нейтральные (стилистически не окрашенные) средства современного русского литературного языка составляют его основу. Остальные формы, слова и значения имеют стилистическую окраску, которая придаёт языку всевозможные оттенки выразительности. Наибольшее распространение имеют разговорные элементы, несущие функции непринуждённости, некоторой сниженности речи в письменной разновидности литературного языка и являющиеся нейтральными в бытовой речи. Однако разговорная речь как составная часть литературного языка не представляет собой особой языковой системы.

Распространённым средством стилистического разнообразия литературного языка является просторечие. Оно, как и разговорные средства языка, двойственно: будучи органической частью литературного языка, в то же время существует за его пределами. Исторически просторечие восходит к старой разговорно-бытовой речи городского населения, противостоявшей книжному языку в те времена, когда нормы устной разновидности литературного языка ещё не были выработаны. Разделение старой разговорно-бытовой речи на устную разновидность литературного языка образованной части населения и просторечие началось примерно с середины XVIII в. В дальнейшем просторечие становится средством общения преимущественно неграмотных и полуграмотных горожан, а в пределах литературного языка часть его

особенностей используется как средство яркой стилистической окраски.

Особое место в русском языке занимают говоры. В условиях всеобщего обучения они быстро отмирают, вытесняются литературным языком. В своей архаической части современные говоры составляют 2 крупных наречия: северновеликорусское (оканье) и южновеликорусское (аканье) с промежуточным переходным средневеликорусским наречием. Есть более мелкие единицы, так называемые диалекты (группы близких говоров), например новгородский, владими́ро-ро́стовский, рязанский. Это деление условно, так как границы распространения отдельных диалектных особенностей обычно не совпадают. Границы диалектных особенностей пересекают русские территории в различных направлениях или же эти особенности распространены лишь на её части. До возникновения письменности диалекты были универсальной формой существования языка. С возникновением литературных языков они, видоизменяясь, сохраняли свою силу; речь подавляющего большинства населения была диалектной. С развитием культуры, возникновением национального русского языка диалекты становятся преимущественно речью сельского населения. Современные русские говоры превращаются в своеобразные полудиалекты, в которых местные черты сочетаются с нормами литературного языка. Говоры постоянно воздействовали на литературный язык. Диалектизмы и теперь используются писателями в стилистических целях.

В современном русском языке наблюдается активный (интенсивный) рост специальной терминологии, что вызвано прежде всего потребностями научно-технической революции. Если в начале XVIII в. терминология заимствовалась из немецкого языка, в XIX в. — из французского языка, то в середине XX в. она заимствуется главным образом из английского языка (в его американском варианте). Специальная лексика стала важнейшим источником пополнения словарного состава русского общелитературного языка, однако проникновение иностранных слов следует разумно ограничивать.

Современный русский язык представлен рядом стилистических, диалектных и других разновидностей, находящихся в сложном взаимодействии. Все эти разновидности, объединённые общностью происхождения, общей фонетической и грамматической системой и основным словарным составом (что обеспечивает взаимопонимание всего населения), составляют единый национальный Русский язык, главным звеном которого является литературный язык в его письменной и устной формах. Сдвиги в самой системе литературного языка, постоянное воздействие на него других разновидностей речи приводят не только к обогащению его новыми средствами выражения, но и к усложнению стилистического разнообразия, развитию вариантности, т. е. возможностью обозначать одно и то же или близкое по значению разными словами и формами.

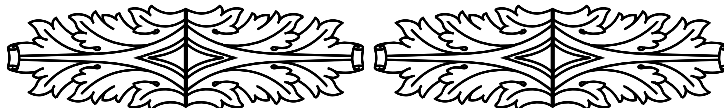
Большую роль играет русский язык как язык межнационального общения народов СССР. Русский алфавит лег в основу письменности многих младописьменных языков, а Русский язык стал вторым родным языком нерусского населения СССР. «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре».

IVAN PERFILIEVICH YELAGIN (1725-1794)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Начиная с середины XX в. всё больше расширяется изучение русского языка во всём мире. Русский язык преподаётся в 120 государствах: в 1648 университетах капиталистических и развивающихся стран и во всех вузах социалистических стран Европы; число учащихся превышает 18 млн. чел. (1975). В 1967 создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ); в 1974 — институт русского языка им. А.С. Пушкина; выпускается специальный журнал «Русский язык за рубежом»¹.

§ 5. СОВРЕМЕННЫЙ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

"A vast magnificence is right in front of you[r eyes], the Russian language! The delight calls you, the delight will be delving into the entire immensity of the Russian language and it will capture [for you] miraculous laws of Russian"², said Nikolay Vasilyevich Gogol (1809-1852), whose Undercoat is where we all come from³.

The standard well-known form of Russian is generally called the *Contemporary Russian Literary Language* (Современный русский литературный язык). It arose in the beginning of the XVIII century with the modernization reforms of the Russian state by Peter the Great. It developed from the Moscow (Middle or Central Russian) dialect substratum under some influence of the Russian chancellery language of the previous centuries. It was Mikhail Lomonosov who first compiled a normalizing grammar book in 1755. In 1789 the first explanatory dictionary (Словарь Академии Российской) of Russian by the Russian Academy (Российская Академия) was initiated. During the end of the XVIII and XIX centuries Russian went through the stage (known as "The Golden Age") of stabilization and standardization of its grammar, vocabulary and pronunciation, and of the flourishing of its world-famous literature, and became the nationwide literary language. Also until the XX century its spoken form was the language only of the upper noble classes and urban population, Russian peasants from the countryside continued speaking in their own dialects. By the middle of the XX century Standard Russian finally forced out its dialects with the compulsory education system, established by the Soviet government, and mass-media (radio and TV).

«Что такое язык? Прежде всего это не только способ выражать свои мысли, но и творить свои мысли. Язык имеет обратное действие. Человек, превращающий свои мысли, свои идеи, свои чувства в язык... он также как бы пронизывается этим способом выражения».

— А. Н. Толстой.

Современный русский язык⁴ - это национальный язык русского народа, форма русской национальной культуры. Он представляет собой исторически сложившуюся языковую общность и объединяет всю совокупность языковых средств русского народа, в том числе все русские говоры и наречия, а также различные жаргоны. Высшей формой национального русского языка является русский литературный язык, который имеет ряд признаков, отличающих его от других форм существования языка: обработанность, нормированность, широта общественного функционирования ,

общеобязательность для всех членов коллектива, разнообразие речевых стилей, используемых в различных сферах общения.

Русский язык входит в группу *славянских* языков, которые образуют отдельную ветвь в индоевропейской семье языков и делятся на три подгруппы: *восточная* (русский, украинский, белорусский); *западная* (польский, чешский, словацкий, лужицкий) ; *южная* (болгарский, македонский, сербскохорватский [хорватско-сербский], словенский).

Современный русский литературный язык - это язык художественной литературы, науки, печати, радио, телевидения, театра, школы, государственных актов. Важнейшей особенностью его является нормированность, а это означает, что состав словаря литературного языка строго отобран из общей сокровищницы национального языка; значение и употребление слов, произношение, правописание, а также образование грамматических форм подчиняются общепринятому образцу.

Русский литературный язык имеет две формы - *устную и письменную*, которые характеризуются особенностями как со стороны лексического состава, так и со стороны грамматической структуры, поскольку рассчитаны на разные виды восприятия - слуховое и зрительное. Письменный литературный язык отличается от устного большей сложностью синтаксиса, преобладанием отвлеченной лексики, а также лексики терминологической, преимущественно интернациональной по своему использованию.

Русский язык выполняет три функции:

- 1) национального русского языка;
- 2) одного из языков межнационального общения народов России;
- 3) одного из важнейших мировых языков.

В курсе современного русского языка представлен ряд разделов:

■ **Лексика и фразеология** изучают словарный и фразеологический (устойчивые словосочетания) состав русского языка.

■ **Фонетика** описывает звуковой состав современного русского литературного языка и основные звуковые процессы, протекающие в языке.

■ **Графика** знакомит с составом русского алфавита, соотношением между звуками и буквами.

■ **Орфография** определяет правила употребления буквенных знаков при письменной передаче речи.

■ **Орфоэпия** изучает нормы современного русского литературного произношения.

■ **Словообразование** исследует морфемный состав слов и основные типы их образования.

■ **Грамматика** - раздел языкознания, содержащий учение о формах словоизменения, о строении слов, видах словосочетаний и типах предложения. Включает в себя две части: морфологию и синтаксис.

■ **Морфология** - учение о структуре слова, формах словоизменения, способах выражения грамматических значений, а также об основных лексико-грамматических разрядах слов (частях речи).

■ **Синтаксис** - учение о словосочетании и предложении.

¹ Филин Ф. П., Хрестоматия по истории русского языкознания / / Русский язык. Москва, 1973.

² Karanin M., The Russian Language VS. The English Language, page 1267 / / *Anglology*®, Asapulco & Savannah, 2006.

³ Fyodor Dostoevsky's quotation: Все мы вышли из "Шинели" Гоголя; We all come out from Gogol's "Overcoat". Употребляется для характеристики гуманистических традиций классической русской литературы.

⁴ Ротеналь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., Современный русский язык. - М.: Рольф, 2002.

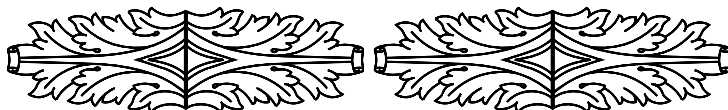
Виноградов В.В., Русский язык (Грамматическое учение о слове). - М.: "Русский язык", 2001.

IVAN IVANOVICH SHUVALOV (1727-1797)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

■ **Пунктуация** - совокупность правил постановки знаков препинания

Русский язык является предметом ряда лингвистических дисциплин, исследующих его современное состояние и историю, территориальные и социальные диалекты, просторечие.

Данное определение требует разъяснения следующих терминов: национальный язык, национальный русский язык, литературный язык, современный русский литературный язык.

Сочетание *русский язык* прежде всего тесно связано с наиболее общим понятием о национальном русском языке.

Национальный язык – социально-историческая категория, обозначающая язык, являющийся средством общения нации.

Национальный русский язык, следовательно, – средство общения русской нации.

Русский национальный язык – явление сложное. Он включает в себя следующие разновидности: литературный язык, территориальные и социальные диалекты, полудиалекты, просторечие, жаргоны.

Среди разновидностей национального русского языка литературному языку отводится ведущая роль. Являясь высшей формой национального русского языка, литературный язык обладает рядом признаков.

В отличие от территориальных диалектов, он надтерриториален и существует в двух формах – письменной (книжной) и устной (разговорной).

Литературный язык – это язык общегосударственный, обработанный мастерами слова. Он представляет собой нормативную подсистему национального русского языка. **Нормативность** – один из важнейших признаков литературного языка.

Языковая норма (литературная норма) – отобранные и закрепившиеся в процессе общественной коммуникации правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств. Таким образом, языковая норма представляет собой систему частных норм (орфоэпических, лексических, грамматических и т.д.), которые осознаются носителями языка не только в качестве обязательных, но и правильных, образцовых.

Данные нормы объективно закреплены в языковой системе и реализуются в речи: говорящий и пишущий должны им следовать.

Языковая норма обеспечивает стабильность (устойчивость) и традиционность средств языкового выражения и позволяет литературному языку наиболее успешно выполнять коммуникативную функцию. Поэтому литературная норма сознательно культивируется и поддерживается обществом и государством (кодифицируется). Кодификация языковой нормы предполагает ее упорядочение, приведение в единство, в систему, в свод правил, которые закрепляются в определенных словарях, справочниках по языку, учебниках.

Несмотря на стабильность и традиционность, литературная норма исторически изменчива и подвижна. Основная причина изменения литературной нормы – развитие языка, наличие в нем различных вариантов (орфоэпических, номинативных, грамматических), которые нередко конкурируют. Поэтому со временем какой-то из вариантов может устаревать. Так, можно считать устаревшими нормы

старомосковского произношения безударных окончаний глаголов II спряжения в 3-м лице множественного числа: *ды[шут]*, *хо[д'ут]*. Ср. современное новомосковское произношение *хо[д'ѣт]*, *ды[шѣт]*.

Русский литературный язык полифункционален. Он обслуживает различные сферы общественной деятельности: науку, политику, право, искусство, сферу обиходно-бытового, неофициального общения, поэтому он стилистически неоднороден.

В зависимости от того, какую сферу общественной деятельности он обслуживает, литературный язык подразделяется на следующие функциональные стили: научный, публицистический, официально-деловой, стиль художественной речи, имеющие преимущественно письменную форму бытования и называемые книжными, и разговорный стиль, употребляющийся преимущественно в устной форме. В каждом из перечисленных стилей литературный язык выполняет свою функцию и имеет специфический набор языковых средств как нейтральных, так и стилистически окрашенных.

Таким образом, *литературный язык* – высшая форма национального языка, характеризующаяся надтерриториальностью, обработанностью, стабильностью, нормативностью, обязательностью для всех носителей языка, полифункциональностью и стилистической дифференциацией. Он существует в двух формах – устной и письменной.

Поскольку предметом изучения курса является современный русский литературный язык, необходимо определить с термином *современный*. Термин *современный русский литературный язык* употребляется обычно в двух значениях: широком – язык от Пушкина до наших дней – и узком – язык последних десятилетий.

Наряду с этими определениями данного понятия существуют другие точки зрения. Так, В.В.Виноградов полагал, что система «языка нового времени» сложилась в 90-е годы XIX – начале XX века, т.е. условной границей понятия «современный» считал язык от А.М.Горького до наших дней. Ю.А.Бельчиков, К.С.Горбачевич в качестве нижней границы современного русского языка отмечают период с конца 30-х – начала 40-х гг. XX века, т.е. считают «современным» язык с конца 30-40-х гг. XX века до наших дней. Анализ изменений, происходящих в системе литературных норм, лексико-фразеологическом составе, отчасти в грамматическом строе литературного языка, его стилистической структуре в XX в., позволяет некоторым исследователям сузить хронологические рамки этого понятия и считать «современным» язык середины и второй половины XX в. (М. В. Панов).

Нам представляется наиболее обоснованной точка зрения тех лингвистов, которые при определении понятия «современный» отмечают, что «языковая система изменяется не сразу во всех своих звеньях, основа ее сохраняется в течение длительного времени»¹, поэтому под «современным» мы понимаем язык с начала XX в. до наших дней.

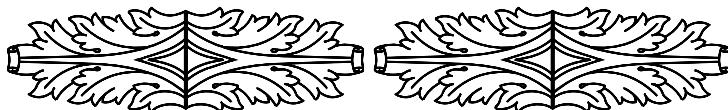
Русский язык как всякий национальный язык сложился исторически. Его история охватывает века. Русский язык восходит к индоевропейскому праязыку. Этот единый языковой источник распался уже в 3-м тысячелетии до н.э. Древней родины славян называют земли между Одером и Днестром.

¹ Филин Ф.П., *Истоки и судьбы русского литературного языка*. М.: Наука. 1981. с.139.

IVAN IVANOVICH SHUVALOV (1727-1797)
THE FIRST RUSSIAN MINISTER OF EDUCATION
ONE OF THE FOUNDERS OF MOSCOW UNIVERSITY (1755)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Северной границей славянских земель принято называть Припять, за которой начинались земли, населенные балтийскими народами. В юго-восточном направлении славянские земли доходили до Волги и смыкались с Причерноморьем.

До VII в. древнерусский язык – предшественник современных русского, украинского и белорусского языков – был языком древнерусской народности, языком Киевской Руси. В XIV в. намечается деление восточнославянской группы наречий на три самостоятельных языка (русский, украинский и белорусский), следовательно, начинается история русского языка. Вокруг Москвы сплачивались феодальные княжества, формировалось Российское государство, а вместе с ним формировалась русская нация и русский национальный язык.

Опираясь на исторические факты в развитии русского языка, обычно выделяют три периода:

- 1) VIII-XIV вв. – древнерусский язык;
- 2) XIV-XVII вв. – язык великорусской народности;
- 3) XVII в. – язык русской нации.

Большой академический словарь описывает современный русский литературный язык. А что такое **литературный язык**?

Каждый общенациональный язык вырабатывает свою образцовую форму существования. Чем же она характеризуется?

Литературному языку присущи:

- 1) развитая письменность;
- 2) общепринятая норма, то есть правила употребления всех языковых элементов;
- 3) стилевая дифференциация языкового выражения, то есть наиболее типичное и целесообразное языковое выражение, обусловленное ситуацией и содержанием речи (публицистическое выступление, деловая, официальная или принужденная речь, художественное произведение);
- 4) взаимодействие и взаимосвязь двух видов существования литературного языка – книжного и разговорного как в письменной, так и в устной формах (статья и лекция, научная дискуссия и диалог встретившихся друзей и т.д.).

Наиболее существенной чертой литературного языка является его общепринятость и потому общепонятность. Развитие литературного языка определяется развитием культуры народа.

Формирование современного русского литературного языка. Самый ранний период древнерусского литературного языка (XI-XIV вв.) определен историей Киевской Руси и ее культурой. Чем же отмечено это время в истории древнерусского литературного языка?

В XI-XII вв. складывается художественная, публицистическая и повествовательная – историческая литература. Предшествующий период (с VIII в.) создал для этого необходимые условия, когда славянские просветители – братья Кирилл (около 827-869 гг.) и Мефодий (около 815-885 гг.) составили первую славянскую азбуку.

Древнерусский литературный язык развивался на основе разговорного языка благодаря существованию двух мощных источников:

- 1) древнерусской устной поэзии, превращавшей разговорный язык в обработанный поэтический язык («Слово о полку Игореве»);

- 2) старославянского языка, пришедшего на Киевскую Русь вместе с церковной литературой (отсюда второе название – церковнославянский).

Старославянский язык обогащал формирующийся литературный древнерусский язык. Происходил взаимодействие двух славянских языков (древнерусского и старославянского).

С XIV в., когда выделяется великорусская народность и начинается собственной история русского языка, литературный язык развивается уже на основе московского койне, продолжая традиции того языка, который сложился в пору Киевской Руси. В московский период происходит явное сближение литературного языка с разговорной речью, что наиболее полно проявляется в деловых текстах. Это сближение усиливается в XVII в. В литературном языке того времени наблюдается, с одной стороны, значительная пестрота (используются народно-разговорные, книжно-архаические и заимствованные из других языков элементы), а с другой – стремление к упорядочению этой языковой пестроты, то есть к языковой нормализации.

Одним из первых нормализаторов русского языка следует назвать Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708-1744 гг.) и Василия Кирилловича Тредиаковского (1703-1768 гг.). Князь Антиох Дмитриевич Кантемир – один из наиболее видных просветителей начала XVIII в., он автор эпиграмм, басен, поэтических творений (сатира, поэма «Петрида»). Перу Кантемира принадлежат многочисленные переводы книг по различным вопросам истории, литературы, философии.

Художественная и творческая деятельность А.Д. Кантемира содействовала упорядочению словоупотребления, обогащению литературного языка словами и выражениями народно-разговорной речи. Кантемир говорил о необходимости освободить русский язык от ненужных слов иноязычного происхождения и от архаичных элементов славянизированной письменности.

Василий Кириллович Тредиаковский (1703-1768 гг.) – автор большого количества работ по филологии, литературе, истории. Он пытался решить кардинальную проблему своего времени: нормирование литературного языка (речь «О чистоте русского языка», произнесенная 14 марта 1735 г.). Тредиаковский отрекается от церковно-книжных выражений, он стремится заложить основы литературного языка на базе народной речи.

В XVIII веке происходит обновление, обогащение русского языка за счет западноевропейских языков: польского, французского, голландского, итальянского, немецкого. Особенно это проявилось при формировании литературного языка, его терминологии: философской, научно-политической, юридической, технической. Однако чрезмерное увлечение иностранными словами не способствовало ясности и точности выражения мысли.

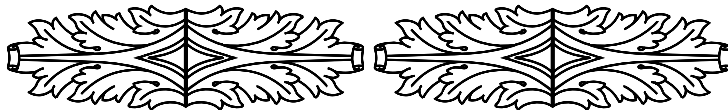
М.В. Ломоносов сыграл значительную роль в выработке русской терминологии. Как ученый он вынужден был создавать научную и техническую терминологию. Ему принадлежат слова, не утратившие свою значимость в настоящее время: атмосфера, возгорание, градус, материя, электричество, термометр и др. Своими многочисленными научными трудами он способствует формированию научного языка.

В развитии литературного языка XVII – начала XIX вв. возрастает и становится определяющей роль индивидуально-авторских стилей. Наибольшее влияние на процесс развития русского литературного языка этого периода оказало творчество Гавриила Романовича Державина, Александра Николаевича

ALEXANDER ALEXEEVICH VIAZEMSKY (1727-1793)
GENERAL PROSECUTOR TO THE THE RUSSIAN SENATE
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Радищева, Николая Ивановича Новикова, Ивана Андреевича Крылова, Николая Михайловича Карамзина.

Многое для упорядочения русского языка сделал М.В. Ломоносов. Он был «первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси... Язык его чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения» (В.Г.Белинский). В произведениях Ломоносова преодолевается архаичность речевых средств литературной традиции, закладываются основы нормированной литературной речи. Ломоносов разработал теорию о трех стилях (высоком, среднем и низком), он ограничил использование старославянизмов, которые уже в то время были непонятными и усложняли, утяжеляли речь, особенно язык официальной, деловой литературы.

Для произведений этих писателей характерна ориентация на живое речевое употребление. Употребление народно-разговорных элементов сочеталось со стилистическим целенаправленным использованием книжно-славянских слов и оборотов речи. Усовершенствовался синтаксис литературного языка. Большую роль в нормализации русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв. сыграл толковый словарь русского языка – «Словарь Академии Российской» (части 1-6, 1789-1794 гг.).

В начале 90-х гг. XVIII вв. появляются повести Карамзина и «Письма русского путешественника». Эти произведения составили целую эпоху в истории развития русского литературного языка. В них культивировался язык описания, который получил название «нового слога» в противовес «старому слогу» архаистов. В основу «нового слога» были положены принцип сближения литературного языка с разговорным, отказ от абстрактного схематизма литературы классицизма, интерес к внутреннему миру человека, его чувствам. Предлагалось новое понимание роли автора, формировалось новое стилистическое явление, которое получило название индивидуально-авторского стиля.

Последователь Карамзина писатель П.И. Макаров так сформулировал принцип сближения литературного языка с разговорным: язык должен быть единым «равно для книг и для общества, чтобы писать как говорят и говорить как пишут» (журнал «Московский Меркурий», 1803, № 12).

Но Карамзин и его сторонники в этом сближении ориентировались только на «язык высшего общества», салона «милых дам», то есть принцип сближения был реализован искаженно.

Но от решения вопроса о том, как и на каких основаниях должен сближаться литературный язык с разговорным, зависел вопрос о нормах нового русского литературного языка.

Писатели XIX в. сделали значительный шаг вперед в сближении литературного языка с разговорным, в обосновании норм нового литературного языка. Это творчество А.А. Бестужева, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова. Эти писатели показали, какими неисчерпаемыми возможностями обладает живая народная речь, насколько самобытен, оригинален, богат язык фольклора.

Система трех языковых стилей литературного языка с последней четверти XVIII в. трансформировалась в систему функционально-речевых стилей. Жанр и стиль произведения литературы уже не определялись твердой прикреплённостью лексемы, оборота речи, грамматической нормы и конструкции, как того требовало учение о трех стилях. Возросла роль творческой языковой личности, возникло понятие «истинного языкового вкуса» в индивидуально-авторском стиле.

Новый подход к структуре текста был сформулирован А.С.

Пушкиным: истинный вкус выявляется «не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, в чувстве соразмерности и сообразности» (Полн. собр. соч., т. 7, 1958). В творчестве Пушкина завершается формирование национального русского литературного языка. В языке его произведений впервые пришли в равновесие основные стили русской письменности и устной речи. С Пушкина начинается эпоха нового русского литературного языка. В его творчестве были выработаны и закреплены единые общенациональные нормы, которые связывали в единое структурное целое как книжно-письменную, так и устно-разговорную разновидности русского литературного языка.

Пушкин разрушил окончательно систему трех стилей, создал многообразие стилей, стилистических контекстов, спаянных темой и содержанием, открыл возможности их бесконечного индивидуально-художественного варьирования.

В языке Пушкина заключается источник последующего развития всех стилей языка, формировавшихся далее под его воздействием в языке М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, И.С.Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, и др. С Пушкина в русском литературном языке окончательно установилась, а затем и совершенствовалась система функционально-речевых стилей, существующая с небольшими изменениями и ныне.

Во второй половине XIX в. отмечается значительное развитие публицистического стиля. Этот процесс определяется подъемом общественного движения. Возрастает роль публициста как социальной личности, влияющей на формирование общественного сознания, а иногда и определяющей его.

Публицистический стиль начинает оказывать влияние на развитие художественной литературы. Многие писатели одновременно работают в жанрах художественной литературы и в жанрах публицистики (М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Г.И. Успенский и др.). В литературном языке появляется научно-философская, общественно-политическая терминология. Наряду с этим литературный язык второй половины XIX в. активно вбирает в себя разнообразную лексику и фразеологию из территориальных диалектов, городского просторечия и социально-профессиональных жаргонов.

На протяжении всего XIX в. идет процесс обработки общенародного языка с целью создания единых грамматических, лексических, орфографических, орфоэпических норм. Эти нормы теоретически обосновываются в трудах Востокова, Буслаева, Потебни, Фортунатова, Шахматова.

Богатство и разнообразие словарного состава русского языка находит отражение в словарях. Известные филологи того времени (И.И. Давыдов, А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, Я.К. Грот и др.) публикуют статьи, в которых определяют принципы лексикографического описания слов, принципы сбора лексики с учетом целей и задач словаря. Таким образом, впервые разрабатываются вопросы теории лексикографии.

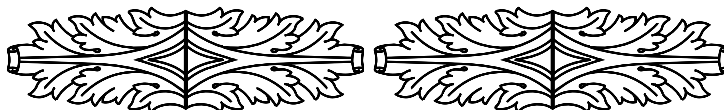
Самым крупным событием было издание в 1863-1866 гг. четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Словарю дали высокую оценку современники. Даль получил Ломоносовскую премию Российской императорской Академии наук в 1863 г. и звание почетного академика. (В словаре свыше 200 тысяч слов).

Даль не просто описал, а указал, где то или иное слово бытует, как оно произносится, что означает, в каких пословицах,

VASILII IVANOVICH MAIKOV (1728-1778)
RUSSIAN POET AND PLAYWRIGHT
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

поговорках встречается, какие производные имеет. Профессор П.П. Червинский писал об этом словаре: «Есть книги, которым суждена не просто долгая жизнь, они не просто памятники науки, это вечные книги. Вечные книги потому, что их содержание неподвластно времени, над ними не властны ни социальные, ни политические, ни даже исторические изменения любых масштабов».

Термин *литературный язык* в России стал распространяться со второй половины XIX в. Пушкин широко пользуется прилагательным «литературный», но к языку это определение не применяет и в смысле литературный язык употребляет словосочетание «письменный язык». О «письменном языке» пишет обычно и Белинский. Интересно отметить, что когда писатели и филологи первой половины и середины XIX в. оценивают язык русских прозаиков и поэтов, то соотносят его вообще с русским языком, не определяя его ни как книжный, ни как письменный, ни как литературный¹. «Письменный язык» выступает обычно в тех случаях, когда требуется подчеркнуть его соотносительность с языком разговорным, например: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному» (А.С. Пушкин).

В *Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г.* не отмечено словосочетание «литературный язык», но в филологических работах середины XIX в. оно встречается, например, в статье И.И. Давыдова «О новом издании русского словаря»². Название известной работы Я.К. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» (1867) свидетельствует, что к тому времени словосочетание «литературный язык» стало достаточно обычным. Первоначально *литературный язык* понимали преимущественно как язык художественной литературы. Постепенно представления о литературном языке расширились, но не приобрели устойчивости, определенности. К сожалению, такое положение сохраняется до сих пор.

На рубеже XIX-XX вв. появляется ряд работ, в которых рассматриваются проблемы литературного языка, например, «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке» П. Житецкого (1889), «Главнейшие течения в русском литературном языке» Е.Ф. Карского (1893), «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» С.К. Булича (1893), «Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX века Е.Ф. Будде (1901), его же «Очерк истории современного русского литературного языка» (1908).

В 1889 г. Л. И. Соболевский создал свою «Историю русского литературного языка», в которой констатировал, что «благодаря почти полному отсутствию разработки мы не имеем установившегося понятия даже о том, что такое наш литературный язык». Соболевский не предложил своего определения литературного языка, но указал круг памятников,

язык которых понимается как литературный: «Под литературным языком мы будем разуметь не только тот язык, которым писались и пишутся произведения литературы в обычном употреблении этого слова, но вообще язык письменности. Таким образом, мы будем говорить не только о языке поучений, летописей, романов, но и о языке всякого рода документов вроде купчих, закладных и т.п.»³.

Раскрытие значения термина *литературный язык* через соотнесение его с кругом текстов, признаваемых литературными, в русской филологии можно считать традиционным. Оно представлено в работах Д.Н. Ушакова, Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, А.И. Ефимова⁴. Понимание *литературного языка* как языка литературы (в широком смысле) прочно связывает его с конкретным «языковым материалом», материалом словесности и предопределяет его всеобщее признание не подлежащей никакому сомнению языковой реальностью.

Как уже отмечалось, первоначально понятия наших писателей и филологов о литературном языке (как бы его ни называли) связывались более всего с языком художественных произведений. Позже, когда языкознание «решительно сосредоточило свое внимание на говорах, а именно, главным образом, на фонетическом их изучении»⁵, *литературный язык* стал восприниматься прежде всего в плане соотношения с говорами и противопоставления им. Распространилось убеждение в искусственности *литературного языка*. Один из филологов начала XX в. писал: «Литературный язык, узаконение академической грамматики - искусственный язык, соединяющий в себе особенности нескольких наречий и находящийся под влиянием письменности, школы, иностранных литературных языков»⁶. Языкознание того времени обращалось преимущественно к отдельным лингвистическим фактам, явлениям, главным образом фонетическим. Это вело к тому, что оставался в тени язык как функционирующая система, как реальное средство человеческого общения. Естественно, что и *литературный язык* с функциональной стороны изучался мало, не проявлялось достаточного внимания к тем свойствам, качествам литературного языка, которые возникают как результат особенностей его употребления в обществе.

Но постепенно эти аспекты вызывают все больший интерес исследователей. Как известно, вопросы теории литературного языка заняли значительное место в деятельности Пражского лингвистического кружка, обращенной, конечно, прежде всего «к характеру и требованиям чешской языковой практики»⁷.

Но обобщения пражской школы были применены и к другим литературным языкам, в частности, к русскому. На первый план был выдвинут признак нормированности языка и кодифицированности нормы. Как важные признаки литературного языка были названы также его стилевая дифференциация и полифункциональность.

¹ Соболевский Л. И., *История русского литературного языка* // Издание подготовил А. Л. Алексеев. Л., 1980. С. 21.

² Известия Академии наук по ОРЯС. т. I. СПб., 1853.

³ Там же. С. 22.

⁴ Cf. the following references:

• Ушаков Д. Н., *Краткое введение в науку о языке*. 9-е изд. - М., 1929. С. 15-16;
• Якубинский Л. П., *История древнерусского языка*. М., 1953. С. 99;
• Щерба Л. В., *Избранные работы по русскому языку*. М., 1957. С. 135;
• Виноградов В. В., *Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*. М., 1967. С. 37-38; 74-75; 100-101;
• Филин Ф. П., *Источники и судьбы русского литературного языка*. М., 1981. С. 190;
• Ефимов А. И., *История русского литературного языка*. 2-е изд. М., 1967. С. 8.

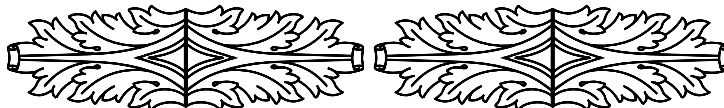
⁵ Боготолов А. Н., *Об изучении литературных языков*, Методический очерк. Казань, 1914. С. 7-8.

⁶ Попов Г. Л., *Филология языка и литературы*, Методологический очерк. Киев, 1911. С. 71-72.

⁷ Едичка А., *О пражской теории литературного языка* // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 547.

KIRILL GRIGOREVICH RAZUMOVSKY (1728-1803)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1746-1798)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

Важнейший для пражской школы признак нормативности литературного языка советские ученые дополнили признаком обработанности - в соответствии с известным высказыванием М. Горького: «Деление языка на литературный и народный значит только то, что ли имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами»¹. В наших современных словарях и учебных пособиях *литературный язык* определяется обычно как обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами. В научной литературе наблюдается тенденция к установлению как можно большего числа признаков *литературного языка*. Например, Ф.П. Филин считает их семь:

- обработанность;
- нормативность;
- стабильность;
- обязательность для всех членов коллектива;
- стилистическая дифференциация;
- универсальность; и
- наличие устной и письменной разновидности².

Конечно, тот или иной *литературный язык*, в частности, *современный русский литературный язык* может быть определен как имеющий перечисленные признаки. Но при этом возникают по крайней мере два вопроса:

- 1) почему совокупность этих признаков обобщается в понятии «литературный» - ведь ни один из них не содержит прямого указания на литературу,
- 2) соответствует ли набор этих признаков содержанию понятия «литературный язык» на всем протяжении его исторического развития.

При всей важности раскрытия содержания термина *литературный язык* через набор специфических признаков представляется очень нежелательным отрыв его от понятия «литература». Такой отрыв дает повод к попыткам заменить филологический термин *литературный* термином *стандартный*. Критические замечания по поводу термина *стандартный язык* были в свое время сделаны автором этих строк³, Ф.П. Филиным⁴, Р.А. Будаговым⁵. Можно сказать, что попытка заменить термин *литературный язык* термином *стандартный язык* в нашей филологической науке потерпела неудачу. Но она показательна как выражение тенденции к дегуманизации языкознания, к замене в этой науке содержательных категорий категориями формальными.

Наряду с термином *литературный язык* и вместо него в последнее время все чаще употребляются термины *нормированный язык* и *кодифицированный язык*. Термин *нормированный язык* из всех признаков *литературного языка* оставляет и абсолютизирует только один, хотя и важный, но в изоляции от других признаков, не раскрывающий сущности обозначаемого явления. Что касается термина *кодифицированный язык*, то его вряд ли вообще можно признать правильным. Кодифицирована может быть языковая норма, но не язык. Объяснение названного термина как эллипсиса (кодифицированный язык - язык, имеющий кодифицированные нормы) не убеждает. В употреблении термина *кодифицированный язык* просматривается тенденция к абстракционизму и субъективизму в трактовке такого

важнейшего общественного явления, как *литературный язык*. Ни норма, ни тем более ее кодификация не могут и не должны рассматриваться в отрыве от всей совокупности реальных свойств действительно существующей (т.е. употребляемого в обществе) *литературного языка*.

Функционирование и развитие *литературного языка* определяется потребностями общества, совокупностью многих социальных факторов, накладывающихся на «внутренние законы» развития каждого конкретного языка. Кодификация нормы (не языка!) является, даже если она осуществляется не одним человеком, а научным коллективом, по существу субъективным актом. Если кодификация соответствует общественным потребностям - она «работает», приносит пользу. Но все равно кодификация нормы вторична по отношению к языковому развитию, она может способствовать лучшему функционированию *литературного языка*, может оказать определенное влияние на его развитие, но не может быть решающим фактором в исторических преобразованиях *литературного языка*.

Реформатором *русского литературного языка*, утвердившим его нормы, был не какой-либо «кодификатор» (или «кодификаторы»), а **Александр Сергеевич Пушкин**, который, как известно, не сделал научных описаний норм *русского литературного языка*, не написал реестра предписывающих правил, но создал образцовые литературные тексты различных типов. Нормативный аспект *литературно-языковой* практики Пушкина был лингвистически безупречно определен Б.Н. Головиным: «Поняв и почувствовав новые требования общества к языку, опираясь на народную речь и речь литераторов - своих предшественников и современников, великий поэт пересмотрел приемы и способы использования языка в литературных произведениях, и язык заблистал новыми, неожиданными красками. Речь Пушкина стала образцовой и, благодаря литературному и общественному авторитету поэта, была признана нормой, примером для подражания. Это обстоятельство серьезно сказалось на развитии нашего *литературного языка* в XIX-XX вв.»⁶.

Таким образом, обобщение признаков, не содержащих в себе прямых указаний на литературу, как признаков *литературного языка* оказывается зыбким. Но, с другой стороны, попытки заменить термин *литературный язык* терминами *стандартный язык*, *нормированный язык*, *кодифицированный язык* ведут к явному обеднению и искажению сущности обозначаемого явления. Не лучше обстоит дело определением через набор признаков при рассмотрении *литературного языка* в исторической перспективе. Поскольку указанные выше признаки во всей своей совокупности присущи современному *русскому литературному языку*, некоторые филологи «считают невозможным применение термина *литературный* по отношению к *русскому языку* до XVIII в. При этом их не смущает то, что существование *русской литературы* с XI в, ни у кого никогда не вызывало сомнений. «Исторические противоречия в таком ограничительном употреблении термина «литературный язык», - писал Виноградов, - очевидны, так как получается, что донациональная литература (например, *русская литература XI-XVII веков*, *английская литература*

¹ Горький М., О литературе. М., 1953. С. 428.

² Филин Ф. П., Истоки и судьбы *русского литературного языка*. С. 175-176.

³ Горшков А. И., История *русского литературного языка*. М., 1969. С. 9.

⁴ Филин Ф. П., О структуре современного *русского литературного языка* // 1973 - № 2. С. 3.

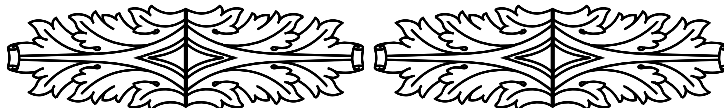
⁵ Будагов Р. А., Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.

⁶ Головин Б.Н., Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983. С. 17.

CATHERINE THE GREAT (1729-1796)
THE EIGHTH EMPRESS OF THE ALL RUSSIAS (1762-1796)
INITIATOR OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)
(ARTWORK COURTESY OF PRIVATE COLLECTION)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

дошескировского периода и т. д.) не пользовалась литературным языком или - вернее - написана на нелитературном языке»¹.

Ученые, отказывающиеся от термина *литературный язык* применительно к донациональной эпохе, идут путем, который вряд ли можно признать логичным: вместо того чтобы учесть историческую ограниченность понимания *литературного языка* как явления, обладающего комплексом названных выше признаков, они ограничивают эпохой национального развития само понятие *литературного языка*. Хотя противоречивость такой позиции очевидна, в специальной литературе мы постоянно встречаемся с терминами *письменный язык*, *книжный язык*, *книжно-письменный язык* и т. п., когда речь идет о русском языке XI - XVII вв., а иногда и XVIII в.

Думается, что этот терминологический разнбой не оправдан. О *литературном языке* смело можно говорить по отношению к любому времени, когда существует литература. Все признаки *литературного языка* вырабатываются в литературе. Вырабатываются не сразу, поэтому искать их все на любом отрезке времени бесполезно и антиисторично. Надо, конечно, учитывать и то, что исторически меняется содержание и объем самого понятия «литература». Однако неизменной остается связь понятий «литературный язык» и «литература».

Употребление вместо термина *литературный язык* какого-либо другого - *стандартный язык*, *нормированный язык*, *кодифицированный язык* - означает подмену одного понятия другим понятием. Конечно, рассуждая отвлеченно, можно построить «конструкты», соответствующие терминам *стандартный язык*, *нормированный язык*, *кодифицированный язык*, но эти «конструкты» никак нельзя отождествить с *литературным языком* как языковой реальностью.

Исходя из перечислявшихся выше признаков литературного языка можно построить много оппозиций, характеризующих соотношение литературного и нелитературного языка: *обработанный - необработанный*, *нормированный - ненормированный*, *стабильный - нестабильный* и т. д. Но такого рода оппозиции определяют лишь отдельные стороны рассматриваемых явлений. Какова же наиболее общая оппозиция? Что именно выступает как нелитературный язык?

«Всякое понятие лучше всего выясняется из противоположений, а всем кажется очевидным, что литературный язык прежде всего противопоставляется диалектам. И в общем это верно; однако, я думаю, что есть противоположение более глубокое, которое в сущности и обуславливает те, которые кажутся очевидными. Это противоположение литературного и разговорного языков»². Конечно, Щерба прав в том, что противопоставление литературного и разговорного языков более глубокое (и более широкое), чем противопоставление литературного языка и диалектов. Последние существуют, как правило, в разговорном употреблении и таким образом включаются в сферу разговорного языка. Соотнесенность литературного языка именно с разговорным языком (включая диалекты) в историческом плане постоянно подчеркивал Б.А. Ларин³.

О соотнесенности литературного и разговорного языков. Щерба указал и на основу структурных различий между этими

разновидностями языкового употребления: «Если вдуматься глубже в суть вещей, то мы придем к заключению, что в основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противопоставляемый диалогу - разговорной речи. Эта последняя состоит из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника. Диалог - в сущности цепь реплик. Монолог - это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, являющаяся отнюдь не репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих. Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке»⁴.

Разумеется, надо ясно представлять себе, что, выдвигая концепцию диалога и монолога, Щерба имел в виду две главные разновидности употребления языка, а не особые формы их отражения в художественной литературе. «Если вдуматься глубже в суть вещей», как думал Щерба, то невозможно отрицать, что большинство признаков литературного языка, о которых речь шла выше, возникли в результате монологического (подготовленного, организованного) употребления языка. Обработка и затем нормализация языка осуществляется, несомненно, в процессе построения монолога. А на основе обработанности и нормализованности вырабатываются универсальность и всеобщность. Коль скоро «организованная система облеченных в словесную форму мыслей» всегда связана с определенной сферой общения и отражает ее особенности, создаются предпосылки функционально-стилевой дифференциации *литературного языка*. С монологическим употреблением связана и стабильность, традиционность литературного языка, так как монолог «протекает более в рамках традиционных форм, воспоминание о которых при полном, контроле сознания является основным организующим началом нашей монологической речи»⁵.

Концепция соотнесенности диалога - монолога как основы соотнесенности разговорного и *литературного языка* хорошо объясняет и сам Процесс зарождения, возникновения литературного языка. В основе этого процесса лежит преобразование неподготовленного диалогического употребления языка в подготовленное монологическое употребление.

Поскольку признается противоположение *литературный язык* - разговорный язык, то представляется неправомерным термин *литературный разговорный язык*. Разговорный язык остается разговорным и в тех случаях, когда разговаривают носители литературного языка (если речь идет о настоящем разговоре, т. е. о неподготовленном, спонтанном обмене репликами), и не становится «литературным» только от того, что собеседники разговаривают не на диалекте. Другое дело - устная форма литературного языка. Она, конечно, накладывает определенный отпечаток на литературный язык, ведет к появлению некоторых специфических особенностей построения монолога, но монологическая природа очевидна.

Все сказанное выше касалось компонента *литературный* в термине *литературный язык*. Теперь надо сказать и о компоненте *язык*. Конечно, когда говорят и пишут *литературный язык*, разговорный язык, то имеют в виду не разные языки, а две главные разновидности общенародного

¹ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 27.

² Щерба Л. В., Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 115.

³ Ларин Б. А., Лекции по истории русского литературного языка (X - середина XVIII в.). М. 1975. С. 228, 230, 237 и др.

⁴ Щерба Л. В., Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 115.

⁵ Там же. С. 116.

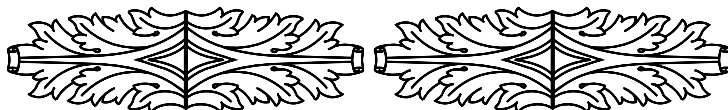

CATHERINE THE GREAT (1729-1796)

THE EIGHTH EMPRESS AND AUTOCRAT OF ALL THE RUSSIAS (1762-1796)

THE FOUNDER OF L'ACADÉMIE RUSSE

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE PETERHOF MUSEUM, PETRODVORETSKY DISTRICT, SAINT PETERSBURG)

языка (иначе этнического языка или этноязыка). А точнее - имеются в виду разновидности употребления языка: литературная и разговорная. Так что в интересах точности следовало бы употреблять термины литературная разновидность употребления языка, разговорная разновидность употребления языка. Но в силу широкого распространения и всеобщего признания, а также большей краткости терминов литературный язык и разговорный язык приходится мириться с их неполнотой и некоторой двусмысленностью (появляющееся в нашей специальной литературе понимание противоположения русского литературного языка и русского диалектного языка, русского литературного языка и русского разговорного языка именно как противоположение разных русских языков).

Применение термина *литературный язык* в современной русистике не отличается единством. Наиболее ярким проявлением такого положения являются попытки заменить термин литературный язык другими терминами или «добавить» к термину литературный язык то или иное уточнение (кодифицированный литературный язык). Путь к стабилизации значения термина литературный язык может быть только один - это путь конкретных всесторонних исследований того феномена, который именуется литературным языком и который предстает как «не подлежащая никакому сомнению языковая реальность»¹ в литературных текстах от времени их появления до наших дней.

§ 5.1 СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО ПОДСИСТЕМЫ

Русский язык представляет собой весьма сложную систему, которая изучается и описывается с разных сторон, прежде всего, со стороны его устройства и со стороны его функционирования. Со стороны устройства русский язык, как и многие языки мира, представляет собой сложнейшую систему систем, представленную различными уровнями: фонетическим, морфемным, лексико-семантическим, грамматико-синтаксическим. Изучение и научное описание русского языка проводится по его уровням, а также по сферам функционирования единиц языка в различных сферах человеческой деятельности и различных сферах общения. Так, в результате описания единиц языковой системы было выявлено большое количество синонимических средств языка, употребление которых в речи определяется известными законами, которые связаны с внутренней дифференциацией языка на литературный язык и просторечие, стили и жаргоны.

Русский язык является не только национальным языком русского народа, но и средством международного общения многих народов. Современный русский язык существует в нескольких формах, среди которых ведущую роль играет литературный язык. Русский литературный язык - это форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую. Любой язык представляет собой систему средств выражения, литературный язык можно определить как исторически сложившуюся систему общепотребительных единиц, которые прошли длительную культурную обработку и осмысление в текстах авторитетных мастеров слова, при научном описании языка в грамматиках, а также в общении образованных носителей национального

языка. Языковые средства литературного языка складывались и оттачивались в течение долгого времени, так как их назначение заключается в точном, ясном, понятном и выразительном выражении сложного мира идей, чувств и представлений, всего многообразия предметов и явлений действительности.

Литературному языку противопоставлены территориальные и социальные диалекты (говоры и жаргоны), отчасти просторечие как формы существования языка, но подвергающиеся сознательной обработке и кодификации. Однако между литературной формой языка и его нелитературными вариантами осуществляется постоянная взаимосвязь: литературный язык постоянно пополняется и обновляется за счет народно-разговорной речи, а диалекты и просторечия постоянно подвергаются воздействию со стороны литературного языка. Так, в создании современного русского языка ведущую роль сыграл А.С. Пушкин, который в своих произведениях осуществил синтез народно-разговорного языка и церковнославянского языка, до этого использовавшегося в качестве литературного.

Первые, вводные занятия имеют целью дать студентам представление о языке как о средстве общения людей. Примером может служить легенда о знаменитом баснописце древней Греции Эзопе, рабе философа Ксанфа. Когда Ксанф попросил приготовить для гостей самое лучшее, Эзоп приготовил блюда из языков и объяснил это так: «Ты велел купить самое лучшее. А что может быть на свете лучше языка?» При помощи языка строятся города, развивается культура народов. При помощи языка мы изучаем науки и получаем знания. При помощи языка люди могут общаться друг с другом, решать различные вопросы, просить, приветствовать, мириться, давать, получать, выполнять просьбы, вдохновлять на подвиги, выражать радость, ласку, объясняться в любви. Поэтому нужно думать, что «нет ничего лучше языка».

В другой раз Ксанф распорядился, чтоб Эзоп выбрал к обеду самое худшее. И Эзоп опять пошел покупать языки. Все удивились этому, а Эзоп объяснил так: «Ты велел мне сыскать самое худшее. А что на свете хуже языка? Посредством языка люди огорчают и разочаровывают друг друга, посредством языка можно лицемерить, лгать, обманывать, хитрить, ссориться. Язык может сделать друзей врагами, он может вызвать войну, он приказывает разрушать города и даже целые государства, он может вносить в нашу жизнь горе и зло, предавать, оскорблять. Может ли быть что -нибудь хуже языка?»

А вот высказывание Л. Толстого: «Слово - дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их. Словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегитесь такого слова, которое разъединяет людей».

Любой литературный язык обладает определенным набором признаков, к числу которых относятся следующие.

1. Существование продолжительной традиции использования языка и ее сохранение в письменных текстах. (Наличие письменности является одним из главных факторов, подтверждающих существование литературного языка.) Каждое новое поколение совершенствует литературный язык, отбирая из речи своих предшественников те единицы и тенденции, которые наиболее полно соответствуют новым социально-культурным условиям жизни и коммуникации. Именно в композиции и структуре письменных текстов складываются и

¹ Виноградов В. В., *Проблемы литературных языков и закономерности образования и развития*. С. 100., Москва, 1967.

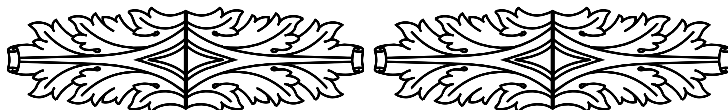

IVAN LOGGINOVICH GOLENISHCHEV-KUTUZOV (1729-1802)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

композиции и структуре письменных текстов складываются и сохраняются те принципы организации элементов языка и приемов их использования, которые усваиваются и совершенствуются каждым новым поколением его носителей. Традиционность литературного языка способствует тому, что каждое новое поколение способно понимать речь своих предшественников, усваивать из текстов прошлого законы их построения, композиционную форму и жанровую организацию, совершенствовать их, исходя из новых условий общения.

2. Общеобязательность норм языка и их кодификация в специальных изданиях. Общепонятность, а следовательно и обязательное следование нормам языка является основным свойством литературного языка. Все единицы литературного языка подчиняются определенной системе норм.

3. Противопоставленность внутри литературного языка письменной и разговорной форм. Взаимодействие и взаимная отнесенность этих двух основных функционально-стилевых сфер литературного языка обеспечивает его социально-культурное назначение – быть средством общения носителей литературного языка, основным средством выражения национальной культуры. При глубоких преобразованиях в жизни общества, его социальной, экономической и культурной сферах, значительно интенсифицируется сближение устной и письменной форм литературного языка, что в настоящее время характеризует и русский литературный язык.

4. Разветвленная многофункциональная система стилей и стилистическая дифференциация языковых средств в сфере лексики, фразеологии, словообразования, грамматики. Функционально-стилевое расслоение средств языка обусловлено потребностью специализировать единицы языка, организовать их таким образом, чтобы максимально точно передавать информацию в каждой из сфер человеческой деятельности.

5. Вариативность грамматических и лексических средств выражения, представленных в синонимии форм, слов и синтаксических конструкций, которые имеют экспрессивно-стилистические, функционально-стилистические и смысловые оттенки и употребляются в соответствии с принципами адекватности и уместности, защищаемыми нормами литературного языка.

6. Функциональное размежевание синонимичных единиц языка, преодоление дублетных единиц и форм. Это обуславливает не только вариантность средств языка, но и обеспечивает его богатство и выразительность, способность передавать мельчайшие оттенки значений и настроений, гибкость в передаче новых понятий и идей.

7. Стабильность языка на протяжении длительного времени, без которой невозможен обмен культурными ценностями на протяжении жизни многих поколений.

Все представленные признаки характеризуют русский литературный язык, сформировавшийся в конце XVIII в начале XIX. До этого времени в качестве литературного носители русского языка использовали церковнославянский язык. Церковнославянский язык формируется на базе старославянского языка, на котором были написаны первые переводы евангельских текстов для славянского населения Европы в IX. Старославянский язык в основе своей южнославянский, так как создан на основе болгаро-македонских диалектов. Христианские книги, написанные Кириллом и Мефодием, а также их учениками, появляются в Киевской Руси; далее письменность в русских землях развивается

самостоятельно уже на церковнославянском языке, который формируется на основе постепенной трансформации старославянского языка под влиянием живого разговорного языка русских людей. На протяжении восьмисот лет церковнославянский язык не оставался неизменным, в литературном языке сформировались определенные жанровые разновидности текстов, стилистические различия в использовании языковых единиц. В XVIIIв. его использование в определенных сферах общения стало невозможным, так как в связи с петровскими реформами в России возникает светская культура, светская литература, независимые от церковной жизни, поэтому начинает формироваться новый литературный язык на основе синтеза церковнославянского языка и живых разговорных диалектов.

§ 5.2 НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Литературная норма – это принятие в языковой практике образованных людей правила произношения, употребление слов, использование грамматических и стилистических средств. Нормы складываются в результате сознательного отбора языковых средств в процессе коммуникации и возводятся в ранг правильных, общеобязательных. Норма культивируется в печатных изданиях, средствах массовой информации, в процессе школьного обучения русскому языку. Кодификацией нормы называют закрепление ее в словарях, грамматиках, учебных пособиях. Норма относительно стабильна и системна, так как включает в себя правила выборов элементов всех уровней языковой системы; при этом она подвижна и изменчива, так как может измениться с течением времени под воздействием разговорного языка.

Следует различать понятие нормализации и кодификации. Термином нормализация обозначается комплекс проблем, предполагающих освещение следующих аспектов: 1) изучение проблемы определения и установления нормы литературного языка, 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда проявляется необходимость укрепления норм литературного языка. Наиболее оптимальным является определение нормализации как процесса становления, утверждения нормы, ее описания и упорядочения языковедами. Нормализация представляет собой исторически длительный отбор из языковых вариантов единых, наиболее употребительных единиц. Нормализаторская деятельность находит свое выражение в кодификации литературной нормы – ее официальном признании и описании в виде правил (предписаний) в авторитетных лингвистических изданиях.

Таким образом, то или иное явление, прежде чем стать в кодифицированном литературном языке нормой, переживает процесс нормализации, а в случае благоприятного исхода (широкого распространения общественного одобрения и т.п.) закрепляется, кодифицируется в словарях с рекомендательными пометами.

Норма языка – категория социально-историческая по своей природе и динамичная по характеру функционирования и развития. Она стабильна и системна и вместе с тем устойчива и подвижна. В ее реализации и закреплении большую роль играет стремление говорящих и пишущих к сознательному сохранению традиций в использовании языковых средств.

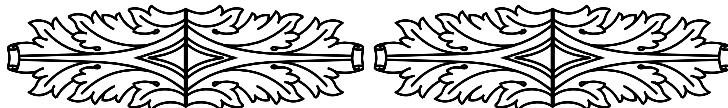

METROPOLITAN BISHOP GAVRIL (1730-1801).

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

Нормы существуют на разных уровнях языка – фонетическом, лексическом и грамматическом. Фонетические нормы диктуют правила произношения звуков, слов и высказываний. Лексические нормы определяют правила и порядок использования слов и устойчивых выражений (фразеологизмов) языка в соответствии с их значением и экспрессивно-стилистическими свойствами. Грамматические нормы устанавливают правила образования форм слов, правильность построения словосочетаний и предложений, рекомендации по их употреблению в тех или иных сферах коммуникации.

Норма различается по степени устойчивости в разных уровнях языка и в различных условиях общения. Так, сфера действия фонетических норм системна, обязательна для исполнения. Совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением морфем, слов, предложений, называется орфоэпией. В орфоэпию включаются все произносительные нормы литературного языка, как системные, так и вариативные. К системным нормам относят редукцию безударных гласных неверхнего подъема – аканье, оглушение звонких согласных на конце слова и ряд других, которые определяют фонетическими законами русского языка. К вариативным нормам относят произносительные особенности представителей разных поколений: так представители старшего поколения произносят булoшная, молoшная, мысла, бралса, а представители младшего поколения – булочная, молочная, мысли, брался. Различные особенности произношения могут характеризовать общенародную и профессиональную сферу употребления, например, врачи говорят алкоголь, шахтеры- добыча.

Орфоэпические варианты произношения могут принадлежать к разным стилям, в разговорной речи возможно произношение кто, тыща, Николаич и др. Фонетические нормы характеризуются как произносительные, содержащие правила произношения звуков и их сочетаний, и суперсегментные, диктующие место постановки ударения в слове и выбор интонационной конструкции.

На лексическом уровне норма регулирует использование стилистически и экспрессивно окрашенных или нейтральных лексем в соответствии с содержанием и целью речи. Так, синонимические ряды организуются не только на основе сходства, но и на основе различий: слова-синонимы различаются по стилистической и экспрессивной окраске: бежать-нести, смотреть-установиться-вылупиться, очи-глаза-зенки; сочетаемости: старый – пожилой (только о человеке); ухаживать-смотреть за...; оттенкам в значении: старый-ветхий-пожилой. Говорящий выбирает нужное слово в соответствии с собственным замыслом и условиями коммуникации; так, экспрессивная лексика допустима в разговорной речи, публицистике, художественной речи, но ее употребление в книжных стилях – научном, официально деловом-нарушает сложившиеся нормы русского литературного языка. Следовательно, для правильного, нормативного употребления слова или фразеологизма необходимо знать его значение, сочетаемость и стилистические свойства. Нарушение лексических норм часто происходит при использовании паронимов – близких, но не тождественных по звучанию слов, таких как представить – предоставить, дипломатичный – дипломатический, удачливый – удачный; фразеологизмов: вводить в заблуждение – водить за нос, сложить голову-дать дуба.

Следование грамматическим нормам предполагает выполнение следующих требований: следование нормам словоизменения (знание системы) и выбор нужного варианта, нужной словоформы в том случае, если система предполагает несколько вариантов. Грамматические трудности русского языка включают в себя трудности формообразования, например, формы множественного числа некоторых существительных договор-договоры, лектор-лекторы; формы родительного падежа множественного числа: партизан, апельсинов, туфель, заусениц; деепричастных форм глагола: ведя, неся и подобные. В ряде случаев в русском языке представлены варианты, например: стакан чая и стакан чаю, кусок сыра и кусок сыру, в вишневом саду и о вишневом саде, в лесу и о лесе, лагерь и лагеря, тона и тоны; в таком случае выбор правильной формы диктует норма, которая регламентирует употребление словоформы в каждом конкретном случае. Иногда в языке существует запрет на образование какой-либо формы слова: пылесосу, лажу и лазию, побегу и победу; в этом случае употребление указанных форм следует избегать в книжных стилях и в определенных ситуациях общения. Но их можно использовать в просторечии.

Грамматическая норма включает в себя и следование правилам синтаксического построения словосочетаний и предложений, сюда следует отнести знание родовых характеристик существительных: правая туфля, старая тапка, вкусная брокколи; управление глаголов: обращать внимание на что - либо, уделять внимание чему-либо, уплатить за что-либо, оплатить что-либо; использование причастных и деепричастных оборотов. В русском языке существует значительное количество схем простого и сложного предложений, часть из них употребительны только в книжных стилях речи, например конструкции с причастными оборотами, с придаточными определительными, неопределенно-личные предложения; а некоторые более свойственны разговорной речи, например, предложения с родительным отрицания или родительным количественным (народу собралось, ни часу не отдохнул).

По степени обязательности различаются императивные и диспозитивные нормы. Императивные нормы строго обязательны, их нарушение трактуется как слабое владение русским языком; к императивным нормам относят неправильную постановку ударения, неверное произношение, нарушение правил склонения, спряжения и синтаксической сочетаемости слов, ошибочное использование слов и построение предложений. Диспозитивные нормы предполагают существование вариантов произношения, грамматических и синтаксических единиц, они рекомендуют отдавать предпочтение тому или иному варианту в зависимости от ситуации общения. От вариантов, объективно существующих в языке, следует отличать варианты, находящиеся за пределами литературного языка.

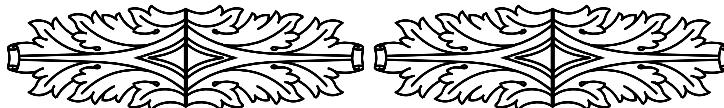
Объективные колебания литературной нормы обычно связаны с развитием языка, с такими ситуациями, когда оба варианта являются следствием стилистической дифференциации языковых элементов. Иногда варианты ничем не различаются ни в смысловом, ни в стилистическом отношениях. Тогда их считают дублетами, то есть полностью равнозначными: творог и творог, родился и родился, спазм и спазма, капает и каплет.

Норма – одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка, она ограничивает и регулирует использование в языке различных единиц. Норма литературного языка динамична, так как

ANTON ALEXEEVICH BARSOV (1730-1791)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)
ONE OF THE CO-EDITORS OF *THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY*

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

представляет собой результат человеческой деятельности, закрепленный в традиции и образцах, и следовательно, способна изменяться. При нормализации какого-либо образования следует учитывать его регулярную воспроизводимость в речи, активное взаимодействие с другими единицами системы. Колебание нормы является результатом взаимодействия литературного языка с диалектами, просторечием, профессиональной речью.

Развитие литературного языка есть, в сущности становление, развитие и совершенствование его норм в соответствии с потребностями общества и в силу внутренних закономерностей языковых эволюций. В понятие языковой нормы каждая историческая эпоха вносит свое содержание. В период существования развитых национальных языков литературный язык как высший тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и становится выразителем общенациональной нормы. При этом сама норма претерпевает качественные изменения в сторону демократизации. Учение о нормах литературного языка лежит в основе научных рекомендаций и прогнозов в области речевой культуры.

разрешал спорные вопросы, приобретает в наши дни значение поучительного исторического примера и прекрасного образца»².

— Г.О. Винокур³.

«Итак, начав свой литературный путь борьбой с церковно-книжной традицией (ср. отзыв В.Л. Пушкина: «Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского»), Пушкин затем не только оправдал историческую роль церковнославянизмов, но признал их жизненное значение для последующего развития литературы. Выступив на литературное поприще как «француз», как европеец, Пушкин скоро понял идеологическую узость и художественный «провинциализм» стилей русских европейцев. Осмыслив понятия национального языка и европейского мышления в свете романтико-философских категорий исторического процесса, Пушкин убедился в необходимости национально-исторического оправдания европейских, по преимуществу французских, элементов в составе русского литературного языка.

Проблема синтеза национальной и европейской стихии привела поэта к разработке «сокровищ живого слова». В национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном «французской болезнью», и в простонародном языке, к которому примыкали и «мутные, но кипящие источники» народной поэзии и памятники древне-русской письменности, Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез этих трех основных языковых категорий — церковнославянской, европейской и национально-русской — по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке «хорошего общества» (т. е. о языке буржуазно-дворянской интеллигенции) как об идеальной норме литературного выражения.

Путь синтеза — объединение в структуре слова тех его значений и применений, бытовых и литературных, которые раньше были разобщены социальными дроблениями в среде «хорошего общества». Соответственно этой задаче Пушкин руководствовался пониманием слова как структуры логически стройной, очерченной точным крутом предметных значений и вместе с тем стилистически подвижной, семантически многопланной, многоликой по своим социально-характеристическим приметам и меняющей свои смыслы и свою экспрессию в зависимости от социально-языкового контекста. Новое понимание слова органически сочеталось с новыми формами синтаксиса и композиции. Так проблема Пушкинского языка ищет своего завершения в работе о Пушкинском стиле»⁴.

§ 6.1 РУССКАЯ ПРОЗА

На Пушкине и Лермонтове закончился золотой век поэзии и началось великое время художественной прозы. В последние годы своей жизни Пушкин всё больше и больше обращался к

§ 6 ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ПЛАН РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнерусская литература
 1. Киевский период (XI-XV в.),
 2. Развитие региональных литератур
 3. Литература объединённого государства Российского
2. Современная дореволюционная литература
 1. Подъём русского классицизма
 2. Политические и сентиментальные темы
 3. XIX век
 1. Поэзия
 2. Проза
 3. Драма, сатира, и рассказы конца XIX века
 4. Начало XX века
 1. Символизм
 2. Футуризм
3. Послереволюционная литература
 1. Литература пятилетнего плана и социалистический реализм
 2. Литература военного периода
 3. Ждановщина
 4. Литература после Сталина
 5. Постсоветский период (от 1991 года до наших дней)

«Языковая деятельность Пушкина, который сто лет тому назад, в совершенно другой культурной обстановке, со всей глубиной, присущей его замечательной личности, продуктивно ставил и

¹ Russian Literature // Encyclopaedia Britannica. A new Survey of Universal Knowledge. London: Encyclopaedia Britannica LTD, 1962. V. 19. P. 751-758.

² Винокур Г. О., Собрание «А. С. Пушкин. 1837—1937», Москва, 1937. Печатаются с незначительными сокращениями.

³ Григорий Осипович Винокур (5 [17] ноября 1896, Варшава — 17 мая 1947, Москва) — российский лингвист и литературовед. Труды по русской литературе, истории русского языка, стиховедению, теории словообразования. В 1915 окончил гимназию Стрелова, в 1916 поступил в Московский университет. В студенческие годы был близок группе «Центрифуга» и околофутуристическому издательству С. М. Вермеля, в одном из сборников которого состоялась его первая публикация. Участвовал в работе Московской диалектологической комиссии. Один из создателей Московского лингвистического кружка, в 1922—1923 его председатель. В 1920 прервал обучение и работал переводчиком Бюро печати советских полпредств в Эстонии и Латвии. В 1922 вернулся в Москву и закончил университет. Работал переводчиком-редактором в ТАСС. В 1923—1924 входил в ЛЕФ, но порвал с группой. Попал под влияние идей Шпета, выпустил в ГАХН свои первые книги. В 1930-е годы преподавал в Московском городском педагогическом институте, МИФЛИ, с 1942 профессор МГУ, был завкафедрой русского языка. Параллельно с преподаванием работал в академических институтах: в 1935—1937 старший научный сотрудник ИРЛИ, в 1938—1940 в ИМЛИ, в 1941—1943 в Институте языка и письменности, с 1944 в Институте русского языка. В центре научных интересов — стилистика русского языка и особенно поэтическая стилистика; занимался творчеством Пушкина (член Пушкинской комиссии с 1933), Хлебникова и др. Участвовал в составлении толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова; инициатор работы по созданию Словаря языка Пушкина. Среди лингвистических работ — очерк истории русского языка и несколько статей по общезыковедческой проблематике, в которых, в частности отстаивал необходимость исторического подхода к языку («О задачах истории языка», 1941). Наиболее известна его работа по словообразованию («Заметки по русскому словообразованию», 1946) и вызванная ею полемика с А. И. Смирницким по поводу анализа слов с уникальными основами, которые Винокур, в отличие от Смирницкого, предлагал считать непроевными (так наз. «спор о буженине»). Пользовался популярностью как педагог; в 1990-е гг. ученики Винокура перенесли почти все его значительные труды. Дочь Винокура, Татьяна Григорьевна, также стала именитым филологом и лингвистом, специалистом по стилистике русского языка. Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

⁴ Виноградов В. В., Язык Пушкина. (К столетию со дня гибели А. С. Пушкина). // Заключение, Академизм, Москва & Ленинград, 1935. С. 454-455.

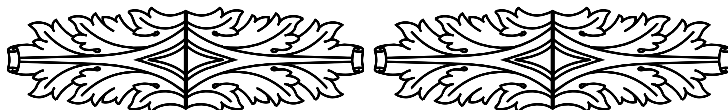

ARCHBISHOP STANISLAV BOGUSH-SESTRENTSEVICH (1731-1826)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1807)

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

прозе. Роман Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) был незамедлительно признан успешным. Его герой был одним из типичных неудачников поколения Лермонтова, одарённый человек, но с ненасытным и саморазрушительным желанием нового.

«Имя Ломоносова для интеллигента первой трети XIX века — исторический символ. С ним связывалось решение вопроса о значении церковнославянской стихии в системе русского литературного языка и вместе с тем решение вопроса о структуре русского национального языка. Это символическое значение имени Ломоносова как изменчивой историко-языковой категории в националистической концепции истории русской речи с наибольшим блеском обнаружено впоследствии рассуждением К. Аксакова: «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (Москва 1846). Мимо имени Ломоносова не мог пройти ни один писатель начала XIX века, даже дворянин-европеец, пытавшийся осмыслить свое отношение к славяно-русской литературно-языковой традиции. Карамзин в своей торжественной академической речи (5 декабря 1818 г.) заявлял: «Мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии флорентийской и парижской... Ломоносов, дав нам образцы вдохновений поэзии и сильного красноречия, дал и грамматику» (Соч. Карамзина, 1848, III, 642—643). Но далее следует оговорка о преимуществах академической грамматики пред Ломоносовской: «Академическая решит более вопросов, содержит в себе более основательных примечаний, которые служат руководством для писателей».

В других случаях Карамзин отзывается о Ломоносове менее двусмысленно и уклончиво: Ломоносов «еще не образовал» российского слога. Лишь «во время Екатерины россияне начали выражать свои мысли ясно для ума, приятно для слуха, и вкус сделался общим». «Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию... Современники могли только удивляться ему, мы судим, различаем... Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения...». В одах его «есть, конечно, слабые места, излишности, падения... Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны. Расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха».¹ В соответствии с этими оценками Карамзин, «разделяя слог наш на эпохи», после ломоносовского периода отмечает две эпохи — одну, начинающуюся с «переводов славяно-русских г. Елагина», и последнюю — «с нашего времени, в которое образуется приятность слога, называемая французами *élégance*». Ср. бытовой отзыв Карамзина о Ломоносове, сохраненный Г. П. Каменевым: «Отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова, не упустил я заметить стиль его дикий, варварский и старался писать чище и живее».² Показательно, что Карамзин дольше останавливается на сравнительной оценке разных литературных жанров ломоносовского творчества, кратко отметив роль

Ломоносова как первого образователя национально-книжного языка»³.

Первым широко известным романистом XIX века был Николай Загоскин, чей «Юрий Милославский» (1829) об изгнании поляков из России в 1612 привлекал публику своим резким националистическим духом, тогда как наиболее известным романтическим романистом был Александр Александрович Бестужев (псевдоним Марлинский). Выдающимся писателем был Николай Гоголь, который произвёл сильное влияние на русскую литературу и русское революционное движение; частично потому что он был украинцем по рождению и видел русских с точки зрения постороннего человека, он открыл русским самих себя и поднял беспокойные мысли в их умах. Революционное влияние произведений Гоголя стало очевидным в 1836 с постановкой его комедии «Ревизор» (1968). В ней рассматривались чиновники удалённого провинциального городка, но она представляла в миниатюре Российское государство. От запрета комедию спас смех, который Гоголь считал единственным положительным персонажем. Протесты, связанные с пьесой, заставили Гоголя уехать в Италию, где он закончил первую часть своего знаменитого романа «Мёртвые души» (1842-52; Dead Souls, 1877). Гоголь был консерватором и сторонником самодержавия и крепостничества, он никогда бы не подумал, что его пьеса и роман разрушали то, что он поддерживал.

§ 7 ПУШКИН И РУССКИЙ ЯЗЫК⁴

Автор: Г. О. Винокур.

I

Пушкин — одно из самых замечательных явлений русского художественного слова, крупнейший мастер языка и стиля в русской литературе. Пушкин как мастер слова принадлежит не только истории, но и нам, современникам столетней годовщины его смерти. «Правительство великой страны чествует память Пушкина как создателя русского литературного языка. Это значит, что русский литературный язык стал достоянием миллионов трудящихся, важнейшим орудием дальнейшего культурного роста и развития» («Правда» от 17 декабря 1935 г.). Вполне понятным является обостренный, жадный интерес к языковому мастерству Пушкина в наши дни, когда вопросы культуры речи приобрели такое большое общественное значение, когда борьба за хороший, чистый, действительно народный язык становится знаменем культурной революции. Но для того чтобы оценить значение Пушкина для языковой культуры современности, нужно изучить язык Пушкина исторически.

Изучение языка отдаленной эпохи, например такого вопроса, как система склонения в эту эпоху, удобнее всего вести, исходя из сравнения с языком современности. Но при этом необходимо соблюдать два условия: 1) наблюдаемые несоответствия с теперешним языком нельзя без достаточных оснований объяснить капризом, прихотью или неосведомленностью изучаемого писателя, сразу же называть их ошибками против языка или «поэтической волнностью»; 2) нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической

¹ «Пантеон российских авторов», 520—521.

² «Вчера и сегодня» 1845, статья Второва: «Г. П. Каменев».

³ Виноградов В. В., *Язык Пушкина*, (К столетию со дня гибели А. С. Пушкина), // *Историческое дело Ломоносова и вопрос о роли церковнославянского языка в системе русского литературного языка*, Академизм, Москва & Ленинград, 1935. С. 28-29.

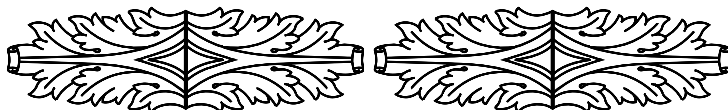
⁴ Г. О. Винокур (1896—1947). Сб. «А. С. Пушкин. 1837—1937», М., 1937. Печатается с незначительными сокращениями.

METROPOLITAN BISHIP SAMUIL (1731-1796)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)
RUSSIAN POLYGLOT AND THEOLOGIAN

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

обстановки, смотреть на него, как на изолированное единичное явление. При слабой распространенности сведений по истории русского литературного языка часто приходится слышать и читать утверждения, представляющие собой нарушение того или другого из этих условий. Так, нередко поэтической вольностью Пушкина называют то или иное ударение в его стихах, отличающееся от современного, например в «Деревне»:

Дворовые толпы́ измученных рабов, тогда как такое ударение в существительных женского рода без переноса на основу во множественном числе является совершенно обычным в стихотворном языке пушкинской эпохи и более старых периодов. В современном русском языке также известны многочисленные случаи колебания ударения в этой категории слов, преимущественно в косвенных падежах. Мы, например, говорим то вода́м, то во́дам, то толпа́м, то то́лпам, то стра́нам, то страна́м; мы иногда говорим: сёстрами, жёнами, ко́сами, но слеза́ми, волна́ми, доска́ми (возможно также: во́нами, до́сками, но такое ударение звучит менее литературно) и т. д. (Смотри об этом Л. Булаховский, Курс русского литературного языка, 1935, стр. 132 и Я. Грот, Филологические разыскания, стр. 335). В живом языке пушкинского времени эти колебания были известны также и в именительном падеже множественного числа, а кроме того, значительно шире был самый круг слов этой категории, способных иметь ударение на флексии. Поэтому в стихотворном языке XVIII и XIX вв. мы теперь находим очень много случаев с непривычным для нас ударением отмеченного типа. Ср. другие примеры из Пушкина:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны.
(«Евгений Онегин», I, LI.)
Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы.
(«Обвал».)
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы...
(«На выздоровление Лукулла».)
Где бедные простых татар семьи.
(«Кто видел край...»)
Природы перед ним открыты красоты́
(«Безверие»)
Парнаса блещут высоты́.
(«Напрасно ахнула Европа».)
и др. Ср. в косвенном падеже:
Опять пошла с сестрами́
Сидеть за воротами.
(«Жених».)

И это не личная особенность языка Пушкина, а явление, широко известное в старой русской поэзии. Ср. у Ломоносова:

Тебя, богиня, возвышают
Души и тела красоты́.
(I, 186)

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых капель льют?
(I, 89).

У Державина:
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты́.
(«Видение мурзы»)

У Крылова:
Досуг мне разбирать вины твои, щенок.
(«Волк и Ягненок».)

У Жуковского:

Чтобы бродить по высотам пустынным.
(«Орлеанская дева», пролог.)

У Грибоедова:

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты́.
(«Горе от ума», I, 456—457.)

У Языкова:

Змей ужасные шипят.
(«Послание к Кулибину».)

У Лермонтова:

Уж проходят караваны
Через те скалы́.
(«Спор».)

Что вам судьбы дряхлеющего мира.
(«На буйном пиршестве».)

и много других.

Следующий пример еще показательнее как ошибка против требований исторического отношения к изучаемому материалу. Когда-то проф. Буде, найдя в лицейских стихах Пушкина выражение «любви не зная бремя», выводил отсюда следующее правило для индивидуального пушкинского языка: «Винительный падеж одинаково употребителен при глаголах с отрицанием, как и без отрицания» (Пушкин, Собрание сочинений под ред. Венгеровой, т. V, 243). Но на самом деле бремя здесь вовсе не винительный падеж, а родительный, как и следует ожидать в данном случае при отрицании. Дело в том, что слова на -мя в литературном языке конца XVIII — начала XIX в. склонялись, как в живом просторечье, без изменения основы, по образцу именительного падежа. Это относилось даже к таким книжным словам, как бремя. Вот несколько примеров:

Но чтобы свободить себя любви от бремя.
(Княжнин, Хвостун.)
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь.
(Державин, Благодарность Фелице.)
Ср. примеры на слово пламя:
В водах и в пламе помышляет
Иль умереть иль победить.
(Державин, Осень во время осады Очакова.)
И се — зрю зарево кругом,
В дыму и в пламе грозну сечу.
(Дмитриев, Освобождение Москвы.)
Из пламя и света
Рожденное слово.
(Лермонтов, Есть имя.)
Ср. примеры на темя:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет.
(Крылов, Мартышка и очки.)
Взгляните на шатер Тавриды,
Раскинутый на теме гор.
(А. Муравьев, Чатыр-даг.)

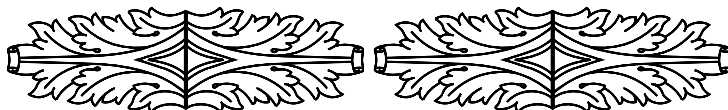
И т. д.

Даже и сейчас мы иногда в просторечье говорим: «У меня нет время» вместо нет времени. Но во время Пушкина это было хотя и убывающее, но все же еще широко распространенное явление литературного языка. Таким образом, прямой ошибкой против требований исторического изучения языка Пушкина является рассмотрение особенностей этого языка как особенностей, принадлежащих лично Пушкину, не связанных с литературным языком его эпохи и среды.

STANISLAV AUGUST PONIATOVSKY (1732-1798)
KING OF POLAND (1764-1795)
ONE OF CATHERINE THE GREAT'S
FAVOURITES (PHOTOGRAPHY COURTESY OF ZAMEK
KRÓLEWSKY, WARSZAWIE)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

II

Можно спросить себя: если бы Пушкину в момент, когда он написал любви не зная бремя, какой-нибудь грамматист сказал, что это ошибка, то как отнесся бы к этому указанию Пушкин? Поправил бы он бремя на бремени или же просто не понял бы поправляющего, потому что, как сказано выше, такие факты, как бремя в значении родительного падежа, были для Пушкина вполне привычным явлением? Очень возможно, что как раз по отношению к данному случаю Пушкин последовал бы указанию грамматиста. Более того, положительно известно, что по указанию критики Пушкин исправил в «Руслане и Людмиле» стих, заключавший аналогичный случай. Именно при переиздании «Руслана и Людмилы» в 1828 г. Пушкин исправил стих:

На теме полнощных гор,
заменяв его следующим:
На темени полнощных гор.

В своих черновых критических заметках Пушкин приводит этот случай как одну из ошибок в языке, на которые ему указала критика. Таким образом, с точки зрения нормативной книжной грамматики родительный падеж бремя вместо бремени и в пушкинское время считался ошибкой. Но живое употребление в данном случае расходилось с требованиями грамматического книжного стандарта, и хотя Пушкину кто-то и указал на ошибку, но одновременно множество таких же ошибок в литературе того времени не обращало на себя никакого внимания.

Это противоречие объясняется тем, что в пушкинское время влияние нормативной грамматики на литературный язык было гораздо более слабым, чем впоследствии. Поэтому в литературный язык свободнее проникали и легче в нем удерживались такие явления, которые представляют собой уклонение живого разговорного языка от схем книжной грамматики и которые в наше время уже не только на письме, но и в устной речи оставляют впечатление «нелитературности». Это касается в некоторой степени и словарного запаса языка. В начале XIX в. в литературном языке находили себе место некоторые такие слова, которые нам теперь кажутся недостаточно литературными, областными и т. д. Но не все нелитературное с нашей точки зрения было нелитературным с точки зрения языковой практики пушкинского времени.

За столетие, отделяющее нас от Пушкина, русский литературный язык пережил ряд изменений, общий смысл которых можно определить приблизительно так: во-первых, более строгое разграничение между литературно правильными и нелитературными формами языка; во-вторых, постепенное устранение резких противоречий между «высоким» и «простым» слогом внутри собственно литературного языка. Из литературного языка изгоняются разного рода архаизмы и специфические элементы старой книжной речи, но вместе с тем литературный язык становится гораздо более строгим по отношению к таким фактам языка, преимущественно фонетическим и морфологическим, но в некоторой мере также и лексическим, которые начинают относиться к категориям «областных», «простонародных» и т. д. Иначе говоря, процесс опрощения литературного языка, процесс приближения книжного языка к живой разговорной речи сопровождался словарно-грамматической чисткой языка, внедрением в литературную речь грамматического единообразия и нормативной правильности. Так, в литературном языке второй половины XIX в. уже трудно встретить такое слово, как позор в

значении «зрелища», как например в «Деревне» Пушкина:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.

Здесь слово позор означает «вид», «зрелище», «картину», как и в следующих стихах «Руслана и Людмилы»:

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный.

Ср. такое словоупотребление, очень частое в XVIII в., в стихотворении Державина «Евгению»:

Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной,

а из сверстников Пушкина, например, в «Последней смерти» Баратынского:

Величествен и грустен был позор
Пустынных рек, долин, лесов и гор.

Точно так же в послепушкинское время уже трудно встретить в литературном языке такой морфологический архаизм, как -ья, -ия в родительном падеже единственного числа прилагательных женского рода вроде пушкинских:

Где ток уединенный
Сребристы волны.
(«О Делия драгая».)

«Жало мудрых змей» в «Пророке». Ср. еще у Лермонтова, в юношеской драме «Испанцы»:

Сын на краю позорных могилах.

Но вместе с тем в послепушкинской литературе становится невозможным без специальной мотивировки употребление и таких народных слов, как вечер в значении «вчера вечером»; ср., например, у Пушкина в стихотворении «Морозное утро»:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
или в «Евгении Онегине» обращение Ольги к Ленскому:
Зачем вечер так рано скрылся
(VI, XIV),

или в «Скупом рыцаре»:

Цвел юноша вечер, а нынче умер

и т. д.

Равным образом в течение XIX в. из литературного языка отодвигаются в категории «областных» и «простонародных» фактов языка такие явления, как например испугать вместо испугать, ср. в «Горе от ума», I, 101: «Я помешал? я испугал?» (в Словаре Академии Российской, IV, 1793, строка 1170, пугаю и пужаю показаны как равноправные формы); ради вместо рады (см. в «Горе от ума», I, 318, слова Чацкого: «Вы ради, в добрый час»). Ср. у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне» по-видимому, уже с особой фольклорной мотивировкой: «Взять тебя мы все бы ради»); допускать вместо допускать у Пушкина в «Анджело»: «И благо верное достать не допускают» и т. д. Все подобного рода явления, которые были общими для живого языка дворян-помещиков и крестьянского языка и характеризовали собой известные остатки «патриархальных» отношений между баринем и крепостными, исчезли из русского литературного языка в эпоху развития русского капитализма.

III

В произведениях Пушкина немало таких элементов живого языка его эпохи, позднее получивших привкус «простонародности» или «нелитературности» и постепенно оказавшихся вытесненными из границ литературного языка. Вот некоторые типичные случаи этого рода.

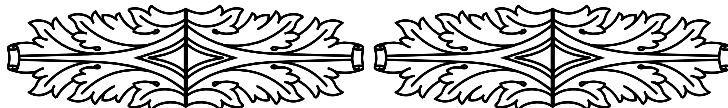
ALEXANDER SERGEEVICH STROGANOV (1733-1811)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY(1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

У русских писателей XVIII в. очень часто встречается написание -ы в окончании именительного и винительного падежа множественного числа слов среднего рода в положении без ударения вместо грамматически правильного -а, например: гнезды, чернилы, чувства, блюды, бревны, заревы, обстоятельства, румяны, яйца, солдцы, светилы, кольца, письма и др. Соответствующие случаи без труда можно найти на любой странице сочинений Сумарокова, Державина, Фонвизина, Карамзина и др. Ограничусь поэтому одним-двумя примерами. В «Недоросле» Фонвизина (д. II, явл. 2) Милон говорит о Митрофане: «Я воображаю все его достоинства». В «Письмах русского путешественника» Карамзина находим: «Трактирщик пришел сказать мне, что через полчаса запрут городские ворота» (письмо из курляндской корчмы 1 июня 1789 г.). У Державина в стихотворении «Утро» находим: «И блещут чуды чрева белизной». Окончание -ы в этой форме (в мягком различии соответственно -и, например сокровищи, бедствии) возникло в живой речи по аналогии с мужским и женским склонением, причем эта аналогия облегчалась неясным произношением гласной в безударном конечном слоге. В пушкинское время отражение такого произношения на письме встречается еще очень часто, преимущественно в словах без специфической книжной окраски. Например, у Грибоедова: «Помидуйте, мы с вами не ребята» («Горе от ума», III, 215). У Пушкина нельзя встретить такое окончание в книжных словах вроде чувство или достоинство, но в словах обиходных -ы в окончании слов указанной категории у Пушкина является очень частым как в стихах, так и в прозе, причем в большинстве случаев в соответствующих словах Пушкин пишет последовательно -ы, и параллельные написания с -а представляют собой очень редкое исключение. Вот несколько примеров из «Евгения Онегина»:

И за столом у них гостям
Носили блюды по чинам.
(II, XXXV)
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам.
(II, I)
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены...
(VI, XXXII)
Обманы, сплетни, кольца, слезы.
(IV, VIII)
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.
(VIII, XXXVI)

Ср. в Дубровском: «Окны во флителе были загорожены деревянною решеткою» (гл. I). «Живописец представил ее облооченною на перилы» (гл. VI). «Несколько троек, наполненных разбойниками... приезжали в селы, грабили помещичьи дома и предавали их огню» (гл. VII). «Дубровский велел запереть ворота» (гл. XIX). Ср. в «Цыганах»:

Железо куй, иль песни пой,
И селы обходи с медведем.
В «Бахчисарайском фонтане»:
Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России...

Такого рода формы встречаются на всем протяжении творчества Пушкина и являются в нем очень устойчивыми. В печати друзья — редакторы и корректоры Пушкина часто заменяли это -ы на -а, и в этом им следуют иногда печатные издания сочинений Пушкина до сих пор. Однако пушкинские

рукописи непреложно свидетельствуют, что сам Пушкин не замечал в своем языке этого отступления от нормативной грамматики и во всяком случае не пытался от него избавиться.

Подлинные рукописи Пушкина дают возможность установить в его языке также ряд других нарушений книжной грамматической правильности в склонении. Так, например, Пушкин пишет: «Семинаристом в желтой шале» («Евгений Онегин», III, XXVIII). «Хранил он в памяти своей» (там же, I, VI). «И я — при мысли о Светлане» (V, X). Во всех этих случаях в подлиннике на конце «ять». Ср. в «Дубровском»: «Маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинеле вышел из телеги» (гл. I). «Молодой человек в военной шинеле и в белой фуражке вошел к зрителю» (гл. XI). «Дубровский лежал на походной кровати» (гл. XIX). Это конечно не просто «орфографические ошибки», а написания, свидетельствующие о том, что в языковом сознании Пушкина склонение слов женского рода на -ь в предložном падеже подчинялось аналогии склонения на -а, -я, как это часто встречается в народных говорах.

Не менее устойчивой морфологической особенностью в языке Пушкина является употребление косвенных падежей личного местоимения 3-го лица без начального н после предлогов, например:

«Меж ими все рождало споры!..» («Евгений Онегин», II, XVI); «Между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам» («Капитанская дочка», гл. VII); «По делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генералом Троекуровым» («Дубровский», гл. I); «Высылать к нему моих людей с повинной» (там же); «Вдруг между их свиреп, от злости бледен, является Иуда Битяговский» («Борис Годунов») и многие другие. Как известно, подобное употребление косвенных падежей от он широко распространено в языке масс.

Не задаваясь целью исчерпать в этой статье соответствующие факты пушкинского языка, ограничусь приведением еще некоторых примеров таких явлений в языке Пушкина, которые сейчас представляются неправильными или по крайней мере недостаточно литературными. Так, слово сосед во множественном числе Пушкин часто употреблял в форме соседы, соседев. Например, в «Барышне-крестьянке»: «И стал почитать себя умнейшим человеком во всем околдке, в чем и не прекословили ему соседы, приезжавшие к нему гостить со своими семействами и собаками». Часто встречаем у Пушкина родительный падеж от слова день в форме дни, например: «Шабашкин... с того же дни стал хлопотать по замышленному делу» («Дубровский», гл. I). Ср. у Грибоедова («Горе от ума», II, 12): «Ешь три часа, а в три дни не сварится». Ср. у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Дни через четыре возвращаюсь в Женеву» и т. д. Встречается иногда у Пушкина употребление предиката в мужском роде при подлежащем дитя:

Но, шумом бала утомленный,
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
(«Евгений Онегин», I, XXXVI.)

Ср. слова Савельича в «Капитанской дочке» (гл. I): «Кажется, дитя умыт, причесан, накормлен». Этот пример, следовательно, ошибочно было бы толковать как стилизацию речи крепостного. Очевидно, в ряде случаев речь самого Пушкина характеризуется такими же отступлениями от нашей нормы

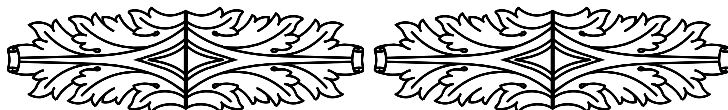
MIKHAIL MATVEYEVICH KHERASKOV (1733-1807)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

литературного языка, что и речь Савельича. Употребление предикативного слова в мужском роде при подлежащем дитя засвидетельствовано стихотворением Державина «Спящий Эрот»:

На полянке роз душистой
Спал прелестное дитя.

Этот пример особенно интересен тем, что рядом с предикатом в мужском роде стоит определение в среднем роде: прелестное. В числе других особенностей языка Пушкина того же характера укажу, например, на гораздо более широкое употребление, сравнительно с нашим современным языком, форм родительного падежа единственного числа слов мужского рода на -у, например: «Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч» («Капитанская дочка», гл. II). Ср. : «Признаться вкусу очень мало у нас и в наших именах» («Евгений Онегин», II, XXIV). Ср. еще: «Однажды летом у порогу поникшей хижины своей» («Русалка», 1819). См. материал по этому вопросу у Будде «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина» (вып. 1, 1901, стр. 37 и след.) Интересен следующий случай в «Евгении Онегине» (IV, XL). Сначала Пушкиным в чистовой рукописи было написано:

Но куча будет там народа
И всякого такого сброда...

Затем в обоих рифмующихся словах Пушкин поправил букву а на у. Укажу далее, что Пушкин постоянно писал покамест, а не покамест, например: «Покамест у нас будут исправники за одно с ворами, до тех пор не будет он пойман» («Дубровский», гл. XIII). Вместо помощи Пушкин часто писал, в соответствии с народным произношением, помочь, например: «Помочь нужна моим усердным воеводам» («Борис Годунов»); «Каким образом окажете вы мне помочь?» («Дубровский», гл. XV). Пушкин всегда писал скрипка, ярмонка, крылос (клирос), анбар и т. д.

Этого материала достаточно для того, чтобы судить о степени зависимости Пушкина от живого языка своего времени и своей среды в отношении употребления таких форм, которые в настоящее время лежат за границами литературного языка, а по отношению к нормативной грамматике представляли собой большей частью отступления от нее и для своего времени. Но было бы совершенно ошибочно заключать на основании всех этих примеров, будто Пушкин, автоматически воспроизводя в своей речи привычные формы грамматически не обработанного и окончательно не утвердившегося языка был равнодушен к самой необходимости выбора и шлифовки грамматических средств. В особенности же опасно было бы усматривать в приведенных примерах свидетельство того, что Пушкин вообще не считался с требованиями грамматики и не понимал их принудительности для литературного языка. На этом вопросе нужно остановиться подробнее.

IV

Дело в том, что у Пушкина есть такие строки, которые с первого взгляда могут быть поняты как оправдание грамматического «анархизма» в литературном языке. Кто не помнит знаменитой XXVIII строфы третьей главы «Евгения Онегина»?

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце.
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки

Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

В своих письмах Пушкин не раз выступает за предоставление большей «свободы» русскому литературному языку. Особенно интересно в этом отношении письмо Пушкина к историку и драматургу Погодину по поводу написанной последним исторической драмы «Марфа-посадница». В этом письме (ноябрь 1830 г.) Пушкин пишет: «Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности — и с языком поступаете, как Иоанн с Новым-городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений, — тьма. Но знаете ли? И эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более — разумеется сообразно с духом его — и мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность». Для правильного понимания этих заявлений Пушкина необходимо понимать их связь с литературной борьбой 20—30-х годов XIX в., в которой вопросам языка принадлежало исключительно большое место. Пушкин в этих заявлениях восстает не против правильности вообще, а против той «правильности», которая насаждалась в его время писателями определенной стилистической школы. Это были в отношении языка эпигоны карамзинизма, писавшие гладко и грамматически правильно, но стереотипным, вылощенным языком, в котором забота о внешней формальной безупречности поглощала все остальное.

Рецензируя одно из таких эпитонских произведений, «Литературная газета» (орган пушкинской литературной группы) в № 36 1830 г. писала: «Язык довольно чистый, но чистоты столь приторной, столь бесцветной, что готов был бы обрадоваться пятнышку, лишь бы найти в нем признак жизни». «Грамматические ошибки», о которых с такой симпатией говорит Пушкин в вышеприведенных заявлениях, — это те же «пятнышки», по которым заставляет тосковать «Литературную газету» аккуратный прилизанный, мертвый язык эпитонской литературы 20—30-х годов. Совершенно ясно, что Пушкин и его группа борются не против правильного употребления грамматических форм, а против мнимой «правильности», основанной на узком, ограниченном понимании того, что является допустимым и что является недопустимым в литературном языке.

Пушкин прежде всего требовал для литературного языка свободы от стеснительных требований так называемого «хорошего тона», с его совершенно условными, произвольными нормами. В одной из своих критических заметок, не опубликованных при его жизни, Пушкин дает злую сатиру на эту «бонтонную» критику: «Если б «Недоросль», — пишет Пушкин, — сей единственный памятник народной сатиры, если б «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою!! «Что скажут дамы, — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!» В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! — А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают». Чрезвычайно важно отметить, что, по словам

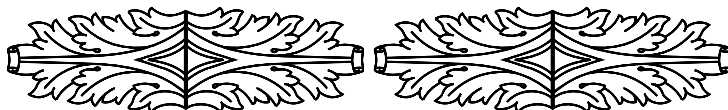
MIKHAIL MIKHAILOVICH SHCHERBATOV (1733-1790)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Пушкина, ни ему самому, ни светским дамам его времени этот нежный и разборчивый язык журналистов неизвестен. Об этом же речь идет в одной из пропущенных строф восьмой главы «Евгения Онегина»:

В гостиной светской и свободной
 Был принят слог простонародный
 И не пугал ничьих ушей
 Живою странностью своей.
 (Чему наверно удивится,
 Готовя свой разборный лист,
 Иной глубокий журналист,
 Но в свете мало ль что творится,
 О чем у нас не помышлял,
 Быть может, ни один журнал!)

«Великосветским» претензиям журналистики Пушкин противопоставляет понятие «просто хорошего общества». «Нашим литераторам,— пишет Пушкин в черновых заметках,— хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу... не лучше было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу... Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут и чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа)... Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку». Ср. с этим следующее замечание Вяземского, единомышленника Пушкина, по вопросу о «приличии» в языке: «Порядочный лакей», то есть что называется — *un laquais en dimanche*¹ — точно может быть постыдится сказать: воняет, но порядочный человек, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в великосветской гостиной и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении собственных слов: жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки — отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество» (Вяземский, Собрание сочинений, т. II, 264—265)².

Итак, вооружаясь против «чопорности» и «мертвой правильности» в языке, Пушкин защищает свободу языка от условных классовых стеснений, налагавшихся на язык мещанскими и бюрократическими подражателями великосветских салонов. Было бы в корне не верно на основании приведенных замечаний Пушкина представлять себе дело так, будто свобода которой требовал Пушкин для языка, означала равнодушие, отсутствие заботливости по отношению к языку, пренебрежение правильностью в языке. Пушкин всю свою сознательную жизнь звал писателей своего времени учиться хорошему и правильному русскому языку. Но в решении вопроса о том, в чем же именно заключается истинная правильность языка, Пушкин шел собственной дорогой и ближе всех своих современников стоял к той точке зрения, которая остается практически полезной и для нашего времени.

V

Свое отношение к грамматике Пушкин запечатлел в следующем известном афоризме: «Грамматика не предписывает

законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи». Этот тезис, сам по себе, конечно, бесспорный, для пушкинской эпохи имел большой практический смысл. Это было время очень слабого распространения грамматических знаний и одновременно очень строгой придирчивости к языку литературных произведений. Сохранился малопримечательный, но сам по себе очень характерный анекдот о Баратынском, который будто бы спросил однажды у Дельвига в серьезном разговоре: «Что ты называешь родительным падежом?» (А.П. Керн, «Воспоминания», 1929, стр. 286, 328). Вероятно, немало анекдотов в этом роде можно было бы собрать в то время, если бы кто-нибудь из мемуаристов задался этой целью. Во всяком случае, анализируя придирчивые замечания критики о языке «Евгения Онегина», критики, ссылавшейся на «старинные грамматик», Пушкин пришел к такому заключению: «Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка». Пушкин, как видим, не ограничивается указанием на необходимость знать школьную грамматику,— он хочет, чтобы критики имели «хоть малое понятие о свойствах русского языка», потому что именно этими свойствами должны определяться грамматические правила, а не наоборот.

В последнем замечании Пушкина речь идет о статье в журнале «Атеней» (1828, № 4), посвященной разбору четвертой главы «Евгения Онегина». В этой статье содержится множество мелких и большей частью неосновательных придирок к отдельным грамматическим формам и к отдельным выражениям, употребленным Пушкиным в четвертой главе «Евгения Онегина». Например, по поводу стиха:

Два века сорить не хочу,

критик «Атеней» замечал: «Кажется, есть правило об отрицании не: а то вместо сорить кого выйдет — много ли времени». Критик хотел сказать, что несоблюдение правила о замене винительного падежа родительным при отрицании придает употребленному Пушкиным винительному падежу (два века) временное значение, то есть будто бы приведенный стих можно понять так: не хочу сорить — неизвестно кого — в течение двух веков. Пушкин совершенно резонно отвечает на эту придирку: «Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол сорить управляем не частицей не, а глаголом хочу. Ergo, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать стихи, а уж, конечно, не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? — Не думаю».

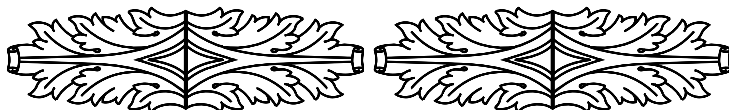
Надо ли говорить, что в этом споре прав был Пушкин, а не его критик. Но нелишним будет заметить, что ссыла на Пушкина на грамматику («Что гласит грамматика») была неточна. Популярная грамматика того времени в этом вопросе, несомненно, разбиралась хуже Пушкина. Так, в «Практической русской грамматике» Николая Греча (СПб, 1834, стр. 266) сказано: «Падеж родительный полагается и тогда, когда наречие отрицательное находится перед глаголом, предшествующим

¹ То есть наряженный по-праздничному.

² Это замечание Вяземского направлено против Булгарина, который возмущался по поводу слова воняет в «Ревизоре» Гоголя. Сам Гоголь отвечал Булгарину известной характеристикой провинциального дамского языка в «Мертвых душах» (гл. VIII): «Ни в каком случае нельзя было сказать «Этот стакан или эта тарелка воняет»: и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того «этот стакан не хорошо ведет себя», или что-нибудь вроде этого» (Н.В. Гоголь, Сочинения, изд. 10, т. 111, 1889, стр. 157).

LESSER COAT OF ARMS, RUSSIAN EMPIRE

управляющему глаголу, например: не хочу читать книг; не люблю терять времени». Как известно, современная грамматика не следует этим решительным формулировкам о замене винительного родительным при отрицании. Во всяком случае Пушкин совершенно верно заметил, что чем больше расстояние между отрицанием и дополнением, тем труднее поставить это дополнение в родительном падеже (ср. «Русский синтаксис в научном освещении» Пешковского, изд. 3. стр. 344). Таким образом, задавая свой вопрос: «Что гласит грамматика?», Пушкин апеллировал не столько к книге, сколько к живому языковому закону (в черновике этой заметки вариант: «Грамматика наша еще не пояснена»), выводил свое правило на основании эмпирического смыслового анализа, следуя примеру своих предшественников в обработке русского литературного языка — Ломоносова и Карамзина.

Не менее интересен ответ Пушкина на другое замечание его критика, относящееся к стихам:

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день,

«Трудно понять,— писал критик по поводу этих стихов, — кто кого одевает: тень ли бури одевается днем, или день одевается тенью?» Ответ Пушкина гласит: «Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать все предложение в естественном его порядке (*sine inversione*), то есть без инверсии». Этим замечанием, основанным на живом, эмпирическом чувстве законов языка Пушкин снова опровергает долгое время державшееся, но неосновательное мнение, будто порядок слов в русском языке лишен всякого грамматического значения.

Обдумывая свой ответ критику из «Атеней», Пушкин, по-видимому увлекся грамматическими соображениями. Он набросал ряд попутных замечаний, которые проникнуты общим стремлением вывести грамматический закон из эмпирического смыслового анализа фактов живого языка. Очень интересна следующая заметка Пушкина: «Многие пишут юпка, свадьба вместо «юбка», «свадьба». Никогда в производных словах т не перемещается на д, ни п на б, а мы говорим юбочница, свадебный». Эта заметка замечательна как образец правильного разграничения фактов истории языка от фактов языка в живом употреблении. С исторической точки зрения, конечно, более «правильными» написаниями были бы написания юпка через п (франц. *jupon*), свадьба (сват, сватать), и Пушкин, разумеется, это понимал. Но раз случилось так, что в производных словах по тем или иным причинам (по каким — сейчас неважно) возникли в основе звонкие согласные вместо первоначальных глухих (юбочница, свадебный), то сохранение этимологических глухих согласных в написании основных слов действительно шло бы вразрез с последовательно выдерживаемым русской орфографией морфологическим принципом. В своей заметке Пушкин и формулирует этот принцип, желая сказать, что корневой согласный в основном и производном словах во всяком случае должен писаться одинаково. Грамматические утверждения Пушкина — это не догматические предписания языку, основанные на каких-либо отвлеченных соображениях, а выводы из анализа живых фактов языка, взятых в их взаимной связи, в «системе», как сказали бы теперь.

Из всего этого следует тот вывод, что Пушкин не мог не придавать грамматической правильности того значения, которое ей в действительности принадлежит в литературном языке. Более того, в следующих замечательных строчках Пушкин и прямо формулировал принудительность требований

грамматики для того, кто пользуется литературным языком: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические околы».

Принятое им правило Пушкин неукоснительно применял и к самому себе. «Вот уже 16 лет, — пишет Пушкин в связи с предыдущими замечаниями, — как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо). Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место». Одна из этих ошибок («На теме полуночных гор») указана уже выше. Другие ошибки следующие. В «Кавказском пленнике» первоначально Пушкин написал:

Остановлял он долго взор
На отдаленные громады.

По указанию критика Пушкин в следующем издании исправил и первый из этих стихов:

Вперял он неподвижный взор,

оправдав этим винительный падеж во втором стихе, хотя и получились галлицизм вперял на, вместо правильного вперять в (ср. в «Горе от ума»: «В науки он вперит ум алчущий познаний»). В одном из примечаний к «Полтаве» первоначально читалось: «Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но был отказан». Впоследствии Пушкин поправил: но ему отказали. В стихотворении «Буря» (1825) был стих:

И ветер воил и летал,

в котором Пушкин, следуя живой грамматической аналогии (выть — вою), поставил воил вместо выл. Впоследствии стих был исправлен так:

И ветер бился и летал.

Наконец, в «Борисе Годунове», известные стихи из монолога Пимена:

и:

Он говорил игумну и всей братье...

А грозный царь игуном богомольным, —
в рукописи были написаны так:

и:

Он говорил игумену и братье.

А грозный царь игуменом смиренным...

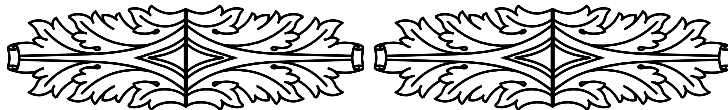
По совету кого-то из друзей Пушкин поправил игумену, игуменом на игумну, игуном. Но этот совет был очень неудачен, потому что формы игумену, игуменом более правильны, чем варианты с беглой гласной. Академик Корш по этому поводу правильно указывал, приведя разбираемую заметку Пушкина: «Эта заметка поучительна тем, что дает нам мерку для оценки языка Пушкина сообразно с тогдашними понятиями о правильности русской речи: критики за целые 16 лет указали в стихотворениях Пушкина только пять ошибок, в числе которых значится игумену вместо игумну, а он верит этим судьям» («Известия 2-го отделения Академии наук», 1898, III, 707—708). Таким образом, стараясь писать всегда правильно, заботясь о правильности своего языка, Пушкин порой склонен был следовать даже неправильным указаниям своих критиков.

VI

Остается решить, где тот языковой материал, посредством анализа которого можно установить действительные «свойства» русского языка, найти истинный критерий для решения вопроса о правильности речи, Пушкин оставил ответ на этот вопрос и в своих теоретических заметках, и в своем собственном

GRIGORY GRIGORYEVICH ORLOV (1734-1783)
ONE OF THE LOVERS OF CATHERINE THE GREAT
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM, ST. PETERSBURG, RUSSIA)

языковом творчестве. Но нужно правильно понимать смысл этого ответа. Пушкин писал: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований». «Альфieri изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Неправильно было бы понимать эти заявления как призыв к превращению литературного языка в крестьянское или мещанское просторечие. Во-первых, такому пониманию противоречит язык самих произведений Пушкина. В языке Пушкина много демократических «простонародных» элементов, но нигде Пушкин не покидает целиком почву того литературного языка, который был дан ему его эпохой, средой и традицией, нигде Пушкин не подлаживается под речь «простого народа». В «Материалах для биографии Пушкина», собранных Анненковым (1885, стр. 106), сохранился любопытный вариант замечания Пушкина о языке московской просвири. Анненков говорит о Пушкине: «Он советовал учиться русскому языку у старых московских барынь, которые никогда не заменяют энергических фраз: я была в девицах, меня пользовал и т. п. жеманными фразами: я была в девицах, меня пользовал и пр...» Старая московская барыня Пушкина — тип хорошо нам известный по литературным изображениям Грибоедова (Хлестова в «Горе от ума»), Льва Толстого (Марья Дмитриевна Ахросимова в «Войне и мире») и пр. Нет сомнения, что Пушкин живо чувствовал историческую связь между языком подобной старой московской барыни и языком московской просвири.

Во-вторых, в приведенных заметках Пушкина в сущности вовсе не говорится о замене одного языкового уклада другим. Пушкин говорит: «Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям». Ограничительные нотки здесь слышатся вполне отчетливо. Товарищ Пушкина по литературной работе Вяземский указывал по поводу этих призывов Пушкина учиться русскому языку у просвири: «Нужно иметь тонкое и разборчивое ухо Пушкина, чтоб удержать то, что следует, и пропустить мимо то, что не годится». (Вяземский, Собрание сочинений, II, стр. 361). Не подлежит никакому сомнению, что так называемая «простонародная» стихия русского языка представляла собой для Пушкина лишь основу литературного языка, но не исчерпывала его целиком и не подменяла его собой. Пушкина влекло в народной речи не пристрастие к экзотике областной, «мужицкой» лексики и грамматике, а правильное убеждение в том, что основным материалом для создания общенационального русского языка должна послужить речь народная. В этом отношении Пушкин был несомненным последователем Ломоносова и довел до конца начатое им дело.

Ближайшие учителя Пушкина в области литературного языка, прежде всего Карамзин, сознательно порывали остатки своей связи с народом в языке, считая, что этим они способствуют европеизации русской культуры. Бессознательно они тоже пользуются многими так называемыми «простонародными» элементами в своем языке, но в своей языковой теории резко отмежевываются от всего «низкого», «грубого», «неизящного». Между тем Пушкин в своей языковой теории как бы делает сознательные выводы из того, что ему

было дано историей. По словам Плетнева, Пушкин и Дельвиг гордились тем, что родились в Москве, и утверждали, что «тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьей ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений»¹.

Но это московское просторечие, своей исторической связью с которым гордился Пушкин, не было для него самодовлеющей ценностью. Деля в 1825 г. беглый очерк истории русского языка, Пушкин писал: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

В этой стихии, по мысли Пушкина, свободно умещались и лексические заимствования из западноевропейских языков, отражавшие процесс европеизации русской культуры и русского быта. Французский язык всегда оставался для Пушкина образцом делового языка образованности, и он понимал, что в этой области русский язык не может миновать влияния французского. По этому поводу Пушкин писал: «Дай бог ему (то есть русскому языку) когда-нибудь образоваться на подобие французского (ясного, точного языка прозы — то есть языка мыслей)». Пушкин даже поощрял галлицизмы Вяземского, оправдывавшего офранцуженные обороты речи в языке русской критики тем, что «новые набег в области мыслей требуют и часто нового порядка». (Собрание сочинений, I, 197). Но все же Пушкин был очень строг к таким погрешностям в русском языке, которые возникали в результате механического перенесения иноязычных грамматических свойств на русскую почву. В языке самого Пушкина немало галлицизмов, но несомненно, что он старался от них освободиться. Так, в первом издании первой главы «Евгения Онегина», в строфе XXX, с примечанием автора: «непростительный галлицизм», было напечатано:

Грустный, охладелый
И ныне иногда во сне
Они смущают сердце мне.

При перепечатке эта нерусская конструкция (обособление, не относящееся к подлежащему) была устранена:

Грустный, охладелый
Я все их помню и во сне

и т. д.

Так, следовательно, понимал Пушкин задачу организации литературной речи на основе народного языка...

Языковая деятельность Пушкина, который сто лет тому назад, в совершенно другой культурной обстановке, со всей глубиной, присущей его замечательной личности, продуктивно ставил и разрешал спорные вопросы, приобретает в наши дни значение поучительного исторического примера и прекрасного образца.

§ 8 «ОТ ПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ...»

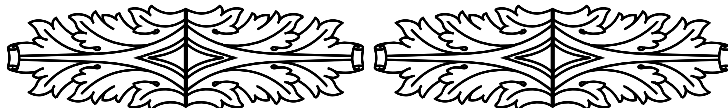
«...от Пушкина [до наших дней] русский литературный язык пережил ряд изменений, общий смысл которых можно определить приблизительно так: во-первых, более строгое разграничение между литературно правильными и нелитературными формами языка; во-вторых, постепенное устранение резких противоречий между «высокими» и «простыми» слогами внутри собственно литературного языка. Из литературного языка изгоняются разного рода архаизмы и специфические элементы старой книжной речи, но вместе с тем

¹ Переписка Грота с Плетневым, III, 400.

PETER VASILYEVICH ZAVADOVSKY (1736-1799)
THE FIRST MINISTER OF NATIONAL EDUCATION OF THE
RUSSIAN EMPIRE (1802-1810)

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

литературный язык становится гораздо более строгим по отношению к таким фактам языка, преимущественно фонетическим и морфологическим, но в некоторой мере также и лексическим, которые начинают относиться к категориям «областных», «простонародных» и т. д. Иначе говоря, процесс отропления литературного языка, процесс приближения книжного языка к живой разговорной речи сопровождался словарно-грамматической чисткой языка, внедрением в литературную речь грамматического единообразия и нормативной правильности»¹.

«В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование. Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцам художественного слова для современного читателя.

Стремясь к концентрации живых сил русской национальной культуры речи, Пушкин, прежде всего, произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи и которые вступали в противоречивые отношения в разнообразных диалектологических и стилистических столкновениях и смешениях до начала XIX в.

Это были: 1) церковно-славянизмы, являвшиеся не только пережитком феодального языка, но и приспособившиеся к выражению сложных явлений и понятий в разных стилях современной Пушкину литературной (в том числе и поэтической) речи; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличьи) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи, широким потоком хлынувшие в стиль Пушкина с середины 20-х годов. Правда, Пушкин несколько ограничил литературные права русского просторечия и простонародного языка, в особенности разных областных говоров и наречий, а также профессиональных диалектов и жаргонов, рассматривая их с точки зрения глубоко и своеобразно понимаемой им «исторической характерности» и «народности», подчинив их идеальному представлению об общепонятном языке «хорошего общества»². Однако «хорошее общество», по мнению Пушкина, не путается ни «живой странности» простонародного слога, восходящего главным образом к крестьянскому языку, ни «нагой простоты» выражения, свободного от всякого «щетолизма», от мещанской чопорности и провинциального жеманства.

Пушкин стремился к созданию демократического национально-литературного языка на основе синтеза дворянской культуры литературного слова с живой русской речью, с формами народно-поэтического творчества»³.

Понятие *русская литература* используется для описания литературы различных областей в различные периоды. Так, с начала письменной литературы в XI столетии и до XVI века оно описывает литературу Киевской Руси – то есть непрочную конфедерацию племен восточных славян, управляемую династией, идущей от Рюрика; с XVI по начало XX столетия – объединённого государства Российского, но не других частей Российской Империи; и с 1917 года – Российской Советской

Федеративной Социалистической Республики, но не других республик, входящих в состав Советского Союза.

Русская литература обычно разделяется на два главных периода: древнерусский период, с XI по конец XVII века; и современный период, который подразделён на дореволюционный, с конца XVII века до 1917; и послереволюционный, с 1917 года. Литература первого периода (которую некоторые историки датируют концом середины XVII века) примерно соответствует средневековой литературе западно-европейских стран. Вначале она доминировала в Киевской Руси, однако за время татаро-монгольского нашествия в XIII веке региональная литература приобретает большую значимость и с конца XV и начала XVI веков главным литературным центром является Москва.

В течение всего этого древнерусского периода литература была под влиянием связей между Россией и Византией и между литературой и Православной Церковью, которая начала свое существование в 988 году с переходом в Восточное Христианство св. Владимира, великого князя Киева. Однако в этот период также чувствовалось и влияние более ранней восточно-славянской устной народной поэзии.

Начало современной литературы отмечено растущей вестернизацией, заметной уже в XVII веке и усиленной реформами Петра I Великого. С начала XVIII по начало XX века западное влияние было доминирующим, особенно влияние Франции. Английское влияние тоже обозначало себя, например, основанием периодических изданий и подъёмом сентиментальной школы. Самым великим периодом русской литературы, с точки зрения западной Европы, является XIX век.

XIX век в русской литературе называют «золотым веком». Литература этой поры явление уникальное, исключительное, несравненное. Она стремительно ворвалась в мировую литературу и вдруг стала бесспорной законодательницей литературной моды.

В начале века искусство окончательно отделяется от придворной поэзии и «альбомных» стихов, в истории русской литературы впервые появляются черты поэта-профессионала, лирика становится естественной, проще, человечней. Этот век подарил нам таких мастеров как: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Д.В. Давыдов, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин, К.Ф. Рылев, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Григорьев, Н.А. Некрасов, А.К. Толстой, А.Н. Плещеев, А.А. Фет и др.

Сейчас в этом разделе содержится более 6 000 произведений различных жанров – лирические стихотворения, эпиграммы, баллады, сказки, басни, былины, комедии, поэмы, драмы, повести в стихах. Некоторые произведения Тютчева, Лермонтова, Пушкина даны и в переводе на английский язык.

Работа над этим разделом еще продолжается и в самое ближайшее время мы планируем разместить поэмы Лермонтова и пьесы Крылова. А в планах на будущее стоит увеличение количества стихотворений, переведенных на английский язык, размещение автобиографий, писем и многое другое.

Революция 1917 года – поворотный пункт. Послереволюционная литература, хотя и развивающаяся от основ положенных древнерусским и дореволюционным периодами, показывает тенденции в определённой степени связанные с политическими обстоятельствами и строгим

¹ Винокур Г. О., Пушкин и русский язык // Сборник «А. С. Пушкин. 1837—1937», М., 1937. С. 189-206.

² Подробнее см. Виноградов В. В., «Язык Пушкина», Изд. «Académie», 1935.

³ Виноградов В. В., Пушкин и русский язык // Вестник АН СССР, № 2-3, 1937. С. 88-108.

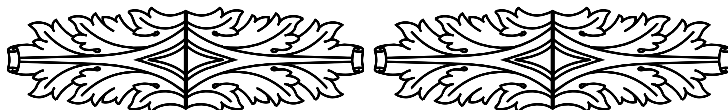

VASILII PETROVICH PETROV (1736-1799)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

контролем со стороны Коммунистической Партии всех сфер жизни и культуры. Этот период отмечен развивающейся борьбой между творческими художниками и государством, которая после смерти Сталина в 1953, как представляется, закончилась обновлением контакта с западной литературой и определенной степенью свободы писателей.

§ 9 БАС СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ [1926-1953]¹

The historical roots of Soviet lexicography go back to Old Russia. The first glossaries were produced in the thirteenth century. As in England, they were basically devoted to so-called 'difficult and unknown' words. In Orthodox Russia, however, most of these words were borrowed not from Latin, but from Old Church Slavonic and from Greek. Modern pre-Revolutionary lexicography began in the XVIII century. Its major accomplishment was the six-volume *Словарь Академии Российской*, completed in 1794. In this first academic dictionary, many of the words were 'nested' - a term that requires explanation. Russian, like other Slavic languages, is rich in expressive and derivational suffixes. In addition, in Russian there exist numerous compounds written as one word. 'Nesting' refers to the placing of words with the identical initial root in the same entry. This procedure saves space. However, it may disrupt the overall semantics and alphabetical order making it difficult for the reader to find a word when a prefix precedes the root.

The first academic dictionary did not include colloquialisms: it did list many Church Slavonic forms. In 1822, the revised version (i.e., the second edition) of the *Словарь Академии Российской* was completed; this revision eliminated 'nesting' and introduced an alphabetical re-listing of the entries. The conflict between 'nesting' and alphabetizing forms was to reappear over a century later, during the Soviet era. In 1847, the last volume of the third edition of the academic dictionary appeared. This four-volume work still contained a large number of Church Slavonic forms, not used in the spoken or belletristic Russian of the mid XIX century. In fact, its title was a *Словарь церковно-славянского и русского языка*. A major step forward was the introduction of stylistic labels for Church Slavonic forms such as *глава*, *град* etc.

A number of studies and dictionaries of Russian dialects and jargons were published during the XIX century and the early XX century (Perelmuter 1974)². The most important dictionary devoted to dialectal and informal Russian was Dahl's four-volume *Толковый словарь живого великорусского языка*. The last volume appeared in 1866. The third and fourth editions of Vladimir Dahl were edited by Baudouin de Courtenay, who added many slang and vulgar terms.

The first volume of the fourth academic dictionary, *Словарь русского языка Академика Грота* was published in 1895. Its original goal was to include only items used in belletristic literature during the second half of the XIX century. The first volume, covering the letters A to Д, conformed to this principle. However, when the editorship passed from Jacob Grot to Alexey Shakhmatov, the situation drastically changed. In the second volume many regional and technical terms were entered. This edition was never completed; its last fascicle was issued in 1937. It must be emphasized that no completed pre-Revolutionary dictionary described *Contemporary Russian Literary Language* (current Russian) as methodically. This standard had come into being, under the influence of Karamzin and Pushkin, around 1830.

The beginning period of early Soviet lexicography was incapacitated by the chaotic conditions following WWI, the

Revolutions, and the Civil War. The state of political and civil disarray paralyzed the work on dictionaries for several years. Even after the country began to recover from the physical destruction that it had suffered, lexicography lagged. It was pointed out above, for example, that the fourth academic dictionary, *Словарь русского языка Академика Грота-Шахматова* was never finished. Two major reasons for the lag should be pointed out. The turbulence of the period 1914-1920 shook the foundations of *Contemporary Russian Literary Language* itself. Many of the most highly educated people were killed, exiled to Siberia or forced to flee the country. The new bureaucrats were often semi-literate dialect speakers. A veritable flood of regionalisms, neologisms, acronyms, abbreviations, vulgarisms, borrowings, and jargonisms swamped the language. One striking example of the lexical chaos of the 1920's was the wholesale transplanting of the English counting system for tennis into Russian, P. G. Chesnokov's *Словарь спортивных терминов*, lists as the norm *фифтин, серти, форти, дыус. ляс* etc. Later, of course, these borrowings were replaced by native forms.

A second factor that impeded the normal development of lexicography was the dominance of the so-called *Academician Marr's School* of linguistics. Marr, a Georgian compatriot of Stalin, had managed to establish firmly his Japhetic theory of language origin in the Soviet Union. The Japhetic theory rejected, among other things, the Indo-European, Semitic, Finno-Ugric etc. language families. Academician Marr claimed that all the world's languages were derived from a Japhetic proto-language, spoken at one time in the Caucasus. Marr advanced the fantastic claim that all words of all languages go back to the four elements *sal, ber, jon, rosh*. Marrism crippled the study of philology and linguistics in the Soviet Union for many years.

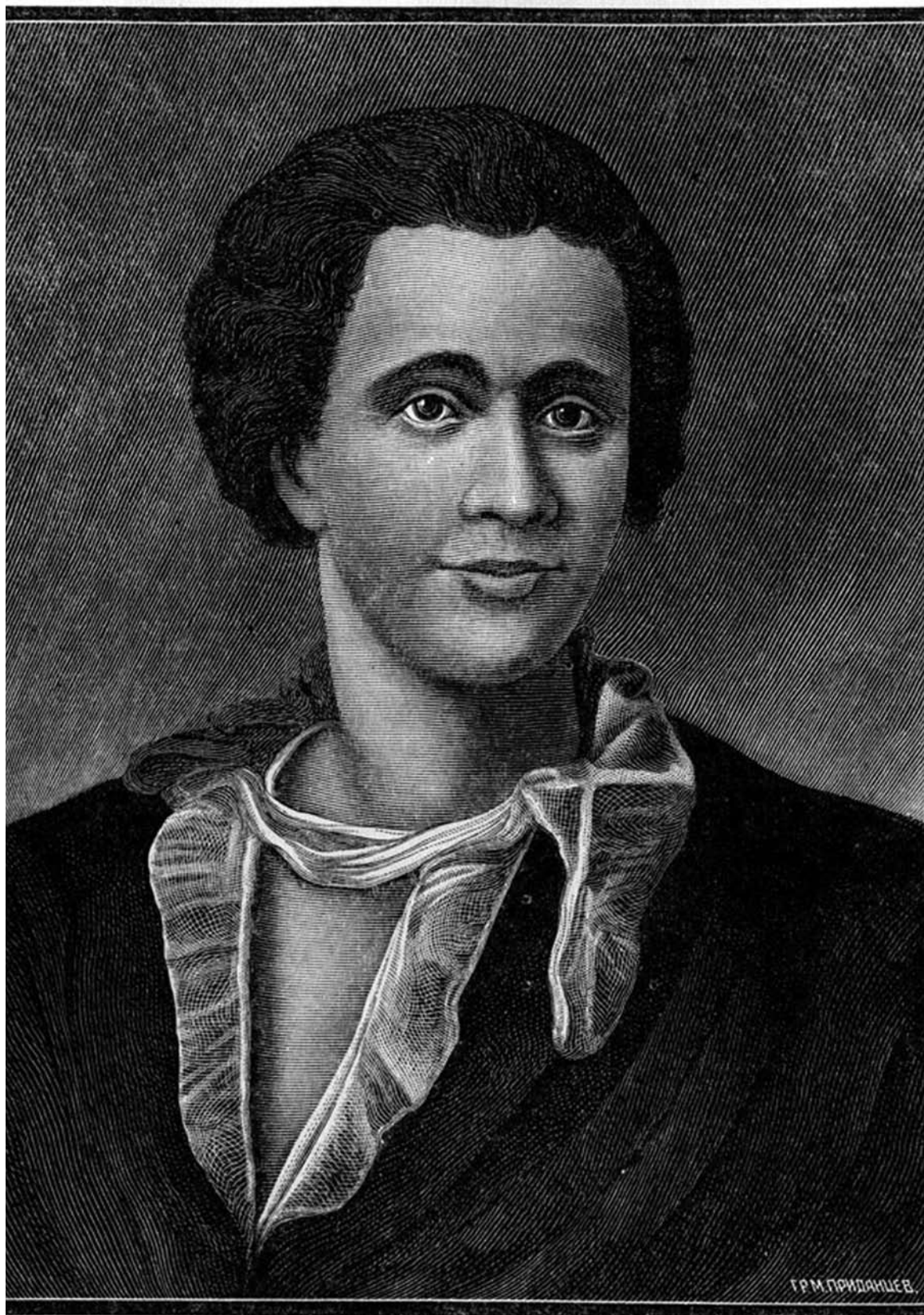
In spite of the difficulties just described, Soviet lexicography began to make progress in the mid 1930's. An outstanding accomplishment was the compilation and publication of Ushakov's *Толковый словарь русского языка*. Ushakov was assisted by the leading Soviet linguists of the time: B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevsky, G.O. Vinokur, and V.V. Vinogradov³. Ushakov's dictionary was, in fact, the first dictionary of *Contemporary Russian Literary Language* (Standard Russian). The introduction to Ushakov's dictionary gives an excellent description of the Moscow pronunciation, a description, still used in courses on Russian phonetics today. Ushakov consistently gives the stress not only for the base forms, but also for the declined and conjugated forms. This is extremely important since in Russian the stress may shift from one syllable to another within the declension or conjugation. Ushakov does provide a partial respelling whenever the pronunciation does not conform to the rules, as in borrowings if a *m* or *o* is not softened before the vowel *e*. Ushakov's method of dealing with pronunciation has been retained in contemporary Soviet dictionaries of Russian. In his entries, Ushakov gives a great deal of grammatical information. For example, he consistently supplies difficult genitive plural forms. The Ushakov dictionary was the first to indicate all aspectual pairs of Russian verbs. This was a significant step forward in the lexicographical description not only of Russian, but of Slavic languages in general. Once again, Ushakov established precedents that are followed by Soviet and even post-Soviet dictionaries today.

After World War II Soviet lexicography became very productive. The direct continuation of D.N. Ushakov's tradition was

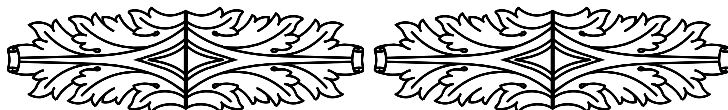
¹ RECOMMENDED LITERATURE: П. А. Дружинин, *Идеология и Филология* [Ленинград, 1940-е годы]. В двух томах, Москва, 2012.

² Morton Benson, "Soviet Lexicography: A Survey". In: Snell-Hornby, ed. 1988: 217-228. (ed. 1989).

³ Lenin himself is reported to have inspired the compilation of this normative dictionary in a letter written in 1920 to the Minister of Education, Lunacharsky.

VASILII IVANOVICH BAZHENOV (1737-1799)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1784)
ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

After WWII Soviet lexicography became very productive. The direct continuation of Ushakov's tradition was Ozhegov's a single volumed dictionary of *Contemporary Russian Literary Language*, *Словарь русского языка*. Several revisions and reprints of this dictionary have appeared; the XVIII printing was issued in 1986. A revised, expanded edition was scheduled for 1988 (as indicated by the publishing house *Русский Язык* in a letter to Shvedova, dated December 13, 1984. Around seven million copies of this dictionary have been sold in the Soviet Union and abroad. It is of great value to the teacher and student of Russian since it contains detailed normative information on Russian stress and grammar. Ozhegov's dictionary is basically of a normative type. It consistently selects a preferred variant or two variants when several exist. Ozhegov's normative role reflects the strong pressure within the USSR for language standardization.

In 1950, one year after the publication of Ozhegov's first edition, Joseph Stalin issued a pronunciamento officially putting an end to the privileged position that the *Marr Linguistic School* had occupied. The excesses of the Marrists had obviously so embarrassed Soviet scholarship that the highest government circles felt compelled to act. The dethronement of Marr facilitated progress in all phases of Soviet linguistics, including lexicography were halted.

The first volume of the new multi-volume *Словарь современного русского литературного языка* or *Большой Академический Словарь* also appeared in 1948 (1950), published by the Academy of Sciences of the USSR. The compilation progressed on schedule from 1948 to 1965. The XVII and last volume was issued in 1965. This dictionary describes the Russian literary language beginning with the era of Pushkin to the present day. Many thousands of citations from Russian literature are provided. It is a monumental lexicographical achievement¹.

A shorter four-volume Academic dictionary was issued between the years of 1957 and 1961. This shorter dictionary was approximately the same size as the pre-WWII Ushakov's dictionary. A second, revised edition of the abridged Academic dictionary was published in the years 1981-1984. This revised edition was a distinct improvement.

The publication of a large number of bilingual specialized and technical dictionaries began in the 1950s. The production of such technical dictionaries has been one of the strongest features of Soviet lexicography. Space limitations preclude even an abridged listing here of such dictionaries. A 1986 catalog of *Kamkin's Bookstore* in Rockville, Maryland, for example, lists an impressive number of English-Russian specialized dictionaries in fields such as agriculture, veterinary, aviation, chemistry, ecology, economics, electrochemistry, medicine, metallurgy, mining, physics, railway transportation, television, textiles etc.

In regard to etymological dictionaries, Soviet lexicography has made a late start. Before the Revolution, Preobrazhensky's *Этимологический словарь русского языка*, begun in 1910 and was completed as far as *су-*, and was the only work available; the last part of this dictionary was not completed until 1949. From 1950 to 1958 an important etymological dictionary of Russian, the *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, was published in West Berlin by Max Vasmer. It was so urgently needed that the Soviet publishing house *Прозвещ* translated it from German into Russian, deleting certain forms. The introduction to the Soviet edition contains a sentence, *looking harmless to those uninitiated into Soviet mores*, which indicates the "removal of certain entries" that can be of interest only to "specialized scientific circles". This sentence meant, in fact, that

several colloquial-vulgar Russian terms were omitted. In 1963, Moscow State University began publishing Shansky's new multi-volume *Этимологический словарь русского языка*. Thus, we see that in the field of Russian etymology, Soviet lexicography has a long way to go before it can match the work already done for English, German, French, and other languages.

It was mentioned earlier that pre-Revolutionary Russia saw the appearance of several dialect and jargon dictionaries. The production of such lexicons has lagged in the Soviet Union. The publication of an Academy of Sciences multi-volume *Словарь русских народных говоров* was begun in 1965 under the editorship of F. P. Filin. By 1985, twenty volumes had been published (up to *не*). As of today 43 volumes are completed to *Телена*. In the early period of the Soviet state, approximately up to 1932, various descriptions of professional jargons and substandard speech did appear. However, since 1932, practically no studies of jargons or of slang have been published. When Dahl's dialectal dictionary was reprinted in the Soviet Union in 1935 and in 1956, only the second edition was reproduced rather than the third or fourth, to which Baudouin de Courtenay had added vulgarisms.

Soviet lexicographers have devoted considerable attention to the language of individual authors. An important result of this work is a four-volume concordance - *the Dictionary of Pushkin's Language*, 1956-1961; it was compiled at the USSR Academy of Sciences. Work has also been done on the language of other authors such as N. Gogol, M. Gorky, M. Lomonosov etc.

Soviet lexicography has achieved impressive results in publishing bilingual dictionaries of Russian and other Slavic languages, Bulgarian, Czech, Polish, Ukrainian, Belorussian, etc. Soviet lexicography has also accomplished a great deal in the compilation and publication of bilingual dictionaries for Russian and the non-Slavic languages spoken in the USSR. Numerous bilingual dictionaries of Russian and of languages spoken outside the Soviet Union have been compiled with varying degrees of success. Most of these dictionaries are excellent; others are satisfactory. Let us examine in some detail the largest and best Soviet English - Russian dictionary by Yu. D. Apresyan et al., *New English - Russian Dictionary*. This dictionary is impressive with its approximately 250,000 main entries and huge number of illustrative phrases, idioms, proverbs, and set expressions. At first glance, Apresyan's dictionary seems to be a superb accomplishment. The dictionary gives the British phonetic transcription of English based on Daniel Jones. Most of the translation equivalents and definitions are correct.

A Soviet bilingual English lexicography was introduced by a native speaker of English, Elizabeth Wilson, whose *Modern Russian Dictionary for English Speakers* (1982) was co-published by *Pergamon Press* and the Moscow publishing house *Русский Язык*. Wilson concentrated on spoken English, especially the British variety. Although spotty in its coverage, this semi-Soviet dictionary is exceptional in that it contains correct, idiomatic English.

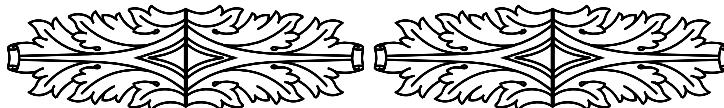
Soviet lexicography has also produced numerous excellent dictionaries of linguistic terminology, word stress, homonyms, synonyms, word frequency, neologisms, difficult words etc.

In the 1970's, Soviet publishers in Moscow obtained licenses to reprint two Oxford Advanced Learner's Dictionaries: *The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (*Русский Язык*, 1982) and *The Oxford Student's Dictionary of Current English* (*Прозвещение*, 1983). The publishers obtained permission to make changes and did so; key political terms were given new definitions. Thus, *capitalism* was defined as "an economic and social system based on private

¹ It should be noted the the old conflict between arranging words in nests or in alphabetical order reappeared during the compilation of this dictionary.

ANDREY ANDREEVICH NARTOV (1737-1813)
RUSSIAN WRITER AND TRANSLATOR
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1801)
PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY (1801-1813)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ownership of the means of production operated for private profit and on the exploitation of man by man". In a letter dated January 28, 1986, the Chief Executive of the *Oxford University Press*, G.B. Richardson, wrote that granting permission to the Soviet publishers to alter definitions had been a mistake and should not have taken place.

Considerable attention was paid in the Soviet Union to the use of school dictionaries in the teaching of Russian, especially to non-native speakers. As far back as the 1930's, L.V. Shcherba wrote in detail about the structure of bilingual dictionaries used to teach foreign languages. He advocated that separate dictionaries be compiled for those learners who wish to decode (translate from the foreign language) and those who wish to encode (translate into the foreign language). Shcherba's theories still exert influence both in the Soviet Union and abroad. The *Pushkin Institute* in Moscow, which promotes the teaching of Russian to foreigners, now has a Faculty of Pedagogical Lexicography. Many school dictionaries have been published for the foreign student of Russian. Typical are Folomkina and Weiser with about 3500 main entries and Lapidus and Shevcova with about 11,000 main entries. Both of these dictionaries have been reprinted.

Two new kinds of learner's dictionaries have appeared in the Soviet Union. The first is a dictionary of collocations. Such a dictionary gives the linguistic contexts in which each headword often occurs. The first such dictionary to appear was T.I. Anisimova et al., *Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка. Словарь-справочник*. A larger work is P.N. Denisov and V.V. Morkovkin, *Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*. The number of main entries is disappointingly small - about 2500. Each entry shows in great detail the various combinations in which the headword is normally used. The noun entries, for example, contain those verbs that collocate with the noun: пользоваться авторитетом ('to exercise/wield authority'); вести борьбу ('to carry on/wage a struggle'); прослушать курс ('to take a course'); прочитать лекции ('to give a lecture'); подать пример ('to set an example'); оказывать сопротивление ('to offer/put up resistance'); хранить тайну ('to keep a secret'); etc. The dictionary provides various other types of lexical and grammatical collocations, such as adjective + noun, verb + preposition, noun + infinitive, preposition + noun, etc. If this dictionary could be expanded to include a sufficient number of headwords, its value would be greatly enhanced. A future lexicographical monument, *Активный словарь русского языка* by Academician Apresyan et al. is in its initial stages to be finished.

The second kind of recently published learner's dictionary compiled by L.I. Anisimova is called *Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка: Словарь-справочник*, literally *linguo-areal*. The function of such a dictionary is to provide encyclopedic information about the terminology used in a given activity. A series of such dictionaries is apparently scheduled for publication. The editors of this series are E.M. Vereshagin and V.G. Kostomarov. The first dictionary to appear in this series was Denisova's *Лингвострановедческий словарь: Образование в СССР*. This dictionary treats the terminology of education in great detail. The editors of this series assume that many features of the Soviet

educational system do not exist elsewhere and that a *linguo-areal* dictionary, consequently, serves as a guide to Soviet culture.

The conclusion to the Soviet lexicography has achieved impressive results in publishing dictionaries of modern standard Russian, specialized and technical dictionaries, learners' dictionaries for foreigners, and some bilingual general use dictionaries. So far, Soviet lexicography has been a shining example in the production of normative, etymological dictionaries, historical dictionaries, dialect dictionaries, and surname dictionaries.

The most typical aspects of Soviet lexicography are the following:

1. its refusal to treat Russian slang and other non-standard forms;
2. its readiness to censor, expurgate existing dictionaries;
3. its isolation from Western lexicography, the result is a failure to keep up with innovations now common in many dictionaries produced in the West, such as pictorial illustrations, main-entry status for compounds, the inclusion of real people and places, the utilization of synonym and usage essays;
4. its refusal to allow free international collaboration in the compilation of bilingual dictionaries, the Wilson dictionary is a welcome exception.

These negative features are mainly attributable to the obvious fact that lexicography in the Soviet Union was controlled by the government and ruling party. The hope is that the future will bring more contact between the Soviet (now Russian) and Western lexicographers.

In spite of the difficulties just described, Soviet lexicography began to make progress in the mid 1930s. The result was a great collaborative unique lexicographical work, *Словарь современного русского литературного языка*.

§ 9.1 ХРОНИКА АКАДЕМИИ НАУК СССР¹

Словарь современного русского литературного языка из стадии организационных и подготовительных работ, начатых со второй половины 1937 года, перешел в период реального осуществления. Ленинградская типография АН СССР набирает [его] с середины 1940 года. I том словаря на буквы А и Б, объемом около 70 печатных листов. Том II, на буквы В, займет приблизительно 80 печатных листов. Большая часть его сдана в набор в октябре 1940 года; окончание этого тома будет представлено в типографию до начала 1941 года. В 1941 году будут окончательно отредактированы томы III и IV. Последующие томы должны обрабатываться и сдаваться в печать безостановочно и регулярно по планам, установленным *Институтом языка и мышления имени академика Н. Я. Марра* АН СССР².

Некоторая медлительность в работе по составлению Словаря объясняется сложностью его задач, трудностью их выполнения и недостатком соответствующих специалистов. Приходилось в процессе работы создавать новые кадры из молодых сотрудников; необходимо было правильно и целесообразно организовать работу и установить в коллективе словарных работников взаимоотношения, обеспечивающие рост молодых сил и достаточно успешную работу по составлению Словаря.

¹ Хроника, *Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка*, том I, № 3, страницы 137-139, Издательство АН СССР, 1940. Bulletin de l'Académie des sciences de l'URSS. Classe de sciences littéraires et linguistiques, том I, № 3, pp. 137-139, Moscou & Leningrad, 1940.

² Академия Российская (также Императорская Российская академия, Российская академия) — созданный Екатериной II и княгиней Е. Р. Дашковой по образцу Французской Академии (L'Académie française) в 1783 году центр по изучению русского языка и словесности в Петербурге. Главным результатом деятельности этого учреждения Русского Просвещения являлось издание *Словаря Российской Академии*. В 1841 году Академия была ликвидирована и преобразована во 2-е Отделение Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. С 1917 учреждение было переименовано в *Российскую Академию Наук* в Петрограде.

АН СССР с 1925 в Ленинграде, научно-исследовательское учреждение, основано в Петрограде в 1921 как *Институт языкознания и лингвистики*, с 1922 *Языковедческий институт*. В 1930 в его состав вошла Комиссия русского языка АН СССР, с 1931 называлась *Институт языка и мышления* (помещался на Университетской набережной, 5; отделы: исследовательский, педагогическо-пропагандистский, словарный и терминологический, в дальнейшем структура менялась). В 1921—34 институт возглавлял его основатель академик Н. Я. Марр, в 1934—50 — академик И. И. Мещанинов. В 1950 институт слит с московским *Институтом русского языка* в единый *Институт языкознания АН СССР*, на основе секторов института, оставшихся в Ленинграде, в 1956 образовано *Ленинградское отделение Языкознания института*. С 1952 по 1991 г. — *Ленинградское отделение Института языкознания Академии Наук СССР* (ЮН ЯН АН СССР). С 1991 г. *Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук*.

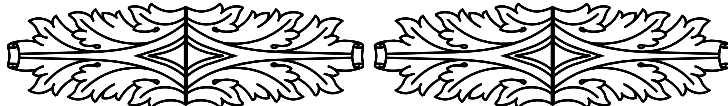
GRIGORY ALEXANDROVICH POTEMKIN (1739-1791)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Теоретические основы вновь издаваемого академического Словаря и необходимые практические указания для ведения словарной работы изложены в особой брошюре, изданной под заглавием: «Проект Словаря современного русского литературного языка». После некоторого опыта работы этот печатный проект обсуждался на заседании Отделения литературы и языка, по поручению которого был рассмотрен и исправлен особой комиссией, избранной из членов Отделения.

В настоящее время точно установлены научный профиль нового академического Словаря, его структура, семантическая и грамматическая обработка, источники, объем; словом, все необходимое, что должно определять внутреннее содержание и внешнее оформление Словаря.

Объем *Словаря современного русского литературного языка* определен приблизительно в 15 томов от 75 до 100 печатных листов каждый. Расположение слов в нем групповое, подобное принятому в Толковом словаре Даля расположению слов по «гнездам», но более дробнее, наименее затрудняющее читателей в разыскивании слов при справках. Эта система построения Словаря принята потому, что словарь всякого языка вообще есть не перечень входящих в него слов, но система словоупотреблений, связанных по происхождению и значению. В действительности, например слова *век*, *вечный* и *вечность*, *вес* и *вешать*, *друг* и *дружба*, *день* и *дневной* гораздо естественнее поместить рядом, чем разбрасывать их в разных местах словарного издания на основании алфавитного порядка, который не оправдывается никакими теоретическими соображениями, противоречит взаимоотношениям слов и объясняется только прочно установившейся традицией и привычками читателей. Бесспорно, что алфавитный порядок ускоряет нахождение справок, но он в то же время разрушает естественные связи слов; между тем словопроизводственный порядок дает полную возможность уяснять значения и отношения слов по их происхождению и имеет для себя полное научное оправдание.

В противоположность издававшемуся перед этим Словарю русского языка новый *Словарь современного русского литературного языка* не будет полным собранием всех слов, которые могут встретиться в русской письменной и разговорной речи. Например, материалы, которыми располагает в настоящее время *Словарный отдел* Института языка и мышления, дают около 6000 слов для буквы А, из них для Словаря было отобрано только около 2000. Отбор производился на основании существующего в наше время употребления слов в литературном языке. Для Словаря выбирались слова общепринятые, общеизвестные, составляющие ходячий словесный актив и необходимый пассив, т.е. слова, которые мы имеем в запасе на разные случаи, слова, которые в известных условиях могут оказаться нужными в процессе речи. Само собой разумеется, что отбор слов для Словаря литературного языка включает много чрезвычайно трудных и спорных моментов, но без такого отбора нельзя построить нормативный словарь литературного языка, что является одно из важнейших задач. Поэтому на произведенный отбор следует смотреть как на опыт, как на помощь употреблению, которую можно оказать по состоянию имеющихся знаний и материалов. Фактически существующее в живом и письменном языке разговорное употребление не может быть охвачено с математической точностью никаким словарем. При том литературное употребление подвижно; он частью нарождается вновь, частью отмирает и не может утверждаться раз навсегда и для всех эпох и случаев. Для нас важно отметить некоторые

словоупотребления вымершие, устарелые - архаизмы, слова, возникшие вновь - неологизмы, слова местные - провинциализмы. Это во многих случаях можно и должно делать и делается.

Однако словарь, составленный из актуальных слов русского литературного языка, а также из слов, сопровождаемых пометами: *устарелое*, *новое*, *областное* слово, собственно дает лишь указание, рекомендацию, совет для употребления слов и отнюдь не является мерой их искоренения, запрещения или насильственного внедрения. В потребностях выражения мысли, в условиях художественного или научного творчества могут получать жизнь слова провинциальные, или вышедшие из современного речевого оборота, или же созданные вновь. Это вполне рационально, необходимо и законно в процессе естественной жизни и роста языка.

По принятой за основание словарной работы мысли В. И. Ленина, «Словарь современного русского литературного языка» опирается на произведения новой русской литературы от Пушкина до наших дней. Основным его источником будет не только классическая художественная литература, стихи и проза, но также произведения выдающихся русских критиков, публицистов и ученых.

При этом Словарь должен с необходимой полнотой отражать политическую жизнь страны Советов, представляя лексику и фразеологию, созданную и принятую в письменном и разговорном литературном языке эпохи **диктатуры пролетариата**, в условиях советского строительства и нового, социалистического производства. Работники Словаря знают и помнят, что в нашей стране выросли поколения людей с новыми взглядами на жизнь, социальные отношения и природу - люди с современными научными и общественными потребностями, которым должна удовлетворять наша наука, в частности и словарная продукция.

Основная часть словарного текста - определения значений слов - исходит из их понимания и употребления в современном языке. Цитаты располагаются, начиная от исторически позднейших, например: М. Горький, И. Тургенев, А. Пушкин и т.п. **Слова политического значения объясняются с точки зрения научного материализма, основы нашего понимания жизни и природы.**

Словарь, не сходя с научных позиций, должен служить практическим нуждам нашего времени, и потому он должен быть последовательно нормативным и представлять собой руководство и образцы правильного употребления слов русского языка в отношении их формы, изменений значения, слогаударения, синтаксических сочетаний и фразеологических оборотов.

Словарь назначается для широкого массового обращения; поэтому он должен быть изложен по возможности просто и доступно. Однако простота и доступность изложения не должны снижать научного качества словарных статей, и Словарь должен быть интересным и полезным пособием для всей советской интеллигенции, особенно для писателей, журналистов и ученых нашей страны.

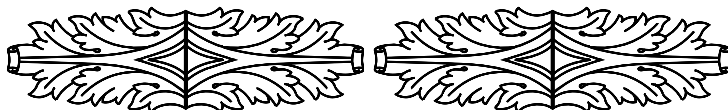
В настоящее время Словарь обеспечен более или менее достаточными научными средствами, научной рабочей силой и связью с научными учреждениями и многими членами Академии Наук, представителями различных социальных слоев. Ведущий работу Словарный отдел Института языка и мышления имеет в своем распоряжении картотеку выписок на разные слова из русских авторов в числе более 4 миллионов

JACOB BORISOVICH KNYAZHNIN (1740-1791)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

карточек, которые в годы подготовительных работ приведены в полный порядок и постепенно пополняются.

В числе необходимых библиографических пособий имеется довольно полная коллекция старых и новых словарей, необходимых для работы.

Для справок по русской лексике средних веков, не зарегистрированных в печатных словарях, работники Словарного отдела пользуются рукописной картотекой отдела Словаря древнерусского языка.

Руководящим научным органом Словарного отдела является редакционная коллегия Словаря, состоящая из трех действительных членов Академии Наук и двух членов - корреспондентов:

Главная редакция и авторы-составители:

- чл.-корр. АН СССР **В. И. Чернышев** (главный редактор);
- И. М. Абрамович;
- канд. филол. наук **А. М. Бабкин** (зам. председателя);
- С. Л. Баженова;
- канд. филол. наук **Е. Э. Биржакова**;
- чл.-корр. АН СССР **С. Г. Бархударов** (главный редактор);
- О. Е. Березина;
- Д. И. Буторин;
- акад. **В. В. Виноградов**;
- К. С. Горбачевич;
- И. Л. Городецкая;
- чл.-корр. АН СССР **В. М. Жирмунский**;
- старш. научн. сотр. **И. К. Зборовский** (ученый секретарь);
- Е. А. Иванникова;
- чл.-корр. АН СССР **Е. С. Истрина**;
- Г. А. Качевская;
- канд. филол. наук **Л. С. Ковтун**;
- канд. филолог, наук **Г. П. Князькова** (секретарь);
- З. Т. Короткевич;
- акад. **И. Ю. Крачковский**;
- действ. чл. АН УССР **А. Н. Криштофович**;
- О. Д. Кузнецова;
- А. И. Литвиненко;
- К. А. Логинова;
- чл.-корр. АН СССР **С. Е. Малов**;
- И. М. Мальцева;
- А. Ф. Марецкая;
- Н. М. Меделец;
- А. И. Молотков;
- акад. **С. П. Обнорский**;
- докт. филол. наук **С. И. Ожегов**;
- акад. **С. П. Обнорский**;
- П. И. Павленко;
- Ф. Д. Перевозчикова;
- В. П. Петушков;
- Т. Н. Поповцева;
- старший научный сотрудник **В. И. Пономарев**;
- В. В. Розанова;
- Г. А. Разумникова;
- Р. П. Рогожникова;
- И. Ф. Рудакова;
- старший научный сотрудник **С. С. Советов**;
- Ю. М. Северинова;
- Г. А. Стахова;
- М. Н. Судоплатова;

- докт. филол. наук **К. А. Тимофеев**;
- **В. А. Тихомирова**;
- акад. **И. И. Толстой**;
- докт. филолог, наук **Б. В. Томашевский**;
- акад. **В. Ф. Шишмарев**;
- старших научных сотрудник **И. А. Фалев**;
- В. П. Фелицына;
- докт. филолог, наук **Ф. П. Филин** (председатель);
- Т. А. Фоменко;
- В. Н. Цыганова. et al.] (ММК).

Для направления научной работы Словаря и критической оценки вышедших в печати его томов создан при Академии Наук Совет Словаря, состоящий из 40 академиков¹. Он должен обсуждать каждый вышедший том и давать указания для дальнейшего ведения словарной работы. В состав Совета входят ученые разных специальностей, к которым Словарный отдел обращается за консультацией по отбору и объяснению слов, имеющих знание научных терминов.

Вся словарная работа ведется коллективно, обсуждается на собраниях Словарного отдела, в заседаниях рабочей и главной редакций, в редакционной коллегии Словаря. Общие вопросы, связанные с работой Словаря, решаются на собраниях Института языка и мышления и на сессиях Отделения литературы и языка АН СССР. По мере надобности к участию в работе привлекаются специалисты, не входящие в состав Академии Наук.

«Особое место среди толковых словарей русского языка занимает семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка». Это самый полный из законченных словарей русского языка. Увеличение его словарика идет за счет более широкого включения устаревших, специальных, просторечных и областных слов, так или иначе представленных в литературе XIX - XX вв. Очень важной отличительной его особенностью является помещение всех производных слов, засвидетельствованных в письменных источниках и реально существующих в устной литературной речи: Можно сказать, в словаре представлено все богатство словообразования русского литературного языка. В семнадцатитомном словаре учитываются также такие значения и употребления слов, которые опускаются в других словарях из-за краткости этих словарей, широко показываются разного рода сочетания слов, варианты грамматических форм и ударений (в том числе устаревшие, просторечные и пр.), приводятся гораздо больше цитат-иллюстраций, чем в других словарях, даются справки, в каком из прежних словарей то или иное слово было помещено впервые; имеются и некоторые другие особенности, составляющие специфику данного словаря».

— Федот Филин.

The prospect or the instructions of the Great Academic Dictionary was initially launched in 1937. WWII forced the editors to postpone the process of publishing the first volume by 8 years. The dictionary was published in 17 volumes during the years of 1948-1965 containing more than 120,000 (exactly 120,480) words. Therefore, 28 years have passed from the moment of the initial decision made to produce the dictionary. It took only 15 years for the readers to wait to see the last XVII volume, completing the entire set.

¹ См. Terminal Objectives XI under chapter "Мысли бесчисленного множества людей..." for complete credits of almost all who participated in the making of the GAD1, GAD2 and the new GAD.

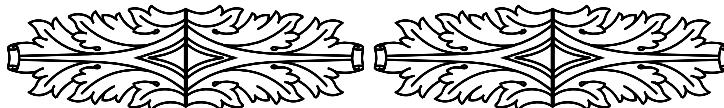
IVAN IVANOVICH LEPEKHIN (1740-1802)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

All the preparatory works planned for its second edition had failed due to fundamental changes in Russia. However, the new edition of the *Great Academic Dictionary* is successfully executed.

Since the year 2004, the beginning of its production, 21 volumes of the total 30 have been published just in nine years. The entire set is anticipated to be completed by the year 2018 or possibly earlier. The *Great Academic Dictionary* will contain close to 200,000 words. By far, the editorial staff of the *Great Academic Dictionary* is undoubtedly more reactive and responsible in comparison to the same work held and executed by the *French Academy* or *Berlin Academy* likewise.

The Stalinist era achieved the 17-volumed *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language*¹ and infected Leningrad and Moscow linguistic circles with “ideological war” Slavists and Communists (against some slavists) which left both sides crippled with no sensible outcome. Many academicians were executed, exiled to Siberia or had become part of a deeply rooted bureaucratic systemic corruption. Apart from this upheaval and nightmare, the dictionary project was finished quite successfully. The *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* or the *GAD1* was and still is the most cherished Russian dictionary all over the world.

The sudden collapse of the Soviet Union had caused so much damage to the entire Academy and the process of republishing the second edition of the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language*. The bitter taste of the second edition of the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* or the *GAD2* is still evident. Had Joseph Stalin been still alive, then the *GAD2* would have been finished with no problem or «как миленький»... There are 100 thousand disappointed owners of this dictionary. However, on a positive note, this could make a great Soviet lexicographical memorabilia in years to come as a perfect example of the dysfunctional state of the Soviet Union.

The preface to the *Great Academic dictionary* indicates the following valid excuse for the previously unfinished business: «Социальные, политические, экономические изменения в жизни общества в конце XX века оказали существенное воздействие на язык. Появилось много новых понятий и, следовательно, слов, их обозначающих, произошла актуализация сфер деятельности экономики, банковского дела и т.п., терминология которых ранее находилась на периферии литературного языка или рассматривалась как специфически профессиональная, но теперь вошла в обиходную речь общества. Вновь широко стали употребляться в речи слова, которые в 30 - 80-е годы XX века оценивались как устаревшие. Так возникла задача подготовки нового толкового словаря, отражающего языковое сознание общества последних десятилетий XX века, - «*Большого академического словаря русского языка*»².

However, time marches on forward (C. Gorbachevich, A. Gerd, 2004). Many critics are still attached to the fact of what happened during the XX century lexicographical period.

The XX century is simply over. It was started and filled with great events, continued its course dramatically and ended tragically leaving behind unimaginable problems that effected on the “natural” process of the *continuity* in life, history, and especially in lexicography. Therefore, the *Academy* had no choice left behind by

the past to make this transition period as smooth as possible. The chance was to start all over again! Previous life and lexicography in the XX century had left no reasonable bridges behind to continue lexicographical achievements together in the XXI century.

The Marxist-Leninist *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* is a complete self-sufficient and well developed closed circle on its own for the time being. The problem of continuity becomes amply obvious particularly when lexicographical materials and facts have to be defined and re-defined for the XIX century. Thousands of words and word combinations used on a daily basis representing socialist political and economic order (i.e. *абсентеизм, абсолютизм, автократия, авторитет, анархизм, библия, бойкот, гегемония, гласность, глобализация, глобальный, господство, демократия, евангелия, империализм, индустриализация, инициатор, кандидат, капитализм, класс, колхоз, коммунизм, консенсус, король, коррупция, кризис, лидер, меритократия, монополия, многосторонность, общество, общественный, пацифизм, перестройка, политбюро, политическая власть, плутократия, политический плюрализм, противоречие, рабство, репрессия, рынок, собственность, социализм, средства производства, труд, сталинизм, урбанизация, феодализм, чиновник, экономический кризис, эксплуатация* etc.) have appeared in a vulnerable state of “no outlet” boxes caused by ideologically prepared the definitional system. Almost 100 [1917-1991] years of Russian literature, language, history, science, press, television, textbooks were exacerbated by the ideological flood of vocabulary praising socialist and communist doctrines. However, this particular period of lexicography will be a part of a new dictionary, the *Dictionary of the XX Century of the Russian Language* (in-vitro project).

«Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?»^{3&4}.

§ 10 КРИТИЧЕСКИЕ РЕЦЕНЗИИ НА БАС

The urge of reviving some critical *essays* from the mid XX century was becoming very essential. Not only have *Academic Dictionaries* become very difficult to find, but also critical essays on academic lexicography have almost vanished. For this reason, carefully chosen and edited research material is included in the body of this monograph representing extremely harsh critical reviews of academicians Victor Vinogradov and Fedot Filin et al.

¹ Some sources indicate as *The Dictionary of Modern Russian Literary Language* which is incorrect translation into English. *Modern* is called a period in history and literature beginning with the *Age of Enlightenment* and the conclusion of the *Baroque period* in the XVIII century, succeeding the *Renaissance* and *Early Modern periods*. Whereas, *Contemporary* is a period in literature with its setting generally after the 1930's to the present day (up to year 2000).

² *Большой академический словарь русского языка* (далее БАС3), том 1, страница 4, Москва & Санкт-Петербург, 2004.

³ См. Joseph Stalin, *Marxism and Problems of Linguistics. Приложение*. Статья И. Сталина фактически завершила дискуссию о так называемом «Новом учении о языке» Н. Я. Марра, которую проводила газета с 9 мая. Дискуссия в «Правде» началась неожиданно, в разгар последнего наступления марксизма (шедшего с конца 1948 г.), которые в ходе масштабной «проработочной» кампании до сих пор одерживали верх (в том числе административными средствами, вплоть до увольнения) над всеми действительными и мнимыми оппонентами. Выступление Сталина повернуло кампанию на 180 градусов: вместо очередной волны проработок и, возможно, репрессий против оппонентов «Нового учения» сам марксизм был окончательно развенчан и сошел со сцены.

⁴ И. В. Сталин И.В. *Марксизм и вопросы языкознания*. Сессия отделений общественных наук Академии Наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Издательство Академии наук СССР, 1951 г.

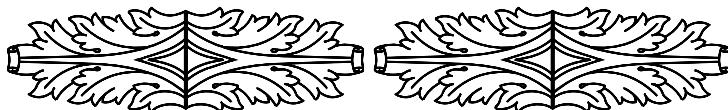
FEDOR IVANOVICH YANKOVICH DE MIRIEVO (1741-1814)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

whose essays probably have not seen the light of day for the last 50 years or so. Some of these essays were written during the “Linguistic war” between Leningrad and Moscow, dogmatic communists accusing Slavists. Therefore, hostility is what the reader may find in the subject of the essays.

■ БАС1: «Эссе, нескл., ср. Очерк, трактующий литературные, философские, социальные и т. п. проблемы не в систематическом, строго научном виде, а в свободной форме. [Тэрэн] привлёк к работе.. в качестве военного корреспондента Фридриха Энгельса, экономиста, давшего непревзойдённые образцы корреспондентских «эсэ». Павлен. Баррикады.

— С иным напис: Эссэ (прим. см выше).—

БСЭ: эссе; Слово, иностр. слев. 1949. эссе — Франц. essai¹.

During that period a review was understood by putting the lexicographical material under the “microscope”. This is not the case now! A large publication like the GAD is impossible to review like Victor Vinogradov, Fedot Filin and others did. In the mid XX century a particular critical style was employed by the Moscow Linguistic Circles to criticize the GAD “a la Vinogradov”. However, this is not the style we are going to employ today to review the *Great Academic Dictionary*!

The Great Academic Dictionary is immune to criticism! The critical essays of the past, regarding the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* are still current and can still be used against the *Great Academic Dictionary*. Based on our thorough examinations of the Academic Dictionaries, and especially the new GAD (GAD3), volumes 1 through 21, and the entire array of critical essays about them, nothing abnormal was found about the GAD3 but the following three points of flaws:

■ some minor typographical errors;

■ One example only: совсем узкоспециальное слово ГЛОССЕМАТИКА повторяется ошибочно 6 (шесть) раз подряд! Это слово представляет не терминологию ядерной физики или космической медицины! Это-ж чисто лингвистическое слово...

■ scattered or ununified style within the referential/etymological zone. Пароки в этимологической зоне БАС.

■ referrals, ссылки слова. What is the reason of trying to save space in an already colossal dictionary like the GAD? Читатель вообще не любит гоняться по словарным статьям словаря большого размера.

■ Слова с окончанием -ация всегда ведет читателя ссылаками к глаголам, которые часто семантически не оправдывают актуальное значение слова.

■ Example: слово «Глобализация». Это слово даже теряет свое значение из-за бесконечных ссылок.

■ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, и, с. ж., 2. в мировой экономике Процесс усиления власти (в основном англо-американских) транснациональных корпораций и монополистических компаний за счёт резкого ослабления или уничтожения национально - государственного суверенитета путём экономического оккупации эксплуатационного характера для данного государства и народа целиком как жетва третьего мира [ММК]»².

“Such defects are not errors in orthography [or in definition — ММК], but spots of *barbarity* impressed so deep in the <...> language, that criticism can never wash them away; these, therefore, must be permitted to remain untouched: but many words have likewise been altered by accident, or deprived by ignorance, as the pronunciation of the vulgar has been weakly followed; and some still continue to write variously, as authors differ in their care or skill: of these it was proper to inquire the true orthography, which I have always considered as depending on their derivation, and have therefore referred them to their original languages: thus I write *enchant, enchantment, enchanter, after the French, and incantation after the Latin; thus entire is chosen rather than intire, because it passed to us not from the Latin integer, but from the French entier.*”³.

§ 11 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БАС

Большой академический словарь написан аккуратно и добросовестно.

«Всю жизнь я думал, что лексикография — это наука. А теперь все больше убеждаюсь, что составление словаря — искусство».

— С. И. Ожегов (1900-1964).

During the process of reviewing the *Great Academic Dictionary* several popular lexicographical works i.e. *Das Deutsche Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, the Oxford English Dictionary, Webster's Third New International Dictionary* and particularly *le Dictionnaire de l'Académie française* and *Émile Littré's le Dictionnaire de la langue française* were used as a **comparison source**. However, none of the above mentioned dictionaries can stand a chance to be compared to the *Большой академический словарь*. The *Great Academic Dictionary* is a strictly normative dictionary of an active type whereas all the other dictionaries are prepared on historical or etymological principles.

The GAD is a superlatively flexible supreme lexicographical instrument, regardless of its total voluptuous *gabarit*. It could be used for swift supercharged maneuvers throughout the entire dictionary. The OED⁴ is not equipped with that option, and therefore, it takes 7-10 times longer to look up a word as compared to the same search using the *Great Academic Dictionary*!

Apparently, the GAD is mistakenly compared to the OED. However, only the lexicographically challenged would make such a mistake. Supposedly, if the GAD and the OED are erroneously compared to one another, then it would be something like Black versus White, or Queen Victoria versus Catherine the Great! Moreover, the GAD sounds like *Le Clavier bien tempéré* of Johann Sebastian Bach by Nikolayeva⁵, whereas the OED is like a *Chinirican Operettic Saga* or a *New Roman Endless Melodrama*.

Nevertheless, the GAD is type-set in beautiful Школьная⁷ гарнитура or Scholar⁸ font which makes the GAD easily legible and it gives the reader the feeling of being at school again, a place where one learns more about words and every social aspect related to them. Hence, the reader of the GAD feels like a little student juxtaposed against the GAD³ [in cubel].

¹ БАС, *Словарь современного русского литературного языка*, том XVII, столб. 1921, Москва, Ленинград, 1965.

² [Новый] *Большой Академический Словарь Русского Языка*, том 4, страница 156, Москва & Санкт - Петербург, 2006.

³ Samuel Johnson, *A Dictionary of the English Language*, Preface, § 11, 1755, London.

⁴ The OED: *The Oxford English Dictionary, Volumes I-XX, Second Edition*, Clarendon Press, Oxford, 1989.

⁵ cf. DC-10 N101AA of the XX century versus Sukhoi Super-jet SN 95007 of the XXI century.

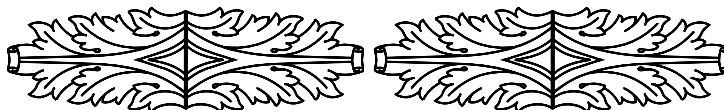
⁶ Tatiana Nikolayeva (1924-1993), a Russian Soviet virtuosa pianist, composer of the XX century, a distinguished Piano Professor at Moscow Conservatory after Pyotr Tchaikovsky from 1965 until 1993. The most professional Bach Virtuosa Assoluta Soviet pianist in the world. A teacher for over four decades, Nikolayeva taught many prominent pianists and worked closely with the young Nikolai Lugansky, who went on to great international acclaim.

⁷ ШКОЛЬНЫЙ: значение 1. // *Связанный с пребыванием, обучением в школе [БАС - как школы]*, *Словарь русского языка*, МАС, том IV, страница 721, Москва & Ленинград, 1988.

⁸ SCHOLAR: sense 1.b. One who is receiving, or has received, his instruction or training from a particular master, a pupil (of a master), The Oxford English Dictionary, volume XIV, page 629, Clarendon Press, Oxford, 1989.

ALEXEY IVANOVICH VASILEV (1742-1807)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1796)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1801)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

Примечание. In a cube as in trigonometry. From Euclid's Elements, Εὐκλείδης, Κύβος: Χαρακτηριστικὸν παράδειγμα κύβου στην καθημερινή ζωή είναι το σχήμα ενός τυπικού ελληνικού περιπτέρου, αν εξαιρεθεί η τέντα. Άλλο παράδειγμα είναι το σχήμα των ξαριών, αν εξαιρεθούν οι στρουγγυλεμένες άκρες. Στην κρυσταλλογραφία μία από τις βασικότερες δομές είναι η κυβική.

In unison, the GAD is **not** the third edition or la troisième édition of something that had previously been already published twice. For all that, this is not a flat old dictionary. Indeed, "the GAD is a very new and dynamic academic dictionary in its third, stereometric dimension. Once again, it comes to prove that language is a simply complex movement, equipped with the Cartesian Z coordinate, rather than a movement that takes lexicography further through the X and Y coordinates only: complications are a result of imperfection, as opposed to perfection which is a product of simplicity. A factual dissertation on 'The Philosophy of Understanding' is long overdue. And why? Isn't the ideal dictionary the final answer by itself to this, if a sound mind is applied to the language and its lexicography or the GAD?" (M. Karamian, Anglology).

Notwithstanding, well arranged language is nothing more than the art of reasoning [philosophy], or simply "the art of reasoning [philosophy] is nothing more than a language well arranged"¹.

Russian academic lexicography keeps scarcely minimum amounts of material of encyclopedic or terminological origin, strictly maintaining its philological status by promoting Russian grammatical and literary norms of the period of its domain. Historicism is not under the Great Academic Dictionary's spotlight. The Great Academic Dictionary is all about grammatical, syntactic, semantic, phraseological and **mainly functional aspects of the Russian language** from Pushkin's period to the contemporary times of the present day: from late XVIII to early XXI centuries.

The following lexicographical works were used and examined professionally in order to possibly have some material to compare against the GAD:

- *Das Deutsche Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm* commenced its first word ever since 1838 (first volume was published in 1854). It was originally planned to be produced in 6-8 volumes during the next 10 years. However, the completion took first the Prussian Academy and later the Berlin Academy 123 long years in 32 volumes containing 350,000 main entries to its completion. Only 70-100 people are known who own all 32 volumes together under one roof. The second edition was initiated in 1957. Presently, the letters A-F are expected to be completed in 2012 leaving no chance or hope to see the end of this vicious lexicographical project involving both East and West Germany lexicographical potentials to finish *Das Deutsche Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm* finally one day.

- The *Oxford English Dictionary*, initially named as *A New English Dictionary on Historical Principles* was a project planned by the London Philological Society in 1857. The letter A was published in 1888. It took 71 years to complete the OED in 12 volumes from 1857 to 1928. In 1933 a palliative method of publishing a Supplementary volume was introduced to the set. Then the third phase was realized between the years of 1933-1986 by publishing 4 volumed Supplements between the years of 1957 and 1986 to supersede and supplement the Supplement of 1933 in one volume taking another 29 long years. Thus, the entire process of the actual publishing of the Oxford English Dictionary took 132 years with the aid of almost 5000 volunteers (readers) not including the editors. By this time the text of the *Oxford English Dictionary* was scattered through its 12

volumed main set and 2 additional different Supplements in 1 (1933) and 4 (1957-1986) superseding volumes respectively making a total of 16 volumes. The *New OED Project* was launched in 1982. Only in 1989 the editorial staff of the *Oxford English Dictionary* amalgamated and merged the main set and its two sets of Supplements with minor corrections and major additions and achievements of the *Webster's Third New International Dictionary* together with almost 290,500 main lexical units (157,000 combinations and derivatives, 169,000 phrases and combinations, making a total of 616,500 word-forms) in 20 large volumes by calling it the second edition of the OED. In reality, it is still the first edition completed, or second print of the first edition with additions and corrections. The OED was not re-edited. Therefore, calling it the "second edition" of the OED sounds very dubious.

This dictionary shows a somewhat clear picture of the English language during the last 10 centuries. The *Oxford English Dictionary* or "the endless Kabuki of the English Language" as the English speakers describe, has not been well received by the majority of native English speakers. It has been appreciated only by anglophiles. The OED is not approved by the US Department of Education or the Unified School Districts for being utilized in public or secondary school libraries due to the inclusion of coarse, vulgar and profane vocabulary and expressions within its word selection.

The OED is too large and the font chosen for the print is too fine. The reader could get easily lost and distracted from the main reason of his pursuit of opening the dictionary. The omnivorous English language like a big pig rests in those 20 heavy and cumbersome volume set which is not designed for enjoying peaceful moments! It refuses to give joy to the reader.

The dictionary was published in 3 different qualities suggesting still the same. The price is arranged accordingly from \$700.00 (low quality) to \$7,000.00 for Oxford Blue shrunk goat leather DeLuxe Edition with 24 karat gold foiled three sides.

The end result of the sales statistics shows that the Oxford English Dictionary is sold in a very small number of copies of sets totaling only 30,000 sets worldwide.

The editorial group is preparing the third edition of the *Oxford English Dictionary* which will be ready by the year 2037 in 40 volumes, strangely including street examples of English usage and quotations from rock and rap singers, examples from African American Vernacular English (or Ebonics). This edition is not guaranteed to have a firm future and will not be available for the mass reader in a printed version. It will be available only in electronic format.

Despite its claim of authority² on the English language, the *Oxford English Dictionary* has been criticized from various angles. Indeed it has become a target precisely because of its massiveness, its claims to authority, and above all its influence on the English language and its lexicography. In his review of the 1982 supplement, University of Oxford linguist Roy Harris writes that criticizing the OED is extremely difficult because "one is dealing not just with a dictionary but with a national institution", one that "has become, like the English monarchy, virtually immune from criticism in principle"³. Harris also criticises what he sees as the "black-and-white lexicography" of the *Dictionary*, by which he means its reliance upon written printed language over spoken, and then only privileged forms of printing. He further notes that, while neologisms from respected "literary" authors such as Samuel Beckett

¹ Antoine Lavoisier (1743-1794), *Treatise on Elements of Chemistry, Preface*, page 13, Translated by Dr. Robert Kerr, British Empire, Edinburgh, 1790.

² Liz Thompson (December 2005). "Pasadena: A Brand New System for the OED". *Oxford English Dictionary News* (Oxford University Press): p. 4. Retrieved 28 March 2011.

³ *ibid*.

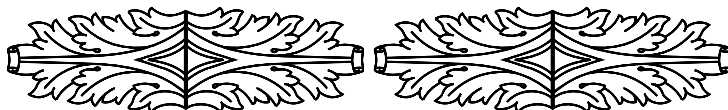
PETER BORISOVICH INOKHODTSEV (1742-1806)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1785)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

and Virginia Woolf are included, usage of words in newspapers or other, less "respectable", sources hold less sway, although they may be commonly used.¹ *The Oxford English Dictionary* serves little purpose as a tool for mass education. It serves as a national *lexicographical* icon. The second edition of the Oxford English Dictionary is dedicated to Queen Elizabeth II for Her Majesty's "active involvement" in promoting "the Queen's English".

■ The first edition of *le Dictionnaire de l'Académie française* was published in 1694. This particular dictionary has survived nine consecutive editions. The 8th edition of 1935 contained approximately 35,000 words. The Académie continues working on the ninth edition as of 1986. During the last 26 years the first volume (A to Enzyme) was published in 1992 and the second volume (Éoc - Map) in 2005. The finalized ninth edition is expected to contain more than 50,000 words in possibly 4-5 volumes. This dictionary is the best. However, it is the slowest one could possibly imagine. The reader **will not** wait 75 years to have this particular dictionary.

■ *Le Dictionnaire de la langue française* is a very well known academic dictionary of the French language of an etymological and normative type, and is simply called **Littre** after its principal author, Dr. Émile Maximilien Paul Littré. The first edition of **Littre** was published in 4 volumes in 1863 followed by its second edition between 1872-1877. Later its Supplement was published in one volume. The structural scheme of this particular dictionary is as follows:

- Nomenclature des mots;
- Classification des significations des mots;
- Prononciation;
- Exemples tirés des auteurs classiques ou autres;
- Remarques;
- Définitions et synonymes;
- Historique;
- Patois ; Langues Romanes;
- Étymologie.

During the review of the *Great Academic Dictionary*, **Littre** was thoroughly examined along with the *Oxford English Dictionary*, *Das Deutsche Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm* et *le Dictionnaire de l'Académie française* to be able to make **a conclusive determination** about the *Great Academic Dictionary*. However, it became very clear that none of the comparative sources can hardly resemble the originality of the *Great Academic Dictionary*. The GAD has some little common similarities with the above mentioned European rivals. In the meantime, the *Great Academic Dictionary* manifests its very sharp differences and unique features which has not been the case of any other remotely similar publications.

Примечание. ЛИТРЕ (Littré) Максимилиан-Поль-Эмиль (1 февраля 1801, Париж — 2 июня 1881, Париж) — французский философ, врач, писатель, филолог, политический деятель. Член Французской академии (1871), член Академии изящной словесности (1839), член Французской медицинской академии (1858). С 1871 — член Национального собрания Франции, с 1875 — пожизненный сенатор.

Творческая деятельность Литтре многогранна. После блестящего окончания Лицея Людовика Великого он работает в больницах Парижа в качестве практикующего врача. Автор "Медицинского словаря", работы "Медицина и медики" (1872) и полного перевода трудов Гиппократ (в 10 т., 1839—61). Одновременно изучает древние языки, в т. ч. восточные, пишет

"Историю французского языка" (в 2т., 1863) и составляет "Словарь французского языка" (т. 1—2, 1863—69).

Литтре — составитель лучшего из существующих словарей живых языков и наиболее энциклопедичный из всех французских ученых после Дидро. Сын морского артиллериста, большого вольнодумца, окончил курс медицинской школы, но, оставшись после смерти отца опорой семьи, стал для приобретения средств к жизни давать уроки латинского и греческого языков. Во время июльской революции 1830 г. Литтре сражался на баррикадах. Был сотрудником "National" Карреля и "Revue des Deux Mondes". Издание I т. сочинений Гиппократ (1839) сразу создало Литтре репутацию первоклассного ученого; в том же году он был избран членом академии надписей. В это же время он познакомился с трудами Огюста Конта, чтение которых, по собственному его признанию, составило "поворотный пункт в его жизни". Он сблизился с Контом, решил популяризировать его идеи в целом ряде статей, а в то же время продолжил издание Гиппократ (до 1862 г.), издал "Historia naturalis" Плиния, после 1844 г. заменил Фориеля в комитете по изданию "Histoire littéraire de la France". Во время революции 1848 г. он боролся против крайних партий. Его статьи, за это время помещенные в "National", были им собраны и изданы в 1852 г. под заглавием "Conservation, Révolution et Positivisme". В последние годы жизни Конта Литтре несколько отделился от Конта, не разделяя его новых взглядов; о последнем их несогласии см. После смерти Конта Литтре свой взгляд на позитивизм изложил в "Paroles de Philosophie Positive" (1859) и более подробно в "Auguste Comte et la Philosophie positive" (1863). Здесь он выводит идеи Конта из учений Тюрго, Канта и Сен-Симона и делает оценку его философии. Метод Конта Литтре горячо защищает от нападок Джона Стюарта Милля, но скептически относится к его "религии человечества" (ср.). С 1867 г. Литтре издавал вместе с Вырубовым (см.) журнал "Philosophie positive". С 1863 г. Литтре занялся составлением большого словаря французского языка. В том же году он выставил свою кандидатуру во французскую академию, но был отвергнут, так как слыл за главу французских материалистов. После падения империи он по приглашению Гамбетты читал лекции по истории в Бордо. В декабре 1871 г. Литтре был избран членом французской академии, несмотря на усиленную оппозицию Дюпанлу. Словарь Литтре закончен был в 1873 г. Избранный пожизненным сенатором, Литтре написал несколько статей в защиту республики. В 1879 г. он перепечатал свою книгу "Conservation, Révolution et Positivisme", приложив к ней категорическое отречение от многих доктрин Конта, и издал небольшой трактат "Pour la dernière fois", в котором выражал свою неуклонную верность материализму. Когда стало ясным, что старику Литтре осталось жить недолго, жена и дочь его, ревностные католички, приложили все старания, чтобы обратить его в свою религию. Литтре имел долгие свидания с патером Мильерио, знаменитым контрверсистом; но представляется весьма невероятным, чтобы Литтре на самом деле изменил свой образ мыслей. Похороны его совершены по католическому обряду. Как философ, Литтре развил и популяризировал идеи Конта и был основателем особого направления в позитивизме (см.); как лексикограф, его сравнивали с Сам. Джонсоном (см.), но словарь его настолько превосходит словарь Джонсона, насколько филологическая наука XIX в. превосходит науку XVIII ст. Как писатель по разнообразнейшим вопросам, он занимает до сих пор видное

¹ * (ibid.) Harris 1982, p.935.

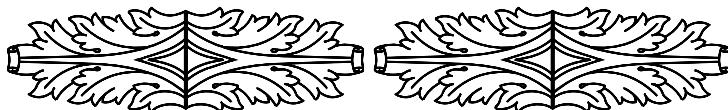
VASILII GRIGOREVICH RUBAN (1742-1795)

RUSSIAN WRITER

LATINOPHILE AND TRANSLATOR

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

место между современными французскими учеными и публицистами. Важнейшие из многочисленных его книг и статей, кроме упомянутых выше: по филологии - "Histoire de la langue française" (1862); по медицине - новое издание "Dictionnaire de médecine, de chirurgie etc.", Nysten'a (1855); по философии - "Analyse raisonnée du cours de philosophie positive de Mr. A. Comte" (1845), "Application de la Philosophie positive au Gouvernement" (1849), "La Science au point de vue philosophique" (1873), "Fragments de philosophie et de sociologie contemporaine" (1876) и др.; смешанного содержания - "Etudes et Glanures" (1880), "La V érité sur la mort d'Alexandre le Grand" (1865), "Etudes sur les barbares et le moyen-âge" (1867), "Médecine et Mé dicins" (1871, есть рус. пер.), "Litt ération et Histoire" (1875), "De rétablissement de la troisième ré publique" (1880). Кроме того, он перевел "Жизнь Иисуса" Штрауса (1839-40), издал с примечаниями сочинения Арман Карреля (1854-58) и полное собрание сочинений Конта (с 1867 г.). На русский язык переведен ряд его статей под заглавием "Аббатство, Монахи и Варвары на Западе. Падение Римской Империи" (Киев, 1889). См. появившиеся в 1881 г. статьи Durand-Gréville ("Nouvelle Revue"), Caro ("Revue des Deux Mondes") и Frédéric Godefroy ("Lettres chré tiennes"); Kapo, "Э. Литтре и позитивизм" (М. 1884; также в "Русской Мысли" 1883, 1-5); П-в, "Позитивная школа философии, истории и новая книга Литтре".

The sources in Russian are as follows:

- **The Dictionary of the Russian Academy**, volumes I-VI, St. Petersburg, 1789-1794;
- **The Dictionary of the Russian Academy**, second edition, the Dictionary of the Russian Academy in Alphabetical Order, volumes I-VI, St. Petersburg, 1806-1822;
- **The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language** or *the Dictionary of 1847*, volumes I-IV, St. Petersburg, 1847;
- **The Dictionary of the Russian Language** under the editorship of Jacob Grot et al., St. Petersburg, 1891;
- **The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language** or *the GAD1*, volumes I-XVII, Moscow & Leningrad, 1948-1965;
- **The Dictionary of Contemporary Russian Literary Language** or *the GAD2*, volumes I-VI, Moscow & Leningrad, 1990-1994;
- **The Dictionary of the Russian Language** or *the PAD1, PAD2, PAD3 and PAD4* [Petite Academic Dictionary], volumes I-IV, 1957-1961 (second enlarged and supplemented edition, 1981-1984; third edition with corrections, 1985-1988 and forth stereotypical edition, 1999), Moscow & St. Petersburg;
- **The Dictionary of Synonyms of the Russian Language**, Volumes I-II, Moscow & Leningrad, 1970-1972; second stereotypical print by the Institute of Linguistic Studies, Moscow & St. Petersburg, 2003;
- **The Great Academic Dictionary of the Russian Language** or *the GAD3*, volumes 1-30, Moscow & St. Petersburg, 2004-... (publication continues, volumes 1 - 21 are published as of 2013).
- **Словарь русского языка XVIII века**, Выпуски 1-17 (издание продолжается) / Академия Наук СССР, Институт русского языка; — Ленинград: Наука. Ленингр. отделение; Институт русского языка, Словарное отделение, Ленинград/Российская Академия Наук, Институт Лингвистических исследований, Издательство «Наука», Санкт-Петербург, 1984-2007;

▪ **Словарь русских народных говоров**, Выпуски 1-42 (издание продолжается), Институт русского языка, Словарное отделение, Ленинград/Российская Академия Наук, Институт Лингвистических исследований, Издательство «Наука», Санкт-Петербург, 1965-2008;

▪ **Большой академический словарь русского языка**, томы 1 - 15 (издание продолжается), Российская Академия Наук, Институт Лингвистических исследований, Издательство «Наука», Санкт-Петербург, 2004-2011;

▪ **Словарь русского языка XI - XVII вв**, Выпуски 1 - 27 (издание продолжается), Академия Наук СССР, Институт русского языка/Российская Академия Наук, Институт русского языка им В. В. Виноградова, Издательство «Наука», Москва, 1975-2006;

▪ БАС1: «Сравнительный, ая, ое; лен, льна, о. 1. Основанный на сравнении, на установлении соотношений между различными явлениями путем сопоставления их. Сравнительный метод. Сравнительное изучение языков. □ [Кьюве] сделался главным основателем обновленной сравнительной анатомии и ввел анатомический элемент в зоологию. Мечн. Очерк вопр. о происхожд. видов, 2. Что сказать о таких приемах сравнительного статистического исследования? Плеханов, Наши разногласия, II, 2.

2. Полученный в результате сравнения. Сравнительные данные. □ Вопрос о сравнительной цене съестных припасов с каждым десятилетием становится существеннее и важнее. Писар. Физиол. эскизы Мошеотта, 6. Еще нагляднее, однако, относительное обнищание рабочих, т. е. уменьшение их доли в общественном доходе. Сравнительная доля рабочих в быстро богатеем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры. Ленин, т, 18, с. 406. Общий итог по двум разделам работы педагога должен быть сведен к демонстрации учащемуся сравнительных результатов задуманной роли и ее экранного воплощения. Юткевич, Четыре беседы о киноискусстве, 1. ◇ Сравнительный с чем-либо. В нескольких словах он обрисовал общее положение в совхозе, назвал сравнительные с довоенными цифры в энергетике, в кадрах, в посевной площади. Шолох.- Синяв. Волгины, VI, 6.

3. В грамматике — выражающий сравнение, служащий для сравнения. Сравнительный союз. □ В отличие от сравнительного придаточного предложения сравнительный оборот... является только частью простого предложения, так как не содержит в себе никакого утверждения. Грамм. русск. яз. АН СССР, II, § 1558. ◇ Сравнительная степень. Форма качественных имен прилагательных и наречий, указывающая на то, что названное качество свойственно данному предмету в большей мере, чем другому. Сравнительная степень указывает на большую степень развития данного признака. Шахм. Синт. русск. яз. II, § 568.

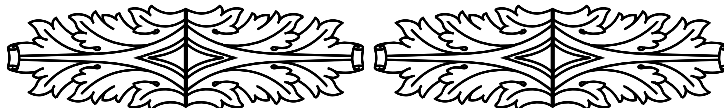
4. Некоторый, умеренный, относительный. В это тяжелое время рудник являлся для меня единственным местом отдохновения и сравнительного душевного покоя. Мелып. В мире отверж. 1. Маленьким мальчиком он еще жил в сравнительном достатке. У него был даже «гувернер». Щепк.-Куперник, Театр в моей жизни, 10. До конца мая на Северном Кавказе было сравнительное затишье. А. Н. Толст. 18-й год.

Сравнительно, нареч. 1. Нареч. по 1-му знач. Изучать явления сравнительно.

¹ "Вестник Европы" 1868, № 5.

PRINCESS CATHERINE ROMANOVNA DASHKOVA (1743-1810)
PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783-1796)
THE INITIATOR OF THE LETTER Ё
EDITOR-IN-CHIEF OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF HILLWOOD MUSEUM, WASHINGTON)

2. Если сравнивать, сопоставлять с кем-, чем-либо. «Сравнительно с кем-, чем-либо. Кажется мне, я пользуюсь между моими товарищами-учениками уважением. Конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияния мой, сравнительно с ними, солидный возраст. Гарш. Художники, 3. Руки его были коротки сравнительно с туловищем. М. Горький, Жизнь Кл. Самгина, II.

3. В известной мере, до некоторой степени; относительно. Несмотря на сравнительно ранний час, Разъезжая была совсем пустынно. Салт. В среде умеренности.. II, 1. Воинский поезд идет быстро и стоит на станциях сравнительно недолго. Чех. Холодн. кровь. Новая стоянка отряда была удобна еще тем, что находилась сравнительно недалеко от тракта Г. Марков, Строговы, II, 12.

—Поликарпов, Леке. 1704: сравнительный, сравнительнъ ; Росс. Целлариус 1771, с. 419: сравнительный, сравнительно»¹.

The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language. Compiling a new dictionary does not happen simply by itself. All well received and popular dictionaries in the world have two common factors upon which the new dictionary is based and built:

- for this purpose a new card index system is specially created;
- carefully chosen sources are used on the bases of which the new lexicographical toil is commenced.

Carefully chosen sources are considered as the previously published successful dictionaries. In the case of the GAD1, *The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language* was sourced as a primary reference along with Academician Jacob Grot's *Dictionary of the Russian Language*:

■ **Словарь русского языка под редакцией Я. К. Грота, том 1 (А - Д), Санкт - Петербург, 1891 - 1895 гг.**

Academician J. Grot sourced *The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language* in order to compile the first volume of the *Dictionary of Russian Language*. In his turn, whilst Academician Alexander Vostokov was compiling *The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language* mainly the second edition of *The Dictionary of Russian Academy in alphabetical order* was sourced:

■ Словарь академии российской по азбучному порядку расположенному, Части I - VI, Санкт - Петербург, 1806-1822 гг.

This particular dictionary is the second edition of the *Словарь академии российской* which was published by the Russian Academy in St. Petersburg between the years of 1798 - 1794:

■ Словарь академии российской, Часть I (А-Г), Санкт - Петербург, 1789;

■ Словарь академии российской, Часть II (Г-З), Санкт - Петербург, 1790;

■ Словарь академии российской, Часть III (З-М), Санкт - Петербург, 1792;

■ Словарь академии российской, Часть IV (М-Р), Санкт - Петербург, 1793;

■ Словарь академии российской, Часть V (Р-Т), Санкт - Петербург, 1794;

■ Словарь академии российской, Часть VI (Т-Я), Санкт - Петербург, 1794.

§ 11.1 THE FIRST LEXICOGRAPHICAL SOURCE FOR THE GAD

*The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*² is definitely the second best event that ever happened to the Russian people and Russian lexicography after the arrival of the Cyrillic and Glagolitic alphabets which were brought to Russia by the Cyril and Methodius brothers through Bulgaria³ from Thessaloniki. The Glagolitic alphabet is most likely sourced from the Armenian alphabet invented by St. Mesrop, the creator of the Armenian, Georgian and Old Udi scripts, as well. "The number of letters in the original Glagolitic alphabet is unknown, but it may have been closer to the Greek model. The 41 letters known today include letters for non-Greek sounds which may have been added by Saint Cyril, as well as ligatures added in the XII century under the influence of Cyrillic, since the Glagolitic alphabet partially had lost its dominance"⁴.

The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language was published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences in 1847 in four volumes, containing 114,749 words of bookish and colloquial character:

■ Словарь церковно-славянского и русского языка, том I (А - Ж), редакторы тома В. А. Поленив и П. А. Плетнев, Санкт - Петербург, 1847;

■ Словарь церковно-славянского и русского языка, том II (З - Н), редакторы тома А. Х. Востоков* и Я. И. Бередников, Санкт - Петербург, 1847;

■ Словарь церковно-славянского и русского языка, том III (О - П), редакторы тома, М. Е. Лобанов и К. И. Арсеньев, Санкт - Петербург, 1847;

■ Словарь церковно-славянского и русского языка, том IV (С - Я), редакторы тома И. С. Кочетов и В. И. Панаев, Санкт - Петербург, 1847.

* Из числа ученых, принимавших участие в паботе над Словарем 1847 года, один А. Х. Востоков бым филологом в строгом смысле.

Словарь церковно-славянского и русского языка, выпшедий в Императорской Академии Наук после ее слияния в 1841 году с Российской академией наук, ставшей Отделением Русского языка и словесности внутри Императорской Академии. В этом словаре была совмещена древнейшая и новая лексика. Издан он был в связи с растущей необходимостью упорядочить и систематизировать огромный словарный массив, с одной стороны обогатить, а с другой очистить от лишнних, «сорных» слов. Для достижения поставленной задачи требовалось глубоко изучить церковно-славянские и древнерусские письменные источники с момента их появления и исследовать живой современный язык. В предисловии кратко рассмотрена классификация языков, основные вехи развития русского языка, сформулированы задачи издания. В словарь вошло 114 749 слов, что было значительно больше, чем во всех предыдущих словарях. В издании принимали участие крупнейшие ученые-филиологи того времени академики В. А. Поленов, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, Я. И. Бередников, И. С. Кочетов и др.

This dictionary became the masterpiece of Russian academic lexicography of the XIX century. For the first time in the history of Russian lexicography, two similarly diverted, reverted and inverted languages, i.e. Church Slavonic and Russian were

¹ «БАС», *Словарь современного русского литературного языка*, том XIV, столб. 623-625, Москва, Ленинград, 1963.

² *Словарь церковнославянского и русского языка*, составлен Вторым отделением Императорской Академии наук, тт. I-VI, 1847; 2-е изд., 1867-1868, Санкт-Петербург.

³ Voltaire, *Philosophical Dictionary, Bulgarians*: "People in Bulgaria) were originally Huns, who settled near Volga; and Volgarians was easily changed to Bulgarians [who speak Church Slavonic]", volume II, page 64, First and Second English Editions, Covent Garden, London, 1824.

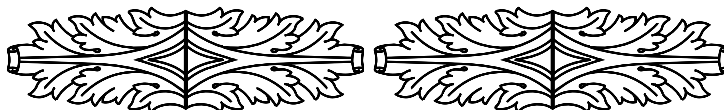
⁴ Честмир Лоукотка, *Развитие письма*, Москва, 1952.

Cestmir Loukotka, *«Vývoj písma»*, Praha 1946, from Armenian translation of Loukotka's «The Development of the Writing System», Yerevan, Armenia, 1955.

PRINCESS CATHERINE ROMANOVNA DASHKOVA (1743-1810)
THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783-1796)
CHAIRWOMAN OF THE EDITORIAL COLLEGIUM OF
THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY (1789-1794)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

conjoined together as one united language to be presented in this massive dictionary: содержащий в себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ церковнославянскихъ и древнерусскихъ рукописяхъ и книгахъ, а именно:

- священо библейскихъ книгахъ ветхаго и новаго завета;
- церковнобогослужебныхъ, напр. в октоихъ, тріодахъ, минеяхъ, часословѣ, псалтирѣ, молитвословѣ, требникѣ, ирмологіи, типиконѣ и проч.;
- духовнопоучительныхъ, напр. в прологѣ, патерикѣ, ч. минеяхъ, твореніяхъ св. отецъ, словахъ, бесѣдахъ, поученіяхъ, посланіяхъ и проч.;
- церковноканоническихъ и т.п. книгахъ древней духовной как переводной, так и самобытной письменности, а также
- въ памятникахъ свѣтской древнерусской письменности, как то: лѣтописяхъ, изборникахъ, судныхъ грамотахъ, уложеніяхъ, договорахъ, былинахъ, гл҃сныхъ, пословицахъ и др. поэтическихъ и прозаическихъ произведеніяхъ древнерусской письменности, начиная с X до XVIII вв. включительно.

Это пособие [предназначено]:

- для преподавателей русскаго и церковно-славянскаго языка;
- для занимающихся изученіемъ русскихъ древностей, филологическими разысканіями въ области исторіи и этимологіи родного языка и т. п. работами;
- для пастырей церкви, какъ совершителей богослуженія, законоучителей, проповѣдниковъ и миссіонеровъ и
- для всѣхъ, желающихъ стать въ сознательно-разумныя отношенія какъ къ языку матери-церкви, такъ и къ родному слову въ его современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ.

The main purpose of this work was to indicate the unity of old Russian, old Slavonic, Spiritual lexicon and new professional Russian, scientific terminology, foreign naturalized words and words in the process of being naturalized in the Russian language, conjoining [Spiritual, Slavonic, Russian and technical lexicon] together as one to regulate and systematize the enormous lexical mass of the Russian language. The other purpose of this dictionary was to enrich the Russian vocabulary and cleanse the language from unnecessary, corrupt and "polluted" words. Someone like Alexander Vostokov was required, who was extremely knowledgeable in Church Slavonic, old Russian written sources and the live common Russian language as well, in order to be able to complete this task as a lexicographical monument for centuries to come. *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка* was a great lexicographical success in its time which was realized and edited by an unforgettable name in Russian academic lexicography, Alexander Vostokov [et al.].

В составлении издания принимали участие крупнейшие ученые-филологи того времени академики В. А. Поленов, Александр Христофорович Востоков, Михаил Евстафьевич Лобанов, Яков Иванович Бередников, Иоаким Семёнович Кочетов и др.

Настоящее репринтное издание Словаря церковнославянскаго и русскаго языка, выпущенного в свет в 1847 г. в 4-х томахъ, состоит из двухъ книгъ, при этомъ Книга I включает тт. 1-2, а Книга II - тт. 3-4 издания 1847 г.

Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отделеніемъ императорской Академіи наукъ, является крупнымъ памятникомъ русскаго лексикографіи

середины XIX века. Работа по составленію словаря велась на протяжении 20 летъ (с 1827 по 1847 г.). Постоянными редакторами томовъ были:

- 1-го тома (А-Ж) В. А. Поленов и П. А. Плетнев;
- 2-го тома (З-Н) А. Х. Востоков и Я. И. Бередников;
- 3-го тома (О-П) М. Е. Лобанов и К. И. Арсеньев;
- 4-го тома (Р-Я) И. С. Кочетов и В. И. Панаев.

Вся система грамматической характеристики словъ в Словаре 1847 г. была разработана А. Х. Востоковымъ.

По объему словника, насчитывающаго 114 749 словъ, Словарь 1847 г. намного превосходитъ словари своего времени во многомъ благодаря тому, что включилъ лексику какъ современнаго русскаго языка, так и древнихъ памятниковъ церковной и свѣтской письменности XI-XVII вв., т.е. соединилъ в себѣ черты словаря и нормативнаго, и историческаго.

К достоинствамъ Словаря нужно отнести болѣе строгую дифференціацию лексики путемъ применения пометъ Церк. и Стар., тщательно разработанную систему пометъ, указывающихъ на сферу употребленія того или иного слова.

Нужно также отметить наличие в составѣ словника большаго количества фонетическихъ и орфографическихъ вариантовъ словъ.

Словарь 1847 г. по объему вошедшей въ него терминологической лексики и детальности ея классификаціи намного превосходитъ предшествующіе словари русскаго языка.

Словарь 1847 года заслужилъ высокую оценку исследователей: В. В. Розановой, Р. М. Цейтлина. Онъ является не только крупнымъ достиженіемъ русскаго лексикографіи XIX века и уникальнымъ компендіумомъ лексики церковнославянскаго и русскаго языковъ, но одновременно представляетъ собою настоящую сокровищницу русскаго языка.

Some 154 years later, Professor Alexander Heard with Irina Lutovinova and Aleksey Shchekin, colleagues from St. Petersburg State University successfully took the responsibility to re-publish this marvelous work, without changing or manipulating the original text, to commemorate Alexander Vostokov and his greatest irreplaceable achievement in Russian lexicography. The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language was re-published again though this time compressed into two volumes in the year of 2001 in St. Petersburg. This was a glorious victory in Russian lexicography reclaimed encore by Professor Alexander Heard [et al.].

Note. Compiled and edited by Alexander Vostokov (1781-1864) et al., at the *Second Branch of the Imperial Academy of Sciences*, containing 114,749 words in four volumes, published in St. Petersburg in 1847, followed by its second edition between the years of 1867-1868. *The Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*, prepared and republished unchanged by Alexander Heard, Irina Lutovinova and Aleksey Shchekin, St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, 2001, (ISBN 5-288-03009-X, ISBN 5-288-03008-1, Издательский домъ Санкт-Петербургскаго государственнаго университета).

§ 11.2 THE SECOND LEXICOGRAPHICAL SOURCE FOR THE GAD

"Language cannot be justified by history, but history is formulated by the language. Therefore, writing a normative dictionary on historical principles is like sealing the death certificate for it"¹.

- J. Rosenthal, M.D., Ph.D.

¹ Joseph Rosenthal, Archival Reports 145EPC/63, "Los Estudios Philologica Por la Causa", Havana, 1963.

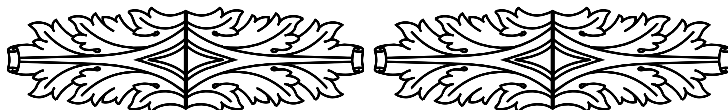
GAVRILA ROMANOVICH DERZHAVIN (1743-1816)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

После выхода в свет в 1847 г. *Словаря церковнославянского и русского языка* перед Вторым Отделением Академии Наук встал вопрос о *новом словаре русского языка нормативного типа*.

В 1886 году Второе Отделение Академии Наук возобновляет работу над словарем русского языка. Оно поставило перед собой две задачи:

- 1) приступить к приготовлению материала для словаря *литературного языка*, «в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова в хронологической их последовательности»;
- 2) признать необходимым переиздать прежний академический словарь, предварительно пересмотрев и исправив его, где это требуется, так как в Словаре 1847 года, наряду с множеством достоинств, есть немалые недостатки.¹

Главнейшей задачей, по мнению Я. К. Грота, было составление русского словаря, «который отвечал бы всем требованиям современной научной лексикографии и приближался к тому образцу, который преподавала литература этого дела словарями — немецким Гримма и французским Литтре»².

В заседании Второго Отделения АН от 24 октября 1886 года Я. К. Грот заявил, что с его точки зрения работа по переизданию Словаря 1847 года должна вестись «при непосредственном участии одного лица», «если в помощники ему будут избраны только молодые, достаточно подготовленные к тому ученые».

Назначение Я. К. Грота редактором *Словаря русского языка* было не случайным. Грот интересовался вопросами лексикографии с самого начала своей научной деятельности (в 1844 г., будучи профессором Гельсингфорфского университета, он редактировал двухтомный шведско-русский словарь, в 50 - 80-ые гг. XIX в. принимал активное участие в работе Второго Отделения АН над *Словарем русского языка* и т. п.). Его лексикографические взгляды отражены во многих работах (См. в его «Филологических изысканиях», т. 1, 1875 г. «Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка, Статьи о различных словарях под общим заголовком «К соображению будущих составителей русского словаря»). Я. К. Грот намеревался «представить общий обзор лексикографических трудов в Европе», — как пишет об этом А. В. Никитенко в отчете по отделению русского языка и словесности за 1858 год. К сожалению, этот замысел Я. К. Грота не был им полностью осуществлен. Круг лексикографических интересов Я. К. Грота был очень широк и разнообразен: его интересовал и словарь современного русского языка, и словарь местных наречий, и словарь народного языка (типа Словаря Даля), и словари языка писателя, и двуязычные словари, и сборники иностранных слов и т. д. Широкое знакомство Я. К. Грота как с русской, так и с западноевропейской лексикографической литературой, безусловно, помогло ему выработать четкую и ясную перспективу и принципы работы над *Словарем русского языка*. А интересы Я. К. Грота в области изучения лексического состава русского литературного языка, его стилистических и орфографических норм, нормализации русского правописания, исследования в области литературного ударения — определили тип и характер составлявшегося под его редакцией словаря, а

именно словаря русского литературного языка *нормативного типа*. С этого момента рождается замысел первого нормативного словаря русского языка.

Существенное отличие будущего издания академического словаря от прежних заключается в том, что это будет словарь собственно русского языка.

В этот период энергично велась работа по созданию *картотеки* словаря русского литературного языка. Обсуждался вопрос о том, каких произведения и каких авторов должны послужить источником для выборки цитат, причем совершенно справедливо на первом плане были произведения основоположника русского литературного языка А. С. Пушкина; выяснились все подробности, связанные с подбором иллюстративного материала — цитата должна представлять собой законченное предложение, хорошо раскрывать значение слова и т. п.; должно быть единообразие в сокращении названий авторов и произведений, из которых берется цитата.

Объяснительная записка Грота о новом издании академического словаря состояла из 6 разделов:

- 1) Объем словаря;
- 2) Порядок значения слов и относительная полнота словаря;
- 3) Определение значений слов;
- 4) Оправдательные примеры;
- 5) Объяснение чужезычных слов; и
- 6) Грамматические определения.

В разделе «Объем словаря» говорилось о том, что *нет необходимости* соединять в одном словаре, как это было в *Словаре 1847 года*, церковнославянский, древнерусский и современный русский язык. Вот и начала первого нормативного словаря *современного русского литературного языка*, который будет стать главным источником БАС. Однако главным и основным источником *Словаря Грота* явился академический *Словарь 1847 года*. А одним из главных лексикографических источников *Словаря Грота* явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В свою очередь главным источником *Словаря 1847 года* стал *Словарь академии российской*, для которого А. И. Богданов занимался собиранием слов как выписывая из книг печатников, так и опрашивая «мастеровых людей». Им было собрано, по свидетельству Ломоносова, более 60 тыс. «русских чистых речений».

Впервые в истории русской академической лексикографии *Словарь Грота* широко использовал лексическое богатство русской классической литературы.

«Наиболее широко литературные источники были использованы в *Словаре Грота* как иллюстративный материал, помогающий лучше раскрывать значение слова, показать его употребление в речи. По обилию цитат из произведений художественной, мемуарной, политической, научной, деловой и т. п. литературы, из произведений устно-поэтического народного творчества *Словарь Грота* намного превосходит предшествующие академические словари, и в частности *Словарь 1847 года*, который был очень скуп в отношении приведения примеров из современной для его составителя литературы, а прежде всего художественной. А *Большой академический словарь* превосходит все предшествующие академические словари»³.

¹ Отчет по ОРЯС за 1886 г. А. Ф. Быкова.

² Архив АН, ф. 9, оп. 4, № 17, где помещены дополнительные сообщения по изданию словаря от 20 августа 1886 г., написанные рукой Я. К. Грота. Еще в 1858 г., когда во Втором Отделении АН поднимался вопрос о словаре, Я. К. Грот считал необходимым при составлении словаря русского языка «принять к соображению то, что сделано или высказано в новейшее время по подобным предприятиям в других государствах либо обществами, либо отдельными лицами» (Изв. Императорской АН по отд. русского языка и словесности. 1858 г., т. VII, С. 243).

³ Сороколетов Ф. П. et al., *История русской лексикографии*, СПб., 2001. С. 220.

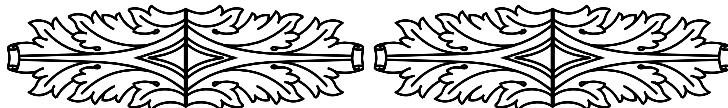
IPPOLIT FEDOROVICH BOGDANOVICH (1743-1803)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

The fundamentals of the *Academic Dictionary* and corpus of the card index system were mainly established chiefly by Jacob Grot (1812-1893), partially by Aleksey Shakhmatov (1864-1920), and initially by Alexander Vostokov (1781-1864). By November of 1886 the *Department of Russian Language and Philology of the Imperial Academy of Sciences* undertook the task of “preparing materials for the *Dictionary where sense and usage of words shall be confirmed by examples borrowed from masterpieces of the best Russian writers and men of letters, commencing from the period of Mikhail Lomonosov and so forth based on its chronological continuity*”¹.

The emerging new *Dictionary of the Russian Language* became the first dictionary in the history of Russian lexicography where materials from Russian literature and technical textbooks were widely used to enlarge the word selection, to elaborate dictionary entries and to confirm meanings of words by using quotations taken from literary masterpieces. At first, every participating editor included the extracted quotations on cards, so they could use them later whilst writing them into the body of each dictionary entry.

Only in 1888, as it was mentioned in reports for this particular year, a new approach was adapted of “registering words onto the cards of similar sizes, arranging them in strict alphabetical order and keeping them in specially structured pigeonholes. This method essentially promoted the work on the dictionary to be regulated and the process to be accelerated”². Afterwards, each dictionary entry contained on cards were finally sent to the printing shop to be pressed, then one printed example was glued onto the card to be kept in the corpus of the card index system for future references.

The first volume of the *Dictionary of Russian Language* under the general supervision of Jacob Grot³, followed by Aleksey Shakhmatov and his followers was published in 1891. After the tremendous loss of the academician Jacob Grot on May 24th, 1893, the *Department of Russian Language and Philology* assigned Aleksey Shakhmatov to continue the unfinished work on the *Dictionary of the Russian Language*. He introduced several changes in the original character and structure of the dictionary. By then, the frontiers of the dictionary were determined by periods from Alexander Pushkin to the present day back then. The selection of particular letters took place to include almost the entire literary heritage of Ivan Krylov (1769-1844), Sergey Aksakov (1791-1859), Alexander Griboedov (1795-1829), Alexander Pushkin (1799-1837), Nikolay Gogol (1809-1852), Ivan Goncharov (1812-1891), Mikhail Lermontov (1814-1841), Ivan Turgenev (1818-1883), Alexander Ostrovsky (1823-1886) and Leo Tolstoy (1828-1910). The materials of colloquial language, quotations from textbooks, scientific literature and manuals also had become part of the sources for the card index system. The accumulation of the materials for the dictionary had significantly increased by 1927.

Словарь русского языка, составл. 2-м отделением имп. Академии наук/ Академия Наук СССР:

- Том 1. — СПб., 1891—1895/ Под ред. Я. К. Грота.
- Том 2. — СПб., 1897—1907/ Под ред. А. А. Шахматова.
- Том 3. вып. 1. — Пг., 1922/ Под ред. С. К. Булича.

- Том 3. вып. 2. — Л., 1929/ Под ред. Л. В. Щербы.
- Том 4. — СПб., 1906—1926/ Под ред. Д. К. Зеленина.
- Том 5. — Пг., 1915—1928/ Под ред. С. П. Обнорского.
- Том 6. — Л., 1927—1929/ Под ред. П. Л. Маштакова.
- Том 8. — Л., 1927—1929/ Под ред. В. И. Чернышева.
- Том 9. — Л., 1929—1930/ Под ред. Е. С. Истриной.

The entire work for this dictionary was stopped in 1937. The *Dictionary of the Russian Language*⁴ under the general editorship of Aleksey Shakhmatov became practically unrealized for three main reasons:

- refusing to keep the dictionary within a *normative* domain, instead it was showing characters of a historical dictionary (thesaurus);

- extreme delays of the anticipated date to finish the dictionary to be published and completed as a whole work;

- it was planned to fit the dictionary into 56 volumes which raised public protests against the dictionary growing this large.

“If There is any truth in the old Greek maxim that a large book is a great evil...”⁵, then this would apply to this project for sure.

«Когда обсуждается проект некоего большого научного труда, можно прийти к трем различным заключениям:

1. работа нецелесообразна, ее следует прекратить, а группу исполнителей распустить;
2. замысел следует поддержать, работа имеет смысл, может быть продолжена, но ее проект настолько несовершенен, что должен быть отклонен и заменен новым;
3. проект следует в целом поддержать, и уже его позднейшее неприятие или прекращение деятельности коллектива составителей на полпути воспринималось бы как настоящая трагедия и поражение отечественной филологии.

Так, за два прошедших века русской академической лексикографии лишь два словарных предприятия, и оба в трагическом для России XX в., прервались в своем начале: словарь Грота-Шахматова в первой трети века и второе издание 17-томного словаря в конце века, причем оба издания — по выполнению примерно пятой-четвертой части всего объема работ»⁶.

§ 12 НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

«Пришло время, что надо определиться по новому словарю...».

—Михаил Сергеевич Горбачев.

The new edition of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (GAD) is a completely new normative dictionary of an active type, written on new principles in comparison to the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* in 17 volumes. It is built on the excellence of the lexicographical traditions, scholarship and analysis of the evidence set down by the *Russian Academy* over a century ago, beginning with Academician Jacob Grot's *Dictionary of the Russian Language*.

The GAD is a new departure. The GAD is a dictionary of current Russian. It is based on currently available material and the correct thinking about language and cognition. It is an inventory of the words and meanings from Alexander Pushkin to the present-day

¹ The Reports of the Department of the Russian Language and Philology for 1886-1891, page 607, St. Petersburg, 1903.

² The Reports of the Department of the Russian Language and Philology for 1886-1891, page 658, St. Petersburg, 1903.

³ Jacob Grot (1812-1893), *Russian Orthography*, 1878, *Shorter Literary Encyclopedia* in 9 volumes, volume 2, Moscow, 1964.

⁴ Словари русского языка, составл. 2-м отделением имп. Академии наук, том 1. — СПб., 1891—1895/ Под ред. Я. К. Грота; том 2. — СПб., 1897—1907/ Под ред. А. А. Шахматова; том 3, выпуск 1. — Пг., 1922/ Под ред. С. К. Булича; том 3. вып. 2. — Л., 1929/ Под ред. Л. В. Щербы; том 4. — СПб., 1906—1926/ Под ред. Д. К. Зеленина; том 5. — Пг., 1915—1928/ Под ред. С. П. Обнорского; том 6. — Л., 1927—1929/ Под ред. П. Л. Маштакова; том 8. — Л., 1927—1929/ Под ред. В. И. Чернышева; том 9. — Л., 1929—1930/ Под ред. Е. С. Истриной.

⁵ The *Oxford English Dictionary*, Second Edition, Volume I, page XXXV, Clarendon Press, Oxford, 1989 // from the *Historical Introduction*, OED, 1933; *ibid*. The *History of the Oxford English Dictionary*, First Edition, 1857-1928.

⁶ Демидов Д. Г., Санкт-Петербургский государственный университет, *Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет (1819-1969)*.

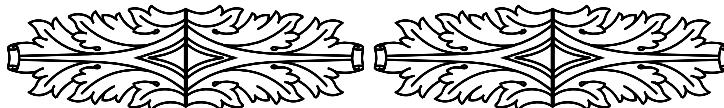
THE BUILDING OF THE RUSSIAN ACADEMY

Façade de l'ancienne académie russe devenue de 1842 à 1918 l'académie impériale de théologie catholique de Saint-Pétersbourg, sur l'île Vassilievski. Aujourd'hui institut de philologie de l'université Herzen.

Санкт-Петербург. 1-я линии Васильевского острова, дом 52, Здание Российской Академии.

1-я линия Васильевского острова, 52. 19 в., архитекторы Михайлов А. А. 2-й, Стасов В. П., Майер Х. Ф. Памятник архитектуры Федерального значения; ныне в здании расположены филологический факультет и другие подразделения РГПУ (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена), и традиции филологических и педагогических изысканий в здании живут почти непрерывно с его постройки.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF V. MALYSHEV, SAINT PETERSBURG)

Russian, both those in actual use and found in the literature of the past and present.

The compilers have gone to the heart of the traditional practices of the dictionary making art and have reappraised the normative principles on which Russian lexicography is based upon. In particular, the focus has been on a different approach to an understanding of 'meaning' and how this relates to the structure, organization and selection of material for the dictionary.

Linguists, cognitive scientists, and others have been developing new techniques for analyzing *meaning* and *usage*. Therefore, the GAD has taken full advantage of these developments. Foremost, amongst them is an emphasis on identifying what is 'central and typical', as distinct from the time-honoured search for 'necessary conditions' of meaning (i. e. a statement of the conditions that would enable someone to pick out all and only cases of the term being defined). Past attempts to cover the meaning of all possible uses of a word have tended to lead to a blurred, unfocused result, in which the core of the meaning is obscured by many minor uses. In the GAD, meanings are linked to the central norms of usage as observed in the language. The result is fewer meanings, with sharper, crisper definitions.

The style of definition adopted for the GAD aims in part to account for the dynamism, imaginativeness, and the flexibility of ordinary usage. The GAD records and explains all normal meanings and uses of all well-attested words, but also illustrates ambiguous, figurative, and derivative meanings, in so far as these are conventional within the language.

At the heart of the GAD lies the evidence. This evidence forms the basis for everything which lexicographers are able to say about the language and the words within it. In particular, The GAD is being made in an old fashioned manner, mostly manually.

Corpus analysis has been complemented by analysis of other types of evidences: the GAD makes extensive use of the database of the *Institute for Linguistic Studies, the Great Dictionary Card Index System*, created in the XIX century, starting from hand-written cards by Academician Jakob Grot (1812-1893) and Academician Aleksey Shakhmatov (1864-1920), in Russian - *Большая словарная карточка*, a collection of citations taken from Russian literature, from Pushkin (1799-1837) to the present day from all the Russian-speaking countries of the world, including Runglish, spoken either by cosmonauts and astronauts on board of the *International Space Station* or by the Russian immigrants in New York streets. The GAD is written on the basis of a proportionally focused panoramic view of the Russian language: from the centre to periphery.

The general approach to defining in the GAD has a particular application for specialist vocabulary. Here, in the context of dealing with highly technical information, which may be unfamiliar to the non-specialist reader, the focus on clarity of expression is of great importance. Avoidance of over-technical terminology and an emphasis on explaining and describing as well as defining are balanced by the need to maintain a high level of professional words and accuracy. In many cases, additional technical and historical information is presented separately in an easily recognizable format within the Dictionary's well formulated and systematized *Reference Zone*.

The GAD views the language from the perspective that Russian is an international language, the state language of the Russian

Federation, all ex Soviet Republics¹ and countries of the Eastern Block² and millions who are spread in the Russian diaspora.

From Princess *Dashkova's Dictionary of the Russian Academy* (the first academic dictionary, *Словарь Академіи Російської* [1789-1794]), to *Alexey Vostokov's Dictionary of 1847* to *Grot's Dictionary of the Russian Language* (*Словарь русского языка*, под редакцией академика Я. К. Грота, Т. 1. А.-Д. СПб., 1895), the *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*, facilitated the further progress in Russian lexicography, opening new pages in the history of the dictionary making art in Russia. *The Dictionary of the Russian Academy* was the main initial *raison d'être* of today's *Institute for Linguistic Studies* where the GAD is prepared and published by *Nauka Publishing House*. It is essential to mention that the sole reason of all academic dictionaries has not changed in the character of being the humble *envoy* of Russian literature and the correct usage of the Russian language from 1783 to the present day of the GAD by the settings of the Russian Federal standard about the state (not official) language of the Russian Federation³.

The Great Academic Dictionary is *not* a historical dictionary. However it will only manifest some inclinations towards certain historical elements throughout its text from *А до Я*.

■ БАСЭ: «ПАРОВОЗ, а, м. Локомотив с самостоятельной паросиловой установкой (паровой котел и паровая машина), с 1956 г. замененный тепловозом и электровозом. <...>...»⁴.

Historical dictionaries are made for one purpose only - to indicate the *change* that has taken place during a specific time period. This is not the goal of the *Great Academic Dictionary*. *Normativity of the contemporary state of Russian literary language is what the Great Academic Dictionary is based upon and intended FOR EDUCATING ALL [100%]* (V.I. Lenin): *ALL schools, nonnatives, nonprofessionals, russophiles and russophobes, International Space Station etc. without exception and yet just 5,000 copies have been printed?!*

Furthermore, let it be known the postulate, that «Нормативный словарь - это не только словарь правильностей, но и словарь неправильностей речи. Обязательна только детальная, обстоятельная оценочная характеристика неправильностей, которая могла бы избежать ошибок в употреблении слов. Важно показать чрезвычайно богатое разнообразие современной русской лексики, чтобы читатель словаря мог знать, когда и что применимо и когда и чего следует избегать»⁵.

The problems and insufficient factors related to the subject matter is mainly due to the fact that no other nation has ever produced such a unique category of dictionaries as the *Institute for Linguistic Studies* (formerly known as the *Institute of the Language and Thought after academician Nikolay Marr*) was (Leningrad 1924-1991) St. Petersburg. Most of multivolume dictionaries whether it is the *Great Academic Dictionary* itself, the legendary *Russian Dictionary of the XVIII Century* [*Словарь русского языка XVIII века*, выпуски 1-42 (А-Планжер) ИЛИ РАН, 1984, издание продолжается], *Russian Dictionary of the XIX Century* ("in vitro"), the *Dictionary of Russian Regional Dialects* ("the new Dahl"), [*Словарь русских народных говоров*, выпуски 1-42 (от А до слова Телена), издание продолжается, 1965 -..., Ленинград/ Санкт-Петербург], *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков* (А-Гуца) or *Russian Dictionary of XI-XVII Centuries*

¹ Ex Soviet Socialistic Republics: Azerbaijan, Armenia, Belorussia, Estonia, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldavia, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan.

² Eastern Block countries: Albania, Bulgaria, Czechoslovakia, East Germany, Hungary, Poland, Romania, Yugoslavia

³ См. Государственный язык. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации.

⁴ [Новый] Большой Академический Словарь Русского Языка, том 15, страница 409, Москва & Санкт - Петербург, 2011.

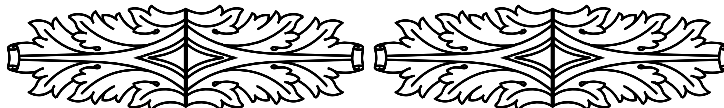
See also the following: Герд А.С. К концепции нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Очередные задачи русской лексикографии. – СПб., Изд-во ИЛИ РАН, 1995. С. 24-30.

⁵ Филин Ф. П., О новом толковом словаре русского языка, Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, Том XXII, Выпуск 3, страница 177-189, Москва, 1963.

CATHERINE ROMANOVNA DASHKOVA (1743-1810)
THE FIRST WOMAN PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783-1796)
CHAIRWOMAN OF THE EDITORIAL COLLEGIUM OF
THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY (1789-1794)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

[Словарь русского языка XI - XVII вв., выпуски 1-29 (от А до слова ТОЛЬМИЖЕ, издание продолжается, 1975-..., Ленинград/Москва] и т. д. are the direct results of carefully laborious toils which have been impacted directly as a result of the ideas of the forerunners of Alma Mater of St. Petersburg (Leningrad) School of Lexicography after Academician Larin, the Institute for Linguistic Studies directed by Academician Nikolay Kazansky. The production and the card index system of Russian Dictionary of XI-XVII Centuries in the 1950's was moved from Leningrad to Moscow in the early stages of preparative works. Otherwise, the latter would have also been credited to the Institute for Linguistic Studies, as well.

The Great Academic Dictionary has always been a normative dictionary: «Являясь в основном толковым и нормативным, настоящий Словарь:

- дает филологические (не энциклопедические) толкования слов, отмечая устойчивые сочетания, речевые обороты, выражения;
- иллюстрирует значения, оттенки значений и особенности употребления слов цитатами из авторитетной художественной, научной и общественно-политической литературы (конца XVIII) XIX—XX вв. (конца XVIII до начала XXI вв.), идя от современности к прошлому;

- характеризует слово со стороны грамматической, включая указания на особенности его произношения и написания;

- дает нормативные указания при словах ограниченного употребления (спец., в простор., устар. и др.);

- дает в справочном отделе, на основании русских лексикографических трудов и других источников, сведения по истории языка: словообразованию, правописанию, ударению слов и т. п., также справки об этимологическом составе слова, о заимствовании данного, слова из другого языка и иные подобные»¹. «Оставаясь и на сегодняшний день самым полным сводом лексического богатства русского литературного языка «от Пушкина до наших дней», этот словарь представляет собою собрание ценнейших сведений о функционировании слов на протяжении рассматриваемого периода [XIX—XXI вв.]»². «Как нормативный словарь БАС, являясь хранителем культурной языковой традиции, в то же время освобожден от надуманных догм, тормозящих развитие языка, поэтому тактика нормализаторской работы лексикографов заключалась, как правило, в объяснении объективных процессов, происходящих в русском языке»³. «Наше время выдвигает перед словарями русского литературного языка основную задачу — **быть активным пособием по культуре русского языка**. Эту задачу в свое время выдвинул В.И. Ленин, предложив составить [общедоступный] словарь «для учения всех»»⁴.

«Если меня ругают все, значит, я сделал хороший справочник».

— К.С. Горбачевич.

Almost all major Russian dictionaries of the XX century have adopted some slight characteristics of “historical identity in reverse” hidden under the normative mask. In this respect, a new undesirable category was created in Russian lexicography, “idiological-normative” or “historical-normative” which is a suicidal

approach to a normative dictionary of current Russian. The greatest examples of some major lexicographical toils are as follows:

- the Dictionary of Contemporary Russian Literary Language, the “GAD”, volumes I-XVII, Moscow & Leningrad, 1948-1965 (different style of lexicographical material presented from volumes I-IV and V-XVII);

- GAD, second edition, volumes I-VI (discontinued edition), Moscow & Leningrad, 1991-1994;

- the Explanatory Dictionary of the Russian Language, Dmitry Ushakov et al., volumes 1-4, Moscow, 1935-1940 (without a card index system).

The only exclusions of excellence were:

- the Dictionary of the Russian Language, Anastasia Evgeneva et al., Moscow & St. Petersburg, 1957-1961; second edition 1981-1984, including the consecutive third and fourth enlarged editions with the corrigenda;

- the Dictionary of Russian Language, Sergey Ozhegov, Moscow, 1949 (and all 24 consecutive editions from 1949 to 2004).

«В статье «От редакции» помещенной в 1-м томе Словаря Современного Русского Литературного Языка, говорится уже о том, что словарь является “в основном толковым и нормативным”⁵, и лишь (как дань прежним установкам) глухо, без какой-либо мотивировки, упоминается, что он является и “толково-историческим”. Что конкретно означает термин “толково-исторический” до сих пор осталось неизвестным. Истинное положение дела было сформулировано в “Инструкции для составления ‘Словаря современного русского литературного языка’”, в которой сообщается, что словарь не является и не может быть историческим словарем»⁶.

An explanatory-historic dictionary on normative principles is deprived of the expansion of space due to the historical elements interfering with the entire process of semantic definition systemology and labeling. The space becomes even tighter especially for a purely normative dictionary, and sooner or later a natural death arrives to bury the dictionary. Meanwhile, an historical dictionary might become *old*, whereas an explanatory-historic dictionary on ideological principles becomes *obsolete*. Old dictionaries on historical principles have yet many chances to be renewed or could be left as is and still function well. However, immediately obsolete normative dictionaries of Soviet origin are dead for good and nothing can revive them unless the previous social order is re-established, or it would be utilized as a base for Chinese-Russian and Russian-Chinese dictionaries⁷. The reader will find this unbearable obstacle on his own when definitions containing numerous words describing current social order are compared to the same words, present in the XX century and XXI century Russian lexicography. Our brilliant dictionaries and textbooks of the XX century make absolutely no sense in the XXI century. Everything must change! This undesirable lexicographical moment could be eradicated by compiling the Dictionary of the XX Century of the Russian Language.

New, post Soviet, social order brought many changes by effecting the spoken and written Russian. This process formed its serious consequences on Russian lexicography by allowing itself to

¹ БАС1, От Редакции, том I, страница III, Москва & Ленинград, 1950.

² БАС2, Предисловие, том I, страница 4, Москва & Ленинград, 1991.

³ БАС3, Предисловие, том I, страница 3, Москва & Санкт - Петербург, 2004.

⁴ К. С. Горбачевич (Ленинград), Ф. П. Филин (Москва), Ф. П. Сороколетов(Ленинград), «О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» (в семнадцати томах) // Вопросы языкознания, # 3, Май - Июнь, страницы 1-19, АН СССР, Институт языкознания, Москва, 1976.

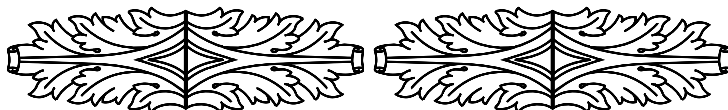
⁵ Словарь современного русского литературного языка, том I, страница III, Москва & Ленинград, 1950.

⁶ Ф. П. Филин, О новом толковом словаре русского языка, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, Том XXII, Выпуск 3, страница 177-189, Москва, 1963.

⁷ Ли Ша, Новый русско-китайский словарь, Пекин, 1992.

SEMYON ROMANOVICH VORONTSOV (1744-1832)
CAVALIER OF ALL RUSSIAN AWARDS
RUSSIAN AMBASSADOR TO LONDON (1784)
PRINCESS DASHKOVA'S BROTHER
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

be developed and for it to jump over the XX century directly from XIX century to the XXI century. The massive gap between the XIX and XXI centuries has created a void (historical vacuum) in the continuous process of lexicography, pushing itself higher and further from its base. Therefore, in order to reach the XXI century Russian lexicography the reader must be literally forced to use the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* and the "PAD"¹ utilizing it as a platform. In another words, the gap created between the XIX and XXI centuries must be filled with the *Dictionary of the XX Century on historical principles (which, unfortunately, does not exist so far)* or the PAD.

In this respect, it is customary to start the XXI century with new hopes for the future by embracing our new *Great Academic Dictionary of the Russian Language* with patience and love, like anyone would do to a newborn baby. Based on our Russian national habitual pattern of being radically critical towards new lexicographical publications, this time it is highly recommended to eradicate the previously established critical approach. Critical reviews shall be reserved for positive and constructive reasons only, reasons that would make the entire process of the making of the GAD easier by sending suggestions and advice to the editorial collegium of the GAD, located at the Department of Dictionaries at the *Institute of Linguistic Studies*,² St. Petersburg.

It is the year 2013. The Academy has already published 21 volumes out of total of 30 volumes, utilizing the *Great Lexicographical Card Index System*³ at the *Institute of Linguistic Studies*. This dictionary was initially published as the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language* in 17 volumes from 1948 to 1965 by a collective effort (see § 88, The History of the GAD, page 485).

«*Большой академический словарь* - БАС является нормативным словарем, т. е. словарем, отражающим нормы современного употребления слов, и уже потому не представляет собой словарь строго исторического типа. Однако словарь, который ставит своей задачей описание лексики русского языка почти двух веков - от эпохи Пушкина до наших дней, - не может обойтись без экскурса в историю конкретных слов, так как в течение указанного времени некоторые лексические единицы в своем значении, употреблении, произношении и т.п. претерпели существенные изменения, которые, естественно, должны быть отражены в словаре. Включение в *Словарь* лексики, стоящей вне пределов словарных норм современного литературного языка, но употреблявшейся в литературном языке XIX и начала XX веков, обусловлено тем, что *русская классическая литература* является неотъемлемым элементом современной культуры, читается и изучается широкими массами населения, а лексика и фразеология, встречающаяся в ней, составляют важную часть языкового сознания общества нашего времени. В то же время отражение в *Словаре* неологизмов объясняется появлением в последнее десятилетие в речевой деятельности общества слов, называющих новые явления общественной жизни, культуры, науки, техники, промышленности и т. д. Как устаревшие, так и новые слова нуждаются в регистрации в академическом толковом словаре и в филологическом объяснении.»⁴

§ 13 ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт лингвистических исследований является старейшим в стране научно-исследовательским учреждением гуманитарного профиля. Под разными названиями и с менявшимся организационно-правовым статусом он существует с 1783 г. Свой современный статус и название ИЛИ РАН обрел в 1991 г.

На протяжении XX в. институт возглавляли академик Н. Я. Марр, академик И. И. Мещанинов, член-корреспондент РАН А. В. Десницкая, член-корреспондент РАН А. И. Домашнев.

Многие десятилетия институт является центром описания и изучения русского языка, языков малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Это единственный в стране институт, в задачу которого входит изучение палеоазиатских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков.

ИЛИ — признанный центр русской академической лексикографии. Здесь ведется работа по составлению и изданию толковых, диалектных и исторических словарей русского языка. В течение 115 лет в ИЛИ создается уникальная словарная картотека, насчитывающая более 8 млн карточек-цитат.

Исследования в области теории и типологии языков мира составляют еще одну важную задачу института.

В настоящее время институт включает семь научных подразделений.

В Отделе теории грамматики разрабатывается оригинальная концепция теории функциональной грамматики (петербургская школа функциональной грамматики), оказавшая существенное влияние на развитие грамматической теории не только в России, но и за ее пределами. В последние годы Отдел стал одним из признанных центров изучения детской речи.

В Лаборатории типологического изучения языков исследуются грамматические категории глагола, связанные с синтаксисом, семантикой и прагматикой предложения. Начиная с 1969 г. было издано более десятка коллективных монографий, посвященных типологическому описанию глагольных конструкций в разноструктурных языках.

Отдел сравнительно - исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований является единственным в стране научным коллективом, осуществляющим комплексное изучение индоевропейских языков. С 1995 г. отдел работает над проектом Индоевропейского компьютерного тезауруса, предполагающим создание компьютерной базы этимологических данных, учитывающей максимальное число индоевропейских языков, и над созданием «Малого диалектологического атласа балканских языков».

Два отдела занимаются языками народов Российской Федерации — Отдел палеоазиатских и самодийских языков и Отдел алтайских языков.

В 2001 г. была открыта Лаборатория лингвистических информационных технологий.

При ИЛИ действует специализированная библиотека (Отдел БАН — более 120 тыс. единиц хранения), фондами которой пользуются сотрудники института и специалисты из других научных учреждений.

¹ The PAD or Petite Academic Dictionary, МАС или Малый академический словарь.

² 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9 Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Группа Академического словаря, руководитель Александр Сергеевич Герд.

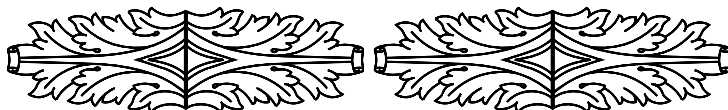
³ Большая словарная картотека (БСК) Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН).

⁴ Соловьев Н. В., Общие сведения о Словаре // БАС, том 1 страница 7, Москва & Санкт-Петербург, 2004.

ALEXEY IVANOVICH MUSIN-PUSHKIN (1744-1817)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1789)
PRESIDENT OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1794-1799)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наиболее крупные публикации последних лет являются:

- «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти т.);
- «Словарь русского языка» (в 4-х т., ред. А. П. Евгеньева);
- «Словарь русских народных говоров» (36 вып., ред. Ф. П. Сороколетов);
- серия «Новое в русской лексике» и «Словарь новых слов русского языка» (ред. Н. З. Котелова и Е. А. Левашов);
- «Словарь русского языка XVIII в.» (12 вып.);
- «Словарь русского языка XIX в.» (в 2003 г. опубликован проект);
- «Теория функциональной грамматики» (т. 1—6, под ред. А. В. Бондарко);
- серия коллективных монографий по типологии глагольных конструкций (опубликованы 7 книг под ред. А. А. Холодовича, В. П. Недалкова, В. С. Храковского; почти все переведены на английский язык);
- А. В. Бондарко, «Теория значения в системе функциональной грамматики» (М., 2002); В. С. Храковский,
- «Теория языкознания. Русистика. Арабистика»; В. С. Храковский, А. П. Володин,
- «Семантика и типология императива. Русский императив» (2-е изд. М., 2002);
- «История лингвистических учений» (в 4-х т., Л. (СПб.), 1980—1991, коллективный труд, отв. ред. А. В. Десницкая и С. Д. Кацнельсон);
- «Основы балканского языкознания» (в 2-х т., СПб., 1988—1995); М. В. Домосилецкая, «Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика» (СПб., 2002); В. И. Цинциус (отв. ред.),
- «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Л., 1975—1977); А. М. Щербак, «Ранние тюркско-монгольские языковые связи» (СПб., 1997); Н. Б. Вахтин,
- «Языки народов Севера в XX в.» (СПб., 2001).

С 2003 г. в институте возобновлена Служба русского языка, благодаря которой любой позвонивший по телефону 328 1612 по рабочим дням с 1200 до 1600 может получить консультацию квалифицированного специалиста.

В Институте проходят ежегодные конференции (Чтения памяти проф. И. М. Тронского, Сопосещение по Лексическому атласу русских народных говоров), а также почти ежегодно проводятся международные конференции по проблемам функциональной грамматики и типологии языков.

С 1972 г. институт выпускал серию «Лингвистические исследования». С 2003 г. выходит новое издание — «Труды Института лингвистических исследований. Acta Linguistica Petropolitana».

§ 14 ЗДЕСЬ НАЧИНАЮТСЯ СЛОВАРИ

А, право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов!

— А. С. Пушкин (1799-1837).

В каждой стране помимо золотого запаса, залежей угля, месторождений нефти, лесных ресурсов и прочих богатств, от которых зависит процветание живущих в ней людей, есть место, где спрятано самое главное сокровище. Его нельзя потрогать руками, нельзя взвесить, измерить, продать или купить. Его невозможно оценить, потому что оно не зависит от курса доллара и евро. Место,

где оно спрятано, доступно лишь избранным. И если честно, скажи любому человеку, о чем речь, он не испытает священного трепета, а в лучшем случае засмеется. Потому что самое главное сокровище любого народа — это его язык, а место, где хранятся доказательства этого, называется Большой словарной картотекой.

«Большая словарная картотека России находится в Санкт-Петербурге, в Институте лингвистических исследований РАН. Это единственное в мире место, где собрано наибольшее количество карточек с русскими словами. На входе вас не встретит вооруженный охранник, лишь бабушки-вахтерши вежливо поздороваются и подскажут, что нужно подняться на пятый этаж. Здесь, в достаточно просторном и светлом помещении, нет ничего, кроме трех десятков шкафов с выдвижными ящиками, в каждом из которых находится несколько сотен карточек. Хранить слова именно в таких шкафах Якову Гроту, одному из создателей первого светского Словаря русского языка, посоветовал его знакомый, тоже ученый. Было это в конце XIX века, и с тех пор размеры шкафов не меняются — их по заказу института делают в столярной мастерской Академии наук. Правда, старое дерево все-таки отличается, поэтому шкафы-старожилы нетрудно отыскать. Общий объем 28 шкафов равен 71 кубическому метру. Именно такой объем занимают собранные за 125 лет слова русского языка. Вообще картотека насчитывает около 8 миллионов слов, но, для того чтобы понять, много это или мало, достаточно сравнить этот объем с объемом 17-томного Большого академического словаря. В нем содержится всего 170 тысяч слов. Конечно, картотека — заведение специфичное, сюда не придешь как в музей или библиотеку. Но посетители здесь бывают. Как правило, аспиранты, кандидаты, ученые. Все они приходят сюда за ценнейшими сведениями, ведь картотека — это первоисточник, база, благодаря которой на свет появились все академические словари. Здесь зафиксированы слова, которые произносили и употребляли на письме с середины девятнадцатого столетия до девяностых годов двадцатого. К сожалению, вливаний в картотеку сейчас не ведется, но это не значит, что развитие языка не фиксируется. Этим занимается особое подразделение Института лингвистических исследований — группа словаря новых слов.

Одна среди миллионов слов... Хранительницей картотеки, человеком, который знает все об этом сокровище, называют Розу Павловну Рогожникову. Она пришла в картотеку в начале 50-х годов, когда принимала участие в работе над малым академическим словарем. Да так и осталась здесь, среди шкафов, карточек и миллионов слов, написанных перьями, чернилами и шариковыми ручками. — Была я в разных картотеках, в разных странах, — говорит Роза Павловна, — и должна признаться, что они мало чем отличаются друг от друга. Везде все так же и устроено — шкафы, ящики, карточки. Вот только, кажется, в Праге шкафы железные. Из соображений пожарной безопасности. Но я думаю, что это огню не помешает, бумага есть бумага. Карточки — это действительно всего лишь бумага — прямоугольной формы, из картона. На них разными почерками выборщиков (тех, кто занимался пополнением картотеки) выписаны цитаты из всевозможных текстов, от рассказов и пьес до газетных заметок, в которых подчеркнуто одно, нужное, слово. Например, в ящичке, где хранится все многообразие слова "сеть", спрятан 181 пример его употребления.

В разных контекстах, значениях, сочетаниях. Выборщик только фиксирует употребление слова в каждом конкретном

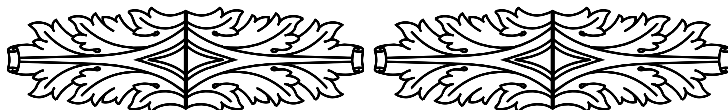
NIKOLAI IVANOVICH NOVIKOV (1744-1818)

RUSSIAN JOURNALIST AND PUBLISHER

PUBLIC FIGURE

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

случае и указывает источник, а вот объяснить значение слова, его форму — это уже задача составителя словаря.

Вышел на пенсию, и стало интересно... Работу выборщика сложно назвать захватывающей, творческой или интересной. Она скорее техническая, требует от человека усидчивости, внимательности и, если хотите, самоотдачи. В разное время труда выборщика не чурались известные ученые-лингвисты, филологи, среди которых были светила и рядовые доктора наук, кандидаты. Роза Павловна вспоминает, что в свое время картотека пополнялась и за счет внештатных выборщиков. В основном это люди, которые были связаны с русским языком по долгу своей службы, а после выхода на пенсию вдруг понимали, что им интересно отслеживать какие-то тенденции. В первую очередь это бывшие школьные учителя и институтские преподаватели, журналисты, но среди них встречались, например, инженеры. Специально для них были разработаны инструкции и списки литературы, из которой следовало делать выборку слов. Работа выборщика не требовала присутствия в офисе с 9 утра до 5 вечера, люди занимались этим в библиотеке или на дому. Труд их, кстати, оплачивался. В 80-е годы одна карточка стоила 5 копеек, а потом, в связи с инфляцией, ее стоимость поднималась до 20 и 25 копеек. Мелочь, конечно, но состояний на составлении картотеки никто не заработал. Это и не было главным. Например, Роза Павловна до сих пор вспоминает учительницу из Свердловска, которая сотрудничала с картотекой с 70-х по 90-е годы. Их отношения были настолько теплыми, что она несколько раз приезжала в Ленинград и останавливалась у сотрудников института.

Историю страны писали в ящик!... О литературе, которая служила источником выборки, стоит сказать отдельно. Каждый год картотечный совет, который состоял из редакторов словарей, составлял такой список литературы. Особое значение при выборе текстов или иных книг имела тематика, ее редкость, ведь задача состояла в том, чтобы выловить как можно больше разных слов. Художественная ценность имела второстепенное значение. Поскольку картотека должна была отражать развитие языка, появление в нем новых слов, то этому критерию соответствовал и выбор литературы. Первые составители словарей и первые выборщики картотеки работали с трудами Ломоносова, Державина, Карамзина, церковно-славянской лексикой. Известно, что в свертке музыкальных терминов ученым помогал Чайковский. Позже в картотеку стала входить, помимо литературной, и речь народная — так называемые говоры или диалектные материалы. Они очень долго хранились в ящиках, пока спустя почти 50 лет не был издан отдельный Словарь русских говоров. Вообще же картотека полностью отражает историческое развитие страны. Сразу после революции здесь появилось много карточек с сельскохозяйственной и промышленной терминологией. Выборка велась из специальных источников, большинство из которых представляло собой брошюры, такие как "Спутник ленточницы", "Справочник по саперному и маскировочному делу", "Промысловый лов зайцев", "Колбасное производство", "Технология мяса", "Спутник водника". Во время войны активно разрабатывалась военная тематика, создавались специальные разговорники, в первую очередь, конечно же, русско-немецкие словарики специальных терминов по отдельным родам оружия. Но, учитывая кадровый голод в армии того времени, который был следствием нескольких волн репрессий, молодым

командирам необходимо было просто понимать военные термины. Для этих целей создавались своеобразные словники. Послевоенное время, озаменованное подъемом страны из руин, добавило слов, которые привезли с западных фронтов русские солдаты, новых политических терминов. Освоение космоса сделало популярными и понятными всему населению страны слова "космонавт", "ракета", "космодром". Потом были, например, хунвейбины, о которых сегодня уже не знают люди моложе 30 лет. Слова становились популярными и предавались забвению, а тем временем незаметный труд выборщиков делал их бессмертными. Фиксируя на бумаге и складывая их в аккуратные стопочки, а потом в ящики, бывшие учителя, научные сотрудники, доктора наук, академики выполняли кропотливую и важную работу — писали историю языка, историю своей страны и своего народа.

Не любили коммунисты Достоевского... Были в этой истории и скорбные страницы. Роза Павловна рассказывает, как в 1952 году в институт прислали список авторов, которые были признаны врагами народа, вместе с приказом: изъять из картотеки все карточки с цитатами из их произведений. Для этих карточек был создан специальный фонд, к которому никто не имел доступа. Позже, конечно, фонд рассекретили, и карточки снова влились в картотеку, вернулись в свои ящички и шкафчики. — Я потом специально их смотрела, — говорит Роза Павловна, — ну ничего крамольного в них не было. Слова как слова. Идеология, кстати, отражалась и в пожеланиях, сопровождавших ежегодный список литературы для выборки. Роза Павловна рассказывает, что коммунисты почему-то не особо жаловали произведения Федора Михайловича Достоевского. И не особо рекомендовали Солженицына, но, несмотря на это, выборка из его книг все-таки делалась. В пределах разумного, конечно. Филологи доверием власти старались не злоупотреблять. В настоящее время Большая картотека не пополняется новыми словами, но это не значит, что она умерла. Пережив несколько переездов, сотрудники Института лингвистических исследований с гордостью констатируют: не пропало ни одной карточки! Сюда по-прежнему приезжают люди науки, хотя уже не так часто, как раньше. Платить выборщикам нечем, все реже приходят письма от энтузиастов, но главная задача — сохранить это богатство. Я спрашиваю Розу Павловну о том, почему бы не перевести все эти 70 кубометров бумаги в электронную базу, сэкономив тем самым на пространстве и максимально обезопасив национальное достояние. Она улыбается: — Да вы что, кто же всем этим заниматься будет? Восемь миллионов карточек набрать нужно, потом написать программу для обслуживания базы...И потом, как ни крутите, а это по-прежнему самый удобный способ хранения слов и работы с ними». (Алиса Селезнева)

§ 15 The Theoretical and Practical Aspects of Dictionary Making Art In Russia

«Словарь... есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирает что ему надобно и всякий читатель узнавая что он знать желает»².

— А. С. Шишков (1754-1841).

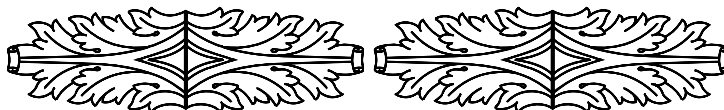
¹ Сг. Успенский Л. В., Слово о словах, Москва, 1987, 2008. С. 240-401.

² Шишков А. С., Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. 1. С. 21.

DENIS IVANOVICH FONVIZIN (1745-1792)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

As one can note, several centuries ago it was clearly realized the enormous weight of the strenuous work of a lexicographer. Therefore, lexicography requires not only diligence, selflessness and eruditions, but it also requires a special linguistic gift of eloquence. Not just ordinary, but an *"extraordinary linguist"* could only succeed in lexicographical toil.

However, life always comes to surprise us by chance and prove us otherwise by providing us such humble names in history who had absolutely no formal educational background in either linguistics or lexicography, but they achieved more than *"extraordinary specialists"* could have ever claimed they had, and left behind monumental lexicographical shiny examples, standing high above any criticism.

Vladimir Dahl¹ himself was just a modest army doctor of medicine, and an ambidextrous talented surgeon! Samuel Johnson, a simple teacher of elementary trivium was not born as a lexicographer! He even did not have a degree and worked as an usher! *"James Murray had been joined by a second editor, Henry Bradley, an erstwhile corresponding clerk [a simple secretary] from Sheffield and, like Murray himself, an autodidact with an enviable zest for knowledge"*² whose achievement was and still is the *Oxford English Dictionary*! And finally, Émile Littré, a doctor of medicine who made his first steps into lexicography in 1844 when he was almost 43 years old! Even though he mastered the English and German languages, classical and Sanskrit literature, and philology at the Lycée Louis-le-Grand. At this time his *Dictionnaire de la langue française* was not even close to be completed until thirty years later.

By the official decision of *UNESCO* the entire cultural world declared the year 2001 to be dedicated to the bicentennial jubilee of the birth of Vladimir Dahl.

Russian people are the genuine author of the Russian language. A lexicographer *is not* the editor of the Russian Language, but perhaps is the editor of the dictionary, the *lowest maid* or the *general janitor*³ and the humble *dvornik* of the Russian language, always ready to cleanse the language from *the filth and die schmutz*. The lexicographer needs no formal background other than to be the sole monarch of *common sense, superbly developed taste towards words (своеволеми)* and the possessor of a *brilliant memory*, “abstaining from every voluntary act of mischief and corruptions”⁴ as any doctor must.

To begin with, "any lexicographer whilst determining the meaning of a word is guided by the corpus of quotations harvested from written sources where the word is represented. Then later, being guided by his own professional mastery, by the character of word combination, by data gathered from other dictionaries, tradition, intuition, demarcating different senses and the usage of a word. In this respect, the very procedure of determining senses of the vast majority of words in a dictionary requires a great skillful practice, innate talent, a great taste, mastery in stylistics; and in many cases, this procedure actually represents itself as a special art of defining the text, which includes the determination of terms and toponyms which could not, to this present day, be replaced by any computing machines"⁵.

The lexicographer's final product of *mental torture*, regarding words is *the dictionary*, or sometimes called, alvery calepin,

catholicon, glossary, ortus, polyglot, lexicon, thesaurus etc., a book that contains relatively all individually known and unknown words of the Russian language, usually set in alphabetical order, and is intended to set forth strict rules for each word's grammatical aspect, orthography, pronunciation or stress, signification and usage, sometimes their synonyms, derivatives, word combinations, idioms, phraseology, etymology of foreign words already naturalized in the Russian language. It could also provide information about some facts from the history of words elucidated thoroughly and illustrated generously by utilizing the most appropriate quotations from Russian literature representing the most authoritative writers of the best caliber. Therefore, *"the lexicographer is not a dictator of the language, but rather the servant and the slave of it; here one can talk about any writer; written with a quill, though impossible to cut down with an axe («Что написано пером, не вырубишь топором»)"*⁶: as the language is a big tree, whereas the lexicographer is a small axe!

Every scientific research study starts from the gathering of necessary materials needed for any particular project. In order to compile a dictionary, it is vital to have enough examples of usage of words in very different contexts. The information about every word is written on cards. As a result, lexicographers end up with a card index system at their disposal which serves (sometimes underutilized!) as a basis for creating a new dictionary based on *"common sense which gives to words their ordinary significations, and common sense is the characteristic of humanity. The ordinary signification of a word is formed by gradual progress and in the constant presence of facts; so that when a fact presents itself which seems to come within the meaning of a known term, it is received into it, as it were, naturally..."*⁷.

Авторы: С. А. Головань,
М. Ф. Карамян.

«Словарь... есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирай что ему надобно и всякий читатель узнавая что он знать желает»⁸.

– А. С. Шишков (1754-1841).

RUSSIAN LEXICOGRAPHY IN TWO DIFFERENT SENSES

- *Practical lexicography* is the science, art or craft of compiling dictionaries.
- *Theoretical lexicography* is the theory or scholarly discipline of analyzing and describing dictionaries.

The term *lexicology* is used variously. Some of us use it as a synonym for theoretical lexicography, others use it for a branch of linguistics, pertaining to the treasure of words in a particular language.

Dictionary. A dictionary is a list of words with their definitions, a list of characters with its glyph or a list of words with corresponding words in other languages. Many dictionaries also provide pronunciation information, word derivations, histories, or etymologies, illustrations, usage guidance, and examples in sentences.

¹ Vladimir Dahl (1801-1872), one of the greatest Russian writers, ethnographers, folklorists and lexicographers, the author of the legendary *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language*, the master of six languages, including English; the founder of the *Russian Geographical Society*.

² Linda Mugglestone, *Lost for Words: The Hidden History of the Oxford English Dictionary*, page 3, Yale University Press, New Haven and London, 2005; *ibid.* R. Bridges, 'Henry Bradley. A Memoir'. In R. Bridges (ed.[itor]), *The Collected Papers of Henry Bradley*, Oxford: Clarendon Press, Oxford, England, 1928, 1-58.

³ Генеральный уборщик или генеральная уборщица.

⁴ Hippocrates, *The Oath of Hippocrates*, The Harvard Classics, Alumni Edition De Luxe, volume 38, page 3, New York 1910 & G.P. Putnam's Sons, Entered at Stationer's Hall, London, 1897.

⁵ Alexander Heard, *Lexical Meaning of the Word and Sense: The Actual Problems of Theoretical and Applied Lexicography*, Interinstitutional Collection of Works, page 195, Ivanovo, 1997.

⁶ Vladimir Dahl, *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language, Treatise on the Russian Dictionary*, 1860, Third Edition by Baudouin de Courtenay (1845-1929), volume I, page 27, Moscow, 2004.

⁷ Françoise Pierre Guillaume Guizot, *History of Civilization in Europe*, The Yale Classics, Timothy Dwight Edition, volume 10, page 6, London & New York, 1899.

⁸ Шишков А. С. *Некоторые замечания на предположаемое вновь сочинение Российского Словаря* // Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. 1. С. 21.

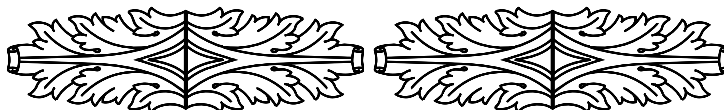
ARCHBISHOP PAUL [PETER NIKOLAEVICH PONOMAREV] (1745-1806)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1784)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

FUNDAMENTAL QUESTIONS FOR LEXICOGRAPHERS

1. Users – who will use the dictionary?
2. Uses – what will the dictionary be used for?

Answers to these questions will inform design and publication decisions for the dictionary maker, e.g. normative vs historical, encyclopedic vs compact, symmetrical vs asymmetrical monolingual, general vs special etc.

STRUCTURE OF A DICTIONARY

1. *macrostructure* – overall structural organization of volume, typically:

- front matter, introduction, user guidelines;
- body – entries and definitions (plus often other lexicographical material), typically organized alphabetically;
- end matter – appendices and additional information, e.g. personal names, geographical names, borrowed words etc.

2. *microstructure* – internal structure of dictionary entry blocks, typically:

- headword (lemma, form to be looked up) – spelling;
- pronunciation;
- part of speech category or word class;
- semantic specification – senses and reference;
- cross-references to related items, related by sense;
- collocations, co-occurrence strings;
- usage with examples;
- etymological or historical notes.

Nature of Headwords. What is a word: are the following words?

желать, желание, желанный, желающий; коллектив, коллективизм, коллективный, коллективность и т. д.

How many words are there in: Эти глаза , голубые, как небо, сияли такою любовью, что всядуша покорялась ей (БАС 4:260).

The following shall be distinguished:

1. orthographic word – written word surrounded by spaces word but what about compounds, hyphenated forms, grammatical factors, syntagmatic and paradigmatic changes of words etc?

2. phonological word – sequence of sounds that forms phonological unit, determined by rules of syllable structure, stress etc.

3. lexeme – item of vocabulary that may occur as dictionary headword. Lexemes can be more than one orthographic word.

▪ Lexeme is an **abstract concept** – it is the set of word forms that comprise a paradigm of related words forms, e.g. sing – sings – singing – sang – sung (cf. talk – talks – talking – talked) – regular and irregular paradigms;

- word-form is inflectional variant of lexeme;
- headword is typically the **citation** form of a lexeme (difficult when language is highly inflectional and especially prefixing as root lexeme is never found alone and hence not meaningful to speakers.

PART OF SPEECH OR WORD CLASSES

- need to be established on language particular basis – notion vs formal characterization;
- open word classes versus closed word classes;
- open classes: **noun, verb, adjective, adverb**;
- closed word classes: **pronoun, determiner, adposition, conjunction**.

SEMANTICS

- central lexicographic task is capturing the meaning of word in a definition;
- many words have more than one meaning – polysemy;

▪ lexemes may sound the same as other lexemes – homonymy; how is it established or to be written the same as other lexemes, homographies?

▪ it is necessary to understand the reference between denotation and connotation; and sense as relations between lexemes and to encode these in a structured way.

Entry order. Dictionaries of alphabetic languages list words in alphabetical order (e.g. БАС, МАС etc.). However, in idiomatic dictionaries alphabetical order is not used. Word classes and word categories are used in this case (e.g. *Русский семантический словарь* под редакцией академика Н.Ю. Шведовой). Most Russian dictionaries are compiled on the bases of alphabetical order.

Special-purpose dictionaries. There are different types of dictionaries, including definitive, normative, active, passive, monolingual, bilingual, multilingual, historical, biographical, encyclopedic, terminological, dialectical, synonymic, grammatical, geographical dictionaries etc. In many endangered languages communities it makes sense to construct topical dictionaries e.g. fishing and fisherman's terms, sailing terms, before launching into a full dictionary.

Glossaries. Another variant is the glossary, an alphabetical list of defined terms in a specialized field, such as medicine or science. The simplest dictionary, a defining dictionary, provides a core glossary of the simplest meanings of the simplest concepts. From these, other concepts can be explained and defined, in particular for those who are learning a language for the first time. In Russian the commercial defining dictionaries typically include only one or two meanings of under 2000 words. With these, the rest of Russian, and even the 4000 most common Russian idioms and metaphors, can be defined.

Thesaurus. Organized thematically according to meaning groupings. These can be extremely useful for language learners wishing to expand their word knowledge in a given domain. However, thesaurus in Russian lexicography has a different meaning, i.e. Academician Alexey Shakhmatov's *Dictionary of the Russian Language* where the word thesaurus is used exactly according to its definition: treasure (chest), where the entire bulk of the language is registered.

Variations between Dictionaries: Prescription and Description. Dictionaries come in two basic philosophies, prescriptive and descriptive. Most modern dictionaries, including the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, are descriptive, although many, such as the *Oxford English Dictionary* dictionaries make extensive efforts to provide information on the best usage, and almost all dictionaries provide some information on words considered erroneous, vulgar, or easily confused. In any case, in the long run, usage alone determines the meaning of words, although dictionaries provide conservative continuity, even the most descriptive. Language community issues can often be a determinant of what to include and what to leave out.

Other Variations. Since words and their meanings develop over time, dictionary entries are organized to reflect these changes. Dictionaries may either list meanings in the historical order in which they appeared, or may list meanings in order of popularity and most common use.

Dictionaries also differ in the degree to which they are *encyclopedic*, providing considerable background information, illustrations, and the like, or *linguistic* or *philological*, concentrating on etymology, nuances of meaning, and quotations demonstrating usage.

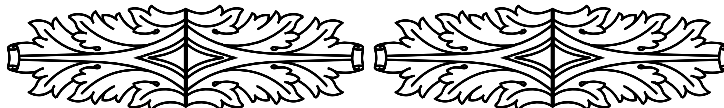
Making dictionaries. According to Soviet and Russian lexicographical tradition, the first step in actually writing the dictionary is:

IVAN IVANOVICH KHMNITZER (1745-1784)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1784)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- the scope or the size of the dictionary;
- making a card index system for usages;
- cataloguing word selection which are to become head words or run-ons in dictionary entries. There are three methods:
 - translating wordlists in the lingua franca into the source language as is suggested in most field manuals, at least for the basic vocabulary;
 - extracting words from a text corpus;
 - eliciting words by techniques which encourage the dictionary helpers to produce wordlists without translation.

Tools for practical lexicography. There are several tools that have been developed for practical lexicography:

▪ **Traditional or conventional** – compiling dictionaries as if none of the below tools were available. *The Great Academic Dictionary* is compiled on the bases of conventional methods of lexicographical available tools: human mind, human hands and human retrieval memory;

▪ **Toolbox** – has a predefined lexicon structure that enables rich multilingual lexical specification of sense and reference, along with examples. The MDF (Multi Dictionary Formatter) export from Toolbox produces RTF files with richly specified format (including images) that can then be opened in a word processor and printed. Toolbox supports images and sound but is not multimedia;

▪ **DDP** – Dictionary Development Process is a set of Toolbox files that includes a thematically structured vocabulary in a source language (English, French, Spanish and Malay are available) which allows rapid harvest of lexical materials in a target language;

▪ **Lexique Pro** – a program that reads/writes Toolbox (FOSF) files and implements sense relations as hypertext links, displays images and plays sounds, and automatically generates a finder-list. Lexique Pro can produce either HTML files for a web-based dictionary or a stand-alone lexicon that can be distributed as a run-time package.

▪ **We Say** – a web-based programme being developed by SIL that allows native-speaker lexicographer to populate a thematically organized lexicon;

▪ **Kirrkirr**, a software for the exploration of indigenous language dictionaries – a lexicon visualization tool that takes XML dictionary files and visualizes them as two dimensional spaces where sense links are shown as coloured lines between lexical bubbles – also support images and sound.

Thousands of words and word combinations used on a daily basis representing socialist political and economic order were compiled in GAD1 by using **traditional or conventional tools** (i.e. *абсентеизм, абсолютизм, автократия, авторитет, анархизм, библия, бойкот, гегемония, гласность, глобализация, глобальный, господство, демократия, евангелия, империализм, индустриализация, инициатор, кандидат, капитализм, класс, колхоз, коммунизм, консенсус, король, коррупция, кризис, лидер, меритократия, монополия, многосторонность, общество, общественный, пацифизм, перестройка, политбюро, политическая власть, плутократия, политический плюрализм, противоречие, рабство, репрессия, рынок, собственность, социализм, средства производства, труд, сталинизм, урбанизация, феодализм, чиновник, экономический кризис, эксплуатация* etc.) have appeared in a

vulnerable state caused by an ideologically prepared definition system. Almost 100 [1917-1991] years of Russian literature, language, history, science, press, television, textbooks were exacerbated by the ideological flood of vocabulary praising socialist and communist doctrines.

«Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетание слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?»^{1&2}.

«[Новый] Большой академический словарь - БАС является нормативным словарем, т. е. словарем, отражающим нормы современного употребления слов, и уже потому не представляет собой словарь строго исторического типа. Однако словарь, который ставит своей задачей описание лексики русского языка почти двух веков - от эпохи Пушкина до наших дней, - не может обойтись без экскурса в историю конкретных слов, так как в течение указанного времени некоторые лексические единицы в своем значении, употреблении, произношении и т.п. претерпели существенные изменения, которые, естественно, должны быть отражены в словаре. Включение в *Словарь* лексики, стоящей вне пределов словарных норм современного литературного языка, но употреблявшейся в литературном языке XIX и начала XX веков, обусловлено тем, что *русская классическая литература* является неотъемлемым элементом современной культуры, читается и изучается широкими массами населения, а лексика и фразеология, встречающаяся в ней, составляют важную часть языкового сознания общества нашего времени. В то же время отражение в *Словаре* неологизмов объясняется появлением в последнее десятилетие в речевой деятельности общества слов, называющих новые явления общественной жизни, культуры, науки, техники, промышленности и т. д.»³.

БАС относится к строго нормативным словарям глубоко филологического типа с историческими элементами. БАС «не может обойтись без экскурса в историю конкретных слов» и дает немало сведений энциклопедического характера, которые рассредоточены по разным зонам словарной статьи и объективируются в ней то эксплицитно то имплицитно.

БАС переполнен исторической информацией. Эта информация дается в зоне толкований в виде указания на хронологические рамки бытования реалии перед толкованием со специальными пометам: *В дореволюционной России, В советское время, В старину, В средние века, В середине XVIII-XIX вв. и др.* или в виде исторического комментария после него. Сосредоточим

¹ См. Joseph Stalin, *Marxism and Problems of Linguistics. Примечание.* Статья И. Сталина фактически завершила дискуссию о так называемом «Новом учении о языке» Н. Я. Марра, которую проводила газета с 9 мая. Дискуссия в «Правде» началась неожиданно, в разгар последнего наступления марристов (шедшего с конца 1948 г.), которые в ходе масштабной «проработочной» кампании до сих пор одерживали верх (в том числе административными средствами, вплоть до увольнения) над всеми действительными и мнимыми оппонентами. Выступление Сталина повернуло кампанию на 180 градусов; вместо очередной волны проработок и, возможно, репрессий против оппонентов «Нового учения» сам марризм был окончательно развенчан и сошел со сцены.

² И. В. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания, Сессия отделившейся общественных наук Академии Наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Издательство Академии наук СССР, 1951 г.

³ Н.В. Соловьев, *Большой академический словарь*, Том 1 (А-Бинш), РАН ИЛИ, Москва & Санкт-Петербург, 2004, С. 7.

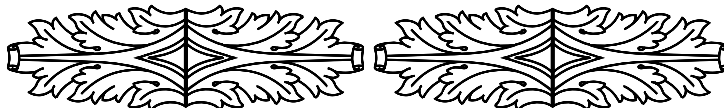
JOHANN JOHANNOVICH KRASOVSKY (1746-1811)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

исторической информации оказывается справочный отдел, замыкающий обычно словарную статью.

БАС, единственный из всех современных толковых словарей, который дает читателю хотя бы приблизительные представления об исторических истоках слова, времени его появления в языке, его исходном первичном значении (а в первых томах трех БАС1 – и употреблении). БАС содержит в себе краткую лексикографическую историю кодификации того или иного слова, его отдельных форм, характера произношения и написания на протяжении всего периода существования русского литературного языка.

В основе справочного отдела БАС лежат около шестидесяти справочников разных типов и родов: толковых и энциклопедических, словарей иноязычных заимствований и энциклопедических словарей. Речь идет не только об обычной этимологии, сопровождающей заимствования нового времени во многих толковых словарях (например, Словаре Ушакова, МАС1, МАС2, БАС1, БАС2 и т. д.). Основной фонд русского языка составляет исконная лексика, входившая в состав церковнославянского, а позднее – древнерусского языка. Установить генетическую принадлежность слова языку древнейшего периода, датировать, хотя бы грубо, время появления лексики более поздних периодов – задача справочного отдела БАС. Хотя «фактическая жизнь слова в многочисленных ее проявлениях находит отражение в лексикографических «календарях» через долгие сроки молчания... тем не менее, ни один историк русской лексики не может отрицать ценных наводящих сведений и указаний, содержащихся в историко-лексикографических справках Словаря»¹.

«10.1. Словарные статьи сопровождаются особым справочным отделом, составляющим отдельный абзац.

10.2. В справочном отделе приводятся:

а) сведения о первой фиксации слова в словарях русского языка, начиная с XVIII века, а также в Словаре древнерусского языка академика Срезневского (или в Словаре русского языка XI–XVII веков) и Лексиконе славеноросском П. Беринды 1627 года);

б) сведения об изменении форм, произношения, написания слов, если эти особенности отмечены с начала XIX века в последующих словарях вплоть до современного состояния слова;

в) сведения об этимологии иноязычных слов;

г) устаревшие, просторечные и другие грамматические формы, не отвечающие (или не полностью отвечающие) современной норме, но встречающиеся в художественной литературе.

10.3. В справочном отделе могут быть указаны формы слов, отступающие от норм современного употребления, но помещенные в словарной статье для показа исторического развития каких-либо свойств слова (морфологических, акцентологических и т. п.). В этом случае наряду с указанием на ограниченность употребления слова приводится помета: (прим. см. выше), например: ВИШНЁВЫЙ. □ Устар. Вишневый. На кудри мягкие надета Ермолка вишневого цвета. Лерм. Тамб. казначейша. - С иным (устар.) удар.: вишневый...»².

Историческая информация в БАС содержит сведения не только о бытовании той или иной реалии, но и дает сведения по истории слова. Помимо исторической информации БАС включает следующее:

- информацию исторического характера, содержащую указания на сферу преимущественного употребления слова или

границы распространения реалии. Такие элементы толкования, как *В Сибири, В Западной Европе, В древней Руси, В древнем Риме и т. п., В горном деле, В медицине, В математике или В речи моряков, В речи охотников, В речи пылаков, В сказках, В восточной поэзии, В греческой мифологии и т. п.* вполне традиционны в БАС;

- культурологическую информацию, указывающую на литературный источник, к которому восходит переносное значение слова или его символическая нагрузка, мотивировку возникновения того или иного значения слова, устойчивого сочетания или фразеологизма;

- информацию научного значения, содержащую оценку того или иного явления с мировоззренческих позиций, с точки зрения результатов познавательной деятельности. Она находит свое отражение в традиционных формулах: *В религиозных представлениях, По суеверным представлениям* якобы и т. п. или свободном авторском комментарии;

- информацию идеологического характера, отражающую восприятие слова или явления с точки зрения его политический оценки (БАС1 и БАС2).

Помимо указанных источников энциклопедической информации, не менее значимы и иллюстрации, включающие множество познавательных сведений из истории, медицины, психологии, культуры и иных сфер общественной жизни (например: Дизель, Калашников, Паровоз и т. д.).

Опираясь на исторический опыт многих поколений, на коллективное создание нации, любой словарь отражает достижения своей национальной культуры. Однако границы и глубина этого отражения зависят от типа словаря. Обращение БАС к языковому прошлому сделало его поистине энциклопедией русской жизни, материальной и духовной культуры русского народа на протяжении всей его многовековой истории: от истоков до первой половины XXI в. включительно и поставило его в один ряд с словарями В.И. Даля и А.А. Шахматова. В БАС представлены все исторические этапы развития русской лексики с древнейшей поры до последних дней редактирования нового издания БАС. Городской и крестьянский быт, его устои, церковные и народные праздники, обряды с их атрибутикой, веяния моды, гляда русской кухни и др. черты национального уклада, вытесненные после Октябрьской революции приметам нового времени, сохранились в словаре как культурно-исторический памятник.

Принципиальное отличие БАС от других толковых словарей русского языка в том, что, располагая богатым арсеналом дифференцированных лексикографических средств введения энциклопедической информации, он гораздо полнее и шире охватывает то языковое прошлое, которое обеспечивает непрерывность культурных традиций. Поэтому вполне естественно, что многие значения и устойчивые сочетания, представленные в БАС, остаются вне поля зрения других академических толковых словарей (БАС1, БАС2, МАС1 и МАС2).

БАС – единственный из всех толковых словарей русского языка, который позволяет своему пользователю увидеть историю языка как соответствующую, и историю русской культуры, в хронологически расчлененном виде, причем не только благодаря справочному отделу с его первой фиксацией и лексикографической историей, но и благодаря принципам интерпретации словоупотреблений, характеру иллюстрирования. Недаром каждое значение, а нередко и

¹ В. В. Виноградов, *Тезисы доклада*, С. 3.

² Н.В. Соловьев, *Большой академический словарь*, Том 1 (А–Винш), РАН ИЛИ, Москва & Санкт-Петербург, 2004, С. 30.

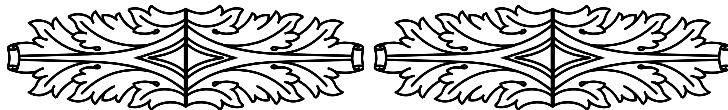
ALEXANDER ANDREEVICH BEZBORODKO (1747-1799)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

словоупотребление имеет не менее трех цитат, относящихся к разным этапам развития языка.

В БАС, как в зеркале, отражается русский менталитет с законами чести, гостеприимства и хлебосольства, истинным патриотизмом, национальной гордостью, крайностями в любви и ненависти. Фонд цитат отражающие русский менталитет, хранящихся в БАС, не только свидетельствуют об устойчивости национального склада, цикличности исторических событий и повторяемости социально-психических ситуаций, но и обеспечивает ему запас современности. В. И. Чернышев писал о БАС как о словаре – справочнике, предназначенном для «всех тех, кто пользуется языком как средством культурного общения, средством усвоения, выражения и распространения науки, литературы, русской цивилизации вообще»¹.

В БАС широко представлен национальный быт других народов, по существу вся мировая культура в тоом ее объеме, в котором она питал арусский менталитет, органично пополняя представления русского человека о мире, в котором он живет. Речь идет не только о собрании этнографизмов, служащих наиболее яркими приметами национального уклада (см. голубцы, долма, икибана и т. п.)

В корпус БАС вливались имена греческих, римских, западноевропейских и восточных богов и героев, мифологических существ, литературных персонажей и исторических лиц, испытывавших на себе смысловые метеморфозы и получивших благодаря мифам, легендам, бродячим сюжетам свои символические нагрузки. Монгие из этих имен узаконили свое положение в составе русского литературного языка только благодаря БАС.

Этнографическое название древнейших народов, оставивших свой след в истории человеческой цивилизации, заняли свое место наряду с современными этническими наименованиями. Названия различных направлений общественной мысли, вероучений и общественных движений как национального, так и интернационального характера нашли достойное место в БАС.

Особый пласт мировой культуры представляет в БАС культурная и христианская лексика. В эпоху массового атеизма, отчуждения произведений религиозной литературы во всем многообразии ее жанров, недоступности Библии (БАС1 и БАС2) для широкого круга читателей БАС знакомил с библейскими персонажами и событиями, с атрибутикой христианских обрядов и их символикой, с религиозно-этическими нормами, поддерживающими в БАС идеалы высокой нравственности.

Words and their features are studied by both lexicology and lexicography. The sum total of all the words available in the Russian language forms the vocabulary or the lexical stock of the Russian language. Although each word is an independent linguistic entity in the GAD, it is indirectly related to other lexical items both paradigmatically and syntagmatically. While the paradigmatic relation of words in the GAD is based on the interdependence of words within the lexical system, syntagmatic relations show words in their patterns of arrangement. The vocabulary of a language is not an arbitrary frame of diversified phenomena; it is a well-defined system that consists of elements which, although independent, are interrelated in some way or another.

As a phonological, grammatical and semantic unit, a Russian word is made up of a particular group of sounds, and it has grammatical and semantic functions. Lexicology studies a word in all these aspects exploring the patterns of its phonological, morphological and contextual behavior as well as its semantic relationships. A word often undergoes changes in its form and meaning with respect to its origin resulting from its development and current usage. Since a word does not occur in isolation, its combinatory possibilities are also studied in lexicology including its phrasiological, idiomatic and proverbial functions.

The domain of Russian lexicology is both diachronic (i.e. historical) and synchronic (i.e. descriptive). From the diachronic viewpoint it deals with the origin and development of the form and meaning of lexical units in a particular language across the time scale. From the synchronic perspective it studies various aspects of the vocabulary of a language at a particular point of time, i.e. from Pushkin to the present day. This implies that in lexicology words cannot be studied in isolation without close reference to other fields.

Lexicological study of Russian words can be general and special. While general lexicology is concerned with general features of words common to all languages, special lexicology studies words with reference to a particular language. Furthermore, lexicological studies can be comparative and contrastive, based on the lexical systems of any two languages. Functionally, lexicology fulfills the needs of different branches of applied linguistics such as lexicography, stylistics, language teaching, etc.

Based on Zgusta the lexicography also studies lexicon but from a different angle. While lexicology concentrates on the general properties and features that can be viewed as systematic, lexicography typically deals with the individuality of each lexical unit. **Λεξικογραφία** is thus defined as the art of writing a dictionary or the science of compiling a dictionary. While **Λεξικολογία** studies words as elements of a system, lexicography approaches words as individual units with respect to their meaning and usage. Using a dictionary in order to learn about words in the process of language learning, comprehending a text in a better way or checking correct spellings and pronunciations of words, etc.

A word may have varied sets of characteristic feature, all of which may not be needed to a dictionary maker, since his work is mostly guided by the purpose of dictionary and the type of users. Words are presented in a dictionary in alphabetical order. For instance, whatever theoretical basis for enumerating different meanings of polysemous words is accepted, meanings are arranged and presented keeping in mind the practical utility purpose of the dictionary of different users. While a lexicologist presents materials according to his view of the study of vocabulary, a lexicographer is guided by the retrieval memory and retrieval data.

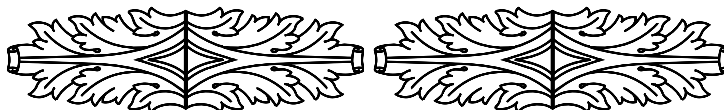
In principle, lexicology provides a theoretical basis to lexicography. A dictionary maker may know all the semantic details of a lexical unit, but he has to decide which details to include in the definition. Lexicological study of words is governed by theories of semantics and word formation. In lexicography definitions are often subjective and are not free from the bias of a dictionary maker.

Lexicology is not language specific, since it deals with universal features of words. Lexicography is more or less language specific in spite of its universal theoretical background. Lexicography has no other relevance except for its practical

¹ В. И. Чернышев, *Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка*. // В кн.: В. И. Чернышев. *Избранные труды*, Москва, 1970. Т. С. 342.

ALEXEI KIRILLOVICH RAZUMOVSKY (1748-1822)
SECOND MINISTER OF NATIONAL EDUCATION OF
THE RUSSIAN EMPIRE (1810-1816)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

applicability. Lexicology is more theory oriented, lexicography is more concrete in application of theories. In a certain sense, "lexicography may be considered a superior discipline to lexicology, for results are more important than intentions and the value of theoretical principles must be estimated according to results" (Doroszewski¹ 1973: 36).

Lexicology usually covers a wide range of interests and approaches to lexical study. It includes reconstruction of meaning and semantic change of words, lexical variation and change across time scale, evolution of vocabulary over centuries, neologism and word-loss within languages, lexical borrowing and derivation over time, structural and etymological analysis of lexical items, etc. with close interface between semantics, syntax, and pragmatics. Lexicography serves simply as a store house of information. In order to perform this task adequately, it collects information from different sources and presents them within the scope of the dictionary users.

Writing and editing the *Great Academic Dictionary* may seem a disarray to an inexperienced person in lexicography. However, the task for making the GAD is overly organized, and the word selection is *proportionally focused* from the centre to the periphery, the entire vital domain of the classical and contemporary Russian language.

In focusing our attention to consider the treatment of the semantic system in the *Great Academic Dictionary*, the editors face several perplexing problems. If one function of the *Great Academic Dictionary* is more important than its many others, then surely that function is to define the meaning, the signification of words.

Definition is central to the *Great Academic Dictionary* and quite obviously it is involved with semantics. Principally, it deals with individual words in isolation from other words and thus does not ignore, to a considerable degree, the systematic, relational side of Russian semantics. Another problem is that although quite a lot of information is known about the system of Russian phonology and the grammatical system, our understanding of the semantic system is very substandard. Much of what is known about semantics does not come very obviously into play in a dictionary. Still, it will be a glimpse of this system when the dictionary treatment of synonyms is considered seriously. In the meantime, there is much to be researched about the defining of words. Perhaps the first thing that is needed is to be reminded of the meaning of a word, employed artificially and conventionally.

Meaning does not precisely reside within the word. It is resonated in the minds of those who hear or read the word. This fact alone assures that meaning is, to a great degree, amorphous. No two individuals have had exactly similar experiences with a word, referring to the meaning of the word slightly or greatly different from each carrier of the language, regardless of native or non-native origin. It is apparent, then, that the *Great Academic Dictionary* which set itself the task of defining the meanings of words in their entirety would be an impulsive and unscrupulous enterprise. Therefore, the *Great Academic Dictionary* editors invoke the traditional distinction between *denotation* - the direct and specific part of meaning which is sometimes indicated as the total of all the referents of a word and is shared by intellectually alert and sound layers of the educated society who use the word and *connotation*: the more personal associations and shades of meaning that gather about a word as a result of individual experience which may not be widely shared. The GAD concerns itself essentially with the denotations of each words

within its word selection.

For the editors of the *Great Academic Dictionary* the defining process began long before they actually sat down to analyze critically the definitions of the previous editions and to formulate trial definitions. It began with *reading and marking*. Generally, each editor spends a segment of the working day by reading a variety of newspapers, magazines, and books, looking for anything that might be useful to a definer of Russian words. Due to limitations of time and staff, the scope of Russian seems nearly unlimited, changes in subject matter, geographical area covered, and individual publications must be made from time to time in a way carefully calculated to ensure the range and depth as well as the continuity of lexical coverage of the vocabulary of Russian.

The editors of the GAD who are reading and marking will, of course, be looking for examples of new words and for unconventional applications of familiar words that suggest the possible materialization of a new meaning. However, they will also be concerned to provide evidence of the current status of variant spellings, inflected forms, word formation and the stylings of compound words, to collect examples from Russian literature that may be quotable as illustrations of typical use in the GAD.

In each instance the reader will underline the word or phrase that is of interest and mark off as much context as is considered valuable in elucidating the meaning. This example of a word used in context is called a *citation* of the word. Ideally, the editors like all citations to illuminate the meaning of the word, but some passages will remain obscure no matter how far they extend, and sometimes one must mark a citation simply for the occurrence of the word or meaning, trusting that the reading-and-marking process will yield more helpful examples in the long run.

In the case of ephemeral words, of course, this may never happen, but truly ephemeral words will not need to be defined for the GAD. At this early stage of the dictionary-making process the editors do not make judgments about the likelihood of a word's establishing itself in the language. If a possible citation has even the barest potential to be useful at a later time, it is marked and catalogued to expand the *Great Dictionary Card Index System*.

These samples of words in bracketed context are put onto cards, and the citation slips are placed in alphabetical order in rows of filing cabinets at the *Institute for Linguistic Studies*. The samples will be used by the editors in their roles as writers of definitions and certain other parts of entries systematized for inclusion in the GAD.

The editors participating in this third and new edition of the *Great Academic Dictionary* have reviewed every citation that had gathered since the *Dictionary of the Russian Language* by academician Jacob Grot which was prepared in the early 1850s, marking the beginning of the *Great Dictionary Card Index System*. Upon necessity, the editors of the GAD also sketch upon the supplementary resources of "consolidated" files, those that contain all the citations (over eight million) that had been accumulated in the *Institute for Linguistic Studies* since the mid XIX century and had been used in the editing of the many other academic dictionaries.

The actual defining process begins with a number of special assignments called "group defining projects", which may range from a small set of words like those for the days of the week or the letters of the Russian alphabet to the vocabulary of a large subject area such as art or science for which parallel, formulaic definitions

¹ Witold Doroszewski. *Elements of Lexicology and Semiotics*. Page 36. Mouton De Gruyter; First Edition edition, Berlin, 1973.

Витольд Ян Доросzewski (Doroszewski) Витольд Ян (1899, Москва-1976 Варшава), польский языковед-славист. Специалист по общему языкознанию, лексикологии, диалектологии, филологии. Профессор Варшавского университета (с 1929), член Польской АН (1952), С 1932 редактор журнала «Poradnik językowy». Под редакцией Д. вышел «Словарь польского языка» (тт. 1-11, 1958-69).

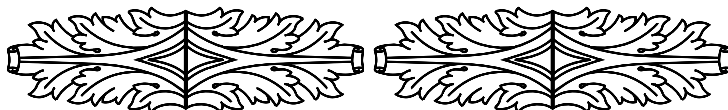

ALEXANDER VASILYEVICH KHRAPOVITSKY (1749-1801)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

are required. When these assignments have been completed, defining proceeds alphabetically, with the editors responsible for the entire lexicon, terminology of the life sciences or the physical sciences and related technologies working independently of the editors responsible for defining the general vocabulary.

The task for making the *Great Academic Dictionary* does not end here. There are many other concerns of greater complications regarding the language system in the Russian language.

The major systems that make up the broad comprehensive system of the Russian language itself are several in number: alphabet, phonology, morphology, lexicon, grammar, syntax, semantics, and pragmatics. The most essential system that the *Great Academic Dictionary* dictionary editors and dictionary users are most directly concerned with is the vocabulary or *lexicon*, the multitude of words and word elements which are harmonized in various ways to form larger units of discourse: phrases, clauses, sentences, paragraphs, and so forth. Russian lexicon is governed by rules that permit specific word formation, make others dubious, and render still others clearly impossible.

In Russian the reader might say *переобсуждение* without irresolution if he needed such a word and could not for the moment think of *судить*, even though the former is not normally part of our everyday working vocabulary; but *философия* might give the reader considerable interlude, and *любопытность* he would simply never verbalize.

The magnitude of the lexicon varies considerably from literary language to low parlance language. The Russian language of an isolated villager or a prisoner, for example, may be perfectly adequate with a relatively small and fixed vocabulary, since it has no need of the coinages attendant upon modern technology, while Russian has enormous stocks of words, to which they add day by day at a great rate. Since the *Great Academic Dictionary* is centrally and proportionally focused upon the normative literary lexicon, the discourse of the other systems of language, as it proceeds, will be largely concerned with how they are related to the lexicon and thus are consequential within the GAD.

The grammatical system of the Russian language governs the way in which words are amalgamated together to form the larger units of discourse mentioned earlier. Grammar, of course, varies a great deal from literary language to colloquial language just as the lexicon does: in Russian, *word order* is not a dominant factor in determining meaning, while the use of inflectional endings to mark the grammatical function of individual words within a sentence plays a clearly dominant role.

The semantic system of the Russian language deals with meanings and thus with the relation between the conventionalized symbols that constitute language and the external reality about which every Russian speaking person needs to communicate through language.

The phonological system of the Russian language is what allows a speaker of Russian to transform a grammatical unit assimilating a meaning into a flow of pronounced sounds that can be heard and interpreted accurately, according to literary norms developed by another speaker of Russian. This system is always very solidly organized. The inventory of basic meaningful *phonemes* within Russian is never very large compared with the number of words and word elements in the lexicon; most speakers of Russian manage with approximately 50-70. Phonemes are identified by the fact that in some pairs of words they create a contrast that signals a difference in meaning. The speaker considers the vowel sounds of *кровь* - *бровь* and *дверь* - *зверь* to be different phonemes because the difference in vowel sounds is the sole determinant of their being

unmistakably distinct words. Only their consonant sounds are dissimilar. Similarly, the initial consonant sounds of *дом* - *том*, *балка* - *палка*, *голоши* - *колоши*, and *змея* - *змея* are contrasting phonemes. On the other hand, the sound at the beginning of *сон* and at the end of *нос* are phonetically quite different, but as they do not juxtapose meaningfully to the speaker he does not perceive them as distinct phonemes. The integrations of these phonemes permitted in the Russian language are severely restricted, as are the strategies in which speech sounds occur in conjunction with other significant elements of the phonological system such as forced or intensified accent and intonation, the elevation and reduction in pitch of the voice as it moves through an exclamation.

All of the systems of language are constantly in functioning mode, and in a given language at a given time they may seem almost to be monolithic or at least to have sufficient identity that it makes sense, for example, to talk of the grammar of Russian. And, indeed, how could it be otherwise? Language would be a far more imperfect tool of communication than it is if the speakers of Russian were not functioning within a system sufficiently integrated and unified to permit almost constant mutual intelligibility. Nevertheless, the impression of unity which the speaker receives when he takes a broad descriptive look at a single language at a particular *synchronic* point of view is more than a little misleading because it has failed to take account of the enormous variation that exists within the Russian language.

Every person speaks a distinctive form of Russian which is not identical in every particular way with the form spoken by anyone else. This individual variety of a language as identified as an *idiolect*. Those who speak idiolects sharing certain features of vocabulary, grammar, and phonology that are distinctively different from corresponding features shared by others who live in a different geographical area or belong to a different social group or who differ in some other way that affects their language are said to speak a *dialect* of the language. The GAD comes to unify the Russian language and exemplify the usage based on different norms, established by classical and contemporary Russian literary language.

The *Institute for Linguistic Studies* has always identified a number of different geographical dialect areas within Russia, rather clearly marked on the Northern territorial districts but progressively less well defined as one moves east; yet, the dialects of St. Petersburg and Pskov do not differ overall very greatly from one another; some dialects of southern Russia are more strikingly divergent in phonology, for example, than are any two dialects within Russia, and some dialects approach the condition of mutual unintelligibility that is often taken to divide separate dialects from each other, and literary Russian likewise.

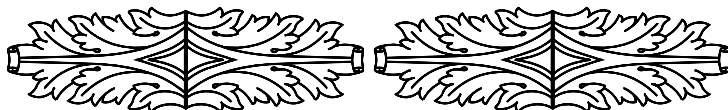
Nor is variation in language by any means confined to matters of *idiolect* or *dialect*. Issues regarding idiolect and dialect are well researched and documented in regional dictionaries. Only a slight part of idiolect and dialect have become part of the word selection for the *Great Academic Dictionary*.

Variation may also be related to the several functional varieties of the Russian language that people move it closer to the centre of the core of the word selection specified for the GAD and abandon as their roles and relationships change on an hourly basis throughout the day. Such variation can involve vocabulary, pronunciation, and even grammar which is studied very thoroughly by lexicographers at the *Department of Dictionaries*.

If variation of the Russian language is one of the most affluent characteristics of Russian as one considers it at the present time, the ineluctable and mandatory fact that manifests from considering Russian historically from a *diachronic* point of view, is

DMITRII PROKOFYEVICH TROSHCHINSKY (1749-1829)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1801)
FOURTH MINISTER OF JUSTICE (1814-1817)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

change. *Change itself is the main and only subject of history. Change never takes place without definite presence of time. Therefore, the Great Academic Dictionary with its vocabulary range from Pushkin to the present day is nothing but a massive change in language that makes this reference publication to appear as a historical dictionary of its very own kind, and not as a dictionary that has been compiled on historical principles, clearly resembling the established style for "historical dictionaries".*

No living language is stationary, however we wish at times that it would. Change over the short run is most readily noticed in the lexicon, as a comparison of successive editions of *the Great Academic Dictionary* definitely does show; in grammar and phonology, the shift of stress etc. The forces of *change* typically operate much more slowly within the periodical range *from Pushkin to the present day*. The cumulative effect of *changes* in Russian that are unobtrusive and indistinguishable as they occur can be impressive when measured across the time period *from Pushkin to the present day*. The Russian of those three to five generations apart from each other might not sound so very different from one's own. It is proven by an axiomatic differential method of presently spoken Russian from Lermontov's Russian. However, this cannot be the same case for the English language which has gone through many unrecognizable "face lifts" just from Old English to Middle English to Early Modern English to Modern English to finally King's English to BBC English to Current English: from some unknown to another unknown, from Chaucer to Shakespeare, from King James to Byron, from Byron to the present day. Perhaps it might seem a bit stiff and formal, a bit old-fashioned in its vocabulary, but the differences would not be dramatic. If we could somehow listen to an English-speaker of King Alfred's time, however, we would hear what all but a few scholars of historical English would take to be a foreign tongue, which would be the joke of the Universe. This is not a secret! One shall just try to use the *Oxford English Dictionary* to comprehend this historically questionable enormous *change* on that little island, or as they call it there, "Great Britain", where the word **normative** seems to have descended from another planet.

Meanwhile, Russian normativity and the time period that has been presented to us, will stay unchanged, *from Pushkin to the present day*. This justification in *change* denounces and promises us a lot about ourselves as Russians. If in doubt, refer yourself to the *Great Academic Dictionary* going back all the way to the *Dictionary of the Russian Academy* and annals, known as *ленински*!

There are many different types of Russian dictionaries, which have different types of content and coverage and are designed to serve different needs and users. The GAD and other numerous academic dictionaries in style and purpose for use are themselves very different. While the GAD focuses on the current language and practical usage, the *СРЯ11-14*, *СРЯ11-17* and *СРЯ18* show how words and meanings have changed over time.

The dictionary content in the GAD focuses on contemporary Russian literary language and includes modern meanings and uses of words. Where words have more than one meaning, the most important and common meanings in modern Russian are given first, and less common and special or technical uses are listed below. The GAD, on the other hand, is a historical dictionary in its own right and it forms a record of all the core words and meanings in Russian for over more than 300 years, *from Pushkin to the present day*, and including many obsolete and historical terms. Meanings are ordered based on logic in the GAD, according to which literary material is correctly recorded in Russian, so that senses with evidence of correct

usage appear within the corpus of the GAD as a **supreme lexical atlas of the Russian language**.

§ 16 БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА¹

Большая картотека словарного отдела — самое крупное собрание лексических материалов по русскому языку. Картотека является одним из подразделений Института лингвистических исследований в Санкт-Петербурге. Она содержит около 7.000.000 карточек. Каждое слово зафиксировано на карточке в контексте предложения. Картотека содержит два типа карточек: карточки-цитаты из литературных произведений, главным образом XIX и XX вв., и карточки, содержащие извлечения из словарей XIX и XX вв., энциклопедий, пособий, разного рода справочников, учебников и т. п. В карточках первого типа даётся небольшой контекст (1-2 предложения), который раскрывает значение слова, показывает форму его употребления, стилистическую окраску. В карточках второго типа представлены сведения, на основе которых можно дать толкования терминов, установить принадлежность слова к тому или иному речевому жанру и т. п.

Картотека ведётся своё начало с 1886, когда Я.К. Грот в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук начал работу над «Словарём русского языка» (в. 1-3, 1891-95). На подготовительном этапе работы закладывались научные и организационные основы ведения картотеки. После смерти Грота А.А. Шахматов, возглавивший работу над Словарём, внёс ряд существенных изменений в Словарь и принципы отбора материалов: расширился круг литературных источников (от А.С. Пушкина до произведений современников), было привлечено значительное количество слов народного языка из записей устной народной речи. Пополнение картотеки в этом направлении продолжалось до 1927-28. Затем, когда под руководством В. И. Чернышёва (с 1937 по 1949) началась работа над «Словарём современного русского литературного языка» в 17 томах, принципы пополнения картотеки изменились: были поставлены задачи, связанные с отражением языка совр. эпохи, с нормализацией языка. В соответствии с этими принципами пополнение картотеки продолжалось при последующем составлении «Словаря современного русского литературного языка» (т. 1-17, 1948-65) и «Словаря русского языка» (т. 1-4, 1961-65), а также и после их выхода в свет.

С 1966, когда по инициативе А. М. Бабкина началась работа по подготовке «Нового словаря русского языка», материалы, извлечённые из произведений современных авторов, стали храниться отдельно. Новая картотека насчитывает около 2.000.000 карточек. Ведётся работа по вводу словника картотеки в ЭВМ, использованию ЭВМ при обработке текстов.

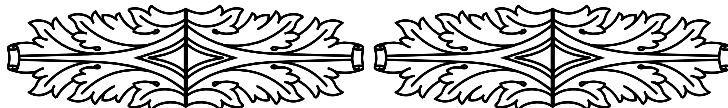
Материалы картотеки были использованы при работе над «Словарём синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (т. 1-2, 1970-71), над «Словарём новых слов и значений» под ред. Н. З. Котеловой (1970, 1984, 1995), над словарём «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К.С. Горбачевича (1973), используются при работе над многотомным «Словарём русских народных говоров» (в. 1-29, 1965-95; издание продолжается), над новым фразеологическим словарём, который готовится к печати. Картотека активно используется во 2-м издании «Словаря современного русского литературного языка» в 20 томах (т. 1-6, 1991-94; незаконченное издание) и при

¹ The Great Dictionary Card Index system, which is located at the Dictionary Department of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg.

ALEXANDER SERGEEVICH NIKOLSKY (1749-1829)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1801)
MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1802)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

работе над новым словарём русского языка¹.

Картотекой пользуются исследователи по лексикологии, грамматике, стилистике, а также литературоведы, преподаватели вузов из Санкт-Петербурга, Москвы, из других городов России, зарубежные учёные.

«Сводный словарь современной русской лексики» (1991), а также сборники, посвященные практическим вопросам лексикографии, подготовленные составителями картотеки, облегчают работу по выборке материалов, подготовке разных типов словарей русского языка. В 1986 была проведена конференция, посвященная 100-летию Большой картотеки Словарного отдела.

Большая словарная картотека (БСК) Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), в которой собрано и систематизировано огромное количество словарных карточек с цитатами, позволяющих вести разнообразные словарные и филологические работы, насчитывает порядка 8.000.000 карточек. Материалы картотеки были использованы при подготовке множества словарей и грамматик русского языка, включая такие фундаментальные труды, как «БАС» в 17 томах, академическая «Грамматика русского языка» 1952-1954 гг., «Орфографический словарь русского языка» РАН и мн. др. [Рогожникова 1989, Рогожникова 2003, Приемышева 2003]. Картотекой пользуются ученые из различных городов нашей страны и из-за рубежа для исследований по различным проблемам русского языкознания. Сегодня с ее помощью создаются *Большой академический словарь русского языка* в 30 томах, новый фразеологический словарь русского языка и др.

БСК начала создаваться еще в XIX веке под руководством академиков Я.К. Грота и А.А. Шахматова. В настоящее время БСК состоит из двух частей: старой картотеки (с 1886 по 1968 г.), насчитывающей около 5,500,000 карточек, и новой картотеки (с 1968 по 1994 г.), насчитывающей около 2,500,000 карточек. Наряду с БСК в ИЛИ РАН хранятся и другие картотеки, значительные по объему материалов (картотека Словаря русского языка XVIII века — около 3,000,000 карточек, картотека Словаря русских народных говоров — более 2,000,000 карточек, картотека Словаря новых слов и др.). В 1986 и 2001 гг. было проведено две конференции, специально посвященных БСК.

Среди всех выступлений особо стоит отметить высказывания, в которых подчеркивалось, что картотека должна охраняться государством как общенародное достояние, как памятник культуры.

■ БАС1: «Картотека, *род.* [картотек]и, ж. 1. Систематизированное собрание карточек, содержащих сведения справочного и л и учетного характера. Библиотечная картотека, □ — У меня картотека. Всю жизнь ее собираю. Несколько тысяч карточек уже есть. Тысяч тридцать... Обо всех вас имею сведения. Телеш. Зап. писат. || Помещение, где хранятся такие карточки. 2. Ящики для хранения таких карточек. На моем письменном столе.. стояли две деревянные картотеки. Игнат. 50 лет в строю. — Ушак. Толк. слов. 1934: картотека.— От нем. Karte и греч.θήκη — вместилище, ящик»².

■ БАС3: «Картотека, [картотек]и, ж. 1. Систематизированное собрание карточек, содержащих сведения

справочного и л и учетного характера. Библиотечная картотека, □ У меня картотека. Всю жизнь ее собираю. Несколько тысяч карточек уже есть. Тысяч тридцать... Обо всех вас имею сведения. Телеш. Зап. писат. // Ящики для хранения таких карточек. На моем письменном столе.. стояли две деревянные картотеки. Игнат. 50 лет в строю. 2. Отдел учреждения, где занимаются составлением таких карточек; помещение, где хранят такие карточки. Работать в картотеке. Заведовать картотекой. — Ушак. Толк. слов. 1934: картотека.— От нем. Karte и греч.θήκη — вместилище, ящик»³.

[ММК: др.-греч. χάρτης «лист папируса» и θήκη «место хранения»]

Примечание: [ММК: Картотека, ... др.-греч. χάρτης «лист папируса» и θήκη «место хранения»].

§ 17 CONCLUSION: A REVIEW RATHER THAN A CRITICISM

«Большой академический словарь написан очень аккуратно и добросовестно»⁴.

Writing and editing this monograph *On the Great Academic Dictionary* was commenced as of the year 2006. After lengthy consultations with several Rusists, scholars and academic lexicographers, a final decision was made to make this particular version in both Russian and English languages. Since there is no central question or argument related to the subject matter of this *Monograph*, the conclusion would not be a summary of ordinary writing styles. The subject matter is based on facts only, not requiring proof or validation.

The Petite Academic Dictionary was used only for the unpublished portion of *the Great Academic Dictionary* (from letter *P-Я*). Some of the translations of Russian quotations into English used in this *Monograph* belong to the pen of my colleague, Stanislav Golovan, M.D., Ph.D. according to the understanding of the language of the XXI century.

As a rule, the reader must notice that strenuous methods of references (cross-references) were accomplished in an old fashioned way. Approximately 25,000 hours of human collective effort, over 1,200 footnotes are used in this *Monograph*. The overall bibliography⁵ contains more than 1,500 books, journals, periodicals, published and unpublished lectures, memoirs and correspondences. Almost 3,700 quotations used throughout the text. All 260 visual materials displayed in the text are used with the kind permissions and formal indications of courtesy by private and public exhibitions around the world, especially *the Hermitage*, *Pushkin's House* and *Tretyakov Gallery*. Altogether, approximately 1,150,000 words and 5,000,000 characters were used to describe the missing link to *the Great Academic Dictionary of the Russian Language, the History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language*. However, the collaboration of Alexander Heard, Lyudmila Kruglikova and the entire editorial collegium of *the GAD* in joint effort with TDK⁶ and «Σίγμα» LLC. will endeavour to plan a larger and better volume of *the History of the Great Academic Dictionary*, since Russian academic lexicography, in fact, is unique, rationalized and more formidable than any other lexicographical tools around the world (see § 27 CLARUS PRÆFATORIUM LEXICA).

¹ [Новый] *Большой Академический Словарь Русского Языка*, СПб., 2004.

² БАС1: *Словарь современного русского литературного языка*, том V, столб. 840, Москва, Ленинград, 1956.

³ *Большой Академический Словарь Русского Языка*, страница 682-683, том 7, РАН, ИЛИ, Москва, Санкт-Петербург, 2007.

⁴ Karamian M., *Treatise On Russian Academic Lexicography*, § 5, page 37 // Lecture series for 2007, Acapulco, 2008.

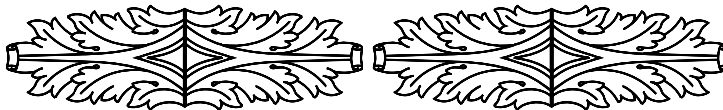
⁵ Including other sourced used within the text.

⁶ TDK- © Team Doctor Karamian and Los Estudios Filológicos Por La Causa*, a group of devotees to the highest professionalism in © Polyglottal Linguistic Studies, Savannah, Georgia, USA, 2011.

* Los Estudios Filológicos Por La Causa, Los Angeles 1960-1992.

YURII ALEXANDROVICH NELEDINSKY-MELETSKY (1751-1828)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1796)
HONOURABLE TRUSTEE OF THE ORPHANAGE HOME IN MOSCOW
(ARTWORK COURTESY OF «Russian portraits of 18th and 19th centuries.
Edition of Grand Duke Nicholas Mikhailovich of Russia»)

В. В. Виноградов.

Подводя основные итоги достижений русской лингвистической мысли XX века, мы хотели бы подчеркнуть, что исследования в русском языкознании шли от изучения и описания отдельных лингвистических вопросов к общим теоретическим проблемам. С этой точки зрения, особо следует выделить богатый материал синхронной и диахронной лингвистики, а также появившиеся новые научные положения, изучение и обобщение которых необходимо не только для пополнения наших сведений по истории русского языкознания, но и для оценки их влияния на последующее развитие русской и европейской науки о языке.

Научно-теоретические исследования по русистике, с одной стороны, подпитывали общезыковедческие интересы ученых, а с другой стороны, лингвистический материал русистов способствовал глубокому проникновению в конкретные языковые факты, которые эксплицитно оформлялись в виде соответствующей теории значительно позже в Пражской лингвистической школе и в исследованиях американских дискриптологов. Русистика стимулировала выдвижение целой совокупности идей, сыгравших заметную роль в формировании общелингвистической проблематики. Это касается, в первую очередь, общих принципов построения фонем и теории фонологии, частей речи, типологии синтаксических систем, системно-семантического анализа слова и др.

Авторы стремились осветить те страницы истории русской лингвистики, которые имели позитивный характер и научное признание, не вдаваясь в долгие дискуссии, порой остававшиеся невостребованными. А насколько авторам удалось охватить это существенное, судить читателю.

Появившиеся в последней четверти XX века работы русских исследователей по различным вопросам языкознания следует рассматривать как качественно новый этап в развитии русистики, предвосхищающей весьма важные открытия в лингвистике XXI века.

Известно, что в исследовательской традиции русской лингвистики, как и в других, были и поиски, и успехи, и фрагментарность, и ошибки, но не было зстоя исследовательской деятельности (ср.: чрезвычайное увлечение американским структурализмом без учета содержательной стороны, логико-грамматический анализ, сужение лингвистических проблем и т.п.).

История XX века расширила и углубила исследовательские горизонты лингвистики XXI века. Конец XX века высветил многие проблемы минувших столетий и требует их решения уже в XXI веке.

Учитывая особенности истории развития русской лингвистики, необходимо, как нам представляется, обратиться в XXI веке особое внимание на изучение и разработку следующих кардинальных проблем, отнюдь не уменьшая значения других:

- 1) сохранение преемственности существующей лингвистической традиции как связывающего звена между научным наследием и новым научным творчеством;
- 2) проблемы номинации новых лингвистических понятий, систематизация и упорядочение новой современной терминологии: по определению В.В. Колесова, «достигая вершин абстрактности в утверждении родовых терминов, научные школы, соревнуясь друг с другом в терминотворчестве, в конце концов, прибегают к использованию иностранных слов,

за которыми уже полностью исчезает всякая связь научного представления об объекте с реальным предметом»¹;

3) одной из важнейших задач лингвистики XXI века является подготовка высококачественных словарей различного рода. Имеющиеся словари не всегда удовлетворяют требованиям по давности своего издания, не отражают современный уровень научных знаний. Недостаточно специализированных словарей, например, диалектных, ономастических, этимологических, тематических, терминологических, культурологических, ассоциативных и других словарей разных типов;

4) продолжение инструментального исследования звукового строя русского языка, его диалектов и говоров для дальнейшего сопоставления с другими языками, чтобы получить дополнительные сведения о путях становления отдельных славянских языков;

5) варианты и особенности существования русского литературного языка на различных территориях мира;

6) особого внимания заслуживает стилистика художественного текста, обеспечивающая разносторонность в понимании и интерпретации синтаксических фактов и языковой картины мира;

7) продолжение сравнительно-исторических, типологических, сравнительно-сопоставительных, когнитивных исследований по фонетике, грамматике, лексикологии, фразеологии, стилистике как родственных, так и неродственных языков, используя современные методы анализа, с одной стороны, для реконструкции праславянского лексикона, а с другой стороны, для установления типологических универсалий, одновременно расширяя изучение проблем функционально-коммуникативной лингвистики;

8) изучение вопросов конвергенции и дивергенции языков в связи с важностью при решении теоретических и практических проблем ареальной лингвистики, «языкового союза», а также при внутренней реконструкции и эволюции языковой системы;

9) проблемы социолингвистики. Типы взаимодействия языков как родственных, так и неродственных. Двуязычие и многоязычие. Бинарное образование в многоязычных социумах. Взаимодействие русского и родного языка и обратное (родного языка и русского); выработка модели выживания малочисленных языков и их сосуществование с многочисленными языками в XXI веке;

10) комплексное исследование языковой картины мира разнообразными методами и множественностью интерпретаций, учитывающими данные языка, философии, мифологии, археологии, этнологии, этнопсихологии, нейрофизиологии и других смежных наук, как приоритетное направление науки;

11) межязыковое и межкультурное общение как новый тип коммуникации в современном мире, т.е. от типологии языков к типологии культур и цивилизаций, и другие аспекты. Названные здесь проблемы не исчерпывают всего того многообразия проблематики, что существует в изучении русского языкознания, а лишь указывают на некоторые первоочередные, по мнению авторов, вопросы научного поиска.

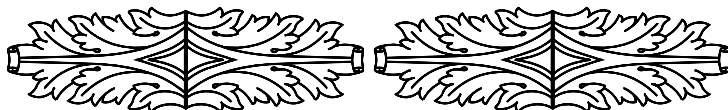
Наука о языке находится в постоянном развитии. Разумеется, говорить о том, что многие проблемы русистики последних трех-четырёх десятилетий стали достоянием истории, по-видимому, еще рано. Но мы сознательно включили

¹ Колесов В.В. *Русская ментальность в языке и тексте*. (Второе издание) Санкт-Петербург, 2003.

ALEXANDER MIKHAILOVICH BELOSELSKY-BELOZERSKY (1752-1809)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1800)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1809)
HONOURABLE MEMBER OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1809)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

в орбиту анализа некоторую часть работ, которые уже заявили о себе и стали достоянием языкознания.

В конце хочется высказать убеждение, что русская лингвистическая наука, объединяющая многие языковедческие центры мира по русистике, обогатит лингвистику XXI века и ее историю новыми научными достижениями.

The reason for and the purpose of this *Monograph* is mainly about the *objective* matters of lexicographical issues regarding the *Great Academic Dictionary* and its history, the *Russian language and literature through Soviet lexicography*: the generous presentation of the literary language and chiefly its proper and correct usage. The material here is intended for use by universities in the West, particularly by the students of Slavic departments as a manual for Russian academic lexicography through the *GAD*. In Mother Russia, this *Monograph* can be useful for linguists and students of Romano-Germanic departments of philological faculties or an autodidact Russophile without a diploma.

One of the purposes of this *Monograph* is to give an account of the *Great Academic Dictionary's* significance to linguistically and lexicographically "alive" people. The important is a question, or a multitude of questions, which the individual must, if he can, answer for himself, and it is at the same time a matter which has been determined by the general consensus of opinion (if one can pass further than this one). But not absolutely determined; for importance is a relative term, and general opinions are vague abstractions difficult to define.

A mere list of the names of authors and books, each one significant to a considerable number of readers, would constitute a catalogue of much greater bulk than this *Monograph* itself. Therefore in my review many dictionaries of real value are omitted and many others are only mentioned. Every reader will miss some of his favorite lexicographical works not mentioned in this *Monograph* and will find their places occupied by different sources and authors whom he does not so highly esteem. This is as it should be and will, I hope, stimulate those differences of opinion which contribute to the consensus of opinion and which give to the discussion of Russian academic lexicography, especially the *Great Academic Dictionary*, and other types of arts much of its interest and pleasure.

In this *Monograph* the selection and its proportion, the final judgment and justification of the material philosophically or comparatively as to what to include and what to leave out were mainly at my sole discretion; and the result is necessarily limited and shaded in emphasis by personal enthusiasms and deficiencies of knowledge and appreciation. I can give only a *one-man view* of a vast subject matter such as the *Great Academic Dictionary* and its history.

My most learned critic says with some justice: "what you have actually written is not *The History of the Great Academic Dictionary*, but *A Casual Observations on a Few Lexicographical Essays I Happen to Have Read*." I confidently reply that I have been guided not only by hundreds and if not thousands of books (newspaper and magazine articles, lectures, personal diaries, published and unpublished materials etc.), the master critics and the routine historians of lexicography, but by the wise counsels of learned colleagues. I have to especially express my sincere gratitude to the following exceptional people:

- Professor Alexander Gerd;
- Doctor Lyudmila Kruglikova;
- Anthony Bashford, ESQ.;
- Docteur Eugène Bouberton;

- Odette Caravella, Ph.D.;
- Jack L. Cross, Ph.D. (1921-2011);
- Stanislav Golovan, M.D., Ph.D.;
- Galina Kruglyashova, Ph.D.;
- Antonina Lyubov, Ph.D. (1928-2011);
- Mark J. Moody, Ph.D. (1951-2011);
- Linda Mugglestone, Ph.D.;
- Joseph Rosenthal, M.D., Ph.D. (1923-2012); and
- Mercedes de las Salas, Ph.D.

who have set me right at many points and have helped me to solve, so far as I have solved it, the main problem of what our survey should include about the *Great Academic Dictionary* and Russian academic lexicography.

The *Brief History of Russian* by Stanislav Golovan (courtesy of «Σίγμα») and the *Brief History of English* by David Chrystal (courtesy of the Oxford University Press) are seamlessly incorporated and amalgamated throughout the extended version of the *Monograph* (Future availability via iBooks for iPads).

Since this *Monograph* is addressed to mainly very select readers of Russian and English, relatively more space is devoted to Russian essays than would be warranted from the point of view of a member of "the Ivory Tower" or a visitor from the Moon who should comprehend dispassionately the total thought of our planet and man's activities on it, including his language.

By the same token I have ignored the entire Moscow lexicography regardless of its unquestionable richness. For this I have very valid reasons that shall not be a part of this *Monograph* for the time being due to preciously limited space and my pure motives, dedicated only to St. Petersburg (Leningrad) lexicography. Such isolation from Moscow lexicography can persistently confine a lexicographer of genius who ought to be universally known, my "ignorance" of whom is perhaps my own loss.

In this respect, the reader is kindly advised to be referred to other sources other than mine which is all about St. Petersburg lexicography. There are a few fairly fat books sketching the thought of lexicography established in Moscow, many names of which are known to me and the reader of this *Monograph*, or, dare I say, not too many American, English or even Russian readers.

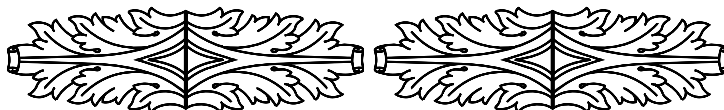
I cite these examples not as a judgment of American and English lexicographers - that would be absurd! - but as illustrations of the interesting fact that in crowded America and Europe people who have fraternized and fought with each other for centuries may still remain intellectually strangers and ignorant to either their own or Russian lexicography. Furthermore, the acquaintance may be biased and one-sided. An educated American or Englishman may know Russian literature as a matter of slim course. The dominant languages have imposed their literatures and lexicography in our Babel world. And it may be the very richness of those dominant literatures which has shouldered into obscurity the work of supreme merit in other literatures or lexicography. Yet as a rule, the supreme thing will in time burst the limits of nationality frontiers and language barriers and become the common property of mankind. This is not to say, however, that there are not many fine lexicographical works elsewhere than in Russia and its supreme dictionaries which should be better known than they are both at home and abroad.

If my survey cannot pretend to completeness but omits a whole array of lexicographical works of other nations, particularly American and English due to the lack of an academy in Anglo-

ALEXANDER BORISOVICH KURAKIN (1752-1818)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1798)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Colonial culture, whole periods and important lexicographers in those nations and periods discussed, it does aim at, and I hope arrives at, a kind of “organic unity” and discontinuity! The contours of the sketch, which are imperfectly filled in, are coherent and give an impression of the total national literary picture and lexicographical signature.

Our vision is rapid and fleeing, as from a flying rocket not by an astronaut but by a cosmonaut! We see the salient features, the outstanding relief of the planet Earth, but we do not stop to measure them or to dwell on their ample slopes. We linger for a short while over *Noah Webster's Dictionary* or the *OED*, which cannot be comprehended in less than twenty years, or perhaps in one hundred and twenty years.

Here comes the question: how long do we need to see the clear picture of Russian academic normative lexicography? Not twenty, not one hundred and twenty, but several years only! We grow up not by centuries but by a decade, as Nikolay Karamzin mentioned regarding a grandiose work, such as *Dashkova's Словарь Академии Российской* in his mind which was produced just in 10 years.

It may be that understanding Alexander Pushkin or Lord Byron we did not devote every waking hour of fifteen or fifty years to the level in which they may have been interested; now for us to think of a literary language and to document it in our dictionaries is a whole other matter of time and effort. Certainly, the ordinary reader has other things to read other than Pushkin, Byron or even this very *Monograph*, and simply have other things to do than read. Let us not forget that the same ordinary reader might have never seen, heard about or paged through either the *OED* or the *Great Academic Dictionary*! The most omnivorous student, devouring books for many years will become intimate with only a few thousand and will acquire a skimming acquaintance with a few thousand more.

Scores of people are required to keep up the catalogues of the great treasures of books like the *Russian State Library*, the *Library of the Academy of Sciences (BAH)*, the *Matenadaran*, the *British National Library* or the *Library of Congress* which contain millions of volumes. However, these printed multitudes need not disturb our peace of mind. Books and dictionaries alike overlap and duplicate and plagiarize honestly or dishonestly. So that a very few thousand volumes do contain *wisdom* of the world and the words. This is what a great dictionary shall include in its card index system. The *Great Academic Dictionary* is very well known for this quality, including only the best from our literature, recording the State (literary) language of Russia as opposed to the *Webster* and the *OED*, registering the official language of “the Anglo-Colonial Empire”.

And that admirable and enviable person (the reader of a dictionary), the well-read man, the man who has “read everything,” is a humanly possible person. In order to be “well-read” it is not necessary to have laboured through all the acknowledged classics. It is enough to have dug into all the best of them thoroughly and blandly to ignore the rest. One of the most sensitive and highly literate men I know does not happen to have read Kafka or Evtushenko, and he has no intention of trying to read them! One can make a habit of reading dictionaries. Having more than 35 years of experience of doing this myself, I have been sleeping with a dictionary in my hands every night. And the dictionaries which happen to galvanize my interest have always been *Russian Academic dictionaries*... Let us read broadly or narrowly according to the needs of our individual natures, according to the literary authority. This may be putting it too strongly, but it expresses a conviction which has been strengthened by several editorial years of study in preparing this very *Monograph*, and by a lifetime of reading before I thought of writing and editing such a *Monograph*! It is not intelligent

to read too much. Let us not become what Alexander Pope (1688–1744) accurately characterized:

“The bookful blockhead ignorantly read,
With loads of learned lumber in his head”.

(Essay on Criticism, Part iii, Line 53., printed for W. Lewis, sold by W. Taylor, T. Osborn and J. Graves, London, 1711.)

Between the following collections of world literature:

- The Harvard Classics in 50 volumes, New York: P.F. Collier & Son, 1909;
- The Harvard Classics Shelf of Fiction in 20 volumes, NEW YORK: P.F. Collier & Son, 1917;
- The Yale Classics in 70 volumes, Colonial Press, London & New York, 1899;
- Библиотека всемирной литературы в 200 томах, Художественная литература, Москва, 1967—1977 гг.;
- Библиотека русских классиков в 100 томах, Издательство Слово, Москва; and
- The Western Canon in 60 volumes, Oxford and Chicago, 1990,

an arduous reader has already achieved almost all he needed [by the age of 15 Catherine Dashkova already had a collection of 900 books in her private library!!!!]. And we shall not forget to add to the above mentioned library a set of best dictionaries, encyclopedias and encyclopedic dictionaries. If the reader happens to be a bilingual person, then the following would make the entire difference:

- Большая советская энциклопедия, третье издание в 32 томах, Советская Энциклопедия, Москва, 1969-1977,
- Большая медицинская энциклопедия, третье издание в 29 томах, Советская Энциклопедия, Москва, 1974.
- Энциклопедический словарь медицинских терминов в трех томах, Советская Энциклопедия, Москва, 1982.
- The New Britannica in 32 volumes, USA, 2006;
- The Oxford English Dictionary in 20 volumes, OUP, London, 1989;
- Большой академический словарь русского языка (*the Great Academic Dictionary*), the crown jewel of Russian academic lexicography!
- Словарь русских народных говоров, выпуски 1 - 42 (издание продолжается), Наука, ИЛИ, Ленинград, Санкт - Петербург, 1965.
- Словарь русского языка XVIII века, выпуски 1 - 19 (издание продолжается), Наука, ИЛИ РАН, Санкт - Петербург, 1984.
- Словарь русского языка XI - XVII вв, выпуски 1 -29 (издание продолжается), Наука, Москва, 1975.

Perhaps the *Monograph* is a result of a conglomeration of essays. Therefore, “let us now turn from the broader relations of the essay with criticism, and endeavor to ascertain precisely what the word “essay” means. The older English form of the word is “assay,” i. e., a trial or experiment. It is derived, through the French, from a late Latin word “exagium,” which means a standard weight, or more precisely, the act of weighing. The word “examine” comes from the same Latin root. As defined by the “Century Dictionary,” “essay” means:

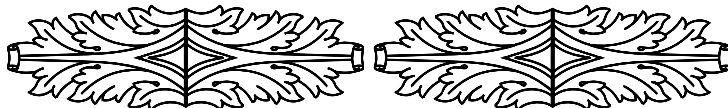
- A trial, attempt or endeavor;
- An experimental trial or test;
- An assay or test of metal;

JOSEF DOBROVSKY (1753-1829)

THE "PATRIARCH" OF SLAVISTICS

(ARTWORK COURTESY OF Humoristické listy, roč. 1884, č. 45, CZECH ACADEMY OF SCIENCES, PRAGUE)

■ In literature, a discursive composition concerned with a particular subject, usually shorter and less methodical and finished than a treatise; a short disquisition.

As one may have already read by chance “Dr. Samuel Johnson, who was himself one of the most famous essayists of his day, defines “essay” in his Dictionary as ‘A loose sally of the mind; an irregular indigested piece; not a regular and orderly composition.’ Possibly it was the Doctor’s happy word ‘sally’ which suggested to a recent writer, Mr. F. N. Zabriskie, the following excellent definition: “The essay is properly a collection of notes, indicating certain aspects of a subject, or suggesting thoughts concerning it; ... not a formal siege, but a series of assaults, essays or attempts upon it.” It is for this reason that Mr. Zabriskie calls the essayist the excursionist of literature, the literary angler, the meditator rather than the thinker; and he points out that the German mind is not adapted to the essay, since the Germans are not satisfied to make mere assaults upon a subject, mere excursions into it; they must go through a subject from end to end and leave it a conquered territory”¹.

—Professor Bliss Perry (1860–1954).

With a small dictionary or a large multi-volumed dictionary one still can get the meaning of a word. However, the GAD is a special dictionary, and once one gets into those red volumes, there is no way back to something else or something different, since one can cultivate himself a special kind of impudent curiosity about the Russian language and literature. Literature from Дедушка Крылов’s *Квартет* to Dostoevsky’s *Crime and Punishment* is the story about human life. It may be a tale told by an idiot full of sound and fury signifying nothing. But it is the only story that is here for us. And the GAD mentions them all...

Since I am trying to lay out a more or less rational discourse on Russian academic lexicography through essays written by me and other great lexicographers, it makes me feel repentant and peripheral to be published next to such centrally major names! However, I find myself the luckiest man to have this great opportunity to write about the *Great Academic Dictionary* and its turbulent history.

Every chapter in this *Monograph* is an independent essay by itself, regardless of the whole work as a single unit. They are written with one and only one thing in mind: to be used as a material for lectures on the subject of lexicography and literature for students at faculties of philology, the divine art for words and belle-lettres.

Meanwhile, I must survey my thoughts to confirm the natural outlines of *common sense*. I venture to suggest two or three radical but not at all original suspicions about either literature or lexicography. One is that the real treasure often lies in a small casket. Another: that if someone does not happen to like this or that great man mentioned in this *Monograph*, he can let himself pass by and be better off for not having his *intellectual bones crushed*². Still another is that because of the vast volume and the nature of lexicography, its history and many controversial men involved in this arena, the reader is genuinely advised to employ his intellectual curiosity by picturing the subject matter presented throughout this *Monograph* with a clear head on his shoulders only!

The art of reading an interesting material on a dull subject is one of the finest arts. It is not so great, so creative as one of the seven liberal arts. To write a good monograph is of course harder than to read it. And yet there exists the receptive creator without whom all art is dead. He is the person who sees the picture of this humble *Monograph*, who hears the symphony of words, who reads this collective effort of written material on Russian academic lexicography with a great purpose. It is to the intelligent and patient reader and writer of dictionaries that this book is addressed.

■ МАС4: «ЗАВЕРШЕНИЕ, -я, ср. Действие по знач. глг. завершить—завершать; полное окончание. А гордость Родины — ленинградский рабочий класс — уже зовет трудящихся на завершение пятилетки в четыре года. Шолохов, Слово о Родине. Сборочные работы на корабле приближались к завершению. Кочетов, Журбины»³.

Our journey through *time and space* has been too short and too long. *Too short* because a few words, a few pages, cannot tell the history of centuries of thoughts and thousands of writers and hundreds of thousands of words. *Too long* because in our swift passage we have loitered and lost our bearings in the mists of wonder, in the fogs of ignorance, in the blinding blaze of genius as far beyond us as our friendly sun or the uttermost suns.

But there is one consoling thought in *time and space* about such a journey as we have driven through the clouds and the mists, through the sunlight and the immeasurable starlight. We can always go back. For a journey shorter than this, to a library we can live as long as we will with Homer and Dante, or Lomonosov and Pushkin or that man of genius whose name we do not know, whose book was published today, or simply this very *Monograph* in front of your eyes!

Look back at the title pages of the GAD. The Nauka Publishing House and its logo: “an open book Sputnik flying over” is just one of many other logos we have seen before: a man hacking out with crude tools a message, a record, in stone...

Man’s world and his being or his very existence in his surrounding world could be easily looked at like the following phenomenon with the word “I” as the first ever consciously used word in his vocabulary: “I am, I bare, I exist, I see, I hear, I speak, I write, I read, I create, I care, I dare, I witness, I wander, I want, I pretend, I feel, I touch, I worry, I cry, I know, I understand, I reason, I illuminate, I elucidate, I lecture, I rule, I decide, I achieve, I dream, I trust, I help, I forgive, I endure, I teach, I learn, I wait, I hope, I adore, I love, I regret, I revenge, but I never hate...”⁴.

— Lord George Byron

«Я — интеллигент, литератор, и оружие мое — слово»⁵.

—Александр Александрович Блок (–1880–1921)

Man’s world, in the final analysis, is embraced with a word or with the accumulation of words created by him only, naming all the

¹ Bliss Perry, son of Arthur Latham and Mary Brown (Smedley) Perry, was born November 25, 1860 in Williamstown. He was educated in Williamstown, first at the Greylock Institute and then at Williams College. He graduated from Williams in 1881 with a B.A. and in 1883 received an M.A. He received an L.H.D. from Williams College in 1902, and served as a Williams trustee 1906–1934.

² Bliss began his teaching career at Williams, serving as Professor of English and Eloquence from 1886 to 1893. Later he moved to Princeton, where he served as the Holmes Professor of English Literature 1893–1900. From 1906 to 1930, he taught and served as the chair of the English Literature department at Harvard. He taught a wide range of courses—18th-century English literature, comparative literature, political satire, lyric poetry—but stated that his favorite course was the one he taught on Emerson.

³ In 1899, he became editor of *The Atlantic Monthly*, one of the most prestigious literary publications at the time. His contributors included Henry James, Booker T. Washington, Charles Eliot Norton, Edith Wharton, Sarah Orne Jewett, William James, Woodrow Wilson, Havelock Ellis, Jack London, and others. He served as editor until 1909.

⁴ He married Annie L. Bliss August 7, 1888 and had two daughters, Mrs. Thomas Woodward and Margaret S. Perry, and one son, Arthur B. Perry. He lived the later years of his life at The Exeter Inn in Exeter, New Hampshire, and died there on February 13, 1954.

⁵ La Dr Steelhammer.

⁶ «МАС», *Словарь русского языка*. В четырех томах, 4-е издание, том I, страница 501, Российская Академия, Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург, 1999.

⁷ Rosenthal J., An Essay from *Anglophilia, The Philosophy of “I” in Human Language*”, *Ascarulo & Savannah*, 2006. P. 806.

⁸ Footnote 714. Лорд Джордж Байрон, *Грамматика Армянского и Английского Языков*, Венеция, 1817.

⁹ Блок А., *Народ и интеллигенция*, том IV. Москва & Ленинград, 1988. С. 139 // *СЛОВО*: Словарь русского Языка, МАС, 3-е издание.

NIKOLAI ALEXANDROVICH LVOV (1753-1803)

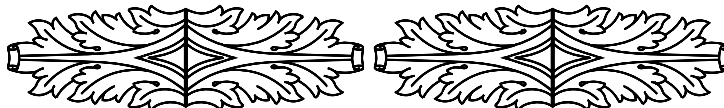
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

FAMOUS REPRESENTATIVE OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

things available or unavailable to him, material or immaterial, visible or invisible, physical or mental, elegant or sloven, general or specific, closer or further, negative or positive, limited or infinite, natural or artificial, human and divine...

«Любой человек вообще, «говоря о себе самом, о своем Я, говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество»¹.

–Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848).

«И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она – наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей, и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и четкость; и простота, и размах, и паренье; и мечтательность, и сила, и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен все выразить, изобразить и передать. В нем гуденье далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клеткот и зрай, и свист, и щебет птичий. В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нем – вся поющая русская душа; эхо мира и стоны человеческие, и зеркало божественных видений...

Это язык острый, режущей мысли. Язык трепетного рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчества. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов. Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его – его языкк...»² и ³.

–Иван Александрович Ильин (1883-1954)

■ ЛИТТЕР: «ESSAI (è-ssè) s. m. 1° Moyens divers par lesquels on s'assure si un objet convient à l'emploi qu'on en veut faire. Faire l'essai d'une machine, d'une arme à feu. L'essai d'un remède. Essai des animaux, les divers exercices auxquels on les soumet pour apprécier leurs aptitudes.

Terme de minéralogie. Opération analytique qu'on exécute en petit, à l'effet de reconnaître la nature et le nombre des substances contenues dans un minéral. Essai par la voie sèche. L'art des essais. Plus particulièrement, opération qu'on fait subir à l'or et à l'argent par le moyen de la pierre de touche, pour en apprécier le degré de pureté.

2° Action de déguster les mets chez les rois et les princes.

Faites faire un essai par quelque domestique, **CORN. Rodog. v, 4.**

La coupe dans laquelle se fait cet essai.

Le duc d'Anjou [devenu roi d'Espagne] avait une soucoupe et un verre couvert, et l'essai comme pour le roi, **SAINT-SIMON, 83, 82.**

3° Petite portion de quelque chose qui sert à juger du reste. Des essais de vin, de poudre à tirer.

Il se dit des petites bouteilles où il ne tient de vin qu'autant qu'il en faut pour en juger, et des petites tasses où l'on met du vin pour le goûter.

4° S. m. plur. Petits morceaux de verre qu'on met dans le fourneau lorsqu'on cuit la peinture sur verre.

5° Fig. Tentative comparée aux opérations d'essai.

Que je fasse un essai de mon obéissance, **CORN. Sertor. II, 2.**

Vous aidez aux Romains à faire essai d'un maître, **CORN. ib. III, 2.**

Après avoir fait essai de ses forces, **PASC. Prov. 2.**

Ils faisaient essai de leur liberté, **BOSSUET, Reine d'Angleterre.**

Plût au ciel que sa main, heureusement cruelle, Eût fait sur moi l'essai de sa fureur nouvelle, **RAC. Brit. v, 7.**

6° Prémices.

D'un courage naissant sont-ce là les essais ? **RAC. Iphig. I, 2.**

Avant-goût.

Voici l'heureux essai de nos contentements, **CORN. Rodog. v, 3.**

Et d'un cruel refus l'insupportable injure N'était qu'un faible essai des tourments que j'endure, **RAC. Phéd. IV, 6.**

Faire l'essai, ressentir, éprouver.

Quel tourment de cesser de plaire, Lorsqu'on a fait l'essai du plaisir d'être aimé ! **QUINAULT, Isis, I, 3.**

7° Coup d'essai, première tentative.

Où buvant et mangeant je fis mon coup d'essai, **RÉGNIER, Sat. II.**

Mes pareils à deux fois ne se font pas connaître, Et pour leurs coups d'essai veulent des coups de maître, **CORN. Cid, II, 2.**

Ne cherche point à faire un coup d'essai fatal, **CORN. ib. II, 2.**

Ce n'est pas sur ce coup que je fais mes essais, **CORN. le Ment. IV, 9.**

Cette pièce fut mon coup d'essai, et elle n'a garde d'être dans les règles, puisque je ne savais pas alors qu'il y en eût, **CORN. Examen de Méliè.**

Cette intendance qui fut comme un coup d'essai de son ministère, **FLÉCH. le Tellier.**

8° À l'essai, par forme d'essai. Prendre à l'essai un domestique. Donner un cheval à l'essai. Vente à l'essai.

Pour dé tromper ma soeur, et lui faire connaître Ce que son philosophe à l'essai pouvait être, **MOL. Femm. sav. v, 5.**

Mettre à l'essai, éprouver, pousser à bout.

Pour mettre à l'essai ma complaisance, **J. J. ROUSS. Ém. II.**

9° Première production d'un esprit qui s'essaye dans un genre quelconque. Les essais de ce jeune homme donnent de grandes espérances.

Douze ans sont écoulés depuis le jour fatal Qu'un libraire, imprimant les essais de ma plume, Donna pour mon malheur un trop heureux volume, **BOILEAU, Épît. VI.**

La statue de Junon nous offrit les premiers essais de la sculpture ; elle est de la main de Smilis, un des plus anciens artistes de la Grèce, **BARTHÉL. Anach. ch. 74.**

Premiers essais de la comédie par Susarion, 580 ans avant Jésus-Christ, **BARTHÉL. ib. tome dernier, table 1re.**

Ouvrage dans lequel l'auteur traite sa matière sans avoir la prétention de dire le dernier mot. Ce n'est qu'un essai sur la matière. Titre de beaucoup de livres spéciaux, donné par un sentiment de modestie, comme si le nom de traité ou d'ouvrage était trop élevé. Les Essais de Montaigne. Essai de morale. Essai sur la musique.

10° Terme de vénérie. Écorchures que font aux branches faibles et flexibles les cerfs qui sont près de toucher au bois.

Il a donné l'essai, se dit du sanglier, qui, rentrant du gagnage, est animé et a frappé avec ses défenses contre de jeunes arbres.

ESSAI, ÉPREUVE. L'essai se fait pour savoir si une chose convient, si elle peut être employée ; l'épreuve, pour savoir si la chose peut soutenir le service. On fait l'épreuve d'un pont de fil de fer ; on fait l'essai d'une nouvelle machine.

XIIIe s.

¹ Белинский В. Стихотворения М. Ю. Лермонтова, том IV, Москва & Ленинград, 1988. С. 776. // Букво Я, МАС, Словарь русского языка, 3-е издание.

² Mark Karamian, An Essay from Angolysis®, The Russian Language versus The English Language®, page 1284, Acapulco & Savannah, 2006.

³ Footnote 975° from Mark Karamian's Angolysis® Addressed By Ivan Ilyin during 150th Jubilee of Alexander Pushkin in Bolshoi Boldin, Russia, in February 26th, 1937.

⁴ Иван Александрович Ильин, Историческая судьба и будущее России, Париж, 1956.

⁵ The author profusely apologizes for refusing to translate this quotation into English. It would simply not make any sense to a person other than a Russian or a Russophile. The author was just afraid that the Russian soul would be completely lost in translation. This quotation is left for the readers who must read it in Russian only! However, the French translation of the given quotation turned out to be beyond excellent.

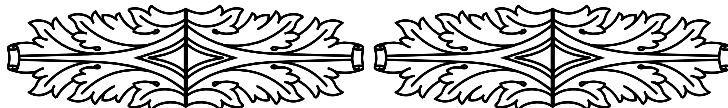
OSIP PETROVICH KOZOVADLEV (1753-1819)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1783)

ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

St Bernars nous met à l'essai, **Voie du Paradis**.

Bele suer [soeur], combien puet avoir Que vous poez apercevoir Qu'avoec li conversé avez ? Dites le nous se vous savez, Firent cil qui firent l'essai, **RUTEB. II, 166**.

XIVe s.: Un hanap d'argent blanc pour faire essay, Invent. de Charles V. dans **DE LA BORDE, Émaux**, p. 304.

XVe s.: Car s'oncques nul sceut que c'est de detresse, Je pense bien que j'en ay fait l'essay, **CH. D'ORL. Bal. 11**.

XVIe s.: Je l'aymerois mieux à l'essay, Avant qu'entrer en mariage, **MAROT, I, 203**.

Il l'escrivit par maniere d'essay en sa premiere jeunesse, **MONT. I, 206**.
Ayant donné ce premier essay de son eloquence et de sa magnanimité, il en fut grandement estimé, **AMYOT, Cat. d'Utiq. 9**.

Provenç. essai, assai, assag ; catal. ensatg, ensaig, assatg ; espagn. ensayo ; ital. assaggio, saggio ; du latin exagium, pesage»¹.

The chapters in *Terminal Objectives* will elucidate Russian lexicography step by step all the way to the *Great Academic Dictionary*. Three different versions of the *History of the Great Academic Dictionary* have been prepared for different reasons and purposes. The present version is a middle sized *History of the GAD* and is intended to serve as a companion volume to the *GAD* for the time being until all 30 volumes are published. There have been brief and expanded versions of the *History of the GAD* in existence already. In the future the unpublished portion of the *Monograph* will definitely serve as bases for the upcoming new arrival of the *History of the Dictionary of the XVIII Century* by Mark M. Karamian and Stanislav A. Golovan in the late 2013, if this very mission is blessed by יהוה.

The final and expanded version covers materials related to all major events which have taken place from the *Petrine period* to Pushkin by revealing the essential forces responsible for shaping the Russian lexicography from the *Petrine Orthographical Reform of the Russian Alphabet to Pushkin, the Dictionary of the XVIII century*. The *Monograph* will be published in the USA, the UK in both English and Russian languages by TDK. The copyright is donated to the *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences and Professor Alexander Sergeevich Gerd*. I have always firmly believed in Russia: "Не отрекаются любя..." (А. Пугачева).

Any omissions or abnormalities in this Monograph is directly to be blamed on the four members of TDK editorial collegium who died causing the rest of us to spend so much time grieving and spending so much time at or related details to their funerals!!!

If the precise details of the *Great Academic Dictionary* were subject to change, "the essence of the dictionary would <...> ultimately remain the same. The dictionary 'will itself never grow old'. In its changing record of the language, encompassing past as well as present, it would outlive individual editions and [even] editors alike"².

My final observation and review of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* will be summed up in two words: БАС составлен и написан **аккуратно и добросовестно!!!**

■ **БАС3: «АККУРАТНЫЙ**, а а, ое; тен, тна, тно. 1. Исполнительный, соблюдающий во всем порядок, точность; пунктуальный. [Василий Федотыч] вернется — и тогда тотчас, минуточки не теряя, даст о том знать в город. — Человек он... — аккуратный. Тург. Новь. — Сам же я всегда аккуратен, [прихожу] минута в минуту. Дост. Бр. Карамаз. Чувство ответственности за жизнь человека заставляло быть всегда предельно собранным и аккуратным. Кованов, Прозвание.

2. Опрятный, чистоплотный. На голове у нее был чистенький платочек, а на носу чистенькие очки.. Вообще она была, должно быть, самая чистенькая и аккуратная старушка на свете. Кавер. Песочн. часы. Каждый день он или чистил щеткой, или даже гладил горячим утюгом всю свою одежду.. — Аккуратный, как птичка, — говорила про него наша хозяйка. Нилин, Жестокость. // Содержащийся в порядке, чистый. Иной раз, застегивая на последнюю пуговицу свой аккуратный спортушок, он взглядывал на нас с заметным самодовольством. Корол. Ист. моего соврем. Уважали ее за ловкость в работе, за аккуратную одежду. М. Горький, В людях.

3. Тщательно сделанный, выполненный. Аккуратная работа.

4. Отличающийся соразмерностью, пропорциональностью. Ирлик, небольшой аккуратный голубок, был турман.. При взгляде на него сразу бросались в глаза его ладность сложения и сила. Минх, Ирлик. Свежий, белеющий, аккуратный [самолет] ТУ-4 № 001 — стоил на линейке. Галай, Испытано в небе.

Аккуратно, нареч. 1. Соблюдая порядок, точность; пунктуально. Я много читал, аккуратно посещал лекции. Купр. Свят, любовь. Пиши, дорогой, я буду отвечать аккуратно. Кавер. Перед зеркалом.

2. Опрятно, чисто. Лея была аккуратно одета, челочка причесана. Шефнер, Сестра печали. В квартире у Ге-оргиевых было по-больничному чисто, аккуратно прибрано, каждая вещь на месте. Лезгинц. Рудознатцы.

3. Тщательно. Михаил Михайлович аккуратно свернул и вставил в.. мундштучок папиросу. Л. Толст. О суде. Аккуратно, уголок к уголку поровнял он все бумаги. Вал. Солоухин, Мать-мачеха.

4. Разг. Осторожно. — Ты теперь ступай в их усадьбу и как можно аккуратней узнай: будет ли дома муж и жена? Писем. Боярщина. Воронь-ко аккуратно взял Морозова под локоть своей железной рукой. Гранин, Искатели. — Нордстет, 1780: акуратно, аку-ратный; Слов. Акад. 1847: аккуратный, аккуратно. — От лат. accuratus.»³.

■ **СРЯ18: «АККУРАТНЫЙ** 1718 (оку- 1718, аку- 1721, оку- 1732, -ой), а а, о е. Лат. accuratus, непоср. или через пол. akuratu, нем. accurat. ■ 1. Научн., Канц. Точный, верный, правильный. Способ первый <определения долготы> чрез затмѣние луны. Сеи способ изряден есть, и велми аккуратен. Георг. ген. 527. Сдѣланныя профессором Лейтманом вѣсы .. свидѣтельствованы-ли, и по свидѣтельству окуратны явились ли. МАН II 775. А сколько к строению той новой линии .. денег надобно, о том акуратная смѣта в оную коллегию подана будет. Бум. КМ I 312. || Обстоятельный, подробный, исчерпывающий. Он таких людей рекомендует, которые ему акуратный репорт о всем, что здѣсь случится, учинят. МАН I 44. Акуратнаго о сем происшествии свѣдѣнія взять не от кого. СВИМ IV 165. — Ср. точный, исправный.

2. Тщательный, пунктуальный, рачительный (о человеке, его действиях и поступках). Мартынов .. отвѣчал мнѣ шутя, что я очень аккуратен до излишества. Зап. Дан. 91. <> А . в чем. Вам надлежит в переписках с нашими министры быть исправну и акуратну. АВ XXXI 120.

Аккуратно 1711 (оку- 1716, аку- 1720, оку- 1714), нареч. От высоты звѣзды час со дробями обрѣтаем бывает велми окуратно. Георг. ген. 527. Сдѣлать машину чѣм винтить <стволы орудий> окуратно. МАН II 802. Отсюда не зная аккуратно тамошних мѣст, точно вас инструктовать не возможно. ПСЗ IX 714. Когда же мы наидревнѣйшее начало сея Науки <астрономии> акуратнѣе разсмотрим. Неб. тела 68. Из Камер-Коллегии в Сенат вѣдомости подаются, но токмо оныя

¹ Émile Littré, *Le Dictionnaire de la langue française*, deuxième édition, Paris, 1872-1877.

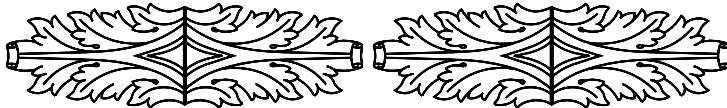
² Muggleston, Linda. *Lost for Words, The Hidden Story of the Oxford English Dictionary*, Preface. Connecticut: Yale University Press, New Haven & London, 2005. P. XXI.

³ Большой академический словарь русского языка. Т. 4, с. 143-144. Институт лингвистических исследований, РАН. Наука: Санкт-Петербург, 2004.

ALEXANDER SEMYONOVICH KHVOSTOV (1753-1820)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1794)
CHAIRMAN OF THE COLLOQUY OF LOVERS OF THE RUSSIAN WORD
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

не так аккуратно, как обычно иностранные преискуртанты еженедельно печатные бывают. ПСЗ VII 106. — Ср. *точно, прилежно, опасно, тщливо, исправно*.

Аккура́тность (аку-, окку-), и, ж. Аккуратности находящих в тѣх шхерах фарватеров и островов по тѣм картам мало находится. МРФ IX 614. Приведение оных новых карт в оккуратность. МАН X 421. Дикой камень, свѣсив с крайнюю аккуратностию, положи в песок. Минер. В. 8. — Ср. *точность, исправность, строгость, рачительность, тщательность*.

— Лекс. Нрд. акура́тный, акура́тность, Сл. Кург. аккуратно.»¹.

■ **БАСЗ**: « **ДОБРОСОВЕСТНЫЙ**, а я, ое; тен, тна, тно. 1. Честно исполняющий свои обязанности, обязательства. *Его все у нас в городе очень ценили и уважали. Был он врач добросовестный, человек прекрасный.* Дост. Бр. Карамаз. *Катя, считала себя работницей добросовестной. Она уходила домой, только закончив все дела.* Лебеденко, Лицом к лицу. // *Выполненный тщательно и аккуратно, с чувством ответственности.* [Сочинения] Бодянского *есть труд в высшей степени добросовестный и образцовый по обстоятельству* и *полное исследование заданного им себе вопроса.* Черныш. Критика и библиогр. Василий Васильевич сделал добросовестный расчет, написал докладную и отнес ее Ивану Капитоновичу. Тендряк. Коротк. замыкание. ♦ (Самым) добросовестным образом (делать что-л.). Ответственно, тщательно. *Журналистика, в лице своих даровитейших представителей, всегда служила самым добросовестным образом умственным потребностям общества.* Писар. Реалисты. Шекспир должен быть весь переведен самым точным и добросовестным образом. Писем. Люди сорок, годов.

2. В знач. суц. Добросовестный, ого, м. В доревол. России — лицо, привлекаемое органами власти для присутствия в качестве свидетеля при производстве обыска, описи имущества и т. п.; понятой. — *Это что за человек? .. — Добросовестный; вы знаете, что без добросовестного полиция не может входить в дом.* Герцен, Былое и думы. [Варравин:] *Почему не приняты вами меры к сохранению имущества покойного?* [Расплюев:] *Все меры приняты.. На дворе поставлен часовой; двое хозяев, двое добросовестных.* Сух.-Кобыл. Смерть Тарелкина.

Добросовестно, нареч. (по 1 знач. прил.). *Работать добросовестно.* □ *Тема, всегда добросовестно учивший естественную историю, на этот раз не знал урока.* Гарин, Детство Темы. К обязанности ездового Кузьмич относился в высшей степени добросовестно. Во всей дивизии не сыскать такой справной собури и таких сытых лошадей. М. Алексеев, Солдаты.

— Нордстет, 1780: добросовестный, добросовестно.»².

■ **СРЯ18**: « **ДОБРОСОВѢСТНЫЙ**, ая, ое. Имеющий чистую совесть, честный, прямодушный. Шум и трус в Гсдрствѣ: больших кровавое междоусобие, меньших добросовѣстных вопль, плачь, бѣдствие. Пркп. Ц. вл. 15. <Судьи> полагаются во всем .. на своих подчиненных, из которых весьма мало бывает добросовѣстных людей. В. Каин 35. Каждому Словесному Суду, кромѣ Выборных придать по нѣскольку присяжных добросовѣстных свидѣтелей. ПСЗ XXI 107.

Добросовѣстно, нареч. Если <врач> захочет себѣ давать отчет добросовѣстно .., гдѣ он ошибся во вред больному. Муратори I 183.

Добросовѣстность, и, ж. <В игре> можно показать проворство, .. искусство, проводя и обманывая неприятеля своего; добросовѣстность, осуждая самого себя в случаях сомнительных. Крм. ДВ XI 4.

— Удар. добросовѣстный, добросовѣстно Нрд. Лекс. РЛ добросовестный, Нрд. добросовѣстно.»³.

«И е Вѣм пишу — что же было?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в Вашей воле
Меня презрѣтьем наказать.
Но Вы, к чему несчастности долге
Хотѣе казало жалости явиле,
Вы не оставите меня.
Сны мои я молчаще дописал,
Печерные листы отдал
Вы не укажи б на злобу,
Когда б надежду я имам
Хотѣе редко, злость и недовольство
В душе моей сидит, Вас,
Чѣм только слышати Ваши речи,
Вам само жалеть, и потѣю
Все думать, думать об отчизнѣ
И лезю и кутаю до смерти.
Но, дозволит, Вы не откажете,
А мнѣ... нечемъ мнѣ не бѣсѣным,
Хотѣе rarely в райе преступно.
Зачѣмъ Вы неспасаете нас?
В слухи забытого сестры
Я никогда не знала б Вас,
Не знала б прѣтѣго журчана.
Арина неотпетая женщина
Смарию со временем (какъ знаешь?),
По сроду я нашла бы друзей,
Вамъ бы явилъ суровый
И бездомнаго злата,
Друзей!.. Нет, нахожу на свете
Ее отдала бы сердце!..
То я писала сурово...
То мнѣ небыло я твое,
Вся жизнь моя была залогом
Свидѣнія верного и твоего.
Я знаю, что мне посланъ Богомъ,
До гроба тѣ храните!..
Ты и свидѣтельница моему,
Неприманъ, ты мне была ужъ мила,
Тѣмъ чуднымъ слухомъ мнѣ явилась,
В душе твоей злато раздѣлила
Давно... нет, это был не сон!
Ты чѣмъ живешь, я знаю, знаю,
Все обдумалъ, явилъ
И в мнѣхъ жалею: вотъ он!
Не правда ли? Я тѣбѣ самаю:
Ты жоралъ со мной и тѣмъ,
Когда я бѣгомъ пошлаю
Или жалостно усмѣхался
Тоску волгавшей души?
И я тѣмъ самымъ
Не тѣмъ ли, мнѣмъ явиле,
В прѣтѣномъ тѣмъ мѣмъ,
Прѣтѣномъ тѣмъ к измѣнѣ?
Не тѣмъ ли, суровый и злобный,
Своемъ надеждѣ мнѣ вѣнчалъ?
Кто ты, мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сны мои реченья,
Бѣшь жалею, это все прѣтѣ,
Охъмъ неотпетой души!
И суровый сонъ мнѣ...
Но какъ я бѣмъ! Суровъ мнѣ
Отъяне и тѣбѣ явиле,
Передъ тѣбѣмъ слезы мои,
Тѣмъ жалости умоляю...
Вѣбъмъ: я все знаю,
Настѣ мнѣ не понимаю,
Рассудкъ мой измѣняетъ,
И жалѣе губить и дохнуть.
Я жду тѣбѣ обманъ суровъ
Надежда сердце оскверни
Или сонъ тяжелей перерывъ,
Уно, измѣненный уно!
Коварный! Суровый прѣтѣ...
Стеблѣмъ и стрѣлѣмъ жалѣю...
Но лезю твоей авшъ честь,
И сны мои себѣ верю...»⁴

—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (1799—1837).

«Всю жизнь я думал, что лексикография — это наука. А теперь все больше убеждаюсь, что составление словаря — искусство».

— Профессор Сергей Иванович Ожегов (1900—1964).

¹ Словарь русского языка XVIII в., Российская Академия Наук, Институт лингвистических исследований, Москва & Санкт-Петербург, 1984-2007.

² Большой академический словарь русского языка. Т. 4, с. 159-160. Институт лингвистических исследований, РАН. Наука: Санкт-Петербург, 2004.

³ Словарь русского языка XVIII в., Российская Академия Наук, Институт лингвистических исследований, Москва & Санкт-Петербург, 1984-2007.

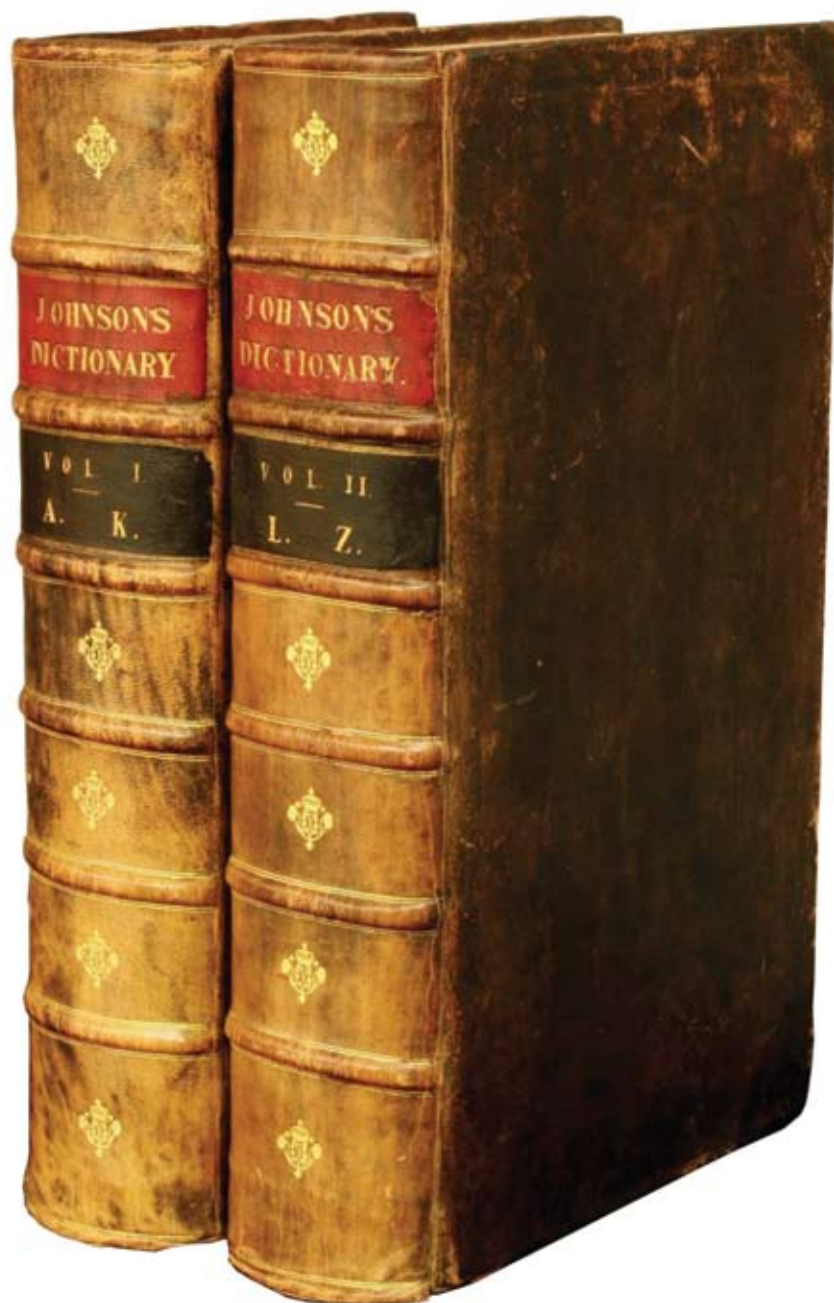
⁴ Alexander Pushkin, Eugene Onegin, Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. Санкт-Петербург, 1837.

NIKOLAI SEMYONOVICH MORDVINOV (1754-1845)
FAMOUS RUSSIAN ANGLOPHILE
MEMBER OF THE SUPREME CRIMINAL COURT (1726-1845)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ALEXANDER SEMYONOVICH SHISHKOV (1754-1841)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1796)
MINISTER OF NATIONAL EDUCATION (1824-1828)
EDITOR-IN-CHIEF OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY (CAP2)
(ARTWORK COURTESY OF OLGA'S GALLERY)

SAMUEL JOHNSON'S DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE (1755)

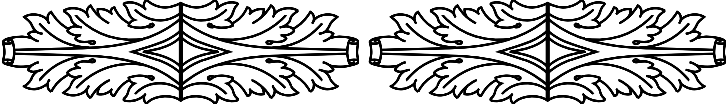
Published on 15th April 1755 and written by Samuel Johnson, *A Dictionary of the English Language*, sometimes published as *Johnson's Dictionary*, is amongst the most influential dictionaries in the history of the English language.

There was dissatisfaction with the dictionaries of the period, so in June 1746 a group of London booksellers contracted Johnson to write a dictionary for the sum of 1,500 guineas (£1,575), equivalent to about £230,000 as of 2012. Johnson took nearly nine years to complete the work, although he had claimed he could finish it in three. Remarkably, he did so single-handedly, with only clerical assistance to copy out the illustrative quotations that he had marked in books. Johnson produced several revised editions during his life.

Until the completion of the *Oxford English Dictionary*, 173 years later, Johnson's *Dictionary* was viewed as the pre-eminent English dictionary. According to Walter Jackson Bate, the *Dictionary* "easily ranks as one of the greatest single achievements of scholarship, and probably the greatest ever performed by one individual who labored under anything like the disadvantages in a comparable length of time".

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

se font. Livre de mise et de recette. Livres de commerce. Livre de caisse. Livres d'acceptations, d'échances, etc. Tenir les livres, se dit, chez un négociant, de l'occupation qui consiste à enregistrer tout ce qui est vendu et acheté, et de toutes les opérations commerciales en général. Ce commis sait bien tenir les livres. Étudier la tenue des livres. Il tient ses livres en partie double.

La comptabilité Jacques en fit son auteur de livres. **VATIA. Cand. 4.**

Leurs comptes, comme tous les autres, se rendent à **BATAVIA**, où l'on tient le livre général de toutes les affaires, **RAYNAL, Hist. phil.** II, 20.

Ètre porté, ou simplement, être sur le livre d'un marchand, y être inscrit pour marchandise achetée.

Être écrit sur le livre de quelqu'un, être noté par lui comme objet de ressentiment, dont on essaiera de se venger tôt ou tard.

Livre journal, ou, simplement, journal, registre où l'on écrit jour par jour et de suite ce qu'on a reçu ou payé. Livre d'extrait, ou grand livre, ou, quelquefois, livre de raison, livre où l'on enregistre chez tous les articles du livre journal. Tous banquiers... et marchands en gros... seront obligés de tenir livres de raison en bonne et due forme; et tous marchands, boutiquiers et vendeurs en détail, des livres journal, Regl. des 2 juin et 7 juillet 1667.

Par extension.

Tout ou soit dire qu'Auguste avait un livre de raison qui contenait le détail des forces de l'empire et de ses finances. **VI. Philos. Exam. Bolingbroke, XI.**

11° Absolutement. Le grand-livre, la liste générale des créanciers de l'État.

La principale base du projet de votre communication pour annuler promptement tous les anciens titres de créances, pour simplifier les mutations, les oppositions et la comptabilité, et pour faciliter le paiement annuel dans les chéques, est de distinguer, comme on le fait, un livre qu'on appellera grand-livre de la dette publique; il y sera composé d'un ou plusieurs volumes; et y inscriera toute la dette non viagère, **CAMBON, Rapport du 14 août 1793, p. 71.**

12° Terme d'écriture. Le grand-livre sera enregistré par ordre alphabétique des noms des créanciers, sur un grand-livre ou un ou plusieurs volumes, dont le modèle est annexé au présent décret. **CAMBON, ib. id.**

Le grand-livre de la dette publique sera le titre unique et fondamental de tous les créanciers de la république, **CAMBON, ib. art. 6.**

13° En fait deux copies du grand-livre, **CAMBON, ib. art. 8.**

— Un beau jour, de rentiers naufragés tous les débris à la mer submergés Allèrent se noyer dans la mer du grand-livre, **DELLILLE, Convers. II.**

14° Terme de commerce. Le grand-livre, contracter un emprunt, renoncer à en contracter jamais.

15° Terme d'ancienne administration. Garde des livres, officier qui avait soin des titres de la chambre des comptes.

16° Terme de marine. Livre du bord, registre sur lequel on enregistre les marchandises et même les passagers.

Livre de loch, registre sur lequel on inscrit, outre les routes mesurées par le loch, les variations du vent, les différentes volées sous lesquelles le navire a couru, enfin tous les incidents et accidents de la navigation.

Anciennement, registre sur lequel l'écrivain inscrivait les marchandises embarquées.

Livre de signaux, ouvrage qui contient la nomenclature des signaux et des instructions sur la tactique.

14° Terme d'administration militaire. Cahier de compte ou note pour quelque faute qu'à défr. comptes.

Livre noir, se dit des livres qui traitent de sorcellerie, de néromancie.

15° Livre blanc, livre qui est tout de papier blanc, sur lequel on n'a encore rien écrit.

Un livre blanc, registre sur lequel étaient portées les dépenses secrètes de la cour, pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI.

Fig. Il se dit sur les livres, c'est-à-dire il est marqué ou noté pour quelque faute qu'à défr. comptes.

Livre noir, se dit des livres qui traitent de sorcellerie, de néromancie.

Le livre d'or, le registre où étaient inscrits les noms des rois dans quelques républiques.

Livre d'or s'est dit, sous la Restauration, du registre contenant les noms des pairs de France.

16° Aujourd'hui, livre, accompagné d'une épithète désignant l'ordre du livre, se dit des livres, documents, rapports, etc., que les gouvernements soumettent aux chambres ou au pays pour leur faire connaître leur politique par son contenu. En France, le livre blanc est pour les affaires intérieures, et le livre jaune pour les affaires extérieures (cet usage ne date que de 1852). En Angleterre, il y a aussi un livre bleu. Le compte rendu de Necker sur les finances de 1781 avait une couverture bleue, et, comme les conclusions en furent contestées, on l'appela le conte bleu.

Xie s.

Mansies fait porter un livre avant, **Ch. de Rol. XVI.**

Seient assés [efface] del livre des vivanz, e [à] javec les justes ne seient escrit, **Liber psalm. p. 90.**

Il prist un livre, si il list sans failance, **Romcs. 165.**

De plusieurs autres choses ent'entrées en l'écrit. Dunt um ne m'a encore acointié d'acerté. Ne tut ne puet pas estre en mun livre noté, **Th. le mart. 114.**

XIIe s.

Qui le livre as histories me montra, où je vi... **Berte. I.**

A desonor [à déshonneur] meurt [meurt] à bon droit Qui n'aime le livre ne croit, **Ren. V. 39.**

XIIIe s.

Les bons livres sont les bons deus, **GERSON, dans Hist. lit. de la Fr. t. LXIV, p. 283.**

Serment sur le livre et sur la croix, **J. CHARTIER, Hist. de Charles VII, p. 238, dans LACURIE.**

On a écrit tous les livres que j'ay. Qui ont traitté de vertus et de vices; Ou en brief temps le jugement vray Des grans menteurs qui tiennent les offices, **E. DESCH. Poésies mes. P. 289.**

Un livre contrefait d'un pieux dessein, en semblance d'un livre, où il n'a n'elles feintes, ne riens écrit, couvert de veluain blanc, et d'aus fermans d'argent doré, **DE LACROIX, Émanc. p. 187.**

Provenc. livre; catal. libro; espagn. libro; portug. livro; ital. libro; dut. liber. proprement la pellicule entre le bois et l'écorce, pellicule qui a donné son nom au livre, attendu qu'on dans anciennes éditions.

1. LIVRE. 6° Livre opposé à l'écrit, à pratique. Ajoutez : d'aine à remplir de feux na bouche en leur présence [dames]; La mode nous oblige à cette complaisance; Tous discours de livre alors sort de saison, **CORN. Mérite, I, 1.**

2. LIVRE. 7° Livre des paris, livre sur lequel on inscrit les paris.

Faire un livre, parler contre tous les chevaux..."

That a tree should be a root is not a bad joke, but, a sober fact. The bark of language and literature, which is the tree of knowledge, the tree of life, grows in strange and wonderful ways. The past lives in us in new forms. This sheet of paper is made from wood which is so related physically to the wood on which many centuries ago our forefathers made their primitive inscriptions. The piece of furniture on which you lay this book is a "table", and the blank paper on which you make notes is "table", because the Latin word for "board" is "tabula". On the same table is a book, probably full of old photographs, called an "album". Why is it called that? Album means "white". In old Rome a high official, the Pontifex Maximus, who was a sort of Secretary of State, wrote the events of the year on a white tablet. That is why our precious family records, faded photographs and pressed flowers, are in a book called an "album".

■ **MITTE ALBUM (al-bon-s)** s. m. 1° Livre sur lequel les voyageurs consignent leurs observations.

2° Album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.**

3° **Cahier sur lequel on prie d'inscrire quelques lignes de prose, quelques vers, un dessin.**

4° **Qu'on lui remet la dape de tous ceux, BÉRANG. Champ. d'alb.**

5° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

6° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

7° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

8° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

9° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

10° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

11° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

12° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

13° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

14° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

15° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

16° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

17° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

18° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

19° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

20° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

21° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

22° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

23° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

24° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

25° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

26° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

27° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

28° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

29° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

30° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

31° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

32° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

33° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

34° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

35° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

36° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

37° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

38° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

39° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

40° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

41° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

42° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

43° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

44° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

45° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

46° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

47° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

48° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

49° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

50° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

51° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

52° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

53° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

54° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

55° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

56° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

57° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

58° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

59° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

60° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

61° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

62° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

63° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

64° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

65° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

66° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

67° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

68° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

69° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

70° **Plume d'antiquaire romaine. Tablettes recouvertes d'un album, porte son album chez tous les sauteurs, J. J. ROUSS. **Em. 10.****

in the decree which condemned him; and that he was accused of impiety for having strenuously opposed the philosophy of Aristotle, and for having disputed with indirection and acrimony against a counsellor of the parliament of Toulouse, or Franco, who had the credit of getting him burned to death; for the latter burn whom they please; witness the Maid of Orleans, Michael Servetus, the Counsellor Dubourg, the wife of Michael d'Ance, Urban Grotius, Morin, and the books of the Janesites. See, moreover, the apology for Vanius by the learned Lacroze, and the article on "Atheism".

The vocabulary treats Boudin as a miscreant; his relations were desirous of proceeding at law and punishing an author, who himself so well deserved the appellation which he so infamously applied to a man who was not merely a magistrate, but also learned and estimable; but the calumniator conspired himself, like most libellers, under a fictitious name.

Immediately after having applied such shameful language to a man respectable compared with himself, he considers him as an irreparable witness, because Boudin — whose unhappy temper was well known — left an ill-written and exceedingly ill-advised memoir, in which he accuses La Motte — one of the worst men in the world, a geometrician, and an ironmonger — with having written the infamous verses for which Jean Baptiste Rousseau was condemned. Finally, in the list of Boudin's works, he accuses their editor for having inserted in the collection of the Academy of Belles-lettres, of which he was a highly distinguished member.

The article on "Fontenelle" is nothing but a satire upon that ingenious and learned Academician, whose science and talents are esteemed by the whole of literary Europe. The author has the effrontery to say that "his 'History of Oracles' does no honor to his religion." If Van Dale, the author of the "History of Oracles," and his abridger, Fontenelle had lived in the time of the Greeks and of the Roman republic, it might have been said with reason that they were rather good philosophers than good pagans; but to speak of what injury they do to the Christian religion by saying that the pagan priests were a set of knaves! It is not evident that the authors of the libel, miscalled a dictionary, are aware of their own cause! It is not probable that they would it be offering an insult to the Christian religion to prove the knavery of the Convulsionaries? Government has done more; it has punished them without being accused of injustice.

The libeller adds that he suspects that Fontenelle never performed the duties of a Christian but out of contempt for Christianity itself. It is a strange species of madness on the part of these fanatics to be so proud of their religion, that a philosopher cannot be a Christian. They ought to be excommunicated and punished for this alone; for assuredly it implies a wish to destroy Christianity to assert that it is impossible for a man to be a good reasoner and at the same time believe a religion so reasonable and holy.

Des Veteaux, preceptor of Louis XIV., is accused of having lived and died without religion. It seems as if these compilers had none, or at least as if, while chiding all precepts of the true one, they were searching about everywhere for accomplices.

The very gentlemen writers of these articles are actually pleased with exhibiting all the bad verses that have been written on the French Academy, and various anecdotes as ridiculous as they are false. This also is apparent from the manner in which they divide the articles.

I ought not to lose an opportunity of refuting an absurd story which has been much circulated, and which is repeated exceedingly malapropos under the article of the "Abbe Godeau," upon which I have already said a great satisfaction, because in his youth he had been a Jesuit; a transient weakness, of which I know he repented all his life.

The devout and scandalous compiler of the dictionary asserts that the Abbe Godeau slept with the celebrated Ninon de l'Endos on the very night of her completing her eightieth year. It certainly was not exactly befitting in a priest to relate this anecdote in a pretended dictionary of serious men. Such a foolishness, however, is so grossly improbable; and I can take upon me to assert that nothing can be more false. The same anecdote was formerly put under the article of the Abbe Chateaufort, who was not so difficult in his amours as the one who was said; but received Ninon's favors when she was of the age of sixty, or rather, had conferred upon her his own. In early life I saw a group of the Abbe Godeau, the Abbe de l'Endos, and the "Hermite de l'Endos," and I can truly declare that at the age of eighty years her countenance bore the most hideous marks of old age — that her person was afflicted with all the infirmities belonging to that stage of life, and that her mind was under the influence of the maxims of an austere philosophy.

Under the article of "Desboulles" the compiler pretends that lady was the same who was designated under the term *précieuse* in Boltaire's satire upon women. There was any woman more free from such weakness than Madame Desboulles; she always passed for a woman of the best society, possessed great simplicity, and was highly agreeable in conversation.

The article on "La Motte" abounds with atrocious abuse of that Academician, who was a man of very amiable manners, and a philosophic poet who produced many works of every description. Finally the author, in order to secure the sale of his book of six volumes, has made it of a ludicrous libel.

His friend, M. de Carre de Montgeron, who presented to the king a collection of the miracles performed by the Convulsionaries in the cemetery of St. Médard, who became mad and died insane.

The interest of the republic of literature and reason demands that those libellers should be delivered up to public indignation, lest their example, operating upon the sordid love of gain, should stimulate others to imitation; and that, so, as nothing is so easy as to copy books in alphabetical order, and add to them insipidities, calumnies, and abuse.

We may well suppose that all the individuals of the faction which employed this person are loaded with praise, and their enemies with abuse. The author, of the crew of authors who have put together this vocabulary of trash, say of Nicholas Boudin, attorney-general of the treasury, of France, and a member of the Academy of Belles-lettres, that he was a poet and an atheist.

That magistrate, however, never printed any verses, and never wrote anything on metaphysics, or on atheism, as he denominates the Leviathan. He is ignorant that Vanius was not an atheist; that the term "atheist" is not to be found even

of the seasons, by the violence of the cold, the disorder of the atmosphere, by tempests, storms, and pestilential exhalations. Thus inclemency, being a metaphor, is consecrated to poetry.

I have given to the word "impotence" all the acceptations which it receives. I showed the correctness of the historian, who speaks of the impotence of King Alphonso, without explaining whether he referred to that of resisting his brother, or that with which he was charged by his wife.

I have endeavored to show that the epithets "irresistible" and "incurable" require very delicate management. The first who used the expression, "the irresistible impulsion of the genius," made a very fortunate hit; because, in fact, the question was in relation to a great genius throwing itself upon its own resources in spite of all difficulties. Those imitators who have employed the expression in reference to very inferior men are plagiarists who know not how to dispose of what they steal.

As soon as the man of genius has made a new application of any word in the language,

VLADIMIR LUKICH BOROVIKOVSKY (1757-1825)
MEMBER OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1795)
(ARTWORK COURTESY OF KALUGA STATE MUSEUM OF FINE ARTS, KALUGA)

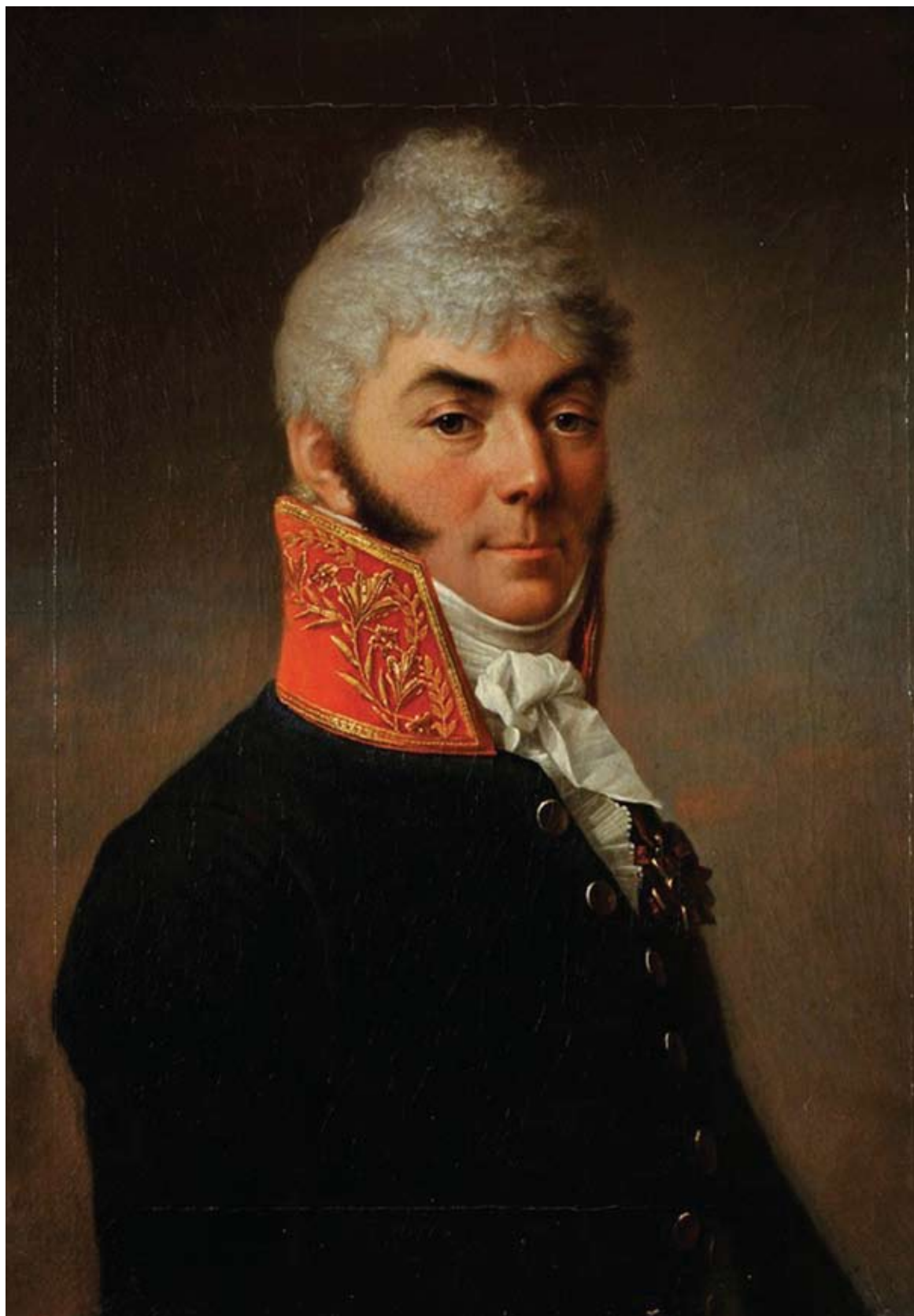
METROPOLITAN BISHOP SERAFIM (1757-1843)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1819)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)

MIKHAIL NIKITICH MURAVEV (1757-1807)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1804)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

**THE HERMITAGE STATE MUSEUM
ST. PETERSBURG, RUSSIA.**
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF V. RUMOVICH)

NIKOLAI NIKOLAEVICH NOVOSILTSEV (1761-1838)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1803-1810)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1806)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ARCHBISHOP ANASTASIOS (1761-1806)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1794)
 (ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

METROPOLITAN BISHOP MIKHAIL (1762-1821)
MATVEY MIKHAILOVICH DESNITSKY
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1802)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

STEFAN SEMENOVICH SHCHUKIN (1762-1828)
ACADEMICIAN OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1797)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ANTON ANTONOVICH PROKOPOVICH-ANTONSKY (1762-1848)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1811)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY, MOSCOW)

ALEXEY NIKOLAEVICH OLENIN (1763-1843)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1786)
PRESIDENT OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1817)
ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF BG GALLERIES, BOSTON)

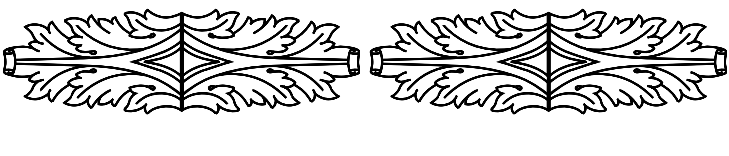
**PETER IVANOVICH SOKOLOV (1764-1835).
MEMBER AND PERPETUAL SECRETARY OF
THE RUSSIAN ACADEMY (1793)
ONE OF THE CO-EDITORS OF THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)**

NIKOLAI MIKHAILOVICH KARAMZIN (1766-1826)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1818)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1818)

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СВАРВА РУССКОГО ЯЗЫКА

one and the same subject at the same time, or that it is not by the addition of the verbs 'be' and 'not', respectively, that positive and negative propositions are formed. If the former of these alternatives must be rejected, we must suppose the latter.

The contradictory, then, of 'it may be' is 'it cannot be'. The same rule applies to the proposition 'it is contingent that it should be'; the contradictory of this 'it is not contingent that it should be'. The similar propositions, such as 'it is impossible' and 'it is possible', may be dealt with in the same manner. For it comes about that just as in the former instances the verbs 'is' and 'is not' were added to the subject-matter of the sentence 'white' and 'man', so here that it should be' and 'that it should not be' are the subject-matter and 'is possible', 'is contingent', are added. These indicate that a certain thing is or is not possible, just as in the former instances 'is' and 'is not' indicated that certain things were or were not the case.

The contradictory, then, of 'it may not be' is 'not 'it cannot be', but 'it cannot not be'; and the contradictory of 'it is not 'it is not 'it may not be', but 'cannot be'. Thus the propositions 'it may be' and 'it may not be' appear each to imply the other; for, since these two propositions are not contradictory, the same thing, both may and may not be. But the propositions 'it may be' and 'it cannot be' can never be true of the same subject at the same time, for they are contradictory. Nor can the propositions 'it may not be' and 'it cannot not be' be at once true of the same subject.

The propositions which have to do with necessity are governed by the same principle. The contradictory of 'it is necessary that it should be', is not 'it is not necessary that it should be'; but 'it is not necessary that it should be', and the contradictory of 'it is necessary that it should not be' is 'it is not necessary that it should not be'.

Again, the contradictory of 'it is impossible that it should be' is 'it is impossible that it should not be'; but 'it is not impossible that it should be', and the contradictory of 'it is impossible that it should not be' is 'it is not impossible that it should not be'.

To generalize, we must, as has been stated, define the clauses 'that it should be' and 'that it should not be' as the subject-matter of the propositions, and in making these positive affirmations and denials we must combine them with 'that it should be' and 'that it should not be' respectively.

We must consider the following pairs as contradictory propositions.

It may be. It cannot be.

It is contingent. It is not contingent.

It is impossible. It is not impossible.

It is necessary. It is not necessary.

It is true. It is not true.

Part 13. Logical sentences follow in due course when we have arranged the propositions thus. From the proposition it may be it follows that it is contingent, and the relation is reciprocal. It follows also that it is not impossible and not necessary.

From the proposition 'it may not be' or 'it is contingent that it should not be' it follows that it is not necessary that it should not be and that it is not impossible that it should not be. From the proposition 'it is contingent, it follows that it is not impossible that it should be, and that it is possible that it should be. From the proposition 'it is impossible, we cannot predicate anything, and should not be it follows that it is necessary that it should be and that it is impossible that it should not be.

Let us consider these statements by the help of a table:

A. B.
It may be. It cannot be.
It is contingent. It is not contingent.
It is impossible. It is not impossible.
It is necessary. It is not necessary.
It is true. It is not true.
It is not necessary that it should not be.
It is not impossible that it should be.

C. D.
It may not be. It cannot not be.
It is contingent that it is not contingent that it should be.
It is impossible that it should not be.
It is not impossible that it should be.
It is not necessary that it is necessary that it should not be.
It is not necessary that it is necessary that it should not be.

Now the propositions 'it is impossible that it should be' and 'it is not impossible that it should be' are consequent upon the propositions 'it is contingent', and 'it cannot be'. 'It is not contingent', the contradictories upon the contradictories. But there is inversion. The negative of the proposition 'it is impossible' is 'it is not impossible'; and the proposition 'it may be' and the corresponding positive in the first case upon the negative in the second. For 'it is impossible' is a positive proposition and it is not impossible' is negative.

We must investigate the relation subsisting between these propositions and those which predicate necessity. That there is a distinction is clear. In this case, contrary propositions follow respectively from contradictory propositions, and the contradictory propositions belong to separate sentences. For the proposition 'it is not necessary that it should be' is not the negative of 'it is necessary that it should not be'; for both these propositions may be true of the same subject; for when it is necessary that a thing should not be, it is not necessary that it should be. The reason why the propositions predicating necessity do not follow in the same kind of order as the rest, lies in the fact that the proposition 'it is impossible' is equivalent, when used with a contrary subject, to the proposition 'it is necessary'. For when it is impossible that a thing should be, it is necessary, not that it should be, but that it should not be, and when it is impossible that a thing should not be, it is necessary that it should be. Thus, if the propositions predicating impossibility or non-impossibility follow without change of subject from those predicating possibility or non-possibility, those predicating necessity must follow with the contrary subject; for the propositions 'it is impossible' and 'it is necessary' are not equivalent, but, as has been said, inversely connected.

Yet perhaps it is impossible that the contradictory propositions predicating necessity should be thus arranged. For visibility is necessary that a thing should be, it is possible that it should be. (For it is, the opposite follows, since one or the other must follow; so, if it is not possible, it is impossible, and it is thus impossible that a thing should be, which must necessarily be; which is absurd.)

Yet from the proposition 'it may be' it follows that it is not impossible, and from that it follows that it is not necessary; it comes about therefore that the thing which must necessarily be need not be; which is absurd. But again, the proposition 'it is necessary that it should be' does not follow from the proposition 'it may be'; nor does the proposition 'it is necessary that it should not be'. For the proposition 'it may be' implies a twofold possibility, while, if either of the two former propositions is true, the twofold possibility vanishes. For if a thing may be, it may also not be, but it is necessary that it should be or that it should not be, one of the two alternatives will be excluded. It remains, therefore, that the proposition 'it is not necessary that it should not be' follows from the proposition 'it may be'. For this is true also of that which must necessarily be.

Moreover, the proposition 'it is not necessary that it should not be' is the contradictory of that which follows from the proposition 'it cannot be'; for 'it cannot be' is followed by 'it is impossible that it should be' and by 'it is necessary that it should not be', and the contradictory of this is the proposition 'it is not necessary that it should not be'. Thus in this case also contradictory propositions follow contradictory in the way indicated, and no logical impossibilities occur when they are thus arranged.

It may be questioned whether the proposition 'it may be' follows from the proposition 'it is necessary that it should be'. If not, the contradictory must follow, namely, that it cannot be; or, if a man should maintain that this is not the contradictory, then the proposition 'it may not be'.

Now both of these are false of that which necessarily is. At the same time, it is thought that if a thing may be cut it may also not be cut, if a thing may it may also not be, and thus it would follow that a thing which must necessarily be may possibly not be; which is false. It is evident, then, that it is not always the case that that which may be or may walk possesses also a potentiality in the other direction. There are exceptions. In the first place we must expect those things which possess a potentiality not in accordance with a rational principle, as fire possesses the potentiality of giving out heat; that is, an irrational capacity, in the other direction, which involve a rational principle are potentialities of more than one result, that is, of contrary results; those that are necessary are not always thus. As fire, which is predicated as fire cannot both heat and not heat, neither has anything that is always actual any twofold potentiality. Yet some even of those potentialities which are irrational admit of opposite results. However, thus much has been said to establish the truth that it is not every potentiality which admits of opposite results, even where the word is used always in the same sense.

But in some cases the word is used equivocally. For the term 'possible' is ambiguous, being used in the one case with reference to facts, to which is actualized, as when a man is said to find walking possible because he is actually walking, and generally with reference to things which are actually realized, it is actually realized, in the other case, with reference to a state in which realization is conditionally practicable, as when a man is said to find walking possible because under certain conditions he would walk. This last sort of potentiality belongs only to that which can be in motion, the former can exist also in the case of that which has not this power. Both of that which is walking and is actual, and of that which has the capacity though not necessarily realized, it is to say that it is not impossible that it should walk (or, in the other case, that it should be), but that we cannot predicate anything, and that the potentiality of that which is necessary in the unqualified sense of the word, we can predicate the former.

Our conclusion, then, is this: that since the universal is consequent upon the particular, and that which is necessary is also possible, though not in every sense in which the word may be used.

We may perhaps state that necessity and its absence are the initial principles of existence, and that the latter is that and all else must be regarded as posterior to these.

It is plain from what has been said that which is of necessity is actual. Thus, if that which is eternal is prior, actually also prior to potentiality. Some things are actualities without potentiality, namely, the primary substances; a second class consists of those things which are actual but also potential, whose actuality is in nature prior to their potentiality, though posterior in time; a third class comprises those things which are never actualized, but are pure potentialities.

Part 14. The question arises whether an affirmation finds its contrary in a denial or in another affirmation; whether the proposition 'every man is just' finds its contrary in the proposition 'no man is just', or in the proposition 'every man is unjust'. Take the propositions 'Callias is just', 'Callias is not just', 'Callias is unjust'; we have to discover which of these form contraries.

But if the spoken word corresponds with the judgement of the mind, and if, in thought, that judgement is the contrary of another, which pronounces a contrary fact, in the way, for instance, in which the judgement 'every man is just' pronounces a contrary to that pronounced by the judgement 'every man is unjust', the same must needs hold good with regard to spoken affirmations.

But if, in thought, it is not the judgement which pronounces a contrary fact that is the contrary of another, then one affirmation will not find its contrary in another, but rather in the corresponding denial. We must therefore consider which true judgement is the contrary of the false, that which forms the denial of the false judgement or that which affirms the contrary fact.

Let me illustrate. There is a true judgement concerning that which is good, that it is good; another, a false judgement, that it is not good; a third, which is distinct, that it is bad. Which of these two is contrary to the false? And if they are one and the same, which mode of expression forms the contrary?

It is an error to suppose that judgements are to be defined as contrary in virtue of the fact that they have contrary subjects; for the judgement concerning a good thing, that it is good, and that concerning a bad thing, that it is bad, may be one and the same, and whether they are so or not, they both represent the truth. Yet the subjects here are contrary. But judgements are not contrary because they have contrary subjects, but because they are contrary in their predicates.

Now if we take the judgement that that which is good is good, and another that it is not good, and if there are at the same time other attributes, which do not and cannot belong to the good, we must nevertheless refuse to treat these as contraries of the true judgement those which opine that some other attribute subsists which does not subsist, as also those that opine that some other attribute does not subsist

which does subsist, for both these classes of judgement are of unlimited content.

Those judgements must rather be termed contrary to the true judgements, in which error is present. Now these judgements are those which are concerned with the starting points of generation, and generation is the passing from one extreme to its opposite; therefore error is a like transiition.

Now that which is good is both good and not bad. The first quality is part of its essence, the second accidental; for it is by accident that it is not bad. But if that true judgement is most really true, which concerns the subject's intrinsic nature, then that false judgement likewise is most really false, which concerns its intrinsic nature. Now the judgement that that is good is not good is a false judgement concerning its intrinsic nature, the judgement that it is bad is concerning that which is accidental. Thus the judgement which denies the true judgement is more really contrary to that which positively asserts the presence of the contrary quality. But it is the man who forms that judgement which is contrary to the true who is most thoroughly deceived, for contraries are among the things which differ most widely within the same class. If then of the two judgements one is contrary to the true judgement, but that which is contradictory is the more truly contrary, then the latter, it seems, is the real contrary. The judgement that that which is good is bad is composite. For presumably the man who knows that judgement must at the same time understand that that which is good is not good.

Further, the contradictory is either always the contrary or never; therefore, if it must necessarily be so in all other cases, our conclusion in the case just dealt with would seem to be correct. Now where terms have no contrary, that judgement is false, which forms the negative of the true; for instance, he who thinks a man is not a man forms a false judgement. If then in these cases the negative is the contrary, then the principle is universal in its application.

Again, the judgement that that which is not good is not good is parallel with the judgement that that which is good is good. Besides these there is the judgement that that which is good is not good, parallel with the judgement that that is not good is good. Let us consider; therefore, what would form the contrary of the true judgement that that which is not good is not good. The judgement that it is bad would, of course, fail to meet the case, since two true judgements are never contrary and this judgement might be true at the same time as that with which it is connected. For the things which are good are not good, and the true judgements may be true. Nor is the judgement that it is not bad the contrary, for this too might be true, since both qualities might be predicated of the same subject. It remains, therefore, that of the judgement concerning that which is good, that it is not good, the contrary judgement is that it is good; for that is false. In the same way, moreover, the judgement concerning that which is good, that it is not good, is the contrary of the judgement that it is good.

It is evident that it will make no difference if we universalize the positive judgement, for the universal negative judgement will form the contrary. For instance, the contrary of the judgement that everything that is good is good is that nothing that is good is good. For the judgement that that which is good is good, if the subject be understood in a universal sense, is equivalent to the judgement that whatever is good is good, and this is identical with the judgement that everything that is good is good. We may deal similarly with judgements concerning that which is not good.

If therefore this is the rule with judgements, that if spoken affirmations and denials are judgements expressed in words, it is plain that the universal denial is the contrary of the affirmation about the same subject. Thus the propositions 'everything good is good', 'every man is good', have for their contraries the propositions 'nothing good is good', 'no man is good'. The contradictory propositions, on the other hand, are 'not everything good is good', 'not every man is good'.

It is evident, also, that neither true judgements nor true propositions can be contrary the one to the other. For whenever, when two propositions are true, a man may state both at the same time without inconsistency, contrary propositions are those which state contrary conditions, and contrary conditions cannot subsist at one and the same time in the same subject.

§ 25 SENS COMMUN

Author: EUGENIE BOUBERON.

«Connaissance qu'ont les membres des situations, leur habileté à les traiter et à accomplir dans tous les détails, considérée comme *allure*-de- soi et leur permettant d'accéder aux éléments particuliers et distinctifs de la situation».

—Harold Garfinkel.

«On ne peut nier la compétence de l'académicien puisqu'elle juge; mais comment nier celle de Platon, de Descartes et de Kant? C'est aussi étaient des hommes, et de plus des hommes de génie; et cependant leurs doctrines ne sont point dénuées de religion du peuple; la religion du peuple est plus vieille que la philosophie; la philosophie ne l'a point altérée; elle a survécu à tous les systèmes, et cette religion est le sens commun».

—Théodore Jouffroy.

«Le sens commun ne doit rien à la philosophie, parce qu'il ne tient rien d'elle. Celle-ci au contraire, (...) est comme un arbre qui a pour tronc et pour racines le sens commun et ses principes. Séparé de ce tronc et de ces racines, asséché, il doit sa naissance, son accroissement et sa force, l'arbre philosophique voit flétrir ses feuilles, et si sève exhalée en vapeurs; il se dessèche et tombe bientôt en poussière».

—Thomas Reid, *Recherches sur l'entendement humain*, I.

«[Les] règles pour procéder en philosophie, réglées philosophandi, ne sont que les pures maximes du sens commun, celles que les hommes purs suivent dans la conduite ordinaire de la vie. Quoiqu'une certaine philosophie sur d'autres règles, soit qu'il s'agisse du monde matériel ou du monde intellectuel, court risque de se méprendre et de n'atteindre pas le but où il tend.» (Thomas Reid, *Idem*, la notion de *sens commun* et le rapport à une forme de connaissance regroupant les savoirs traditionnels transmis et largement diffusées dans une culture donnée :

normes, valeurs, et symboles). Constituant une certaine interprétation de la réalité, le sens commun peut conduire à des incompréhensions lorsqu'il est l'objet d'un discours partagé. Le sens commun gère les interactions entre individus au sein d'une population, par un ensemble de règles qui sont tacitement admises et qui régulent les relations pour en permettre la continuité. Le sens commun désigne donc une forme de connaissance s'acquérant généralement par la socialisation, par opposition aux savoirs scientifiques qui exigent l'emploi de méthodes scientifiques».

—Thomas Reid, *idem*.

À l'origine, le «sens commun»¹. La notion de «sens commun» descend de son ancêtre latin «Sensus communis», présent dans l'antiquité mais avec une signification différente de celle que nous lui connaissons aujourd'hui. Cela référait aux humanités, à la sensibilité et à la raison. L'individu qui n'est pas doué du *sens communis* est fou. Cette dénotation du *sens communis* a beaucoup influencé la philosophie et notamment les philosophes des Lumières.

Aristote a d'abord formulé une réflexion sur la perception, dans une forme de sensibilités communes (*loinè aisthèsis*). Cette ligne de pensée sera au centre des débats philosophiques relatifs à la théorie de la connaissance jusqu'à la fin du XVIIIe siècle. Une seconde ligne de pensée philosophique fait du sens commun (*sensus communis*) une analyse ou une synonymie avec la notion de rationalité philosophique et d'opinion.

Au Moyen Âge, la redécouverte des textes aristotéliques et leur ré-interprétation dans le contexte de controverses scolastiques plaçant le concept de *loinè aisthèsis* au centre de la théorie des facultés. La question du support physiologique de la faculté psychologique du sens commun se caractérisait alors par «curru-tantur au cerveau».

Descartes, héritier de cette double tradition (aristotélicienne et scolastique), contribuera à disqualifier ce concept (*loinè aisthèsis*) en logant le sens commun dans la glorieuse plume. Il prendra le parti de l'âme et de l'esprit contre le corps et des sens trompeurs. Le dualisme cartésien tendra à commettre d'une valeur péjorative les idées communes au sens commun de l'opinion, ennemie des idées claires distinctes.

Il faudra attendre le XVIIIe siècle pour que Kant admette en termes explicites et positifs une aide du sens commun comme norme idéale dans les jugements de goût. En France cette aide aussi (les XVIIIe siècles) sera au centre d'un sens commun d'inspiration religieuse et anti-cartésienne avec Claude Buffier, Fénelon et Lamais.

Destutt de Tracy fonde en 1798 le concept d'idéologie pour désigner l'étude scientifique des idées à la suite du sensualisme de Condillac, qui établit le rôle déterminant du langage dans la formation des idées complexes. Pour Destutt de Tracy la diversité de nos dispositions individuelles n'empêche pas que la vérité soit la même pour tous et qu'il y ait une raison générale et un sens commun et universel. Nous sommes tous d'accord quand nous ne mettons dans une idée que « ce qui est-est ».

Le concept de «sens commun». Le sens commun est constitué de savoirs organisant la vie sociale mais pas forcément universels. Le sens commun est sous-jacent aux règles de validation qu'écrit la science, que seule la critique philosophique peut faire connaître. D'un point de vue pragmatique, le sens commun est un raisonnement individuel, permanent, qui permet de faire face et de répondre facilement aux problèmes et aux informations que les individus rencontrent dans la vie courante. Il est souvent perçu comme «naturel», «inné», il semble aller de soi : «Je va voir pas comment je pourrais penser et agir autrement».

« Dans la philosophie des Lumières il devient une sorte de bon sens, de bonne morale et de logique universelle. «une connaissance minime, inscrite dans les choses mêmes, et cette sagesse détermine la loi qui gouverne la vie humaine ».

« L'anthropologue Clifford Geertz définit le sens commun comme un « système culturel » et déclare qu'« il peut varier radicalement d'un peuple à l'autre »². Il brise ainsi l'unité que certains auteurs ont pu penser et a été travaillé sur le concept de culture et a étudié le sens commun dans diverses sociétés en rejetant la position de l'ethnocentrisme.

« Pour Alfred Schütz, le sens commun est comparable à un « mode d'emploi » car il permet de savoir comment se comporter au sein d'une culture donnée.

Le monde ordinaire. Dans les différents articles réunis dans *Essais du monde ordinaire* Alfred Schütz souligne le problème de la rationalité dans le monde social avec les équivalences et les connotations dissimulées dans les études sociologiques qui ne distinguent pas suffisamment la rationalité de l'observateur scientifique de celle de l'acteur humain au sein de son monde social.

La ville, bien qu'elle soit toujours la même, apparaît différente à des personnes différentes selon leurs positions individuelles. Cette métaphore aide à clarifier la différence entre la vue du monde social dans lequel nous vivons naturellement et le monde social qui est l'objet de l'observation scientifique. La personne qui a été élevée dans une ville trouvera son chemin dans les rues en suivant les habitudes acquises lors de ses occupations quotidiennes. N'ayant pas une conception cohérente de l'organisation de la ville, elle peut cependant utiliser le metro ou le bus pour se rendre à son bureau tout en méconnaissant une partie de sa ville. Pour un étranger à la ville, rien ne va de soi, il faut se demander à un expert, ne peut-il lui apporter comment se rendre d'un point à un autre de la ville. Il lui est nécessaire de connaître la signification des légendes et le point où il se trouve sur sa carte géographique de façon à mieux en rapporter les signes de la carte et les objets réels de la ville. Le cartographe, quant à lui, a utilisé plusieurs techniques (photos aériennes, théodolite, fonction trigonométrique...) selon de nombreux critères qui doit va pouvoir établir le plan de la ville et la planifier. Ce plan cartographique de façon quelle soit le plus facilement utilisable... « Nous pouvons dire que le même objet est considéré selon différents niveaux »³.

Alfred Schütz clarifie la notion de «*Verstehen*» («comprendre») qui se réfère à la connaissance du «sens commun» par rapport à la notion de «*Erklären*» («expliquer») spécifique aux sciences sociales. Il va proposer d'étudier les procédures d'interprétation utilisées en œuvre dans la vie de tous les jours qui donnent un sens à nos actions et à celles des autres. Il note en particulier que «le langage de tous les jours recrée un trésor de types et de caractéristiques préconstruits de l'essence sociale, qui abritent des contenus inconscients»⁴.

¹ https://wikipedia.org/wiki/Sens_commun.

² *Considérer l'étude anthropologique du Sens Commun* par Georges-Eliu Sarfati [archivé], particulièrement la deuxième partie sur l'étatisme du concept.

³ *Éléments d'analyse de l'acte de l'acteur* (Paris) (Chap V) Le langage - page 328). La raison, le bon sens, commun et universel sont souvent accusés par le Dictionnaire de Ratiocin (voir aussi page 349).

⁴ *Le monde ordinaire* - Ch. II du problème de la rationalité dans le monde social - page 26. Traduction par Thierry Buis de l'article intitulé : «*Deficient Papers* II, p.4-48. Première participation à la conférence interdépartementale de l'université Harvard, 1982, publiée en *Economica*, nouvelle série, vol. X, N°38, mai 1943, p. 130-149.

⁵ *L'ethnologie philosophique*, Alain Codrin, PUF, Que sais-je ?, juin 2007, p. 27.

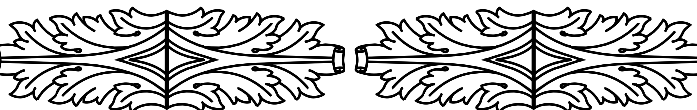

PAVEL PETROVICH BAKUNIN (1766-1806)
PRESIDENT OF THE RUSSIAN ACADEMY (1794-1796)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1796-1798)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

PLATON YAKOVLEVICH GAMALEYA (1766-1817)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1808)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1801)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

strongly as to render difficult the passionless precision of analysis and reasoning which Reid rightly held to be needful for the attainment of philosophical truth: while at the same time it is clear to him that all the questions hang together, and that the decision of one in the sense that he claims will carry with it the similar determination of the rest. (*L. ¶ 19*)

Accepting this view then, and remembering that in a trivial case we are trying not trivial issue, let us examine his account of the transition from a psychical to a physical process. Here Reid's task, as he ultimately saw, was merely carrying further the work of Descartes. By clearly distinguishing the motions of material particles antecedent to the motions of the mind, he was able to show that Descartes had got rid of the old psychophysical medium, by which forms or semblances of things perceived by the senses were supposed somehow to get into the brain and then to be transformed into ideas. Reid showed that he had not equally got rid of the view that perception was the getting of an idea in the mind, from which the existence of a thing outside the mind the idea had to be somehow derived. This was the view of Reid's predecessor in the discipline Malebranche but by his independent successor Locke. They do not see what Reid came to see, that the normal perception of an external object presents itself to the mind as a direct apprehension of an object, and that cognition which has no psychological mediation, no inference in it. What prevented them and others from seeing this was, mainly, a naive assumption that the mind can only know what it is in contact with. Reid showed that the mind can know the body cannot be thus present; as the mind cannot go out to them and they cannot get into the mind, only the ideas of them can get in. It was reserved to Reid to point out the error of the view that the mind can be in contact with the continued half unconscious transfer to Mind and its functions of cognition, of the conditions under which body acts on body in ordinary physical experience. When the mind is in contact with the body, it is in contact with the ideas of the body. (Reid, 1969, p. 100)

It is to be observed, that in affirming external existence to be an immediate cognition, Reid does not of course mean that we are directly acquainted with the existence of the perceiving mind; nor has not a double object, its own percept and a non-mental thing like its percept; and accordingly that our normal conviction of the present existence of the perceiving mind, perception is not a judgment, nor an act of reasoning, but a primary datum of knowledge. He recognizes like his predecessors that it has physical antecedents, movements of material particles both without and within the mind, but that these antecedents are not, like those of the senses, more than his predecessors, that it has psychical antecedents and concomitants, e. sensations which he carefully distinguishes from the perception that they suggest and which are not the perception itself. He does not, however, possibly affect our reflective cognition in the cognition that follows them,—that question I will deal with presently,—but at any rate can not properly modify our view of the nature of the perception itself, as he does in his later observation. This, I think, remains true after duly taking account of the valuable work that has been done since Reid's time, in ascertaining more accurately the antecedents of the perception of the existence of the perceiving mind. Whatever view we may take on the interesting but still disputed questions as to the precise manner in which vision, tactus, and muscular feelings have historically been connected with the perception of the existence of the perceiving mind, we must not lose sight of the fact that the general notions of matter and space—there can still be no doubt of the fundamental difference in our present consciousness between these perceptions or notions and any other perceptions or notions, such as the perception of

It has indeed been held, by an influential school of British psychologists, that this manifest difference is merely apparent. The difference between the "chemical" and "mental chemistry" sensations and images of sensation have been "compounded" into what we now distinguish as perceptions and conceptions of matter in space, and that the apparent difference between the two is due to the fact that just as water really consists of oxygen and hydrogen. But this view involves a second illegitimate transfer of physical conditions to psychical facts, and Read would certainly have been justified in rejecting it. But he did not do so, and unhesitatingly as he does reject it when applied to support the conclusion that a "cluster of the ideas of sense, properly apprehended, is the basis of the idea of matter." But he has rejected it for the simple reason that we have no ground for holding any fact of consciousness to be other than careful introspection declares it to be. In the case of the "chemical" sensation, the "chemical" image, the "chemical" idea, certain elements appear on experience, proof that can not only make the compound out of the elements, but can also make the elements again out of the combined. But in the case of the "mental chemistry" sensation, the "mental chemistry" image, the "mental chemistry" idea, the elements are derived from more elementary feelings. It is certain that no psychical experiment will enable us to turn them into such feelings again: the latter phenomena, it is true, are not "chemical" in the sense of arising from evolution, nor mere composition. (*J*, 722)

Still it may be said, granting the existence of cognitions and beliefs that cannot now be resolved into more elementary feelings, and that present themselves in ordinary thought with the character of unreasoned certitude, systematic reflection on these beliefs and their antecedents must render it impossible to accept them as trustworthy premises for philosophical reasoning. It is a commonplace that the senses deceive, and the more we learn of the psychophysical process of sense-perception, the more clear it becomes why and how they must deceive. Even apart from cases of admitted illusion, philosophical reflection on normal perception continually shows us, as Hume urges, a manifest difference between the actual percept and what we commonly regard as the real thing perceived. Thus, Hume says, "we are never able to see the real body, but only its image, which is removed farther from it, but the real table which exists independent of us, is never altered, nor does the image resemble it."¹

nothing but its image which was present to the mind. These are the obvious dictates of reason." In answering this line of objection Reid partly relies on a weak distinction between original and acquired perception, which the progress of science has rendered clearly untenable and irrelevant. Apart from this his really effective reply is twofold. First he points out that the very evidence relied upon to show the unreality of sense-percepts really affords striking testimony to the general validity of the belief in an independent reality known through sense-perception. It is by trusting, not by distrusting, this fundamental belief that Common Sense organized its own system of ideas. Second, he points out that the alleged crude Common Sense, like Hume's's concept of the table, if nothing but images were present to the mind, how could we ever know that there exists a real table which does not alter while the visible magnitude changes its distance from us? The plain man knows this through an acquired

perception, by which he habitually judges of real magnitude from visible appearances: but science carries the knowledge further, enabling us to predict exactly what appearance a given portion of extended matter will exhibit at any given distance from the spectators. Now all this coherent, precise and unerring prediction rests upon innumerable sense-perceptions; and the scientific processes which have made it possible have been carried on throughout the basis of the vulgar belief in the independent existence of the matter perceived. "Is it not absurd," Reid asks, "to suppose that a false supposition of the rude vulgar has been so lucky in solving an infinite number of phenomena of nature?" (*J.* 23)

Suppose, however, that the opponent rests this argument upon his maintenance that, though physical science may find the independent existence of matter a reasonable hypothesis, it is not a necessary conclusion. I might then feign that they can extract the square root of negative quantities,—still in truth I mind I can only mental facts,—feelings and thoughts. Suppose he further urges that the contrary is the case, and that the only convenient way of perception is found on reflection to have no claim to philosophic acceptance, because while admittedly unreasoned it cannot be said to be strictly intuitive,—and that, therefore, it is not possible to know anything cannot directly perceive that it exists independently of my perception. To this line of argument Reid has another line of reply. He points out to the Idealist that he does not escape the charge of inconsistency by saying that he perceives a reality beyond consciousness. He has still to rely on data of knowledge which are open to the same objections as the belief in the independent existence of Matter. For instance, he is still to rely on memory, and perception, and the senses, and these are equally fallible; he still does not know intuitively and cannot prove that what we perceive really exists independently of our perception, still less can we know whether intuitively or prove that what we perceive really exists independently of our perception. And it is difficult to conceive how the Non-ego can be known by the Ego, there is surely an equal difficulty in understanding how the Present Ego can know the Past. And yet once cease to rely on the senses, and on memory, and on reason, and on reasoning beyond the very simplest we have to rely on our recollection of previous steps in reasoning. A pure system of truths reasoned throughout from rational principles, and not from any basis of fact, is not the basis of the intellectual as of the physical life that living someone is prior to living ideally well; and if we are to live at all, we must accept some beliefs that cannot claim Reason for their basis. But we must accept some beliefs, and we must be unphilosophical to acquiesce tranquilly in some of these beliefs of Common Sense, and yet obstinately to fight against others that have an equal warrant of spontaneous conviction. The philosopher who is not content with the philosopher to give impartially a provisional acceptance to all such beliefs, and then set himself to clarify them by reflection, remove inconsistencies, confusions, and contradictions, and to make them more consistent, and to be purged results in an unbroken and harmonious system of thought? (¶ 9, 24)

If, finally, opposing philosopher answers that he cannot be satisfied by any system that is not perfectly rational, that he cannot be satisfied by anything but his sympathy, although he cannot encourage him to hope. "I confess," he says, "after all that the evidence of reason and of necessary and self-evident truths, seems to be the only light that I can see in the darkness of the world, the light of truth so fills my mind in these cases that I cannot conceive nor desire anything more satisfying. On the other hand, when I remember distinctly a past event, or see the same event in the present, I am so much affected that I believe no less than an axiom. I seem to want that evidence which I can best comprehend and which gives perfect satisfaction to an inquisitive mind." And to a philosopher who says that he cannot be satisfied by anything but his knowledge is the acquisition of his reason, it is no doubt humiliating to find that "his knowledge of what really exists or did exist comes by another channel" and that "he is not satisfied by anything but his sympathy." But even if "that some philosophers should invent vain theories to account for this knowledge: would others 'spurn at it' and say that they cannot account for it, and vainly attempt to account for it, and that they are not satisfied by anything but their sympathy?" "I am not at all satisfied by anything but my sympathy," says an attorney to his client. (p. 25)

The passage which I have quoted was published in 1785, when Reid was 75 years of age. Even before it was written, the age of the philosopher was advanced, and he was to see less chemical in the physical world; and, before the end of the century, in the world of thought, attempts to transcend and rationally account for the beliefs of Common Sense were to be made. But neither age nor the progress of thought began to excite some interest even in our insular mind. The nineteenth century is now drawing to its close; and these attempts to fly are still going on, both in the physical and in the metaphysical world. But neither age nor the progress of information, have they yet attained a triumphant success. At the same time our age, which has seen so many things accomplished, that were once thought impossible, may without presumption, hope to see some of the things which were once more hopeful spirit than was possible to Reid: and I should be sorry to say anything here to damp the noble ardor or to weaken the confidence of any of our countrymen. I am, however, like you. But if there should be any one among you who, desirous to philosophize and yet fearing the fate of larvae, may prefer to walk in the dimness and twilight of the lower world, I can only say, that I have no objection to his so thinking that he may even now find profit in communing with the earnest, patient, lucid and discerning intellect of the thinker, who, in the history of modern speculation, has been the first to show the way to the Philosophy of Common Sense.

§ 27 CLARUS PRÆFATORIUM LEXICA

Every ever written and successfully circulated dictionary starts with its preface. To write a theoretical preface to a dictionary is usually untraditional. However, best dictionaries have always broken this rule. Without a decent and properly ample preface the dictionary is naked, defaced which intensifies the question of identity crisis. Preface to the dictionaries are usually read and analyzed word-by-word. A poorly or very concisely composed prefaces raise signs of doubt and in competence regarding the entire work.

The reason for the preface being so concise has a very important reason. This is entirely left for the reader to figure out why?

The following prefaces of extremely well received several dictionaries around the globe will serve the reader as a guideline to presentationally written essays of different style to lexicographical toils. In this respect, the heading for this auxiliary chapter it was not chosen by chance, but it was

selected based on rational and logical notion: *Clarus Præfatorium Lexica*.

§ 27.1 ПРЕДИСЛОВІЄ К САР

[illegible]

Российская академия, благотворным ЕЕ величьем в 21 день Октября 1783 года основанная, шпасская и себя достойному Монаршаго покровительства, и внемлая предметам трудов своих, главнившим себя поставила долготом сочинения Словари или изъяснения слов, речей, ртвей и разнаго образа впаданй в языкъ Славеноросскомъ употребительных.

Пользу и необходимую нужду такового сочинения доказывать излишно; неоспорима я истинна истма известна, что безъ полного собраня словъ и ртвей, и не определя точнаго имъ знаменаваня, не можно ни утвердительно сказать въ чемъ состоитъ обиле, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными въ произвѣдѣхъ разума съ несоиманною точностию могущего послужить примѣромъ.

Расширение обилие языка Славенороссического по множеству разных книг как древних, так и новейших писателей, было главным делом причиною трудности въ прямомъ языке употреблении. Отсюда введены въ него многія рчи и расположени: оныя существуютъ его противны; отсюда видны въ многихъ новейшихъ нашихъ писателяхъ и переводчикахъ слоги болѣе свойственныя тѣмъ языкамъ, къ которымъ они вѣщаютъ реченіе, нежели къ своему собственному прилагали. Но сіе самое обилие, въ которомъ языкъ Славенороссическій отличается отъ другихъ, и въ помянутой точности языка и употребленія, въ языкѣ Славенороссическомъ, открытъ непосредственно правилъ къ утвержденію его нужныхъ, и послужить къ приношенію въ совершенство всѣхъ частей науки словесныхъ; ибо не правила языка рождаютъ, но изъ употребленія оныя извлекаются правила.

Славеноросійскій языкъ большею частью состоитъ изъ Славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ; хотя въ прочемъ великое множество содержитъ словъ собственно Рускихъ, по своему конякъ, которыя изъ Славенскаго языка почерпнуты иное окончаніе, иное образованіе, а другія и новой смьслъ по нимъ имѣ.

[illegible]

Прекраснословия церковь, во всѣхъ племенахъ Славенскихъ единымъ языкомъ славословя имя Божіе, главною и истинною доднесь пребыла виною, что не, преимущественно предъ многими Европейскими народами, цѣлостъ Славенскаго языка неизмѣнну сохранила, и не токо кнѣи писанныя за многія столѣтія удобно разумѣны, но и другая Славенская нарѣчія, употребляемая во странахъ иноплемениными языками отъ насъ отдѣленныхъ, довольно для насъ вразумительныя.

Братъ	Братиъ.	Крѡвъ.	Крани.
Око	Очи.	Сила	Цѣль.
Брюхо	Бру.	Вода	Одъ.
		Древо	Дери.
Гора	Гори.		
День	Дни.	Воля (власть)	Вели.

Язык Россійскій, имѣя неизбѣлемымъ основаніемъ языкъ Славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ тоже преимущество, и народъ Россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣсть имъ обитаемыхъ, говорить повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ.

Но сие такъ же неоспорима есть истинна, что языкъ Россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ Славенскимъ; что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство Россійскаго обладанія, соседственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ, отъ

коих вошли многие тѣхъ странъ названія вещей и
произведены, которая достигши столицъ такъ
укоренились, что незнающимъ сихъ языковъ
Россійскимъ бытъ кажутся. Науки, художества, ремесла,
руководя, торговля, промыслы, обновленное военное и
гражданское состояніе ввели въ языкъ Россійской многія
реченія, предкамъ нашимъ невідомыя.

Такое состояние языка Славенороссийского заставило Академию, при составлении словаря своего, вникать в то, что и другой языкъ съ возможнымъ точностию; ибо отъ соединения ихъ зависятъ обиліе, важность, сила и красота языка нынѣ употребительнаго; по чему и открылось ей поле предлагающее къ воздѣланію едва предѣлы имѣющее.

[illegible]

Здається, відповідно до цих правил Академія виборів слів, і надає їм й Грамматичні примітки, касаючись до частей рчи, штилася виникати із їх происхождение, относительно къ тѣмъ языкамъ, изъ коихъ вошли онѣ въ языкъ Славенскій или Россійскій, и распожила ихъ по числу словопроизводному. Порядку сей на первый случай признала Академія къ утверждѣнню языка необходимо нужнымъ; но чрезъ оный корень, имя, различное въ разныхъ случаяхъ употребленіе, сложность, уклоненіе или прехожденіе въ другій смыслъ, пренеосителность, и мнозаслательность словъ и зависящихъ отъ нихъ рченій, въ одномъ толкують и объясняютъ Мистъ.

[illegible]

Для избрания ненужных повторений имена женского рода поведены под мужские; уместительная под положительную; глаголами, участвующими под простые; исключая та только случаи, в коих они от обыкновенного смысла уклоняются. Изъ слов сложных съ отрицательною частицею не. Соавръ дано мистъ только ты, которая 1) лишены будучи то частицы сами по себѣ утвърдительнаго знаменаванія не имють напр: непра, немодно, непожила, негоста 2) которая значать нѣкое существованіе или дѣйствіе, напр: несправѣ, неправда, или же каковой отличной въ себѣ смыслъ отъ утвърдительнаго заключаютъ какъ-то: неменей, неменекрей, неменьшалоумень; 3) которая составляють реченія въ законодѣйствіяхъ, состояніяхъ, наукахъ, художествахъ, рукодѣліяхъ, и проч: каковы суть:

¹ По-Российски Матъ; по-Кельтски, Малъ; по-Руски, Долнина; по-Кельтски Делъ.

PLATON ALEXANDROVICH ZUBOV (1767-1822)
GENERAL OF THE INFANTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE
THE LAST FAVOURITE OF CATHERINE THE GREAT
(ARTWORK COURTESY OF STATE MUSEUM OF FINE ARTS AND ARCHITECTURE, GATCHINA)

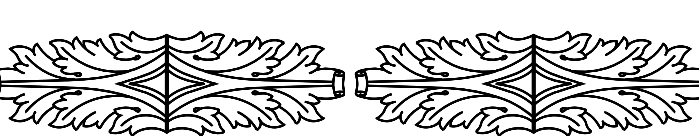

PAVEL IVANOVICH GOLENISHCHEV-KUTUZOV (1767-1829)
VICE-PRESIDENT OF MOSCOW UNIVERSITY (1812-1814)
THE FOUNDER OF THE ACADEMIC DEPARTMENT OF SLAVIC LANGUAGES
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

DMITRI PAVLOVICH TATISHCHEV (1767-1845)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1793)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF CHRISTIE'S)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АНГЛО-ДИКЦИОНАРИЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

disease; much has been trifled away; and much has always been spent in provision for the day that was passing over me; but I shall not think my employment useless or ignoble, if by my assistance foreign nations, and distant ages, gain access to the propogators of knowledge, and understand the teachers of truth; if my labours afford to light the repositories of science, and add celebrity to Bacon, to Hooker, to Milton, and to Boyle.

When I am animated by this wish, I look with pleasure on my book, however defective, and deliver it to the world with the spirit of a man that has endeavored well. That it will immediately become popular I have not promised to myself: a few wild blunders, and risible absurdities, from which no work of such multiplicity was ever free, may for a time furnish folly with laughter, and hinder ignorance into contempt; but useful diligence will at last prevail, and there never can be wanting some who distinguish desert: who will consider that no dictionary of a living tongue ever can be perfect, since, while it is hastening to publication, some words are budding, and some falling away; that a whole life cannot be spent upon syntax and etymology, and that even a whole life would not be sufficient; that he, whose design includes whatever language can express, must often speak of what he does not understand; that a writer will sometimes be hurried by eagerness to the end, and sometimes faint with weariness under a task which Scalliger compares to the labors of the altar and the mine; that what is not so altered as to be almost unrecognizable, is not always present; that sudden fits of inactivity will surprise vigilance, slight awakenings will seduce attention, and casual eclipses of the mind will docten learning; and that the writer shall often in vain trace his memory at the moment of need, for that which yesterday he knew with intuitive readiness, and which will come uncalled into his thoughts tomorrow.

To this work, when it shall be found that much is omitted, let it not be forgotten that much likewise is performed; and though no book was ever spared out of tenderness to the author, and the world is not so solicitous to know whence proceed the faults of what it reads, it will not let it may gratify curiosity to inform it, that the English Dictionary was written with little assistance of the learned, and without any aid from the great; not that I was not desirous of retirement, or under the shelter of academic bowers, but amidst inconvenience and distraction, in sickness and in sorrow. It may express the triumph of malignant criticism to observe, that if our language is not so constructed, it may have only failed in an attempt which no human powers have hitherto completed. If the lexicons of ancient tongues, now immutably fixed, and comprised in a few volumes, be regarded as the toil of successive ages, inadequate or delusive; if the aggregated knowledge, and co-operating diligence of the Italian academicians, did not secure them from the censure of Beni; if the embossed cities of France, more than fifty years had been spent upon their work, were obliged to change its economy, and give their second edition another form, I may surely be contented without the praise of perfection, which, if I could obtain in this gloom of solitude, that would avail me little. I have not done my work till most of those whom I wished to please have sunk into the grave, and success and mispraise are empty sounds: I therefore dismiss it with frigid tranquility, having little to fear or hope from censure or praise.

TO THE RIGHT HONORABLE THE EARL OF CHESTERFIELD

February 7, 1755. My Lord: I have lately been informed by the proprietor of *The World*, that two papers, in which my Dictionary is recommended to the public, were written by your Lordship. To be so distinguished is an honor which, being very little accustomed to favours from the great, I know not well how to receive, or in what terms to acknowledge.

When, upon some slight encouragement, I first visited your Lordship, I was overpowered, like the rest of mankind, by the enchantment of your address, and I could not forbear to wish, that I might boast myself the vainqueur du vainqueur de la terre; that I might obtain that regard for which I saw the world contending; but I found my attendance so little encouraged, that neither pride nor modesty could suffer me to continue it. When I had once addressed your Lordship in public, I had exhausted all the art of pleasing which a retired and uncourtly scholar can possess; but had done all that could, and no man is well pleased to have his all neglected; be it ever so little.

Seven years, my Lord, have now passed, since I waited in your outward rooms, or was repulsed from your door; during which time I have been pushing on my work through difficulties, of which it is useless to complain, and have brought it at last to the verge of publication, without one act of assistance, one word of encouragement, or one smile of favor. Such treatment I did not expect, for I never had a Patron before.

The shepherd in Virgil grew at last acquainted with Love, and found him a gaw of the race of nocks.

Is not a Patron, my Lord, one who looks with unconcern on a man struggling for life in the water, and, when he has reached ground, embraces him with help? The notice which you have been pleased to take of my labors, had it been other had been kind; but it has not troubled till I am indifferent, and cannot enjoy it; till I am solitary, and cannot impart it; till I am known, and do not want it. I hope it is not very cynical asperity not to confess obligations where no benefit has been received, or to be silent where one is not disappointed though I should conclude it, if I less be possible, with less; for I have been long weakened from that dream of hope, in which I once boasted myself with so much exultation, My Lord

*Your Lordship's most humble,
Most obedient servant,
Sam. Johnson.*

§ 273. THE HISTORY OF THE OXFORD ENGLISH DICTIONARY

THE FIRST EDITION 1857-1928¹

Introduction to the Oxford English Dictionary

According to the publishers, it would take a single person 120 years to “key in” text to convert it to machine readable form which consists of a total of 59 million words in the OED second edition, 60 years to proofread it, and 540 megabytes to store it electronically. As of 30 November 2005, the *Oxford*

English Dictionary contained approximately 301,100 main entries. Supplementing the entry headwords, there are 157,000 bold-type combinations and derivatives; 169,000 italicized-bold phrases and combinations; 616,500 word-forms in total, including 157,000 pronunciations; 249,000 etymologies; 577,000 cross-references; and 2,412,240 usage quotations. The dictionary's latest, complete print edition (Second Edition, 1989) was printed in 20 volumes, comprising 291,530 entries, 142,172 pages. The longest entry in the OED2 was for the verb *set*, which required 60,000 words to describe some 430 senses. As entries began to be revised for the OED3 in sequence starting from M, the longest entry became *nude* in 2000, then *put* in 2007. Currently revised material for OED3 has reached to letter “R”, 2012².

Abstract

The *Oxford English Dictionary* has been the last word on words for over a century. But, as with a respected professor or adjoined parent, we count on its wisdom and authority without thinking much about how it was acquired. What is the history of the *Oxford English Dictionary*? Exploring its origins and development will give new insight into this extraordinary living document.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result. The project proceeded slowly after the Society's first grand statement of purpose. Eventually, in 1879, the Society made an agreement with the University of Oxford and James H. Murray to transfer the language from the Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

The project proceeded slowly after the Society's first grand statement of purpose. Eventually, in 1879, the Society made an agreement with the University of Oxford and James H. Murray to transfer the language from the Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result. The project proceeded slowly after the Society's first grand statement of purpose. Eventually, in 1879, the Society made an agreement with the University of Oxford and James H. Murray to transfer the language from the Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result. The project proceeded slowly after the Society's first grand statement of purpose. Eventually, in 1879, the Society made an agreement with the University of Oxford and James H. Murray to transfer the language from the Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result. The project proceeded slowly after the Society's first grand statement of purpose. Eventually, in 1879, the Society made an agreement with the University of Oxford and James H. Murray to transfer the language from the Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

How it began. When the members of the Philological Society of London decided, in 1857, that existing English language dictionaries were incomplete and deficient, and called for a complete new publication, the language from Anglo-Saxon times onward, they knew they were embarking on an ambitious project. However, even they did not realize the full extent of the work they initiated, or how long it would take to achieve the final result.

succeeded in accomplishing around 85 per cent of its work by software; but, the remaining 15 per cent required the critical eye of the editors. The culmination of this mammoth task was the setting in type and subsequent printing of the Oxford English Dictionary. Second Edition. In 1989 this was published on time, to great acclaim. The finished work, edited by Simpson and Weiner, fills 22,000 pages which are bound in twenty substantial volumes.

Into the electronic age. In 1992 the *Oxford English Dictionary* again made history when a CD-ROM *Oxford English Dictionary* work that takes up four feet of shelf space and weighs 150 pounds is reduced to a slim, shiny disk that takes up virtually no space and weighs just a few ounces.

The *Oxford English Dictionary* on CD-ROM has been a great success. The electronic format has revolutionized the way people use the Dictionary to search and retrieve information. Complex investigations into word origins or quotations that would have been impossible to conduct in the print edition now take only a few seconds. Because the electronic format makes the Oxford English Dictionary so easy to use, its audience now embraces all kinds of interested readers beyond the confines of the scholarly community.

The future has begun. Today, once again, the *Oxford English Dictionary* is under alteration. Continuing the technological innovations, the Dictionary is now available online, and its publishers are taking full advantage of this powerful and accessible medium.

The content of the Dictionary is also being comprehensively revised. However, instead of adding new material in supplements to the main edition, or simply interspersing new information throughout the body of the old edition, the entire work is being updated. This is the first multivolume revision by Murray and the early editors has been changed since they finished it in 1828. The result of this ambitious undertaking will be a completely revitalized *Oxford English Dictionary*.

No period in its history has the *Oxford English Dictionary* been profitable commercially for Oxford University Press. However, the Press remains committed to sustaining research into the origins and development of the words of the language wherever it is spoken. This commitment to the cultural values embodied in the Dictionary is shown by the £34 million (US\$55 million) funding of the current revision programme and the associated programme for new material and remedial work on the existing edition. The early 20th century editorial material is in progress, and the results of the revision programme and additions of new words will be published online every three months.

Johnson and his Dictionary colleagues had to keep track of new words and new meanings of existing words at the same time that they were trying to examine the previous seven centuries of the language's development. Johnson and his team did not have the tools of the first part (or ‘fascicle’, to use the technical term) in 1884, but it was clear by this point that a much more comprehensive work was required than had been imagined by the Philological Society almost thirty years earlier.

One step at a time. Over the next four decades work on the Dictionary continued and new editors joined the project. Murray now had a large team directed by himself, Henry Bradley, W.A. Craigie, and C.T. Onions. Over the next decade, producing fascicle after fascicle until finally, in April 1928, the last volume was published. Instead of 6,400 pages in four volumes, the Dictionary published under the inspiring name *A New English Dictionary on Historical Principles* contained over 400,000 words and phrases in ten volumes. Sadly, Murray did not live to see the completion of his great work; he died in 1933. The work to which he devoted his life represented an achievement unprecedented in the history of publishing anywhere in the world. The Dictionary had taken its place as the ultimate authority on the English language.

Keeping it current. An exhilarating aspect of a living language is that it continually changes. This means that no dictionary is ever really finished. After fifty years of work on the second edition, the editors must have found this fact exhausting to contemplate. Nevertheless, as soon as the original ten volumes of the *New English Dictionary* were completed, Craigie and Onions, the new editors still involved in the project, began updating it. In 1933, a single-volume *Supplement* to the Dictionary was published. Also at this time the original Dictionary was reprinted in twelve volumes and the work was formally given its current title, the *Oxford English Dictionary*.

The twelve-volume *Oxford English Dictionary* and the single-volume *Supplement* represented the last statement from Oxford for many years to come. However, in 1957, Robert Burdfield was appointed Editor for a new *Supplement* that would replace the 1933 volume and include new information on the language (especially on twentieth century vocabulary) obtained in the intervening years. Modern English was continuously monitored by the Dictionary's celebrated ‘reading programme’, more scientific and technical terms were added, and the scope of the Dictionary was broadened to include considerably more words from North America, Australia, New Zealand, South Africa, South Asia, and the Caribbean. Substantially longer than the 1933 edition, this new *Supplement* was published in four volumes between 1972 and 1986.

Making it modern. In 1982, as Burdfield's work on the *Supplement* came within sight of the completion, Oxford University Press debated how to bring the dictionary up to the modern age. It soon became clear that the traditional methods of compiling entries would have to be updated, and that the source material should be transferred from paper to an electronic medium. The enterprise must change to deploy project managers and systems engineers as well as lexicographers. The Press duly set about this with the formation of the New Oxford English Dictionary Project in 1984. The team was given the objective of publishing an integrated print edition in 1989 and also of providing a full, electronic text to form the basis of future revisions and extensions of the Dictionary.

How do you take a multi-volume, century-old, print-based reference work and turn it into a machine-readable resource? By spending \$13.5 million over five years in the most adventurous computerization project ever undertaken in publishing industry at the time. Bespoke computer systems were built for both pre-processing the text and editing it in electronic form; text was marked up in the (then) novel SGML encoding scheme; the pages of the old edition and the *Supplement* were typed again by 120 keyboards; and more than 50 proofreaders checked the results of their work.

In Oxford John Simpson and Edmund Weiner with a core group of lexicographers reviewed, corrected, and edited this new electronic dictionary, as well as adding 5,000 new words and senses to 400,000 definitions previously expressed in 60,000,000 words. In all, the Project team

lines—all of which the Society's dictionary was ultimately compiled on—which it then, indeed, a necessary result from the historical principle which he laid down as the only sound basis for the work.

At the meeting of 3 December 1857, a report from the ‘Unregistered Words Committee’ was read by the Secretary to that Committee, Mr. H. Coleridge. This was followed by the resolution ‘That for the present this Report be received, and laid on the table.’ This resolution was passed in consequence of a statement that a larger scheme, for a completely new English Dictionary, might shortly be submitted to the Society. The Dean's paper had clearly convinced the Society of the inadequacy of its proposals, and had shown that nothing short of a ‘completely new’ work would suffice. In this natural way arose the epithet *New* which appeared on the title-page of the Dictionary when the time of publication arrived.

The Society lost no time in following up the new idea, little suspecting the magnitude of the task which lay before it, and the many years that would elapse before it would be completed, or even properly begun. On 7 January 1858, the following resolutions were passed relating to the undertaking of a New English Dictionary.

It was instead of the Supplement to the Standard English Dictionaries now in course of preparation by the order of the Society, a New Dictionary of the English Language be prepared under the Authority of the Philological Society. I. That the Society do hereby constitute and appoint two Committees, the one, Literary and Historical, consisting of The very Rev. The Dean of Westminster, F. J. Furnivall, Esq., and Herbert Coleridge, Esq. (Secretary), the other, Etymological, consisting of the Rev. Joseph Wedgwood, Esq., and Prof. Madden, and that in questions of doubt as to the form which any article shall assume, the decision of the Literary and Historical Committee shall be final. II. That the Society desires to express its thanks to the contributors who have kindly given their assistance to its Unregistered Words Committee, and to invite their assistance, and that of fresh volunteers, in the new undertaking.

IV. That Messrs. Furnivall and Coleridge be empowered to enter into such conditional agreement with Messrs. Nutt or with the Society, or with any other Publishers as they think fit, to publish the Dictionary on such terms as they think fit.

V. That the Subscriptions of all Members who have joined or who may hereafter join the Society, to the Unregistered Words Committee or the New Dictionary Committee, shall be placed, so far as required, at the disposal of the Committees now appointed, to defray their printing and other expenses. VI. That the Philological Society will afford every assistance in its power to enable its Committees to make a Dictionary worthy of the English Language.

As is indicated in the third of these resolutions, the Unregistered Words Committee had been remarkably successful, during its brief existence, in arousing interest in the Society's undertaking, and in enlisting willing helpers to assist in carrying it out. Towards the close of his paper as printed, Dean Trench had been able to make an encouraging statement on this head. Let me mention here that seventy-six volunteers have already come forward, claiming their names in the list. A hundred and twenty-one words of English authors, in most cases the whole works of each author, have been taken in hand by them; and I may add that thirty-one contributions have already been sent in. In this way began the system of voluntary readers, without whose help the material for the Society's dictionary could never have been collected at all, except at a prohibitive cost of time and money.

At the meeting of 21 January 1858, Mr. Furnivall read a circular which the New Dictionary Committee proposed to issue, stating the plan of the Dictionary and asking for help in carrying it out. It did not appear whether the circular had previously issued, and further notice was given, and for that year are brief and unimportant. A glimpse of the progress that was being made is afforded by a passage in Coleridge's letter to Dean Trench (30 May 1860), which was printed in the second edition of the Dean's paper. More than a year passed away in combating various difficulties, and it was not till August 1858, that we felt ourselves in a position to announce the plan of a New Dictionary as a project for the second year of the Society's work, with assistance. ‘Negotiations with publishers had been carried on during the year, first with John Murray, and then with Messrs. G. and J. Chapman, and finally with Messrs. G. and J. Chapman. Mr. Coleridge had agreed to publish the Society's New English Dictionary.’ The young co-workers, for both Furnivall and Coleridge were still in early manhood, had by then the optimism of youth, and were even coming on an uncharted sea, quite unwitting of the long course which had to be sailed before the farther shore could even come into sight.

By 1859 the Committee was able to publish full details of the undertaking in the form of a *Proposal for the Publication of a New English Dictionary* by the Philological Society. This document is a proof of the thoroughness and sound judgement with which the whole question had been considered. Opening with a review of the steps by which the idea of a ‘new’ dictionary had been reached, the authors of the *Proposal* went on to lay down certain principles as a basis for the work, of which the two most important are the first and fourth, viz.

I. The first requirement of every lexicon is that it should contain every word occurring in the literature of the language it professes to illustrate.

IV. In the treatment of individual words the historical principle will be uniformly adopted.

Other contents of the *Proposal* are ‘Rules and Directions for Collectors’ as agreed upon by the Literary, Historical, and Etymological Committees, and ‘Mechanical and Practical Regulations’. These are: 1. A list of the printed literature of England belonging to the period 1520–1526, with the added note: ‘Those works marked with an asterisk require new treatment.’ 2. A list of works of the Middle Period (1526–1674) already undertaken: 3. A similar list of works of the Third Period (1674–1858) already undertaken. This division of the literature into three periods, the first originated by Coleridge and was maintained for some time as a basis of collecting, has a real foundation in fact. Although the dates 1526 and 1674 were chosen because the former was that of the first printed English New Testament, and the latter the year of Milton's death, they correspond very closely with significant epochs in the development of the English vocabulary. It arrived at by accident, they at the same time show a sound instinct for selecting the period of the English language.

The volunteers were also beginning to play their part, and to provide the Committee with material to work upon. In April 1859 a paper containing queries respecting

¹ This section is reproduced, with only minor modifications, from the *Original Introduction to the OED* in 1933.

² The *Unregistered Words Committee*, Second Edition, 1989, Clarendon Press, Oxford, England, 1989.

³ Simpson, J. (Chief Editor 2007-12-31). ‘December 2007 revisions – Quarterly update’. *Oxford English Dictionary Online*. Retrieved 2010-08-10. <<http://www.oed.com/companion/simpson2010>>

METROPOLITAN BISHOP EUGENE (1767-1837)

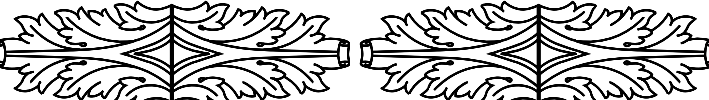
EFIMII ALEXEEVICH BOLKHOVITINOV

THEOCRATICAL HISTORIAN AND BIBLIOGRAPHER

ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY (1806) • RUSSIAN POLYGLOT AND LEXICOGRAPHER

(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО РУССКОГО СЛОВАРЯ

etymologies and several difficult passages from Early English books were circulated among members of the Society and contributors to the Dictionary, and conjectures in answer were invited... So much of the results of this appeal to the Dictionary Committee... and sufficiently certain to be worth printing; was reported to the Society by Coleridge in a paper entitled 'Hints towards the explanation of some hard words and passages in English writers'. On 10 November of the same year, Coleridge, now formally appointed as editor, presented a report on the Society's proposed Dictionary.

The following month saw another forward step, when on 8 December the Society resolved:

1. That a Committee be appointed to draw up a set of Rules for the guidance of the Editor of the Society's new English Dictionary.

II. That the Committee consist of: The Very Rev. The Dean of Westminster Prebendary, Esq., F. J. Furnivall, Esq., Thomas Watts, Esq., F. Palacky, Esq., H. Wedgwood Esq., Professor Goldstickler.

III. That the Committee be authorized to print the Rules drawn up by them, to circulate the printed Copies among all the Members of the Society, and to appoint one of the Society's nights of Meeting for a special discussion of the Rules by Members.

The Committee, or Coleridge himself on its behalf, set to work to compile, and prepared a draft of the rules, which was discussed, enlarged, and modified, at meetings held in December 1859 and January 1860, further considered and revised in April and May, and finally printed with the title of 'General Lexicographical Rules to be observed in editing the New English Dictionary of the Philological Society'. Continued interest in the work is also shown by a paper read on 10 May, Observations on the plan of the Society's proposed new English Dictionary, by the Revd Derwent Coleridge, and by the appearance of a second edition of Dean Trench's two papers revised and enlarged. To this is added a letter to the author from Herbert Coleridge, Esq., on the progress and prospects of the Society's New English Dictionary.

This letter is interesting as a survey of what has so far been accomplished, and clearly shows that the scheme which was now firmly established, and I confidently expect... that in about two years we shall be able to give our first number to the world. Indeed, were it not for the issue of many contributions, the work would not have borne an earlier period. Here also comes the first mention of co-operation from the English-speaking nation on the other side of the Atlantic. The Hon. G. P. Marsh of Burlington, Vermont, having kindly offered to undertake the work in America, I at once suggested that the Americans should make themselves responsible for the whole of the eighteenth-century literature, which probably would have a few chances of finding many readers in England. This was agreed to... and contributors are, as I understand, coming in, but no results of their labours have reached us yet. The suggestion was not a fortunate one, and was never seriously taken up.

By this time, on the basis of the material already sent in by contributors and of the existing dictionaries, Coleridge was hard at work preparing word-lists to serve as a guide in further collecting. The 'Third Period' was selected for this purpose, and by 14 February 1861, he was able to lay before the Society the first part of this 'Basis of Comparison'. Apart from the letters A to D, the preliminary matter, as its printed form is signed by Coleridge, and its publication was unfortunately the last of his valuable contributions to the progress of the work. On Thursday 25 April, Mr. Coleridge announced the death of the Revd Dr. James Herbert Coleridge, Esq., Editor of the Society's New English Dictionary. When the second part of the 'Basis of Comparison' (E to L) appeared later in the year, the Revd Dr. Coleridge's death was put in the preface, and by Furnivall, opened with these words: 'Since the publication of the First Part of this Basis, our proposed Dictionary has received a severe blow by the death of its first Editor, the able and accomplished Herbert Coleridge. In its service he caught the cold which resulted in his death. All through his illness he worked for it whenever leisure and strength allowed, and his last attempt at work—two days before he died—was to arrange some of the papers for the second part of the work.'

The death of Coleridge at the age of 31 deprived the Dictionary, almost at the outset, of an editor of great power, and additional to four actively engaged members, he had compiled and published a Glossarial Index to the printed literature of the thirteenth century, rightly estimating the value of this as a basis for the early history of the language. He had also a full collection of early editions, and had prepared a few of the A words for printing, and a few of the material sent in him allowed; all that had been carried as far as the printing of a specimen page containing eight words. This was the last of his work, and it was not because the magnitude of the work had not yet become apparent. Clear evidence of this is furnished by the set of specially made pigeon-holes which he considered would be large enough to contain the materials collected at the outset. These more than 260 inches of linear space, which would take no more than about 85,000 slips! As many as this were ultimately required for even one of the minor letters of the alphabet. Specimens of the dictionaries prepared by Coleridge were printed in 1862, at the end of Part III of the 'Basis of Comparison', and extracts from others were read at a meeting of the Society on 24 April of the same year.

With Coleridge's death the responsibility for the Dictionary passed to Furnivall, then in his thirty-sixth year. He immediately took up the duties, and on 23 May made a statement as to the present condition of the collections for the Society's Dictionary, and the course he proposed to pursue with regard to the scheme. The lines of that course are clearly indicated in the 'Preliminary Notice' mentioned above. It was convinced that the time for editing was still at a distance. 'We have determined to put the Dictionary on the first part of the Dictionary for four or five years unless some great unexpected help is forthcoming; and I propose, if all go well, to finish this Third-Period Basis early next year, then to complete two Concise Dictionaries (Early and Middle English, which shall include severally all the materials sent in for the First and Second Periods.'

The magnitude of the task was thus becoming clearer, but it was not until the death of the Revd Dr. James Herbert Coleridge, Esq., that the magnitude of the task was fully realized. Mounting Furnivall wrote, 'the etymological material, I trust, be ready.' This was to be done by Dr Carl Lotter on the basis of Worcester's Dictionary, with the precaution that his work was to be submitted to the Etymological Committee, and before it is printed.' It had not yet become obvious that in many instances only the accumulation of material for the particular word concerned made the editor to suggest or establish its real origin.

A list of Books of Furnivall's first task was the compilation of a set of Books already read, or now (12 July 1861) being read for the Philological Society's New English Dictionary, covering 24 pages and published as an appendix to the *Transactions* for 1860—1. The numbers given are: First Period, 143 Words; and Authors; Second Period, 486; Third Period, 81. Among the principal readers are Furnivall and

Coleridge, Revd J. Eastwood, H. H. Gibbs, E. S. Jackson, Revd Dr. Stocker, W. C. Hazlitt, Mr. Spragg, etc. The last page contains an intimation that the reading of any books not named in the foregoing List will be of service to the Dictionary. A list of those specially recommended to the notice of contributors is in preparation.

Meanwhile, the Third Part of the 'Basis of Comparison', containing the letters M to Z, was on the way, and was issued in the third week of the year 1862, before its appearance, on 27 February, Furnivall proposed the following resolutions, which were accepted by the Society.

1. That a Concise Dictionary be prepared as a preliminary to the Society's proposed new English Dictionary and as a new basis of comparison for all the other periods.

2. That the Concise Dictionary shall be as far as possible an abstract of what the large Dictionary should be, and shall contain... the Pronunciation, Critical remarks, Etymologies, Roots, Prefixes, Suffixes, Definitions, and Homonyms of the words registered in it, with short quotations (a few words long) and the date and name of the Author for all words for which passages have been sent in to the Editor, and that all words, senses of words, idioms &c. known to exist, but for which authority has not yet been sent to the Editor, be supplied from any other available source as far as marked with a * or other sign to denote the want of the authority in his possession, and the sub-editing of any parts of the Concise Dictionary to such of the contributors to the Dictionary or other Volunteers as he shall think fit.

It was also resolved:

That Mr. Furnivall be authorised to announce his plan to the contributors in the next part of the Third Period basis to sort the contributions and extract them to the care of such sub-editors as he thinks fit, and that he be requested to effect at the expense of the Society a specimen of the Concise Dictionary which he proposes, and to lay it before the Society for their final decision before proceeding further with the printing of such Dictionary.

In accordance with this the Third Part of the 'Basis' announced that 'the next step to be taken is to get out the Concise Dictionary limited at 100,000 words. In 1871, it was clear, would take time, and 'nothing but the continuous labour of many years can make our Book anything like complete—Let us then persevere.

The idea of compiling a Concise dictionary as a preliminary to the greatest task was adopted by Furnivall on practical grounds; the agreement made with Trubner in 1858 had lapsed in course of time, and he saw no chance of finding another publisher in London. James Watt, Esq., expected that the smaller task could be accomplished in a few years, he even entered into a personal contract with John Murray to have the manuscript ready for the press by the end of 1865. This view of the situation was natural while the material was still comparatively limited in amount. It became more and more impractical as this continued to accumulate, for it involved the handling and arranging of all the slips for each word before the 'Concise' article could be written, and consequently would have taken almost as much time as the preparation of the work on a more ample scale. This must, in time, have become obvious to the few contributors who actually prepared portions of the Concise Dictionary, and it is not surprising that in the end the idea had to be given up, at considerable pecuniary loss to the Society. Apart from this, the preliminary nature of the Concise was an idea which proved of great value for the later progress of the Dictionary, and to Dr Furnivall belongs the credit of originating the scheme and of issuing instructions for the guidance of these sub-editors. On 15 September 1862, within the next year or two several of them prepared lists of the words coming under the letters which they had undertaken to sub-edit, and these were printed separately when ready, beginning in 1863 with that for B, compiled by W. Gae, Esq., sub-editor of the B words for the Concise Dictionary. This contained no less than 93 pages in triple columns, giving the date of the earliest example of each word in the material, and the latest date for obsolete words, while each word is provided with numbers to indicate the periods (1,2, and 3) for which there were quotations. Similar lists for N and U were issued in 1865. These letters contain a preliminary notice by the editor, in the progress made in sub-editing, and lists of books now in hand for cutting up. These words indicate a method of classifying the material, and a system of sub-editing, in time onward by which the reader of the Concise Dictionary was to be much time and labour by being freed from copying the quotations, while the Editor had the advantages of the original text, and a full collection of early editions, and had prepared two copies of each word were required to give the full text, and that many early printed words were dealt with in this way which would have been of greater value in the hands of the sub-editors.

From 1862 to 1872 the progress of the Dictionary in Furnivall's hands can be clearly traced in the annual circulars which he sent out to the members of the Philological Society. Portions of these are quoted in the 'Appeal to the English-Speaking Public on behalf of a New English Dictionary', issued by the Revd G. Wheelwright in 1875. A study of them shows considerable activity on the part of readers and sub-editors for the first three or four years, followed by a gradual slackening off, partly due to Furnivall's own increasing absorption in other interests. That for 1872 admitted that the progress in the Dictionary work had been so slight that no fresh report in detail is needed.

These circulars were not included in the printed *Transactions* of the Philological Society, and in the pages of the Dictionary is remarkably little mention of the Dictionary during this period. On 6 November 1868, 'The Hon. Secretary (Le. Furnivall) made a statement as to the progress of the Society's proposed new English Dictionary, together with the circulation by the Rev. G. Wheelwright, showing that about one-third of the work had been sub-edited'. A still briefer mention occurs under the date of 21 May 1869, and in this the subject does not occur until the annual presidential address by Alexander J. Ellis on 15 May 1874, it is included in a survey of the Society's work.

One of our works, for which great collections have been already made, remains, and may for some time remain, merely one of the things we have tried to do,—of course I allude to our projected Dictionary. Several things, indeed, make me inclined to think that a Society of this kind is too limited to compile a dictionary than to get the materials collected.

In the words that follow on this, Ellis clearly indicates that in his opinion the scholar best qualified to edit the Dictionary was Henry Sweet. The Revd Mr Wheelwright's 'Appeal' of the following year is in a more hopeful tone, and indicated the richness of the Dictionary material by giving a specimen of the letter F, which he had edited, and which extends to eight pages in triple columns and contains the words from f to fac.

During these years, Furnivall had of course not been idle. Not only had he continued to direct the collecting and sub-

editing, but he had immensely increased the possibilities of the Dictionary by the foundation of the Early English Text Society in 1864, and the Chaucer Society in 1868. Without the former of these, the collecting of sufficient Middle English material would have presented almost insuperable difficulties, and in consequence the historical basis for many words would have been defective or altogether lacking. Although he took no part in the actual editing of the Dictionary in its ultimate form, he never ceased to contribute liberally to its stores, both from the publications of these societies and from other sources, including his daily morning and evening paper. If the Dictionary at one period quotes the Daily News and at another the Daily Chronicle, it is because Furnivall had changed his paper in the meanwhile. Through his early organization of the collecting and sub-editing, and his lifelong contributions, the work of Furnivall pervades every page of the Dictionary, and has helped in a great degree to make it what it is. He was fortunate in living long enough to see assured the completion of the work to which he had given so much of his busy life. Almost down to the time of his death in 1910 he still gave evidence of the unmitigated activity, and interest in English studies, which had enabled him to achieve so much, while his genial disposition and constant readiness for new friendships explained his success in enlisting the help of others.

II

Before the Dictionary again becomes prominent in the *Transactions* of the Philological Society, a new and important element had entered into its history. James A. H. Murray, who had been a master at Mill Hill School from 1870, and already made his mark as a philologist, had been approached in April 1876 by the firm of Macmillan with regard to a new dictionary. The idea of this, a dictionary to rival that of Webster and Worcester, had originated with Harvard and Brothers of New York, and the firm of Macmillan was to take part in the enterprise. Acting on the advice of Dr Richard Morris, who had consulted Furnivall in the matter, Macmillan proposed to Murray that he should undertake the Dictionary, and that he should be prepared to agree to it unless the new dictionary was to be a great advance on the existing ones in respect of scholarship. Macmillan had heard of the intentions of the Society, and was anxious to know whether the material already collected for it might not be available. Having, as the result of this suggestion, obtained some portions of the material, Murray prepared specimens of the work, and the dictionary was then taken up by the worth doing, and these were put into type. His ideas went far beyond those of the publishers, and a considerable time was spent in trying various modifications, till these reached the lowest point which in his opinion would have any real value. The divergent views of the publishers on this head were capable of adjustment, but difficulties arose in connection with the terms for the use of the Society's material. The negotiation of these terms occupied the year 1877. The exhibition of the specimens produced from the material already collected, however, had the effect of again interesting the Philological Society in its old project. By May 1877 matters had begun to move, a letter from Furnivall, as written in that month tells where the various letters of the alphabet were to be found in the hands of the sub-editors. It was fortunate that the scattered material was, with the exception of one small portion, actually recoverable, one sub-editor, sending part of what he had, promised to search for the rest, which had been disposed by his wife in a lumber-room.

Encouraged by these signs of new life, the Society again began to look round for a publisher, but at first without result, for with its small membership and limited funds the Society itself had no money to offer, and no publisher for the Dictionary, and no publisher was prepared to take the expenditure that would be required. Early in 1877, however, there were already foreshadowings of the ultimate success, when the Oxford University Press, at the request of the Delegates a specimen of the proposed work was prepared by Murray. This was ultimately approved to the satisfaction of the Society, and in 1878 the Delegates of the Society, Mr H. Sweet, was authorized to open negotiations with the Delegates for the publication of the Dictionary. As the prime mover in this new development, Murray had a leading part to play. On 26 April, and 'thought there was good hope that the issue would be favourable'. This impression was confirmed by a letter from the Secretary of the Society, Mr J. H. Murray, Secretary of the Delegates to the Clarendon Press, Prof. Bartholomew Price, saying that the Delegates had authorized him to enter into negotiations with the Society for the publication of the Dictionary on the terms submitted by the President to the Delegates. The Council had accordingly directed the Dictionary Committee to meet Prof. Price, and try to come to terms with him. Two meetings were held on 21 and 28 April, and a basis of agreement was arrived at in the following October.

The substance of the proposals made by the Society as a basis for negotiation was, that the Delegates should advance the capital required for completing and publishing the work, that the gross profits should in the first place be applied exclusively to repaying their advances with interest, the net profits being then divided equally between the Delegates and the Society, that Dr A. H. Murray should be the Editor, and that he should be allowed ten years to complete the work in. Various alterations were made in these proposals before the terms were finally embodied in the contract, one between the Delegates and the Society, and the other between them and Dr Murray. In order to enter into this contract the Society had to be incorporated on a legal basis, and was registered in proper form on 27 November 1879. The contract, dated 21 December 1879, is printed in an Appendix to the Society's *Transactions* for 1877—9, where it occupies ten pages, with the addition of a specimen page of the proposed Dictionary, containing the two words, one under the letter 'a' and one under the letter 'b', based on these. At that stage the Dictionary contemplated was one estimated to occupy not less than 6,000 nor more than 7,000 pages, and the said Dictionary was to be based on the materials collected by the Philological Society. This work is referred to in the contract as the 'principal dictionary', but provision was made for either party at a later date to withdraw from the contract, and to be replaced by another containing not fewer than ten volumes, each containing not less than 1,600 pages of the size of the said Specimen page'. This was, in fact, a pretty close estimate of the size to which the Dictionary ultimately grew. In 1881, when the Society was, in fact, a pretty close estimate of the size to which the Dictionary ultimately grew. In 1881 there was some anticipation of this growth, when the Delegates agreed to an increase in the number of pages from 6,400 to 8,400.

There are many other details in the contract which are interesting in themselves, or in the light of the later fortunes of the Dictionary, but on which it is not necessary to enlarge. The great facts which it embodied were that the Society had at last found its publisher, the Delegates had undertaken a

task more magnificent than they knew of, and the Dictionary had found an editor capable of converting its latent possibilities into a great reality.

During the earlier part of these negotiations, however, Dr Murray had not definitely contemplated undertaking the editorship of the Dictionary, although he had taken a leading part in furthering the idea that it was something to be done. It was only when the necessity for a decision was forced upon him, by his being assured that the fate of the Dictionary depended on his acceptance, that he reluctantly agreed to assume the responsibility for a task which was not yet apparent. Several serious questions had to be faced in making this decision. It would be necessary to do the editing in addition to his work at Mill Hill School, even if he might be relieved of part of this. The housing of so great a mass of material could be satisfactorily accomplished only by providing special accommodation for it, and this and other necessary aids to the work involved at the outset the expenditure of private means in addition to the provision made by the Delegates. In spite of all these deterrents, he boldly faced the task, and set about providing the Dictionary with a home, and making it possible for himself to work at it. By the middle of February he told the Society in May 1879 I had commenced the erection of an iron building, detached from my dwelling-house, to serve as a *Scriptorium*, and to accommodate safely and conveniently the material. This had been a building of black-painted iron, 1,029 in number, for the reception of the alphabetically arranged slips, and with writing desks, reference desks, and other conveniences for the extensive apparatus required. On 21 March I received from Mr. Furnivall some ten and three-quarters of materials which had accumulated under his roof as sub-editor after sub-editor fell off in his labours. Many a considerable body of material I have been engaged since that date, as to all appearance I must be for many months to come, in turning out, examining, sorting, and bestowing these materials.'

By the month of May, with a few exceptions, all the material in the hands of the sub-editors had either been sent in, or satisfactorily accounted for. It had, indeed, been widely scattered, and not only in Britain the letter H came forward to have been sent to the Clarendon Press, the Clarendon Press printed a thousand copies of 'An Appeal to the English-speaking and English-reading public to read books and make extracts for the Philological Society's New English Dictionary'. The material covers four pages of the first two summarize the history of the Dictionary from 1857 to 1879, the third explains the reading still required, and the fourth contains the statement A thousand readers are wanted, and confidently asked to complete the work as far as possible within the next three years. To this are added four pages of book lists, and a set of directions to readers. This appeal, of which another five hundred copies were issued later, met with a gratifying response, and enabled the compilation of the Dictionary to be undertaken with confidence in the result.

The arranging of the material in the *Scriptorium*, and the organizing of the fresh collecting, and extensive correspondence with readers and sub-editors, were tasks which at first little but little time for the actual preparation of the Dictionary, or even the material, was available. The work which had to be settled before a real beginning could be made. For many of these there was no model which could be followed; they involved totally new principles in English lexicography, and required the scholar and practical judgment to solve them satisfactorily. Coleridge and Furnivall had shown a sound understanding of what was necessary as a foundation for the Dictionary; to Murray belonged the task of carrying out the scheme, and he proved to be adequate to the end, standing the test of fifty years without requiring any essential modification to adapt it to the steady advance of English scholarship or the accession of new material.

III

At this point it will be well to pause for the sake of greater clearness and of giving credit where credit is due, to give some account of the method of collecting the material for the Dictionary and of the work done by the voluntary readers, or even the material, was available. The work which had to be settled before a real beginning could be made. For many of these there was no model which could be followed; they involved totally new principles in English lexicography, and required the scholar and practical judgment to solve them satisfactorily. Coleridge and Furnivall had shown a sound understanding of what was necessary as a foundation for the Dictionary; to Murray belonged the task of carrying out the scheme, and he proved to be adequate to the end, standing the test of fifty years without requiring any essential modification to adapt it to the steady advance of English scholarship or the accession of new material.

By the month of May, with a few exceptions, all the material in the hands of the sub-editors had either been sent in, or satisfactorily accounted for. It had, indeed, been widely scattered, and not only in Britain the letter H came forward to have been sent to the Clarendon Press, the Clarendon Press printed a thousand copies of 'An Appeal to the English-speaking and English-reading public to read books and make extracts for the Philological Society's New English Dictionary'. The material covers four pages of the first two summarize the history of the Dictionary from 1857 to 1879, the third explains the reading still required, and the fourth contains the statement A thousand readers are wanted, and confidently asked to complete the work as far as possible within the next three years. To this are added four pages of book lists, and a set of directions to readers. This appeal, of which another five hundred copies were issued later, met with a gratifying response, and enabled the compilation of the Dictionary to be undertaken with confidence in the result.

The arranging of the material in the *Scriptorium*, and the organizing of the fresh collecting, and extensive correspondence with readers and sub-editors, were tasks which at first little but little time for the actual preparation of the Dictionary, or even the material, was available. The work which had to be settled before a real beginning could be made. For many of these there was no model which could be followed; they involved totally new principles in English lexicography, and required the scholar and practical judgment to solve them satisfactorily. Coleridge and Furnivall had shown a sound understanding of what was necessary as a foundation for the Dictionary; to Murray belonged the task of carrying out the scheme, and he proved to be adequate to the end, standing the test of fifty years without requiring any essential modification to adapt it to the steady advance of English scholarship or the accession of new material.

To obviate the tedious of repeating item (2) over and over again on hundreds of slips, it was in a large number of instances printed on each, in accordance with an estimate of the number that would be required for the particular book, or was supplied by stamping after the quotations themselves had been written. In this way, too, it was easier

IVAN ANDREEVICH KRYLOV (1769-1844)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1811)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

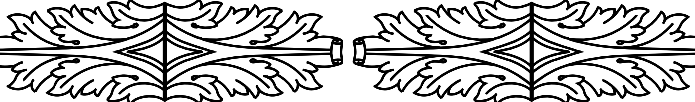

VASILII PETROVICH STASOV (1769-1848)

FAMOUS RUSSIAN ARCHITECT

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

is explained in the next section. After this work had been finished the original ten-volume *New English Dictionary on Historical Principles* was, in August 1933, reissued as *The Oxford English Dictionary*, in twelve volumes. An additional edition was issued at the same time, containing the Supplement of new words and meanings, the Additions and Emendations prefixed to the original volumes, revised and amplified, a List of Spurious Words, and a List of Books cited in the principal volumes. The new edition was prefaced by a bibliography of English literature such as does not exist elsewhere¹.

THE FIRST SUPPLEMENT, 1928-1933

From the earliest days of the publication of the Dictionary it had been envisaged that a Supplement or Supplements might be necessary, in order to keep the historical record of the language up to date, and to take account of subsequent research into the vocabulary already covered by the Dictionary. This possibility had been kept in view not only by members of the Dictionary staff but also by a certain number of the regular 'readers' who maintained a continuous flow of contributions to the material from which the work was being compiled. In the meanwhile, communications of corrections and additions were constantly sent in by many interested users of the published work. Consequently, when the original Dictionary was completed in 1928, a great body of quotations had been accumulated, and it was possible to Supplement on a grand scale, which should not only retain the new words and new meanings that had come into being during the publications of the successive sections of the Dictionary but should also correct any errors and evidence for what was already in print. It was soon discovered, however, that such a Supplement, if it were to be at all a worthy and adequate addition to the main work, would require extensive research by experienced workers extending over many years. This course could not be contemplated when the possibility of preparing a Supplement was considered as work drew to an end on the original Dictionary.

It was therefore resolved to produce a supplementary volume, the scope of which would in the main be restricted to the treatment of those accounts, words and senses which had taken place during the preceding fifty years. To this limitation there were to be two principal exceptions: items of modern origin and contemporary currency that had already been intentionally omitted from the original Dictionary would be included, and account would be taken of earlier evidence for American uses, which Sir William Craigie, at that time editing the *Dictionary of American English* in Chicago, was in a position to supply. Temporary or casual uses were recognized only in so far as they marked stages in the recent history of scientific discovery, invention, or fashion, or illustrated the progress of thought, usage, or custom during the half-century under review. A few important corrections or amplifications of existing definitions were introduced under the necessity of bringing the work into line with recent research. The details of this policy were established by Dr C. T. Onions, under whose editorialship the first *Supplement* to the *OED* was published in 1933.

The chief characteristics of the vocabulary set forth in the 1933 Supplement can be summarized briefly: on the technical side, it exhibited the great enlargement of the terminology of the arts and sciences at the close of the nineteenth century and in the early years of the twentieth; on the literary side, it reflected the development of modern science and slang, to which the United States of America had made a large contribution, but in which the British dominions and dependencies of the time also contributed a conspicuous part. As in the main account there was usually present the problem of the inclusion or omission of the more esoteric scientific terms and of the many foreign words reflecting the widened interest in the conditions and progress of distant countries, so, in these supplementary volumes, the problem had not been satisfactorily and comprehensively solved in every instance, as the material from which the Supplement was compiled had been collected principally while the original Dictionary was still in preparation, and following the same guidelines in operation during that work. In one respect the 1933 Supplement went somewhat beyond the limits of the main Dictionary, in its more generous inclusion of proper nouns, so that, as these were not admitted unless they had some allusive interest or were important for some linguistic, literary, or historical reason.

The result was a Supplement of over 800 pages which went far towards completing the documentation of the English language up to the end of the first quarter of the twentieth century and just beyond. However, extensive research it was, it still remained incomplete. The material from a large collection of material from which a much larger volume might have been produced. Once it had been completed, the *OED* team dispersed, and the editorial staff, including the last surviving Editor of the original Dictionary in Oxford, Dr C. T. Onions, turned to other work. The *OED* library in Oxford was broken up, and quotation slips that had not been used were stowed away, some later to be dispatched to other historical dictionary projects, notably for use in the preparation of the *Middle English Dictionary* at Ann Arbor, Michigan and the projected dictionary of Early Modern English.

A SUPPLEMENT TO THE OXFORD ENGLISH DICTIONARY, 1957-1986²

After the Second World War the Delegates of the University Press decided to re-establish a headquarters for the Dictionary in Oxford, and to prepare a revised version of the 1933 Supplement. In the end, this proved to be an even greater work than that which circumstances had forbidden in 1928, an addition to the main Dictionary of one-third of its size, taking almost thirty years to prepare. But this was not the case at the time it was undertaken. In 1945, a New Zealander who was then Lecturer in English Language and Literature at Christ Church, Oxford, and formerly a Rhodes Scholar at the University, accepted the invitation of the Delegates to edit the new Supplement. It was envisaged that the new Supplement would take about seven years to complete.

At this stage, the editorial office of the Dictionary was located on one floor of a private house, No. 40 Walton Crescent, adjacent to the University Press printing works, and to the Clarendon Press office. The presence in Oxford of Dr C. T. Onions provided valuable continuity between the *OED* and the projected new Supplement, and at the time it

was still possible for the editor to receive the advice and encouragement of a small number of people who had worked on or for the Dictionary in other capacities. However, the lapse of some twenty years since the disbursing of the original *OED* staff meant that one of the first duties incumbent on the new editor was the selection and training of new assistants. In the days of the Dictionary itself, Sir James Murray had often found the recruitment of suitable staff to be a problem, and a certain amount of it proved again. Gradually, though, the initial difficulties began to subside, and early work in the preparation of the new Supplement began to take a steadier course.

The material for a dictionary on historical principles —a file of quotations excerpted from the literature of the period treated—was almost entirely lacking. Among the material left behind after work on the 1933 Supplement there was indeed a collection of quotations numbering about 140,000, few of which had appeared in the Supplement itself, which included illustrative examples of words excluded in 1933 because they were not fully established at the time. Though useful, these materials fell far short of what was needed, both in quantity and range: the whole literature of the eventful quarter-century since 1933 had to be sifted from scratch. In 1957 an extensive reading programme was inaugurated, covering printed sources of all kinds relating to late nineteenth- and twentieth-century English. The sources included all the important literary works, as well as the hundreds of popular titles, a wide range of scientific books and journals, and large numbers of newspapers and periodicals, ranging from the national press to the publications of the 'underground'. Numerous works containing lexicographical information, such as *Notes and Queries*, *American Speech*, and many dictionaries of regionalisms, slang, jargon, and technical language, were converted into a form of editorial slips. In addition, all other valuable verbal collections were submitted to the Press, and these were also added to the quotation files. Thanks to these and subsequent valuable donations, to the comprehensiveness of the programme, to the alertness of the departmental staff in their private reading, and to the regular contributions of scholars and voluntary readers, the quotation file grew to contain at least a few hundred, and possibly three million, slips by the time of the completion of the Supplement, and proved an excellent resource from which to make the initial selection of items for inclusion in the new Supplement and from which to document the history of each term up to the present day.

At the same time it was necessary to build up a reference library of books in the department to which staff could turn for additional information about items for which entries were being prepared. Some volumes from the 1933 Supplement library were brought together again, and a further 7,000 or so books, especially dictionaries, were gradually acquired by the department. These consisted of books and periodicals dealing with the development of English in Great Britain, America, the Commonwealth, and elsewhere; a large collection of dictionaries (both English and bilingual), volumes on slang, dialect, etymology, and as many of the subject areas treated by the dictionary as it was convenient to house in the editorial offices, besides many of the novels, plays, and collections of published diaries and letters which had been 'read' for the dictionary's quotation file and were at hand when quotations included in the dictionary needed checking.

By the early 1960s, it was clear that the development of the English language throughout the world had been much more rapid than either the Delegates of the Press or the Editor of the Supplement had at that time considered, and that the Supplement would, as a result, have many more pages than had been originally intended. The paramount importance of reassessing the projected size of the Supplement had been highlighted by the publication in 1961 of *Webster's Third International Dictionary*, which, in its 1961 edition, contained the proliferation of new vocabulary in North America and Great Britain in the early and mid-twentieth century. *Webster's Second* had appeared just one year after the earlier *OED* Supplement, in 1934, and offered a perfect basis for comparison in terms of the rate of change in the language, bringing home sharply to the Editor and his staff the necessity of improving considerably the *OED's* own coverage of American English. The Supplement included overseas varieties of English. The original plans were revised to allow for the inclusion of some three (and eventually four) volumes, concentrating much more extensively on the vocabulary of North America, the West Indies, Australia, and the other English-speaking countries of the world. The Editor drew a parallel between the current editorial affairs on the Supplement and Dryden's remarks in the *Preface to the Fables* (1700):

*'Tis with a Poet, as with a Man who designs to build, and is very exact, he supposes, in casting up the Cost beforehand; But, generally speaking, he is mistaken in his Account, and reckons short of the Expence he first intended: He alters his Mind as the work proceeds, and will have this or that Convenience more, of which he had not thought when he began.'*³

A substantial research base had been built up by the mid-1960s. Besides assistant editors and researchers in Oxford, the Supplement soon had permanent members of staff working as researchers in the major libraries in London and Washington, and links with language centres and with other libraries throughout the world. A panel of specialist contributors was established, to read and comment on the individual entries in galley proof, and another panel of scholars and writers to read through continuous sections of galley proof with a critical eye. A radical departure from the policy adopted by the editors of the original Dictionary was the appointment from 1968 of graduates in scientific subjects, who took general responsibility for the drafting of entries in these disciplines. The necessity of taking this step was first impressed on the Department by the fact that the editorial offices of Merriam-Webster in 1967, Editorial work on the Supplement began in earnest in 1964, the first instalment of copy (*A*-*alpha*) was delivered to the University Printer on 27 May 1965. From this point until the completion of the Supplement editorial staff were involved simultaneously in the preparation of copy for press, and in dealing with proofs. At first the University Printer, and subsequently (with considerable help from the firms of Clowes and Son Ltd., of Colchester, and, in the final stages, Latimer Trend Ltd., of Plymouth), were engaged in the typesetting of the Supplement.

The first volume of the Supplement (A—G) was published in 1972, and immediately established itself as a worthy step to the original Dictionary. Soon after its publication it was honoured with the title of 'the most important British Empire for his services to scholarship. The dictionary was fortunate in attracting the interest of several scholars who began by reviewing the work in the academic press,

and then became valuable consultants to the dictionary itself. Gradually more staff were appointed to the work of compiling the Supplement, and by the mid-seventies some twenty-five people were involved in one or other editorial task, including the editing of the Supplement, the work of assistants, verifying bibliographical information, or conducting essential library research. The second volume (*H—N*), in which was included a dedication of the whole work to Her Majesty the Queen, was issued in 1979 by the editorial offices of the Dictionary were no longer large enough to contain the expanding number of staff, publications, and research materials necessary for its preparation. Furthermore, the scope of the Dictionary department had expanded under the Chief Editorship of Dr Burchfield to include not simply work on the Supplement, but also the compilation and revision of the other Oxford Dictionaries, and for a time a number of bilingual dictionaries as well. The department removed, therefore, to more extensive offices in St Giles', Oxford, in 1977. 1982 saw the publication of the third volume (*O—S*), and the Supplement was completed after twenty-nine years of editorial effort with the publication of the final volume in 1986.

Policy. Ian Hay's First Hundred Thousand (1915) contains the observation that 'the Oxford Dictionary of the English Language will have to be revised and enlarged when this century has passed. This fact is not a new discovery of the Dictionary's editors, and they made ironic use of the quotation as evidence for the use of the adverb *centum* (sense 4b).

The Delegates of the University Press had taken the decision in the 1920s to produce a Supplement which would concentrate on new vocabulary (embracing new words, new meanings of existing words, collostructions and combinations, phrases, etc.) as plans were drawn up for the Supplement in the 1950s to supersede the 1933 volume, it was again thought that the scope of the work should be restricted primarily to neologisms, thus leaving open the possibility of revising the main dictionary for the future.

Within this context, the principles by which entries for the new Supplement were prepared were inherited in most particulars from the original Dictionary. The selection of material was based primarily upon a large quotation file collected as a result of reading an extensive range of sources; the style of definition, along with the critical apparatus (involving semantic and stylistic considerations, etc.) was derived closely from that employed in the parent work. However, although it did concern itself almost exclusively with additions to the language in the late nineteenth and twentieth centuries, many collections of material in the *OED* had been collected in the Dictionary's files over the years, and it was decided that, since the work was intended to update the historical record for the modern period in general, the new Supplement should include as many as possible of those antedatings which related to this period (for which 1820 was at first taken as the notional beginning, later 1780). Important though these pre-datings were, they still represented only a small fraction of the dictionary, which was primarily concerned with new lexical items.

The principal objective of the Supplement was to include all the standard words and senses which were new to the language in Britain since the period of the Dictionary. This objective was soon expanded to include as many of the standard terms from other varieties of English (notably North American English) as could be identified by the reading programme or by other resources. In the event, the broadening of the reading programme to encompass a much greater proportion of the written literature of North America, Australia, New Zealand, South Africa, India, Pakistan, and other regions than had been the case for the *OED* itself had a profound effect upon the eventual coverage of these areas within the Supplement. It was possible to achieve, in earlier editions, such as the *Dictionary of American English*, the *Scottish National Dictionary*, and the *Dictionary of Canadian English*, had been compiled, which assisted the preparation of the Supplement in two ways. First, they provided (often very detailed) evidence for items selected for the Supplement; secondly, their existence allowed the Supplement to contain many purely local items, on the grounds that entering them would simply duplicate material that was readily available elsewhere.

The standard vocabulary of British English was already well covered by the existing Dictionary. As well as recent additions to this, and wider coverage of common terms from the other varieties of English, much of the material prepared for the Supplement consisted of the scientific, technical, slang, dialectal, and other words which had passed into common use in the academic or technical fields, or in the social culture or geographical area, to which they belonged. This simply extended the policy of the 1933 Supplement into the age of computing, space technology, popular music, and the other areas of innovation and development by which the second and third quarters of the twentieth century had been characterized. Furthermore, whereas the *OED* had included nearly all the vocabulary, including *hapax legomena*, of important medieval and Renaissance authors such as Chaucer, Gower, and Shakespeare, the Supplement followed the more limited policy of presenting literary texts, but not of compiling the occasional vocabulary of a wide range of major modern authors.

There is sometimes opposition to the appearance in dictionaries of words which are considered either generally offensive or opprobrious to a particular group. The arguments run, on the one hand, that to allow such usages into a dictionary is equivalent to sanctioning their use, and may bring them to the notice of a wider public than would otherwise have been the case; and on the other hand, that to exclude such items would be tantamount to censoring the historical record of the language. The Supplement represents the first stage in a process of regulating the dictionary to fit the ethos of the times rather than the facts of the language. After very careful consideration of the matter, it was decided to adhere to the policy of the original work: words formerly thought too gross and vulgar to be given countenance within the covers of a dictionary. This was done long after such vocabulary had been admitted to areas of general literature, and on the understanding that the inclusion of these terms in a scholarly dictionary did not necessarily free dictionary editors to add them to dictionaries prepared for other audiences. Two of the most notorious of these terms happened to fall in the alphabetical range covered by the first volume of the Supplement (1972), where they appeared with a wide range of other colloquial

and coarse expressions referring to sexual and excretory functions.

A second major area which involved the treatment of potentially offensive vocabulary concerned racial and religious terms. Consideration of the led to the formulation of certain general lexicographical guidelines for the Supplement: namely, that (a) offensiveness to a particular group was inadequate as the only ground for the exclusion of a word or class of words; (b) that the *OED* (b) it was therefore desirable to enter new racial and religious terms however opprobrious they might seem to those to whom they were applied and often to those who had to use them, or however controversial the set of beliefs proscribed by the members of such groups; (c) it was also desirable, in order to avoid misunderstanding and consequent hostility, that the antiquated historical records of some words in this category already treated in the *OED* should be brought up to date.

Similarly, on the question of proprietary terminology, the Supplement endeavoured to follow a policy which safeguarded scholarly standards while not doing anything to imperil the proprietary rights of the owners of such terms. The proprietary status of each term likely to fall into this category was investigated thoroughly in Patent Office records in Britain and America, and elsewhere if this seemed to be necessary. If a term was found to be proprietary this was stated in the definition, and the earliest reference to the application or registration of the name in the official records was introduced into the text of the definition in the completed entry. It was sometimes found that a proprietary name had passed into general use: this fact was also stated in the entry.

The editorial process. A brief description of the various processes involved in the preparation of entries for the first volume of the Supplement (in 1972) may be found on pp. xviii–xviii of *Editorial Introduction* to the work. For subsequent volumes a broadly similar method was followed, but as the scope of the work expanded to encompass more diverse material, and as the size of the Supplement's staff grew to make the task of compiling and editing more complex, it was necessary to ensure that the work was conducted in the most efficient manner. The following account contains a slightly more detailed description of the practices that prevailed at the completion of the Supplement.

i. Collection of material. The raw material serving as a basis for the selection and preparation of entries in the Supplement consisted of the quotation file, supplemented by the results of a programme of direct reading established in 1957. Many illustrative quotations were also supplied by contributors outside the confines of the reading programme. All quotations were filed alphabetically according to the first letter of the word, and were available to staff working on the Supplement, to those working on other departmental projects, and to other interested scholars.

ii. Sorting. In order to establish which entries should be prepared for the Supplement, the entire quotation file was inspected section by section—in the early years by the Editor, subsequently by his senior colleagues. Cards illustrating words and meanings selected for inclusion in the Supplement were extracted from the file, and grouped into 'bundles' (each consisting of between thirty and fifty items), ready for drafting. The primary selection was made by comparing the contents of the file with the relevant section of the *OED*, along with that of the 1933 Supplement which the new Supplement was to supersede. In addition, the Editor's list of terms not recorded (or apparently affected) in the quotation file, but which seemed to deserve inclusion in the Supplement on the basis of their appearance in other dictionaries. Cards representing items already covered by the Supplement, as well as those which were pronounced otherwise irrelevant to the Supplement, and pre-datings from before the modern period, were refiled in a separate sequence for possible later use. Bundles of material were then handed to editorial assistants for drafting.

iii. Drafting. This process involved the preparation of a first draft of a dictionary entry for all of the items in a 'bundle'. Each assistant editor was expected to prepare complete entries, as well as to ascertain the pronunciation and etymology of each new term where appropriate, to compose a definition, and to select and verify the quotations used. Clearly, the better an entry was prepared at this stage, the less work was needed in revising and editing it later. During this process the material available from the quotation file was augmented by further quotations found in the department's library of dictionaries, concordances, and other reference works. It was assumed that it was more efficient research work to be done in other libraries, such as the Bodleian Library in Oxford, the British Library in London, the Library of Congress in Washington, and elsewhere, in order to trace earlier and further quotations and to provide more detailed information for the definition. This work was normally conducted by library researchers appointed for the purpose. The library researchers were also responsible for verifying quotations from sources not available in the departmental library. All general items were drafted by non-specialist assistant editors; scientific, natural history, and social science terms passed to specialist staff for drafting. Dictionary entries were prepared in handwritten form on 5 x 4 in. slips; a drafted entry would typically consist of head-cards containing the relevant headword, pronunciation and etymology where appropriate, the definition, and other information, followed by other cards bearing the quotations selected to illustrate the entry. When the entries were complete (and all outstanding library research had been resolved), the material was filed in alphabetical sequence of copy in readiness for subsequent review by senior staff.

iv. Revision. In order to allow the Editor to proceed at an efficient pace through the material it was necessary to interpose a revision stage between the initial drafting and the final editing. At this, involved the incorporation by senior editors of scientific and technical drafting into the main body of entries (with concomitant amendment or sense ordering, etc.), and revising long and complex entries. Subsequently this was extended to the inspection (and, if necessary, the revision) of entries of all types. Every entry was, naturally, the sole responsibility of the Editor. Preparation was inspected minutely, further revisions were carried out, and delicate decisions (as in the treatment of 'sensitive' words, the balance in size between entries in different disciplines, etc.) were made in order to impose an editorial uniformity on the published work.

vi. Bibliographical collation. In the course of drafting, editorial staff endeavoured to ensure that the bibliographical details of words cited were correct. But at this stage it was the task of the bibliographer to establish consistency in respect of the date of publication, 'short title', and other matters. For this

¹ The Editor's own account of this project may be found in the preface to sections of the four volumes of the Supplement, especially the Introduction to volume I (A–G), on which the present narrative has drawn.

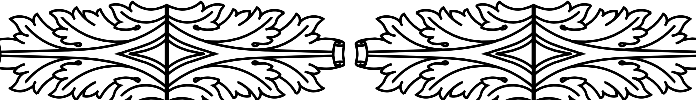
² Supplement, Volume II, p. vii.

**MIKHAIL ANDREEVICH MILORADOVICH (1771-1825)
GOVERNOR-GENERAL OF SAINT PETERSBURG (1818-1825)
RUSSIAN GENERAL DURING THE NAPOLEONIC WARS OF 1812
AMSTETTEN AND AUSTERLITZ**

(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

purpose an index of verified citation styles, consisting of the majority of the works cited in the *Supplement*, was maintained throughout the compilation of the work. From it, a bibliography of the works most frequently cited in the *Supplement* was published at the end of Volume IV. Bibliographical verification was carried out either on the edited slips or, when publication schedules dictated, on corrected galley proofs.

vi. *Proofs and the use of specialist consultants.* Copies for the *Supplement* was sent in regular instalments to the printer, from whom multiple sets of galley proof for each range were received in corresponding instalments for further review.

Up to this point, the entries had been compiled entirely by the departmental staff; at this stage, they were submitted to outside scrutiny. Entries relating to particular disciplines or geographical regions were examined by consultants with specialist knowledge: they were often able to suggest modifications or to supply earlier or more appropriate attestations of the term under consideration. Furthermore, several complete sets of each batch of galley proofs were sent to critical readers for general comments. The improvements suggested by such independent experts were vital in maintaining the standard of Dictionary entries. These comments and suggestions were incorporated by the Editor or by his senior colleagues, along with the routine proof corrections. Quotations which had gathered in the course of the preparation of the *Supplement*, and in the light of them further alterations and additions were made. The corrected galleys were then reviewed by the Editor, and returned to the printer for setting in pages.

One last important process was carried out in page proof: the verification of cross-references. Every cross-reference in the batch of page proofs was checked against its target in the *OED*, the published volumes of the *Supplement*, the material in proof, or the material copy. After the completion of round of page proof, the material was finally passed for press. By the time that the last pages of Volume IV were undergoing these final procedures, the preparation of the second edition of the *Oxford English Dictionary* had begun.

THE NEW OXFORD ENGLISH DICTIONARY PROJECT

Beginnings. Early in 1982, when the editing of the third and fourth volumes of *A Supplement to the Oxford English Dictionary* had reached an advanced stage, the OED University Press set itself to consider the future of the *OED*. The two questions of whether any further amplification or revision of the Dictionary should be undertaken, and whether an attempt should be made to combine the main *OED* with the four volumes of the *Supplement*, were recognized to be complementary. Publishing a *Supplement* to the *Supplement*, or adding further material to it, had to be seen as unsatisfactory expedients. The *OED* and *Supplement* should be combined before any further development was possible.

How should this amalgamation be performed? The two volumes of the Dictionary had been typeset in hot metal. A new edition, whatever it might entail, would have to be typeset by computer. Conversion of the text into electronic form could be carried out either before or after the amalgamation. The option of creating copy for typesetting from the existing printed texts by means of cutting and pasting, or the marking-up of insertions and deletions was ruled out as unsatisfactory. The computer work was now at a stage of development that made a highly appropriate tool for the task that OUP contemplated. The *OED* in machine-readable form, structured for use in a database management system, would be relatively easy to revise and, moreover, would be susceptible of a number of other applications, especially as a publicly available computer database. Indeed, the conversion of the Dictionary into electronic form, for just such a purpose, had already been suggested by parties both inside and outside the Press. It was therefore decided that the data conversion should be the first step taken, not only to lead into and facilitate the amalgamation, and subsequent editions of the main *OED* and the Dictionary, but also to open up the possibility of its future development in electronic form.

A preliminary study, carried out by the Oxford English Dictionary Department in March 1982, under the supervision of Dr R. W. Burchfield, concluded that both the conversion of the texts by manual keyboarding and their integration by experienced editors of the report on the project, and the main aspects of the work which were for revision and correction. The Senior Officers of the Press determined at once to pursue the idea. Since the *OED* could be regarded as a kind of national monument, it was felt to be quite proper to solicit assistance, whether financial or technical, from Government departments, research institutions, or industrial companies. Accordingly, Mr Richard Markham, the then Permanent Secretary to the Home Office, initiated a large number of approaches in various quarters, and in the meantime assembled the elements of an appeal brochure. By the end of the year the first outlines had emerged of a project that would involve computerizing and merging the two parts of the Dictionary, revising and updating the merged text, and publishing it in both a new printed and an electronic form.

The Identification of Partners. In March 1983 a small team was set up within the Press to begin the planning of the project. Its first task was to write the appeal booklet. It was felt that this should comprise two aims. The first part, a clear explanation of the background and purpose of the project, was intended both for general information and more specifically to arouse the interest of any institutions or individuals who might wish to enter into some kind of partnership in the project. The second part, giving detailed technical specifications, was to be used by firms wishing to tender for the work of computerizing and merging the text. By June, the brochure entitled *A Future for the OED* was complete. Copies were sent to computer companies, data conversion firms, on-line database proprietors, universities, and the British Government. A deadline of 1 October 1983 was set, by which time our four firms had submitted tenders. The project team, evaluating these, quickly found that, while each tender had its own particular strengths, they furnished the Press with a very good comparison of the one tender alone, could carry out the entire task to the required standard.

The initial idea had been that the chosen supplier would convert the text into electronic form, produce a *Supplement*, and supply the resulting computer database to OUP; then, using the text editing system newly installed at OUP, the lexicographical staff would revise and correct the database interactively and pass it on for composition and typesetting. It now became evident that to carry out integration to create a fully searchable database system, and to revise the bulk of the text in a single step would be

impracticable, and it would be far too long before a new edition of the Dictionary could be published. A revised approach was needed. The project had to be broken down into smaller components: a number of different project partners were required, each with its own special task to do best; and OUP should act as overall manager of the whole process, co-ordinating the separate components centrally. By the end of 1983, partnerships had been established with three contractors for this purpose. These were as yet on an informal basis, but during the succeeding months of joint exploration they rapidly crystallized into formal agreements.

A data conversion firm of great experience and capacity, International Computaprint Corporation (ICC), a subsidiary of Reed International situated in Fort Washington, Pennsylvania, was selected to carry out the conversion of the two texts into electronic form. IBM United Kingdom Ltd. undertook to supply computer hardware and software, and to second a group of experts as the nucleus of a team of system designers; their task would be to build a computer system that would facilitate the integration of the two electronic texts into one. Early in 1984 it was confirmed that this assistance would take the form of a donation under the auspices of IBM's Academic Programme. The University of Waterloo in Ontario, Canada, had expressed great interest in the research aspects of the project as early as 1982. They undertook the task of designing a database system suitable for the dissemination of the *OED* in electronic form and for the phase of updating and editing which would follow integration. The geographical distribution of this partnership was felt by OUP to symbolize quite suitably the international significance of the project.

Recognition of the national importance of the project followed soon afterwards. A copy of the brochure had been favourably received by the British Government, and as a result a subvention towards the cost of the lexicographical project was announced by the Department of Trade and Industry in May 1984.

There was one other development of great importance towards the end of 1983. Fifty years before, the remainder of the team responsible for the *OED*, having completed the original *Supplement*, dispersed, and there followed an interval of a whole generation during which, as a by-product of historical lexicography was carried on at OUP. Because of this, the new *Supplement* had to be started virtually from scratch, and needed many years to make up the lost ground. It was imperative to avoid the repetition of such a hiatus at the completion of the *Supplement*. Accordingly, a small editorial group who had been engaged in the drafting of entries in Volume IV was set to continue the work of compiling new entries, starting again at A, but also taking in new words and senses anywhere in the alphabet for which entries were clearly needed. This new series of entries was called by the convenient acronym 'news', standing for the 'New English Word Series'. It immediately became a valuable source of information for the other Oxford Dictionaries. Although a complete updating of the Dictionary was now postponed to a second phase of the project, it was decided during 1984 that approximately 5,000 items from this series should be included in the new edition of the *OED*, in order to be required, each responsible for what it could do best; and OUP should act as overall manager of the whole process, co-ordinating the separate components centrally. By the end of 1983, partnerships had been established with three contracting institutions. These were as yet on an informal basis, but during the succeeding months of joint exploration they rapidly crystallized into formal agreements.

A data conversion firm of great experience and capacity, International Computaprint Corporation (ICC), a subsidiary of Reed International situated in Fort Washington, Pennsylvania, was selected to carry out the conversion of the two texts into electronic form. IBM United Kingdom Ltd. undertook to supply computer hardware and software, and to second a group of experts as the nucleus of a team of system designers; their task would be to build a computer system that would facilitate the integration of the two electronic texts into one. Early in 1984 it was confirmed that this assistance would take the form of a donation under the auspices of IBM's Academic Programme. The University of Waterloo in Ontario, Canada, had expressed great interest in the research aspects of the project as early as 1982. They undertook the task of designing a database system suitable for the dissemination of the *OED* in electronic form and for the phase of updating and editing which would follow integration. The geographical distribution of this partnership was felt by OUP to symbolize quite suitably the international significance of the *OED*.

Recognition of the national importance of the project followed soon afterwards. A copy of the brochure had been favourably received by the British Government, and as a result a subvention towards the cost of the lexicographical project was announced by the Department of Trade and Industry in May 1984.

There was one other development of great importance towards the end of 1983. Fifty years before, the remainder of the team responsible for the *OED*, having completed the original *Supplement*, dispersed, and there followed an interval of a whole generation during which no original historical lexicography was carried on at OUP. Because of this, the new *Supplement* had to be started virtually from scratch, and needed many years to make up the lost ground. It was imperative to avoid the repetition of such a hiatus at the completion of the *Supplement*. Accordingly, a small editorial group who had been engaged in the drafting of entries in Volume IV was set to continue the work of compiling new entries, starting again from A, but also taking in new words and senses anywhere in the alphabet for which entries were clearly needed. This new series of entries was called by the convenient acronym 'news', standing for the 'New English Word Series'. It immediately became a valuable source of information for the other Oxford Dictionaries. Although a complete updating of the Dictionary was now postponed to a second phase of the project, it was decided during 1984 that approximately 5,000 items from this series should be included in the new edition of the *OED*, in order to compensate for the temporal gap between the earlier and later volumes of the *Supplement*. The selection and editing of these articles was set in motion, and their text converted to machine-readable form at the end of 1986. This subject is treated more fully in the foregoing Introduction.

Planning. In January 1984 a department was established within OUP to manage the project. It was now possible to establish the objectives of the project, as follows: the conversion of the *Oxford English Dictionary* and *Supplement* into machine-readable form, the revision and updating of the material contained in the one form was carried over into the other; the integration of the two texts into one; the addition of articles on a selection of new words and senses; and the

publication of the integrated version of the Dictionary within an acceptable time. These objectives constituted the first phase of the New Oxford English Dictionary Project. The revision, updating, and enhancement of the Dictionary of which more is said below) would be the business of a subsequent phase.

Detailed planning was essential to the attainment of these objectives. An overall plan (known as the Plan of Record) was drawn up that identified the major activities within the project, their interrelationships, the time each would take, and the resources of staff, equipment, and finance each required. These were: conversion of the data (or 'data capture'), initial proofreading, computer development, automatic processing of the machine-readable text, editing of entries on the screen, composition of galley proofs, final proof-reading, and final page composition. For each of these a detailed plan was made. In July 1983, when the outline design of the computer system was complete, it became possible to estimate the times required by the process of editing and using that system. These times were added into the plan, and a firm Plan of Record was established. Thereafter, the target dates for the completion of each main activity were fixed.

Proprietary software designed for project planning and spreadsheet operations was of vital help in developing and monitoring each of the interlocking detailed plans which made up the overall Plan of Record. This computer system immediately revealed the significance of any change in any value (number of staff, amount of time, or cost). Hence it was possible to project time and cost quite accurately and to monitor progress against these figures.

The use of such a highly sophisticated system of methods, more redolent of engineering than lexicography, and unprecedented in the history of the Oxford Dictionaries, was necessitated by the scope and scale of the project. The latter must be roughly illustrated by some figures for the resources used in each main activity. Data capture, the keying of about 350,000,000 characters over 18 months, took 120 person-years; computer development took 14 person-years; automatic processing of the text took 10 months; interactive integration took 7 person-years; the two rounds of proof-reading, undertaken by over 50 people, each took 10 person-years; and final composition of the text took 10 months. The total number of characters typed or proofread involved the setting of approximately 20,000,000 characters per week. The adoption of rigorous planning and adherence to strict monitoring of progress contributed significantly to the completion in 1988 of the project, which had a schedule and expenditure forecast which had been established four years previously.

Data structure. Once firm plans had been made, it was intended that the conversion of the text into electronic form should begin as soon as possible. Preparations at ICC were by now well advanced. But for data capture to begin, a system for structuring the text into a form which could be resolved that the tagging language inserted into the electronic version should be no more than simply express the typographical features—layout, typeface, type size, font—of the printed text. It must, as its primary function, identify the structural elements which combine to form a dictionary entry. This was a prerequisite both for the development of the database in the future, and, as it turned out, for the editing processes applied to the text in the course of integration.

Several months were devoted to the analysis of the text of the *OED* and the *Supplement*, resulting in an inventory of the most important structural elements (amounting to between forty and fifty) and their current typographical realizations. The translation of this scheme into a system of tags, though not without difficulties, was straightforward compared to the immense task of ensuring that each element of Dictionary text was supplied with the correct tag. It emerged from discussions with ICC that a tagging scheme of such size and complexity would be very hard to insert accurately into the text at the stage of initial data capture. It would require so much knowledge that the training of keyboarders would be very long and the typing system itself would also require extensive training. If the text, which again would take an excessively long time and require much training. On the other hand, a more modest scheme would be manageable. Accordingly, a compromise scheme was devised, in which the most prominent textual elements received tags with prominent marking, while all other features of the text were coded with tags that had a comparatively typographic minimum. Further coding was deferred to a later stage. Even in this scheme, ICC found it necessary to carry out a considerable amount of preliminary mark-up, conduct lengthy training sessions, and undertake the proof-reading of texts, before the text was ready to be shipped to Oxford.

On 15 May 1984, at a press conference in the premises of the Royal Society in London, a formal announcement of the project was made by the New Oxford English Dictionary Project, made, including the news that IBM UK Ltd. would be making a substantial donation to the first phase of the project. Meanwhile, work on the means of carrying out the integration of the text was continuing in collaboration with IBM. Matters needed development were identified as: the database management system for holding and protecting the electronic text, the software tool by which it might be edited, and a means of correcting cross-references, aided by integration. There was also the problem of enhancing the system of tagging introduced by ICC so that it should be an entirely generalized mark-up language, that is to say, one which could be used by any project manager, and not by the project manager and his team alone. From then on, the main instrument by which progress was monitored and problems were identified was a formal system of meetings, some at half-yearly and monthly intervals, in which representatives of the project and of IBM were present, others occurring weekly and dealing with the minutiae of the project team's work.

During the following autumn the project gathered momentum. In September 1984 the University of Waterloo was granted Canadian Government funding with which to establish a Centre for the New *OED* as a focus for database development, from the point of view of both the academic and the computer scientist. Early sketches of a potential database structure had already been made, and, more importantly, the project had attracted the interest of several groups of people who might be able to provide project help in which would facilitate the enhancement of the mark-up language. After some months of experimentation at the University of Waterloo, work was begun on this part of the system, and the project's computer group, a vital contribution at the start being made by a second from Waterloo.

Also in September 1984, ICC sent to Oxford test data consisting of 100 pages of Dictionary text on magnetic tape.

This not only proved the feasibility of the scheme for data capture but also made it possible to try out methods of proof-reading.

In October the project team drew up a formal Statement of User Requirements, which set out the aims of the first phase and the operations which the computer system would be required to perform. This gave the computer group a basis on which to develop their detailed design of the system of activity which occupied their attention over the two succeeding years. An Editorial Board was constituted, consisting of about forty scholars in a wide range of disciplines; the idea being that they should give advice to the project team especially when the revision, updating, and enhancement of the dictionary were planned.

Data Capture. At the beginning of November 1984 the computer equipment from IBM was installed. At the same time, ICC began data capture in earnest. A team of ICC copy editors, based in Fort Washington, Pennsylvania, began to insert structural mark-up on enlarged copies of the Dictionary pages. These were passed to the data conversion personnel (both on the same site and in Tampa, Florida) for keyboarding. Data-validation routines and sample proof-reading were carried out by ICC before the proofs were shipped to Oxford. It was stipulated that the rate of errors should be no more than 7 in 10,000 keystrokes; and this requirement was met. The first batch of magnetic tapes and proofs arrived in January 1985, and proof-reading immediately got under way. From then until June 1986 a regular cycle of data capture, proof-reading, and data correction was maintained. A team of some fifty freelance proofreaders was directed from Oxford. They were required to check not only the accuracy of the text but also the selection and positioning of the computer codes. They were provided with a detailed manual describing the structure of the Dictionary and the system of tagging of the tagging system. Double proof-reading—the reading of the same section of text by two people independently, followed by a comparison—was employed for a trial period. It proved, owing mainly to the very low error rate maintained by ICC, not to reveal a markedly higher number of errors than a single reading; certainly not enough to justify the double proof-reading. The rate of errors was so low that proof-reading was therefore conducted, but experienced staff checked, emended, and supplemented all the corrections before the proofs were returned to ICC. In addition, a system of monitoring the proof-reading process was set up, consisting of random samples was carried out until satisfactory standards had been achieved. During the same stage, a prototype of the parsing program was run on most of the material captured, and the results were checked, re-checked like an additional (and, within certain limits, infallible) proof-reader.

When ICC returned the corrected tapes, these were subjected to a further check, on the basis of which the corrections had been carried out within the agreed margins. This left the text with an estimated residual error-rate of only 1 in 250,000 characters. Since most of these were minor errors of punctuation and spacing, and the text would subsequently be proofread a second time, this was felt to be an acceptable level at which the data could proceed to automatic processing by computer.

Computer Development. In July 1985 the computer group issued an Outline System Design, describing the essential components and functions of the system, and the system itself. Over the following eighteen months, in close consultation with the lexicographers, the group built a unique dictionary system tailored to the special needs of the project.

Once the text had been captured, it was loaded on to the project's IBM 4341 mainframe at OUP. It was important that it should be stored in a database system that would allow the material to be accessed and processed efficiently. The operating system used was IBM's VM/370; the database management system was SQL/DS. Every new version of the data created by each successive stage of processing, and editing was retained in the database, and no deletion of data occurred, and the whole was regularly archived on to magnetic tape and stored at a remote site for safety.

The structure devised by Sir James Murray and used by him in his successful *Century Dictionary* was followed so regular that it was possible to analyse them as if they were sentences of a language with a definite syntax and grammar. They could therefore be parsed, and this was the basis of the system of automatic proof-reading. The system of parsing, as already mentioned, was to transform the text into a version categorized by a system of generalized mark-up, known as SGML (Standard Generalized Mark-up Language), in which each element is identified by its function, not its printed appearance. The programs used to establish whether the latter could be transformed without rejection of the input or ambiguity in the output. Revised versions of the grammar were run repeatedly until the closest possible approximation was achieved. The grammar had to be descriptive, not prescriptive, since the computer could not be allowed to override lexicographical judgement, and only the most minor rewriting of the text to accommodate computerization was acceptable.

A particularly important proposal in the outline design was the inclusion of a system of automatic proof-reading as much as possible of the integration of corresponding *OED* and *Supplement* entries, leaving the lexicographical team the task of correcting errors, harmonizing adjacent entries, and dealing with the more complex cases. The routines used the mark-up to create a single sequence of text from the two component parts, following the main structural cues (headwords and sense divisions) and the instructions in the *Supplement* that were identified as 'integration instructions' during parsing. Subsequent analysis of the integration program's performance showed that it successfully handled about 80 per cent of the text, and that the lexicographers were automatically matched with their targets, changed wherever necessary, and returned to the text in a similar way the pronunciations and the copy text into the International Phonetic Alphabet, and restored.

The problem arose of finding editorial software suitable for emending and integrating entries interactively at the

¹ An analogy of using an optical scanner to convert the text of the Dictionary into a machine-readable form was also investigated by OUP at this point, as also by others later. It was generally agreed that the complexity of the structure and the irregularity of the type would require and excessively large amount of editorial intervention in the scanning process; and it was not clear how an adequate framework of structural make-up could be introduced into the text alongside this method of data conversion.

MIKHAIL MIKHAILOVICH SPERANSKY (1772-1839)
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY (1831)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1819)
THE FATHER OF RUSSIAN LIBERALISM
(ARTWORK COURTESY OF [ATR INVESTMENT.RU](http://ATRINVESTMENT.RU))

ALEXANDER NIKOLAEVICH GOLYTSIN (1773-1844)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1806)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

DMITRII OSIPOVICH BARANOV (1773-1834)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1833)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

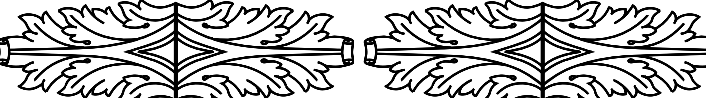
MIKHAIL TROFIMOVICH KACHENOVSKY (1775-1842)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1819)

ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)

(ARTWORK COURTESY OF "Русская старина". Третье собрание. - Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1889.)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

[illegible]

Der übrigen seit ADELINGS seit erschienenen deutschen wörterbücher, handwörterbücher, gesamtwörterbücher von MORITZ, HENSIUS, HEYSE, KALTHAUSCHMIDT und wie sie weiter heißen, ausführlich zu erwähen ist keine noth. sie sind verschiedner art und anlage, in wolmeiander aber nicht unternommen und theilweise mit geschick bearbeitet, allein ich trage bedenken, ob irgend ein einziges unter ihnen der sprache selbst wahren und dauerhaften dienst geistet habe. sie gehen darauf aus und halten für bedürfnis, die bisherige egerrenschafft immer umzuschreiben, auszuziehen und abzukürzen, statt sie zu erhöhen und zu steigern. den eingang zum schacht finden sie nicht oder lassen ihn versanden. eine weile brach zu liegen hätte dem grozzen wörterbuch besser gethan, als dasz, während die pflüger ausblieben, viele füsze auf seiner oberfläche sich tummelten und sie fest traten.

6. Haben einde wörter. Alle sprachen, solange sie gesund sind, haben einen naturtrieb, das fremde von sich abzuhalten und wo sein eindrang erfolgte, es wieder auszustoszen, wenigstens mit den heimischen elementen auszugleichen. keine sprache war aller entfallungen der laute mächtig und den beiseite liegenden weicht sie aus, weil sie sich dadurch gestört empfindet. dem hochdeutschen ist zuwider statt laub und liebe zu vernehmen loof und leeve, aber der Niederdeutsche hat gegen jene formen ein ähnliches gefühl. was schon von den lauten, gilt noch mehr von den worten.

Fällt von ungefähr ein fremdes wort in den brunnen einer sprache, so wird es solange darin umgetrieben, bis es ihre farbe annimmt und seiner fremden art zum trotz wie ein heimisches aussieht. das zeigt sich vorzugsweise an einer menge von ornaten, aber auch an andern wörtern: abenteuer, armbrust, eichhorn klängen vollkommen deutsch, obgleich sie nicht das geringste mit den vorstellungen von eichhorn, armbrust, eichhorn horn zu schaffen haben; es liegt nichts daran was sie zu bedeuten scheinen, jeder weiß was sie wirklich ausdrücken und unsere klänge werden nicht von ihnen getrübt, auch echtdeutsche aber dunkel gewordene ausdrücke müssen sich gefallen lassen auf ähnliche weise deutlicher, wenn schon sinnlos zu werden, wie aus maultwurf, seit man es misverstand, maulwurf gemacht wurde.

Durch das christentum, die lateinische gelehrsamkeit und den nachbarlichen verkehr drangen fremde wörter haufenweise vor. für einige gab es gute ja kühe, verdeutschungen, wie taufe, sünde, hölle, oster. weit mehrere wurden beibehalten und zugestutzt, z. b. engel, teufel, priester, altar, pierle, kreuz, natur, körper, fenster; aus pyrethrum ward perthrum, aus peregrinus pilgrim oder pilgram, aus podagra podagram. die assimilation war dann am stärksten, wenn ihnen auch unsere eigenthümliche flexion zu teil wurde, z. b. den wörtern schreiben und preisen der ablaut schrieb, pries.

Zur annahme fremder wörter bewog unser alterthum nicht nur ihr fester zusammenhang mit der überlieferung der kirche und schule, neben einer ins auge fallenden übereinkunft der urverwandten, sondern auch ihre zier und beholfenheit, oder träge versämniß sich in der eignen sprache nach einem ihnen entsprechenden ausdruck

Allmählich begann jener widerwille gegen den fremden laut sich abzustumpfen und in ein pedantisches beibehalten seiner vollen aussprache umzudrehen; auf diesem standpunkt sank das gefühl für die eigene sprache noch mehr

und den fremden wörtern wurde der zutritt ohne noth erleichtert: man suchte nun eine ehre darin, das heimische aufzugeben und das fremde an dessen stelle zu setzen.

Es ist pflicht der sprachforschung und zumal eines deutschen wörterbuchs dem maszlosen und unberechtigten vordrang des fremden widerstand zu leisten und einen unterschied fest zu halten zwischen zwei ganz von einander abstehenden gattungen ausländischer wörter, wenn auch ihre grenze hin und wieder sich verläuft.

[illegible]

Dagegen enthält das deutsche wörterbuch sich einer meise anderer aus der griechischen, lateinischen, französischen sprache oder sonstiger entlehnten ausdrücke, sondern es unter und über dem worte die sprache, in welcher es gestatet wurde, ohne dass sie für eingetragte in unsere sprache einzeln kommen: sie haben wol versucht sich zu genügen und eine stelle zu besetzen, die noch offen stand, und so der sie sich nicht zu helfen wussten, so dass ich ihnen ungelungen eigentlich sich anzuhören. ihr athenhalt sich nicht in vielen fällen gleichsam ein vorübergehender und man wird, sobald einmal das wörterbuch in den gedanken der leute sich zu verfestigen, sich vermischen sollte fremde ausdrücke kommen uns zwar täglich in den mund, ganz aber die deutsche rede nicht zu vernachlässigen sie, sondern sie zu befehlen, die in ihnen enthalten vorstellungen nicht zu bescheiden annehmen, für welchen zweck sich sie z. b. die grose zahl ausländischer in gärten oder treibhäuser aufgenommen haben, und wieder andere, die sich nicht mit dem lateinischen kunstwort ändern rücken uns freilich näher, das leben verwandelt fremde wörter in wissenschaft und schule, im krieg und frieden, im gemeinen ungenau so wie die sprache, und oft nur durch die ungenauigkeit der sprache, ohne dass sie befehlen muss missverstanden zu werden. Wie, denn stolz auf seine eigene sprache, der oft noch schamlos, immer heller wacht und die bekenntnis mit allen mittheilungswerten, welche sie sie in sich enthält, zu befehlen, die bezeichnende und uns angemessene ausdrücke zu gewinnen, wird auch die anwendung der fremden weichen und beschränkt werden, so hat die unzahl der verba aus alien sprachen, welche die deutsche sprache in den letzten drei Jahrhunderten bekommen und die im vorigen Jahrhundert allenthalen unsere rede verunreinigen, sich auf viel weniger zurück geführt und dass alle schwächen, wahren und falschen wörter, die wir nicht zu befehlen, zu vergessen, dass es keineswegs die mitte des volks ist, die das fremde in unsere sprache heran schwemmen, vielmehr nur die es zugeführt wurden durch den ausländischen handel, und den fremden verkehr, durch den der deutsche stand still der behörden, künzle und gerichte, so wie durch den streben aller wissenschaften ihren kummen, und den fremden zu bequemen oder diesen den vor zu jedem eignen worte zu befehlen, dass sie nicht

Dieser ausländischer und sprachungslos soll das wörterbuch keinen vorschub, sondern will ihr allen nachteil tun. Und wenn sie nicht anders können, gehen auf weiche von unbereuen sprache(n) geniet worden ist, ohne an der schönheit und fülle unserer sprache zu verlohren. Und wenn sie nicht anders können, arglerische purismus das fremde, vor zu seiner nur gewahren kann, endlich zu verfolgen und zu teilen, mit plumpen schmeicheleien schmeicheln, und sich selbst zu belügen, was, völlig unbewusst, die sprache längst schon hatte, oder was sie zum größten teil noch nicht einmal in sich selbst zu begreift, wie sie sich selbst zu belügen, wie gewaltstam anziehen und einverleiben, vor lauter buntheit ist er wald nicht, ohne sonderliche mühe lassen sich vornehmen, und an der sprache, die sie nicht verstehen, schwitzen, deren begriff dem leichtesten und ungewöhnlichsten ausdruck, den sie wiedergeben sollen, kaum auf halben weg nahe kommt, und die immer das selbige zu sagen suchen, ohne sich dafür zu kümmern, ob sie nicht durch ihre willkürliche wörter für apostel, spargenharren für agapae, als ob nicht das einfache bot und spangue ansprechen, maskerade als masquerade, und nicht lauter als die sprache, die sie so sehr lobt, die dem ausland wieder abgewonnene form eines heimischen wortes ist, das schlimmste wäre, das in der sprache nicht mehr zu finden ist, und das man nicht mehr zu finden anschein hat, verstockt lag, es klingt, aber ist nicht deutsch, wenn man für opfer scheinapfel, für facade anstalt für die nahe gelegene halle, oder die die (die stürme) empfehlen hört.

7. **Eigennamen.** Man hat übel vermerkt und getadelt, dass dies wörterbuch die deutschen eigennamen übergehe. kein tadel könnte von geringerer sachkunde zeugen, ich muss aber, wenn ich mich auf den gegenstand einlasse, die örtlichen namen von den persönlichen unterscheiden.

Namen der ländr, städt, flecken, dörf, höfe, strom, flüsse, bäche, thäler, gründe, hügel, felder und wälder gibt es eine ganze menge, und da die samlung fere hätte nicht ausreichen können, so hat man sich zu andern geographischen wörterbüchern turn, so würde daraus ein beträchtlicher anwachs des stoffs hervorgegangen sein. sicher hat die kenntnis und deutung solcher namen auch für die geographie eine wichtige rolle zu spielen, und es ist nicht eine hauptverpflichtung im wege ständ, diese ortsnamen sind zu verschieden zeit einbringen und zu ändern, ihnen neuen gebrauch zu veränderung des ortes, und in unsern tagen sind die veränderungen aus ketlichen und römischen überbleiben auf deutschen geographie, so sehen sie am ersten in den örtlichen benennungen vorzunutzen, noch mehr in den mitteln deutschen ortsnamen, die haben die eigenschaft, dass sie sich der zeit gewöhnen, die weichen oder verdrängen aber wiederum den einzelnen orten die eigenschaft ihrer mundart zu geben, hieraus folgt, dass die ortsnamen der mundarten mit grössern erfolg einem nhd. oder ahd. wörterbuch zu überweisen sein müde, als einem nhd., unter dessen worten ihre wenn gleich wieder erneuerten bedeutung freudlich zu erkennen sind, und die ortsnamen künftig einmal, am besten in einem besonderen werk, ihre genuue untersuchung gediehen und vorgeschritten, so wird das nhd. wörterbuch erheblicher gewinn daraus zu ziehen haben.

An dem was wir heute vornamen der leute nennen, ist die

[illegible]

Die spätere zungen- oder gletschensnamen endlich, insofern sie aus gangbaren wörtern, substantiven oder adjectiven gebildet werden, sind wenig lehrreich; sehr viele bestehen aber aus orsnamen, vor welchen der sprachgebrauch den persönlichen bezug wegließ, z. b. Vogelweide, Keisersberg, Werder, Dieffenbach bezeichneten den von der Vogelweide, vom Keisersberg, von dem Werder, vom Dieffenbach, das letzte beispiel lässt erkennen, daß schwer für eine wärde, solche aus allen mundarten zusammen zu fassen und in ein nhd. wörterbuch einzutragen, wilsten nur Tiefenbach würde, ein alniederdeutsches Debenpeke fremd. Dieffenbach aber stimmt zu OTFRIEDS sprache, der dialf oder diolf schrieb, im passional steet tief, es tritt also reiche mannigfaltigkeit der formen ein, auf die sorgfältig acht zu geben ist.

[illegible]

In unsern gelehrten ständen, als solchen wohnt heute keine eigenthümliche übung und ausbildung deutscher sprache mehr. die geistliche breedsamkeit steht ganz unter dem gesetz des allgemeinen fortschritts der sprache überhaupt und hat sich selbst in sprüchen und gesängen ihrer alten kraft meistens entäußert; doch dauert unter geistlichen der protestantischen wie katholischen kirche eine löbliche neigung auf die volkssprache zu achten und sie zu sammeln. bei den rechtsgelehrten sind fast alle spuren einer noch bis ins 16 und 17 jh. lebendigen, zuletzt in den formularen und rhetoriken niedergelegten überlieferung der alten, reichen gerichtssprache geltig; die gegenwärtige rechtssprache erscheint ungesund und saftlos, mit römischer terminologie hart überladen.

[illegible]

mehr von innen und haftet zu sehr in der besonderheit ihrer eignen natur, als dasz sie des hergebrachten sprachgebrauchs eingedenk blieben, von dem sie unbedenklich und oft wider abweichen. auf ihn unter allen scheint KANT die meiste rücksicht zu nehmen, dessen lebendige ausdrucksweise darum, insofern sie dem gebiet der deutschen sprache anheim fällt, das wörterbuch aufzufassen nicht unterlassen hat.

9. *Auslösende wörter.* Die sprache überhaupt in eine erhabne, edle, trauliche, niedrige und pöbelhafte zu unterscheiden taugt nicht; und ADELUNG hat damit vielen wörtern falsche gewichte angehängt. wie oft verleugnet er den beruf eines sprachforschers mit der widerholten äusserung: 'diese wörter sind so niedrig, dass sie kaum angeführt zu werden verdienen' und wie wenig er alle diese arten untereinander. seine definition von lieben lautet z. b. 'ein nur noch in den niedrigen sprecharten übliches wort eine geliebte person zu bezeichnen, welche man ausser der ehe liebt'. der mann soll also aufhören seine frau lieben zu heissen. klang ihm denn nicht HAGEDORNS

mein liebchen gieng mit mir ins feld in den ohren nach? das steht
in einem bauernlied, und GÖTHES
ich wollt ich wär treu,
mein liebchen stets neu

hatte sie kaum erreicht. doch mädchen, das er unter magd
verweist, gilt ihm für den traulichen ausdruck, mädlein für
den edlen. wer weisz, welches trauliche wort ihm nicht
gemein, welches gemeine ihm nicht niedrig erschienen
wäre, und nehmen nicht auch edle wörter wie mensch und
mannsbild heute niedrigen sinn an?

Macht hat die unmittelbare anwendung der ständeschlüsselweise, wie sie im ältesten recht der germanen vorkommt, in der römischen rechtstheorie gelehrt: der freie mann steht in der mitte, aus welcher auf der einen seite der eide erhebt, auf der anderen seite herab sinkt; nicht anders steigt aus der mitte der römischen rechtstheorie der römische ritter darstellend hervor sprachlich einerseits die eide, andererseits die unfreie; das eide nennen wir das hängen, erheben, seite, die unfreie auch das niedrige (ho langui), platt, das unfreie auch das tiefe (ho profundum), in sich in die anlage zu beiden, dem freien wie dem gebornen: aus der eiden sprach ist der grobe, aus der groben der eide der feine, aus dem feinen der grobe, aus dem groben und schmutzigen (sordium, turpe), das feine gezeit und zimperlich (ornatum, modeste), als wenn auch schlüpfrig (fubicum) erscheinen, wir sahen, wie in der römischen rechtstheorie der römische ritter die schlechte angewandt werden, des ausdrucks polbehaft (plebeum) im sinne von hübsch sollte sich nicht enthalten, sondern die römische ritter als volkssprache als merkmal des freien erkehen worden ist.

Die natur hat dem menschen geboten das geschäft der zeugung so wie der entleerung vor andern zu bergen und die es verrichtenden theile zu hüllen; was diese innere zucht und scheu verletzt, heizt unzüchtig (obscœnum, wahrscheinlich von coenum, also inquinatum, spurcum). was man aber vor den augen der menge meidet, wird man auch ihrem ohr ersparen und nicht aussprechen.

Das verbot ist jedoch kein absolutes, vielmehr da jene verrichtungen selbst natürlich, ja unerläßlich sind (*naturalia non sunt turpia*), müssen sie nicht nur insgeheim genannt, sondern dürfen unter umständen auch öffentlich ausgesprochen werden.

Und hier tritt jene unterschied zwischen gezierter und derber Sprache ein, die derbe ist geeignet sich das nennen unzünftige dinge häufig zu gestalten und kein blatt vor der sonne zu zeigen. Die gezierter sprache ist dinsten nach dinsten nahen oder fernem bezug hat, auszuweisen oder zu decken hervorzuheben, dabei kommen nun alle stufen und richtungen der sitte und des fortschritts der völker in anschlag, die freie natur der griechischen sprache und die gezierter sprache der römischen. Die gezierter sprache ist gezierter, der römischen war eine engere sprache gesetz, leserwirth ist ein brief CICEROS (famil. 9, 22) steht die urheilige, man könnte sagen künstlich derbeit der deutschen literatur des griechen schätzten jährlings als der gezierter sprache. Die gezierter sprache ist gezierter, der römischen war eine engere sprache gesetz, leserwirth ist ein brief CICEROS (famil. 9, 22) steht die urheilige, man könnte sagen künstlich derbeit der deutschen literatur des griechen schätzten jährlings als der gezierter sprache.

Soll das wörterbuch die unzünftigen wörter in sich aufnehmen oder sie weglassen? jene handbücher, die nur fetzen von der sprache geben, können oder müssen sich ohne zaudern für den ausstosz entscheiden, der ihnen selbst den schein eines verdienstes bereiten mag, man würde sie verantwortlich machen dafür, dass sie durch aufnahme dessen, was gleich so vielem andern wegbleiben durfte, es absichtlich ausgezeichnet hätten.

Das wörterbuch, will es seines namens werth sein, ist nicht da um wörter zu verschweigen, sondern um sie vorzubringen. es unterdrückt kein ungefälliges wörtchen, keine einzige wirklich in der sprache lebende form, geschwehe reihen von benennungen, die seit uralter zeit bestanden haben, fortbestehen und dem was in der natur vorhanden ist nothwendig beigelegt werden. so wenig man andere natürliche dinge, die uns oft beschwerlich fallen, auszutüpfen vermöchte, darf man solche ausdrücke wegschaffen.

[illegible]

Um so unerlässlicher ist es im deutschen Wörterbuch auch aller dieser Wörter sich zu versichern, da sie aus den Quellen unserer alten Sprache geschöpft und von Männern gebraucht sind, die noch mit festern Nerven begabt als die jetzt redenden vor einem kecken, derben Wort nicht zurückbeugen, wenn es galt dem was sie sagen wollten Stärke zu verleihen. es ist wahr, ihre ganze Zeit huldigte einer zuweilenlosen, rohen *unzivilisierten* Sprache, die unserm Gefühl

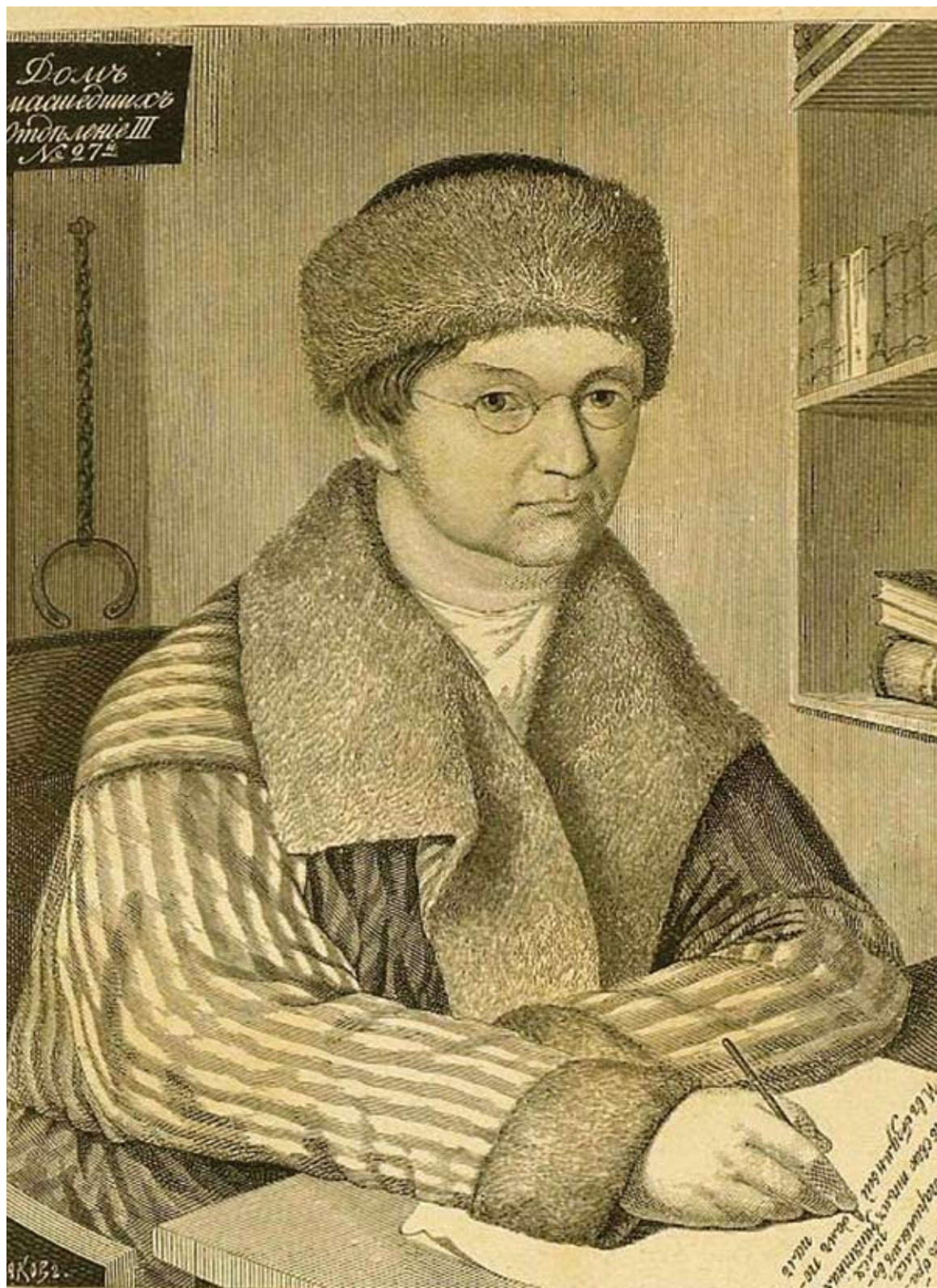
ALEXEI PETROVICH YERMOLOV (1777-1861)

GENERAL OF THE INFANTRY (1818)

GENERAL OF THE ARTILLERY (1837)

THE COMMANDER-IN-CHIEF DURING THE WAR IN THE CAUCASUS

(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ALEXANDER FEDOROVICH VOYEIKOV (1778-1839)
RUSSIAN POET AND TRANSLATOR
DOCTOR OF PHILOSOPHY HONORIS CAUSA
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1819)

(ARTWORK COURTESY OF Русские деятели в портретах, гравированных академиком Лаврентием Серяковым: [с краткими биографическими заметками и перечнем статей о русских деятелях, помещенных в журнале "Русская старина"]. [1-е собрание]. -

Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1882)

ALEXANDER ALEXANDROVICH PISAREV (1780-1848)
LIEUTENANT GENERAL DURING THE NAPOLEONIC WARS
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1809)
MEMBER OF THE FREE SOCIETY OF LOVERS OF LITERATURE, SCIENCE AND THE ARTS (1804)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ALEXANDER KHISTOFOROVICH VOSTOKOV (1781-1864)

MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1820)

ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)

ONE OF THE CO-AUTHORS OF THE DICTIONARY OF 1847

(ARTWORK COURTESY OF Морозов, Алексей Викулович. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Том 1. А.-Г. - 1912.)

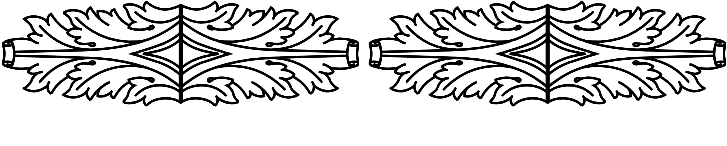

METROPOLITAN BISHOP FILARET (1782-1867)
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY (1818)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

OREST ADAMOVICH KIPRINSKY (1782-1836)
ACADEMICIAN OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS
RUSSIAN PAINTER AND MASTER OF PORTRAITS
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

режет, он не doit pas nous plaindre de trop grands efforts pour la rendre”.

C'est la règle que l'Académie a depuis lors généralement suivie, même lorsque, au cours des XVII et XIX siècles, elle a précisément lutté, elle a même changé, de deux reprises l'orthographe de plusieurs milliers de mots.

Cette fois, nous n'avons inscrit à titre définitif que les modifications qui visaient principalement à harmoniser l'accentuation de certains mots, l'adjectif, allègement, etc., avec leur prononciation habituelle.

Précédant aux rectifications de cet ordre, nous avons indiqué, chaque fois que l'usage nous paraissait hésitant, l'existence ou la possibilité de deux graphies (évidemment, événement).

En ce qui regarde les recommandations du Conseil supérieur de la langue française, publiées en décembre 1900 par le Journal officiel, l'Académie l'a donné son aval, mais en demandant qu'elles soient soumises à l'épreuve du temps.

C'est pourquoi ces recommandations ont été reprises en fin de volume : le lecteur pourra s'y reporter aisément, grâce à un signe typographique “o” qui, dans le corps de l'ouvrage, les mots qui en sont l'objet. On constatera d'ailleurs qu'elles ne touchent qu'un nombre assez réduit de vocables.

Il nous sera permis d'espérer que la publication de ce premier tiers du notre vocabulaire, et l'ensemble des dispositions que nous avons prises, aideront à ramener sur l'orthographe une attention souvent trop défilante, à tous les degrés des études. Les mots que nous ont visés, qu'il convient de respecter. Et nul ne saurait contester une juste orthographe, notamment dans les accords grammaticaux, éclaire le sens des phrases et participe à la précision de la pensée.

Indignons un dernier point. Préoccupation nouvelle, mais normalement permanente, la francophonie, au long de nos travaux, et surtout présente à notre esprit. Quand nous examinons, acceptons, définissons, redéfinissons les mots, nous pensons à tous les peuples à travers la Terre qui parlent la langue française en partage : nous pensons à tous les pays qui en font usage pour tout ou partie de leurs communications et de leurs échanges ; nous pensons à ceux qui emploient pour leur langue les mots que nous donnons aux hommes et aux femmes, par millions sans cesse croissants, qui lui confient l'expression de leurs cultures, donc un peu de leur vie.

Le Conseil supérieur de l'Académie constitue une des pierres d'assise de cette vaste communauté fondée sur un même langage, et qui se sert des mêmes mots pour nommer ses espérances.

Maurice Druon [1918–2009]

Secrétaire perpétuel.

Dans cette édition, le signe “i” indique les entrées nouvelles ; le signe “o”, renvoie aux recommandations de 1900.

The only slightly exaggerated differential source to the GAD is somehow *Emile Littré's le Dictionnaire de la langue française* and particularly *Le Dictionnaire Académique*.
Emile Littré, un docteur en médecine et son *Dictionnaire de la langue française*. “À la différence d'ouvrages purement étiologiques, ce dictionnaire est très littéraire, truffé de citations, de citations et de toutes espèces, et agrémenté de conseils d'utilisation ou de réprimandes aux auteurs trop irrévérencés envers la langue française. Quelques statistiques : 78 423 entrées, 293 000 citations, réparties en 36 431 articles répartis en 1 977 de Volume, 2 096 de Volume, 11 484 de Corneille, 10 745 de Racine, 9 667 de Madame de Sévigné, 8 459 de Molière, 8 208 de Montaigne, 6 935 de La Fontaine, 6 262 de Amiel, 4 780 de Boileau et 3 910 autres citations. Cet ouvrage a été édité à partir de 1863, puis dans sa deuxième édition, Paris, France, 1872-1877.”

Le *Dictionnaire de la langue française* est publié par Harcourt entre 1863 et 1872 pour la première édition ; et entre 1873 et 1877 pour la seconde édition.
Le *Dictionnaire de la langue française* est un dictionnaire étymologique de tous les mots d'origine orientale (arabe, hébreu, persan, turc, malais), par Marcel Devic. Il reflète un état de la langue française classique et du bon usage à l'époque du XVIII et XIX siècles.

Les articles présentent une étymologie de chaque mot (telle qu'elle était connue ou suppose à l'époque), les différences sémantiques entre plusieurs synonymes, de nombreuses remarques grammaticales sur le bon usage de la langue française, et des citations littéraires, qui sont la principale raison de la réputation de l'ouvrage.

Une version abrégée, connue en France sous le nom de *Le Petit Littré* ou *Le Nouveau Littré*, a été publiée en 1874 par le principal collaborateur de Littré, Amédée Beaujean.

Une version mise à jour et augmentée de la version abrégée de 1874 est publiée à partir de 2001 par la Société de Lexicologie de la Littérature et du Nouveau Littré. Toutefois, les versions contemporaines du Littré, en particulier les collections en plusieurs volumes (datant des années 1960 et au delà), sont tout à fait différentes de l'édition originale, en se distinguant sur les points suivants : suppression sémantique de beaucoup d'articles, ce qui se traduit par la disparition de remarques grammaticales, des différences entre les divers synonymes, et surtout suppression pure et simple de l'étymologie des mots. D'autre part, la disposition typographique et l'organisation des articles dont le principal souci était la clarté des divers sens d'un mot (marquée par des paragraphes bien séparés dans l'édition originale) n'est plus maintenue dans la version abrégée.
Le *Dictionnaire de la langue française* est une œuvre majeure de la lexicologie française. En 2006, le Nouveau Littré a intégré toutes les rectifications orthographiques de 1900.

3.2.6 Préface du dictionnaire d'Emile Littré

Introduction. Il y a cent soixante-dix ans que l'auteur anonyme de la préface du Dictionnaire de Furetière français était mort après la publication de son livre) disait :

Le public est assez convaincu qu'il y a peu de livres qui rendent de plus grands services ni plus promptement ni à plus de gens que les dictionnaires ; et, si jamais on s'y appercevoit de cette favorable disposition du public par les fréquentes réimpression ou par le long usage de la sorte simplifiée, on est surtout en ces dernières années, car à peine pourroit-on compter tous les dictionnaires ou réimprimés ou composés depuis quinze ou vingt ans. Rien donc ne pourroit être plus superflu que d'entreprendre ici la préface d'un ouvrage si souvent dénué par d'autres de l'utilité de cette sorte de compilations.

Bien n'a changé depuis lors ; les dictionnaires ont continué à se faire et à se relater, et le public a continué de les accueillir et d'en user. Ajouter à ce genre de compositions une composition de plus pour quelque amélioration que l'on imagine et que l'on exécuté, est donc chose ordinaire. Pourtant, comme un dictionnaire de la langue française,

même lorsqu'il porte le moins le caractère d'une élaboration originale et le plus celui d'une compilation, est toujours une œuvre et bien longue et bien lourde, je ne me serais pas décidé à me détourner de mes études habituelles et à consacrer vingt années à une pareille tâche, si je n'y avais été entraîné par le fait que je conçus. C'est donc ce plan qu'il importe d'exposer aux lecteurs ; car il renferme toute la chose, si je puis ainsi parler, de ce dictionnaire. Un plan, d'abord il apparaît à l'esprit, et se détermine, il est tout lumineux, ordé et nouveau ; puis, lorsque l'heure d'exécution et de travail, lorsqu'il faut ranger dans le cadre et dans les lignes régulières qu'il présente, la masse brute et informe des matériaux amassés, on commence l'épreuve décisive. Rien de plus laborieux que le passage d'une conception abstraite à une œuvre effective. Mais, quoi qu'il advienne de celle-ci, un plan qui a changé le point de vue habituel et haussé le niveau à un seul mot dans ce travail qui a la son originalité principale.

Avant tout, et pour ramener à une idée mère ou qui va être expliquée dans la Préface, je dirai, détruisent ce dictionnaire, qu'il embrasse et combine l'usage présent de la langue et son usage passé, afin de donner à l'usage présent toute la plénitude et la sûreté qu'il comporte.

La conception n'en fut suggérée par mes études sur la vieille langue française ou langue d'oïl, au fu si frappé des liens qui unissent le français moderne au français ancien, l'aperçus tant de cas où les sens et les locations du jour ne s'expliquent que par les sens et les locations d'autrefois, et d'exemples où la forme des mots n'est pas intelligible sans les formes qui ont précédé, qu'il me sembla que la doctrine et même l'usage de la langue restent mal assis s'ils ne reposent sur leur base antique.

Le passage de la langue conduit immédiatement l'esprit vers son avenir. Il n'est pas douteux que des changements surviennent et surviendront progressivement, analogues à ceux qui, depuis l'origine, ont été la cause de la langue d'oïl. L'autre. Le style du dix-septième siècle, celui qui a été consacré par nos classiques, n'a pas pour cela été l'abri des mutations, ni le maî du temps s'y est déjà tellement fait sentir, qu'il n'est pas bien des regards il nous semble appartenir à une langue étrangère, mais avec une particularité qui n'est pas sans charme, une langue étrangère dont nous comprenons les finesses, les élégances, les beautés, et le style du dix-huitième siècle, plus voisin de nous par le temps et par la forme, a innové sur l'âge précédent ; le dix-neuvième siècle innove à son tour, et il n'est personne qui ne soit frappé, qu'il ne place au premier rang de ses préoccupations la langue nouvelle soit dans les mots, soit dans les significations, soit dans les tournures.

On conçoit pourquoi le néologisme nait à fur et à mesure de l'usage d'une langue. Sans parler des altérations et des corruptions qui proviennent de la négligence des hommes et de la méconnaissance des vraies formes ou des vraies significations, il est impossible, on le voit en convenir, qu'une langue parvenue à un point qui n'est que celui d'un état fixe. En effet l'état social change ; des institutions s'en vont, d'autres viennent ; les sciences font des découvertes ; les peuples, se mêlant, mêlent les idiomes ; de là l'inséparable création d'une foule de termes. D'autre part, même au fond même se modifie, arrivant à la désuétude de certains mots par la désuétude de certaines choses, et gagnant de nouveaux mots pour satisfaire à des choses nouvelles, ce néologisme, qui ne fait défaut à aucun perfectionniste d'âge en âge, sollicite, de son côté, l'esprit à des combinaisons qui n'aient pas encore été essayées. Les belles expressions, les locutions élégantes, les locutions heureuses, et agréables, tout cela qui fut trouvé par nous devanciers, s'use promptement, ou du moins ne peut pas être répété sans s'y rapidement et fatiguer celui qui redit et celui qui entend. Les auteurs au desir de ne pas se fatiguer, que le riant esprit de la poésie primitive rencontre et que la Grèce accueillit ; mais, hors de ces chants antiques, ce n'est plus que une banalité. Il faut donc, par une juste nécessité, que les poètes et les prosateurs innovent. Ceint, pour me servir du langage antique, sont aimés des cieux, ténent, dans le monde de la pensée et de l'art, des combinaisons qui ont leur fleur à leur tour, et qui demeurent comme les dignes héritières d'une époque et de sa manière de sentir et de dire.

Le contrepoids de cette tendance est dans l'archaïsme. L'un est aussi nécessaire à une langue que l'autre. D'abord on ne peut imaginer que, dans la suite des siècles, une domination aussi étendue que profonde, dont rien ne peut déloger une langue. On a beau se renfermer aussi étroitement qu'on voudra dans le présent, et se croire certain que la masse des mots et des formes provient du passé, est perpétuée par la tradition et fait partie du domaine de l'histoire. Ce que chaque siècle produit en fait de nouveautés est peu de chose, et la langue a une sorte d'héritière. Le fonds du langage que nous parlons présentement appartient aux âges les plus reculés de notre existence nationale. Quand une langue, et c'est le cas de la langue française, a été écrite plusieurs fois, et que, à son tour, son passé ne peut pas ne pas peser d'un grand poids sur son présent, qui en comparaison est si court. Cette influence réelle et considérable ne doit pas rester purement instinctive, et, par conséquent, capricieuse et fortuite. En examinant de près les changements qui se sont opérés depuis le dix-septième siècle, et pour ainsi dire, sous nos yeux, on remarque qu'il s'en faut qu'il aient été toujours judicieux et heureux. On a condamné des formes, nées de mots, élagué au hasard sans aucun souci de l'archaïsme, dont la connaissance et le respect auraient pourtant égaré des erreurs et prévenu des dommages. L'archaïsme, si l'on l'interprète en une telle façon, est une erreur.

L'usage contemporain est le premier et principal objet d'un dictionnaire. C'est en effet pour apprendre comment aujourd'hui l'on parle et l'on écrit, qu'un dictionnaire est composé par chacun. Il importe de constater cet usage aussi complètement qu'il est possible ; mais cette constatation est œuvre délicate et difficile. Pour peu qu'à ce point de vue on considère les formes et les habitudes présentes, on aperçoit promptement bien des locutions qui ne sont que des usages s'écrivent pas ; bien des locutions qui s'écrivent, mais qui sont ou dépourvues d'autorité ou fautives. C'est là le fond du néologisme moderne ; c'est la langue qui se crée, le mouvement infatigable qui travaille une langue et fait que la fixité n'en a jamais définitive. Mais, au milieu de ce mouvement instinctif et spontané hors des limites contemporaines, il est à propos d'expliquer la chose qui distingue ce qui est bon, et prévoyant ce qui doit surnager et durer.

Ainsi toute langue vivante, et surtout toute langue appartenant à un grand peuple, est le théâtre d'un grand développement de civilisation, présente trois termes : un usage contemporain qui est le propre de chaque période successive ; un archaïsme qui a été lui-même autrefois usage contemporain, et qui continue l'explication d'un usage des choses subséquentes ; et, finalement, un néologisme qui, mal conduit, altère, bien conduit, développe la langue, et qui, lui aussi, sera un jour de l'archaïsme et que l'on consultera comme histoire et phase du langage.

Chez nous, l'usage contemporain, pris dans un sens étendu, enferme le temps qui s'est écoulé depuis l'origine de la période classique jusqu'à nos jours ; c'est-à-dire que, commençant à François de Malherbe (1555-1628), il compte jusqu'à l'usage moderne un vaste intervalle, dans lequel est rempli par une foule d'écrivains de tout genre, dont les uns font autorité et dont les autres, sans jour de la même renommée et du même crédit, méritent pourtant d'être connus. Cela forme un vaste ensemble dans lequel les plus anciens touchent à l'archaïsme et les plus récents au néologisme. Dans le plan que je me suis fait d'un dictionnaire, les uns et les autres ne peuvent manquer d'entrer en ligne de compte et d'occuper une place très importante. Leur présence, à l'aide d'exemples empruntés à leurs ouvrages, concède les emplois, autorise les locations, agrandit les significations, et c'est l'appui le plus sûr de celui qui prétend associer la lexicographie à la critique.

Ainsi, selon la manière de voir qui m'a guidé, un dictionnaire doit être, ou, si l'on veut, ce dictionnaire est un écrivain très étendu des usages de la langue, enregistrement qui, avec le présent, embrasse le passé, partout où le passé jette quelque lumière sur le présent quant aux mots, à leurs significations, à leur emploi, je me suis arrêté à ces limites et n'ai point inscrit les mots à l'usage de la vieille langue tombés en désuétude ; c'est l'objet d'un autre travail, tout différent du mien, et qui l'importe de reconstruire vivement à l'érudition. Mais, même en ce sens, l'érudition, l'enseignement et la science, il ne faudrait avoir tout à la plume à la main, et je n'ai pas tout à l'heure ; il faudrait n'être pas le premier dans ce travail, et je suis le premier qui en ait écrit et rapproché les matériaux, et je suis sûr que tout le monde de la langue s'en fera une base systématique et générale à l'étude de la langue.

Deux ouvrages seulement sont entrés simultanément dans la voie où je suis entré : le Dictionnaire de M. Doche, et l'ouvrage de M. Littré, le Dictionnaire de Doche, qui, privé par un mot prématuré de la satisfaction souvent refusée à un long labeur, n'a pas vu la publication de son livre, a, comme moi, recueilli un choix d'exemples classiques et modernes, et a, comme moi, classé ; mais c'est le seul point où nous concourons. L'usage que nous faisons de ces deux catégories d'exemples est tout à fait différent, il est tout à fait opposé. Dans la suite les uns des autres, et je les distribue suivant les significations ; quant aux exemples antérieurs, il n'en use ni pour l'étymologie, ni pour la grammaire, ni pour la syntaxe, ni pour des sens particuliers, mais pour la doctrine du dictionnaire historique préparé par l'Académie française, que le plan qu'elle suit et le mien ne se ressemblent aucunement. D'ailleurs l'illustrer compagnie n'a encore écrit que la facule comprise seulement dans les mots de la lettre A. Ces tentatives montrent qu'un dictionnaire qui fonde l'usage présent sur l'histoire de la langue inférieure de plus en plus le public, mais qui un travail ardu, et qui n'est pas à l'usage de la langue.

Un travail aussi conçu se fait en ce moment même en Allemagne. Deux célèbres érudits, les frères Grimm, associant en cela comme presque toujours leurs travaux, ont entrepris de donner à leur pays un dictionnaire historique de sa langue. Cette grande publication, commencée depuis quelques années, se poursuit avec succès, nonobstant le malheur qui vient de la priver et de lui enlever un des auteurs. Elle est en ce moment de la plus haute importance, que le plan qu'elle suit et le mien ne se ressemblent aucunement.

Mon dictionnaire à moi a pour éléments fondamentaux deux catégories d'exemples, ceux de l'usage contemporain et ceux de l'usage ancien. L'usage contemporain est le plus important, car c'est lui qui, par son usage, donne à la langue son caractère et sa classification rigoureuse des significations d'après le passage de l'acceptation primitive aux acceptions détournées et détournées. Si l'on considère l'usage ancien, c'est à dire les mots de la lettre A. Ces tentatives montrent qu'un dictionnaire qui fonde l'usage présent sur l'histoire de la langue inférieure de plus en plus le public, mais qui un travail ardu, et qui n'est pas à l'usage de la langue.

Certaines personnes sont peut-être disposées à penser qu'un dictionnaire où intervient l'histoire est principalement d'usage pour les érudits, et que l'usage contemporain est, en soi, l'usage, mais l'instrument ; et que, qu'elle apporte d'histoire est employé à compléter l'idée de l'usage, idée ordinairement trop restreinte. L'usage n'est vraiment pas dans le passé, mais dans le présent, et c'est à l'usage d'aujourd'hui qu'il faut se tenir. L'usage n'est vraiment pas dans le passé, mais dans le présent, et c'est à l'usage d'aujourd'hui qu'il faut se tenir. L'usage n'est vraiment pas dans le passé, mais dans le présent, et c'est à l'usage d'aujourd'hui qu'il faut se tenir. L'usage n'est vraiment pas dans le passé, mais dans le présent, et c'est à l'usage d'aujourd'hui qu'il faut se tenir.

L'usage à la langue des règles très de la raison générale et abstraite telle que chaque époque conçoit cette raison, conduit facilement à l'arbitraire. Un dictionnaire historique coupe court à cette disposition abusive. Comme il consigne les faits, il remplit, quant à la langue, le rôle que remplissent les observations positives et les expériences quant aux sciences naturelles. Ces faits ainsi donnés, l'analyse, j'allais dire la science grammaticale, s'y subordonne, et, en s'y subordonnant, trouve les vraies lumières. Il faut en effet transporter le langage des sciences naturelles dans la science des mots, et dire que les matériaux qu'elle emploie sont les équivalents des faits expérimentaux, équivalents sans lesquels on ne peut procéder ni sûrement ni régulièrement. Puis intervient le rôle de la critique lexicographique et grammaticale ; l'effort de tirer de ces faits toutes les conséquences qui y sont implicitement renfermées. De la sorte la raison générale se combine avec les faits particuliers, ce qui est le tout de la méthode scientifique.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d'autre part qu'il mette sans retard la main sur ce qu'il cherche.

Un dictionnaire ainsi fondé peut être défini un recueil d'observations positives, et l'expérience disposé pour éclairer l'usage et la grammaire.

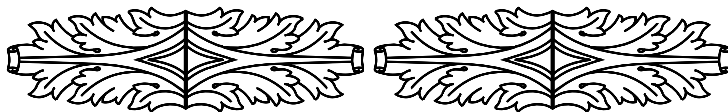
Telle est l'idée et le but de ce dictionnaire. Voici maintenant comment l'arrangement des différentes parties a été conçu. Cet arrangement n'a point de caractère arbitraire, il est le résultat d'une réflexion sérieuse. L'usage d'aujourd'hui est une part de une part que le lecteur trouve la clarté par l'ordre, et d

ALEXANDER GRIGOREVICH VARNEK (1782-1843)
PROFESSOR AT THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

MIKHAIL SEMENOVICH VORONTSOV (1782-1856)
GENERALFELDMARSCHALL
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES
PRINCESS CATHERINE DASHKOVA'S COUSIN
CATHERINE THE GREAT'S GOD SON
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

**THE BUILDING OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES
ON VASILYEVSKY ISLAND
BASED ON THE ARCHITECTURAL PLANS OF VASILII P. STASOV**

С 1724 по 1747 годы академия не имела устава. Действовал составленный Блюментростом по указанию Петра I и рассмотренный 22 января 1724 года Сенатом проект положения об учреждении Академии наук и художеств («академии наук и курьезных художеств»). В 1747 году академия получила устав, с тех пор её официальное название фиксировались в нём.

Список официальных названий академии: 1724 — Академия наук и художеств; 1747 — Санкт-Петербургская Императорская Академия Наук и художеств; 1803 — Императорская Академия Наук; 1836 — Императорская Санкт-Петербургская Академия Наук.

Есть примеры «неуставного» именовании академии Императорской Академией Наук в 1760 и 1774 годах (вместо «Санкт-Петербургская Императорская Академия Наук и художеств»), а также в 1890—1901 и 1905 годах (вместо «Императорская Санкт-Петербургская Академия Наук»). Профильная статья в ЭСБЕ (1890—1907) также озаглавлена «Академия наук Императорская (в Санкт-Петербурге)».

С февраля (или мая) 1917 года Императорскую Академию Наук по решению Общего собрания учёных было предложено называть Российской Академией Наук. Распоряжением Временного правительства от 11 июля 1917 года (журнал заседания Временного правительства за № 39) постановлено бывшую Императорскую Академию Наук впредь именовать Российской Академией Наук. Впоследствии она стала Академией наук СССР и Российской академией наук.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF ALEX FLORSTEIN)

VASILII ANDREEVICH ZHUKOVSKY (1783-1852)
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY (1818)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

261

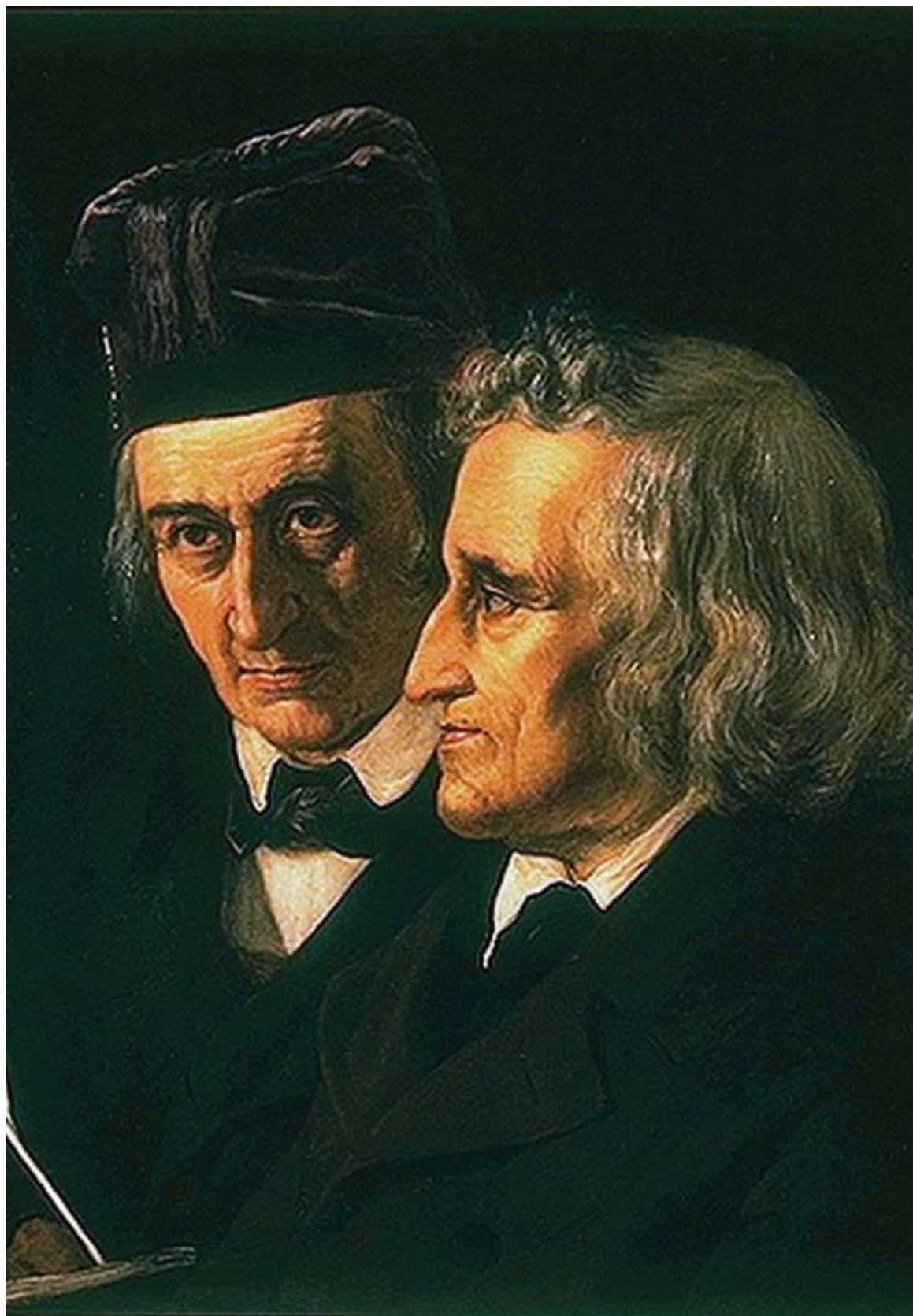

NIKOLAI IVANOVICH GNEDICH (1784-1833)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1811)

**BISHIP INNOCENT
ILARION DMITREVICH SMIRNOV (1784-1819)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1818)**

(ARTWORK COURTESY OF Пензенская энциклопедия М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001, с. 213.)

JACOB GRIMM (1785-1863)

WILHELM GRIMM (1786-1859)

THE FOUNDERS OF GERMAN PHILOLOGY AND GERMANISTICS

AUTHORS OF *Das Deutsche Wörterbuch Der Grimm* (1838-1960)

(ARTWORK COURTESY OF STAATLICHE MUSEEN ZU BERLIN, BERLIN)

DMITRII NIKOLAEVICH BLUDOV (1785-1864)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1831)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1855-1864)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

SERGEY SEMENOVICH UVAROV (1786-1855)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1831)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1818-1855)
SIXTH MINISTER OF NATIONAL EDUCATION (1833-1849)
(ARTWORK COURTESY OF THE MUSEUM OF THE LOCAL LORE, MURMANSK)

CONSTANTIN NIKOLAEVICH BATYUSHKOV (1787-1855)
RUSSIAN POET, ESSAYIST AND TRANSLATOR
RUSSIAN DIPLOMATIC SECRETARY TO NAPLES
(ARTWORK COURTESY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY, MOSCOW)

ANTONY POGORELSKY
ALEXEY ALEXEEVICH PEROVSKY (1787-1836)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1829)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

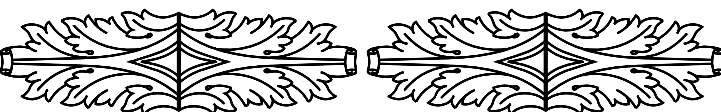
ARTHUR SCHOPENHAUER (1788-1860)
PROFESSOR AT BERLIN UNIVERSITY
MEMBER OF NORWEGIAN ROYAL ACADEMY

(ARTWORK COURTESY OF SCHOPENHAUER ARCHIV DER STADT UND UNIVERSITÄTSBIBLIOTHEK, FRANKFURT AM MAIN)

ДЖОРДЖ НОЕЛ ГОРДОН БАЙРОН (1788-1824)
АРМЕНОФИЛ В МХИТАРСКОМ ЕДИНСТВЕ ВЕНЕЦИИ
ЧЛЕН ПАЛАТЫ ЛОРДОВ (1809)
(ARTWORK COURTESY OF THE BRITISH ROYAL MUSEUM)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В 50-е годы XIX в. обсуждение вопроса о новом словаре принимало особенно оживленный характер. Г.П. Плавский, В.И. Даль, И.И. Дамыдов, И.И. Греч, Ф.И. Буслаев, Я.К. Грот и другие видные ученые высказывали мысли о создании академического толкового словаря нормативного типа, отражающего лексический состав языка на новом этапе его развития. Сразу же появились в свет словарь 1847 г. яза. И.И. Дамыдова, утверждавший, что «словарь русского языка не должно принимать ни старославянского, ни польского, ни чешского»¹. Эту точку зрения поддерживали И.И. Срезневский и Я.К. Грот. Однако предшествовавших словарей от живого процесса литературного развития, от процессов, происходивших в живом словоупотреблении, вступая в противоречие с практикой художественной литературы XIX в., в произведениях которых отчетливо прослеживалось стремление к обогащению литературного языка с народным. Многие писатели и деятели культуры того времени возмущались идеями создания словаря, в котором были бы представлены все богатства литературного и живого народного языка. К таким писателям относился В.И. Даль. Вой своей литературной деятельности Даль стремился обогатить русскую литературную речь словами и выражениями, взятыми из «исчерпаемого родника или родника живого языка русского». Сохранивший ни знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» (с 1863-1866, т. IV) открыл путь к этому роднику. Словарь полемически противопоставлялся всей академической лексикографии.

Однако «Толковый словарь» Даль не мог заменить нормативный словарь русского литературного языка. Он был, по выражению В.И. Ленина, «блудническим словарем»². В академических кругах его рассматривали «лишь как сборник первичных материалов для исследования народной речи»³. Отделение продолжало работу над словарем русского литературного языка, задуманного еще в 50-е годы (1891-1895) под редакцией Я.К. Грота⁴. Грот сумел сделать словарь общим делом всей Академии наук, привлекая к работе над ним виднейших ученых-славистов и лингвистов.

Академия наук по существу впервые в истории русской лексикографии предприняла удачную попытку создать толковый словарь современного литературного языка на основе лексического материала, накопленного в русской классической литературе. Подчеркивая отличие нового словаря от предшествовавших, Я.К. Грот писал, что словарь будет словарем «собственно русского языка», он «имеет целью не столько пополнение, сколько употребление в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времени Ломоносова»⁵. Основным критерием отбора слов в словарь являлся употребительность в произведениях художественной литературы от Ломоносова до последней трети XIX в.

Словарь русского языка под ред. Я.К. Грота отличался не только полнотой отбора слов, но и внутренней полнотой — точностью семантического анализа слов, ясностью и достаточностью толкования значений, четким их разграничением, убедительным распределением в составе словарной статьи, четкой грамматической характеристикой слов. Достаточно широкий набор статистических помет характеризовал «научный характер» словаря. Система грамматических признаков в словаре под ред. Я.К. Грота перешла в последующие толковые словари русского языка. Все это делало словарь под ред. Я.К. Грота наиболее пригодным для культурной жизни России, одним из самых ценных начинаний второй половины XIX в. в области изучения русской литературы и языка.

Нельзя не упомянуть о заслуге Я.К. Грота в создании короткого словаря сектора Института русского языка АН СССР. Именно Грот с небольшим штатом помощников положил начало внешней работе, на основе которой созданы 17-томный, 4-томный и другие словари русского языка.

Преемником Грота на посту главного редактора словаря стал А.А. Шахматов, который, по его словам, «делал попытки этой работы раньше, чем я»⁶. Шахматов коренным образом меняет все направление словаря. Прежде всего отбрасывается точка зрения на «прелести содержания словаря»: в словарь должны открываться доступы «книжному, церковнославянскому, убогоцерковным терминам, окказиональным словам, архаизмам. Ими словарь литературного языка нормативного типа является не столько пополнение, сколько разграничение понятий «литературное» — «блудническое», «современное» — «старинное», «общепринятое» — «специальное»⁷. Изменились способы толкования слов и выделения значений, а также приемы грамматической характеристики. Словарь отказывается от статистических и других оценок. Появился помет. Нормативные указания и рекомендации вытесняются указанием источников, в которых употреблено слово. Нормативность в словаре отвергается А.А. Шахматовым принципиально.

Эта точка зрения была характерной для языковедов конца XIX века. Во взглядах Шахматова на задачи словаря и принципы его составления сказалось также осуждение направления научной деятельности ученого историко-диалектологического.

После Октябрьской революции работа над словарем диалектологической редакции была возобновлена в 1922 г. специально созданной при АН Комиссией по составлению Словаря под председательством акад. В.М. Истриня; в Комиссию входили С.П. Обнорский, В.И. Чернышев, А.В. Шерба, Е.С. Истриня, П.И. Миттаков, И.И. Филан. Был создан специальный научный отдел, сотрудники. Таким образом, лексикографическая работа в Академии наук получила объединяющий

коллективный центр. Работа главного редактора теперь коллективно обсуждалась на заседаниях Комиссии, что способствовало полному общению теоретической мысли в области лексикографии. Однако интересный и многогранный по замыслу «Словарь русского языка» — шахматовской редакции оказался несуществующим. Издание отдельных выпусков словаря затянулось, продолжалось до начала 30-х годов и осталось незаконченным. Вообще следует заметить, что практические достижения Словарной комиссии были незначительными. Более важной представляется теоретическая разработка вопросов, связанных с дальнейшей работой над живой серией словарей русского языка.

Подчерывая, что словарная работа должна основываться на достижениях диалектологии, В.М. Истрин вместе с тем замечал, что при этом необходимо учитывать и конкретно-исторические условия, в которых создаются каждый словарь. Выдавая язык вест разработку материалов русского языка в двух направлениях: а) изучение народных говоров; б) изучение литературного языка в его истории и современном состоянии. Намечается продолжение издания словаря шахматовской редакции, выпуск «архаично-временной» добавлений к словарю, составление (два раза в столетие) словаря литературного языка строго синхронного характера, подготовка академического, грамматического словаря, составление словарей языка писателя⁸. Эти планы были рассчитаны на значительный срок. Они соотносят в определенной мере актуальность и в наше время.

В истории русской академической лексикографии советский период составляет особую главу. Русская лексикография советского времени началась значительный отрыв в составлении толковых словарей. Четвертый «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» (в семнадцати томах), четвертый «Словарь русского языка» и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова — важные вехи в изучении словарного состава русского языка, в развитии культурного языка.

В истории русской лексикографии стоит В.И. Ленин, придавший огромное значение культурно-строительной молодежи Советской республики. В известных записках А.В. Аничковского, М.И. Покровского и Е.А. Литвинова Ленин так высказывает мысль о необходимости создания словаря русского языка, что и в наш обиход определяет его характер и задачи: словарь для «пополнения (в учения)» всего «словаря настоящего русского языка: словаря «современных терминов и классикой» от Пушкина до Горького»⁹. Создание такого словаря было научно необходимо в связи с заметными изменениями в составе литературного языка и появлением новых чужбизмов, который стремился охватить всеми достижениями культуры. Академический словарь шахматовской редакции был не годен для этой цели.

В значительной мере эта лексическая идея была воплощена в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940). Составлен словарь «старился, поскольку это было в их силе, признать истинный характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В.И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка»¹⁰. Словарь, который «... это — первый опыт нормативного словаря русского языка советского времени. В нем представляется лексика художественной литературы от Пушкина до Горького, баллада, научная терминология, общепринятая политическая и производственная терминология, ставшая общепринятой. Относительно широко отражены изменения в словарном составе русского языка после Великой Октябрьской революции. В словарь впервые в русской лексикографии широко и последовательно применяется система статистических помет, указывающих на сферу употребления слова, на его статистическую природу, на историческую перспективу. Словарь сыграл огромную роль в упорядочении русской орфографии. Словарь под ред. Д.Н. Ушакова оказал большое влияние на всю советскую лингвистическую науку, на историческую и подлинный предшественник — диктаторской лексикографической работы в Академии наук, будучи созданным еще в начале 30-х годов, он стал одним из основных камней в фундаменте нового академического традиция.

Однако словарь под ред. Д.Н. Ушакова, готовившийся в конце 20-х — начале 30-х годов и опиравшийся на сравнительно ограниченные карточечные материалы, был далеко не полным и во многих своих рекомендациях и оценках быстро устарел. Интерпретация лингвистических данных, отражала норму словоупотребления предшествующего времени. С другой стороны, в нем не нашли отражения те сдвиги и изменения нормы, которые происходят на 30-50-е годы, когда борьба за культуру языка, за чистоту русской речи приобрела особенно большое значение. Это поставило перед русским языковедом насущную задачу подготовки новых словарей, ориентированных на характеристику современного состояния словарного состава русского языка.

В конце 30-х годов возникает идея создания многотомного «Словаря современного русского литературного языка» в начале 30-х годов задумывается и начинает составляться четвертый «Словарь русского языка» — словарь среднего типа. Семнадцати томный «Словарь современного русского литературного языка» (Большой академический словарь) был издан в 1950-1965 гг., а в 1957-1961 гг. выходит в свет четвертый «Словарь русского языка» (Малый академический словарь). Создание этих словарей заняло целый ряд лет в истории русской академической лексикографии.

О достоинствах и недостатках Большого и Малого академических словарей уже немало говорилось и писалось. Им посвящен целый ряд статей, диссертационных работ, они были предметом обсуждения на специально созванных конференциях и симпозиумах¹¹.

Семнадцати томный (Большой академический) словарь занимает особое место среди толковых словарей русского языка. Это самый полный словарь русского литературного языка (в нем около 120 480 слов). Он создавался на основе фактического материала, извлеченного из наиболее полных литературно-художественных, публицистических, научно-популярных и научных произведений XIX-XV вв. По замыслу составителей словарь охватывал «все лексическое богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней» (с. III). Все это богатство лексико-фразеологического материала получило всестороннюю и глубокую семантическую, грамматическую и стилистическую характеристику в соответствии с уровнем диалектистической теории времени создания словаря. Особую ценность имеет полное сочетание слов и богатый иллюстративный материал, сопровождающий каждое значение, каждый оттонок значения и употребление слова. Это делает словарь незаменимым пособием не только для различного рода справок, но и для исследования лексикографии и стилистики. Словарь широко используется в русском литературном языке XIX-XX вв.

Завершение работы над Большим академическим словарем русского языка явилось огромным событием для всей русской советской культуры и было воспринято обществом как важное событие национального масштаба. Словарь подводит итог исканиям и попыткам пробовать «высказать (совершенный) родного языка» (В.В. Виноградов) и открывает перспективу будущих исканий в этой области. Значение словаря состоит и в том, что он своим содержанием и организацией работы над ним оказывает огромное влияние на лингвистическую лексикографическую работу страны Советов.

Труд большого коллектива словариков по созданию семнадцати томного словаря отмечен Ленинской премией в 1970 г. Лауреатами Ленинской премии стали С.П. Обнорский, В.И. Чернышев, Е.С. Истрин, Ф.И. Филан, С.Т. Баруладзе, А.М. Байкин.

Великий академический словарь по своему типу и назначению близок к «Толковому словарю» под ред. Д.Н. Ушакова. Он, отражая изменения в лексике русского литературного языка с 30-х годов нашего века, строит, чем Большой словарь, придерживается нормативных установок в отборе лексики и в характеристике ее семантической и стилистической сторон. Большой и Малый академические словари русского языка явились базой для составления целой серии специальных словарей. Начиная с 50-х годов в АН ведется лексикографическая работа в двух направлениях: с одной стороны, создается словарь, отражающий быстрое развитие культуры речи по современному литературному словоупотреблению для широких кругов читателей, а с другой — составляются лексикографические труды специального назначения, которые должны стать источниками для изучения истории языка и диалектологии, для этимологических и т.п. исследований.

Вопрос ономасионного языковедения является и теоретически обосновывается идея создания систем словарей русского языка, словарей разного типа и назначения. Эта идея постепенно превращается в жизнь. В частности, под руководством академика АН СССР был подготовлен и издан два словаря-справочника — «Русское литературное уложение и произношение» (1959) и «Орфографический словарь русского языка» (1956). К несомненным достижениям советской лексикографии принадлежит четвертый «Словарь языка Пушкина» — первый в нашей стране полный словарь языка писателя. Идея создания словаря русского языка по словарю Пушкина — основа современного литературного языка — возникла еще в сотую годовщину со дня рождения Пушкина — в 1899 г. Но только в советское время она смогла осуществиться.

В 1970-1971 годах выходит в свет двутомный «Словарь синонимов русского языка», представляющий собой первый в отечественном языковедении опыт полного сопоставления синонимов русского языка. На основе двутомного «Словаря синонимов» подготовлен одитомный синонимический словарь, находящийся в настоящее время в печати.

Хорошим пособием в культуре речи является вышедший в 1972 г. словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». В 1971 г. опубликован первый опыт словаря-справочника «Новые слова и значения», который содержит около 3500 новых, вошедших в толковый словарь русского языка слов и значений. Начало составление двутомного словаря русской фразеологии, обсуждаются теоретические вопросы составления тематического («идеологического») словаря русского языка.

За последние два десятилетия в нашей стране значительно оживилась работа по сбору и изучению диалектной лексики и по ее лексикографической обработке. Это объясняется прежде всего внутренними потребностями русского языка и связано с необходимостью приращения диалектных данных в исследовании по русской и славянской лексикологии. В эти годы появляется ряд региональных словарей, а с начала 60-х годов началось составление капитального труда — «Словаря русских народных говоров», в котором обобщаются материалы по диалектной лексике и фразеологии, собранные в XIX-XX вв.

В русском языковедении давно уже ощущается острая нужда в исторических словарях. К сожалению, эта область академической лексикографии продолжает

оставаться наименее разработанной. В настоящее время ведется составление «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.», «Малого древнерусского словаря XI-XVII вв.», первый выпуск которого находится в печати, и «Словаря русского языка XVIII в.», издается Словарь-справочник «Слову о лозу Игореве». Пока же самым надежным академическим пособием по древнерусской лексике остается «Материалы для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Особое широкое размах русская академическая лексикография приобрела в последние десятилетия. В Институте русского языка АН СССР в настоящее время подготавливается, публикуется или перерабатывается около двадцати словарей. Среди них есть и капитальные издания, рассчитанные на сравнительно узкий круг читателей — Большой исторический словарь, этимологический словарь славянских языков, словарь русских народных говоров и некоторые др., и словари массового назначения (орфографический, орфоэпический, синонимический, словарь трудностей и вариантов, словарь русского языка для иностранцев, словарь русской фразеологии, справочник «Новые слова и значения», словарь языка советской поэзии и др.). Начта подготовлена к созданию полного словаря языка В.И. Ленина. Этот словарь будет иметь огромное культурное и политическое значение.

Центральной проблемой русской академической лексикографии по-прежнему остается создание нормативно-стилистического словаря современного русского литературного языка. Предметные толковые словари советского времени не выполнили во всем одной задачи. Все они являются не только пособием, расширяющим образные нормы употребления лексики русского литературного языка в его современном состоянии, но и лексикографическим справочником, помогающим читателю правильно понимать произведения русской литературы, начиная со времени Пушкина¹². Новый академический словарь не должен быть только вариантом одного из предшествовавших, так как в роли справочных пособий по лексике русского литературного языка они себя плохо оправдывают.

Однако нового нормативно-стилистического словаря, представляющего в более строгих границах современное словоупотребление, высказались бы Ф.И. Филаным. Как показывает история русской лексикографии, назначение любого академического словаря, особенно словаря, так или иначе связанного с литературой, определяется временем, в которое он создавался, занесен от этапа развития нации, ее общественного устройства, науки, искусства, от уровня развития культуры. Наше время выдвигает перед словарями русского литературного языка основную задачу — быть активным пособием по культуре русского языка — эту задачу в свое время выдвинул В.И. Ленин, предложил составление словаря для учеников его¹³. Создание такого словаря связано с определенными трудностями теоретического и практического характера. Оно предполагает решение таких проблем, как хронологические границы словаря, охват, нормативность, толкование, подходы фразеологии и т.п.др. Оно предполагает также накопление лексических материалов, отражающих процессы, протекающие в современном языке¹⁴.

Со времени выхода в свет САР словарная работа в Академии наук продолжается непрерывно. В области лексикографии открываются новые горизонты и определяют основные направления всей русской лексикографии, и сев самым важнейшим достижениям в создании русских словарей. За два века были созданы исторический, этимологический, диалектный (диалектный) словарь, каждый из которых явился событием не только в филологической науке, но и во всей культурной жизни России.

Словари появлялись как ответ на запрос общества в справочниках по современному словоупотреблению, они отражали состояние языка в данный период и уровень его научной разработки. Эта тесная связь лексикографии с повседневной жизнью продолжает быть основным условием развития словарной дела в наши дни. Ядро лексикографии, ее основу составляют толковые словари современного литературного языка. В создании толковых словарей является базой для многих специальных филологических рассуждений. С другой стороны, их разработка находится в прямой зависимости от успехов развития языковедения.

В создании больших словарей русской национальной языка в прошлом принимали участие наши лучшие филологи, писатели и деятели культуры: Ломоносов, Фоминский, Державин, Богданович, Лепетин, Восток, Срезневский, Лисанов, Поляев, Березин, Дамыдов, Грот, Шахматов, Ушаков, Шерба, Чернышев, Обнорский, Виноградов, Ожегов, Арин и др. Составление толковых словарей русского языка когда было делом всей Академии наук. Так было и при создании семнадцати томного словаря, в редакционную коллегию которого входили крупнейшие филологи 40-50-х годов, а в качестве консультантов выступали представители АН СССР акад. В.А. Комаров и акад. С.В. Виноков, академики К.С. Берт, В.И. Вернадский, А.В. Греч, В.И. Губкин, А.М. Деборин, И.Ю. Крыковский, И.И. Мещанинов, Д.В. Плавский, А.А. Орбел и др. Все это, безусловно, способствовало улучшению качества словаря и повышению его авторитет. Было бы весьма полезно возродить такую практику.

Однако академическая лексикография свидетельствует, что и самые лучшие словари не избегают безукоризненности в своих первых изданиях. Простое неточное переиздание словаря современного языка или переиздание его с незначительными поправками и улучшениями, как правило, не оправдывает себя, ибо второе издание в этих случаях уже не отражает состояние языка данного времени, особенно в эпоху отчаявшегося быстрого темном языковой эволюции.

¹ Дамыдов И.И. В Дамыдов на заседании Отделения русского языка и словесности // Изв. Второго отд. инст. Акад. наук. Т.1. СПб. 18.

² Словарь В.И. Дали. С.Климов И.И. В.И. Даль как лексикограф. М., 1958.

³ Анон В.И. Плав. собр. соч. Т.3. С. 123-122.

⁴ Словарь русского языка. Т.1. СПб. 1895. Предисловие. С. V.

⁵ Словарь русского языка. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. (1949-1958).

⁶ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

⁷ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

⁸ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

⁹ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

¹⁰ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

¹¹ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

¹² Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

¹³ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

¹⁴ Словарь. Т.1. В.И. Грота. Изд. 1935-1940. Предисловие. Т.1. (А-Д). СПб. 1895.

LORD BYRON AT HIS DEATHBED

Lord Byron on his deathbed as depicted by Joseph-Denis Odevaere (1775-1830) c.1826. Oil on canvas, 166 × 234.5 cm Groeningemuseum, Bruges. (Note the sheet covering his misshapen right foot).

Alfred, Lord Tennyson would later recall the shocked reaction in Britain when word was received of Byron's death. The Greeks mourned Lord Byron deeply, and he became a hero. The national poet of Greece, Dionysios Solomos, wrote a poem about the unexpected loss, named *To the Death of Lord Byron*. Βύρων ("Vyron"), the Greek form of "Byron", continues in popularity as a masculine name in Greece, and a suburb of Athens is called Vyronas in his honour.

Byron's body was embalmed, but the Greeks wanted some part of their hero to stay with them. According to some sources, his heart remained at Missolonghi. His other remains were sent to England for burial in Westminster Abbey, but the Abbey refused for reason of "questionable morality". Huge crowds viewed his body as he lay in state for two days in London. He is buried at the Church of St. Mary Magdalene in Hucknall, Nottinghamshire.

At her request, Ada Lovelace, the child he never knew, was buried next to him. In later years, the Abbey allowed a duplicate of a marble slab given by the King of Greece, which is laid directly above Byron's grave. Byron's friends raised the sum of 1,000 pounds to commission a statue of the writer; Thorvaldsen offered to sculpt it for that amount. However, for ten years after the statue was completed in 1834, most British institutions turned it down, and it remained in storage. The statue was refused by the British Museum, St. Paul's Cathedral, Westminster Abbey and the National Gallery. Trinity College, Cambridge, finally placed the statue of Byron in its library.

In 1969, 145 years after Byron's death, a memorial to him was finally placed in Westminster Abbey. The memorial had been lobbied for since 1907; The New York Times wrote, "People are beginning to ask whether this ignoring of Byron is not a thing of which England should be ashamed ... a bust or a tablet might be put in the Poets' Corner and England be relieved of ingratitude toward one of her really great sons."

Robert Ripley had drawn a picture of Boatswain's grave with the caption "Lord Byron's dog has a magnificent tomb while Lord Byron himself has none". This came as a shock to the English, particularly schoolchildren, who, Ripley said, raised funds of their own accord to provide the poet with a suitable memorial. (Source: Ripley's Believe It or Not!, 3rd Series, 1950; p. xvi.)

On a very central area of Athens, Greece, outside the National Garden, is a statue depicting Greece in the form of a woman crowning Byron. The statue was made by the French Henri-Michel Chapu and Alexandre Falguière.

Upon his death, the barony passed to Byron's cousin George Anson Byron, a career naval officer.

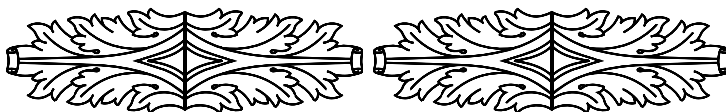
(ARTWORK COURTESY OF THE GROENINGEMUSEUM, BRUGES)

**ARMENIAN KHACHKAR IN HUCKNALL, NOTTINGHAMSHIRE
IN MEMORIAM LORD BYRON (1788-1824)**
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

ALEXANDER IVANOVICH MIKHAILOVSKY-DANILEVSKY (1789-1848)
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY (1831)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)

THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY (1789-1794)
СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ (1789-1794)

Первый толковый академический словарь русского языка, содержащий 43 357 слов в 6 частях. Работа над словарём началась в 1783 году и заняла 11 лет.

Словарь содержал элементы этимологического словаря: слова располагались по общему корню, образуя разветвлённые смысловые гнёзда. Пользуясь словарём, можно было определить, откуда произошло слово; кроме того, издание включало множество новых слов в русском языке — в частности, введённые М. В. Ломоносовым в науку научные термины.

С выходом первого издания словаря лексикографическая работа в Академии не прекратилась. Было решено усовершенствовать структуру подачи материала, расположив его в алфавитном порядке. Результатом коллективного труда стал выход в 1806–1822 годах второго издания словаря под названием «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» в шести частях. Помимо изменения в расположении лексического материала, значительно расширился словник, составивший 51338 слов.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

С Л О В А Р Ъ
АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ

Часть I.

отъ А. до Г.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1789 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
СЛОВАРЯ АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ

ЖАН-ФРАНСУА ШАМПОЛЬОН (1790-1832)
ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЧЛЕН ГРЕНОБЕЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ
РАСШИФРОВЩИК РОЗЕТТСКОГО КАМНЯ

(ARTWORK COURTESY OF THE FRENCH ACADEMY OF SCIENCES)

PLATON ALEXANDROVICH SHIRINSKY-SHIKHMATOV (1790-1853)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF (SCIENCES) 1841)
MINISTER OF NATIONAL EDUCATION (1850-1853)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

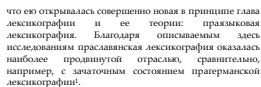

PYOTR ALEXANDROVICH PLETNEV (1791-1865)
PROFESSOR AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY
DEAN OF THE FACULTY OF RUSSIAN PHILOLOGY (1832)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW)

PYOTR ANDREEVICH VYAZEMSKY (1792-1878)
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1839)
ORDINARY MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF M. S. K., MOSCOW)

FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Вышли в свет и используются в преподавании русского языка иностранцам: «Толковый словарь русского языка для иностранцев» под ред. В.В. Розановой, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, Л.А. Новикова и др.

Учебные словари составляют новую отрасль советской русской лексикографии, возникновение и развитие которой связано с ролью русского языка как языка межнационального общения и одного из наиболее распространенных мировых языков.

Накопление опыта практической работы над словарями, разработка принципов создания новых словарей, практическое воплощение этих принципов в конкретных лексикографических трудах — все это представляло лексикографам широкое поле деятельности для постановки и всестороннего обсуждения основных проблем лексикографической теории и практики. Теоретические проблемы словарного дела активно обсуждаются в словарной комиссии АН в двадцатые годы. Уже тогда намечается широкая программа создания системы словарей, с разных сторон описывающих словарный состав русского языка.

В 30-е годы была создана целая ряд проектов задуменных (то время словарей русского языка (исторического). В этих проектах (современного), (современного), (современного), (современного) и современной лексикографии. Выработались концепции словарей различных типов. А.А. В. Шершнев в отечественном языкознании отчетливо поставил вопрос о создании общей теории лексикографии. В 1940 до сих пор сохраняет значение одной из наиболее важных работ в области теории лексикографии. Особенно широкий размах приобретает теоретическая работа в области лексикографии в 1950-е годы. Именно в этот период появляются многочисленные статьи, монографии, пишутся кандидатские и докторские диссертации, посвященные проблемам теории и методики лексикографии. В этот период в лексикографии все более широко применяются все новые методы и средства, прежде всего успехами практической лексикографии. Последняя имеет решающее воздействие на расширение и углубление лексикологических, семасиологических, стилистических и др. исследований

Авторы: З.М. Габунша, Р. Гусман Тирадо.

Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое.
— В. И. Вернадский (1863-1945).

Развитие русской лексикографии XX века связано со лексикографической традицией XIX века, в первую очередь, с деятельностью выдающихся ученых А.Х. Востокова, В.И. Даля, А.И. Соболева, А.А. Шахматова, были словари разных типов: исторические, иностранных слов, даваемые и др., что особенно важно для изучения лексики. В XIX веке появились первые словари русского слова (1867-68). Точный словарь живого восточнорусского слова В.И. Даля (1863-1866), Словарь русского слова Я.И. Грота (1895, 1910), в дальнейшем он был дополнен и переработан, в него включены и народные, и диалектные слова, т.е. по возможности было представлено полное описание существующего словопользования в отношении русского языка. В XX веке появились словари, посвященные определенным языковым типам: словарь представляет ценность как по охвату лексического богатства русского языка, так и по качеству лексикографической проработки материала. В XX веке появились словари, посвященные русскому языку под предводительством В.М. Истрин, словарь был продолжен организацией в 1922 г. При Академии наук комиссии по составлению словаря русского языка под предводительством В.М. Истрин, пополнением картотек по русскому языку: русский язык, собранной под руководством А.А. Шахматова, и подготавливая очерковые выпуски Словаря русского языка, печатать новых томов. Редакторами томов были такие известные ученые, как С.П. Оболзин, В.И.

[illegible]

что словарь должен отражать объективированную «речевую деятельность» данного носителя языка в разных типах словарей. По оценке ученого, основным словарем он считал толковый словарь академического типа (нормативно-системный), где «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [Шерба 1974: 235].

В предисловии к русско-французскому словарю (1939) Л.В. Щерба предвещает интересную идею о создании толковых иностранных словарей на родном языке автора. Он считает, что для русских читателей было бы интересно составить для себя французский толковый словарь с русскими пояснительными текстами, а немцы, англичане, украинцы и т.д. – толковые русские словари со своими пояснительными текстами. Однако, по мнению Л.В. Щербы, обусловлена многозначностью слова в языке, ведь ни одно слово одного языка не просто соответствует слову другого языка, ни и находится с ним в весьма сложном соотношении. Например, в русском языке слово «красный» имеет несколько значений: «красный цвет», «красное дело», а по-французски – *rouge, rouge, rouge, rouge, rouge*, но *rouge, rouge, rouge, rouge, rouge* там, но не *au del rouge*. Такие слова, – пишет Л.В. Щерба, – *ou il est impossible de lire et de comprendre sans l'aide d'un dictionnaire*. Поэтому, по мнению Л.В. Щербы, «помогать» и слова для перевода, если он ему нужен, а не, как сейчас, так как «мы не знаем, что такое слово, и не знаем, как пользоваться им» (Щерба 1974: 307). Такие слова, по мнению Л.В. Щербы, представляют собой «особую актуальность и необходимость».

Таким образом, теоретические проблемы русской лексикографии охватывают комплекс взаимосвязанных положений: разработка типологии словарей новых типов; разработка макроструктуры словаря – отбора лексики, принципов ее расположения и подачи; выделение омонимов, особенности включения в корпус словаря не собственно лексикографических материалов (иллюстрации, карты, статьи и др.); разработка микроструктуры словаря – отдельные словарные статьи, фонетические и грамматические комментарии к словам, выделение значений, система помет, типы языковых иллюстраций, подача дополнительной информации в зависимости от типа словаря и т.д.

Теоретические принципы лексикографии разрабатывались также в работах С.И. Ожегова (1900-1964). В статьях «О трех типах толковых словарей современного русского языка» (1952), «Вопросы лексикологии и лексикографии» (1953) и др. автор пытался решить целый ряд важных вопросов лексикографии, таких как определение границ современного языка, соотношение лексических единиц с языковой нормой, принципы отбора слов, место специальной терминологии в общих словарях и т.д.

[illegible]

Большим подспорьем в словарной деятельности стал Словарь русского литературного языка АН СССР, выпущенный в 1957-1961 гг. под редакцией А.П. Евгеньевой. В этом словаре показаны семантическая богатство и стилистическая выразительность русского языка, продемонстрированные в сотнях тысяч citations, взятых из огромного числа текстов, принадлежащих классической и современной литературе. Очень важно отметить, что этот словарь открыл возможность для работы над синонимическими, фразеологическими, омонимическими

стилистическими словарями. В это время большой размах приобрело создание двуязычных словарей, в первую очередь – русско-национальных и национально-русских. С 1960 г. появляются словари специальные – синонимов, антонимов, синонимов, фразеологические, терминологические, семантические, синтаксические, словообразовательные и т.д. В 1957 г. выходит Словарь языка Пушкина в четырех томах. Постоянная работа ведется над словарями языка выдающихся русских писателей.

В 60-е годы русской лексикографией возникло новое направление – диалектная лексикография, представляющая «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) О.И. Бодуэна де Лилье. В последние десятилетия XX века работа в области исторической лексикографии заметно оживилась. В Институте русского языка создаются два исторических словаря: русский словарь: Словарь древнерусского языка (XIV в. – XVIII в.) и Словарь старославянского языка (X–XVIII вв.) под редакцией С.Г. Баркуратова. На основе конкорда – картотека Д.В. Виноградова АН СССР. В 1961 г. вышел словарь «Повести временных лет» под редакцией В.И. Янина. В настоящее время этимологи следует отметить «Этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных, «Этимологические исследования по русскому языку» под редакцией Н.М. Шанского, «Этимологический словарь русского языка» под редакцией В.И. Янина, «Словарь русского языка» под редакцией О.Н. Трубачева. Особо стоит выделить 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» (1948–1965), который обеспечивает возможность последовательной лексикографической работы по русскому словарю, функционированию для всех филологических работ.

Новым стимулом для развития лексикографии в России конца XX века является использование компьютерной техники в лексикографической практике и разработка учеными переводных и других словарей разного рода.

Из сказанного видно, какую значительную работу провела русистика в лексикографической и исследовательской работе и каких значительных успехов достигла в области составления словарей. Кроме этого, в работе над словарями ученые осознают культурную функцию, выполняемую лексикографией. Создание разного назначения словарей содействует широкому распространению русского языка во всем мире и вместе с тем распространению лексикографических принципов русского языкознания.

[illegible]
$$= C_{T H A}, C A P^1 \phi_A, C A P^2 \delta / \eta,$$

Автор: Л.В. Щерба.

Хотя человечество очень давно начало заниматься составлением словарей разных типов, однако какой-либо общей лексикографической теории, по-видимому, не существует еще и до сих пор. Предлагаемый здесь опыт такой теории не рассматривает целиком заполнять этот пробел², а имеет в виду лишь наметить некоторые основы будущей теории, в связи с чем он естественно распадается на ряд отдельных этюдов.

Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем в основе его лежит ряд теоретических

Противоположения, которые и необходимо вскрыть.

1. Противоположение первое: словари академического типа – словари-справочник

Прежде всего надо обратить внимание на противоположение академического, или нормативного, словаря и словаря-справочника. Термины эти несколько условны, и их ближайшее содержание выяснится только из дальнейшего изложения. Однако и из них можно догадаться, что в первом случае мы имеем дело с толковой книгой, где прежде всего спрашивается о том, можно ли в том или другом случае употребить то или другое уже известное слово, а во втором – с книгой, куда заглядывают исключительно с целью узнать смысл

К словарю-справочнику обращаются прежде всего, читая тексты на не вполне знакомых языках или тексты о незнакомых предметах и специально трудные тексты на иностранных языках (или, что в сущности то же самое, древние тексты на родном языке), особенно с непривычным содержанием. К нормативному (или академическому) словарю обращаются для самопроверки, а иногда и для нахождения нужного в данном контексте слова. Вспомним по этому поводу Пушкина:

Пушкина:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, вносясь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

Примером словаря первого рода может служить любое издание словаря Французской академии («Dictionnaire de l'Académie Française»); в качестве словаря второго рода можно указать на неоконченный «Словарь русского языка», издававшийся в Ленинграде нашей Академией наук под редакцией А.А. Шахматова и его преемников с 1897 по 1937 г., а также на «Материалы для словаря древнерусского языка по

написанным пунктиром» Н.И. Срезневского.

На первый взгляд может показаться, что различие этих двух типов словарей почитается исключительно на из разном практическом применении. Однако это было бы неверно. Вспомогательные словари, в том числе и словарь первого рода создали единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, в основе словаря второго рода вовсе не лежал какой-либо язык, а лишь язык, который предполагался, и поэтому можно и приходится различать разным коллективом, разным эпохой и вовсе не образуют какой-либо системы. Все это легко можно иллюстрировать на двояком значении термина «русский язык». С одной стороны, он означает язык, который в настоящее время говорят в России, который хотя и имеет весьма сложную структуру, однако все же является вполне единым (такое ограничение последнего положения позволило бы к неслучайному тому, что можно по-разному понимать писателя?); с другой — всю совокупность русских говоров не только в их настоящем, но и в их прошлом (и не хочу здесь останавливаться на трудности определения того, что следует подразумевать под словами «русские

Частично основанные словаря-справочники нашего времени лежат на наших глазах, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически. Впервые это произошло в начале XIX столетия (первый том которого вышел в 1854 г., по которому закончен еще и до сих пор) — он основан на текстах, начиная с XVI в. текстов, зачастую полных поименных для каждого слова, а также на описаниях, собранных в течение ряда больших многотомных словарей европейских языков того же времени; недавно окончены работы Оскарского словаря соавторами из Голландии, которые в основном опираются на historical principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society, edited by J. A. Moens, но не являются ни первым, ни последним огромным, но еще не оконченным словарем голландского языка («Woordenboek der Nederlandsche Taal»), начавший выходить с 1882 г., и не менее богатый и обширный, но еще не вышедший в свет «Ordbog over Svenska Språk» utgiven af Svenska Akademien — первый том в 1898 г.). В основе всех этих словарей лежат тексты, за исключением последнего, который основан на датском «Grundlagt af Vermer Dahlrup», основанный на текстах начиная с 1700 г.

Однако не всегда идея нации является основой словаря-справочника: мы имеем замечательный, в свое время оказавший неоценимые услуги науке и практике, многотомный «Опыт словаря турецких наречий» В.В. Радлова (том первый в 1893 г.), возможность которого базируется на большой близости турецких языков, могущих рассматриваться как диалекты единого, однако несуществующего языка. Приближенно на подобной основе строится часто этимологические словари: этимологические словари славянских языков (Миклошича, Бернекера), этимологические словари романских языков (Джа,

В конце концов возможны и другие принципы, по которым бы объединялись слова в словаре-справочнике. Так, к типу словаря-справочника надо отнести всевозможные тематические словари, где объединены слова разных специальностей, представители которых зачастую друг друга не понимают. Наоборот, словари канонизации одной определенной специальности, например медицинских слов, словаря водников, словаря терминов, которые могут быть использованы в академическом типе, если та же сборная слова разных эпох или слова местного употребления, неизвестные всем специалистам: внутри системы такой лексики и происходит словотворчество в области данной специальности.

Энциклопедические словари являются по существу словарями-справочниками, так как, подобно общим тематическим словарям, не имеют установки на лингвистическое единство своего словаря.

Областные словари, если в них собрано просто слова данного языка, не употребляющиеся в литературном языке, конечно относятся к типу словарей-справочников. Таков «Опыт областного великорусского словаря», изданный Вторым отделением АН в 1852 г. До известной степени таков и совершенно замечательный «Glossaire des patois de la Suisse Romande...», rédigé par L. Gauchat, J. Jeanjequet, E. Tappolet. I (не вся бука А). [Paris. 1924-1933.

[illegible][illegible]

ALEXANDER SERGEEVICH GRIBOEDOV (1795-1829)

RUSSIAN AMBASSADOR TO TEHRAN

HOMO UNIVS LIBRI ГИПОТЭ

THE PREMIER OF ГИПОТЭ WAS SET IN YEREVAN FORTRESS (1827)

(ARTWORK COURTESY OF THE GREAT SOVIET ENCYCLOPAEDIA [ED. 2nd, VOL. 12 / БСЭ 2 ИЗД. Т. 12])

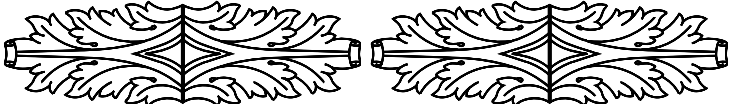

ABRAHAM SERGEEVICH NOROV (1795-1869)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1840)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1851)
EIGHTH MINISTER OF NATIONAL EDUCATION (1853-1858)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

МЭРИ ШЕЛЛИ (1797-1851)
АНГЛИЙСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
(ARTWORK COURTESY OF THE NATIONAL PORTRAIT GALLERY, LONDON)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

дарования (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно соизвещаемым).

Что касается разных типов словарей-справочников (в первую очередь — это, конечно, французские словари), то в том числе и русские (даже персидские), то словник их зависит от того потребителя, для которого словарь предназначено одно дело, если этот потребитель хочет читать книги по технике, другое дело, если он хочет читать стихи, и опять-таки другое дело, если он просто турист, и так далее до бесконечности. Число типов словарей, и устанавливается они чисто выписочные.

Мой педагогический опыт подсказывает мне одно: всякий критичный словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение, так как он всегда оказывается недостаточным по тем же случаям, когда словарь действительно нужен. Поэтому студента я бы всегда сразу сбавила иностранным словарем типа «Nouveau petit Larousse Illustré» — это превращается в многотомный оптом тип, который, может быть, прочим, словарь и В. И. Ленин.

Это не значит, чтобы я вовсе отрицала разные обобщенные словари для начинающих, для туристов и для других категорий людей, которые не собираются серьезно пользоваться иностранной литературой, но я считаю, что этими типами словарей — ценю по-прежнему — не следует утешаться.

В самом деле, каждому серьезному лингвистическому специалисту сразу нужно купить себе у себя Шомана (сам, конечно, следующего размера), соответствующий его специальности, и быть выделенным обобщенным словарем техническим дифференциальным словарем с шестью языками. Иными же техническими словарями разве для начинающих студентов, приступающих читать тексты по специальности на том или другом языке. Специалисту, читающему более или менее свободно на данном языке, такие словари вообще не нужны, так как термины он в большинстве случаев понимает из контекста, а в серьезных случаях ему все равно придется обращаться к настоящему полному техническому словарю. Пользуясь случаем, чтобы подчеркнуть общность обобщенного словаря, было бы техническими терминами составляя главную трудность при чтении специальных иностранных текстов: некачественно и притом для одной и той же специальности одного общего языка для других — это истинные причины трудности специальных технических текстов.

В заключение хочу сказать, что один небольшой мой словарь, может быть, как все же совершенно необходимым для каждого иностранного языка: это учебный словарь для начинающих. Он должен обобщить все те основные слова, без знания которых нельзя читать, составляя так или иначе основу текстов на данном иностранном языке, и представить их как элементы некой единой системы. Однако тип такого словаря надо еще выработать, и в этом вопросе является прежде всего методический.

4. Противоположение четвертое: обобщенный (толовый или переводный) словарь — академический словарь. Поскольку мы можем в каждом случае различить его фонетическую форму (фонетическое слово) и его значение, постольку словарь каждого языка можно организовать, исходя из фонетических форм слов, и, следовательно, располагая так или иначе в алфавитном порядке (алфавитный словарь), или по темам (тематический словарь), а можно организовать его и исходя от значений, т. е. от понятий, выраженных фонетической формой слов (идеологический словарь). Может показаться, что в последнем случае слова собственно будут разрушены, так как одно и то же слово, имея несколько значений, будет фигурировать в разных местах и что это будет уже не словарь, а с. с. список слов, а, список понятий. Однако это неверно. Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типичнейшая точка зрения. На самом деле мы имеем много столько слов, сколько данных фонетическое слово имеет значений (и не считаясь, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях. В наших повседневных употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, приписывая слову слово значение «фонетическое слова». Таким образом, точнее всего мы говорили, что обобщенный словарь является списком «фонетических слов» — их значениями, а идеологический словарь является списком слов-понятий с их значениями.

Несмотря на очевидность принципа идеологического словаря, не смотря на то, что практика действия в них очень велика (и оно будет еще сказано несколько слов), словари этого типа не в ходу, если не считать нескольких единичных попыток в этом направлении. Причины этого лежат в трудности дела и в полной неразработанности словарной теории вообще: словарным делом занимались лишь единичные крупные люди, а в основном оно было почти целиком предоставлено рынку. Лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Бопла, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикологии.

Для создания настоящего идеологического словаря прежде всего необходимо иметь полный и очень точный список слов-понятий данного языка, а чтобы составить такой список слов-понятий, надо четко описать все значения слов в словарях обобщенного типа. Но мы выжили в 3-м разделе, как это трудно и как на это склонны безнадёжно махать рукой даже крупные филологи. На самом деле, хотя это и трудно, но конечно не невозможно. Но преодолевая всякую научную трудность требуют работы поколений. Ведь лингвистика XIX в. достигла поразительных результатов именно благодаря коллективной работе ряда поколений, в которой грамматическая и историческая грамматика индоевропейских языков.

Другая трудность создания настоящего идеологического словаря лежит в классификации слов-понятий, которая обнаружилась бы живую взаимосвязь (она необходима, конечно, и для детского их размышления). Дело в том, что при

классификации идей очень легко впасть в аллюристы и субъективизм. Между тем система слов-понятий (мышление) в конечном счете является функцией производственных отношений (в самом широком смысле) данного коллектива и условий его жизни, а потому оказывается величайшей переменной. Отсюда необходимость чисто эмпирической классификации слов-понятий для каждого языка в каждый определенный момент времени. Если принять это во внимание, что система слов-понятий каждой эпохи является компромиссом между системой понятий предшествующей эпохи и требованиями нового времени, а с другой стороны, если вспомнить, что в наших словарях до сих пор еще царит смешение разных хронологических планов, то трудности подлинной, т. е. объективной действительности, классификации станут очевидными.

Мож классификация — в аспекте английского языка — одного из старейших академических словарей Rogeta, о котором будет сказано еще ниже:

- I. Абстрактные отношения
- II. Бытие
- III. Отношение
- IV. Космическое
- V. Порядок
- VI. Число
- VII. Изменение
- VIII. Присутствие
- IX. Протистинство
- X. Протистинство вообще
- XI. Мера
- II. Форма
- IV. Движение
- V. Материя
- I. Материя вообще
- II. Неорганическая материя
- III. Органическая материя
- IV. Живое
- I. Образование понятий
- II. Соединение понятий
- III. Взаимосвязь понятий
- I. Индивидуальная воля
- II. Общественная воля
- VI. Чувства
- III. Чувства вообще
- II. Индивидуальные чувства
- III. Общественные чувства
- IV. Моральные чувства
- V. Реалистические чувства

Эти категории подразделяются конечно еще дальше, и в конце концов получится 1000 категорий, которые, может быть, могут быть привнесены.

Новейшую классификацию понятий в аспекте французского языка дает Бопла во втором томе своего замечательного *Traité de stylistique française*. Вот его основные категории:

- I. Априорное
- A. Бытие
- B. Отношение
- II. Присутствие
- I. Порядок
- II. Число
- A. Космическое, число, интенсивность
- Ж. Протистинство. Положение в пространстве
- III. Изменение
- A. Присутствие
- II. Материя. Чувственный мир
- A. Создание (création): жизни и смерти
- B. Мир, природа, существа
- I. Свойства материи
- I. C. Восприятие чувственных объектов
- III. Мышление и его выражение
- A. Свойства мышления
- B. Мышление мышления
- II. Выражение и коммуникация мышления
- IV. Воля
- A. Свойства воли
- B. Проявления воли
- V. Воля по отношению к другому
- I. Воля выходящая или внешне ограниченная
- A. Действие
- A. Необходимые действия: потребности, истинности, средства
- B. Свойства объекта действия: ценность, полезность
- B. Состояния и качества, относящиеся к результату действия
- I. Свойства предмета действующего
- A. Мотивы действия
- A. Приспособление и владение
- Ж. Мотивы действия
- III. Вынашивание идей или действие внешне ограниченное
- VI. Состительность
- A. Приобретение и владение
- B. Пользование, передача, мена
- VII. Чувства
- A. Чувства вообще
- B. Чувство удовольствия и неудовольствия
- C. Инстинктивные чувства
- D. Чувства эгоцентрические
- A. Эстетические чувства
- A. Чувства и действия алуристические
- VIII. Общественное
- A. Общественная жизнь
- B. Место индивида в обществе
- C. Права и обязанности; закон; суд
- IX. Нравственность
- A. Форма долга; поведение
- B. Оценка поведения. Репутация
- X. Религия

При дальнейшем подразделении у Бопла получается 297 категорий, например *l'usage / blâme, blâmer, le salomone, respect / mépris, passer / présent / avenir, passé récent / avenir prochain, ancient / nouveau* и т. д. Надо отметить, что классификация Бопла — конечно не исчерпывающая — имеет в виду темы (identifications), синонимы, но я полагаю, что, идя другим путем, Бопла приходит к сущности к тому же, о чем говорилось выше, т. е. к словам-понятиям.

Самое obvious разумеется, что для этой категории Бопла в какой-то мере и подходит к словам-понятиям, однако до идеологического словаря, как я это еще только, этой классификации еще далеко, не говоря уже о том, что для русского языка все дело было бы очень сложным.

Практическая надобность в идеологических словарях явствует из заглавий первых попыток подобного рода. Самой первой является, по-видимому, «Thésaurus of English Words and Phrases classified and arranged so as to facilitate the expression of ideas and to assist in literary composition» (для облегчения нахождения способов выражения понятий и для помощи при составлении сочинений) — by Peter Mark Roget, M.D. F.R.S., 1852. Книга эта переиздавалась 76 раз своим и новым автором, в последний раз как раз, в 1935 г.

Вторым изданием книги Роллета составил в 1859 г. T. Fothergill под заглавием «Dictionnaire idéologique. Recueil des mots, des phrases, des idiomes et des proverbes de la langue française, classé selon l'ordre des idées» (идеологический словарь (слова и фразы) в 1881 г. под заглавием «Der passende Ausdrücke», в 1927 г. переиздана этой книгой Schlesing-Wehrle, Deutscher Wissenschaftl. Ein Hilfsband Nachschlagebuch der sinngewandten Wörter und Ausdrücke der deutschen Sprache.

Другая книга в этом роде, внушенная идеями Роллета, принадлежит автору известного немецкого лексикографа Daniel Schreier и вышла в свет в 1904 г. под заглавием «Deutscher Sprachschatz geordnet nach Begriffen zur leichten Auffindung und Auswahl des passenden Ausdrucks» (для легкого нахождения и выбора подходящего выражения) и с заглавием «Ein stilistisches Hilfsbuch für jeden Deutsch schreibenden» (стилистическое пособие для каждого пишущего по-немецки). Hamburg, 1873—1874. Книга, конечно, не была интересна, более самостоятельная, хотя в основном и продолжала Роллету книга Фридриха Дорфмана «Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen», 1934. Действительно, если попытаться применить наиболее подходящее слово для выражения той или другой мысли не так часто обнаруживается в применении к реальному языку (его применению), конечно, лишь по отношению к людям, абсолютно владеющим соответствующим литературным языком, то в применении к иностранному языку она встречается на каждом шагу? То же самое можно сказать и о русском языке в тех случаях, когда его употребляют нерусские: не имея в виду наших националов, для которых вопрос несомненно владения русским языком становится все более и более актуальным.

Но еще более обещают дать идеологический словарь в теоретическом отношении. В самом деле, мы всегда подходим к языку с его формальной стороны и уже отсюда начинаем и в нем и в том, что не него порождено.

Но прав Н. Я. Марр, когда подчеркивает примат мышления и зовет нас подойти к явлению языка именно со стороны мышления. Врочно в своей книге «La science de la langue» попытка перевернуть грамматику французского языка и изложить ее, исходя из идей, а не из форм. Идеологический словарь делал то же самое в применении к словам и в конце концов должен дать материалы для построения истории мышления, отраженного в языке. Я полагаю, что тогда-то и откроются многие притупленные языковыми изменениями, которые для нас сейчас совсем не видны. Я полагаю, между прочим, что на базе хороших этимологических и исторических словарей можно будет тогда написать новые захватывающие книги, которые, исходя из истории, будут раскрывать, почему то или другое понятие получало новую форму выражения, как рождались новые понятия и как разлагались старые и т. п.

Разных типов словарей, преследующих те же практические цели, что и идеологические словари, довольно много. Во главе их можно, пожалуй, назвать P. Bousset *Dictionnaire analogique de la langue française*. «Repetitive complet des mots par les idées des idées les mots, впервые вышедший в 1862 г. и выражающий не менее дерзкие намерения. Его наследником является словарь Ch. Maquet с почти полностью аналогичным «Dictionnaire analogique. Répertoire complet des mots par les idées, des idées par les mots», 1936 г. Эти словари дают группу слов, связанных по смыслу (par analogie) с определенными значениями центрального. Эти слова-центры, объединяемые в словарях указкой, составляют основу словаря, который снабжен, кроме того, алфавитным указателем всех слов, находящихся в группе, соответствующей центральному слову.

По сути же самое представляет собою словарь Paul Roaix. *Dictionnaire-manuel illustré des idées suggérées par les mots contenant tous les mots de la langue française, groupés d'après le sens*, 1911.

Как бы сказано выше, но известной степени те же практические цели преследуют бесчисленные словари синонимов на разных языках. Пользуясь случаем, чтобы отметить неуровню, недавно вышедший французский словарь антонимов M. Rameau et H. Yvon. *Dictionnaire des Antonymes ou Contraires avec indication des synonymes*, 1933. К типу идеологических словарей, пожалуй, надо отнести «vocabulaires par images». Мы знаем, к сожалению, только один такой словарь (который я считал в общем очень удачным): A. Fénichel. «Vocabulaire par Images de la langue française», 1933, 1936, 1938, 1943, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 2680, 2681, 2682, 2683, 2684, 2685, 2686, 2687, 2688, 2689, 2690, 2691, 2692, 2693, 2694, 2695, 2696, 2697, 2698, 2699, 2700, 2701, 2702, 2703, 2704, 2705, 2706, 2707, 2708, 2709, 2710, 2711, 2712, 2713, 2714, 2715, 2716, 2717, 2718, 2719, 2720, 2721, 2722, 2723, 2724, 2725, 2726, 2727, 2728, 2729, 2730, 2731, 2732, 2733, 2734, 2735, 2736, 2737, 2738, 2739, 2740, 2741, 2742, 2743, 2744, 2745, 2746, 2747, 2748, 2749, 2750, 2751, 2752, 2753, 2754, 2755, 2756, 2757, 2758, 2759, 2760, 2761, 2762, 2763, 2764, 2765, 2766, 2767, 2768, 2769, 2770, 2771, 2772, 2773, 2774, 2775, 2776, 2777, 2778, 2779, 2780, 2781, 2782, 2783, 2784, 2785, 2786, 2787, 2788, 2789, 2790, 2791, 2792, 2793, 2794, 2795, 2796, 2797, 2798, 2799, 2800, 2801, 2802, 2803, 2804, 2805, 2806, 2807, 2808, 2809, 2810, 2811, 2812, 2813, 2814, 2815, 2816, 2817, 2818, 2819, 2820, 2821, 2822, 2823, 2824, 2825, 2826, 2827, 2828, 2829, 2830, 2831, 2832, 2833, 2834, 2835, 2836, 2837, 2838, 2839, 2840, 2841, 2842, 2843, 2844, 2845, 2846, 2847, 2848, 2849, 2850, 2851, 2852, 2853, 2854, 2855, 2856, 2857, 2858, 2859, 2860, 2861, 2862, 2863, 2864, 2865, 2866, 2867, 2868, 2869, 2870, 2871, 2872, 2873, 2874, 2875, 2876, 2877, 2878, 2879, 2880, 2881, 2882, 2883, 2884, 2885, 2886, 2887, 2888, 2889, 2890, 2891, 2892, 2893, 2894, 2895, 2896, 2897, 2898, 2899, 2900, 2901, 2902, 2903, 2904, 2905, 2906, 2907, 2908, 2909, 2910, 2911, 2912, 2913, 2914, 2915, 2916, 2917, 2918, 2919, 2920, 2921, 2922, 2923, 2924, 2925, 2926, 2927, 2928, 2929, 2930, 2931, 2932, 2933, 2934, 2935, 2936, 2937, 2938, 2939, 2940, 2941, 2942, 2943, 2944, 2945, 2946, 2947, 2948, 2949, 2950, 2951, 2952, 2953, 2954, 2955, 2956, 2957, 2958, 2959, 2960, 2961, 2962, 2963, 2964, 2965, 2966, 2967, 2968, 2969, 2970, 2971, 2972, 2973, 2974, 2975, 2976, 2977, 2978, 2979, 2980, 2981, 2982, 2983, 2984, 2985, 2986, 2987, 2988, 2989, 2990, 2991, 2992, 2993, 2994, 2995, 2996, 2997, 2998, 2999, 3000, 3001, 3002, 3003, 3004, 3005, 3006, 3007, 3008, 3009, 3010, 3011, 3012, 3013, 3014, 3015, 3016, 3017, 3018, 3019, 3020, 3021, 3022, 3023, 3024, 3025, 3026, 3027, 3028, 3029, 3030, 3031, 3032, 3033, 3034, 3035, 3036, 3037, 3038, 3039, 3040, 3041, 3042, 3043, 3044, 3045, 3046, 3047, 3048, 3049, 3050, 3051, 3052, 3053, 3054, 3055, 3056, 3057, 3058, 3059, 3060, 3061, 3062, 3063, 3064, 3065, 3066, 3067, 3068, 3069, 3070, 3071, 3072, 3073, 3074, 3075, 3076, 3077, 3078, 3079, 3080, 3081, 3082, 3083, 3084, 3085, 3086, 3087, 3088, 3089, 3090, 3091, 3092, 3093, 3094, 3095, 3096, 3097, 3098, 3099, 3100, 3101, 3102, 3103, 3104, 3105, 3106, 3107, 3108, 3109, 3110, 3111, 3112, 3113, 3114, 3115, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3122, 3123, 3124, 3125, 3126, 3127, 3128, 3129, 3130, 3131, 3132, 3133, 3134, 3135, 3136, 3137, 3138, 3139,

ALEXANDER SERGEEVICH PUSHKIN (1799-1837)
THE FOUNDER OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1833)
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW)

KARL PAVLOVICH BRYULLOV (1799-1852)

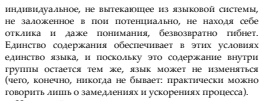
MASTER OF ACADEMISM

PROFESSOR AND MEMBER OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS

PROFESSOR OF FLORENTINE ACADEMY OF ARTS

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Наконец, всякая социальная дифференциация внутри группы, вызывая дифференциацию речевой деятельности, а следовательно и языкового материала, приводит к распаду единого языка.

Поскольку речевая деятельность, протекая не иначе как в социальных условиях, имеет своей целью сообщение и, следовательно, понимание, постольку возвращение вынуждено заботиться о том, чтобы у слушающих не было недоразумений, происходящих от смешения знаков речи, и этим объясняются, например, многие диссимилации, особенно диссимилации (вплоть до устранения) омоформ, что так наглядно было показано Жильероном (Gillieron) и его школой. Поскольку возможность смешения объективно заложена в определенных местах самой языковой системы, постольку эти тенденции к устранению омоформности будут обитать во всем члене данной языковой группы и будут реализовываться одинаковым образом.

Можно сказать, что интересы понимания и говорения прямо противоположны, и историю языка можно представить как постоянное возникновение этих противоречий и их преодоление.

Наконец, типологическим фактором языковых изменений является столкновение двух общественных групп, а следовательно и двух языковых систем, иначе — смешение языков. Процесс сходится в данном случае к тому, что люди начинают говорить на языке, который они еще не знают. Языковой материал, которому они стремятся подражать, един: языковая система, которая определяет их речевую деятельность, единства. Поэтому они одинаковым образом искажают в своей речевой деятельности то, чему подражают. Если со стороны другой группы по тем или иным социальным причинам нет достаточного сопротивления, то результаты одинаковым образом «искаженной» речевой деятельности, являясь в то же время и языковым материалом, обуславливают резкое изменение языковой системы.

Так как процессы смещения происходят не только между разными языками, но и между разными групповыми языками внутри одного языка, то можно сказать, что эти процессы являются кардинальными и постоянными в жизни языков, как это — полное всего относительного самозатухания — и было показано Майе.

При восприятии одной группой языка другой группы может иметь место не только неполное его овладение, но и изменение и переименование его в целях приспособления к иному или новому социальному содержанию. Таковы многие языковые изменения нашей эпохи, особенно ярким примером которых могут служить переименование хотя бы таких слов, как «господин», «товарищ».

Выше было сказано, что изменения языка всего заметнее при смене поколений. Но само собой понятно, что все изменения, подготовленные в речевой деятельности, обнаруживаются легче всего при столкновении двух групп. Поэтому историю языка можно в сущности представить как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп (ср. статью «Sur la notion du mélange des langues» в Яфетическом сборнике, IV, 1925, стр. 7).

На этом я остановлюсь, указав лишь еще раз, что в реальной действительности вся картина является усложненной и затрагивает тем, что некоторые группы населения имеют, как правило, более высокие показатели группировки и имеют, таким образом, отношение к национальным языковым системам. От степени изолированности разных групп друг от друга зависит способ существования этих систем и влияния на них друг друга (об этом см. мою вышеупомянутую статью, стр. 10). Поэтому, говоря о национальных языковых системах, мы должны считаться для их носителей иностранным языком. Таким же, между прочим, для большинства групп является так называемый «общий язык», «langue commune» (1). Это последнее, конечно, не надо смешивать с «литературным языком», который, хотя и имеет, как правило, более высокие показатели группировки, имеет, однако, свою собственную сложную структуру. Общий язык всегда и изучается как иностранный, в большинстве или меньшем успехе в

зависимости от разных условий. Таких общих языков может быть несколько в каждом данном обществе в соответствии его структуре, и они могут иметь разную степень развитости. Само собой разумеется, что субъективно общий («иностранный») язык зачастую квалифицируется как родной, а родной — как групповой. Это, впрочем, и отвечает структуре развитых языков где все групповые языки, в них входящие считаются «жаргонами» по отношению к некоторой норме — «общему языку», который, целиком отражая, конечно, социальный уклад данной эпохи, исторически сам восходит через процессы смещения к какому-либо групповому языку.

Таким образом, лингвисты совершенно правы, когда выводят языковую систему, т. е. словарь и грамматику данного языка, из соответственных «текстов», т. е. из соответственного языкового материала. Между прочим, совершенно очевидно, что никакого иного метода не существует и не может существовать в применении к любому языку.

[illegible][illegible]

В возможности применения эксперимента и творческого подхода к исследованию — с теоретической точки зрения — изучения живых языков. Только с его помощью мы можем действительно надеяться познакомиться с языком в его естественном функционировании в будущем с созданием вполне адекватной действительности грамматики и словаря². Ведь надо иметь в виду, что в «текстах» лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составляющую часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отсылкой «так не говорят», которые я буду называть «отрицательным языковым материалом». Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в лингвистике, насколько мне известно.

В сущности, то, что мы называем «разными» «психологическим методом» (или — еще неудачнее — «субъективным») и было у истоков этого метода. Вспомогательным средством в нем является язык. Впервые его стал осознать как таковой в зингоу написания моего «Восточнотюркского наречия» (1911). Вспомогательным средством в нем является язык. Впервые его стал осознать как таковой в зингоу написания моего «Восточнотюркского наречия» (1911). Вспомогательным средством в нем является язык. Впервые его стал осознать как таковой в зингоу написания моего «Восточнотюркского наречия» (1911).

Однako чувство это у **нормального** <...> члена общества социально обосновано, являясь функцией языковой системы (величина социальная), а потому и может служить для исследования этой последней. Именно оно-то и обуславливает преимущество живых языков по сравнению с искусственными и т.п.

В этом — ограничительном — смысле и следует понимать высказывания моих старых работ о важности самонаблюдения в языкознании. Для меня давно уже совершенно очевидно, что путем непосредственного

самонаблюдения нельзя констатировать, например, «значения» условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментировать, т. е. создавая разные примеры, ставя исследуемому форм в самые разнообразные условия и наблюдая получаемые при этом «смыслы», можно сделать несомненные выводы о этих «значениях» и даже об их относительной яркости. При таком понимании дела отпадает все же упрек «субъективности» полученных подобных результатов. Ведь полученные данные, которые можно делиться с другими, различны: стороны «смысла» что исследователю можно показывать при самонаблюдении; другим исследователю это может показаться иначе. Как видно из всего вышесказанного, в основе многих лингвистических утверждений всегда лежат получаемый при эксперименте языковой материал, т. е. факты языка.

[illegible]

Здесь мы не устраним одно недоразумение лингвистически изучая сочинения писателя (или устных высказывания любого человека), мы можем исследовать его речевую деятельность как таковую — получим что обычножно неправильно называют «языком писателя», что вовсе не является языковой системой¹ но мы можем также исследовать ее и как языковой материал. Для выведения индивидуальной речевой системы данного писателя, имея, однако, в виду, конечноем случае, установление языковой системы того языка, на котором он пишет. Конечно, картина будет неполная из-за недостаточности материала, и прежде всего из-за отсутствия отрицательного языкового материала, но многое можно будет установить достаточной точностью², как показывает многовековой опыт алфизмания.

Вообще надо иметь в виду, что то, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т. е. тоже социальными, обусловленными (семейными, профессиональными, местными и т. п.), и кажется индивидуальными отличиями лишь на фоне «общих языков». Языковые же системы общих языков могут быть весьма различными по своей развитости и полноте, от немого болота нуля до немого немца единицы (сущая нуть за отсутствием общего языка, а единица за никогда не осуществленного полного единства), и дают более или менее широкий простор групповым отличиям.

Строго говоря, мы лишь постулируем индивидуальные отличия индивидуальных речевых систем внутри примарной социальной группы, а такие отличия, как ведущие к взаимопониманию, должны неминуемо исчезать в порядке социального общения, а потому никто на них никогда не обращает внимания, даже если они и встречаются. Этим-то и объясняется всегда практиковавшееся отождествление таких теоретически несоразмерных понятий, как «индивидуальная речевая система» и психофизиологическая речевая организация индивида и «языковая система», которым более или менее соответствуют.

В сущности, можно сказать, что работа каждого неопита данного коллектива, усваивающего себе язык этого коллектива, т. е. создающего у себя речевую систему на основании языкового материала этого коллектива (ибо никаких других источников у него и не имеется), совершенно тождественна работе ученого исследователя, выводящего из того же языкового материала данного коллектива его языковую систему: только одна протекает бессознательно, а другая — сознательно.

Возражает, что эксперименты в языкознании, скажем, еще, что его божьина является перекрестком натуралистического понимания языка³. Происходит социологическое возмущение на него эта божьина. Пропадает в сфере социальной эксперименты всегда производились, производятся и будут производиться. Каждый новый закон, каждое новое расширение каждого нового правила, каждое новое установление известной точки зрения и в известной мере является своего рода экспериментами.

Теперь konuşur еше вопроса так называемой «нормы» в языке. Наша устная речевая деятельность на самом деле грешит многочисленными отступлениями от нормы. Если бы ее записать механическими приборами, во всей ее неупорядоченности, как это скоро можно будет сделать, мы были бы поражены той массой

ошибки в фонетике, морфологии, синтаксисе и словаре, которые мы делаем (об этом см., впрочем, см. [R.] Meringer und [K.] Meyer. Versprechen und Verlesen. Eine psychologische linguistische Studie. [Stuttgart], 1895). Не является ли это противоречие *всему* тому, что здесь говорилось? Нисколько, и притом с двух точек зрения. Во-первых, нузамет в себе, что мы *нормально* эти ошибки не замечаем — ни у себя, ни у других: «неужели я мог так сказать?» — удивляются люди при чтении своей стенограммы; фонетические колебания, тем более обнаруживаемые иностранцами, обыкновенно являются открытием для туземцев, даже лингвистически образованных. Этот факт объясняется тем, что все эти ошибки *социально* обоснованы; их возможности

заложен в данной языковой системе, и они, являясь привычными, не останавливая на себе особого внимания в условиях устной речи. Во-вторых, всякий нормальный член определенной социальной группы воспринимает в упор по поводу неверной фразы не самого или его окружения, как надо правильно сказать, а ответ, что «собственно надо сказать так-то, а это – сказало случайно или только так поспешилось-то и т.п.». Впрочем, существуют нормы, как и сама норма, которые не имеют своей целью исключительности (или разнотипности), между прочим – от наличия несогласия сосуществующих норм – и недостаточности дифференцированных для их носителей, от присутствия или отсутствия термина для сравнения, т. е. нормы, считаемой за чужую, от которой следует отталкиваться, и, наконец, от практической важности нормы или ее элементов для данной социальной группы».

Совершенно очевидно, что при отсутствии осознанной нормы отсутствует и отчасти отрицательный языковой материал, что в свою очередь обуславливает крайнюю изменчивость языка. Совершенно очевидно и то, что норма слабеет, а то вовсе исчезает при смешении языков и, конечно, при смешении групповых языков, причем первое случается относительно редко, а второе – постоянно. Таким образом, мы снова приходим к тому положению, что история каждого данного языка есть история катастроф происходящих при смешении социальных групп.

Возрастает к вопросам морали, науки, констатирует, что литература речевая деятельность, с. произведения писателей, в принципе свободна от неправых высказываний, так как писатели сознательно избегают лживых, собственных устных речевых деятельности, и так как, обращая к широкому кругу читателей, они не могут не учитывать мнения групповых языков, которые не вошли в том или ином языке в структуру литературного языка. Поэтому лингвисты глубоко правы в том, что, размыкая народное языко, обращаются к произведениюм хороших писателей, обладающих очевидно в максимальной степени тем оценочным чувством («чувством языка»), которое говорится языком, и, следовательно, полагая, что многие писатели, встречающиеся языком, и, во-вторых, что по существу произведения писателей не содержат в себе отрицательного языкового материала.

В заключение приведу несколько примеров лингвистического эксперимента <...>.

[illegible][illegible]

Если начать ораваживать формы (эксперимент) *neset* несит, нестёт и *teset*, *teset* и *seset* и т.д., то окажется, что хотя первые формы и будут безусловными, правильными, однако и вторые не будут абсолютно невозможными, какими были бы, например, формы *neset*, *teset* и *seset* в русском языке. Вспомогательные формы *seset* предпринимать, чем *seset* (эксперимент) ещё же попортить образованную форму 3 а от малолетнегребельного (в городе) глагола *seset* (эксперимент), то окажется, пожалуй, *seset* и *eset* а *seset* несит. И вся картина становится совершенно ясно: формы *neset*, *seset*, *teset* и т.д. — это формы будущего языка. Пока они устанавливаются только так, в чередованиях $\langle \text{н} | \text{с} | \text{т} \rangle$ заменяются корень слова; впрочем не следует забывать, что для всякий поймаёт

• **СРЯЗЪ АРМЯНСКИЙ** (-мен, -ой), ая, ое. Отно к Армении и армяне. Тирюдат, царь Армянской. ПЭ II 105. Подписан кон Армянским кыи. написанам. Пут. Леп I 272. ◊ а. ересь, мудрование. Об особенностях религиозных толкований армянской християнской церкви. Великий бы ес. аредительно чловачу доверстие, по армянскому мудрованию, сложен Писн. Зерк. 25. Двоестерное сложение то нарек Армянского ереси. Прощица «Слава», =

Армянский камень, □ Армянская земля. Матер. Армянской каме
Lapis armenus, которой пышет лазуревой цвет .. Состоит он из известн
земли или гипса соединенного с медною известью. Минер. Собр. II 127.

Армянский, а, м., Армянка, и, ж. Основное население Армении. Различные народы, племена, и языки: Исмаилиты, и Персы, Армены же и Иверы. В жит. 1711 б. Армяны и других Азиятцев. ПСЗ ХХII 557.

• **СРЯ18:** АРІАНСТВО, а, ср. Ученіе Аріа. В новонасправных книж двохверстное сложеніе называю Арменством, Аріанством, Несторіанством, праволи. Прощица 3. Аріанство, Аріана ересь. ЛВ¹ I 131

¹ А зачастую и для всех групп, как например французский язык тетеревших французов.

Я не говорю здесь о технике лингвистического эксперимента: она трудна и требует великого количества всяких предосторожностей. Записывать тексты может всякий; хорошо записывать тексты уже гораздо труднее; для того чтобы быть хорошим экспериментатором, необходим специальный талант.

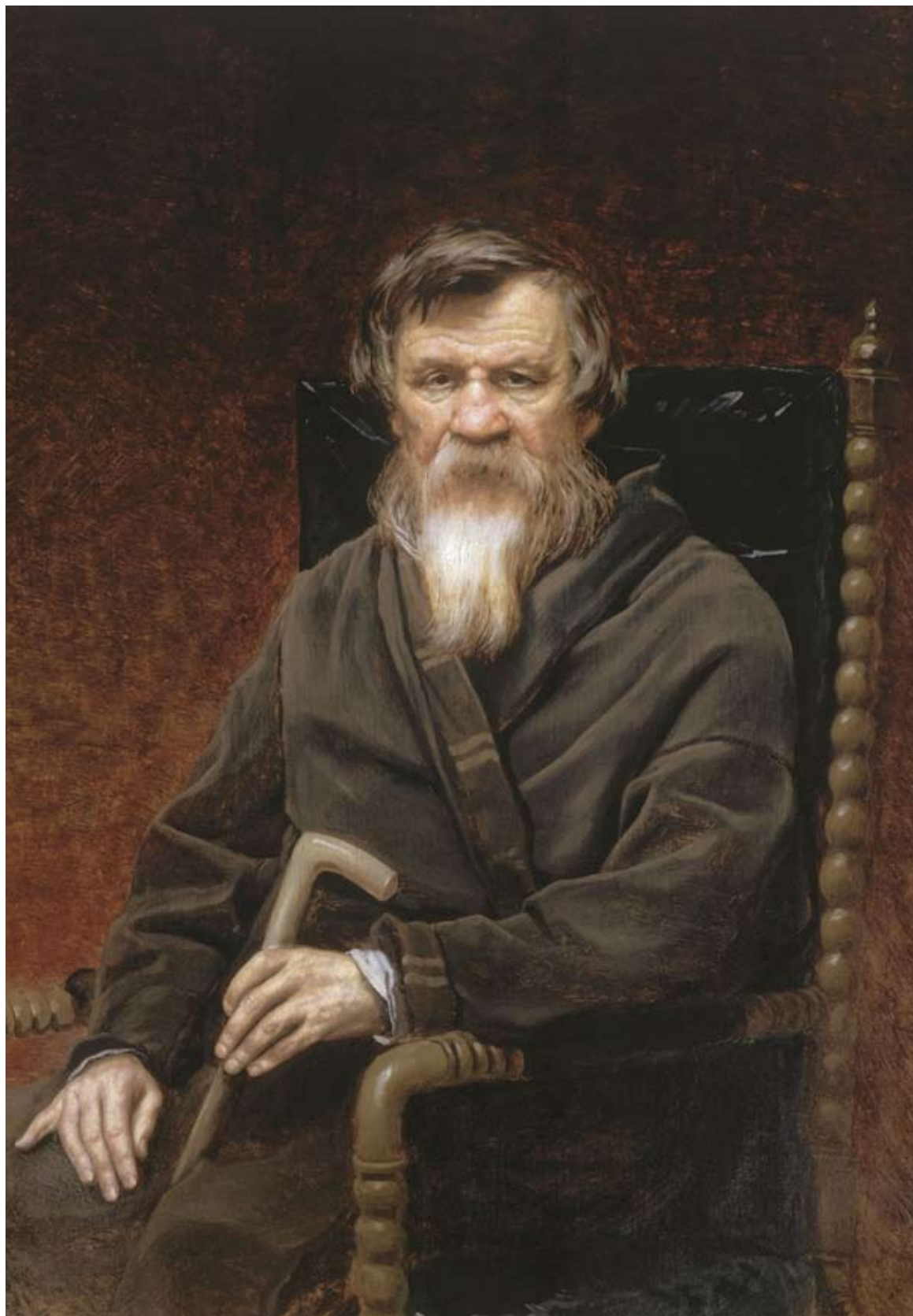
¹ Само собой разумеется, что в дальнейшем, для дополнения и сравнения, совершенно необходимо приложить сочинения и других писателей, и чем больше, тем лучше. Станислав без этого не только не построить, но всякому человеку — полную стилистику.

По не прав был Бодуэн, кто в разгаре обострения философских противоречий утверждал, что не разнице между живым и мертвым языком, между живым и искусственным языком: достаточно кому-нибудь изучить мертвый язык, чтобы он стал живым (J. Baudouin de Courtenay. *La critique de la künstlichen Weltsprachen*. Ostwald's Annalen 1897. Bd. I. VI. 1897). Этого, конечно, мало: для того чтобы стать живым, он должен стать хотя бы одним из множества ослепших обитателей внутри какого-либо социального гроты, чтобы был минимально.

⁸ Очень часто, особенно при смешении диалектов, норма может состоять в отсутствии нормы, т. е. в возможности сказать по-разному. Лингвист должен *будет* все же определить границы колебаний, которые и явятся нормой.

Говорю — отчасти, так как отрицательный языковой материал создается не только непосредственными исправлениями окружающих, но прежде всего фактически языковым материалом. Ребенок научается правильно просить что-нибудь, так как его неовытанные просьбы не выполняются.

¹ Приведу примеры: «проникнуть в тайные недружелюбные комнаты человеческой души» (Куприн, Штабс-капитан Рыбников); «из душ наших один раз нога срывалась с вершины кочки и вязала» (Фет, Мои воспоминания) и т. д.

MIKHAIL PETROVICH POGODIN (1800-1875)
MEMBER OF RUSSIAN ACADEMY (1836)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ARCHBISHOP INNOCENT (1800-1857)
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY (1836)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1841)
MEMBER OF HOLY SYNOD (1856)

LA BIBLIOTHÈQUE DU CONGRÈS

La bibliothèque du Congrès est fondée le 24 avril 1800 par le président John Adams en même temps que le transfert du siège du gouvernement de Philadelphie à Washington. La loi instituant la Bibliothèque accorde 5 000 \$ pour acheter des livres qui seront utiles au Congrès des États-Unis. La première collection est constituée de 740 livres et trois cartes qui sont achetés à Londres et arrivent aux États-Unis en 1801.

C'est le président Thomas Jefferson qui signe, le 26 janvier 1802, la loi établissant le rôle et les fonctions de cette nouvelle institution. Dorénavant, à la tête de la bibliothèque se trouve un bibliothécaire du Congrès qui est nommé par le président. Le budget et les différents règlements sont du ressort du Congrès à travers le Comité mixte de la Bibliothèque. L'emprunt des livres est accordé au président et à son vice-président et avec le temps est étendu aux membres de diverses institutions fédérales.

Ce n'est pas uniquement sur le plan légal que Thomas Jefferson a été un personnage important dans l'histoire de la Bibliothèque du Congrès. Il s'est particulièrement investi dans la vie de cette institution car il considérait que la raison était un aspect important de toute société démocratique et à ce titre possédait une vaste collection de livres. Durant sa présidence, il a lui-même recommandé à la Bibliothèque d'acheter certains livres. Lorsque les troupes britanniques envahissent Washington et brûlent le Capitole et les 3 000 ouvrages qui s'y trouvaient, il propose de vendre à la Bibliothèque sa collection personnelle composée de 6 487 livres. Cet achat est accepté en 1815 pour la somme de 23 940 \$.

Non content de doubler le nombre d'ouvrages, cet achat étend également les sujets couverts par la Bibliothèque et couvre non seulement le droit, l'économie et l'Histoire comme dans la précédente collection, mais également d'autres thèmes comme l'architecture, l'art, la science, la littérature et la géographie. Cette nouvelle collection ne contient pas uniquement des livres en anglais, mais également en français, espagnol, allemand, latin, grec ou encore russe.

Durant le début des années 1850 le bibliothécaire du Smithsonian, Charles Coffin Jewett, tente de faire de cette institution la bibliothèque nationale des États-Unis. Mais cette volonté est contrecarrée par le secrétaire du Smithsonian, Joseph Henry, qui désire que son institution se recentre sur la recherche scientifique et la publication. Il considère également que le rôle de bibliothèque nationale devrait revenir à la Bibliothèque du Congrès. Le 10 juillet 1854, Henry renvoie Jewett et met ainsi fin à la possibilité du Smithsonian de devenir la bibliothèque nationale des États-Unis et en 1866, les 40 000 ouvrages du Smithsonian sont transférés à la Bibliothèque du Congrès.

La rivalité entre le Nord et le Sud qui précède la guerre de Sécession fait obstacle au développement de toute institution fédérale et est à ce titre une période difficile pour la Bibliothèque du Congrès. Pour ne rien arranger, un important incendie se déclare fin 1851, détruisant les deux tiers des 55 000 ouvrages et incluant les deux tiers de ceux qui ont appartenu à Thomas Jefferson. La somme de 168 700 \$ est allouée pour remplacer les livres détruits, mais rien n'est fait pour accroître la collection, ce qui s'inscrit dans la politique conservatrice du bibliothécaire de l'époque, John Silva Meehan et du président de la commission mixte, le sénateur James Pearce, qui préfèrent limiter les activités de la bibliothèque.

C'est en 1870 qu'elle devient dépôt légal aux États-Unis. En 1897, elle intègre le Thomas Jefferson Building². Elle est agrandie en 1939 avec la construction du John Adams Building et en 1980 avec le James Madison Memorial Building.

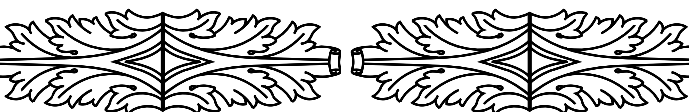
La bibliothèque fut marquée par deux bibliothécaires : Ainsworth Rand Spofford (1864-1897) et Herbert Putnam (1899-1939). Ils sont directement nommés par le président.

Au fil des années, elle a enrichi sa collection au point de dépasser en nombre d'ouvrages les collections situées en Europe. La collection contient notamment des livres et des publications en 470 langues.

Fin novembre 2005, la bibliothèque a annoncé le lancement futur du projet World Digital Library, visant à préserver sous forme numérique les livres et autres médias des diverses cultures mondiales.

En janvier 2006, son bibliothécaire (The Librarian of Congress) est le docteur James H. Billington. Il a été nommé par le président Ronald Reagan en avril 1987 et est à ce titre le 13e bibliothécaire du Congrès.

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

[illegible]

Примечание. Указанные слова имеют, конечно, некоторое сходство с частицами XIII раздела, состоящее в нахождении перед ними паузы, которая и обуславливает общность их уединяющего значения. Однако специфическое значение слитных союзов в связи с их очевидными формальными признаками делает их ясно обособленными.

Хорошо. Совершенно очевидно, что группа состоит из частицы, выражающей отношение «определяющего» к «определяемому», и слова, обозначающего объект, к которому относятся обозначения. Это слово синтаксически высшее по порядку (в разделе XI оно происходило внутри односоставного предложения). Частицы эти удобнее всего назвать *словами-определяющими*. В русском языке они являются традиционным названием *своими подчинительными* (пока, когда, как, если, лишь, так как и т. п.) — но сюда попадают и так называемые *относительные местоимения* (кто, что, где, когда, как, почему, куда, откуда и т. д.). Говорят *так называемые*, потому что зачастую действительно нет причин видеть, например, в *кто* или *что* слово-определяющее, а потому оно имеет лишь форму знаменательных слов, но не их значение. Сомневающимся пусть попробуют определить, чем является *который* — существительным, местоимением или словом-определяющим, — и тогда, которая читается *словами-определяющими*. Точно так же трудно приписать наречие в *когда* хотя бы и в таком роде, как *когда-то* или *когда-нибудь*, слово-определяющее. Однако возможность комбинирования двух функций — служебной (относительной) и знаменательной, особенно существительной, — несомненна. Можно бы даже сказать, что *кто* и *что* являются *словами-определяющими знаменательных связей*. Например: *душа, с кем идет, идет назмудрой броне*, что было признано наивысшей

Формальными признаками категории относительных слов является общее всем служебным словам отсутствие фразового ударения, а также то, что эти слова входят в состав синтагмы с характерной относительной интонацией. То, что делает эту категорию особенно живой и яркой, — это ее соотносительность со словами знаменательными. Когда вы *придете*, мы будем уже дома. / Когда вы *придете*? я знаю, что вы *на пути*. / Чего вы *пишете*? / *Тогда*, в котором вы *приехали* к нам. / Что мы особенно падаем, / В *котором* году вы *приехали* к нам? Недаром относительность всеми всегда ощущалась как единая категория, хотя и фигурировала зачастую в двух разных местах грамматик:

Примечание. В косвенных вопросах мы видим контаминацию вопросительной, относительной и одной из знаменательных функций,

Оканчивая свое обозрение так называемых "частей речи" в русском языке, я начинаю слышать тот стон, который идет из учительских рядов: "Как все это сложно! Неужели все это можно нести в школу? Нам надо бы что-нибудь попроще, поучетливнее, попрacticalнее...".

хотим изучить жизнь, — а язык есть кусочек жизни людей, — то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главное, перестает учить наблюдать жизнь и ее факты, перестает учить думать в ее факты. Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибок, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, и в словах, и в словосочетаниях, и в предложениях, и в текстах.

Проводить реформы, необходимость которых старая школьная грамматика, я всегда отговаривал себе, исходя от того, что реформа не поведет к облегчению. Идеалом была для меня всегда замена схоластики механическому разбору – живой мыслию, наблюдением над живыми фактами языка, думанием над ними. Я знаю, что думать трудно, и тем не менее думать надо и надо, и надо бороться со схолисткой, шаблонной, которые подстерегают нас на каждом шагу, всякий раз, как мысль наша слабее. Поэтому не следует прельщаться легким, простым и удобным: оно приятно, так как позволяет нам не думать, но ложно, так как скрывает от нас жизни, бесполодно, так как никому не учит, и вредно, так как встряет мысль нашу в дремоту.

Однако, как говорю своим слушателям уже с самого начала моей педагогической деятельности, все трудности оказываются значительно более легкими, если не забывать о том, что мы имеем дело с детьми, а не с грамматическими категориями своего родного языка и что наша задача только разбудить у них **лингвистический инстинкт** и заставить осознать уже имеющиеся категории. Все предшествующее им (и даже немыслимое, но не выходящее из инстинкта, и к началу моего обучения вовсе не относится. Здесь надо лишь, не мудрствуя лукаво и не насилуя ни своего, ни детского языкового чувства, наделить яркими на существующие у них категории, которые таким образом и будут приведены к сознанию. И тогда почему же не считать, что мы имеем дело с теми же категориями, дело деланное, более высшее преподавания.

я счастливи, что имею ныне возможность выписать из толка что полученной новой книги знаменитого датского лингвиста-мыслителя и методиста Есперсена (O. Jespersen). The Philosophy of Grammar. [London, 1929.] стр. 62) следующие слова: При обучении элементарной грамматике я не начинал бы с определения отдельных частей речи, особенно с обыкновенных определений, которые так мало говорят, хотя и кажется, что они говорят много. я поступил бы

[illegible]

Январь-ноябрь 1924 г.
Добавление

К **сплошке** на стр.93 [МК. см. выше]. Ныне летом я имел случай внимательно прочитать книгу М.Н. Петерсона "Русский язык" ([М.-Л., 1925] и, к сожалению, должен констатировать, что соображения, высказанные мною в спохе, не могут относиться к этой книге (дело, действительно, конечно, о частях речи), которая наглядно показывает тот абсолютный тупик, в который заводит классификационная точка зрения. Мне кажется, что сам автор чувствовал это, вводя все-таки в отделе словообразования понятие глагола, и я надеюсь, что, внимательно переделав все вопросы, М.Н. Петерсон в основном вполне согласится со мной и со собственным еще систематизирующим талантом дополнит и

Октябрь 1927 г.

§ 37 О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Автор: В.В. Виноградов.

Толковые словари национального языка – мосты культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры. Акад. И.И. Срезневский, которому мы обязаны составлением ценнейших «Материалов для словаря», писал: «Словари, как и всякое учебное дело, так и здесь, где знание отечественного языка составляет большую необходимость, должны, следовательно, лучше составлены словарями, где и представить чужим обращаясь, так и своим гражданам, и в особенности тем, которые составляют толкование словарей родного языка – важное национальное дело. Глубокое общественное сознание и высокая культура языка, и, следовательно, высокий уровень выражается в живом интересе разных слоев народа к толкованию толковых словарей и в повышенной требовательности к их внутренним достоинствам. В этой стране, где национальное сознание и стремление к составлению национальных толковых словарей являются типом, общественные требования к качеству их особенно велики и настоятельны. Само собой разумеется, что в этой стране, где так высоко ценится совершенствование лексикографической работы в Советском Союзе должна принадлежать толковым словарям, составляемым на русском языке, особая роль [Большому] академическому словарю». Между тем состояние работы по составлению этого словаря и качество выходящих в свет отдельных его томов не так соответствуют высоким требованиям, как хотелось бы русскому языку и тем опытным лексикографам, так и выдающимся читателям вообще. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вкратце историю создания этого словаря, а также его структуру, облик его словаря, освещающего основы системы его словарного расчленения, слов значительно более высокого уровня, чем те, которые встречаются вместе с тем большаи вопросов русской лексикографии. Ведь от точности, полноты, совершенства данных теоретических проблем компетенции и методологии лексикографии зависит основное достижение наших толковых словарей.

Естественно, что в ряду этих нерешенных вопросов первое место занимает проблема семантической структуры слов, или, лучше: семантической структуры словосочетаний. Для ее решения в отечественной лингвистике этой проблемы применительно к русским токовым словам необходим комплексный и всесторонний анализ. В настоящее время в отечественной лингвистике существуют разнообразные семасиологические исследования, посвященные углубленному анализу значений и способов употребления отдельных слов, а также словосочетаний. Однако в лингвистике не существует ни одного исследования, посвященного внутренне объединенным группам слов в современном русском языке. Построение статьи о смысловой структуре слов, о соотношениях и связях его значений, об исторически сложившихся условиях его фразеологического употребления, об устойчивых фразеологических оборотах, о том, насколько оно соответствует действительности, насколько оно адекватно является целесообразным и более или менее адекватным языковой «действительности».

В последние годы у нас появилось много статей, посвященных проблеме слова, проблеме значения и понимания слова, проблеме семантики слова. Сторона от конкретного научно-исследовательского опыта, приобритенного в работе над изучением лексикотипа того или иного языка в ее развитии, а также над изучением родственных и неродственных языков. Необходимо конечно поощрять углубленные, аналитические исследования как семантической структуры слов в русском языке, так и семантической структуры слов в других языках, родственных, разнородных и внешнеязычных. И взаимодополнительные лексикальные ряды слов в общей лексической системе данного языка. Самая методика исследования семантики слова в русском языке пока мало разработана. В толковых словарях русского языка наблюдается многочисленное недостоиство и ошибки в определении значений слова, в принципах их разграничения, в характеристике форм синонимии и антонимии, в характеристике фразеологической сочетаемости, в стилистической дифференциации.

Вот несколько наиболее типичных и показательных иллюстраций из вышедших томов Академического словаря:

а) В слове *господь* выделяется два значения. Первое определяется так: «Скульптурное изображение верховной части человеческого тела, т. е. головы, шеи, плеч и части груди... *альбертские боты великий геше*». Второе значение формулируется на основе первого: «Верхняя часть человеческого тела до пояса». Но формулировка этого значения – неопределенная и неточная – явно противоречит смыслу тут же помещенных примеров его употребления. Из романа Гонимаров «Обломов»: *Платно на ней [Паншениной] сидело в откаты. От этого даже и декретный боти не, когда она была без платья, мог бы послужить хаитисии или скульптурному модели крошечной, дородной груди, не нарушая ее скромности* (Акад. словарь, т. I, стр. 735-736). Ср. франц. бот *господь*, *грудь*, нем. *Busthalter* – «бюстгальтер». Натальный женский лифчик, бюстодержатель (там же).

[illegible]

Вижу, вон, малый огонечек

Ср. у Чехова в «Степи» брезжится как синоним брезжит; А ночь была темная, эи не видать, хоть не гляди вовсе. Прошелся я этак немножко... и вижу - огонь брезжится

[illegible]

И могу вам сообщить
Из своей палаты.

Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.
(Твард. Василий Теркин)

Да и вообще связь и порядок значений в глаголе *выжить*, как они изображаются в Академическом словаре, не мотивированы и непонятны. В самом деле, первого значения представляется что-то составитель

[illegible]

Пример – не из удачных, так как *вскиз* здесь можно понять и в смысле «остаться в живых, сохранить жизнь». Да и сфера применения этого предполагаемого значения не раскрыта. Других иллюстраций нет. Сопоставление с другими толковыми словарями современного русского языка внушает очень большие сомнения в существовании этого значения. Так или иначе с данным значением, если бы оно существовало, пришлось бы связать заимствованиемское (просторечное): «приобрести что за время жизни глубоко; выслушать, узнать». Пример из сочинений Ф. Решетникова: *Што оно в городе-то вкиснет? чему научишь? Еще покажу пеленуницей, али кашмирянчи*.

Менее ясен и мотивирован переход к следующему (3-му) непреходящему значению: «Остаться в живых (после тяжелой болезни, ранения и т. п.)». Это значение скорее связывается с первым, чем со вторым. Но уже совершенно непонятны мотивы выделения в этом третьем значении такого фразеологического обусловленного оттенка: «Утратить умственные способности от старости, одряхления». И далее: «Еще

выражения: Выжить из ума, из памяти – потерять память, способность соображения; впадать в детство». Так, у Ф.М. Достоевского в «Дядюшкином сне»: *Старик, если и не выжил еще из ума, то давно уже выжил из памяти и по минутному сбывается, поворачивается и даже совсем замирает. Точно так же и не имеет прямой связи со значением «остаться в живых» и выражение «выжить из ума». Например: Я выжил из тех лет, когда умирают, проносив их своей любовью и заещая другим клаустро-напоминательных или ненапоминательных воле (Лерм. Ки. Меру).*

г) Некоторый параллелизм к этой ассоциативно-произвольной семантической обработке глагола *вымахивать* может служить статья о слове *вымахивать*. И тут объединяются три совсем разных значения: Первое (переходное) - «махая, выгонять».

[illegible]

Очевидно, «второе» значение, вернее, «вторичное» значение относится только к глаголу *вымыслить*, глаголу же *вымыкать* этих значений не имеет. Таким образом, безразлично, смешаны или, вернее, перемешаны два различных слова и их значения. Что же касается третьего значения («просторечного») – «вырастать, становиться высоким», то оно связано с глаголом *вымахать*. При этом не вполне ясно, можно ли объединить это значение с первым значением *вымахать* («махая, выгонять») в одно слово. Например: «А как выросли! Какие дубы *вымахали*!» – говорил Мартынович, описывая *походку* топилинских *гизамов* (Фадеев, Повесть, 103). Удлинённый. Итак, перед нами если не три, то во всяком случае два совершенно разных глагола.

Естественно возникает следующий вопрос: почему до сих пор у нас нет таких исследований по русскому глагольному словообразованию, в которых были бы выяснены связи и соотношения разных функций той или иной приставки в сочетании с одной и той же глагольной основой, с разными структурными вариантами глагола? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для решения проблемы метода перестроенного значения, для определения способов и закономерностей деривации глагольных основ. От решения данного вопроса зависит также понимание некоторых тенденций развития омонимии в системе производных глаголов с приставками в современном русском языке. Наконец, на этом же пути можно найти объяснение господствующим в современном русском языке приемам и принципам словообразования при соотношении разных значений в семантической структуре глагола, производимых посредством приставок.

[illegible]

Второе значение у глагола *выговаривать* – *выговорить* определяется при помощи глаголов совершенного вида («поставить условием, оговорить что-либо в свою пользу при договоре, сделке и т. п.»), хотя здесь иллюстраций его употребления встречается и форма несовершенного вида (см. приведенную в Словаре цитату из романа Мельникова-Печерского «В лесах»).

Третье же значение – выговаривать кому-либо – делать упрек, замечание, выговор кому за что-либо – вообще, собственно лишь формам несовершенного вида. Естественно возникает вопрос, не связано ли оно с омонимом, с особым словом *выговаривать*, соотносящимся с именем существительным *выговор* (ср. выражения: *Делать – делать выговор и пугать – пугать выговор*). Вместе с тем при наличии существительного *выговор* глаголы *выговаривать* и *выговорить* нельзя не считать и с тождественной семантикой, что подтверждает и употребление глагола *выговаривать* ср. устаревшего разговорного глагола *выговаривать*. Ср. Пушкина в «Капитанской дочке»: *Марья Ивановна сказала выговаривать маме за бездельство, причиною которого всем было ссорю с Швайнским*, и у Б. Паскаля: «Повести о настоящем человеке: *Стручок почесал из-за каблука подбородок, изложил... Не мамина – скрипка, кабы подбородок, изложил... Не мамина – скрипка, кабы подбородок, изложил... Не мамина – скрипка, кабы подбородок, изложил...*»

Естественно, что и под словом *выговор* также механически объединяются два слова-омонима: 1) *выговор* – «манера, способ произношения...» («украинский *выговор*», «хороший *французский выговор*», «пермский *выговор*», «недостаток в *выговоре*») и 2) *выговор* – «упрек,

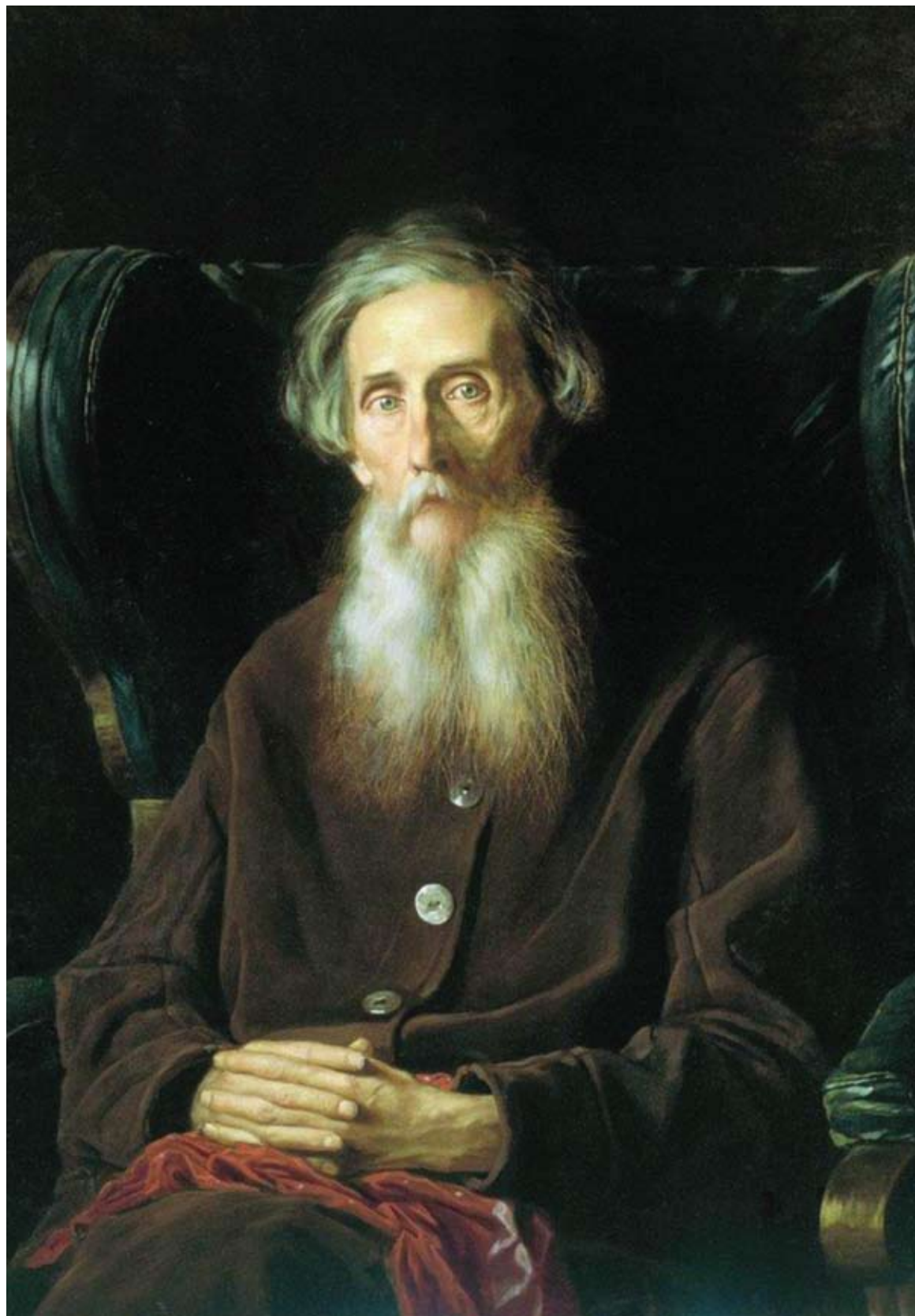
² В.В. Виноградов, *Вопросы Языкознания*, страницы 80-95, 5 Сентябрь Октября, Институт языкознания, Академия Наук СССР, Москва, 1956; В.В. Виноградов, *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. - М., 1977. - С. 243-26

⁴ См. "Словарь современного русского литературного языка". М.-Л., Изд-во АН СССР: т. I - 1950; т. II - 1951;

⁶ Необходимо отметить, что в "Словаре русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук" (т. I [под ред. Я. К. Грота]. СПб. 1895, стр. 646) было указано еще одно значение глагола *ослабляти*: "маханием приводить в ослабление руки, ноги или члены". Более корректно было бы использовать глагол *ослабляти* в значении "ослаблять".

ДОКТОР ПОЛЬ-МАКСИМИЛЬЕН-ЭМИЛЬ ЛИТТРЕ (1801-1881)
ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ (1839)
АВТОР СЛОВАРЯ ЛИТТРЕ (Le Dictionnaire de la langue française)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF TDK)

VLADIMIR IVANOVICH DAHL (1801-1872)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1838)
DISTINGUISHED MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1863)
AUTHOR OF ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

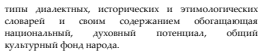

FYODOR IVANOVICH TYUTCHEV (1803-1873)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1857)
MEMBER OF MOSCOW UNIVERSITY PHILOLOGICAL SOCIETY (1819)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

АВРААМ ЛИНКОЛЬН (1809-1865)
ОСВОБОДИТЕЛЬ АМЕРИКАНСКИХ РАБОВ
(ARTWORK COURTESY OF THE WHITE HOUSE, WASHINGTON, D.C.)

FILOLÓGICA POR LA CAUSA.

Этимологические словари

1. до индоевропейской эпохи (Фас-мер);
2. до праславянского периода (Трубачев)
3. до древнерусской поры (Шанский);

1. XI—XIV вв.
2. II — XVII вв.
3. XVIII в.
4. XIX в.

Во-вторых, имеют в виду широту отражения в словарях лексико-семантической системы, а шире — языковой структуры в целом: словари толковые, словари лексических категорий (антонимов, омонимов, синонимов...), лексико-грамматических категорий (управление глаголов, падежно-предложные сочетания), лексических пластов (иностранные словари, словари лакунов, новых слов, фразеологизмов, иноязычных неадаптированных слов и выражений), отдельных уровней (диалектичный, словособоразовательный) и т. п.

В этом отношении такого рода экстенсивную систему словарей конечно тоже полезно выделять. Подобный подход позволяет ставить задачи равным образом и перед лексикографами, и перед издателями, причем последним приходится руководствоваться не только научными соображениями, но и преследовать при этом лингво-социальные, просветительские, т. е. собственно издательские цели: распространение словарей в обществе, увеличение возможностей обращения человека к словарю и повышение культуры работы со словарем. Коротко я бы сформулировал цель издателя так: *доставить каждому человеку до словаря, поинтересуйтесь человеком к словарю.*

[illegible]

Обе тенденции — и к созданию узкоспециальных одно-аспектных, однопараметровых словарей, и к построению комплексного, универсального словаря — хотя и имеют место, в крайнем их выражении — являются в известной мере тенденциями к регрессу, к отходу от русской лексикографии. И те и другие, скорее, конечны, но, преобладающие их узко — для определения специалистов: «слишком ли раздельно?», главным образом для редакторов, словари уаеренный для дикторов и т. п., а универсальный, скорее всего, для филологов. Массовому читателю нужен ли словарь, содержащий **оптимальное** сочетание параметров. Что такое оптимальное сочетание, каково оно? Оно определяется эмпирически, прежде всего на основе экспериментальной основе, которая есть в лингвистике — в отличие от других наук, где нет несомненно разного рода лингвистических параметров в одном слове.

Но прежде чем охарактеризовать комплекс общетеоретических и собственно лексикографических проблем, которые предстоит решить при подготовке такого словаря, необходимо остановиться на разном понимании самого термина «нормативно-стилистический» словарь.

Практически такой словарь отталкивается от типологии ошибок в употреблении и тратует по своей структуре словарь трудностей. Поэтому он является в известном смысле дифференциальным, а не полным.

Далше речь пойдет о слове первого типа, поскольку понимаемый во втором смысле нормативный стилистический словарь уже составлен в Институт русского языка в Москве. Итак, в идеале обсуждаемый словарь, ориентированный на русский язык конца 20 в., должен отражать состояние языка, особенности его

Во-вторых, произошёл скачкообразный рост роли массовых коммуникаций, усилилось их влияние на формирование языкового облика среднего носителя языка. Распространение средств массовой коммуникации, при всей положительной роли этого процесса, приводит к двум негативным языковым последствиям — к внедрению в языковую практику большого числа заимствований, штампов, т.е. к потере языком своей индивидуальности.

В-третьих, научно-технический прогресс не может сосуществовать и непосредственных человеческих контактов, приводя к дальнейшей регламентации, стандартизации профессионального общения, подчинению его законам документного технократического языка и одновременно к сокращению сферы неформального общения людей (т. е. непосредственного живого диалога, не осложненного техническими средствами, перепинки, языковой игры и т. п.).

В этой ситуации перед нормативными эстетическими науками встает принципиально новая задача. Они должны не только выполнять свои традиционные функции. Они должны в новых условиях не просто описывать и фиксировать состояние языка, не просто представлять, рекомендовать, квалифицировать, но и активно участвовать в формировании и корректировке сложившихся в обществе речевых практик, воспитывать носителя языка, эстетически оценивать языковую индивидуальность. А это значит, что эстетическая лингвистика должна быть традиционными двумя чертами: 1) она не должна быть пассивным отражением изменений, а концу в них должна участвовать; 2) она должна быть тесно связана с преобразованием научной, технической лексикой, широко распространенной стилистикой, а также с формированием новой лексики. Она должна представлять собой идеализированную модель, предназначенную для активного воздействия на носителя языка, на формирование его языковой личности. Она должна быть ориентирована не на описание, а на формирование личности человека — носителя языка, выполняющего эстетическую функцию. Эстетическая лингвистика должна быть воспитательной, воспитывающей, формирующей, преобразующей ролью. Для успешного движения по этому пути лексикологи должны активно взаимодействовать с другими эстетическими науками.

Другая проблема, решение которой не может не оказать влияния на характер словаря, — изменение социальных функций русского языка наших дней. Русский стал языком международного общения, международного общения. В национальных республиках издается огромное количество художественной литературы на русском языке, широко и активно функционирует в сфере массовой коммуникации, т. е. резко расширяется национальный контекст его использования, возросли масштабы его локального и регионально-вариативного. В этих условиях и увеличивается жесткость нормативных требований, роль фактора «бескомпромиссности», которые должны способствовать росту культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия.

[illegible]

2) **конкретизирующее**, способ выражения которого зависит от индивидуального значения слова и от стилистической окраски; например, компонент «направлений» совмещаемого лица результатов «действия» может выражаться глаголом (оскорбитель, тот, кто оскорбил, оскорбляет кого-нибудь) или глагольным словосочетанием (убища — тот, кто совершил, совершает убийство);

3) **оценочное**, который передается обычным качественно-характеризующими словами (напавший, выдающийся, отличный, нерадивый, плохой) или словосочетаниями (негодник — человек недостойный поведения).

4) *фонового*, для выражения которого служат специальные сочетания типа: в старину, в крепостном праве, в Русском государстве 16—17 вв., годы гражданской войны, в капиталистических странах у верующих, в славянской мифологии, мусульманстве.

Использование общих схем, формул толкования позволяет устранить существующие расхождения толкований ЛСТ, делая в этом отношении слово «системное» но, и такая версия словаря не исчерпывает всех возможностей в этой области. Кроме толкования нормативно-стилистической и идиографической как качества основы оптимального словаря может использоваться **словообразовательная**. Естественно, в таком случае мы будем иметь дело не с обычным словообразовательным словарем (предварим, с помощью или каким-то else), а с словообразовательным тезаурусом. Основной единицей такого тезауруса становится словообразовательная группа, которая образуется прибавкой активной морфемы, перенесением морфемных полей над лексическое ядро, единицы которого могут получать самую разнообразную комбинацию.

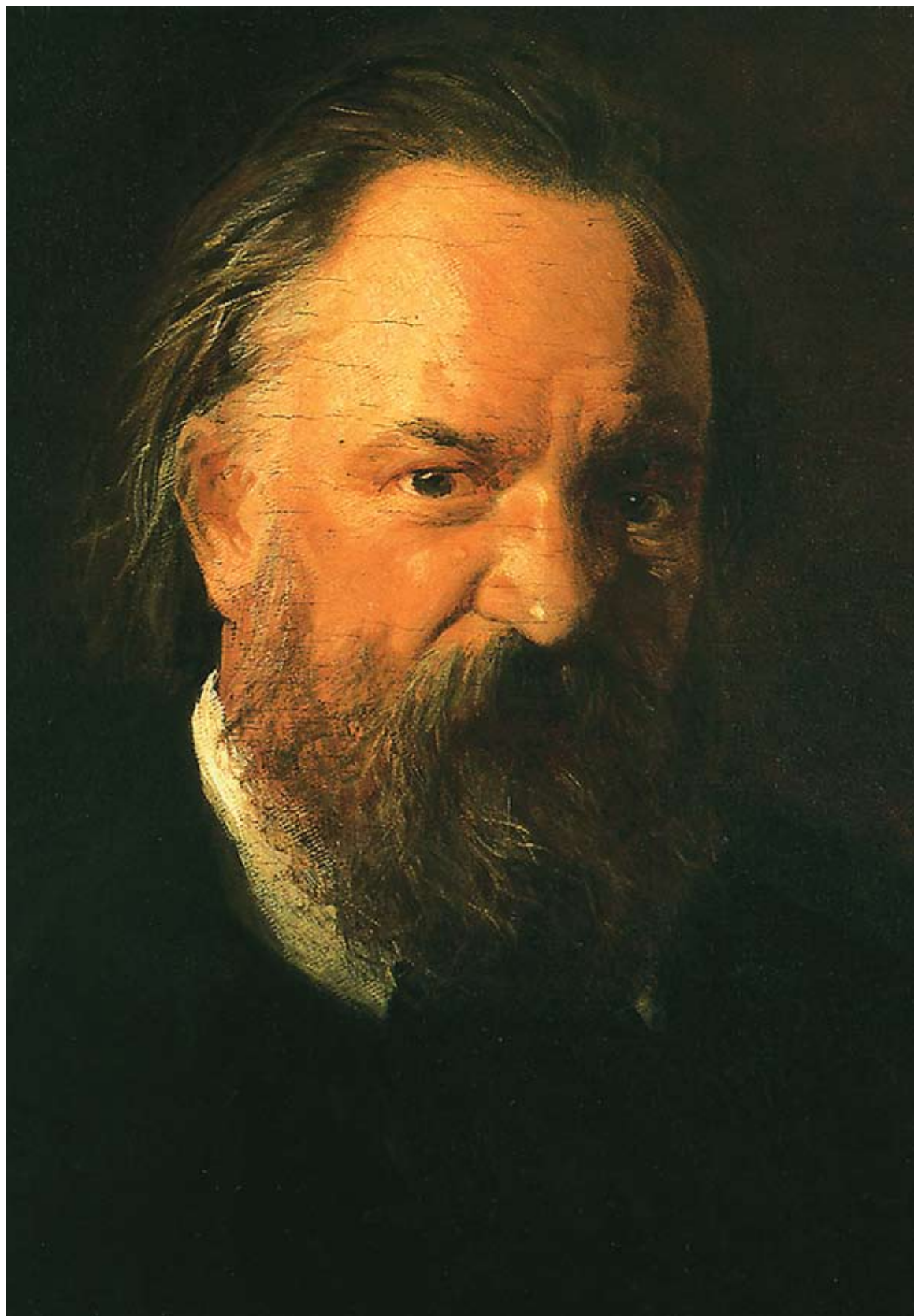
Итак, в основе словообразовательного теоретического приращения по своей структуре к банку данных по русскому словообразованию, разрабатываемому Институтом русского языка АН СССР, лежат оснóвные принципы: принцип полноты, принцип системности, принцип словообразовательных гнезд и словообразовательных парадигм русского языка. Последователи приращивания информации в словаре достигают полноты, системности и словообразовательных гнезд частотных слов русского языка строится по словообразовательным гнездам с указанием типа гнезда, характерной его регулярности, частотности, продуктивности и т. п., полученных с помощью компьютерных методов. Принцип системности русского языка – А. А. Зализняк и фиксирует расхождение (поэтому, что она словница пересекает частично: в чем-то больше оказывается с грамматической информацией, в чем-то – словообразовательной), давая при этом обоснование расхождению. Принцип словообразовательной информации словоизменительной (из слов Зализняк). Последующие шаги намечают наращивание семантической информации, т. е. принятие единой словница толкований и переводов, что в конечном итоге приведет к созданию единой автоматизированной системы.

Следует сказать, что в автоматическую лексикографию, т. е. в область подготовки, хранения, ведения и периздания словарей с помощью ЭВМ рассматриваемая коллизия между центробежной тенденцией к построению одно-аспектных словарей и центроприменительной тенденцией к универсальному словарю переносится почти целиком.

С точки зрения автоматизированной информационной системы универсальными являются экономичные, разумные, удобные, но с точки зрения пользователя, решающего информационные задачи, исследовательские задачи, выгодные не универсальным, а проблемно-ориентированной системой. В реальной практике автоматизация лексикографических работ требует необходимого компромисса. Так, в проекте Машинного фонда русского языка словарно-грамматический подфонд формируется из машинных версий толковых словарей, генерального словаря (который включает новые слова, и асплативный словарь, включающий морфемный словарь, грамматического словаря образовательного словаря. Все совокупность

NIKOLAI VASILYEVICH GOGOL (1821-1852)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ALEXANDER IVANOVICH HERZEN (1812-1870)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

JACOB CARLOVICH GROT(1812-1893)
PROFESSOR AT HELSINGFORS UNIVERSITY (1840)
ACADEMICIAN OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1858)
VICE-PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1889-1893)
THE FOUNDER OF RUSSIAN NORMATIVE LEXICOGRAPHY
(ARTWORK COURTESY OF CZECH ACADEMY OF SCIENCES, PRAGUE)

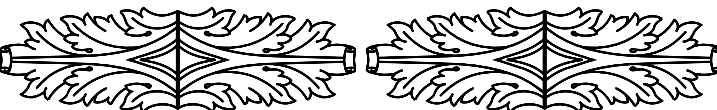

IVAN ALEXANDROVICH GONCHAROV (1812-1891)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1860)
THE DEPARTMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND PHILOLOGY
(ARTWORK COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

MIKHAIL YUREVICH LERMONTOV (1814-1841)
CO-FOUNDER OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

формирования развития национальных литературных языков привлеклась языки с разнотипными традициями, находящиеся на разных ступенях развития, обрешившиеся в разных исторических условиях. Очень мало материала извлекалось из истории славянских литературных языков. Между тем выяснилось, что славянские языки в разные периоды развития языка народа занимают в его системе равное место. В ранние периоды образования буржуазных наций литературным языком владеют ограниченные социальные группировки, основная же масса сельского, а также городского населения использует диалект, который в дальнейшем превращается в литературный национальный язык, если считать его ядром литературного языка, оказался бы принадлежностью лишь части нации.

Только в эпоху существования развитых национальных языков, особенно в социалистическом обществе, литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устной, так и в письменной общении выразителем подлинной общенациональной нормы.

Основным признаком развития национального языка, в отличие от языка народности, является наличие единого, общего для всей нации и охватывающего все сферы общения нормированного литературного языка, сложившегося на народности. Поэтому изучение процесса формирования и развития литературного языка литературной нормы становится одной из главных задач истории национального литературного языка. Средневековый литературный язык и новый литературный язык, связанный с формированием нации, различны по своему отношению к народной речи. Литературный язык средневековья, в отличие от нового литературного языка, не имеет своего собственного значения, а следовательно, не имеет своего собственного значения, а следовательно, не имеет своего собственного значения, а следовательно, не имеет своего собственного значения.

Наблюдения над диалектной базой или диалектными процессами образования некоторых языков, например французского, немецкого, итальянского, славянских – русского, польского и отчасти болгарского языков, приводят к установлению таких закономерностей. В становлении литературного языка участвуют не все диалекты, а лишь некоторые, а именно те диалекты, из которых она в процессе их интеграции непосредственно вырастает, но ко времени формирования литературного языка в основном уже не существуют, а другие диалекты, входящие в состав данного национального языка. К этому сложному процессу в целом, при учете всего его конкретного своеобразия, как правило, не обращают внимания лингвисты, рассуждая о диалектах, в результате которой и формируется единая литературная норма национального языка в ее письменной и устной форме, подчиняющая себе все диалекты и говоры, а не наоборот, как у С.-С. Маркова. Диалектная основа литературной нормы национального языка, в сб. «Вопросы формирования и развития национального языка», 1960, стр. 64).

[illegible]

Если средневековый литературный язык использовался сравнительно ограниченными общественными слоями и только в письменной разновидности, то национальный литературный язык приобретает значение, приближающееся к всенародному, и применяется как в письменном, так и в устном общении.

В истории литературного языка особенно резко выступают различные два аспекта развития языка: функционального и структурного. Функции литературного языка донациональной эпохи могут быть сведены к трем: *официально-общественной*, *официально-литературной* и *официально-научной*. Языками (ср., например, старославянский и народные языки у восточных и южных славян, латинский язык у германских и западнославянских народов и армянский язык в Армении), а также *народно-литературными* (например, в т.д.). Самый характер распределения функций обусловлен социально-историческими причинами. Характеры в этом отношении различия между функциями литературного языка в донациональной и национальной эпохе. В донациональной эпохе различия функций (официально-общественной речевой деятельности (например, в сфере права и юриспруденции). Принцип «полноты» означает, как один из признаков функционального языка, что он должен охватывать все содержание и границы определяются балансином (дисциплиной) донациональной эпохи и непрерывностью развития языка в народно-литературной эпохе. В национально-литературной эпохе язык приобретает собственную функциональную дисциplinу, которая определяет его содержание и границы.

Закономерности структурного развития разных типов письменно - книжных языков различны в донациональную эпоху. "Чужой язык" (например,

старославянский у славянских народов и у румын, латинский в западнославянских и германских странах) в качестве литературного языка в большей степени подчинен внешним факторам, чем внутренним законам своего развития. Один и те же памятники церковнославянской письменности и книжно-славянского языка, например в истории древнерусской литературы, переписываются - с некоторыми грамматическими и лексическими изменениями - с XIII до XVII в. и сохраняют свою актуальность.

Очень интересны вопросы билингвизма в его разных конкретно-исторических формах, важные для изучения развития литературного языка в период позднего средневековья (см. наблюдения К. Баквиса в работе: *Backvis C. Quelques remarques sur le bilinguisme latino-polonais dans la Pologne du seizieme siecle*, 1958).

В процессе формирования отдельных национальных родственных литературных языков рельефно выступает своеобразный принцип или закон "взаимопомощи". Например, известна роль русского языка в образовании болгарского национального литературного языка, роль украинского, польского и русского языков в формировании белорусского языка, роль чешского в становлении польского национального литературного языка. При этом результаты заимания русского, украинского и польского языков несут не ослабление национальной специфики белорусского литературного языка, наоборот в процессе контактов с этими языками активизировались его внутренние ресурсы и более осознанно определялись национальные нормы мышления.

В период развития национальных славянских литературных языков существенно изменяется роль отдельных языков как источников их влияния на другие. Можно считать, что литературный язык никогда не совпадает со своей диалектной основой, даже если этот диалектный источник литературного формирования является главным или претендует на основную роль. Литературный язык всегда в идеале рассчитан на общее или общенародное употребление. Отсюда развивается принцип генерализации форм и категорий, даже если их истоки – местные, локальные.

В развитии народных языков наблюдаются некоторые общие закономерности в предельно аналогичную эпоху в развитии от индоевропейских форм (обычно – архаичных) к современным. В частности, в развитии индоевропейских языков. Образуется так наз. культурные диалекты, которые ложатся в основу литературно-письменной традиции и оказывают большое влияние на формирование и развитие литературного языка. В славянских языках – Языки, появившийся Вуком Караджичем в основу сербского литературного языка, - не только как, принято считать, герцеговинский диалект, сколько обращение им к поэтическому слою сербских народных языков, в частности к языку из области Саванского, - в основном городским, связанным с кака-вио крупным торговым центром (или рядом центров), его роль возрастала с ростом государственности, торговли и торговли, была особенно значительна в начальный период формирования литературного языка. В развитии литературных языков, в период их зарождения и затем постепенно ослабежала, сходя почти на нет.

[illegible]

Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всеохватности или общности и нормативность. Именно в терминах общности и нормативности определяется национальное литературное языковое явление, так как в разговорной (устной) и письменной, так и в разговорной (устной) форме. По этому признаку литературно-разговорная форма национального языка нового времени резко отличается от литературно-разговорной формы старого. На основе объединения диалектов, интердиалектов разговорного койне под регулирующим влиянием национального письменного литературного языка формируется литературно-разговорная форма национального речи (ср. например национальные литературные языки стран арабского Востока). Необходимо также учитывать социально-политические условия формирования литературно-разговорной литературный язык второй половины XIX – начала XX в. не был единым на всей территории расселения украинской нации, расчлененной между Россией и Австрией. В украинском языке существовали различные диалектные формы и различные языки и литературные традиции. Отсюда отсутствие единых общеобязательных норм украинского национального

Таким образом, **полнотеловость** национального литературного языка, т.е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития. Так, украинский национальный литературный язык сначала развивается и закрепляется преимущественно в художественной литературе (поэтичність І. Котляревського, Г. Квитка-Основанюка, П. Гуцала, Т. Шевченка), а затем распространяется на жанры публицистической и научной прозы и лишь впоследствии - на разновидности прозы официально-документальной и производственно-технической. Близкие процессы наблюдаются в истории образования белорусского национального литературного языка.

Вопрос о роли художественной литературы и связанной с ней языковой традиции при формировании национального литературного языка очень сложен и требует комплексного подхода. В истории формирования своеобразные индивидуализмо-исторические формы решения и воплощения в истории отдельных литературных языков. Нередко история на языке культуры и литературы является основой формирования национального литературного языка. В истории славянских литературных языков так обстоит дело с македонским, словенским, болгарским и сербским языками, в которых литературный язык формировался на основе народного языка фольклора и собрал для этой цели целый корпус народных песен и сказок. Однако при формировании единого сербо-хорватского языка в XIX в. в основу литературного языка были положены наследи богатой дубровницкой литературы, получившей в основном в более поздний период шtokавского диалекта. К языку Яна Туга и Крайишкого диалекта относятся и основы формирования сербского литературного языка. Язык произведений М. Рен (1905–1969) и Я. Коцановского (1930–1984) было во многом основан при нормировании польского литературного

Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об организации и формировании ряда отдельных индивидуальностей (например, А.С. Пушкин в истории русского национального литературного языка, Вук Караджич в истории сербского национального языка, А. Мицкевич – польского и т.д.). Английский лингвист Р. Огг в своих историко-сравнительных работах доказывает, что в сфере литературного языка изменения могут быть результатом деятельности отдельных лиц или учреждений (грамматический, лексический, стилистический и т.д.). Однако решающую роль и здесь играет общество в целом. А priori можно предположить, что индивидуальное влияние было доминирующим в формировании многочисленных литературных языков, которые появились в течение последних двух столетий. Систематическое исследование данных языков, однако,

Вопрос о соотношении и взаимодействии стилей литературного языка и языка художественной литературы, особенно в новый период, не получивший всестороннего разрешения. Роль художественной литературы в развитии общелитературной речи по отношению к другим литературным стилям в XIX – XX вв. считается особенно значительной. Так, в науке о русском литературном языке и русской литературе в советскую эпоху был выдвинут вопрос о соотношении художественной системы литературного языка с другими стилистическими системами художественной литературы по специфическим формам ее стилей – жанровым и индивидуальным – в эпоху формирования национального языка и литературы с конца XVIII в. Именно so, вторая половина XIX в. рассматривается как период индивидуализации стилей художественной литературы и, соответственно, объема и характера индивидуального речворчества в рамках поэтической традиции разных эпох определяет до некоторой степени выбор и оценку стилистических особенностей языка как исторического истории литературного языка.

Особое и своеобразное место в ряду проблем и задач изучения истории национальных литературных языков занимает вопрос о наличии или отсутствии локальных (областных) литературных языков (например, в истории русского языка – о «русских диалектах»). В истории современных национальных литературных языков так же, как и западнославянских (в принципе), не знают этого явления. Болгарские, македонские и словенские языки также не пользуются своими литературно-областными разновидностями. Но сербо-хорватский язык разделяет судьбу русского языка, и в нем существуют локальные литературные языки. Специфика этого явления заключается в том, что «областные» литературные языки функционируют только в сфере художественной литературы и то преимущественно в поэзии. Многие поэты «двуязычны», они пишут на общелитературном языке и на одном из «областных» – хайкувском или чакavianском (М. Кракеда, Т. Уенич, М. Фраичевич, В. Наход и др.).

Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах: народно-культурной и государственной. Взаимодействие этих сфер способствует повышению качества единого и единственного. Эта тенденция с одной стороны сильной и острой дает себя знать в формировании и функционировании языков культуры, с другой стороны способствует развитию литературы, которая развивается очень стремительно. Обычно разрыв между письменной-напиской и народно-разговорной равнозначности литературного языка культуры и народного языка культуры, который в национальной культуре на пути прогресса народа в целом (т.е. современное положение в странах арабского исламизма, Латинской Америки). Тем не менее в некоторых странах арабского исламизма, в частности в странах арабского исламизма, литературного языка еще не обособилось народ от двух его вариантов (например, в Норвегии, Албании, Армении), хотя и здесь тенденция к единству языка культуры и народного языка культуры. Общей чертой развития национальных языков является проникновение литературной нормы во все сферы и формы общения, речевой практики. Национальный язык культуры постепенно становится языком ассимиляции и, постепенно приобретает общенародное значение и распространение.

§ 43 ПУШКИН И ЛЕРМОНТОВ —
ОСНОВОПОЛОЖНИКИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Автор: В.В. Виноградов.

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова... Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так

«В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование. Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем

определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцам художественного слова для современного читателя.

Стремясь к концентрации живых сил русской национальной культуры речи, Пушкин, прежде всего, обращается к традициям классической литературы, к социально-языковым стилям, из которых исторически складывается система русской литературной речи и которые несут в себе противоречивые отношения к языку и к культуре. В поэтическом языке Пушкина столкновения и смешения до начала XIX в. Это были: 1) церковно-славянизмы, являвшиеся не только источником богатства, но и своеобразной формой приспособляемости к выражению сложных явлений и понятий в разных стилях современной Пушкину литературной речи (преимущественно в официальном и публицистическом); 2) элементы живой русской национально-бытовой речи, широким потоком хлынувшие в стиль классицизма; 3) элементы народной речи, которые несколько ограничили литературные права русского просторечия и простонародного языка, в особенности в поэтическом языке. Пушкин не отрицал значения профессиональных диалектов и жаргонов, рассматривая их с точки зрения гласно и своеобразно понимаемой им «исторической характеристики» и «народности» языка. Он считал, что «народность» языка — это общепонятный язык «хорошего общества»¹. Однако «хорошее общество», по мнению Пушкина, не путается с «хорошим обществом», не путается с «хорошим, возмужалым гласным образом к крестьянскому языку — иной простоты» выражения, свободной от всякого «иностранства», от мешковатой «чуждости и

Пушкин стремился к созданию демократического национально-литературного языка на основе синтеза дворянской культуры литературного слова с живой русской речью, с формами народно-поэтического творчества. С этой точки зрения представляет глубокий социально-исторический интерес оценка Пушкиным басенного языка Крылова, признанного в передовой критике 20–30-х годов XIX в. «квинт-эссенцией русской народности, но с острым мелкобуржуазным и народно-поэтическим, фольклорным привкусом»².

Пушкин завершил процесс создания русского национального литературного языка. На протяжении всего XV в. от Ломоносова до Радищева и Карамзина в развитии русского литературного языка постепенно усиливается тенденция к сближению книжной литературной речи с народным языком, с бытовым просторечием: Однако только Пушкин гениально завершает этот процесс и развивает до совершенства тот универсальный язык, провозглашенный Ломоносовым: «Боготворит язык».

изумительный по выразительности и богатству литературный язык, который лег в основу всего дальнейшего развития русской литературы и современного русского языка, путь которого Шолохов определил словами «от Пушкина до Горького».

«При имени Пушкина толчас освияет мысль о русском национальном поэте», — писал Тоголь еще при жизни Пушкина. — В нем, как будто в лексиконе, заключаючись все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул юе границы и более показала юе пространство» («Несколько слов о

Пушкине). С тех пор граница самого русского языка и сферы его влияния расширилась необыкновенно. Русский литературный язык не только стал одним из самых распространенных в мире, но и приобрел, не в Советскую эпоху, но резко изменив и повыва со вращением являющееся качество. Язык великого народа стал языком всего человечества. Язык Пушкина, язык, выражающий общечеловеческое содержание новой советской культуры и одним из ее языков распространяющей. Все возрастающее мировое значение культуры Пушкина обнаруживается и в том, что современный русский язык является важнейшим источником, откуда черпает язык культуры всего человечества. Язык, откуда распространяются по всему миру, по всем языкам мира понятия и термины советской культуры и цивилизации. В эпоху этих коренных исторических изменений, в эпоху, когда русский язык становится языком, и в его мировом значении имя Пушкина высоко как никогда, читается у нас, и притом не петиционным образом, а как нечто само собой разумеющееся, как нечто народом. Имя Пушкина окружено у нас всенародной любовью и всеобщим признанием как имени великого русского национального поэта, основоположника новой русской литературы. Нужно было грандиозный социалистический переворот, чтобы его великие

Источником языка поэта была живая русская речь. Характеризуя особенности языка Пушкина, академик В. В. Виноградов пишет: «Пушкин стремится к созданию демократического национально-литературного языка на основе синтеза книжного культурного литературного словаря с живой русской речью, с формами народнопоэтического творчества... В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование».

«А. С. Пушкин сопровождает нас всю жизнь»¹. Он входит в наше сознание с самого детства, пленяя душу ребенка чудесной сказкой. В юности Пушкин приходит к нам через школу – лирические стихи, «Евгения Онегина». Пролетает стремление к возвышенному, любовь к «святой воляности», неукротимое желание посвятить отчизне «души прекрасные порывы». Наступают зрелые годы, и к Пушкину обращаются самостоятельно. Тогда и происходит открытие своего Пушкина.

Мир поэта необъятен, все было предметом его поэзии. Он отзывался на все, что составляет внутреннюю жизнь личности. Прикасаюсь к его творчеству мы не просто узнаем неповторимые черты природы и русской жизни, не только наслаждаемся гармонией и красотой поэзии, мы открываем для себя Воюмю.

Нам дорога в Пушкине, его любовь к русской истории. Властью пушкинского воображения мы становимся соучастниками Полтавской битвы и бессмертной «розы двенадцатого года», свидетельствами мятежной силы народа в «Капитанской дочке» и ледяной душе сцены грозного «безмолвия народа» в финале «Бориса Годунова».

Мир Пушкина – не только Россия. С юности началось его знакомство с античными поэтами, в пору зрелости с – Шекспиром. Он высоко ценил великого поэта Саади и

¹ Подробнее см. в моей книге «Язык Пушкина», Изд. «Académie», 1935.

² Виноградов В. В. Пушкин и русский язык, с. 88 // Вестник Академии Наук СССР, № 2-3 С. 88-108, Москва & Ленинград, 1937.

⁴ Наталья Борисовна Крымова, зав. сектором редкого фонда отдела читальных залов ЦБ им. А.С. Пушкина, аспирант ЧГАКИ.

ALEXEY KONSTANTINOVICH TOLSTOY (1817-1875)
RUSSIAN NOVELIST AND PLAYWRIGHT
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1873)
(ARTWORK COURTESY OF THE HERMITAGE MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

ARCHIMANDRITE PALLADIUS (1817-1878)
MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES
RUSSIAN SINOLOGIST

(ARTWORK COURTESY OF CHINESE-RUSSIAN DICTIONARY BY P.S. POPOV. VOL. 1-2.TUN-VEN-GUAN, PEKING, 1888.)

IVAN SERGEEVICH TURGENEV (1818-1883)
RUSSIAN NOVELIST AND TRANSLATOR
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1860)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

УСТАВ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE PUSHKIN HOUSE, SAINT PETERSBURG)

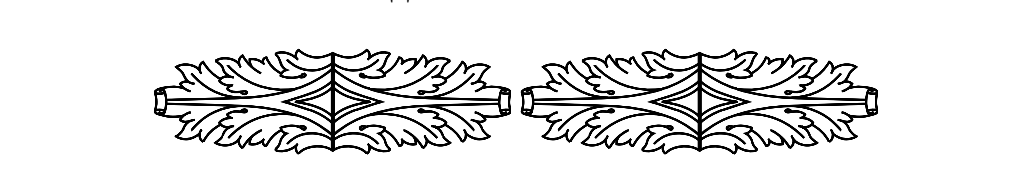

AFANASY AFANASEVICH FET (1820 -1892)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1886)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

NIKOLAI ALEXEEVICH NEKRASOV (1821-1878)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF VEZENBERG & CO., SAINT PETERSBURG)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

[illegible][illegible]

Особое место в структуре русского языка занимают разговорные элементы в литературном языке и сама разговорная речь. Устная разговорность литературного языка непосредственно связана с нормализованным языком письменности, особенно когда она выступает как средство массового общения (язык радио и телевидения, кино, театр, доклады, лекций и других публичных выступлений). В то же время она постоянно испытывает воздействие со стороны просторечья, жаргонов и местных говоров, имеющихся в ней и собственные тенденции развития, что приводит к разнообразным формам разговорности литературного языка. Входит в состав его письменности и письменная разговорность. Наряду с устной речью массового общения существует также устная речь личного общения в семье.

[illegible]

Определенные сдвиги наблюдаются и в стилистических оценках. То, что в строгом организационном литературном языке имеет окраску неприличности, вульгарности, нестойкости, неадекватности, в повседневном общении, в бытовой разговорно-литературной речи может оказаться нейтральным. Редко кто из нас в разговоре употребит «поеду на электросеть», обычным будет «электрик». В официальном языке однако употребляется *электросеть*, а слово *электрик* все современные словари (с позиций стилистики) относят к разряду «неформальных», «разговорных», т. е. имеющее сниженную окраску. Из этого следует, что и понятие «разговорное», как и понятие «просторечное», действительно, оно обозначает стилистически пласт неприличных и сниженных элементов в образном литературном языке (пласт стилистически неформальных, разговорных, просторечных, отнесенных стилистически к понятию «разговорно-бытовое»).

В разговорно-бытовой речи, по-видимому, можно обнаружить повышенную вариативность лексики, некоторые сдвиги (особенно окказиональные) в значениях слов, разного рода другие окказионализмы, большой удельный вес просторечия, диалектизмов и жаргонизмов, но в основе своей словарный состав остается тем же, что и в образцовом литературном языке. Фонетические нормы также в основном сохраняются.

Некоторые лингвисты склонны считать неподготовленную разговорно-бытовую речь особым «разговорным языком», имеющим свою

самостоятельную систему. Это явное преувеличение, которое доказать невозможно. Письменно-литературная и разговорно-бытовая разновидности литературного языка органически переплетаются друг с другом, постоянно взаимодействуют, питают и обогащают друг друга, причем ведущая роль остается за письменнo-литературной разновидностью. Говорим и пишем мы при всех жизненных обстоятельствах на одном, а не на двух русских литературных языках. Утверждать обратное – значит превратно толковать понятие «язык».

Поэтому следует заметить, что вообще не следует злоупотреблять термином «язык». В некоторых работах по соседству без нужды получают распространение выражения «русский язык», «русский язык и культура», «русский язык и литература», «русский язык и фольклор», «русский язык и искусство» и т.п. Содержание которых не имеет ничего общего с реальным содержанием, которое не раскрывается на рамках понятия «местные говоры, диалекты, наречия». Кроме путаницы, эти термины в науку не вносят. Язык представляет собой определенную систему выражения мысли, а не совокупность языковых единиц, слов, фразеологизмов, урочек. Сопоставление языка и культуры, несомненно, представляет такую систему со своими специфическими особенностями. Местный говор также представляет собой систему, пусть в настоящее время он не имеет своего литературного выражения, но он определенно имеет свое значение, свое противопоставление литературному языку, но совокупность всех говоров не имеет своей особой системы и является только лишь совокупностью говоров, которые в настоящее время в русском языке по общему мнению, что присутствуют во всех разновидностях русского языка, в том числе и в литературном языке, что делает русский язык «русским».

Вместо этого, в настоящее время, можно утверждать, что может доказать, что все системы языков говоров русского языка имеют такое же значение, как литературный язык или отдельный говор; следовательно, никакого «диалектного языка» не существует, не может существовать.

Очень важное значение для развития лексиконно-литературного языка имеет развитие научно-технической и производственной терминологии. В наш век научно-технической революции происходит громадный рост специальных терминов, возникновение новых терминологических систем. Никто не знает даже приблизительно, сколько терминов имеется в настоящее время в русском языке. Во всяком случае их миллионы. В подавляющем своем большинстве они находятся за пределами общелитературного употребления, оставаясь достоянием рабочих, служащих и ученых определенных профессий. Несомненно, такое положение сохранится и в будущем, так как невозможно представить себе такого человека, лексический запас языка которого состоял бы

[illegible]

Несравненно более скромную роль в развитии литературного языка играют разного рода ограничения в своем употреблении жаргонизмы, которые обычно являются признаком низкой культуры речи или же используются как элементы эмоционально окрашенного сниженного стиля. Некоторые из жаргонизмов попали в выпущенный словарь «Новые слова и значения»: *баранка* (о поле, охоте, балов в спортивных соревнованиях), *женитик* (женатый мужчина), *лп* (ошибка, промах), *собрать* (выпить какой-либо спиртной напиток, выпить всластоу), *сбросить* (сбросить, выкинуть, отбросить), *сломать* (сломать, сломать, сломать), *сломать* (сломать) и др. Конечно, жаргонизмы должны изучаться лингвистами и сами по себе, и как стилистическое средство, но с позиций литературных норм они в большинстве своем словесный мусор, который не место в речи культурных людей.

Как видно из вышеизложенного, русский литературный язык, сам неоднородный в своем составе, теснейшим образом связан с различными разновидностями русского национального языка, рождается из них и сам составляет их основу. В результате этого языка не только обогащаются новыми средствами выражения, но и обнищает стилистически, повышает вариантность своих элементов, получая возможность обозначать одно и то же явление разными словами и формами. Вариантность – одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами (одни варианты на определенные отрезки времени остаются равноправными, но в таком равноправии всегда заложена возможность нарушения равновесия, приращивания к ним новых элементов, ослепления, приращивания окраски тоже изменяется, третий укрупнения, свои долиции итд... нообот, саит, итд.

переход в разряд малознакомых или незнакомых элементов) производят многие свитки на всех языковых уровнях. Смена одного варианта другим нередко протекает неравномерно и зависит от многих причин. Изменение границ между равнозначными языками (или диалектами) также нередко происходит в результате определенных) также нередко осуществляется через ступень вариативности в широком смысле этого слова. В то же время для современного русского литературного языка характерна строгая нормативность, которая не допускает произвольных отклонений от общепринятых, законодательно закрепленных, равноправных, взаимозаменимых, или стилистически ограниченных. Все мы в равной мере в своей речевой деятельности делаем те или иные отступления от установленных нормы, но между ними индивидуума на языке общества нельзя ставить наравне с теми, кто не знает языка, не владеет им, не имеет культуры, который языковой коллектив ориентируется в бесконечном море речевой деятельности.

[illegible]

Язык художественной литературы – чрезвычайно богатая, но составная часть общелитературного языка, который в свою очередь является составной частью языка общения. Однако в то же время он и шире, так как общелитературный язык посылается писателю (в зависимости от своей основной и вспомогательной функций) в виде своеобразного инструментария, в котором языковые средства имеют системные элементы данных определенных эпох (как называемые историзмами), исторические слои и выражения (иногда без перевода), а также стилистические, лексические, грамматические, синтаксические и прочие языковые средства, находящиеся вне норм общелитературного языка. Многие из таких средств благодаря удачным находкам, сделанным писателями, вошли в язык литературный, становясь нормативными, образцами. Только некоторые безнадёжные трудности мы встречаем в штатки языковых творцов писатели. Между языком литературным и языком художественным, между литературным языком тем и не может быть тождества, но теснейшая и органическая связь между ними несомненна. Кстати, заметим, что такой универсальный язык, который не имеет границ, не может быть созданным никому немалым ни один литературный язык, как писал А. Яков, сам же пишет на обычном русском литературном языке. Но не только стилистический и семантический анализ, но и фонетический может и должен представлять структуру современного русского языка и его различных разветвлений. Ее своеобразия станут еще более наглядными, если обратиться для сравнения к языкам других народов, к языкам, которые в современном языке были иной, но теми для событий, работ.

§ 47 РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА В
ПОПОЛНЕНИИ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА⁴⁷

Автор: Л. Е. Кругликова

The XIX century was an age of emerging clerisy in Russia with an inevitable impact on the Russian language. One of its consequences included the development of specific 'qualitative' names for persons such as *человек с ярко выраженными индивидуальными чертами* 'someone with a strong personality', *самодур* 'a gifted person without a regular education', etc. The XIX century saw the 'discovery' of the Russian peasantry and folklore with a result that vernacular components were increasingly embedded in the literary Russian. The list of 'qualitative' names expanded significantly (and more quickly than in the XVIII century) through the development of their semantic derivatives. Russian literature became an active supplier of new language units.

Автор статьи: Людмила Евгеньевна Кругликова

«Тогда XIX век в истории русского литературного языка чрезвычайно велик. XIX век — это время, когда решались кардинальные проблемы языка: споры о «старом и новом слоге», относительно «своего» и «чужого» в литературном языке, борьба шкловских и карамзинских, преобразование литературного языка А. С. Пушкиным, формирование русского подязыка науки... Значительные изменения произошли в этот период и в общественно-политической жизни России. А, как известно, лексико-фразеологический состав языка подвержен наиболее сильному влиянию социальных факторов в отличие от фонетических, морфологических и синтаксических. Поэтому в лингвистике и лингвистическом языкознании существуют закономерности развития языка. Давая классификацию социальных факторов, Ю. Д.

Дешириев относит к ним следующие: «социально-экономическая формация, средства производства, общественные (производственные) отношения, идеология, наука, культура, искусство, литература (художественная), политическая система общества, языковая политика, система образования, система массовой коммуникации, образ жизни, эстетическая система взглядов общества и т. д.» [2, 11].

Если в XVIII веке, особенно в петровскую эпоху, носителем «русской идеи» было правящее меньшинство («государство агрессивно навязывало новое мировосприятие, внедряло новые социальные институты» [5: 39]), то в XIX веке — творческое меньшинство, а именно интеллигенция.

Вышесказанное не могло не сказаться на языке. Не случайно А. А. Шахматов писал, что «история русского литературного языка — это история постепенного развития русского просвещения» [6: 256].

Роль русского языка XIX в. в пополнении лексики и фразеологии современного литературного языка рассмотрим на примере лексико-фразеосемантической группы (ЛФС) качественных наименований лица, которая является одной из наиболее обширных, интересных и непосредственно связанных с ментальностью русского человека.

[illegible][illegible]

¹ С полным основанием К. И. Чуковский писал: «Ни под каким именем, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: *папуша*, *мамуша* или *бабуша*» (К. И. Чуковский. *Живой как жизнь*. М., 1962, стр. 20).

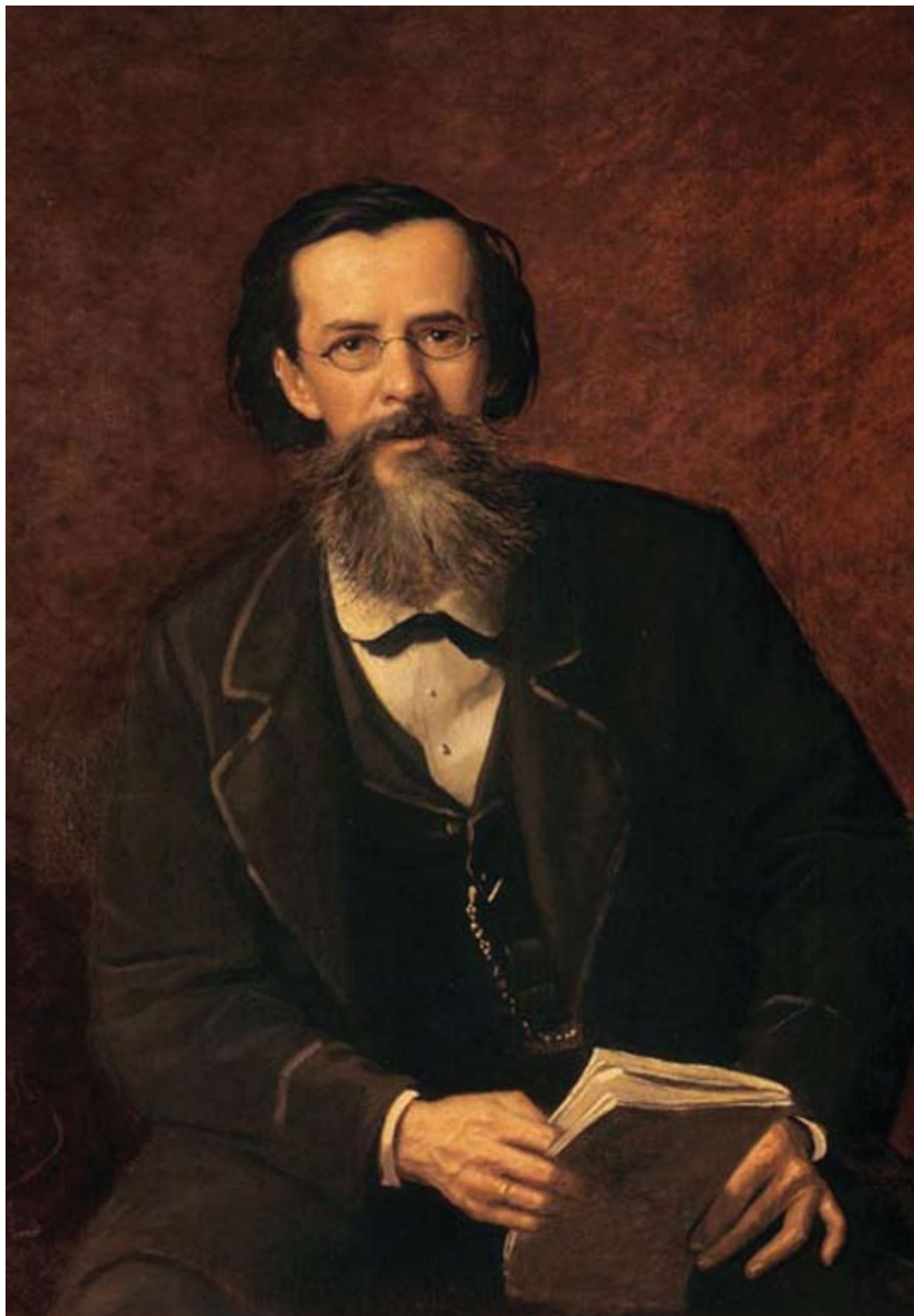
² В. Д. Ленин, Петр I и русский язык (К 300-летию со дня рождения Петра I, ИАН ОЛЯ, 1972, 3, стр. 217.

³ «Новые слова и значения. Словарь-справочник», М., 1971.

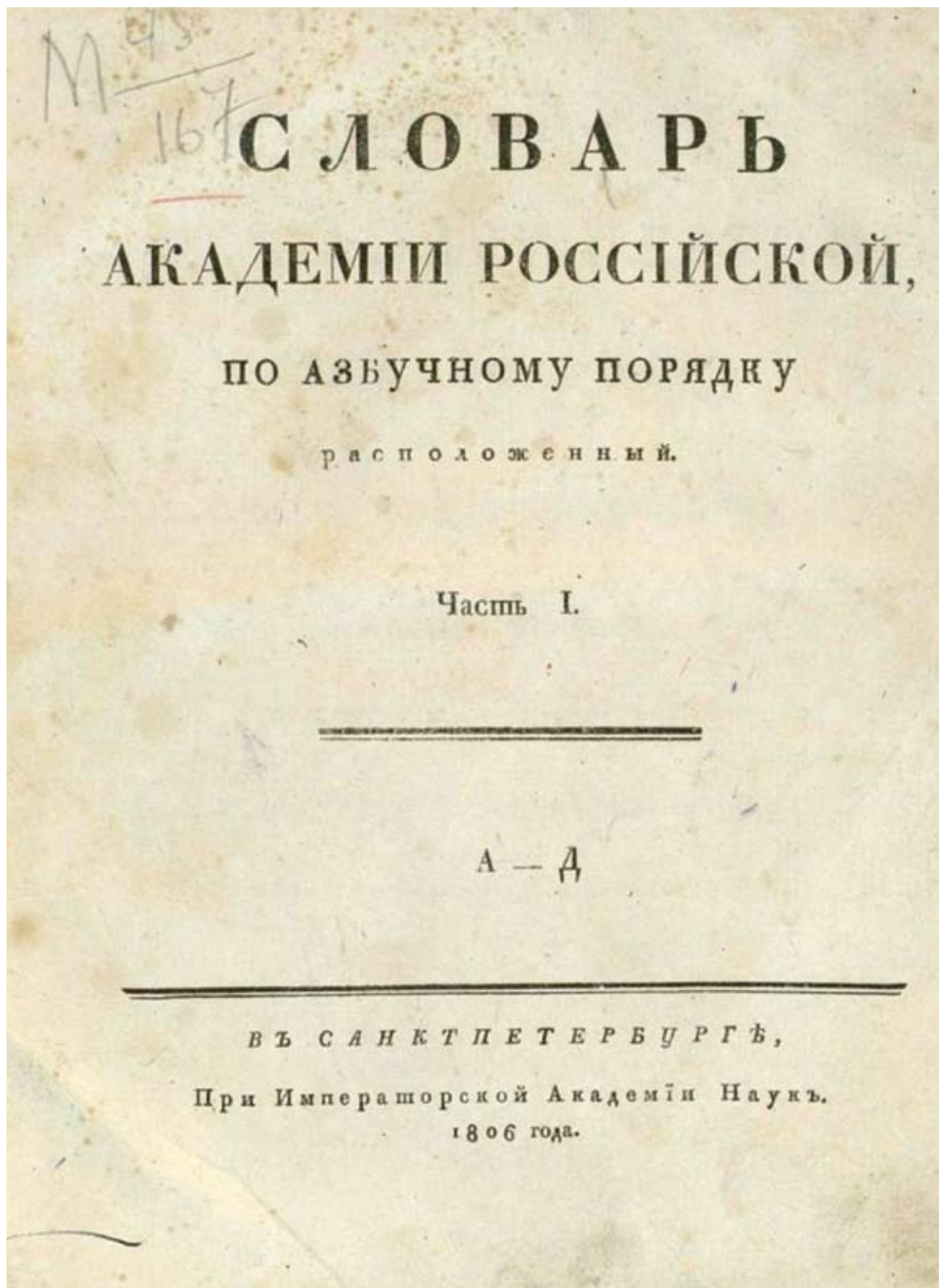
¹Кругликов Л.Е., Роль русского языка XIX века в пополнении лексики и фразеологии современного литературного языка // Acta Linguistica Petropolitana IV, part III, С. 25-32, "Наука": ИЛ И РАН, St. Petersburg, 2008.

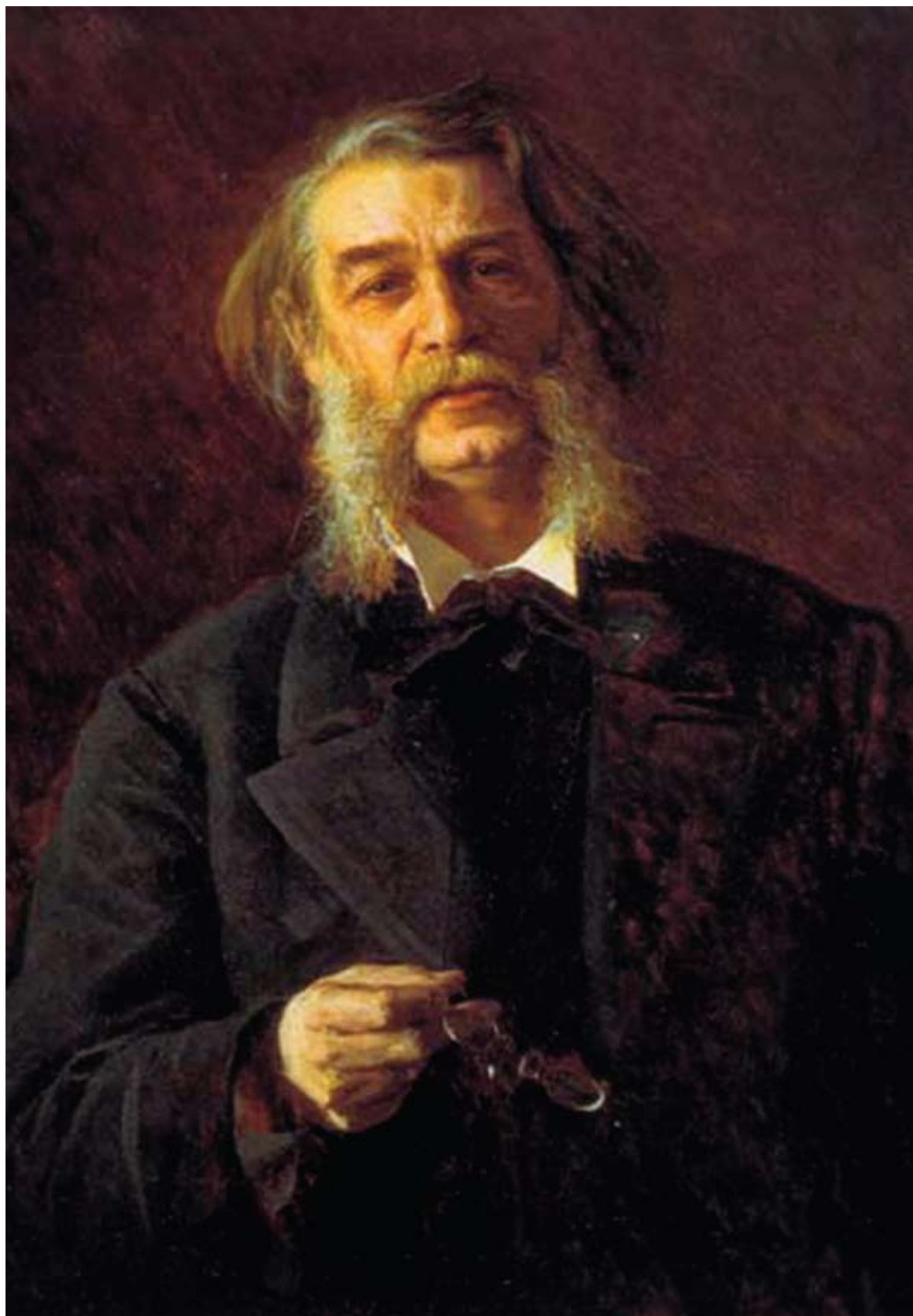
FYODOR MIKHAILOVICH DOSTOEVSKY (1821-1881)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1877)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

APOLLON NIKOLAEVICH MAIKOV (1821-1897)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1853)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ
СЛОВАРЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ (1806-1822)

DMITRI VASILYEVICH GRIGOROVICH (1822-1900)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1888)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ALEXANDER NIKOLAEVICH OSTROVSKY (1823-1886)
CORRESPONDING MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1863)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

FILOLÓGICA POR LA CAUSA

пронскохождение и значения. В действительности, например слова *есть* и *естьность*, *есть* и *естьшь*, *есть* и *естьи* – это не синонимы, а синонимы синонимов, синонимы рядом, чем, разбрасывая их в разных местах словарного рядка на основании аффиксного порядка, который не имеет никакого отношения к синонимии, мы создаем несообразности, противоречия взаимоотношений слов и объясняется только прочно установившаяся традиция при написании. Бесспорно, что аффиксный порядок усложняет нахождение справок, но и в то же время разрушает естественные связи слов; между тем синонимический порядок дает полную возможность усилить значения и отношения слов к их пронскохождению и имеет для себя полное преимущество.

Для справок по русской лексике средних веков, не зарегистрированной в печатных словарях, работникам нашей библиотеки отдала в пользование картотеку издания Словаря древнерусского языка.

Указанным научным органом Словарного отдела Академии наук СССР и Академии наук трех действительных членов Академии Наук и двух членов – корреспондентов:

Главная редакция и авторы-составители:
 чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев (главный редактор)
 чл.-корр. А. И. Абрамзон;
 чл. физ.-мат. наук А. М. Бабкин (зам. председателя).

По принятой за основание словарной работы мысли В.И. Ленина, «Словарь современного русского литературного языка» опирается на произведения русской литературы от Пушкина до наших дней. Основным его источником будет не только классическая художественная литература, стихи и проза, но также произведения выдающихся русских критиков, публицистов и ученых.

- В. А. Гиляровский;
- акад. И. И. Толстой;
- докт. филол. наук Б. В. Томашевский;
- акад. В. Ф. Шнигирев;
- старших научных сотрудников И. А. Фалей;
- В. П. Федянский;
- докт. филол. наук Ф. П. Филин (председатель);
- Т. А. Фоменко;

Основная часть словарного текста – определения значений слов – исходит из их понимания и употребления в современном языке. Цитаты рассматриваются, начиная от исторически подлиннейших, например: М. Горький, И. Тургенев, А. Пушкин и т.д. Слова политического характера объясняются с точки зрения научного материализма, основы научного понимания жизни и природы.

Словарь, не являясь с научной точки зрения, должен быть практическим пособием, помогающим читателю познакомиться с содержанием словаря, не поддаваясь последовательно нормативным и представлять собой руководство и образцы правильного употребления слов русского языка в отрывках из их естественной изменчивости, в соответствии с их историческим развитием, в соответствии с условиями современного созидания фразеологических оборотов.

Словарь назначается для широкого массового обращения, поэтому он должен быть изложен по возможности просто, без излишней сложности, доступность изложения не должна снижать научного качества словарных статей, и Словарь должен быть интересен и полезным пособием для всей советской нации, особенно для писателей, журналистов и ученых нашей страны.

Авторы: Т.А. Крылова
В.В. Савельев

В 1937 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление о прекращении работы над «Словарем русского языка» шахматовской редакции и о начале работы над «Словарем русского языка» Президиума Академии наук СССР. В соответствии с постановлением Академии наук СССР работы над словарем должны были начинаться с изложения, его беспристрастности и тем, что современный русский язык не находился в том широком и глубоком обращении.

Прочитав нового словаря, получившего название «Словаря современного русского литературного языка», был разработан сотрудниками Словарного отдела

Видоизмененные характеры словаря и его концептуальные принципы подготавливали почву для создания новой инструкции, которая была написана коллективом авторов. Среди них — имена Ф. П. Филиппова, В. В. Виноградова, В. В. Виноградова, В. В. Виноградова, Шмелева, Ф. П. Сороколюмова, К. А. Тимофеева, А. М. Бабкина, Е. К. Никольской, Е. Э. Биржаковой.

В 1958 г. новая «Инструкция для составления [Словаря современного русского литературного языка]» (в 1-м томе) стала достоянием общественности. Словарь издавался с 1948 по 1965 г. и вышел в 17 томах (вместе с 12-15 задуманных первоначально). В 1970 г. «Словарь современного русского литературного языка» включен в научные круги как Большая Академический Словарь (сокращенно БАС), который стал предметом пристального внимания редакции «Ленинской премии». В 1975 г. было принято решение о его переиздании.

БАС — вершина отечественной лексикографии. Став преемником традиции шахматовского словаря ориентированного на национальное богатство русского языка, к детальной семантической разработке обширного сопоставления и обилие иллюстративного материала, не мог одновременно не испытывать влияния и сложившейся к этому времени традиции нормативных толковых словарей построреволюционного периода (таких, как Словарь Ушакова и Словарь Ожегова). Именно контагмат разрыв лексикографических идей и предопределил в конечном итоге тот смешанный характер словаря, который, по мнению В. В. Виноградова, «не оформился в особый самостоятельный тип», но

который «обогащён многими ценными материалами и способами его использования как на практике и в теории русской лексикографии, так и вообще науки русского литературного языка, и культуры русского речи»⁴.

«Семнадесятитомный "Словарь современного русского литературного языка", с одной стороны завершает развитие того типа русских толковых словарей, который нашёл воплощение в словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в четвёртомодельном академическом словаре и, отчасти, в одностомном С. И. Ожегова, а с другой стороны, открывает пути к новым структурным типам толковых словарей русского языка – историческим, отражающим последовательное развитие лексики русского литературного языка в XIX

Обсуждение каждого тома словаря выливалось в научные дискуссии о тех лексикографических понятиях, которые составляют сегодня научно-теоретическую базу словарного дела. Такие дискуссии развернулись вокруг «общих значений», полисемии и омонимии стилистических помет (особенно «стец», «простореч», «разг.», «перен.» и др.), границ фразеологии, принципов разработки предлогов и многих других проблем. Используя старую традицию академических словарей, редакция настоящего словаря ставила себе задачу объединить лучшие признанные положения этой традиции с лингвистической теорией и практикой нашей современности⁶.

Не случайно именно в процессе составления словаря, а впоследствии уже на его фундаменте, были созданы не только многие аспектные словари (Словарь трудностей Фразеологического словаря, Словарь эпитетов и др.), но и многочисленные научные теории (в частности теории лексико-семантической системы языка; учение о лексическом значении и его типах В. В. Виноградова; концепция семантической структуры Л.С. Ковтуна; лексическая и грамматическая сочетаемости Н.З. Котловой, просторечия Ю.С. Сорокина, литературной

[illegible][illegible][illegible][illegible]

Для справок по русской лексике средних веков, не зарегистрированной в печатных словарях, работники словарного отдела пользуются рукописной картотекой ГИИЯ. Словаря древнерусского языка.

Руководящим научным органом Словарного отдела является редакционная коллегия Словаря, состоящая из трех действительных членов Академии Наук и двух членов - корреспондентов:

Чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев (главный редактор);

- М. М. Абрамочкин;
канд. филол. наук А. М. Бабкин (зам. председателя);
С. Л. Бажалов;
канд. филол. наук Е. Э. Брызжакова;
канд. филол. наук А. Н. Брызжак;
канд. филол. наук С. Г. Барздулов (главный редактор);
О. Е. Березина;
Д. И. Бугорин;
акад. В. В. Виноградов;
К. С. Горбаченко;
И. Л. Горюхиных;
канд. филол. наук Н. М. Жирмуцкий;
старш. научн. сотр. И. К. Зворонский (учетный секретарь);
Е. А. Иванникова;
канд. филол. наук СССР Е. С. Истрина;
Г. А. Киселева;
канд. филол. наук, Л. С. Котуги;
канд. филол. наук, Л. П. Кныжкова (секретарь);
З. Т. Коротченко;
акад. И. Ю. Крайнов;
докт. филол. наук А. Н. Криштофович;
О. Д. Кузнецова;
А. И. Литвиненко;
К. А. Логвинов;
канд. филол. наук СССР С. Е. Малаев;
И. М. Малинина;
А. Ф. Марешка;
Н. М. Мелевцев;
И. И. Моляков;
акад. С. П. Обнорский;
докт. филол. наук С. И. Ожегов;
акад. С. П. Обнорский;
П. И. Павленко;
Ф. Д. Персиковичова;
В. П. Петушкова;
Т. Н. Пономарева;
старший научный сотрудник В. И. Пономарев;
В. В. Родина;
Г. А. Радзвинкова;
Г. П. Рогожников;
И. Ф. Рукавова;
старший научный сотрудник С. С. Соколов;
Ю. М. Стахов;
А. С. Семенова;
М. Н. Суяйдалова;
докт. филол. наук К. А. Тимофеев;
В. А. Тихомирова;
акад. И. И. Толстой;
докт. филол. наук В. В. Томашевский;
акад. В. Ф. Шингарев;
старших научных сотрудников И. А. Фалев;
В. П. Фелдшайн;
докт. филол. наук Ф. П. Филин (председатель);
Д. А. Фоменко;
В. П. Цыганова, et al. (ММК).

Автор: Т.А. Короваенко.
В 1937 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление о прекращении работы над «Словарем русского языка» шахматовской редакции и о начале нового лексикографического издания. Прекращение работы над тезаурусом было вызвано затянутостью издания, его бесперспективностью и тем, что современный русский язык не находил в нем широкого глубокого отражения.

Проект нового словаря, получившего название «Словаря современного русского литературного языка», был разработан сотрудниками Словарного отдела Института языка и мышления им. акад. Н.Я. Марра. Он включил в себя три инструкции: «Инструкцию по

³ Словарь современного русского литературного языка. Т. III. М.: 1957. 13.

4. Виноградов В. В. Сочинялки и компьютерный язык программирования. С. 75.

⁵ Виноградны Б. Б. Семна шатитомоний // *Словарь современного русс...*

⁶ Словарь современного русского литературного языка. Т. I. 1948. Предисловие. С. 3.

³ Там же, С. 342.

⁸ Прохоров, С. 9.[illegible]

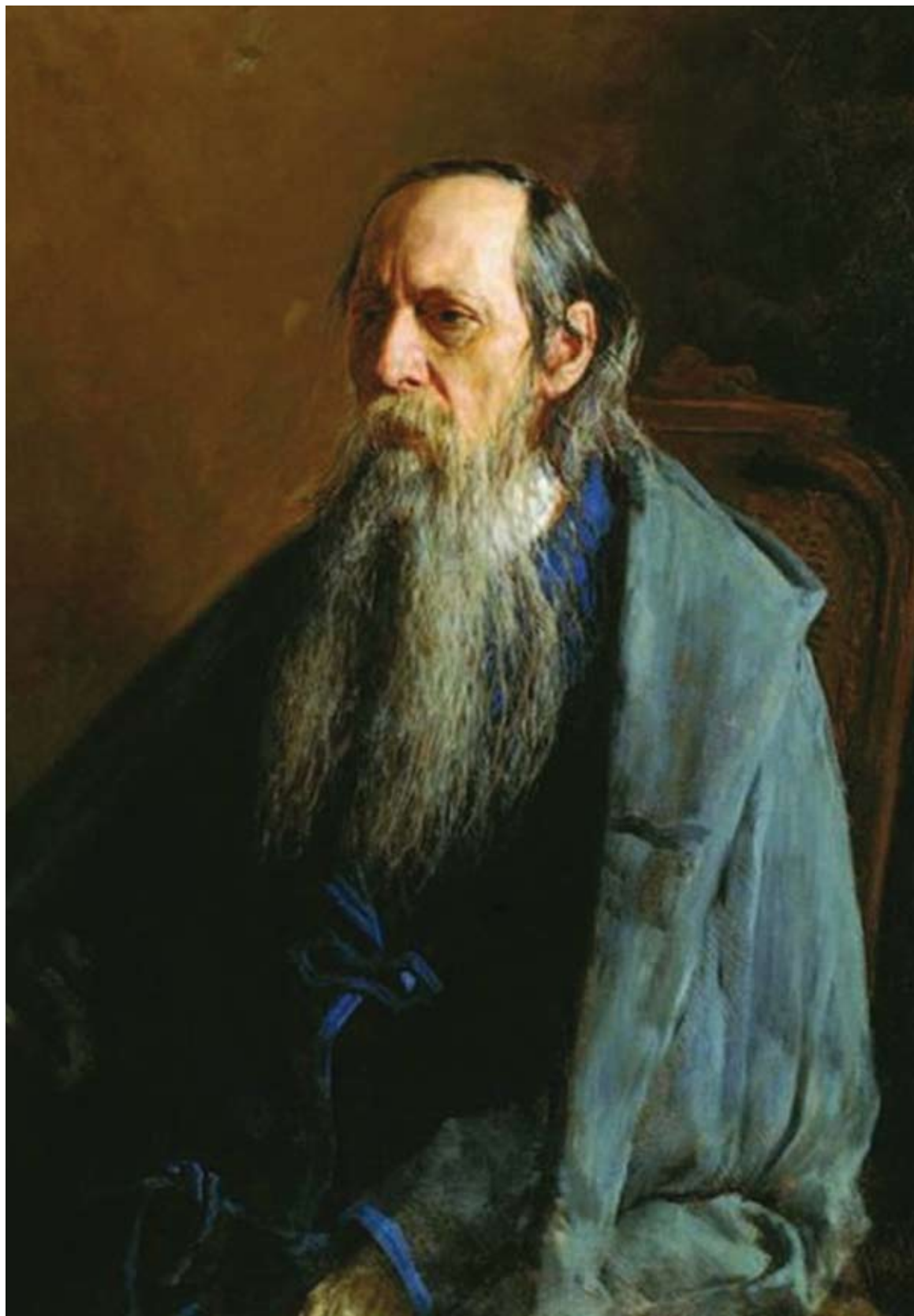
¹² Момчилов В. И. Там же. С. 349.

¹² Там же. С. 349.

¹⁴ Tam 308, C. 359.

¹⁵ Проект, С. 19.

¹⁶ Там же, С 19.

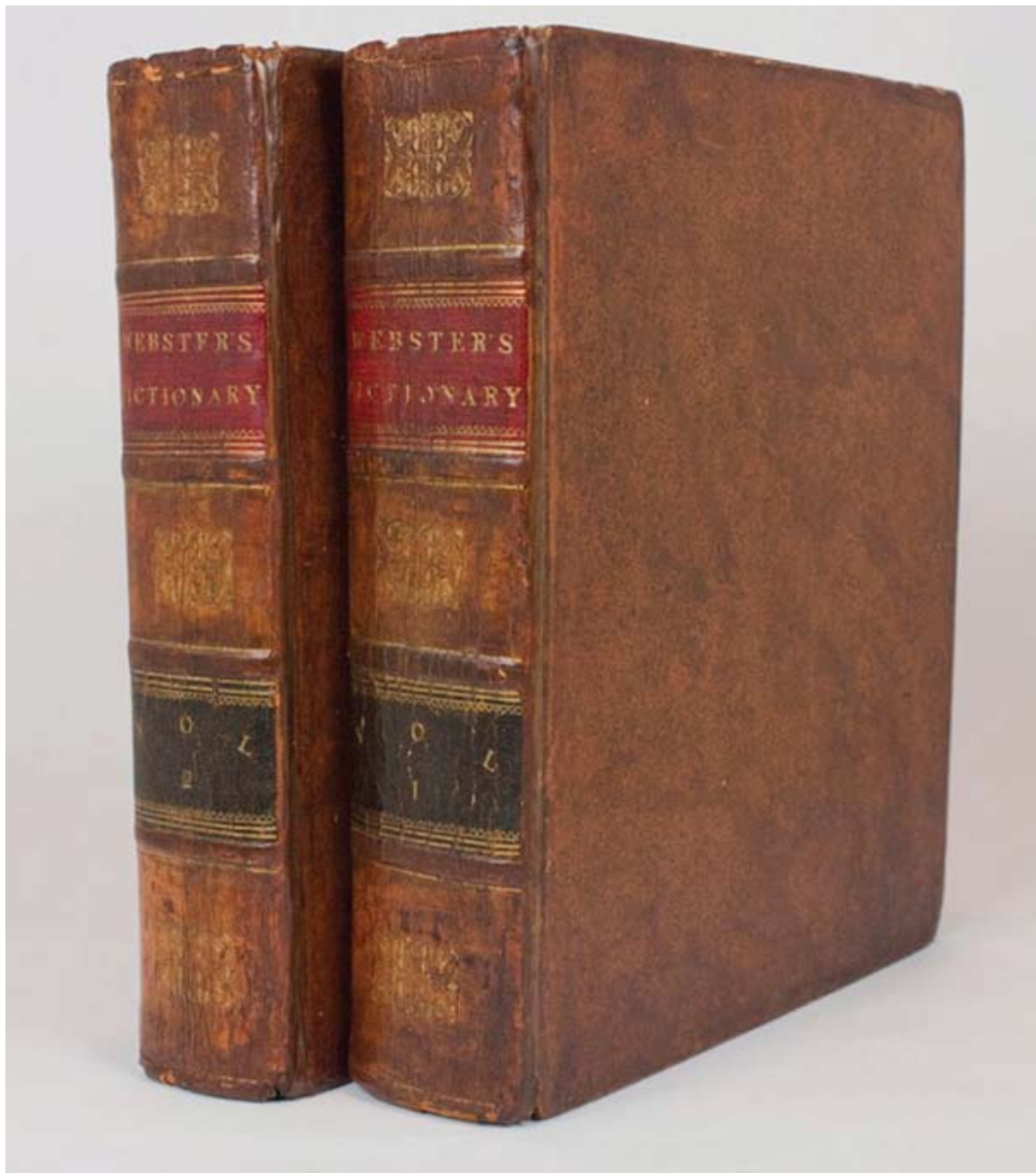
MIKHAIL EVGRAFOVICH SALTYSKOV-SHCHEDRIN (1826-1889)

RUSSIAN WRITER

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

²³ Чернышев В. И. Принципы построения академического Словаря... С. 344-345.

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

NOAH WEBSTER'S DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE (1828)

The newly minted Yale graduate was feeling discouraged. The 24-year-old teacher had quit his day job to write a book, and only his two closest college friends thought anything of his work. As he noted in his diary, he encountered "serious obstacles." He couldn't get an advance, and he "was destitute of the means of defraying the expenses of publication."

This familiar-sounding tale of the struggling young author seems as if it could have happened last year. But the date was 1783. The man was Noah Webster, Jr. (1785-1843) and the literary offering was his legendary speller, initially entitled, *A Grammatical Institute of the English Language*, the first book ever published in the new United States of America.

With the digital revolution now turning the book business upside-down, one might do well to remember how Webster single-handedly put American publishing on the map. While the Hartford wordsmith is today synonymous with his *American Dictionary*, first published in 1828, in his lifetime, he was better known for his stupendous bestseller. The Harry Potter of its day, his text for grade-school children would sell better than any other book except the Bible for nearly a century. The final tally: a staggering 100 million copies.

In the middle of 1783, after borrowing some money from his friends, Webster cut the best deal he could get. Hartford's Hudson and Goodwin, the publisher of *The Connecticut Courant*, required him to pay all the printing costs and wouldn't spend a penny to promote the book. But fortunately for Webster, he was also a marketing genius whose "fortitude never forsook him." Webster soon devised an elaborate launch. He placed numerous ads in the local papers which offered bulk discounts. On October 14, 1783, a week after his publishing date, Webster commanded the front page of *The Courant*. Under a blurb, which he wrote himself, signed by several Connecticut luminaries including its secretary of State and the major general of its militia, Webster wrote a long essay in which he argued that his textbook was instrumental to the future success of the new nation. "Unless the Greeks and the Romans," he insisted, "had taken more pains with their language than we do and the Romans," he insisted, "had taken more pains with their language than we do with ours, they would not have been so celebrated by modern nations." The inveterate self-promoter readily understood that all publicity is good publicity. When an anonymous critic using a variety of pseudonyms kept vilifying him in print, Webster responded gleefully: "But under whatever shape or name my enemies are introduced to notice, they will answer all my purposes if they will rail at the Institute as much as possible."

The media circus, just as Webster predicted, worked to his advantage. Sales succeeded beyond his wildest dreams; in a country with just three million inhabitants, the first printing of 5,000 copies sold out in a year.

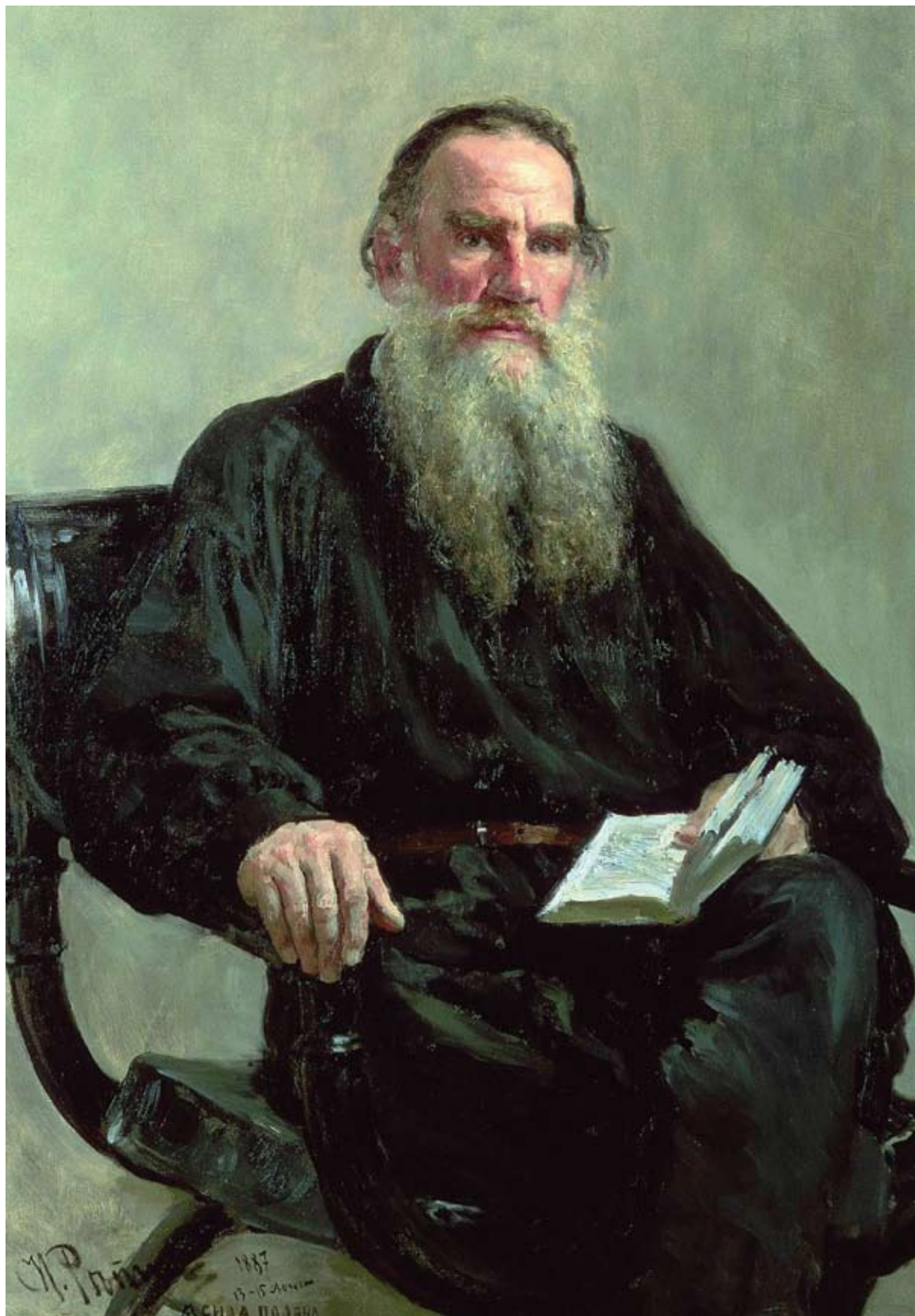
The popularity of his product, in turn, created a new problem, piracy. The indomitable Webster then took it upon himself to become "the father of copyright law." To ensure passage of the requisite legislation, Webster had to travel to all 13 state capitals because under the Articles of Confederations, the federal government had little authority. In each state, he would network with influential businessmen and publishers and personally lobby delegates to the legislature.

To fund his 13-month trip, which would lead to copyright laws across the land by the end of 1786, Webster invented the modern book tour. He became America's first homegrown celebrity lecturer. At each stop, he would give a series of lectures on the state of the English language, for which he charged a pricey admission fee.

As the decade of the 1780s wound down, the indefatigable Webster remained astonishingly prolific. He published two other textbooks, a grammar and a reader. This fervent nationalist who was in Philadelphia during the Constitutional Convention also wrote several influential pamphlets on behalf of America's founding document. The following year, he moved to Manhattan to edit an influential new literary magazine.

The Dictionary was produced and not kept up-to-date. Finally, the last lexicographical news from the USA: in 1961 Webster's Third New International Dictionary died from "gluttony", containing 476,000 words in one volume...

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE LIBRARY OF CONGRESS, WASHINGTON, D. C.)

LEO NIKOLAEVICH TOLSTOY (1828-1910)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1873)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

NIKOLAI GAVRILOVICH CHERNYSHEVSKY (1828-1889)
RUSSIAN WRITER AND MATERIALIST PHILOSOPHER
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF U.P.)

**THE PUSHKIN HOUSE
THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BY ARCHITECT I. F. LUKIN**

Научное учреждение в системе РАН. Расположен в доме 4 по набережной Макарова в Санкт-Петербурге.

Пушкинский дом создан 15 декабря 1905 по инициативе ряда деятелей русской культуры. В 1899 году при Академии наук была создана Комиссия по подготовке празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина, которая изначально планировала поставить памятник поэту, однако постепенно идея трансформировалась в создание музея. Основной фонд Пушкинского Дома собрал Б. Л. Модзалевский. Ему же принадлежал проект «Положения о Пушкинском Доме», утверждённый императором Николаем II в 1907 году. В апреле 1906 на приобретение библиотеки Пушкина были выделены правительственные средства, и она была передана Пушкинскому Дому, став началом огромной коллекции книг, рукописей и предметов, связанных с именем великого русского поэта. Значительная часть коллекции была приобретена от парижского музея-собраний А. Ф. Онегина (Отто). Собрание Онегина было приобретено Императорской Академией Наук 15 мая 1909 года, но оставалась в пожизненном пользовании парижского коллекционера. В 1922 году коллекция Пушкинского Дома пополнилась фамильными реликвиями и документами, хранившимися в семье Ганнибал, их передала музею троюродная сестра Пушкина, Анна Ганнибал. В 1925 году Онегин скончался, а в 1928 году его коллекция также была перевезена в Пушкинский Дом.

С 1995 года Пушкинский Дом входит в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия.

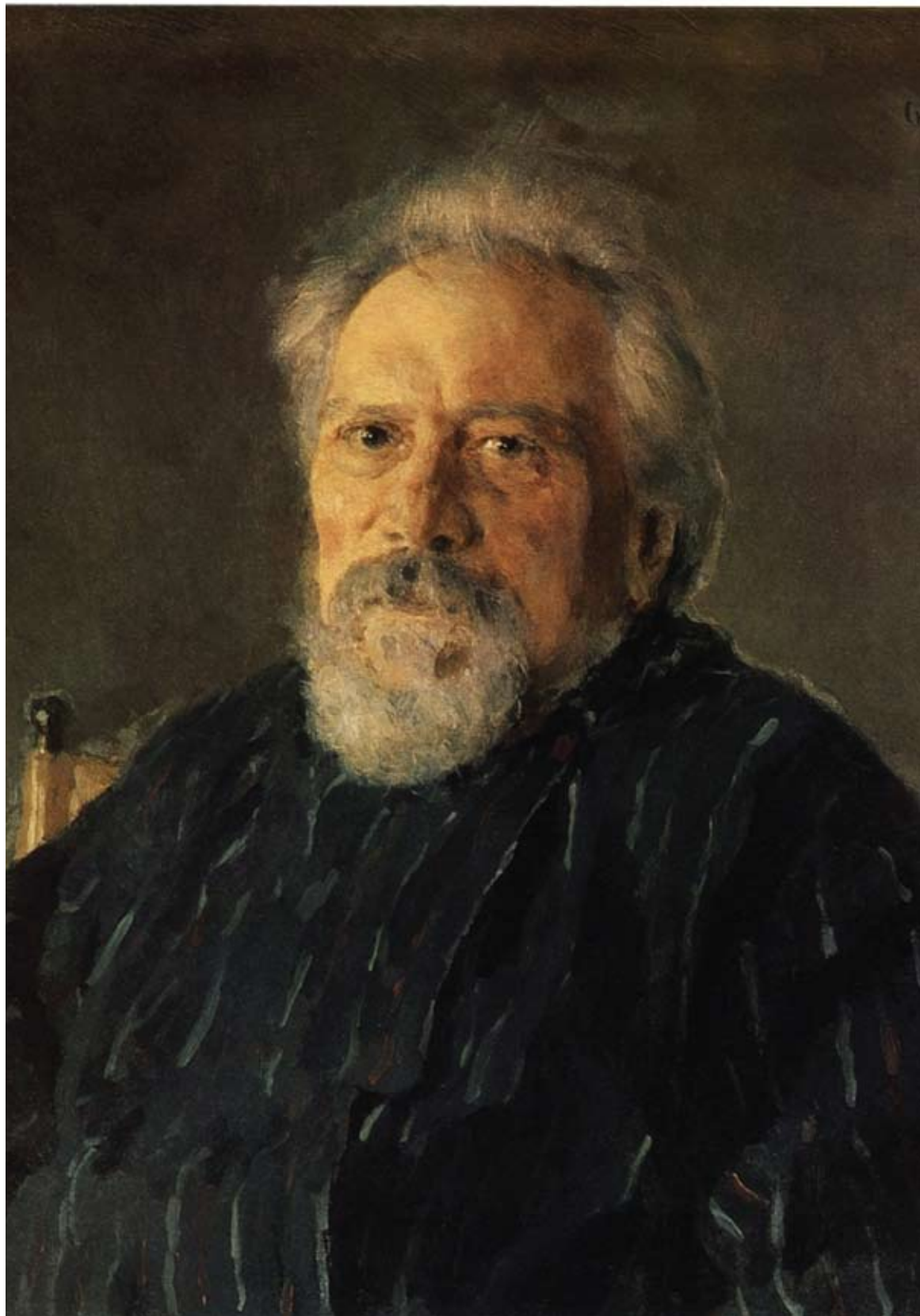
Нынешнее здание Пушкинского Дома (здесь он находится с 1927) построено по проекту И. Ф. Лукиной в 1829—1832 гг. для Петербургской портовой таможни.

До переезда коллекция Пушкинского Дома хранилась в здании Академии наук на набережной Невы (Университетская наб., дом 5), напротив Сенатской площади и Медного всадника.

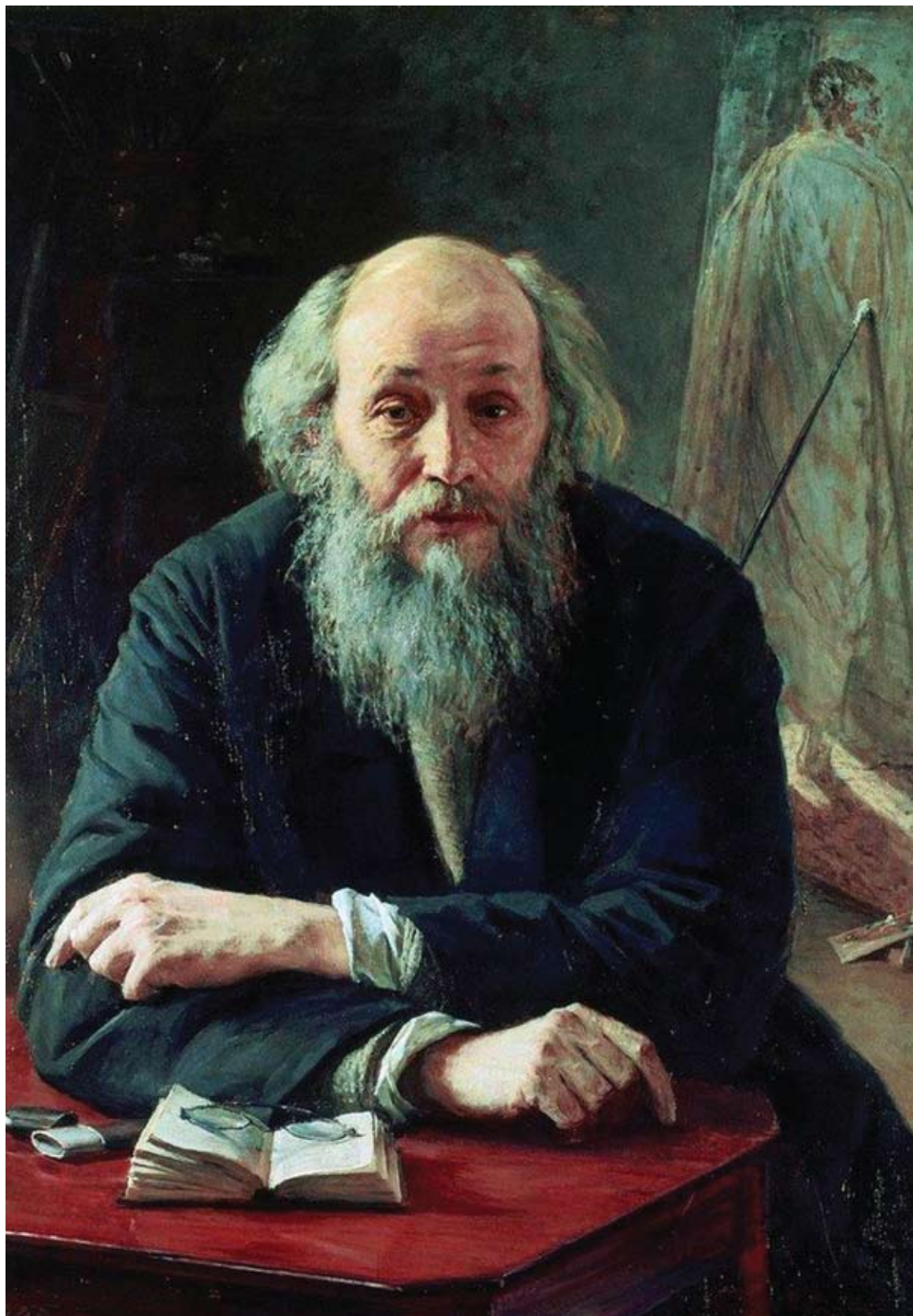
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF VLADIMIR VOLOKHONSKY)

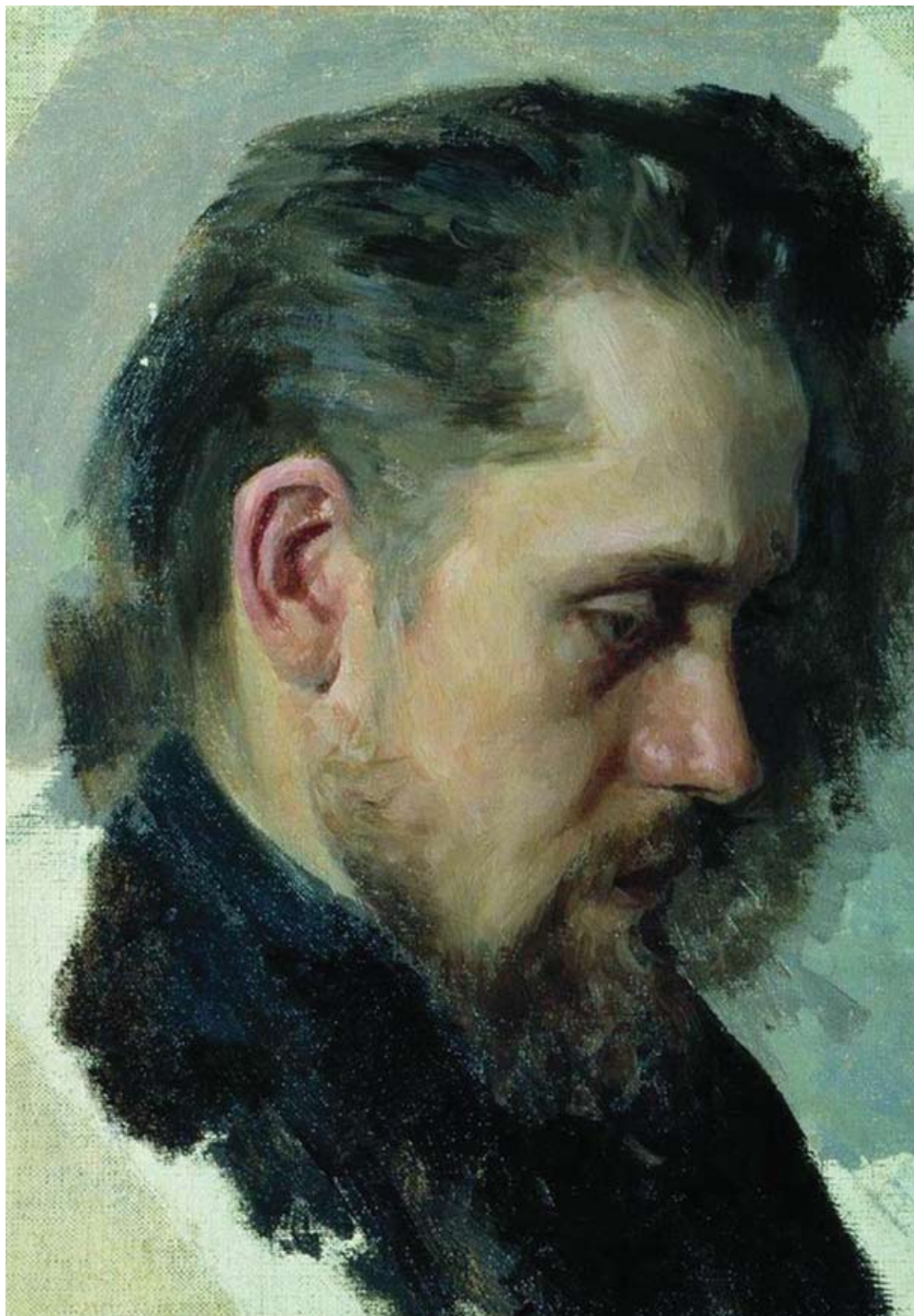
NIKOLAI VASILYEVICH NEVREV (1830-1904)
RUSSIAN PAINTER
MEMBER OF THE WANDERERS OF THE ITINERANTS
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

NIKOLAI SEMENOVICH LESKOV (1831-1895)
RUSSIAN NOVELIST AND PLAYWRIGHT
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

NIKOLAI NIKOLAEVICH GAY (1831-1894)
RUSSIAN REALIST PAINTER
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

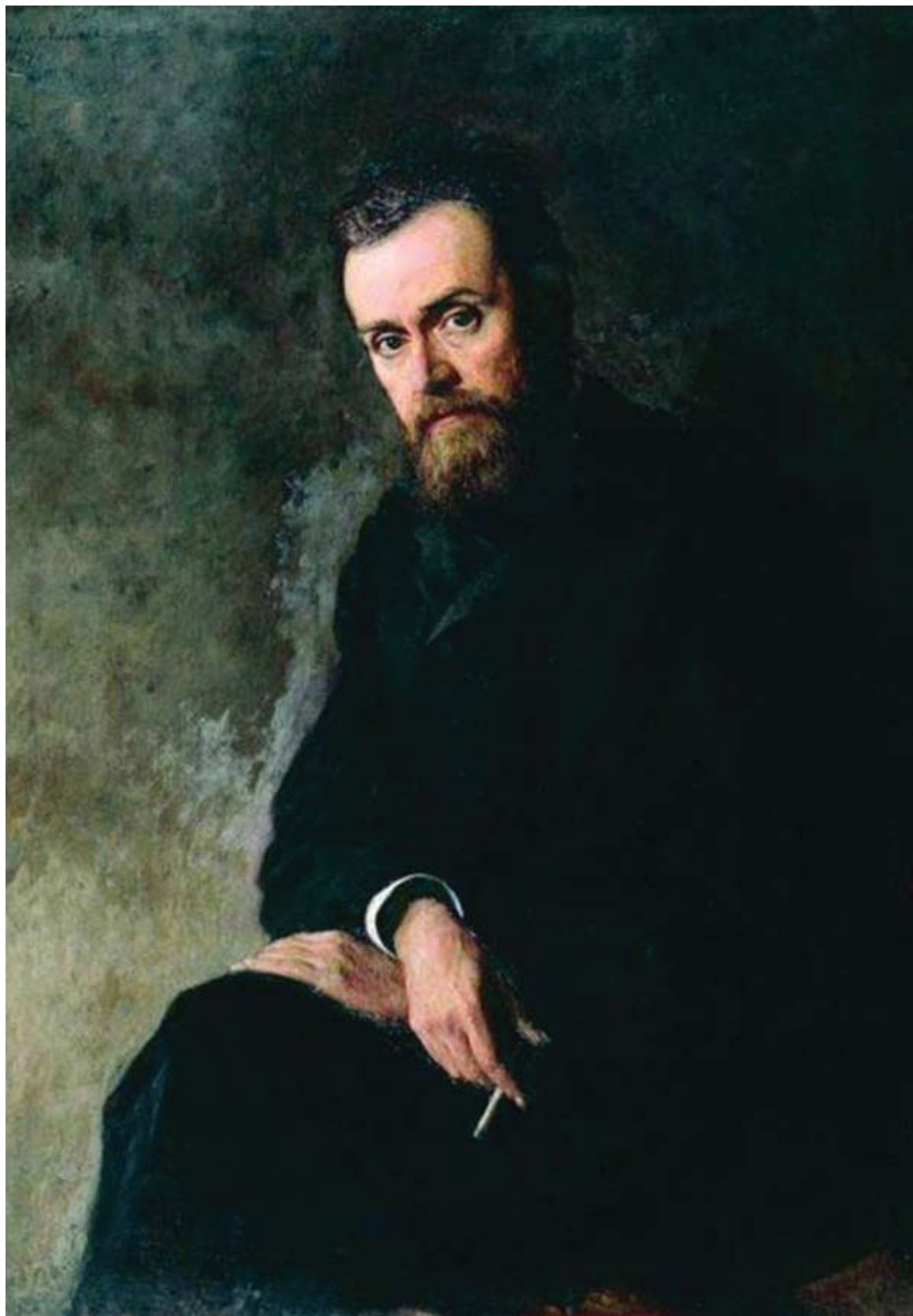
NIKOLAI GERASIMOVICH POMYALOVSKY (1835-1863)

RUSSIAN WRITER

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE LITERARY MUSEUM, MOSCOW)

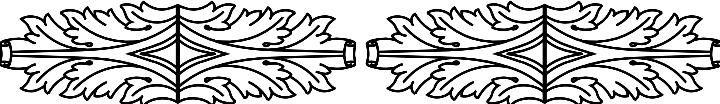

SIR JAMES AUGUSTUS HENRY MURRAY (1837-1915)
THE EDITOR OF THE GREAT OXFORD ENGLISH DICTIONARY
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF OUP)

GLEB IVANOVICH USPENSKY (1843-1902)
RUSSIAN WRITER
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

милитаризм, приводится из сочинений Салтыкова и А. Н. Толстого, а *мил* максимиз из сочинений Ренессанса, Златовратского и Чехова. Между тем общепринято применение *мил* максимиз еще в первом томе «Мертвых душ» Гоголя — в рассказе о пиршестве соляных солдат купцов с устьемско-лесным: «Пшурка, как водится, кончилась дракой. Соляныиголодежки уложили на смерть устьемско-лесных, хотя и от них повисли крепкую ссаду на бока, но! максимиз и в подполковнике, свидетельствующую о неумеренной величии кулаков, которой были слабейши покойники» (т. I, IX).

Вместе с тем, что может раскрыть в исторической судьбе слова *милитаризм*, повинуясь в языке массовой литературы последних десятилетий XVIII в. и встречающиеся у Карамзина, указание на то что оно впервые зарегистрировано в академическом словаре русского и церковно-славянского языка 1847 г. (см. т. 16, стр. 10472).

В других случаях историко-лексикографическая справка представляется не только излишней, но и странной. Это особенно бросается в глаза при поименном собственным имен. Такую, например, ссылку на «Толковый словарь» под ред. Ушакова под словом *Митрофан*. Ср. общепринятое-образное употребление имени фонинского персонажа у Пушкина: «Ты, сопережник Аполлона, Бельведерский Митрофан!» у Лермонтова в «Тамбовской кавальерше».

Времен новейших Митрофан
Нетесанный, недочетный,
А уж безразличней балая;

у Салтыкова-Шчедрина в «Господах Тавриятцах» т. I, д. (см. т. 6, стр. 1363). Тут иллюстрации паразитуют значению.

В отношении, что при слове *милит* со значением «медведь» историко-лексикографическая ссылка указывает на «Толковый словарь» под ред. Ушакова (1908), иллюстрации приводятся из крыловской басни «Кавказцы»: «Проклятия-Мартышка, Ося, Кося! Да косяный Мишка Затопил сырок чаверт!» и из стихотворения Некрасова «Генерал Тотипитун»: «Тут по косяному косяку Мишка напал на косяков» (с. 1068). Словом, это, как и в других случаях, историко-лексикографическая справка не ведет к истории слова, а уходит от нее.

В некоторых случаях, по-видимому, не очень чистые, историко-лексикографическая справка оказывается неточной и заполойной. Так, например, при слове *стимул* дается ссылка на третье, т. е. ботаническое, издание «Словаря» Дала (на самом деле, это слово в семантичном Словаре современного русского литературного языка является лишним), а в словари, которые, хотя есть литературные ссылки на Далебюльба и А. Н. Островского («Один из хороших стимулов для труда есть нужда») (см. т. 14, 1963, стр. 880).

Между тем слово *стимул* начало употребляться уже в русском литературном языке во 2-й половине XIX в. В это время оно еще воспринималось многими литературно образованными людьми как неологизм. Например, рецензент журнала «Пантеон» в своем реферате статьи Николая М. Богданова Н. В. Гоголя пишет: «...мы оставляем Николаю М. с его биографией, заметив только на пропущение, что слова *стимул* нет в русском языке, что и писать *стимул* вместо *число* было бы чем странно».

Слово *стимул*, судя по его удариению, было заимствовано сразу из латинского языка (лат. *stimulus* «протравливающий», «протравливающий»), либо через посредство польского и немецкого языков (ср. польск. *stimulus*, нем. *stimulieren*). Во всяком случае уже в 60-х годах слово *стимул* входит в активный словарь русской журналистико-публицистической литературы, встречается в лексиконе иностранных слов. Например, в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленном по образцу немецкого словаря Грота» (СПб., 1861, стр. 483) встречается слово *stimulus* («погонять»), лат. Побудительное средство; все, что побуждает делать что-либо».

Можно привести из семантичного словаря достаточные количественные справки, по существу пустые.

Пример — слово *облапощать*, которое квалифицируется как просторечное и, согласно историко-лексикографической справке, указывающей на словарь П. Соловья (1853), как укоренившееся в русском литературном языке с 30-х годов XIX в. Иллюстрации его употребления приводятся из «Языка» Достоевского, «Духа гусярей» Д. Толстого, «Словесного апостола» Н. Успенского и пьесы Горького «Егор Булычов и другие». При этом понимание «просторечия» в нем товет народно-областная окраска со значением «содержать», по существу пустым.

Например, нередко говорится, что *облапощать* «обставить» восходит к франц. *la poche* «карман»; ср. *стрелит* «прикарманить». Ср. у А. Н. Островского в комедии «Бес. диалог Несчастливца с Несчастливцем» (4, 4, 1):

«Несчастливца! Я ныне несчастлив, Аркадий! я смеялся хоронил дене. Несчастливца! А-а, хорониле. А еще лучше, кабы ты делал... Несчастливца! Что? Несчастливца! Амигоше. Несчастливца! Я тебе такое «ампоше» задам!».

Пусть это — плод игры ума, склонного к каламбурам. Но самым делом *облапощать* пошло в разговорную литературную речь начала XIX в. из областных народных говоров. Глагол *облапощать* в крестьянских диалектах имеет значения 1) «красть, лапшить», 2) «облапывать, надувать»¹. В основе его лежит тот же корень, что и в слове *лапша*. Ср. областное употребление слова *лапша* в значениях: «облапывать, брать (у кого-либо) красть»². Ср. глагольные образования на -лапшиться у Пушкина В. И. Чернышев отмечая употребление слова *лапшиться*, *лапшиться* в подмосковных говорах: «Облапшиться!» — Како *лапшиться*...³.

Есть основания предполагать, что глаголы *лапшиться* и *облапощать* в значении: 1) «красть, лапшить» и 2) «облапывать, надувать» были распространены преимущественно в среднем и северном говорах. Оттуда они и попали в язык русской художественной реалистической литературы. В южнорусско-украинских говорах глагол *лапшиться*

Ублапощать в значении «блать» (воронский говор). Ублапощать вошло в литературную речь из областных говоров черн. жаргоны.

У Н. Г. Погодина в очерке «Буржаские типы» при расписании об Асютке и его воронских уловах: «Асютка стал объявлять ему: — По мелочам будешь брать, долгие времени пройдет. Когда стрепнешь махалца, скажи, что забыла дома бутылочку, и не отстань, проси послужить».

Облапощать! Аксент, ты умнее Асютки! — Ты должен звать меня: Аксент Аксентов».

Ср. у Достоевского в «Идиотизме» нем. (1859): «Мнеменно поднимали яростные крики со всех сторон. Кричали, что это грешно, даже полдо; что старик не в своем уме, что старика облапощали, надули, облапощали, полагали его слабоумным».

Ср. «Далю». Мария Александровна пошел час уговаривала Зину выйти замуж за этого князя, говорила, что нет ничего легче его облапощить и заставить жениться. (в речи Настасьи Петровна) «...ему городу рассказу, как вы с маленькой облапощали князя, напоил его до полна» (в речи Моисея). «Вас, слабого, беззастенчивого, облапощали, как выразился Павел Александрович, облапощали и до-нашего богатства, из-за вашего княжества» (в речи Зины).

Нужно различать последовательность выполнения структурного плана словаря, в том числе и семантичного, и последовательность оформления, внесенного в него материала. Например, у нас еще нет систематического изложения исторических закономерностей развития русского словообразования хотя бы в литературном языке новейшего времени. XVIII-XIX вв. И Словарь их не открывает, хотя и дает невинный материал для исторических изысканий, записаний и обобщений. Но не всегда материалы Словаря эти вопросы разрешают. Вот пример. В Словаре помещено слово *стипендия*. Оно квалифицировано как устаревшее. Но никаких примеров на обобщение его употребление, кроме цитаты из «Бережного пола» Лесова («Эта мысль показалась Дукачу стачионом»), не приводятся. Все остальные иллюстрации включают в себя фразеологические выражения типичные для (иной) рода, а не для (иной) рода. В современном употреблении используются для выражения удивления, возмущения, неодобрения и т. п. в значении: возможно ли, допустимо ли, хорошо ли (т. 14, стр. 787).

Историко-лексикографическая справка ведет к «Вейсмановой лексикону» 1731 г., в котором зарегистрировано выражение: «Статское из это дело». Словом, в Словаре не указывается на то, что в истории слова *стипендия*, ни на его словообразовательное отношение к глаголу *стипить*, ни на его функционирование в литературной речи XVIII-XIX вв.

Таким образом, семантичный словарь Словара современного русского литературного языка не став и не является тождественно-историческим, хотя и содержит очень много ценного материала для исторической лексикологии русского языка XVIII-XIX вв. Можно даже утверждать, что именно этот Словарь поставил перед нами во всю ширь проблему исторического словаря русского литературного языка XIX-XX вв. И именно, вверне, несколько исторических словарей этого времени: от конца XVII в. — до Пушкинской эпохи (конец XVIII в., 1-я половина XIX в., 2-я половина XIX в., 40-60-е годы XIX в., 60-е годы до конца XIX в. — начала XX в.).

Тут вплотную приближается к нам проблемак нормативно-стилистического словаря. Она связана с очень широким кругом вопросов понимания структуры, содержания, соотношения, границ и норм современного русского литературного языка. Эти вопросы у нас горячо обсуждаются в последние время, но пока еще без очень существенных и, во всяком случае, окончательных, обобщающих результатов. А. В. Шерба утверждает, что нормативное описание лексической системы, «соответствующее (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», продуктивно осуществлено лишь в сравнительно узких хронологических границах. Эти границы должны быть точно обозначены ясным описанием, а также определением соответствующей языковой системы и реализацией ее языковой нормы.

По моему мнению, применительно к современному русскому языку это время с 90-х годов XIX в. — с начала XX в. вплоть до современности.

Таким образом, много трудностей возникло и при попытке построить нормативно-стилистический словарь современного русского литературного языка. Ведь у нас очень слабо разработана стилистика, ее категории, их соотношение. Разработанная мною для «Толкового словаря русского языка» под ред. А. Н. Ушакова система стилистических помет была направлена не столько в будущее, сколько в прошлое. Ведь было очень трудно в 20-30-е годы текущего столетия — при происходящих тогда резких изменениях и колебаниях стилистической окраски множества слов и при огромном количестве новообразований — определить устойчивые принципы стилистических оценок разных групп слов. Между тем, эта систематическая стилистическая помет в ее существующем виде, хотя и не лишена определенных черт, хотя очень часто с резкими субъективными отклонениями, продолжала, в основном, применяться во всех последних словарях современного русского литературного языка вплоть до современных. Вот несколько иллюстраций из семантичного словаря. В нем наречие *аллошам* квалифицируется как слово «разговорное», а прилагательное *аллошеский* как «просторечное» (т. 6, стр. 1003). Ср. у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Лили аллошеские
Знакомки валоват,
Тут тоже становятся
Парамо поджидать...

Ср. у А. Н. Толстого «До чего идет снег!» — Мимошеский извозчик» (см. т. 6, стр. 1003).

Слова *аллошеский* и *аллошеский* свободны от всяких стилистических помет.

В том же плане рассматриваются *милитаризм*. И сюда же без всяких оговорок присоединяется редкое в современном литературном языке слово *милитаризм*, также не сопровождаемое никакой стилистической пометой, в значении «проходный мимо». Пример один — из «Русского слова» Леонида Лозко: «Стали лезть у себя на дворе некие странноразличные столы, — замыкая к себе мимоушкоую голку» (см. т. 6, стр. 1005).

Можно ли местонное слово *милитаризм* — без дополнительных, экспрессивно синтаксических ограничений — отнести к современной разговорной речи с механическим утверждением, что оно «употребляется обобщенно» «как стилистический предлог», «любимство», что из современного литературного языка в Словаре не приведено ни одного примера на употребление местонного слова. В настоящее время *милитаризм* чаще всего применяется в отрицательных выражениях и конструкциях не *милитаризм*, не *милитаризм*, что... *мил.*, не *милитаризм*, *милитаризм*, не *милитаризм* *милитаризм*. Все это свидетельствует о том, что стилистическая интерпретация слова, особенно в сфере синтаксического употребления, в нашем Словаре недостаточно обоснована и мало разработана. Примеры из Гоголя («...такоский человек» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») и из Грингорина («Вся семья была одна» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), т. I, 11, 15, стр. 57) уже не вполне соответствуют активным стилистическим нормам современного русского языка. Таким образом, и нормативные тенденции современной речи здесь не описаны точно и вразумительно.

Остро сказывается недостаток изучения экспрессивно-стилистических категорий современного русского языка. Например, в 1-й книгу заучиваются отомеченными образованный *парламент* рассматривается как междометие разговорной речи, употребляемое по частому случаю в одной-единственной конструкции. Приводится пример из исторического романа А. Толстого «Петр I»: «...из лесочка вдруг с бесовскими криками выкатываются каменные в зеленых кафтанах, — не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Елтышева»: «...не русские, и оном претрелый язык, и в деревянных арканов и в кирные монастырские сабли» (т. 2). Между тем семантическая статья о глаголе *парламент* — *парламент* не отвечает современным нормам употребления этого глагола. В нем, по себе возбуждает большие сомнения. Прежде всего, это слово несомненно, имеем ли мы здесь дело с одним глаголом или с двумя. С одной стороны, выступает двусмысленно разный глагол *парламент*, *парламент*, *парламент*, *парламент*, по значению «трогать, треметь» («парламенту парку», «доба как тараравет»; «на! головой проносился что-то душно и тараравет» — В. Иванов «Паромом»); с другой стороны, в просторечии *парламент* употребляется экспрессивно в значении «убить» (у Бунина в рассказе «Дело корнета Е

ILYA YEFIMOVICH REPIN (1844-1930)
ACADEMICIAN OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1893)
RECTOR OF THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS (1898-1899)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

THE ATLANTES OF THE NEW HERMITAGE'S PORTICO (1844-1849)

Крыльцо в виде галереи перед главным входом в Новый Эрмитаж, расположенном на главном (южном) фасаде здания, выходящем на Миллионную улицу. До середины 1920-х годов здесь был вход в музей.

Портик украшают 10 фигур атлантов работы скульптора А. И. Теребенёва из серого сердобольского гранита, стоящие на постаментах из гранита-рапакиви и поддерживающих архитрав. Остальные элементы портика — пилоны, фриз и колонки балкона — выполнены из кирновского мраморизованного известняка. Во время реставрации здания 2000 года кирновский камень был покрашен под вид штукатурки, в результате чего исчезли его естественный цвет и фактура.

Автор проекта здания Нового Эрмитажа архитектор Л. Кленце в 1840 году представил два проекта портика; в отвергнутом при обсуждении проекте вместо атлантов были кариатиды. В соответствии с замыслом Кленце скульптор И. Гальбиг выполнил уменьшенную модель атланта в виде фараона; модель из Мюнхена была прислана в Санкт-Петербург. В 1846 году Теребенёв изготовил по собственным эскизам модель атланта в натуральную величину, которая в итоге и была принята.

Изготовление всех фигур велось под руководством Теребенёва в течение двух лет. Ему помогали около 150 каменотёсов, каждый из которых занимался своей частью — руками, ногами, торсом...; лица Тербенёв заканчивал собственноручно. Фигуры были установлены к 1 сентября 1848 года.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BOSSI)

THE ATLANTES OF THE NEW HERMITAGE'S PORTICO (1844-1849)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BOSSI)

BAUDOUIN DE COURTENAY (1845-1929)
MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1897)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF S. SMIRNOFF' GALLERY)

СЛОВАРЬ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЯЗЫКА

СОСТАВЛЕННЫЙ

ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНИЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

=

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1847.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ 1847 ГОДА

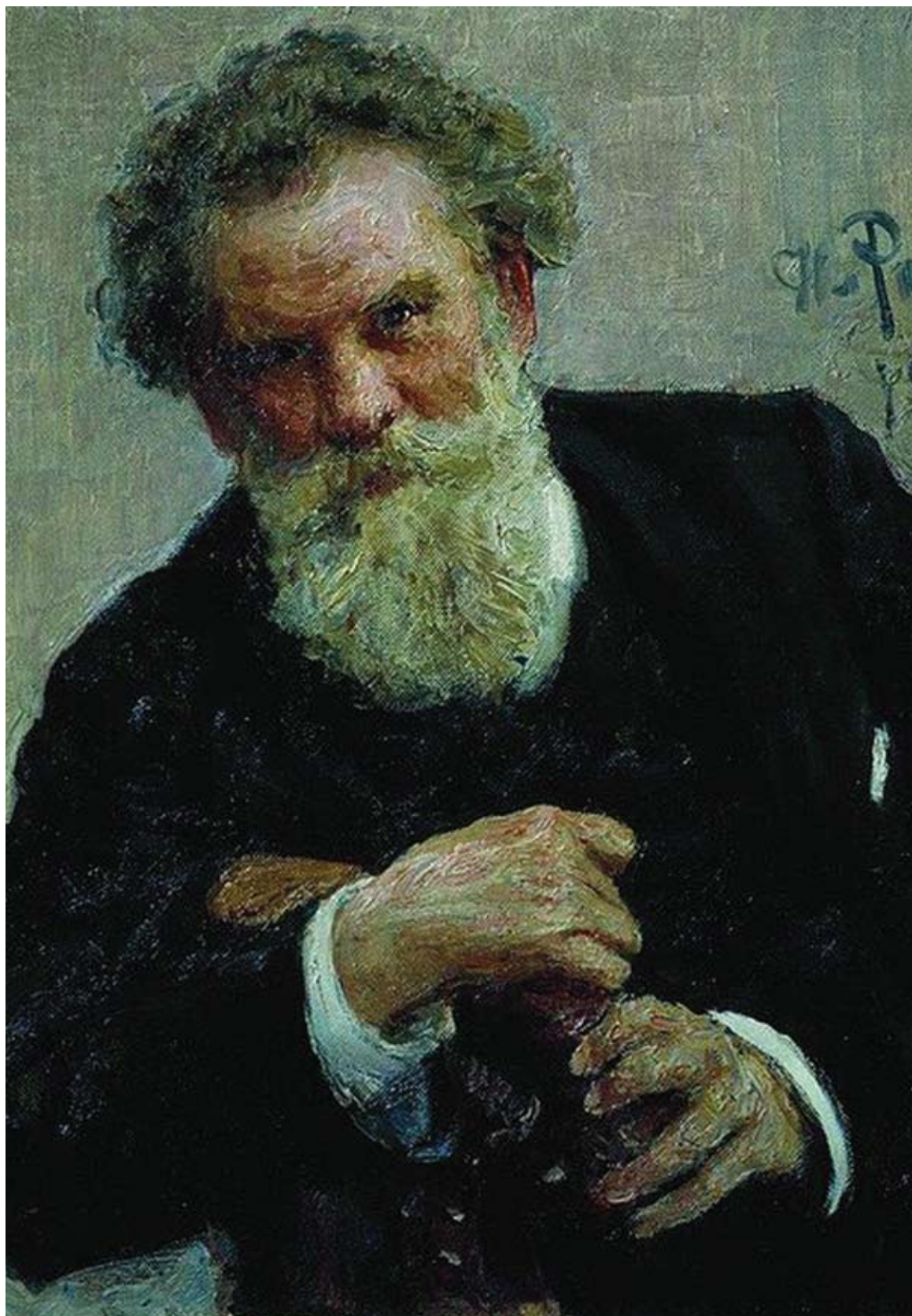
DMITRI NARKISOVICH MAMIN-SIBIRYAK (1852-1912)

RUSSIAN NOVELIST

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF S. SMIRNOFF' GALLERY)

NIKOLAI GEORGIEVICH GARIN-MIKHAILOVSKY (1852-1906)
RUSSIAN ESSAYIST AND LOCATING ENGINEER
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF DMITRIEV MAXIM PETROVICH)

VLADIMIR GALAKTIONOVICH KOROLENKO (1853-1921)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1900)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

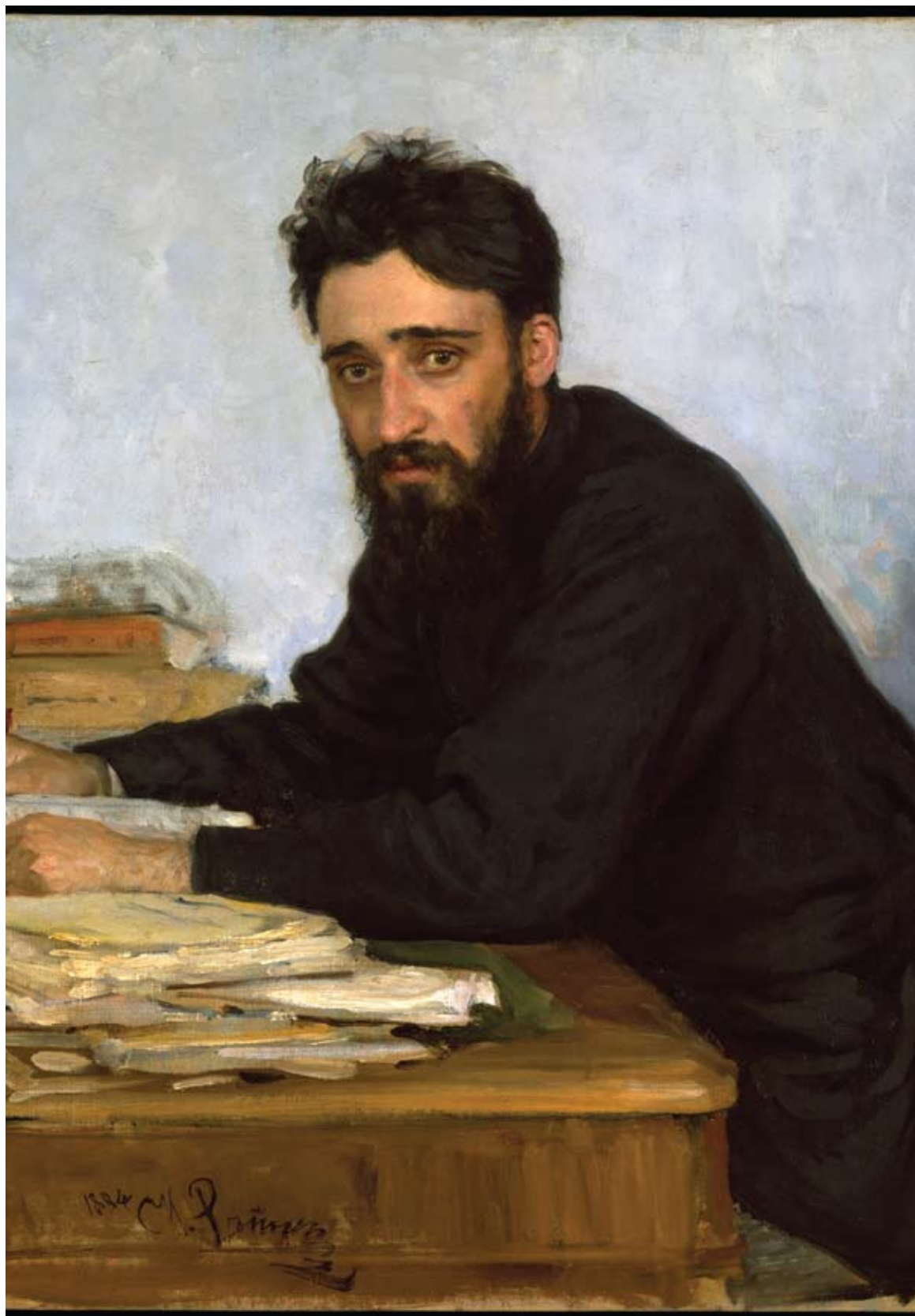
FILOLÓGICA POR LA CAUSA

Чрезвычайно важной, можно сказать, решающей основой для предполагаемого нового словаря является решение проблемы нормы современного русского

[illegible]

Что касается малого академического словаря, то он ближе к замыслу ушаковского словаря и по своему объему (хотя в словнике немало частных отличий от ТСУ), и по основной ориентации на факты современного употребления. Очень зависит он от ТСУ и в нормативно-стилистических оценках, хотя в ряде

Различия, характерные для сложной и открытой лексической системы, смягчаются и отчасти снимаются общей нормой словоупотребления как «системы обязательных реализаций, принятых в данном обществе»²¹. И все же остается сложность расслоений, многообразие речевых навыков и воздействий, которые колеблют эту общую норму, вызывая споры вокруг неё и ведут к ее изменению. Вот почему Л. В. Щерба

VSEVOLOD MIKHAILOVICH GARSHIN (1855-1888)

RUSSIAN WRITER

(ARTWORK COURTESY OF THE METROPOLITAN MUSEUM OF ART, NEW YORK)

FERDINAND DE SAUSSURE (1857-1913)
SWISS SCIENTIST IN LINGUISTICS
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF FRANK-HENRY JULLIEN, GENEVA)

CONSTANTINE CONSTANTINOVICH ROMANOV (1858-1915)
PRESIDENT OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1889-1915)
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

ANTON PAVLOVICH CHEKHOV (1860-1904)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1900)
ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

399

EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА

Словарь, составленный Владимиром Ивановичем Далем в середине XIX века. Один из крупнейших словарей русского языка. Содержит около 200 000 слов и 30 000 пословиц, поговорок, загадок и присловий, служащих для пояснения смысла приводимых слов.

В основе словаря лежит живой народный язык с его областными видоизменениями, словарь включает лексику письменной и устной речи XIX века, терминологию и фразеологию различных профессий и ремёсел.

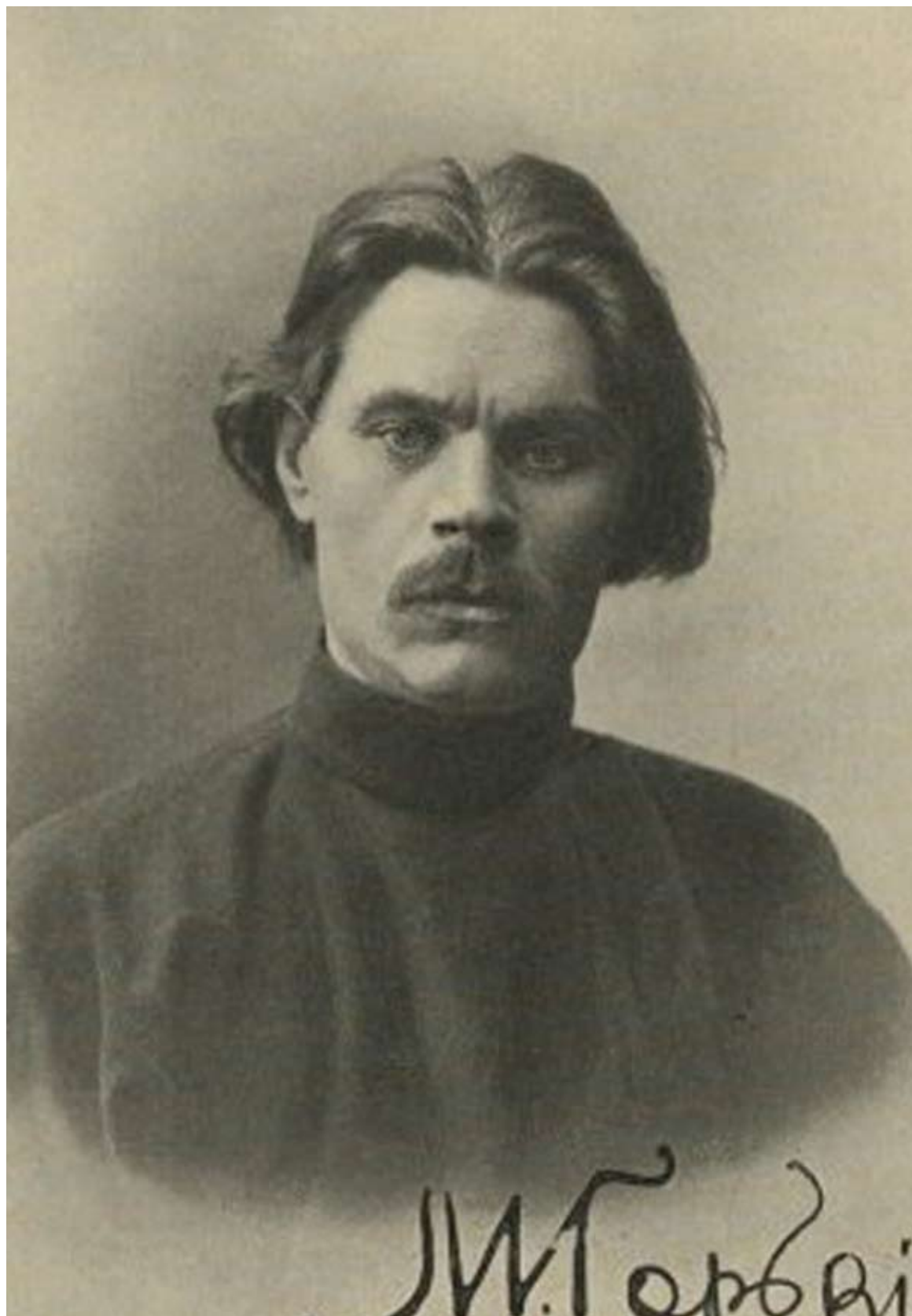
Словарь не только даёт информацию о языке, но и о народном быте, поверьях, приметах, другие этнографические сведения. Так, например, в статье о слове «лапотъ» не только охарактеризованы все типичные виды лаптей, но и указан способ изготовления; при словах «мачта», «парус» даются не только названия различных видов мачт и парусов, но объясняется и их назначение; наряду с флотскими названиями, заимствованными из голландского и английского языков, даются и названия, возникшие и употреблявшиеся на Каспийском и Белом морях. В статье о слове «рукобитъе» объясняется сложный свадебный обряд и целый ряд связанных с ним обычаев, характерных для свадьбы в старом крестьянском быту.

За первые выпуски словаря Даль получил в 1861 году Константиновскую медаль, а в 1868 году он был избран почётным членом Академии наук и удостоен Ломоносовской премии.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF R. GALPIN'S PRIVATE LIBRARY, NEW YORK)

VALENTIN ALEXANDROVICH SEROV (1865-1911)
RUSSIAN PAINTER AND MASTER PORTRAITIST
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

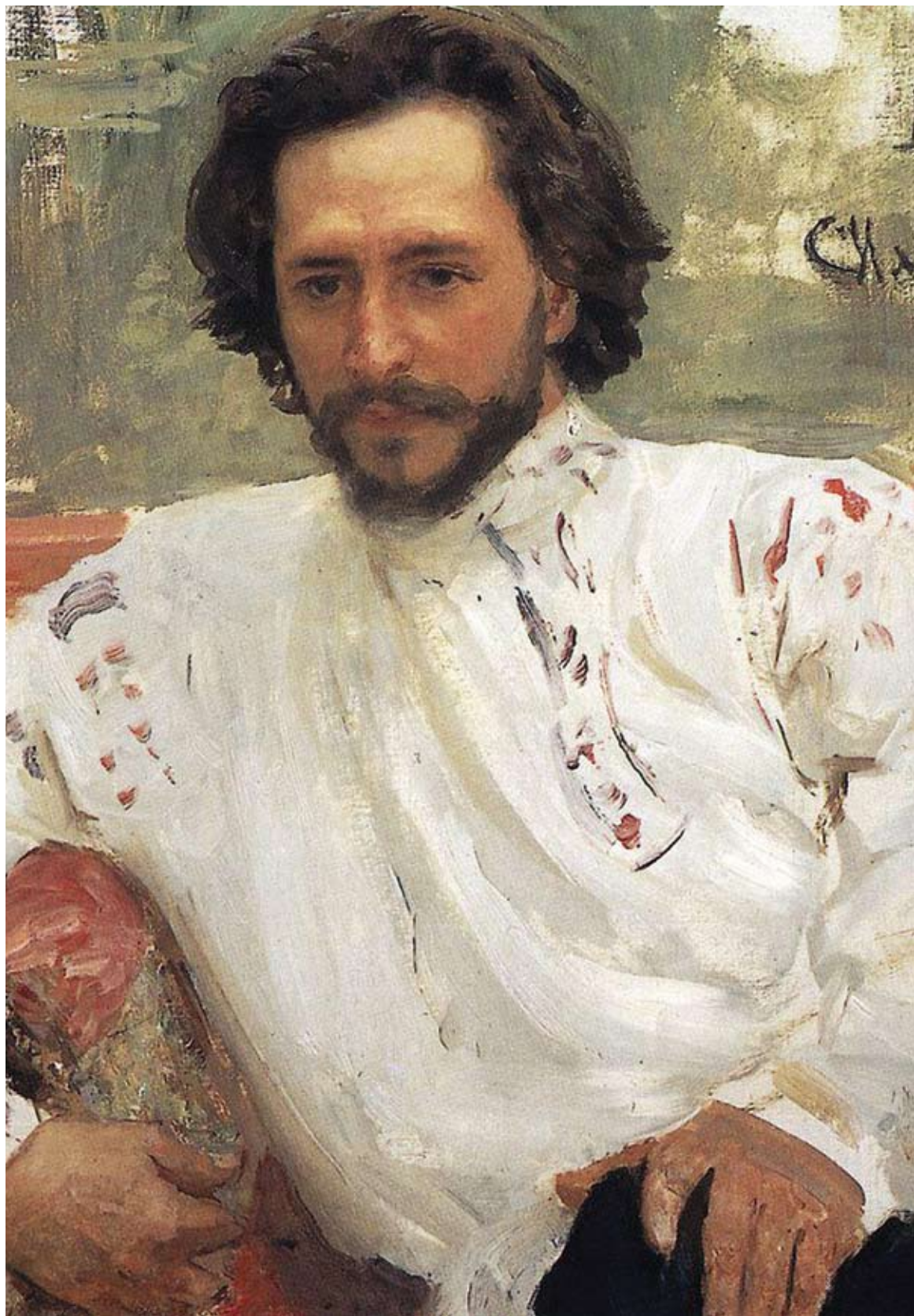
MAXIM GORKY (1868-1936)

THE FOUNDER OF SOCIALIST REALISM

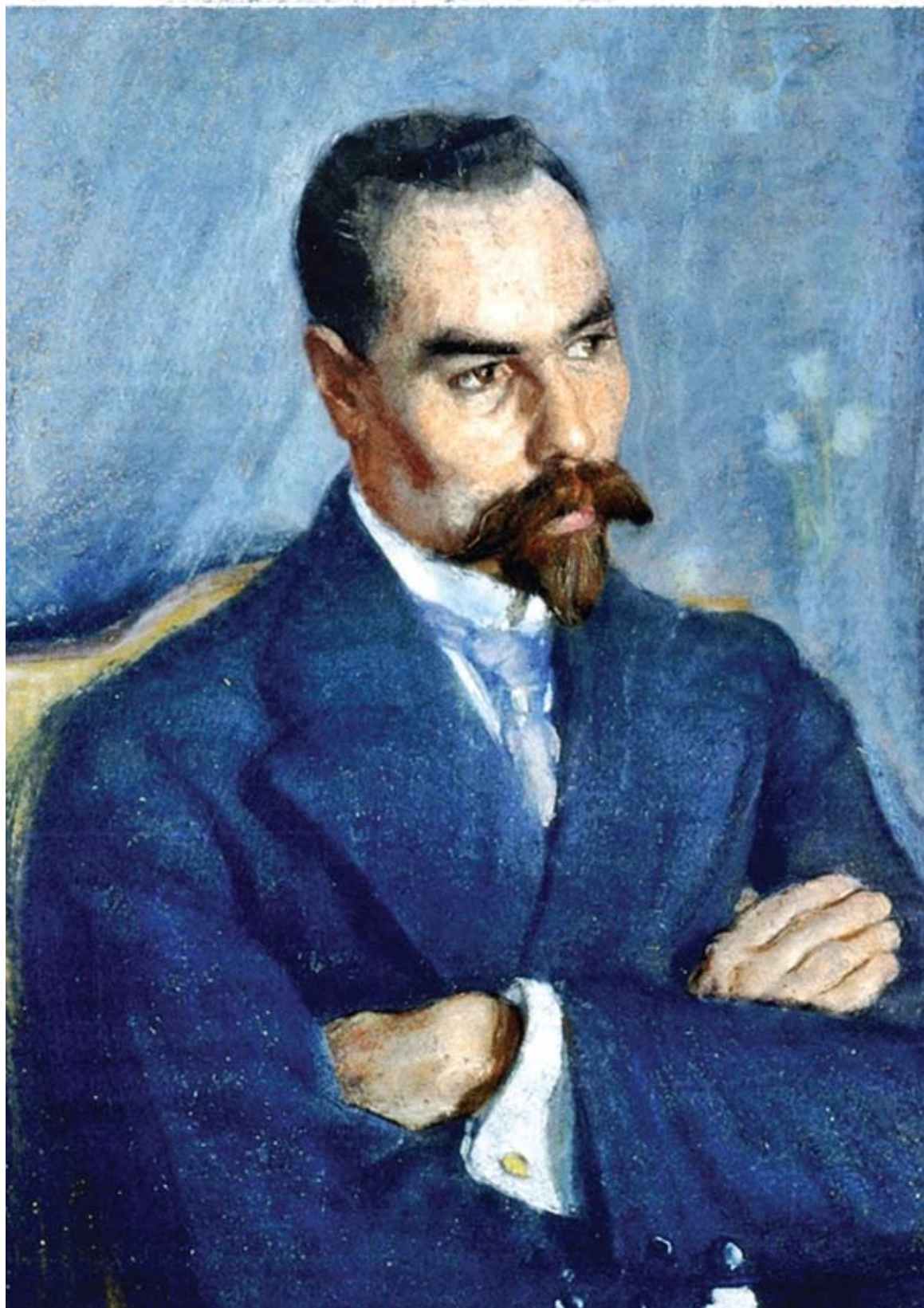
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE HOUSE-MUSEUM OF MAXIM GORKY, MOSCOW)

IVAN ALEXEEVICH BUNIN (1870-1953)
HONOURABLE MEMBER OF PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES (1909)
WINNER OF THE NOBEL PRIZE FOR LITERATURE (1933)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF DMITRIEV MAXIM PETROVICH)

LEONID NIKOLAEVICH ANDREEV (1871-1919)
REPRESENTATIVE OF THE SILVER AGE IN RUSSIAN LITERATURE
RUSSIAN NOVELIST AND PLAYWRIGHT
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE TRETYAKOV GALLERY, MOSCOW)

VALERY YAKOVLEVICH BRYUSOV (1873-1924)
RUSSIAN WRITER, DRAMATIST AND TRANSLATOR
ARMENOPHILE AND ARMENOLOGIST
(ARTWORK COURTESY OF THE STATE LITERARY MUSEUM, MOSCOW)

DMITRI NIKOLAEVICH USHAKOV (1873-1942)
RUSSIAN AND SOVIET LEXICOGRAPHER
CORRESPONDING MEMBER OF THE ACADEMY OF THE USSR (1939)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR)

JOSEPH BESARIONIS STALIN (1878-1953)

“GENERALISSIMUS” (?) OF THE USSR (1945)

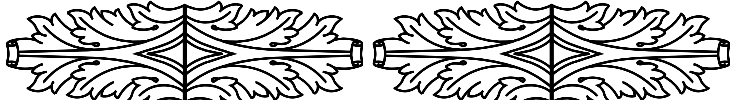
“HONOURABLE MEMBER” (?) OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (1939)

(ARTWORK COURTESY OF V.V.S., NEW YORK)

(MORE INFORMATION ON STALINIST REGIME AND ITS NOTORIOUS RESULTS ON RUSSIAN PHILOLOGICAL SCIENCE SHALL BE REFERRED TO THE MONUMENTAL TOIL OF ПЁТР А. ДРУЖИНИН, ИДЕОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГОЯ, ТТ. 1-2.

МОСКВА: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. 2012)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

На различных предварительных этапах в работе по созданию первого тома принимали участие Л.П. Аксентова, С.Л. Баженова, Л.И. Балахонova, С.В. Белобородова, Н.З. Бутарова, Г.Н. Верещалина, Т.И. Гайкович, К.С. Горбаченко, И.А. Городецкая, А.А. Зац, Е.А. Иванникова, Д.М. Каалышич, Г.П. Кизнькова, Т.А. Корованенко, Л.Е. Крутикова, С.А. Кузнецов, О.Д. Кузнецова, А.И. Литвиненко, А.М. Нежвинская, Т.Н. Поповцева, Г.Н. Склярская, Н.В. Соловьев, Н.Г. Стулова, В.П. Фединина, Т.А. Фоменко, Н.В. Цыганова.

§ 75 ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛОВАРЕ (БАСЗ)

1. СОСТАВ СЛОВНИКА

2.3. Вне алфавита помещаются следующие разряды слов:

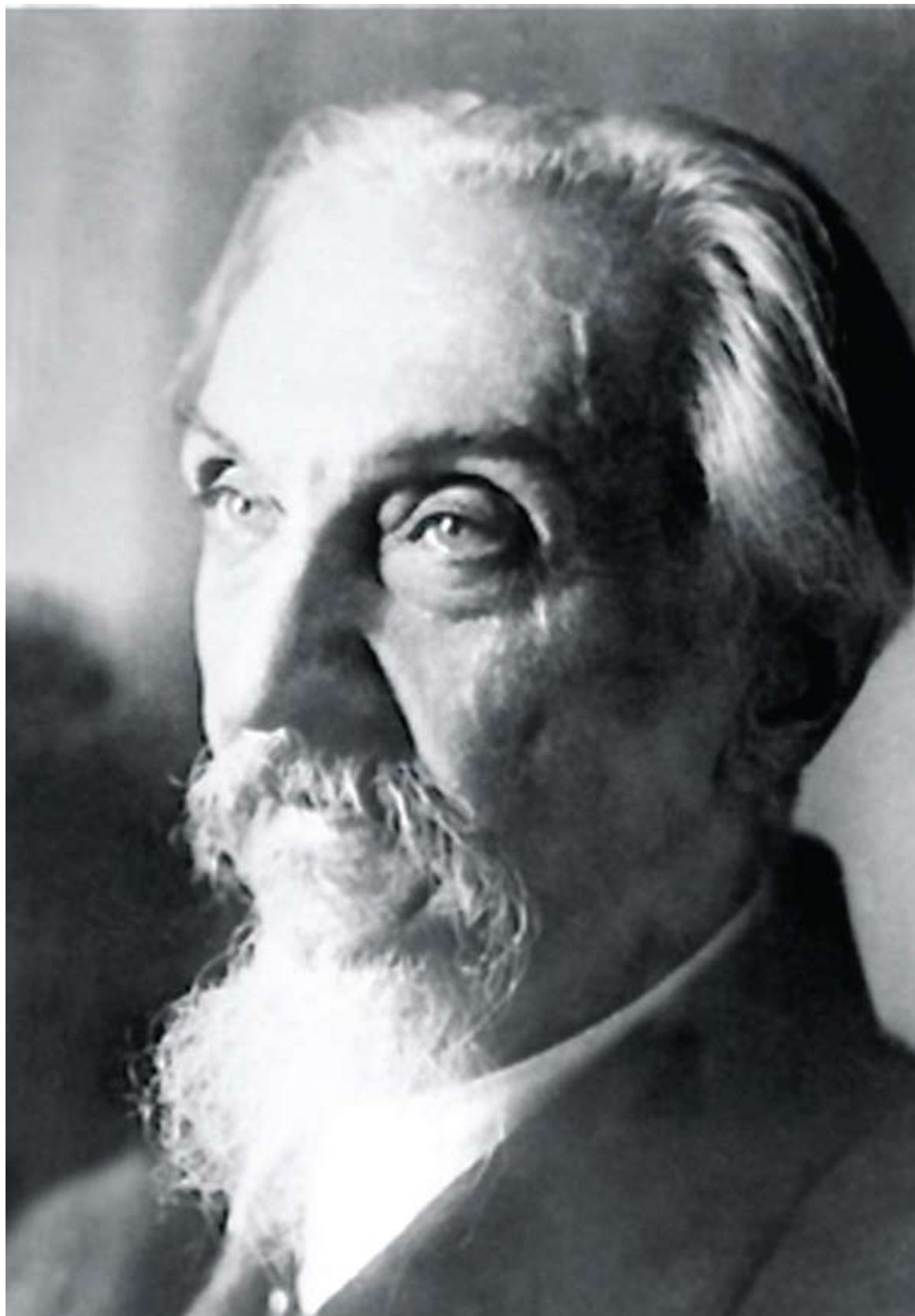
3. ПРИНЦИПЫ ТОЛКОВАНИЯ СЛОВ

СМЫСЛОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА)

2. СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

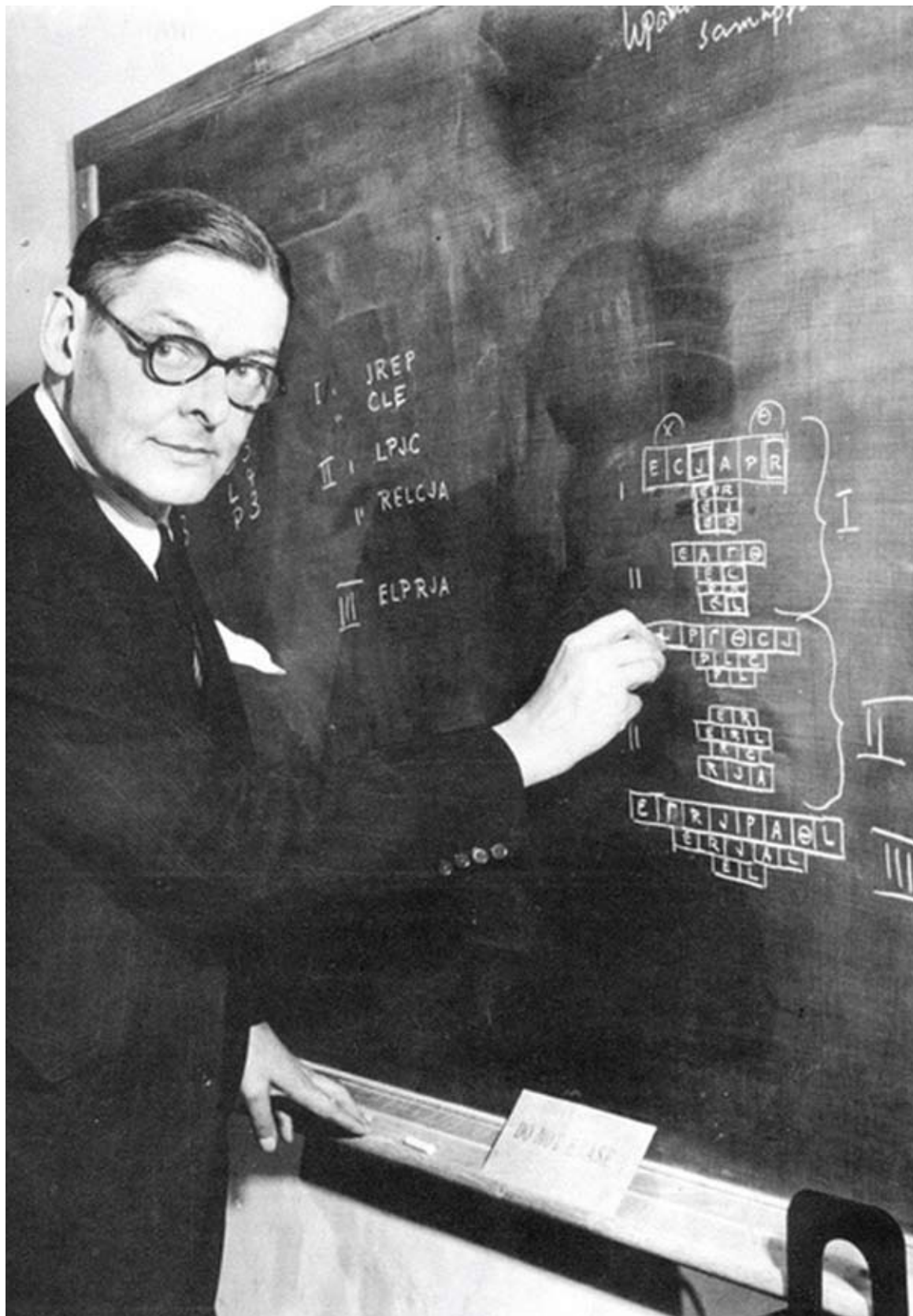

ALEXANDER ALEXANDROVICH BLOK (1880-1921)
RUSSIAN LYRICAL POET
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. RUMOVICH, SAINT PETERSBURG)

LEO VLADIMIROVICH SHCHERBA (1880-1944)
RUSSIAN LINGUIST AND LEXICOGRAPHER
ACADEMICIAN OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (1943)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR)

419

ТОМАС СТЕРНЗ ЭЛИОТ (1888-1965)
 АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ПОЭТ
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МОДЕРНИЗМА В ПОЭЗИИ
 (PHOTOGRAPHY COURTESY OF Le Monde, FRANCE)

SERGEY PETROVICH OBNORSKY (1888-1962)
RUSSIAN AND SOVIET LEXICOGRAPHER
ACADEMICIAN OF THE ACADEMY OF THE USSR (1939)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR)

423

ANNA ANDREEVNA AKHMATOVA (1889-1966)
RUSSIAN AND SOVIET MODERNIST POETESS

(ARTWORK COURTESY OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM, SAINT PETERSBURG)

425

MARINA IVANOVNA TSVETAeva (1892-1941)

RUSSIAN AND SOVIET POETESS

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE HOUSE-MUSEUM OF MARINA TSVETAeva, MOSCOW)

VLADIMIR VLADIMIROVICH MAYAKOVSKY (1893-1930)
RUSSIAN POET AND PLAYWRIGHT
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE STATE MUSEUM OF V. MAYAKOVSKY, MOSCOW)

СЛОВАРЬ
РУССКАГО ЯЗЫКА

СОСТАВЛЕННЫЙ
ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

А — Д.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, 1895.

НАХОДИТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, А ТАКЖЕ
У КОМИССІОНЕРОВЪ ЕЯ:
Н. Глазунова, Эггера и Кони, и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. Киммеля, въ Ригѣ и
Фосса (Г. Гесселя) въ Лейпцигѣ.

ЦѢНА ЭТОГО ТОМА СЛОВАРЯ 2 РУБЛЯ.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА Я. К. ГРОТА
(COURTESY OF M. KARAMIAN'S PRIVATE LIBRARY)

2. Простон. Благодѣяніе, благотвореніе. Онъ не помнитъ моей добродѣтели.

Добродѣтельный, ая, ое; -зѣнь, льна, о. 1. Успоившій себя добродѣтель, хранящій добродѣтель. *Добродѣтельный человекъ.*

...вѣрная супруга

И добродѣтельная мать.

Евг. Оп.

2. Основанный на добродѣтели. *Добродѣтельная жизнь. Добродѣтельный поступокъ. Жизнь, поступать добродѣтельно.*

Доброжелатель, я, м. Желавшій кому-либо добра; доброхотъ. **Доброжелательница**, ы, ж. ...*Борисъ Годуновъ, наип [= англійскій] доброжелатель, еще не имѣлъ тогда власти.* И. Г. Р. X.

Доброжелательный, ая, ое; -зѣнь, льна, о. 1. Желавшій другому добра; доброхотный.

2. Выражающій доброжелательство. *Доброжелательный поступокъ. Доброжелательное отношеніе.*

Доброжелательство, а, ср. Желаніе добра ближнему; доброхотство. *Благодарю за ваше ко мнѣ доброжелательство. || Не вѣрили доброжелательству твоему, коимъ польза была несомнѣнна съ нашею.* И. Г. Р.

Доброжелательствовать, ствую, ср. кому. Желать добра, относиться сочувственно къ кому или чему-либо. *Многіе изъ нихъ доброжелательствовали Дубровскому, герою романтическию.*

Доброкачественность, и, ж. Свойство, отъ прил. *доброкачественный.* ность състанныхъ припасовъ.

Доброкачественный, ая, ое; -но. О предметахъ торговли: въ качествахъ своему назначенію. *Торговцы должны отпускать добротные товары.*

Доброкѣнный, ая, ое. Имѣющій лошадей. *Доброкѣнная легкая войска.*

Добронравіе, я, ср. Доброта, доброе поведеніе.

Добронравный, ая, ое; -зѣнь, льна, о. Имѣющій добрый, тихій нравъ. *Добронравный человекъ.*

...но знаю

То, что она была добронравной, вѣрной, о...

Благочестивой женою.

Жук. Ум.

Добрпорядочность, и, ж. Свойство, отъ прил.

Добрпорядочный, ая, ое; -зѣнь, чна, о. Заслуживающій одобренія, хорошій. *Онъ махнулъ рукой на все свое правильное, благоустроенное, добпорядочное будущее...* Тург. Дымъ.

Добросанный, ая, ое; -нть, а, о, *страд. прич. ы.* **Добросать**, аю, аютъ, *соверш. видъ*, означающ. дѣйствіе въ нѣсколько приемовъ. См. **Добрасывать**.

Добросаться, аюсь, аются. См. **Добрасываться**.

Добросердечіе, я, ср. Сердечное расположеніе къ добру; добродушіе.

Добросердечность, и, ж. Свойство, отъ прил.

Добросердечный, ая, ое; -зѣнь, чна, о. Имѣющій доброе сердце; добродушный; мягкій, слабый характеръ. *Добросердечный человекъ.*

Добросить, шу, сятъ, *соверш. видъ*, означающ. дѣйствіе въ одинъ приемъ. См. **Добрасывать**.

Доброситься, шусь, сятся. См. **Добрасываться**.

Добросовѣстность, и, ж. Свойство, отъ прил.

добросовѣстный. *Добросовѣстность вѣдунъ, изволите видѣть, во мнѣ проснулася.*

Тург. Гамлетъ Щигр. у.

Добросовѣстный, ая, ое; -стенъ, стна, о. Правдивый, примодушный, честный. *Добросовѣстный судья. || Добросовѣстно исполнили условія.*

И. Г. Р. XI.

Добросовѣстное владѣніе (*Юрид.*), приобрѣтеніе, основанное на одномъ изъ допускаемыхъ закономъ способовъ; «добросовѣстнымъ» владѣніе называется вообще тогда, когда владѣлецъ имѣнія не знаетъ, что оно принадлежитъ другому.

Добросовѣстный, аго, м. *Стар.* Лицо, избравшееся изъ крестьянъ и городскихъ обывателей для разбора мелкихъ тяжбъ и споровъ.

Доброта, ы, ж. Свойство, отъ прил. *добрый* 1 (въ нравственномъ смыслѣ): качество, свойство доброй души; постоянное сердечное расположеніе дѣлать добро ближнему. *Вы знаете, что у меня доброты — доброта неизмѣненна.* Ермош. и Мельн.

Добротный, ая, ое; -тенъ, тна, о. 1. То же что доброжелательный. *Добротный человекъ. || Стар.* Добротный читатель, къ которому обращается авторъ книги. *|| Онъ такъ же казался спокоенъ, такъ же былъ привѣтливъ и доброжелателенъ.* А. Толстой. Кн. Серебр.

2. Оказывающій добро по собственному побужденію, непринужденно. *Добротный датель, жертвователъ. || Добротнѣе дающаю любить Богъ.* 2-е посл. къ корин. 9, 7.

Повѣсь, вздорный враль, но малый добротный.

Пушк. Анхиза.

3. Данный непринужденно, по доброй волѣ. *Добротная копѣйка.*

Повѣсь, вздорный враль, но малый добротный.

Пушк. Анхиза.

3. Данный непринужденно, по доброй волѣ. *Добротная копѣйка.*

Повѣсь, вздорный враль, но малый добротный.

Пушк. Анхиза.

3. Данный непринужденно, по доброй волѣ. *Добротная копѣйка.*

Повѣсь, вздорный враль, но малый добротный.

Пушк. Анхиза.

3. Данный непринужденно, по доброй волѣ. *Добротная копѣйка.*

Повѣсь, вздорный враль, но малый добротный.

Пушк. Анхиза.

3. Данный непринужденно, по доброй волѣ. *Добротная копѣйка.*

Доброхотство, а, ср. То же что доброжелательство. *Доброхотство и любовь къ народу обязывали быть его [наѣстника] главнымъ свѣтломъ.* Похв. сз. Ек.

Доброхотствовать, ствую, ствуютъ, ср. кому. То же что доброжелательствовать; дѣйствовать, поспѣшествовать въ чью-либо пользу. *[Годуновъ] досаждалъ ему [Карлу] снѣмъ непрямодушнѣе, но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской.* И. Г. Р. XI.

Доброхотъ, а, м. То же что доброжелатель.

Доброхотка, и, ж.

Этотъ доброхотъ...

Смирненнаго этого... воть.

Дм. Пѣтухъ, воть и мнѣнень.

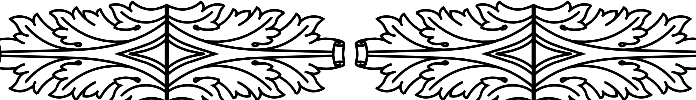
доброхоты, овъ, мн. *Стар.* Приверженцы.

Доброшанный, ая, ое; -шенъ, шена, о, *страд. прич. ы.* добросить.

VIKTOR VLADIMIROVICH VINOGRADOV (1884-1969)
ACADEMICIAN OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (1946)
WINNER OF STALIN'S STATE PRIZE (1951)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE RAS)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

потенциала, осуществляется преобразование самого значения, развитие в нем новых компонентов. В-пятых, значение способно к интенсификации или ослаблению, что оно осуществляется средствами однокоренного словообразования или с участием определений, указывающих на полноту либо неполноту признака, силу или слабость процесса. Весь этот комплекс признаков принадлежит словам именующим (так называемым «полнозначательным»); у слов в широком смысле деиктических (местоимений, числительных, служебных слов) могут присутствовать некоторые из этих признаков, но не их комплекс в целом.

Лексическое значение слова как объект словарного описания является той элементарной единицей, которая входит в конечный лексико-семантический ряд и через его посредство – в общую лексическую систему языка, следовательно, в строение данной части речи в целом. Таким образом, в предлагаемом читателю словаре изучаются и описываются, во-первых, многозначное слово в его расчлененности на отдельные значения (в однозначном слове, следовательно, само его значение); во-вторых, само отдельное взятое лексическое значение; в-третьих, тот завершающий собою систему лексико-семантический ряд, который образуется входящими в него значениями и представляет концевую ветвь лексического древа; в-четвертых, само это древо во всей разветвленности его многоступенчатой организации.

Толковий сарказм, систематизований по класам слів, і внутрішні, по множествам лексических значень, отримав перше читальне історично-лексическе значення. Ця картина оказується тресторонньою. Во-первых, она охватывает мир реалій, всего того, что познано и описано посетителями языка в пределах лексического пространства. Во-вторых, некие, немые предметы, не принадлежащие к слову, мысли и чувства, качества и свойства, ситуации, разнообразные явления - предстают периферией лексического пространства. Во-третьих, различные они существуют и соотносятся друг с другом. Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всеми существующими в лексическом пространстве предметами, явлениями, отношениями, а также из слов, специально предназначенных для обозначения разнообразных связей и зависимостей. В-третьих, эта картина охватывает не только лексическое пространство, но и лексический мир, классам отграниченную чертой разнообразие словесные множества. С п е ч а т о в о й словаря как лексикографического произведения (лексикографический мир) картина мира, представленная таким специальным терминологическим, которая, как правило, выходит за пределы наивного видения мира; однако в тех случаях, когда такая терминология входит в общее употребление, она становится частью лексического пространства и входит в лексические группы. Картина мира, представленная семантическим словарем, принципиально отличается от той, которую рисуют словари языкофактические - они не являются картинами мира. Такими словарями строятся "от понятий", по-разному собранных и представленных лексикографом; этим, будучи объяснены непонятна таких описаний и терминологии, не являются картинами мира. Структура Русского семантического словаря опирается на саму природу языковых множеств, их строение; исключается попытка представить это строение с точки зрения лексикографа, а не с точки зрения самого языка, лексикографических лингвистических источников.

§ 81 СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА БАС АКТИВНОГО ТИПА

Авторы: М.Ф. Карамян и С.А. Головань.

Из лингвистических результатов в семантической области для БАС интересны прежде всего современная теория толкований и правила взаимодействия значений.

Интересные семантические особенности имеют краткие формы некоторых параметрических прилагательных, прежде всего прилагательных линейного размера. Это слова *высокий* — *низкий*, *глубокий* — *мелкий*, *длинный* — *короткий*, *широкий* — *узкий*, а также прилагательные «общего размера» *большой* и *маленький*.

Прилагательные со значением широты частоты и контексте вопросительных слов как и наречиями утрачивают присутний им в других контекстах семантический компонент (больше среднего объекта модальности) и являются синонимами и становятся синонимами обозначениями более широким соответствующего линейного измерения, т. е. семантически синонимами. Например: *Какая ширина (ширина) у этого полотна?* Ср. вопросы типа *Насколько широк небоскрёб в центре?* / *Насколько широк?* / *Какова ширина этого здания?* / *Какая ширина канавы Аспидметра?* / *Какая ширина канавы Дюны?* / *Насколько широким будет река в нижнем течении?* / *Насколько широким будет река в нижнем течении Волги?* Кстати, точно так же реагируют себя и некоторые наречия со значением широты частоты, например, наречие часто со значением частоты: *Иногда раздражающе боль в спине?* / *Как часто вы чувствуете раздражающе боль в спине?*

[illegible]

Прилагательные других семантических классов сохраняют свои обычные значения и в краткой форме: Он *красив/умен, добр/талантлив*; Замысел *его* *глубок*, но трудно осуществим; Он *прочен*, мой язык армянский. Этот аспект характерен для кратких форм при обычном порядке слов и вне контекста интенсификаторов. В положении перед подлежащим или при наличии интенсификатора краткие формы обычно сохраняют свое словарное значение. Так обстоят дело в предложениях типа *Широка страна моя родная, Велика Россия, а отступать некуда, Мал золотник, да дорог, Иван охотился*.

[illegible][illegible]

- На голову укрывается, укутывается и т. п.
- На голову мыла, наже (по-английски, коло-лило).
- Вбрасать, окатывать голову в плечи.
- Кинуть, кинуть и т. п. в голову.
- В голову, в голову (вступать) в голову.
- На голову (коло-лило), чашу-чашу (повисеть, падать и т. п. коло-лило, не коло-лило).
- О голове (с каблуком).
- Над головой.
- Голова (тепелась, расклевывалась и т. п.).
- Глядеть сверху голову.
- Со своей головой.
- На своей голове (дальше чашу-чашу).
- Текало (коло-лило) по коло-лило.
- Селся, курчался, лаялся и т. п. голова.
- Хорошая, светлая, ясная и т. п. голова.
- Голова? (скажи).
- Голова? (по коло-лило) (не)работает [БАС НС].
- Голова (коло-лило, чашу-чашу).
- Головоной, калачной, свинной и т. п. голова.
- Голова (скажи) (скажи) (Горь, батюшка и т. п.).
- Шерошарная, свиная и т. п. голова.
- Большая голова.
- Отпрыснуть голову.
- Понять голову.
- Окликнуть голову.
- Поглядеть голову.
- Утешить с головой.

Значение слова *злова* входит представление об иерархии отношений между двумя людьми или группами людей и о том, что субъект, занимающий более высокое положение в этой иерархии, может диктовать свою волю другому. В этом отношении слову *злова* близки слова *а*, *интеллект*, *мудрость*, *тени*, *идея*, *б*; взгляд; у руководитель, начальник, администратор. Тогда, если верна гипотеза о семантическом согласовании лексической функции существительного *X* с его аргументом *A*, естественно ожидать, что по крайней мере некоторые из этих лексически связанных существительных будут означать, помимо слова *злова*, и с другими словами дрифового лексического класса. Это

гипотеза вполне оправдывается. Ср. слово *говорить* [БАС 4:208]:

[illegible]

объективного *быть*), либо элемент мнимого мира (сдвиг в сторону обманного *мерещиться*).

[illegible]

В позиции проксима, но, обычно не под логическим, а под языковым фразовым ударением, особенно в сочетании с частицами *только, просто и лишь* или в контексте слов *возможность, вероятность, достоверность* (*может быть, может, вероятно, надо думать, скорее всего, действительно*), *кажется* приобретает значение мнимого образа, не имеющего никакого прообраза в реальном мире: *Могло показаться, Просто показало, Возможно, скорее, надо думать, скорее всего, действительно, показало; Неужно кляпаться? Ну? Ведь никак же нет. Это кажется или (Ю. Домошнин); Или мне так только кажется? Может, а не правда, и только кажется? Или не так? (Вед. Ерофеев); Или же не так? Или же не так? Кажется, что мир существует, а на самом деле нас нет (А. П. Жигорев).*

[illegible]

2. Представлять в чьем-л. мнении. Известие было радостное и выглядело довольно правдиво. Анямчик Танки идут ромбом. ♀ Выглядеть в чьих-л. глазах, в чьем-л. мнении. [Пегухова:] Человек приехал работать с периферии! Что он подумает о нас? Как я буду выглядеть в его глазах? Софрон. Последи, соловьи. [Камая:] Инцидент пока имеет частный характер. Подумайте, как вы будете выглядеть в общественном мнении. Вампилов. Провинци. анекдоты.
— Слов. Акад. 1891: выглядеть.

- БАСЗ 2. ВІЙДАТЬСЯ. См. 2. Выходить.
- БАСЗ: ВІЙДАВНІВАТЬ, аю, аєшь, несов.;
 вихадувати, ну, нешь, сов.; нетерех. 1. Смотреть,
 выискивать, отыскивать, показывая наружу. *Одна
 старуха вихадула кімнатку на останіюмівшійся трійку.*
 Л. Толст. Казаки (в ок.). *Зонарену хотілось вихадути із-за
 бруствера, но што зробило раненієм аю дже смертнім.*
 Степан. Порт-Артур. — *Верь нєна, годє не проїдетъ —
 Кончатъ войну! Какъ вернеться в чєредъ нє! — Выхади из окна.*
 Шейфер. Стєны дворов. О́ О глазох. Из глубины
 вороньки, из щельки мєла чернє и аюбєнтно

[illegible]

— Вейсманн, 1731, с. 382: выглядети, с. 59: выглядывати; Нордстет, 1780: выглядывать, выглядеть.

• БАСЗ: 3. **ВЫГЛЯДЫВАТЬ**. аю. аешь. несюв.: *nenepex.*

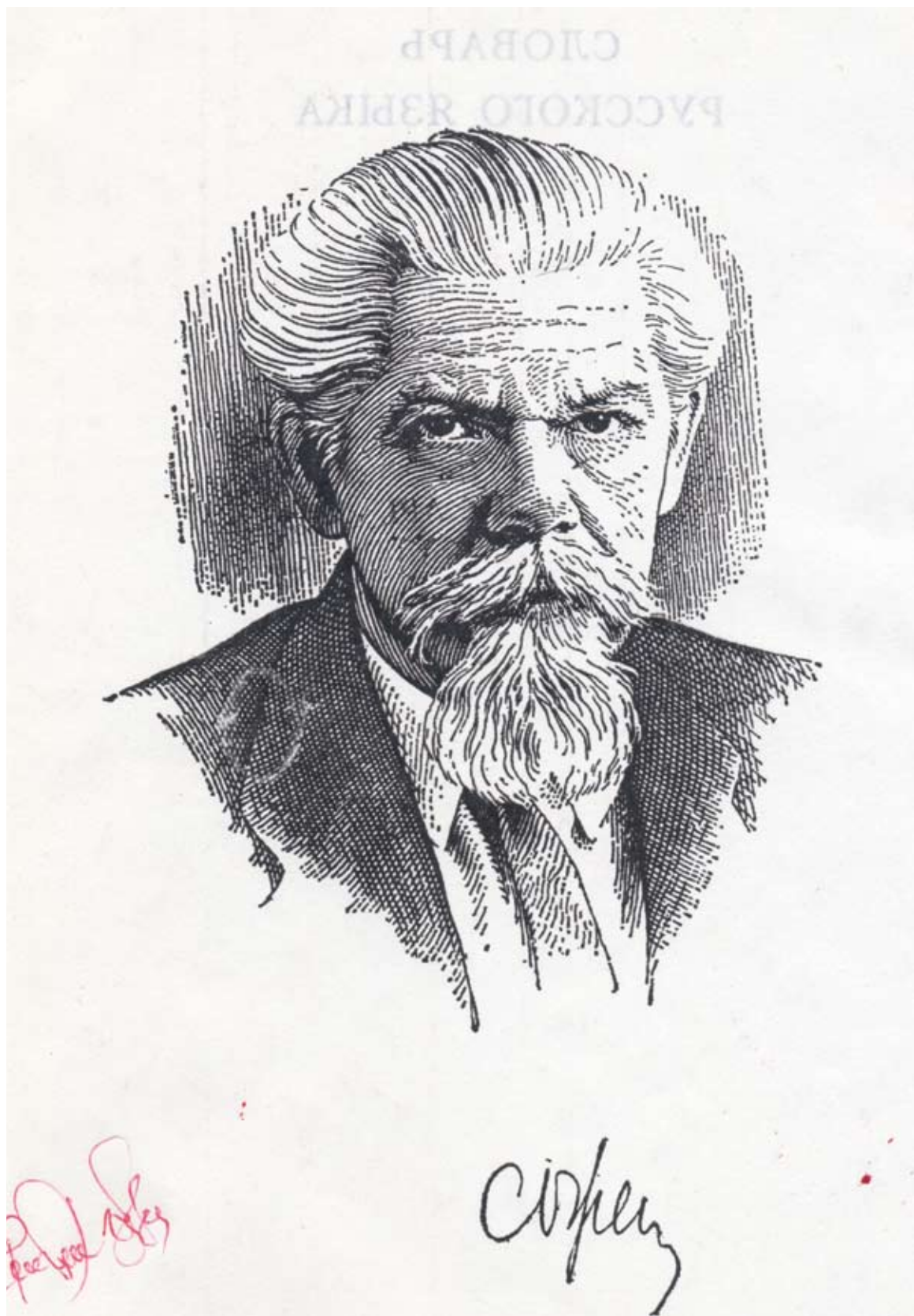
Обл. Иметь какой-л. вид, казаться, представляться кем-чём-л., каким-л.; выглядеть (1. Выглядеть в 1 знач.). — Бороду-то с какой целью запустил?.. — Не идет? — Старообразно выглядывашь. Грачевск. Среди своих.

Исключение составляют высказывания говорящего о самом себе в момент речи (всегда с местным именем первого лица и глаголом в форме настоящего времени), в которых *кажется*, вновь в отличие от *выглядеть*, даже под главным фразеовым ударением обозначает впечатление. Ср. *Этот медведь кажется (ты ошибаешься) VS. Мне так кажется (Я настаиваю на своем мнении, хотя я не)*

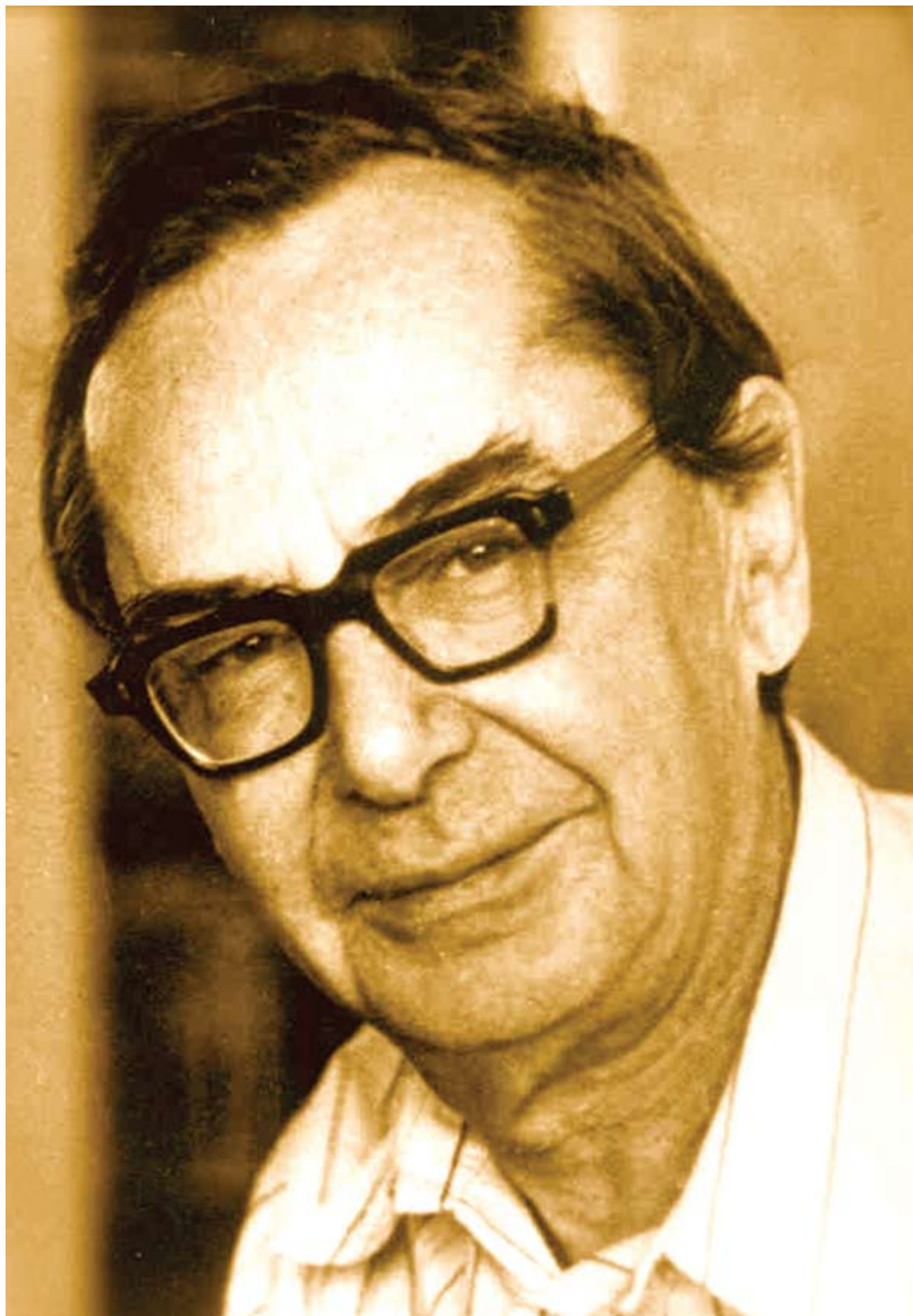
¹ Толкование Е. В. Урысон, см. [Урысон 2004а: 51]. Это толкование представляется более точным, чем восходящее к работе [Sapir 1944] и принимаемое в МСШ толкование прилагательных со значением большого физического размера через понятие нормы.

² π — параметрическое существительное типа 'длины', 'высоты', 'глубины' и т. п.

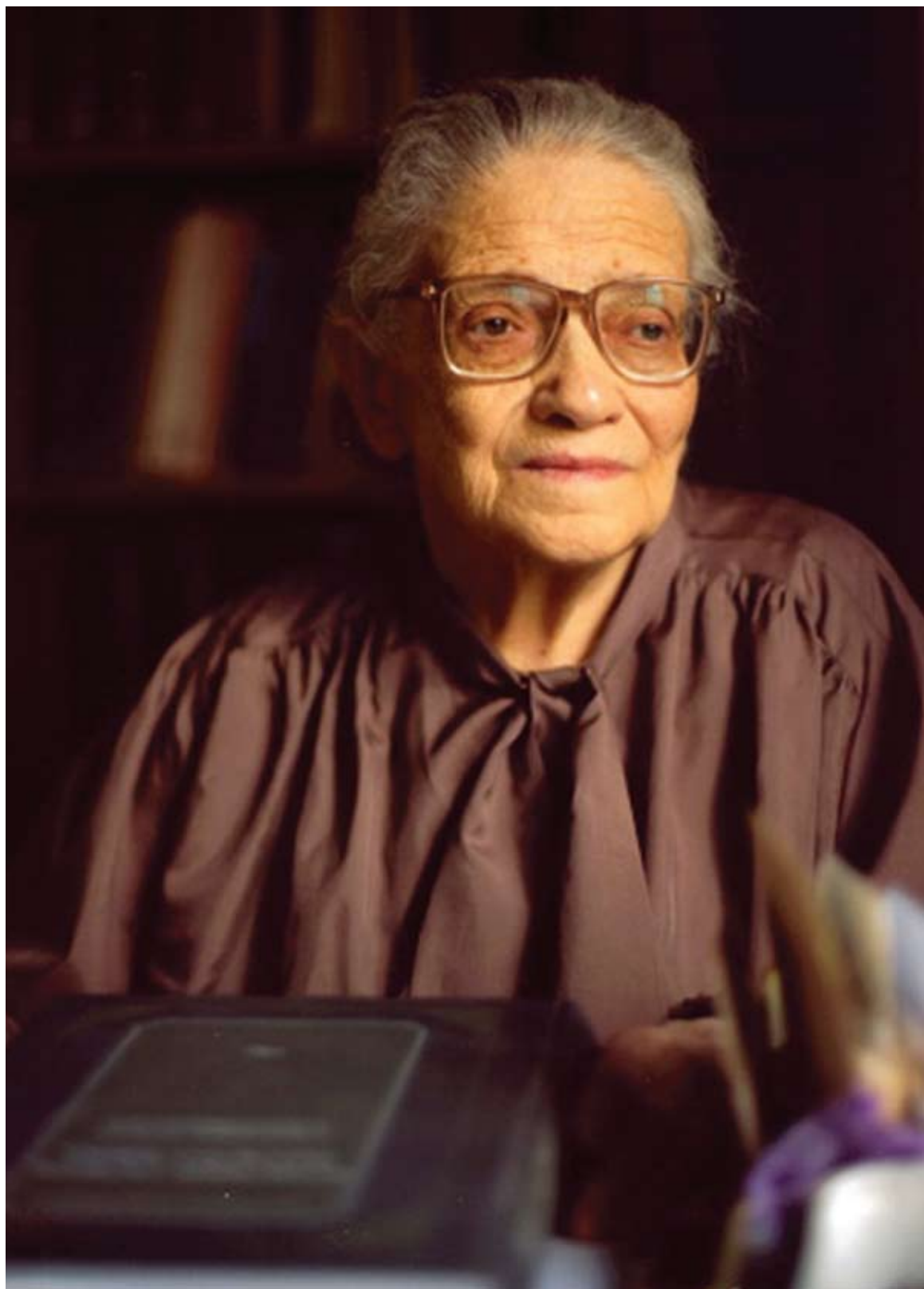
³ Попреткн ожиданнм, под отрицаннм и главном фразеом удареанм *исходнм* (как и *класнм*), не пренрщается в рему (точне, не выднт в рематическую часть высказаннм). Ср. *Он не ждалм уснанм* = *Он не прнмалм ннчмало уснанм чмелчм*. Отрицанне здесь снмвоное, следовательно, роль ремы в такнх конструкцнх выполнет прнсвоачная часть сказуемого. То же относится и к слову *бнм*, с той разнцой, что она в этой фразеи становится живнтельной при отрицанн.

SERGEI IVANOVICH OZHEGOV (1900-1964)
PROFESSOR AT LENINGRAD STATE UNIVERSITY
THE AUTHOR OF THE SINGLE VOLUMED СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА
 (ARTWORK COURTESY OF РУССКИЙ ЯЗЫК PUBLISHING HOUSE)

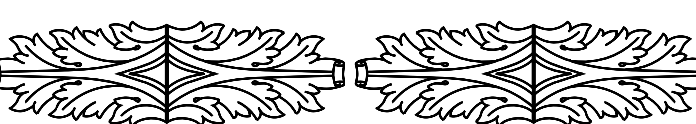

YURII SERGEEVICH SOROKIN (1913-1990)
DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES AND LEXICOGRAPHER
EDITOR-IN-CHIEF OF THE СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE ILS, RAS, <<http://iling.spb.ru/vocabula/persona/sorokin/sorokin.html>>)

ACADEMICIAN NATALIA YULEVNA SHVEDOVA (1916-2009)
SOVIET AND RUSSIAN RUSSIST AND LEXICOGRAPHER
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF РУССКИЙ ПУТЬ)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

уже тогда к рассвету. Гряд. Горы от ула. [Дона Анна] у
мелта шрава! Не брало. Ушайа мелта Анна и сест.
[Дон Гуан] пробужд[ен]! Идем к развалине мей! Сказание мие:
[Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
Разг. О наступлении казнь а. физиологическое или
психологическое состояние (обычно с отрицанием).
Мелта шрава не спався. Я душка, душка и тиза, кула пошла
на шрава. [Дон Гуан] Мелта Анна и сест. Мелта Анна и сест.
Простедия против нечел. Мелта. В шаре отерж.
[Горд], Но, бос и не! Мелта. Как такой чеша, у мелта
шрава не шдрит. Но и сима мелта мелта, пришло. А. Тоаст.
[Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
Горд. Об отсутствии рассуждения к нег, нитую и т.,
п. под влиянием изощрения, слабости, расстройств и
т. п. — На шра, на шрава не шдрит и шрава. Не шдрит
шрава не шдрит. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
дому, на (а) что-то а! Нет желания
настроения делать а. После обета шрава, пошлута что
не шрава шрава на. Черныш. Девенша. Хочу написать
шрава на шрава. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
Писма. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
— Иной раз так устали, мыслили сие шрава шрава, шрава
кажето, нитое не шдрит в дом. Таши. Чудеса шрава. Не
шдрит шрава. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
шрава, не забывает, что-то. а-он. Не шдрит. Не шдрит
у него не шрава шрава. Он шрава шрава шрава, что она
пошла в шрава. Горд. Сост. Макара. Учитель пробудил
шрава шрава. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
(Не шдрит на шрава что-то. а-он.) (Не шдрит, (не)
принимается. Мутится в уме, думает мисла! То
шрава шрава. [Дон Гуан] и Купид. Купид. Мелта Анна и сест.
на шрава! Не шдрит. Горд. Сост. Макара.

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

21. Разг. Уступая насилью, нажиму и т. п., выходить, влезать, вмещаться или выходить, выниматься, вылезать. Гвоздь легко идет в стену. Пробка не идет из горлышка бутылки. □ У меня едва хватило сил подкатить бочку к двери сарая, в дверях она застряла и задела по щеке М. Горький. Мои товарищи смеются.

[illegible][illegible]

Помех старина. Однако за своей внешностью он следил строго, одевался аккуратно, по-модному, все шло к его лицу, еще было по фигуре. Феенко. Когда, если не теперь. 0 3 л. ед. ч. наст. ер. Идёт. Разг. Согласен, ладно. — Хочешь обзавестись удираться, что в этих самых палевых лубови у пона за пятьдесят рублей купишь? Идем? — Идем. Если купишь, я дам плечу пятьдесят. Мам.-Сиб. Из уральск. старини.

— Василь Максимче! — крикнул он, спохватившись. — Последний стик тоже я вбду арыть. Слово давай! — Идем.

— Слово. Ажав, Далеко от Москвы.

[illegible][illegible][illegible]

■ УСССРЯ: ИДТИ', иду, идёшь, идут, *прош.* шёл, шла, шло, шли, *несог.*

1. Двигаться шагом (о движении в одном направлении); направляться, отправляться куда-л., с какой-л. целью; иметь намерение отправиться куда-л., с какой-л. целью.

[illegible]

JOSEPH NATHANIEL ROSENTHAL (1923-2012)
DOCTOR OF MEDICINE AND PHILOLOGY
THE VITAL FORCE BEHIND THE HISTORY OF THE GAD
(ARTWORK COURTESY OF MARK KARAMIAN'S PRIVATE ART COLLECTION)

GALINA ALEXEYEVNA LILICH (1926-2012)
DISTINGUISHED PROFESSOR AT ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF PROFESSOR V.M. MOKIENKO <www.phraseoseminar.narod.ru>)

IRINA ILYINICHNA KOVTUNOVA (1926-2007)
RUSSIAN LINGUIST AND LEXICOGRAPHER
ONE OF THE AUTHORS OF THE СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА

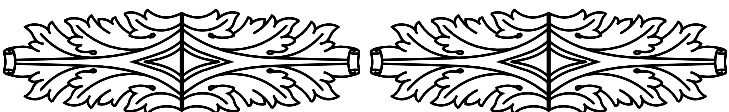
6-го января 2007 г. на 81-м году жизни после длительной болезни скончалась Ирина Ильинична Ковтунова, известный языковед, доктор филологических наук, ученица В. В. Виноградова. В круг ее интересов входили проблемы синтаксиса русского языка, языка русской поэзии и прозы. Ирина Ильинична – один из авторов «Словаря языка Пушкина», «Русской грамматики» (1980 г.)

И. И. Ковтунова – автор таких основополагающих работ, как «Несобственно-прямая речь в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. » М., 1956; «Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы». М., 1969; «Порядок слов и актуальное членение предложения». М., 1976; «Поэтический синтаксис». М., 1986; «Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX в. » // «Очерки истории языка русской поэзии XX века». М., 1990; «Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века» // «Очерки истории языка русской поэзии XX века». М., 1993; «О поэтических образах Б.Пастернака» // «Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей». М., 1995; «Поэтика Александра Блока». Владимир, 2003; «Очерки по языку русских поэтов». М., 2004; «Живопись и графика в поэзии М.Волошина» Владимир, 2005; «Категория лица в языке поэзии» // «Поэтическая грамматика. Т.1». М., 2006; «Синтаксис поэтического текста» // «Поэтическая грамматика. Т.1». М., 2006.

Отпевание Ирины Ильиничны прошло 10-го января в церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке (о. Александр Борисов).

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE IRL, RAS)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО ОБЩАКАДЕМИЧЕСКОГО СВАРВА РУССКОГО ЯЗЫКА

smart card noun **Banking**
soucard noun **Computers**
 card noun
 swipe card noun
 Switch card noun **Banking**
 test card noun **Television and Radio**
 time card noun **Conditions of Employment**
 top-up card noun
 Visa card
 visiting card noun
 warrant card noun
 wild card noun **Cards, Computers**
 yellow card noun **Football**

Longman Dictionary of Contemporary English, Fourth Edition, 2003.

OPINION noun
 1 [uncountable and countable] your ideas or beliefs about a particular subject

COLLOCATIONS
 in somebody's **opinion**
general/popular **opinion** (=what most people think about something)
public opinion (=what ordinary people think about something)
 difference of **opinion**
 a **matter of opinion**
 ask (for) somebody's **opinion**
 somebody's **opinion** state an **opinion**
strong opinion
 keep your **opinions** to yourself (=not say what you really think)
 contrary to **popular opinion** (=despite what most people think)
opinion about
 The two women had very different **opinions** about drugs.
 What's your **opinion** of Cathy?

opinion on
 He had his wife's **opinion** on every important decision.
 It's a terrible shame, in **my opinion**, that the building was knocked down.
 The **general opinion** is that the new law is a good thing.
 The **majority** would insist on **public opinion**.
 These are just my own **personal opinions**.
 Whether or not this is useful is a **matter of opinion**.
 Everyone has the right to **express an opinion**.
 Contrary to **popular opinion**, the decision is quite good for you.
 Judy is a person with **very strong opinions**.
 I do not say 'according to someone's' opinion'. Say either according to someone or in someone's opinion. → **view**¹
 (1) → **in** my humble **opinion** at humble¹ (3)

2 [countable] judgement or advice from a professional person about something:
 When choosing an insurance policy it's best to get an **independent opinion**.
 My doctor says I need an **operation**, but I've asked for a **second opinion** (=advice from a second doctor to make sure that the first advice is right).
 They took the painting to get an **expert opinion** (=an opinion from someone who knows a lot).

3 have a high/low/good/bad etc **opinion** of somebody / something to think that someone or something is very good or very bad:
 They have a **very high opinion** of Paula's work.

4 be of the opinion (that) to think that something is true:
 I was firmly of the **opinion** that we should not give Jackson any more money.
 → a **difference of opinion** at difference (6) → be a **matter of opinion** at matter¹ (12), **public opinion**
opinion poll noun **Politics** [countable]
public opinion noun [uncountable]
 The results of asking a large group of people the same questions in order to find out what most people think about something:
 An **opinion poll** showed that 70% of adults were against legalizing gay marriage.

opinion-makers noun **Politics, Communications** [plural]
 people such as politicians or journalists who have a lot of influence on the way other people think
public opinion noun [uncountable]
 the opinions or beliefs that ordinary people have about a particular subject
 Public **opinion** is shifting in favour of the new law.
 the pressure of public **opinion**

VIII. OXFORD ADVANCED LEARNER'S DICTIONARY (Seventh Edition)

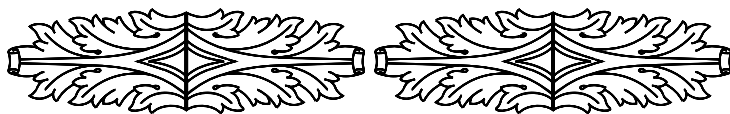
- **OALD:** **Card** [kɑ:d; NAmE kɑ:rd] noun, verb
- **PAPER** 1 [U] (BrE) thick stiff paper: a piece of card
- **the building** 2 [C] a small piece of stiff paper or plastic with information on it, especially information about sb's identity: a membership card
- **GAMES** 8 [C] 1 an appointment card—see also **GREEN CARD**, **IDENTITY CARD**, **LOYALTY CARD**, **RED CARD**, **REPORT CARD**, **YELLOW CARD** 3 [C] = **BUSINESS CARD**: Here's my card if you need to contact me
- **card** = **VISITING CARD**
- **FOR MONEY** 5 [C] a small piece of plastic, especially one given by a bank or shop/stor, used for buying things or obtaining money: I put the **card** on (= paid for it using my card)
- **FOR WOOL/COTTON** 13 [C] (technical) a machine or device that makes a message with your good wishes, an invitation, etc.: a birthday/love-well-wish **card**
- **also** **CHRISTMAS CARD**, **GREETING CARD** 7 [C] = **POSTCARD**: Did you get my **card** from Italy?
- **card** 6 [C] = **PLAYING CARD**: Let's have a game of cards, o (BrE) a pack of cards o (NAmE) a deck of cards—see also **TRUMP CARD**, **WILD CARD** 9 cards [pl.] a game or games in which **PLAYING CARDS** are used: Who wants to play cards? I've never been very good at cards. o She won £20 at cards
- **COMPUTING** 10 [C] a small device containing an electronic circuit that is part of a computer or added to enabling it to perform particular functions: a printed circuit card o a graphics/network/sound card—see also **EXPANSION CARD**
- **PERSON** 11 [C] (old-fashioned, informal) an unusual or amusing person
- **HORSE RACES** 12 [C] a list of all the races at a particular RACE MEETING (= a series of horse races): a race card
- **FOR WOOL/COTTON** 13 [C] (technical) a machine or tool used for cleaning and COMBING wool or cotton before it is spun

IDM sb's best/strongest/winning card something that gives sb an advantage over other people in a particular situation
 get your cards (BrE, informal) to be told to leave a job
 to take up your 'deeds' to make sb leave their job
 to give you an advantage in a particular situation and that you keep secret until it is needed
 have all the 'cards (informal) to be able to control a particular situation because you have an advantage over other people
 hold/keep/play your cards close to your 'chest to keep your ideas, plans, etc. secret
 lay/put your cards on the 'table to tell sb honestly what you plan, ideas, etc. are on the 'cards (BrE) (NAmE: in the 'cards) (informal) likely to happen: The merger has been on the cards for some time
 play the ... card to mention a particular subject, idea or quality in order to gain an advantage: He accused his opponent of playing the 'opinion card during the campaign—see also **race card**
 play your 'cards right to deal successfully with a particular situation so that you achieve some advantage or sth that you want—more at **play** 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

● **OALD:** **Opinion** [ˈɒpɪnɪən əbɪn] 1 (=that...) your feelings or thoughts about sb/sth, rather than a fact SYN **view**: We were invited to give our **opinions** about how the work should be done. 2 The recently changed my opinion of her. 3 Everyone had an **opinion** on the subject. 4 The chairman expressed the **opinion** that job losses were inevitable. 5 He has very strong political **opinions**. 6 In my **opinion**, it's a very sound investment. 7 (formal) It is our **opinion** that he should resign. 8 If you want my **opinion**, I think you'd be crazy not to accept it. 9 [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 10 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 11 **Opinion** is divided on the issue. 12 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 13 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 14 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 15 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion** 7 [C] advice from a professional person: They called in a psychologist to give an **independent opinion**. 8 I'd like a **second opinion** (= advice from another person) before I make a decision. **IDM** 1 be of the **opinion** that... (formal) to think that... 2 I [U] the beliefs or views of a group of people: legal/moral/political **opinion** (= the beliefs of people working in the legal, etc. profession) 3 There is a **difference of opinion** (= people disagree) as to the merits of the plan. 4 **Opinion** is divided on the issue. 5 There is a wide body of **opinion** that supports this proposal. 6 Which is the better is a **matter of opinion** (= people have different opinions about it)—see also the public **opinion</**

19 МАЯ 1995 г.
СЛОВАРНЫЙ ОТДЕЛ ИЛИ РАН

• V. P. FELICINA • K. S. GORBACHEVICH • I. L. BALAKHONOVA (I:L-R)
• L. E. KRUGLIKOVA • V. N. SERGEEV • E. YU. VAULYANA • T. I. GAYKOVICH (II:L-R)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

VERA PETROVNA FELICINA
CO-WORKER AT THE DICTIONARY DEPARTMENT OF ILS RAS
CO-EDITOR OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF WWW.NEOLEXILING.NAROD.RU)

НОАМ ХОМСКИЙ
ПРОФЕССОР ЭМЕРИТУС
АМЕРИКАНСКИЙ ЛИНГВИСТ И ФИЛОСОФ
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF N. CHOMSKY)

YURII DERENIKOVICH APRESYAN
RUSSIAN LINGUIST AND LEXICOGRAPHER
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1992)
FOREIGN MEMBER OF THE ARMENIAN NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
PROFESSOR AT MOSCOW STATE UNIVERSITY AFTER LOMONOSOV
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE RAS, S. NOVIKOV)

TATIANA PETROVNA NIKOLAEVA (1924-1993)
PROFESSOR AT THE MOSCOW CONSERVATORY
WINNER OF THE STATE STALIN PRIZE (1951)
PEOPLE'S ARTIST OF THE USSR (1983)

(ARTWORK COURTESY OF UKA)

VALERY MIKHAILOVICH MOKIENKO
PROFESSOR AT SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
 (PHOTOGRAPHY COURTESY OF THE СПбГУ <www.phraseoseminar.narod.ru>)

METRO STATION PUSHKINSKAYA IN SAINT PETERSBURG СТАНЦИЯ МЕТРО ПУШКИНСКАЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

«Пушкинская» — станция Петербургского метрополитена. Входит в состав Кировско-Выборгской линии, расположена между станциями «Технологический институт» и «Владимирская».

Станция открыта 30 апреля 1956 года в составе первой очереди метрополитена «Автово» — «Площадь Восстания».

Название связано с близостью Витебского (бывш. Царскоесельского) вокзала, соединяющего Санкт-Петербург с городом Пушкин (Царское Село), где в Лицее 1811 по 1817 год жил и учился поэт (позже Пушкин жил в Царском Селе в 1831 году). В проекте станция носила название «Витебская».

Одноэтажное деревянное здание первого вокзала было возведено уже после смерти Пушкина (1837).

15 декабря 2011 года совет по сохранению культурного наследия рекомендовал внести «Пушкинскую» в единый государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения, однако пока она остается выявленным объектом культурного наследия.

Павильон станции выполнен по проекту архитекторов А. А. Грушке, А. С. Гецкина, В. П. Шуваловой, инженера С. М. Эпштейна и располагается на Загородном проспекте, рядом с Витебским вокзалом. Вестибюль включает в себя:

- 1) Коридор, идущий к дверям входа-выхода пассажиров. В нём расположены кассы станции.
- 2) Центральный круглый зал, в нём находятся турникеты. Зал освещён светильниками, расставленными вдоль стен. Также обращают на себя внимание два киоска, декорированные в соответствии с оформлением станции. Потолок этого зала богато украшен лепниной.
- 3) Над эскалаторным подъёмом расположен квадратный зал, отделённый от круглого большой аркой. На стене этого зала над наклонным ходом находится барельефный медальон с профильным изображением А. С. Пушкина, работы скульптора М. Т. Литовченко. Потолок зала покрыт кессонами.

Наклонный ход (выход со станции), содержащий три эскалатора, расположен в южном торце станции. Для его освещения применяются светильники, похожие на факелы. Такие светильники были распространены на станциях первой очереди.

«Пушкинская» — пилонная станция глубокого заложения (глубина ≈ 57 м). Подземный зал сооружён по проекту архитекторов В. А. Петрова и Л. М. Полякова. Первоначально оформление станции планировалось связать со строительством Царскоесельской железной дороги, первой в России. В окончательном проекте тематика изменилась — она целиком посвящена великому русскому поэту, и считается одной из красивейших в петербургском метро. Это единственная станция первой очереди, спроектированная не ленинградскими архитекторами, а московским архитектором Л. М. Поляковым (проект также в отличие от остальных станций принят на внеконкурсной основе).

Леонид Михайлович Поляков (ленинградец по рождению, окончивший в 1929 году ЛВХТИ (быв. Академию художеств) переехал в Москву в 1933 году в составе группы Шуко — Гельфрейха для проектирования Дворца Советов). К тому времени был автором уже трёх станций московского метро, в том числе «Калужской» (с 1961-го «Октябрьская») Кольцевой линии, с которой у «Пушкинской» совпадают даже мелкие детали оформления.

Пилоны облицованы белым мрамором, пол выстлан тёмно-красным гранитом. Гранит доставлялся в Ленинград с Украины, со знаменитых Токвовских разработок. По кромке красного гранита выложен узор из чёрного и белого камня. В нишах установлены чёрные металлические торшеры с хрустальными чашами, излучающими свет. Стройные стволы светильников декорированы позолоченными стилизованными щитами, копьями и другими отделочными деталями.

В торце центрального подземного зала установлена статуя А. С. Пушкина работы М. К. Аникушина. За ней располагается панно художницы М. А. Энгельке, изображающее уголок Царскоесельского парка. Панно подсвечено снизу лампами дневного света. Благодаря мягким, матовым краскам, подсветке и расположению отдельных частей композиции создаётся ощущение раздвинувшихся стен, арки, выходящей на вольный воздух.

Пол проходов на перроны выложен гранитом, вокруг которого была положена простая кафельная плитка светлого цвета.

На путевых стенах перронов плитка двух цветов: снизу — чёрного, сверху — белого; установлены двери с декоративными решётками с надписью «1955» (станция была открыта в 1956 году, но решётки были сделаны аналогично соседним станциям). Станционные стены покрыты мрамором, украшены колоннами и изящными вентиляционными решётками, рисунок которых перекликается со светильниками центрального зала. Перроны освещены небольшими изящными люстрами. Две люстры сняты с потолка над перроном в месте перехода на станцию «Звенигородская» и установлены в переходе.

В 2006 году на станции проводилась замена полов.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF FLORSTEIN)

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY IN ITS FIRST EDITION (1948-1965)

СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

In 1937 when the work was halted on the Dictionary of the Russian Language, and meanwhile the commencement of the toil of the Dictionary of Contemporary Literary Russian Language, the corpus of the card index system already contained more than four million cards. Based on the undesirable facts promoted mainly by Aleksey Shakhmatov and some of his followers, the Presidium of the Academy of Sciences passed the resolution on August 5th, 1937 to commence a new project of writing a new dictionary which was named the Dictionary of Contemporary Literary Russian Language, or later to be unofficially called "The Great Academic Dictionary" or the "GAD" which was published between the years of 1948 and 1965. This dictionary practically became like a darling manual for Russian scholars, philologists, radio and television workers, classroom teachers, professors, graduate and postgraduate students, pupils and everyone else who were actively involved in the making of the Russian language, and especially for those who were concerned with the future and the fate of the Russian language. The project of the "GAD" was completed successfully in seventeen volumes containing more than 120,000 lexical units and numerous quotations amassed from Russian literature.

World War II (1939-1945) interrupted the work of collecting and systematizing the materials required for the "GAD". The corpus of the Russian language was renewed and enlarged further by 1948. The card index system was significantly enlarged, reaching to six million cards in the 50's of the XX century. This process of further development of the card index system would assist editors of the "GAD" to finish this task of lexicographical duty of the century on time.

A very different mission of selecting words was towered in front of compilers of the dictionary. Only standard vocabulary of current Russian of general use from the period of Alexander Pushkin to the present day were to be considered as a vital part of the word selection. Special words, terminology, local dialects, obsolete words, archaic words and jargonism had stayed out of the limits of the boundaries of Alexander Pushkin period set by officials. However, some of them found their places in the dictionary. The main criteria of selecting these words were their firm usage in Russian literature.

This particular dictionary had carved its special place amongst all other dictionaries published either by the Russian Academy or the Academy of Sciences. This was the first attempt of making a comprehensive and a quite complete academic dictionary of the Russian language of the XX century. In addition, the process of enlarging the selection of the vocabulary was based upon the generous inclusion of archaic, professional words, words of common parlance and low colloquial lexicon, vernacular language, representing regional dialects used in the literature of the XIX and XX centuries.

The most important and exclusive factor of the "GAD" was the inclusion of all derivatives which were documented and registered in different written sources, and had already existed in verbal literary speech. A quite complete picture of displaying the continuity of the layers of lexical units and typical word combinations was finally materialized for the first time in Russian lexicography. The unparalleled advantage of the "GAD" was in the fact, that not only words of figurative standard vocabulary were defined, but also definitions of graphic description, metaphorical senses, which had not yet become part of the general word circulation were taken into consideration based on word frequency at that time.

It is needless to mention, that the entire resplendence of word-formation of the Russian language, presented in this dictionary was thoroughly analyzed to include the entire semantic or poly-semantic characters of the words and their usage excluded from the other dictionaries due to issues regarding the capability of their space and size intended for the inclusion of these words in those dictionaries of lesser scope and capacity. Word combinations used in this dictionary indicated the stress mark and its shift on vowels and of conjugated words. Each sense and every usage of the word was confirmed by numerous quotations accumulated from authoritative sources. The compilers of the dictionary completed such laborious tasks by indicating the older lexicographical sources where initially the words were placed and registered for the first time. More attention was paid on illustrations by using quotations from Russian literature than any other dictionary had done in the past.

The history of perspective notions to include the principles of normativity and historicism in this dictionary was purely deductive. Therefore, if a brighter reader makes it as an instrument of education, then autodidacticism will be the golden key to his further advancement in education itself. "Dictionaries are like watches, the worst is better than none, and the best cannot be expected to go quite true".

The editor-in-chief, Vasilii Chernishev, in the initial stages of undertaking this enormous task, indicated that the editorial group of the dictionary had categorically refused to employ the methods of Aleksey Shakhmatov which would transform normative¹¹⁸ dictionary into more of a historical than an academic type. In historical dictionaries it is customary to commence each lexical unit by defining first the oldest sense used in history then by gradually gliding through the history and ending up with the latest or newest sense at the end of the entry by fixating the change. Whereas, academic normative dictionaries have a completely opposite approach to the same methods of registering and arranging the senses in dictionary entries.

There was an important decision made by the editors that the task of making this dictionary shall be more fundamental, strictly following all guidelines to maintain the historical dictionary principles very separate from normative academic dictionary principles.

In practice, the academic dictionary shall stand right inside the user's heart and mind by keeping him closer and closer to Russian literature and by promoting correct usage of the language. The reader of classical literature, first and foremost, needs references about unknown and even known words, and their semantic and polysemantic definitions, whether these words were of a standard or rare usage. The enormous number of qualitative references in possession about words in categories with definitions of the main sense of the principle methods of displaying obsolete norms of literary speech becomes essential. Only such old or archaic words are chosen to be a part of the entire word selection which were widely used in the past, or words which describe objects and phenomena being inherent, fundamental and rudimentary part of the identity of Russian civilization, history, culture, intellectual achievements, verve, élan vital and every day life. Correct Russian language and proper usage of words is vitally important for documenting every event in our lives in words for the posterity for ages to come.

After seventeen long years from 1948 to 1965, the dictionary was finally published as whole in seventeen volumes, instead of twelve to fifteen volumes which was originally predicted by the editorial group. Only 25,000 copies were pressed which made this dictionary to become a bibliographical rarity from the very first day of its publication. In 1970 the Dictionary of Contemporary Literary Russian Language was awarded the highest prize in the USSR, the Lenin's Order. By the year of 1975, a decision to prepare the dictionary for its second edition was already made. From 1968 to 1994 more mate-

rial was actually assembled for its new card index system, exceeding two million words not including those of which were already in existence. (<<http://www.ozon.ru/context/detail/id/1401135/>>)

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF S.I. PASHKOV)

1. Афанасьев А.М. Собрание сочинений в 5 томах (комплект из 5 томов). Рязань: Золотое и серебряное века, 2004. Т. 3. С. 65.

2. Е. Мурер и Ф. Зельс. ОЕВЕРКА: Прогнозирование материальности и идеальности познания. Глава III. Психотехнология как и психотехнологическое познание. Как сложилось неточное представление о психотехнике в истории. [М]. Москва: КомКнига, 2010.

3. Гельман, Наталья Юрьевна слова и значение. Словарь-справочник. Москва: Русский язык, 1984.

4. Толковый палеословарный словарь, т. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2004.

5. Губина, Наталья (составитель). 18 – 3822 – древний историко-материальный культурный, лексикон, философия, психология, теология. В 1617 пригласили в типографию Юрия Петровича Лавры, до 1627 года "Лексикон славянорусский и язык толковый": наиболее полный толковый словарь церковно-славянского языка. Источниками словаря послужили "Лексикон" Лавры, переводы творений святой Церкви и другие произведения. Сочинения П.П. Савиты необходимы пособием для изучения церковно-славянского языка, до конца 17 в. оставались в православном мире языком науки и образования. (Вин. Баб. В.М. Палеословный славянорусский словарь. – М., 2002. С. 391).

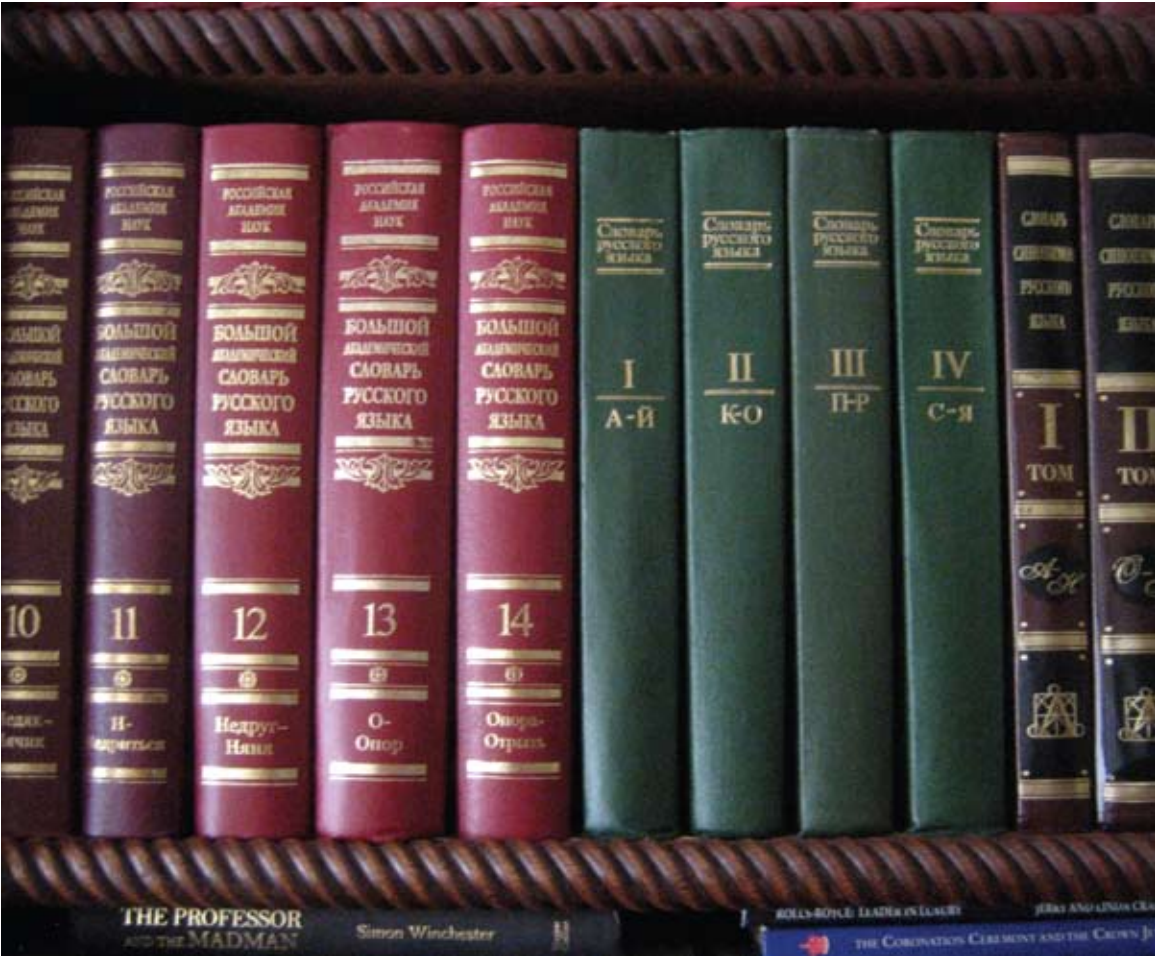
6. Толковый палеословарный словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Наука, 1998.

7. Современный толковый словарь русского языка (под редакцией С.А. Кузнецова). Санкт-Петербург: Норинт, 2001.

8. **Палеослов** слова и значение. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. Москва: Русский язык, 1984.

9. **Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов** / Под ред. А. Левицкого. Санкт-Петербург, 1997.

10. **Словарь палеослов** (XX век). Ветеринарная медицина. / Под ред. В. И. Сидорова. М.: Ветеринария, 1988.

THE PETIT ACADEMIC DICTIONARY (PAD) МАЛЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (I-IV)

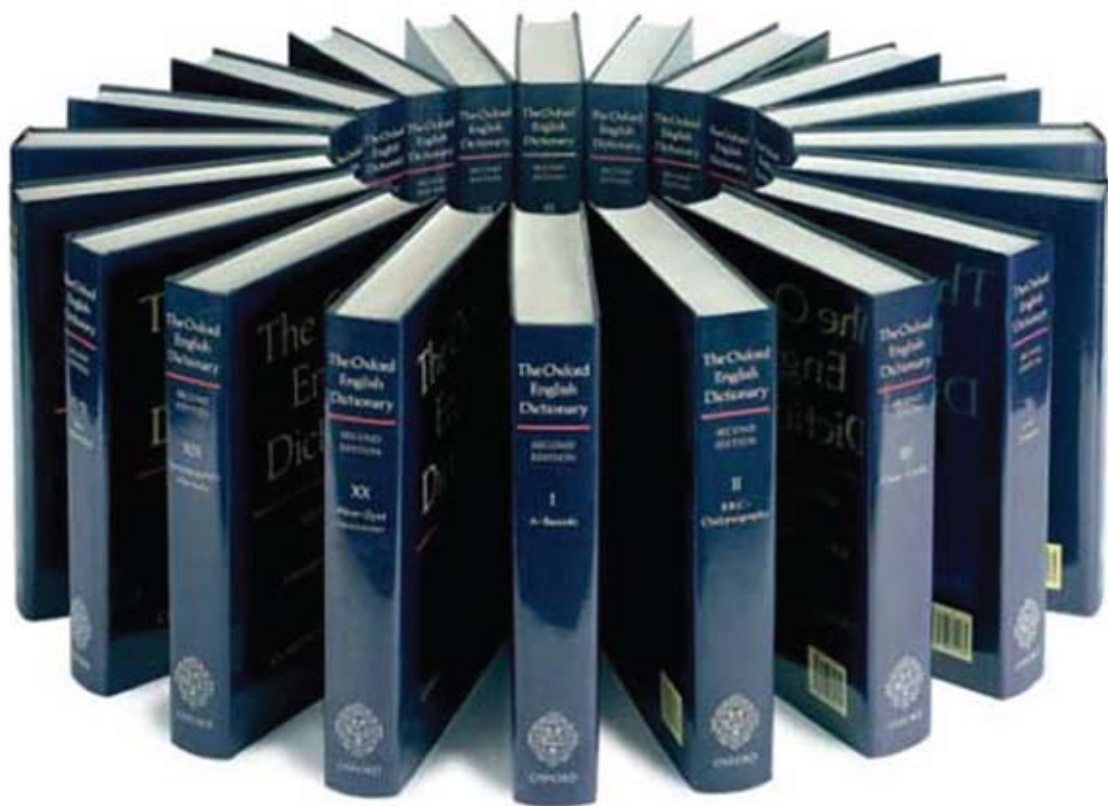
Четырёхтомный нормативный толковый словарь современного русского литературного языка, созданный на основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка», собранной Словарным сектором Института русского языка Академии наук СССР и содержащей выборки из произведений художественной литературы со времён А. С. Пушкина и произведений публицистической и научной литературы XIX–XX веков. Содержит общеупотребительную лексику и фразеологию русского литературного языка по состоянию на время выхода издания. По назначению и объёму словарь близок к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Первое издание словаря вышло в свет под редакцией А. П. Евгеньевой в Москве в 1957–1960 годах, второе издание, исправленное и дополненное, — в 1981–1984 годах. При переиздании в словарь были введены слова и значения, возникшие в языке со времени публикации первого издания; во втором издании систематически представлены наречия на -о, -е, -ски, а указания на видовую пару даются при каждом из входящих в неё глаголов. Несколько расширено число помет, относящихся к экспрессивно-эмоциональной оценке слов. Последующие издания «Словаря русского языка» были стереотипными.

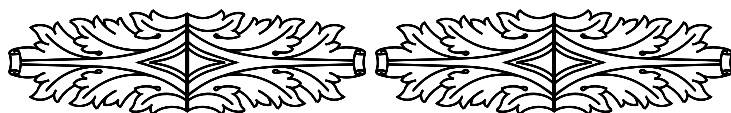
В пределах словарной статьи представлены слово, в котором проставлено ударение, сведения о его грамматических формах (для существительных указан также род), принадлежности к той или иной части речи. Далее приводятся стилистические пометы и толкование слова с иллюстрирующими его значения примерами; смысловые оттенки значений выделяются с помощью знака ||. После знака | могут следовать сведения об особенностях употребления слова в одном из его значений (в частности, о субстантивации прилагательного или безличном употреблении глагола). За знаком ◊ приводятся фразеологические данные о слове, а в конце статьи иноязычного слова, с нового абзаца и в квадратных скобках — этимологическая справка.

(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

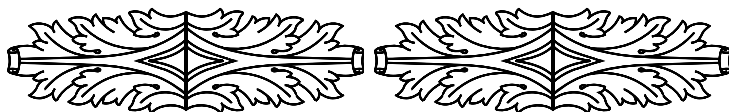
OXFORD

Oxford English Dictionary

БОЛЬШОЙ ОКСФОРДСКИЙ СЛОВАРЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (1989)
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF OXFORD UNIVERSITY PRESS)

THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY

SECOND EDITION (1991-1994)

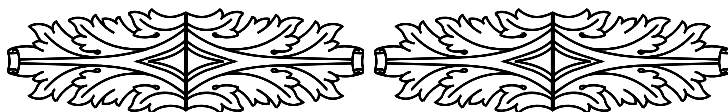
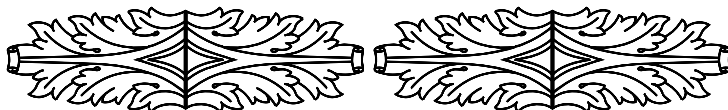
EDITOR-IN-CHIEF KIRILL SERGEEVICH GORBACHEVICH

СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ (1991-1994)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР КЕРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВИЧ

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

**KIRILL SERGEEVICH GORBACHEVICH AND
AND HIS WIFE, TATIANA ALEXEEVNA KOROVANENKO
CELEBRATING VICTORY DAY OVER GERMANY IN 1985
AT THE OFFICE WHERE TEAM GAD IS HOUSED.**

**КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВИЧ И
ЕГО ЖЕНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА КОРОВАНЕНКО
В ДЕНЬ ПРАЗНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ В 1985 ГОДУ
В КОМНАТЕ, ГДЕ РАСПОЛОГАЛСЯ ГРУППА БАС.**

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF T.A. KOROVANENKO)

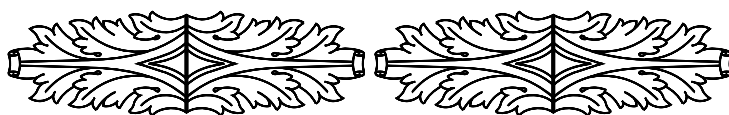
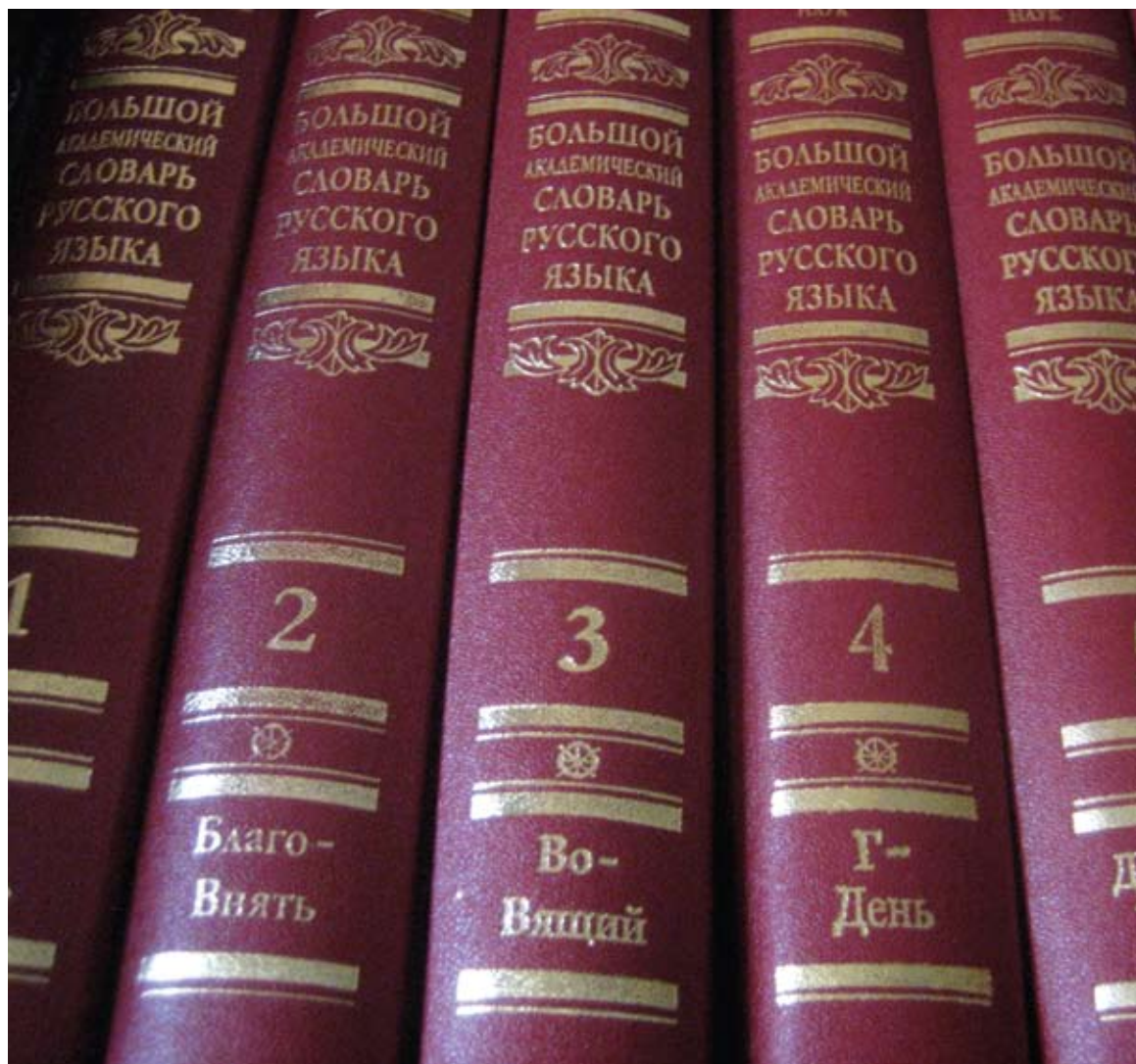

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА КРУГЛИКОВА
РЕДАКТОР БАС
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
СЛОВАРНОГО ОТДЕЛА
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
УЧАСТНИЦА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
ПРОФЕССОРА ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВИЧА МОКИЕНКО

LYUDMILA EVGENEVNA KRUGLIKOVA
CO-EDITOR OF THE GAD
DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES
LEADING SCIENTIFIC WORKER OF
THE DICTIONARY DEPARTMENT AT
THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
PARTICIPANT OF THE PHRASEOLOGICAL SEMINAR OF
PROFESSOR VALERY MIKHAILOVICH MOKIENKO
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA/L.E.K. В ЭРМИТАЖЕ)

**JULIANA VIKTOROVNA BUTOROVA [AVEC SON CHIEN SAUCISSE, HUBBA BUBBA]
ALMA MATER: SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
ONE OF THE CO-EDITORS OF THE GAD
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)**

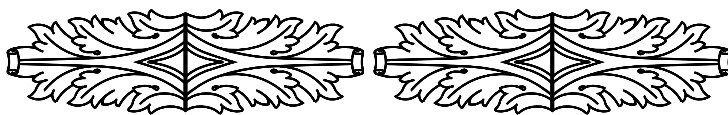
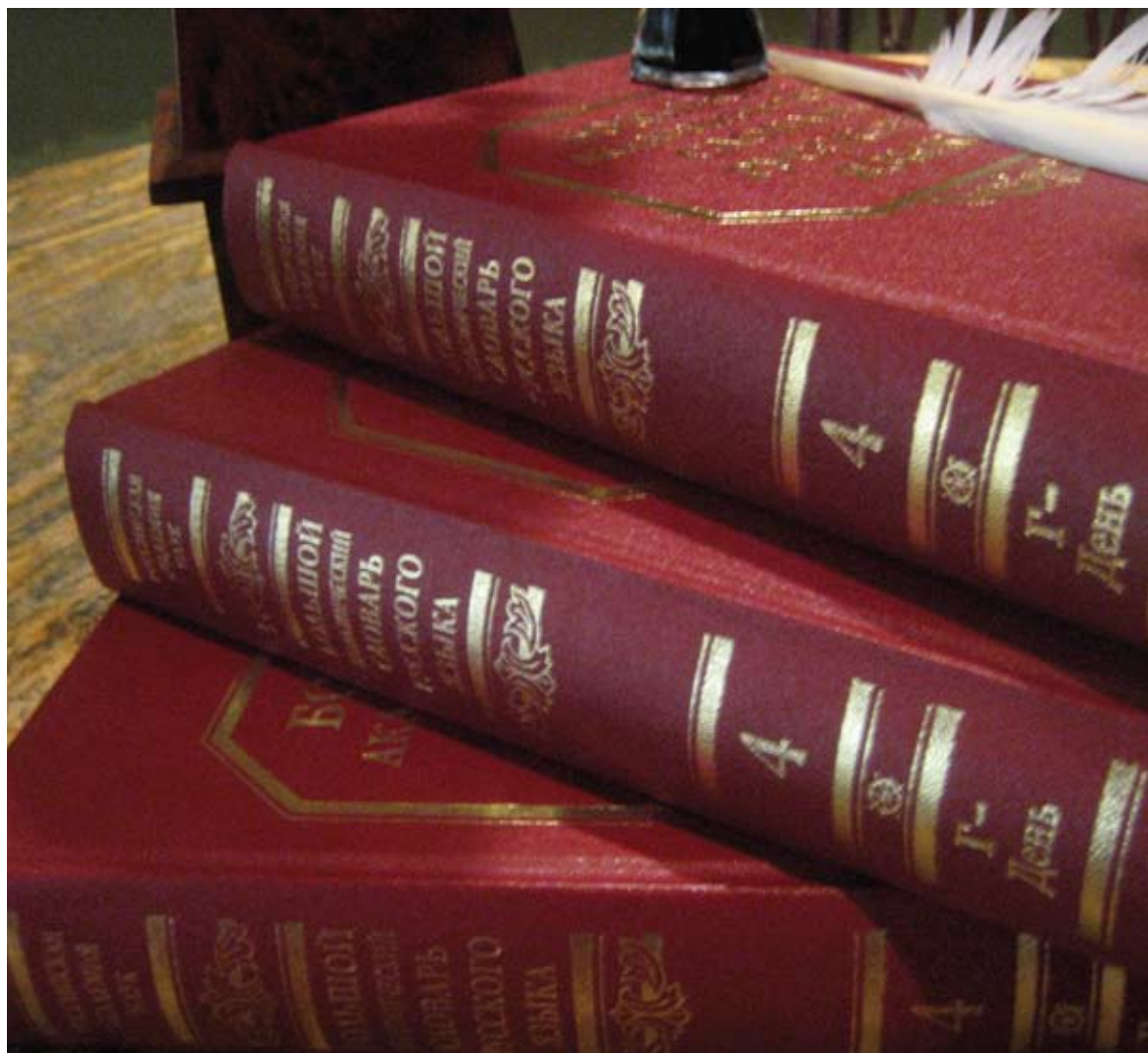
THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием, в руках умелых оно в состоянии совершить чудеса. Берегите чистоту языка, как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и глубок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

— И. С. Тургенев

(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

«In days of doubt, in days of dreary musings on my country's fate, you alone are my comfort and support, oh great, powerful, righteous, and free Russian language!»

— *Ivan Turgenev*

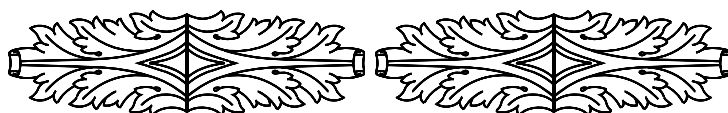
БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

«С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое громохание грозы, детский шепот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей, для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения.»

— *К.Г. Паустовский*

(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

479

THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

“What a beautiful language is Russian!
It has all the advantages of German without it's horrendous harshness.”

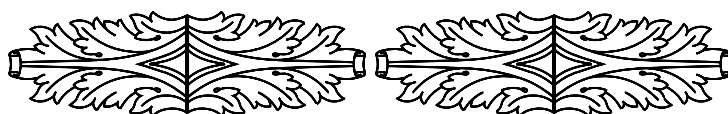
— Friedrich Engels (1820-1895)

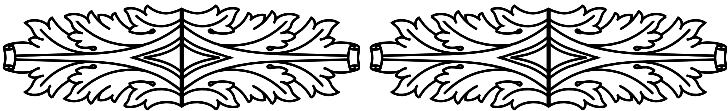
БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Как красив русский язык!
В русском языке есть все преимущества немецкого без его ужасной грубости».

— Фридрих Энгельс (1820-1895)

(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

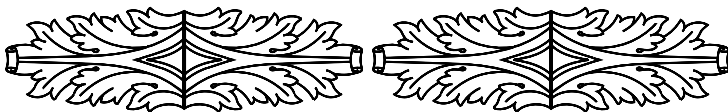
THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

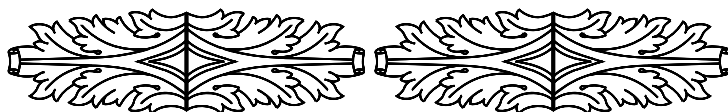
ABOVE

THE GREAT OXFORD ENGLISH DICTIONARY

The former is a dictionary of an active type, strictly compiled on normative principles of classical Russian and contemporary Russian literary language, documenting the Russian language between chronological borders set from Alexander Pushkin to the present day, and **the latter** – on historical principles, trying to record almost “every” possible word in the English language for the last 1000 years.

(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

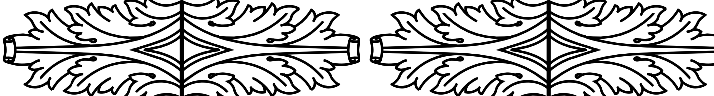

THE FACADE OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ON VASILEVSKY ISLAND, TUCHKOV LANE #9
SAINT PETERSBURG, 199053

ФАСАД ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ, ПЕРЕУЛОК ТУЧКОВА, ДОМ 9,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, 199053

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF ANDREY KRUSHANOVSKY)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Juliana Butorova;
- Vera Felicina, Candidate of Philological Sciences;
- Lyudmila Kruglikova, Doctor of Philological Sciences;
- Anna Marina;
- Dmitry Pankov;
- Nikolay Solovov (1940-2006), Candidate of Philological Sciences;
- Alexander Shushkov, Candidate of Philological Sciences and
- Alexander Zayats, Candidate of Philological Sciences.

«На различных предварительных этапах в работе по созданию первого тома принимали участие:

- Л. П. Алекторова;
- С. А. Баженова;
- Л. И. Балахонова;
- С. В. Белобородов;
- Н. З. Бутарова;
- Г. Н. Верещагина;
- Т. И. Гайкович;
- К. С. Горбачевич;
- И. Л. Городецкая;

- Е. А. Зайц;
- Е. А. Иванникова;
- Д. М. Калашник;
- Г. П. Князькова;
- Т. А. Корованенко
- С. А. Кузнецов;
- О. Д. Кузнецова;
- А. И. Литвиненко;
- А. М. Невжинская
- Т. Н. Поповцева;
- Г. Н. Склиаревская;
- Н. В. Соловьев;
- Н. Г. Стулова;
- В. П. Фелицына;
- Т. А. Фоменко;
- В. Н. Цыганова¹

Необходимость в *Новом* БАС прежде всего объясняется стоящими перед русской лексикографией прикладными задачами. Требуется единая, обновленная, приближенная к максимальному объему лексикографическая база для создания:

- серии градуированных словарей, рассчитанных на разный возраст и различные интересы адресата;
- серии аспектных словарей (т. е. словарей омонимов, паронимов, синонимов и т. д.); и
- серии двуязычных (русско-иноязычных) словарей, основой которых стали бы словари двух названных выше

- Существующие толковые словари русского языка, несмотря на их высокое качество, не способствуют решению сформулированной прикладной задачи. Для ее реализации необходим словарь, который отличался бы от существующих.

- нетрадиционным по составу единиц словником;
- недостаточно единообразными схемами построения словарных статей для семантически однотипных групп слов; и
- формализованными толкованиями одноструктурных с точки зрения словообразования

[illegible]

Другими словами, в определенной степени удаётся устроить одно из оснований, с точки зрения академиков В. В. Виноградова, недостатком в описании лексикона, «не позволяющим свободно пользоваться им» (Виноградов, 1977, с. 10). Проводится параллелью — без учета их соотношения и связи с семантикой безразличными словосочетаниями и приписываемое им периметры значений и употребления. В то же время, не имея возможности исследовать лексический состав на материале и характер лексикографической практики. Необходимо отметить, что фрагменты, описанные в работе, не являются систематическими и присутствуют в виде уже существующих толковых словарей, словарей языка, но из-за излишней громоздкой структуры их словарных статей нужная информация не всегда доступна. В то же время, как показывает анализ, в рамках академической лексикографии свидетельствует о том, что и сейчас удаётся словарям в своих первых изданиях не только не утратить актуальности, но и оставаться справедливыми. Как и И. И. Срезневский, «хороший, достаточно полный словарь не может быть составлен с одного раза... не в одной книге пропускать и неперенести, не в одной переиздать и не переиздать» (Срезневский, 1977, с. 10). Иными словами, а сами удовлетворительные словари по времени теряют все больше свое достоинство, же более вероятно поправку. Как и в то время, и в настоящее время, не исключено, что в будущем и восторженное решение поставленной задачи не претендует; в нем лишь предлагается возможность использовать опыт, накопленный отечественной лексикографией, основываясь на ее достижениях.

«Доказывая, что народный язык русский теперь уже далеко не тот, что, был в древности, довольно обратил внимание на его местные оттенки, на наречия и говоры, в которых его строй и состав представляются в таком многообразном развитии, какое, конечно, никто не станет предполагать возможным для языка древнего, точно так же, как никто не станет записывать, что и наречия славянские и все сродные языки Европы всегда различались один от других настолько, насколько

различаются: тавры, данины, но не исконны черты, отличающие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь у данины черты, разноразные на севере наречия восточное — собственно великорусское и западное — белорусское, а на юге наречие восточное — собственно малорусское и западное — русинское, карпатское; ещё новее черты отличия говоров местных, на которых разнилось каждое из наречий русских. Конечно, все эти наречия и говоры остаются до сих пор только оттенками одного и того же наречия и нисколько не нарушают своим несомненным единством русского языка и народа.⁴

§ 88 БЕСЧИСЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ..

...каждому слову словаря соответствует мысль или чувство, которые были мыслями или чувствами бесчисленного множества людей...

A. Франс

Проекта Первого Издания БАС 1938 и 1958 гг.
Словаря современного русского литературного
языка

- Том I, Инструкция по Редактированию Словаря, Ленинград, 1938.
- Том II, Инструкция по Выборке Материалов для Карточек, Ленинград, 1938.
- Том III, Инструкция по Раскладке Карточек, Ленинград, 1938.
- Инструкция для Составления "Словаря современного русского литературного языка" (БАС), Ленинград, 1958.

Авторы Проекта 1938 и 1958* гг.

- * Академик АН СССР С. П. Обручев
- * Кандидат Филологических Наук А. М. Бабкин*
- * Кандидат Филологических Наук Е. Э. Бурбакова*
- * Член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина
- * Кандидат Филологических Наук Г. А. Качская
- * Доктор Филологических Наук А. С. Коетун*
- * Доктор Филологических Наук Н. З. Котлоба*
- * Младший Научный Сотрудник Е. К. Никольская*
- * Старший Научный Сотрудник С. С. Советов
- * Доктор Филологических Наук, Профессор Ф. П. Сорokaлостое*
- * Доктор Филологических Наук К. А. Тимофеев*
- * Член-корреспондент АН СССР В. И. Черныш
- * Кандидат Филологических Наук И. А. Филипп
- * Член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин
- * Старший Научный Сотрудник И. Н. Шмелева*

Главная Редакция Первого Издания БАС в 17 томах

- Член-корреспондент АН СССР С. Г. Бардуков (главный редактор)
- Член-корреспондент АН СССР В. И. Чернышев (главный редактор)
- Член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин (председатель)
- Кандидат философских наук А. А. Байбат
- Кандидат философских наук Н. А. Буржукова
- Академик АН СССР В. В. Виноградов
- Академик АН СССР В. М. Жигурский
- Кандидат философских наук Н. К. Зоборовский
- Член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина
- Доктор философских наук Н. С. Ковалев
- Доктор философских наук В. А. Сковити
- Академик АН СССР И. Ю. Крикшотский
- Академик АН УССР А. И. Кривошворов
- Член-корреспондент АН СССР С. Е. Малахов
- Академик АН СССР П. С. Овчинников
- Доктор философских наук К. И. Осковов
- Доктор философских наук К. А. Тимофеев
- Академик АН СССР И. И. Толстой
- Доктор философских наук, Профессор Б. В. Ткаченко
- Академик АН СССР В. Ф. Шингарев

Ученый и Редакционный Совет БАС-1

- Академик АН СССР *А. С. Орлов*
- *Н. К. Авабков* (Секретарь)
- Доктор Филологических Наук *И. И. Верков*
- Академик АН СССР *С. А. Жебелев*
- Академик АН СССР *И. И. Мещинин*
- Доктор Филологических Наук *В. С. Соколова*
- Академик АН СССР *А. А. Устомский*
- Доктор Филологических Наук, Профессор *А. И. Федоров*
- Профессор *Е. А. Федоров*
- Член-корреспондент АН СССР *В. И. Чернышев*
- Академик АН СССР *Л. В. Щерба*

Редакторы Томов БАС-7

- Том I. Член-корреспондент АН СССР В. В. Чернышев
Том II. Член-корреспондент АН СССР С. Г. Бухардинов
Том III. Член-корреспондент АН СССР В. В. Чернышев
Том IV. Член-корреспондент АН СССР В. В. Чернышев
Том V. Член-корреспондент Философических Наук А. М. Байкин
Том VI. Кандидат Философических Наук А. М. Байкин
Том VII. Доктор Философических Наук Ю. С. Сорокин
Том VIII. Профессор З. В. Курочкина
Том IX. Кандидат Научных Статистик Л. В. Осиповичев-Павлов
Том X. Доктор Философических Наук, Профессор Ф. П. Сорокин
Том XI. Член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филкин
Том XII. Доктор Философических Наук С. А. Кошутин
Том XIII. М. М. Мещенев
Том XIV. Старший Научный Сотрудник И. И. Шмелева
Том XV. Кандидат Философических Наук В. П. Фелавкина
Том XVI. Кандидат Философических Наук Г. А. Каческая
Том XVII. Доктор Философических Наук З. С. Котомова

- Том IX, Доктор Филологических Наук К. А. Тимофеев
Том X, Доктор Филологических Наук Е. Э. Бужалинов
Том XI, Доктор Филологических Наук Р. П. Розовский
Том XII, Кандидат Филологических Наук В. П. Гаврилов
Том XIII, Старший Научный Сотрудник И. Н. Шелегов
Том XIV, Кандидат Филологических Наук Г. П. Батылов
Том XIV, Доктор Филологических Наук, Профессор Ф. П. Серовский
Том XIV, Кандидат Филологических Наук Г. А. Вайнов
Том XIV, Кандидат Филологических Наук Г. А. Кочетков
Том XV, Кандидат Филологических Наук Е. Н. Ткаченко
Том XVI, Доктор Филологических Наук Н. С. Котельков
Том XVI, Том VIII, Н. М. Мельник
Том XVII, Доктор Филологических Наук Л. С. Костин
Том XVIII, Кандидат Филологических Наук В. П. Писинский

Редакторы и Сотрудники БАС-1

- Кандидат Филологических Наук К. П. Аедес
Кандидат Филологических Наук, Профессор В. Р. Аймои
Член-корреспондент АН СССР П. Р. Андрианова-Перетц
Академик АН СССР М. Р. Алексеев
Кандидат Филологических Наук Н. И. Андреева-Васильева
Член-корреспондент АН СССР А. Р. Андрианова
А. С. Аннинский
Кандидат Филологических Наук С. М. Ари
Кандидат Филологических Наук А. М. Бабин
Член-корреспондент Академии Архитектуры СССР Н. В. Бачинский
Член-корреспондент АН СССР П. А. Баранов
Член-корреспондент АН СССР С. Г. Баратынский
Профессор К. К. Барковский
Академик АН СССР А. С. Берт
Член-корреспондент АН СССР Н. Н. Беркоу
Кандидат Филологических Наук Е. Э. Бержкова
Академик АН СССР М. Н. Бессонов
Кандидат Филологических Наук Г. М. Бессонов
Доктор Филологических Наук М. А. Бородин
Академик АН СССР Э. В. Бурже
Член-корреспондент АН СССР П. Р. Будаго
Профессор П. К. Буянов
Доктор Филологических Наук, Профессор Н. З. Бурякова
Научный сотрудник ССНН Н. Т. Бутарка
Академик АН и АМН СССР К. М. Букоев
Академик АН СССР С. В. Бушнев
Академик АН СССР В. И. Верныйский
Профессор Г. С. Виноградов
Кандидат Филологических Наук А. А. Виноградов
Академик АН СССР А. Я. Вишнянский
Кандидат Филологических Наук Г. Г. Галамала
Профессор А. И. Герасимов
Академик АН СССР А. Р. Герман
Кандидат Филологических Наук, Доктор И. О. Гегуля
Профессор Г. Г. Гелашвили
Член Секретария СП СССР В. Доденко
Профессор А. А. Гронберг
Кандидат Филологических Наук, Доктор Е. Н. Гюмюшев
Старший Научный Сотрудник И. А. Гуродерка
Академик АН СССР И. В. Гребенюк
Академик АН СССР Б. Д. Греков
Профессор Н. П. Гривкова
Профессор А. А. Гронберг
Академик АН СССР И. М. Губкин
Т. Г. Дамлен
Кандидат Филологических Наук В. В. Данилов
Профессор А. С. Давидянц
Академик АН СССР А. М. Деборин
Академик АН СССР Н. С. Дерябин
Доктор Филологических Наук, Профессор А. М. Зайфудин
Старший Научный Сотрудник О. Е. Заичкова
Кандидат Филологических Наук Н. К. Зворыкин
Академик АН СССР С. С. Железов
Академик АН СССР М. Р. Жибур
Профессор Н. П. Жиганов
Доктор Филологических Наук В. С. Жилинская
Академик АН СССР А. Ф. Жуфре
Доктор Филологических Наук В. С. Исаево
Член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина
Доктор Филологических Наук, Профессор М. К. Каргер
Академик АН СССР М. М. Карназов
Доктор Филологических Наук, Профессор С. Д. Каспиев
Кандидат Филологических Наук Г. А. Киченская
Профессор М. К. Казиман
Кандидат Филологических Наук, Доктор В. Д. Киммелев
Доктор Филологических Наук А. С. Козлов
Доктор Филологических Наук, Профессор В. В. Комасов
Академик АН СССР Р. А. Комаров
Академик АН СССР А. Р. Коптелов
Профессор Э. И. Корнилова
Профессор Г. Е. Кочин
Генерал-майор Н. П. Ковкин
Академик АН СССР И. Ю. Кривошанов
А. А. Кретишский
Академик АН СССР А. Н. Кривошанов
Академик АН СССР Р. А. Ларин
Доктор Физ.-мат. Наук Н. Н. Лебедев
Кандидат Филологических Наук Е. А. Левинов
Академик АН СССР В. С. П. Литник
А. И. Литвинский
А. К. Логинов
Член-корреспондент АН СССР С. Е. Мавлов
Академик АН СССР И. И. Мещеников
Доктор Филологических Наук, Профессор А. М. Мухомин
Академик АН СССР В. В. Навицкий
Доктор Филологических Наук, Профессор А. М. Невская
Доктор Филологических Наук М. Н. Навесов

- М. Д. Носовкина**
Мадридский Научный Союз/Дом М. Г. Николаева
Мадридский Научный Союз/Дом Е. К. Николаева
Доктор Филологических Наук, Профессор Г. В. Обоярский
Доктор Филологических Наук, Профессор С. И. Окороков
Мадридский Научный Союз/Дом А. В. Охляновского
Палаеоло
Академик АН СССР/А. А. Орбач
Академик АН СССР/С. С. Орлов
Член-корреспондент АН СССР/В. А. Ососковский
Профессор А. Д. Островский
Доктор Филологических Наук, Профессор Ю. В. Овчинников
Мадридский Научный Союз/Дом А. В. Палаеоло
Академик АН СССР/Е. Н. Палаеоловский
Мадридский Научный Союз/Дом Н. Т. Папачеко
Старший Научный Сотрудник/В. З. Панфилов
Н. П. Палаеоловский
Кандидат Филологических Наук/Е. Ф. Петрицкая
Старший Научный Сотрудник/В. Н. Поголяев
Доктор Исторических Наук, Профессор А. И. Потомкин
Доктор Филологических Наук, Профессор М. Г. Приказ
Доктор Юридических Наук, Профессор Б. Р. Рихтер
А. О. Резников
Доктор Филологических Наук, Е. А. Рефериовская
Профессор/В. В. Рибальтинский
Профессор Р. В. Рибальтинский
Профессор Р. В. Садыков
Кандидат Филологических Наук/В. Р. Савалкин
Старший Научный Сотрудник/СВЯ Ю. М. Семенович
Профессор А. В. Семенович
В. Н. Сегреев
Профессор Р. И. Сидоров
Доктор Филологических Наук/СВЯ П. Я. Соурчик
Старший Научный Сотрудник/СВЯ С. С. Соколов
Доктор Филологических Наук/В. С. Соколов
Доктор Филологических Наук/СВЯ С. С. Сорokin
Доктор Филологических Наук, Профессор Ф. П. Сорokin
Доктор Филологических Наук, Доктор Н. М. Тараченко
Докцент К. А. Старкова
Академик АН СССР/Г. В. Степанов
Профессор Ю. О. Стрелкин
Академик АН СССР/В. В. Стрелкин
Кандидат Филологических Наук/В. А. Стратановский
Член-корреспондент АН СССР/М. Ф. Суботкин
Доктор Филологических Наук/М. Н. Суботкин
Кандидат Филологических Наук, Доктор Н. М. Тараченко
Академик АН СССР/И. И. Тохтеев
Доктор Филологических Наук, Профессор Б. В. Томашицкий
Томашицкий
Академик АМН СССР/Профессор В. А. Топоров
Член-корреспондент АН СССР/В. А. Топоров
Профессор Д. А. Трифанов
Доктор Филологических Наук, Профессор И. М. Троицкий
Доктор Филологических Наук, Профессор В. Л. Турчинов
Доктор Филологических Наук, Профессор Г. Ф. Турчинов
Турчинов
Кандидат Филологических Наук/И. А. Фалалев
Кандидат Филологических Наук/В. Л. Фалалев
Академик АН СССР/А. Е. Ферсман
Член-корреспондент АН СССР/Ф. П. Филин
Кандидат Филологических Наук/Т. А. Фоменко
Кандидат Филологических Наук/Профессор А. А. Хомолович
Доктор Филологических Наук, Профессор В. С. Хроковский
Кандидат Филологических Наук/К. А. Чадик
Академик АМН и АН СССР/В. Н. Черняковский
Доктор Филологических Наук/С. А. Чернов
Академик АМН СССР/М. В. Чернышков
Член-корреспондент АН СССР/В. Н. Чернышков
Доктор Филологических Наук/В. В. Шендеров
Академик АН СССР/В. Ф. Шимшикер
Доктор Исторических Наук/И. Ш. Шифман
Старший Научный Сотрудник/И. Н. Шмелев
Кандидат Филологических Наук/Докцент Е. Е. Шубин
Доктор Филологических Наук, Профессор А. М. Шербаков
Шербаков
Кандидат Филологических Наук, Доктор К. Р. Завойа
Мадридский Научный Союз, Профессор К. А. Юдин
Доктор Биологических Наук, Профессор С. В. Юзенич
Старший Научный Сотрудник/М. А. Яковлев

Авторы-составители и Сотрудники БАС-1

- **Н. М. Абрамчук**
- Академик АН СССР, П. Агакеев
- Доктор Филологических Наук, Профессор Э. В. Алексеев
- Доктор Филологических Наук Н. И. Андреева-Васина
- Кандидат Филологических Наук А. М. Бабкин
- С. С. Баженов
- Доктор Филологических Наук Н. И. Балашов
- Младший Научный Сотрудник О. Е. Березина
- Кандидат Филологических Наук Е. Э. Биржаква
- А. И. Бутурин
- Доктор Филологических Наук, Профессор Н. З. Бутурова
- Научный Сотрудник ССНН Н. Т. Буварев
- Кандидат Филологических Наук А. А. Бушнев
- Кандидат Филологических Наук Г. П. Гаввалянов
- Кандидат Филологических Наук, Доктор Е. Н. Голышевская
- Доктор Филологических Наук, Профессор К. Г. Горбушев
- Старший Научный Сотрудник И. А. Горецкая
- Кандидат Филологических Наук Е. А. Гузюнов
- Доктор Филологических Наук, Профессор А. П. Давыдов
- Кандидат Филологических Наук Г. П. Гаввалянов
- Младший Научный Сотрудник ССНН В. Л. Георгиева
- Кандидат Филологических Наук М. К. Давыдов
- Профессор В. П. Жидков
- Старший Научный Сотрудник О. Е. Заичкович
- Кандидат Филологических Наук Н. В. Зюворский
- Кандидат Филологических Наук А. А. Иванчикова
- Член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина

¹ Большой академический словарь русского языка. М.: СПб., 2004. Т. 1. С. 6.

² то же, что БАСЗ.

³ Коталкин А. Н., *Русские документы до XVIII века*; Т. Ф. Ефремова, *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*, страница 3, Москва, 2000

⁶ Срезневский И. И., Мысли об истории русского языка, 1849.

⁵ Словарь современного русского литературного языка, тт. I–XVII, Москва & Ленинград, 1948–1965.

*Только последние высшие по степени достигнутые научные степени всех участников доются синхронно с 2012 года (т. е. Доктор филологических наук в 1937 г. [младший/старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент, доктор филологических наук, профессор, член - корреспондент АН СССР или РАН] Академик АН СССР в 1990 г. или Академик РАН в 2000 г.).

THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Существующему ныне Институту лингвистических исследований в 2006 году исполнится 85 лет. Институт является преемником Ленинградского отделения Института языкознания, существовавшего с 1956 г. Создание же ЛО ИЯ было результатом ряда реорганизаций и переименований учреждения, которое за 35 лет до этого задумал организовать и организовал академик Н.Я. Марр: Институт яфетидологических изысканий.

В документах Институт впервые встречается 29 июня 1921 года, когда Н.Я.Марр на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН выступил с предложением “об оборудовании при Академии наук Яфетидологического института”. 12 августа того же года Научно-политическая секция Государственного Ученого совета Наркомпроса утвердила проект учреждения при РАН Института яфетидологических изысканий (ИИЯ), а 7 сентября утверждено “Положение” об Институте.

Согласно “Положению”, Институт учреждался “для изучения яфетических языков первоначального заселения Европы в реликтовых чистых видах и новообразования скрещенных с ними типов речи, и для разработки общей теории скрещения языков”. При институте предполагались научно-вспомогательные учреждения: кабинет экспериментальной фонетики, “специальная рабочая библиотека” и “архив яфетидологических знаний”. Штатный состав устанавливался следующий: академик-руководитель, два члена Совета Института, два ученых сотрудника, по два научных сотрудника 1-й и 2-й категории.

ИИЯ был одним из трех новых институтов, организованных в составе РАН в 1921 году, и единственным гуманитарным из них. Размещался он первоначально в одной из комнат квартиры Марра в академическом доме (Васильевский остров, 7-я линия, дом 2).

В начале сентября 1922 г. Совет Института принял решение о необходимости изменения его названия, в связи “с неудобствами от пространности наименования как в сношениях своих, так и при переводе его на иностранные языки”. 13 сентября Отделение исторических наук и филологии РАН согласилось с этим доводом и постановило: переименовать Институт яфетидологических изысканий в Яфетический институт.

Штатный состав Института постепенно увеличивался за счет сотрудников, принятых на подставки (В.В. Струве, И.Г. Франк-Каменецкий, К.Д. Дондуа, В.А. Брим). Н.С. Державин, С.А. Жебелев и многие другие являлись нештатными сотрудниками. Кроме того, было несколько консультантов (Б.Я. Владимирцов, А.А. Фрейман и др.). К началу 1925 г. Институт уже имел структуру: “секции палеонтологическую, диалектологическую, диалектическую или живых яфетических литературных языков, с двумя подсекциями: а) архаических письменных языков - клинописных и б) древних и новых литературных языков - грузинского, армянского и баскского. Внутри секций образовались небольшие группы: по анализу мифов и литературных сюжетов, по изучению жилищных терминов, по изучению числительных, по собиранию чувашских жилищных терминов”.

4 апреля 1930 г. Яфетический институт утвержден в списке учреждений, подведомственных Отделению гуманитарных наук АН СССР.

13 июня 1931 г. Президиум АН принял постановление о преобразовании Яфетического института. Функции и штаты Института существенно расширились. Ему предполагалось передать все работы в области языкознания, которые велись в то время в Институте востоковедения и Институте славяноведения. Тогда же решили упразднить Комиссию по русскому языку как самостоятельное учреждение. Она должна была войти в структуру Яфетического института, где предусматривался Отдел по изучению русского языка.

Преобразованному таким образом институту требовалось новое название, в соответствии с расширением функций. Сначала предполагалось назвать его “Лингвистический институт”, это наименование проходит по многим документам, связанным с реорганизацией. Но постановлением Отделения общественных наук АН СССР от 6 октября 1931 г. утверждено название “Институт языка и мышления” (ИЯМ). 29 октября Комитет по заведению ученых и учебными учреждениями ЦИК СССР согласился с представлением АН СССР о преобразовании и переименовании Института.

В ноябре 1933 г., в ознаменование 45-летия научной деятельности акад. Н.Я. Марра, Институту языка и мышления присвоено его имя.

1934 г. структура ИЯМ была следующей: Кабинет общего языкознания, Кабинет славянский языков и комиссия древнерусского словаря, Кабинет кавказских языков, Кабинет индо-иранских языков, Кабинет семито-хамитских языков, Группа африканских языков, Группа германских языков, Группа финно-угорских языков, Группа турецких языков, Сектор устной литературы первобытного общества, Кружок по диалектическому материализму.

При переводе Академии наук в Москву ИЯМ, как практически все гуманитарные учреждения, остался в Ленинграде.

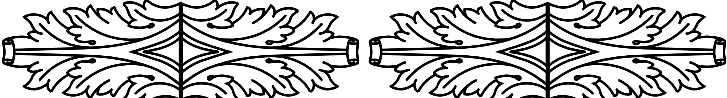
Летом 1935 г. ИЯМ обратился в Президиум АН с ходатайством о создании в Институте нового структурного подразделения - Романо-германского кабинета. 25 июля 1935 г. Президиум АН утвердил ходатайство.

29 октября 1937 г. Президиум АН принял решение об объединении Турецкого кабинета Института востоковедения с Турецким кабинетом ИЯМ, чтобы отныне все работы по этой линии велись в ИЯМ.

В 1938 г., когда изменялась структура Академии наук, ИЯМ был утвержден в Составе Отделения литературы и языка.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде работали 14 научных институтов Академии наук СССР. Из них по Отделению литературы и языка - три: Институт литературы, Институт языка и мышления и Институт востоковедения. Из 16 академиков, являвшихся тогда членами ОЛЯ, в трех ленинградских институтах работали 12; из 25 членов-корреспондентов - 14. (Fragment from the essay of A.N. Anferteve [see the entire essay at: <<http://iling.spb.ru/history/anfer.html>>].)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

• Профессор **Е. М. Искерин**
 • Кандидат Филологических Наук **Г. А. Каческая**
 • Доктор Филологических Наук **Г. П. Кизлякова**
 • Доктор Филологических Наук **С. С. Коенер**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **Т. С. Колоткина**
 • Доктор **О. И. Косилокина**
 • Профессор **Э. И. Кортелева**
 • Кандидат Филологических Наук **З. Т. Кортелевич**
 • Доктор Филологических Наук **В. З. Котелкова**
 • Профессор **О. Д. Кузнецова**
 • Магистр Научный Сотрудник **И. Г. Левицкий**
 • **А. И. Литвинский**
 • **К. А. Лонова**
 • Старший Научный Сотрудник, **А. С. Лаврова**
 • Кандидат Филологических Наук **И. М. Малахова**
 • **А. Ф. Маренца**
 • Магистр Научный Сотрудник **А. И. Мухомина**
 • **Н. М. Мельяк**
 • Доктор Филологических Наук **А. И. Милоцкий**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **А. М. Невская**
 • **А. П. Немескина**
 • Магистр Научный Сотрудник **Е. К. Николаева**
 • Магистр Научный Сотрудник **А. В. Овсянко-Павленко**
 • Профессор **М. М. Орлов**
 • Магистр Научный Сотрудник **А. В. Павленко**
 • Старший Научный Сотрудник **П. И. Павликов**
 • Магистр Научный Сотрудник **Н. И. Пачко**
 • Кандидат Филологических Наук **Ф. Д. Перегудович**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. Ф. Петрищев**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Петушечко**
 • **Е. К. Пихальская**
 • Старший Научный Сотрудник **В. Н. Пономарев**
 • Кандидат Филологических Наук **Т. Н. Потемкина**
 • Старший Научный Сотрудник **Р. З. Порохова**
 • **О. Г. Порохова**
 • Кандидат Филологических Наук **М. В. Райнович**
 • Доктор Филологических Наук **А. А. Разумихина**
 • Доктор Филологических Наук **Р. П. Рожковича**
 • **В. В. Романова**
 • **И. Ф. Рудикова**
 • Магистр Научный Сотрудник **СВЯ Ю. А. Саргиса**
 • Старший Научный Сотрудник **СВЯ Ю. М. Семенова**
 • Магистр Научный Сотрудник **И. С. Семенов**
 • Старший Научный Сотрудник **В. Н. Сергеев**
 • Магистр Научный Сотрудник **Н. И. Сивиланкина**
 • Старший Научный Сотрудник **С. С. Сметов**
 • Доктор Филологических Наук **Ю. С. Соколик**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **Ф. П. Сороколетов**
 • **Г. А. Степанов**
 • Кандидат Филологических Наук **М. Н. Судовалова**
 • Доктор Филологических Наук **К. А. Тимофеев**
 • Профессор **В. А. Тихомирова**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. Н. Толкина**
 • Кандидат Филологических Наук **И. И. Филев**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **А. И. Федоров**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Фелицкина**
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Чернишова**
 • Кандидат Филологических Наук **Т. А. Фоменко**
 • Кандидат Филологических Наук **А. И. Церева**
 • **В. В. Цислова**
 • Член-корреспондент АН СССР **В. Н. Чернышев**
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Шанина**
 • Старший Научный Сотрудник **И. И. Шавкина**
 • Старший Научный Сотрудник **Н. И. Яковлева**

Официальные Рецензенты БАС-1

• **И. М. Абрамкин**
 • Кандидат Филологических Наук **К. П. Айбев**
 • Кандидат Филологических Наук **А. И. Балабанова**
 • **Т. Г. Граница**
 • Кандидат Филологических Наук **Г. П. Галаванова**
 • Доктор Филологических Наук **В. В. Завская**
 • Доктор Филологических Наук **А. А. Залотина**
 • Доктор Филологических Наук **С. С. Коенер**
 • Доктор Филологических Наук **А. И. Миснев**
 • Доктор Филологических Наук **С. И. Ожегов**
 • Магистр Научный Сотрудник **А. В. Овсянко-Павленко**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. Ф. Петрищев**
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Потемкина**
 • **В. А. Робинсон**
 • Доктор Филологических Наук **Р. П. Рожковича**
 • **В. В. Романова**
 • Доктор Филологических Наук **К. А. Тимофеев**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. Н. Толкина**
 • **А. И. Тихачев**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Фелицкина**
 • Академик РАН **Д. И. Шмелев**

Словарь современного русского литературного языка

• *Словарь современного русского литературного языка*, том I (А-Б), Москва & Ленинград, 1948.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том II (В), Москва & Ленинград, 1951.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том III (Г-Е), Москва & Ленинград, 1954.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том IV (Ж-З), Москва & Ленинград, 1955.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том V (И-К), Москва & Ленинград, 1956.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том VI (Л-М), Москва & Ленинград, 1957.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том VII (Н), Москва & Ленинград, 1958.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том VIII (О), Москва & Ленинград, 1959.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том IX (П-Н), Москва & Ленинград, 1959.

• *Словарь современного русского литературного языка*, том X (По-Поскоке), Москва & Ленинград, 1960.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XI (Пр-Т), Москва & Ленинград, 1961.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XII (Р), Москва & Ленинград, 1961.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XIII (С-Сюта), Москва & Ленинград, 1962.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XIV (Со-См), Москва & Ленинград, 1962.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XV (Т), Москва & Ленинград, 1963.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XVI (У-Ф), Москва & Ленинград, 1964.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том XVII (Х-Я), Москва & Ленинград, 1965.

Проект Второго Издания БАС 1971 г. БАС-2: Словари современного русского литературного языка

• *Новый академический словарь русского языка: проект!*

Автор Проекта Второго Издания БАС

• Кандидат Филологических Наук **А. М. Байкин**

Редакция БАС-2* в 20-е годы

• Доктор Филологических Наук, Профессор **К. С. Горбачев** (главный редактор)
 • Член-корреспондент АН СССР **И. И. Карамзин**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **Ф. П. Сороколетов**
 • Член-корреспондент АН СССР **Ф. П. Филев**
 • Академик АН СССР **М. В. Христенко**

Редакторы Томов БАС-2

• Кандидат Филологических Наук **А. И. Балабанова**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **К. С. Горбачев**
 • Доктор Филологических Наук **Г. П. Кизлякова**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Фелицкина**

Авторы-составители БАС-2

• Кандидат Филологических Наук **А. П. Ахметрова**,
С. Л. Баженова,
 • Кандидат Филологических Наук **А. И. Балабанова**
 • **С. В. Бельбюрова**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **Н. З. Бутурова**,
 • Кандидат Филологических Наук **Г. И. Вереница**,
 • Кандидат Филологических Наук **Т. И. Галаванова**,
 • Доктор Филологических Наук **Г. П. Галаванова**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **К. С. Горбачев**
 • Старший Научный Сотрудник **И. А. Городецкая**,
 • **А. А. Зав**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. А. Иванникова**,
 • Кандидат Филологических Наук **П. М. Калашник**,
 • Доктор Филологических Наук **Г. П. Кизлякова**
 • Доктор Филологических Наук **С. С. Коенер**
 • Доктор Филологических Наук **Д. А. Корваленко**
 • Доктор Филологических Наук **С. А. Кузнецов**
 • **Н. Н. Куранова**
 • Кандидат Филологических Наук **Е. А. Лапинов-Лапинов**
 • **А. И. Литвинский**
 • **Н. М. Мельяк**
 • Кандидат Филологических Наук **А. М. Немескина**
 • Доктор Филологических Наук **В. О. Петрушин**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Петушечко**
 • **Г. А. Разумихина**
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Сергеев**
 • Доктор Филологических Наук **Г. И. Складиская**
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Соловьев**
 • **Н. Г. Ступин**,
 • Кандидат Филологических Наук **Е. Н. Толкина**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Фелицкина**
 • Кандидат Филологических Наук **Т. А. Фоменко**,
 • **В. В. Цислова**.

БАС-2: Словарь современного русского литературного языка

• *Словарь современного русского литературного языка*, том I (А-Б), Москва & Ленинград, 1991.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том II (В), Москва & Ленинград, 1991.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том III (Г), Москва & Ленинград, 1992.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том IV (Д), Москва & Ленинград, 1993.
 • *Словарь современного русского литературного языка*, том V (В-Е), Москва & Ленинград, 1994.
 (незаключенное издание).

Автор Проекта Нового БАО

• Доктор Филологических Наук **Г. И. Складиская**

Редакционный Совет Нового БАО

• Доктор Филологических Наук, Профессор **А. С. Герд**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **К. С. Горбачев**
 • Доктор Филологических Наук, Профессор **Ф. П. Сороколетов**

Редакция Издания Нового БАС*

• Доктор Филологических Наук, Профессор **А. С. Герд** (главный редактор)
 • Кандидат Филологических Наук, Профессор **К. С. Горбачев** (главный редактор)
 • Кандидат Филологических Наук **А. И. Балабанова**
 • **Е. А. Бажено**
 • **У. В. Бутурова**
 • **А. А. Зав**
 • Доктор Филологических Наук **А. Е. Крижалько**
 • **А. С. Мирнина**
 • **А. Н. Павлов** (научный сектор)
 • Кандидат Филологических Наук **В. Н. Соловьев**
 • **Н. Г. Ступин**
 • Кандидат Филологических Наук **В. П. Фелицкина**
 • Кандидат Филологических Наук **А. А. Шумков**
 • **А. С. Шанирова**.

TERMINAL OBJECTIVES X

§ 89 ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

50 лет академического лингвистического института?

Ленинградский лингвистический центр*, существующий в системе Академии наук СССР, отмечает свой 50-летний юбилей. Эта дата значительная не только для истории культурной жизни нашего города, но и для истории советского языкознания в целом. Первый лингвистический институт, созданный 50 лет тому назад в Ленинграде, на протяжении многих лет сосредотачивал в себе основную работу в области теории языкознания. В нем работали крупнейшие советские языковеды - академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, А. И. Введенский, В. М. Карсавин, В. Ф. Шанмарш, С. П. Обнорский, И. И. Толстой, члены-корреспонденты АН А. В. Бурбо, С. Е. Малов, Н. В. Юшманов, А. К. Боровков, профессор В. А. Ларин, А. П. Жубинский, К. Д. Андола и ряд других.

Из аспиранты и докторанты Института вышли многие ученые языковеды, работающие в настоящее время в Академии наук СССР в своих республиках и в различных университетах страны. В их числе: академики Г. В. Черетин, члены-корреспонденты АН СССР Ф. П. Филин, В. Н. Ягнчев, Р. А. Буаков, профессора С. И. Айбев, С. А. Канисович, В. С. Рафисович и многие-многие - другие. Своим рождением исследовательской коллектив, впервые собравший в себе языковедов - специалистов по разным языкам Советского Союза и зарубежных стран, был обязан Великой Октябрьской социалистической революции. Сама возможность объединения для коллективной творческой работы ученых различных поколений, различного типа научного подхода, различного круга исследовательских интересов - явилась одним из важных шагов в организации молодой советской науки. Это было по-настоящему творческое объединение, главной целью которого была разработка лингвистической теории на широком и новом языковом материале, со стремлением усвоить и применить в конкретных лингвистических исследованиях положения марксистско-ленинизма.

Первый лингвистический Институт в системе Академии наук, получивший сперва название Института аффилированных языков, был организован акад. Н. Я. Марром в 1921 г. В 1931 г. он был переименован в Институт Языка и мышления. После смерти акад. Марра руководителем Института почти 20 лет была акад. И. И. Мещанинов, ориентировавший лингвистические исследования в так называемую и теоретически актуальную тематику. Работа Института постепенно расширялась, охватывая все большее число лингвистических специальностей. Институт усиленно работал по подготовке научных кадров, в том числе для национальных республик.

В 30-ые годы в состав Института явились коллективы Словарной комиссии Академии наук, а также Института Речевой культуры, существовавшего в Ленинграде с середины 20-х годов (бывший Институт литературы и языка Запада и Востока). Это в свою очередь содействовало расширению научной проблематики Института Языка и мышления.

В 30-ые годы теоретический профиль Института в значительной мере определялся разноречивыми под руководством акад. Мещанинова типологическими исследованиями грамматических структур многочисленных языков Советского Союза и зарубежных стран. В особенности большое внимание посвящалось исследованию грамматического строя бесстемных и малостемных языков Северо-восточной Сибири, а также Северного Кавказа, которые впервые стали объектом глубокого теоретического изучения. Значительно продвинулось вперед изучение истории пермских и романских языков, для которой сравнительно-типологический подход открывал новые, теоретически очень важные аспекты. Большая и плодотворная работа проводилась в области изучения русского языка. В Институте были развернуты дополнительные работы по созданию большого академического словаря, академической грамматики, словаря русских наречий. Интенсивно велись исследования по исторической декомпозиции, являвшиеся целью создания словаря древнерусского языка.

Все эти линии исследований были продолжены и в период послереволюционные годы. Однако в конце 40-х годов нормальный ход творческой работы оказался нарушенным попыткой некоторых исследователей вой Марра догматизировать и вывернуть административным путем марксистскую лингвистическую концепцию с ошибочные положения которой были в основном пропущены и открыты еще в предшествующие годы. Разрешением кризиса явилась лингвистическая дискуссия 1950 года и последующая перестройка всей лингвистической работы. В результате проведенной реорганизации был создан Институт языкознания Академии наук, с центром в Москве. Ленинградский лингвистический коллектив сохранился и развивается как Отделение Института языкознания, включая в себя также и словарный сектор Института русского языка Академии наук.

Развивая свои исследования в творческом и организационном контакте с научными коллективами Москвы, Ленинградское отделение Института

языкознания продолжает традиции старейшего лингвистического центра нашей страны, созданного 50 лет тому назад. Коллектив сотрудников составляет в настоящее время свыше 150 человек сотрудников и аспирантов.

В составе отделения работают: сектор словарей русского языка, изданный за последние годы ряд больших коллективных работ (в их числе 4-х томный и 17-томный академические словари, 2-томный словарь синонимов, ряд выпусков областного словаря, словарь новых слов). Высokoквалифицированный коллектив мастеров словарного дела готовит ряд новых трудов большого теоретического и практического значения. Сектор индоевропейских языков объединяет в своем составе свыше 40 специалистов по различным языкам и древним языкам. В секторе изучаются французский, испанский, итальянский, греческий, немецкий, английский, скандинавские языки, латинский, древне- и новогреческий, афганский, авестийский, древние и новые иранские языки, индийские, кельтские. Сектор разрабатывает вопросы теории и истории индоевропейских языков. Сектор палеоязыков и самодийских языков занят изучением языков Севера и Северо-востока Сибири. Сотрудники сектора постоянно совершающие длительные экспедиции в сибирское Заполярье, сочетают теоретические исследования с большой практической работой культурного характера. Сектор афразийских языков занимается специализацией в области тюркских, тунусо-маньчжурских и монгольских языков, исследует историческую проблему афразийской общности, являющую огромные задачи для истории народов Советского Союза, в частности для истории народов Сибири и Дальнего Востока.

Группа структурной лингвистики, являющаяся специалистом по самым различным языкам, занята разработкой проблем общей грамматической типологии. Интересную работу проводят также предельные группы: группа "Язык и общество", группа статистической речи. Регулярно работает Советский методологический семинар, на заседаниях которого обсуждаются вопросы общей лингвистической теории. Большое количество публикаций, посвященных таким монографиям свидетельствует о творческой активности сотрудников Ленинградского отделения Института языкознания. Об этом говорит и большое количество проведенных в Ленинграде и за рубежом конференций, в которых охотно участвуют также лингвисты Москвы и других городов нашей страны. Сотрудники Ленинградского научного центра со своей стороны постоянно принимают участие в таких конференциях и съездах, проводимых в Советском Союзе и в зарубежных странах.

Целый ряд ученых нашего академического коллектива тесно связан с вузами Ленинграда, с Университетом и Институтом им. Герцена. Это также является нашей давней традицией, как и регулярная связь с вузами национальных республик, куда многие из сотрудников часто выезжают для чтения лекций и консультаций.

Таковы очень кратко изложенные основные моменты истории и нынешнего состояния Ленинградского лингвистического центра, отмечающего в этом году 50 лет своего существования.

Институт лингвистических исследований является старейшим научным учреждением Академии наук СССР, учреждением гуманитарного профиля. Под разными названиями и с менявшимся организационно-правовым статусом он существует с 1783 г. Своей современной ступенью является ИИЯ РАН, образован в 1961 г.

На протяжении XX в. институт возглавляли академики Н.Я. Марр, академик И.И. Мещанинов, член-корреспондент РАН А.В. Денишкова, член-корреспондент РАН А.И. Демашин.

Многие десятилетия институт является центром изучения и изучения русского языка, языков малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

На протяжении истории институт занимался в стране институт, в задачу которого входит изучение палеоязыков, самодийских, тунусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков.

ИИЯ - крупнейший центр русской академической лингвистики. Здесь ведется работа по составлению и изданию толковых, диалектных и исторических словарей русского языка. В течение 115 лет в ИИЯ создается уникальная словарная картотека, насчитывающая более 8 млн карточек-цитат.

Исследования в области теории и типологии языков мира составляют еще одну важную задачу института. В настоящее время институт выделяет семь научных подразделений.

В Отделе теории грамматики разрабатываются оригинальные концепции теории функциональной грамматики (петербургская школа функциональной грамматики), охватывая существенные явления на развитие грамматической теории не только в России, но и за ее пределами. В последние годы Отдел стал одним из признанных центров изучения детской речи.

В Лаборатории типологического изучения языков исследуются грамматические категории глагола, связанные с синтаксисом, семантикой и прагматикой предложения. Начиная с 1969 г. было издано более десяти коллективных монографий, посвященных типологическому описанию глагольных конструкций в разнотипных языках.

Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований является единственным в стране научным коллективом, осуществляющим комплексное изучение индоевропейских языков. С 1995 г. отдел работает над проектом Индоевропейского компьютерного тезауруса, представляющего создание компьютерной базы этимологических данных, учитывающей максимальное число индоевропейских языков, и над созданием «Малого диалектологического атласа балканских языков».

За отделом занимается языками народов Российской Федерации - отдаленных палеозитических и самодийских языков и отдала афразийских языков.

В 2001 г. была открыта Лаборатория лингвистических информационных технологий.

При ИИЯ действует специализированная библиотека (Отеда БАН - более 120 тысяч единиц хранения), в рамках которой проводится структурная работа и специалисты из других научных учреждений.

* Академия Н. М. Новой академической словар русского языка: проект / АН СССР, Институт русского языка, Ленинград: Издательство Наука, 1971. С. 40.

1 БАС-2: Словарь современного русского литературного языка. В 2-х т. / АН СССР, Институт русского языка. Главные редакторы: Кариня Сергеевна Горбачева. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва & Ленинград: Издательство Русской книги, тт. 1, 1991, 1994.

2 И. И. Демашин, *Новый академический словарь*, 1981, с. 4.

3 Большой академический словарь русского языка, тт. 1-16, Москва & Санкт-Петербург, 2004. (издание продолжается до 30-и томов)

4 А. В. Демашин, *В юбилей*, 1971 в А. В. Черетин, *Академический институт Академии наук в истории советского языкознания* // конференции "50 лет академического лингвистического института в Ленинграде".

THE GREAT CARD INDEX SYSTEM OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТАТЕКА ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Большая словарная картотека (БСК) Словарного отдела ИЛИ — самое крупное собрание лексических материалов по русскому языку. Картотека является одним из подразделений Института лингвистических исследований в Санкт-Петербурге. Она содержит около 8,000,000 карточек. Каждое слово зафиксировано на карточке в контексте предложения. Картотека содержит два типа карточек: карточки-цитаты из литературных произведений, главным образом XIX и XX вв.; и карточки, содержащие извлечения из словарей XIX и XX вв., энциклопедий, пособий, разного рода справочников, учебников и т. п. В карточках первого типа даётся небольшой контекст (1-2 предложения), который раскрывает значение слова, показывает форму его употребления, стилистическую окраску. В карточках второго типа представлены сведения, на основе которых можно дать толкования терминов, установить принадлежность слова к тому или иному речевому жанру и т. п.

БСК ведёт своё начало с 1886, когда академик Яков Карлович Грот в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук начал работу над «Словарём русского языка» (в. 1-3, 1891-95). На подготовительном этапе работы закладывались научные и организационные основы ведения картотеки. После смерти академика Грота А.А. Шахматов, возглавивший работу над гротским Словарём, внёс ряд существенных изменений в Словарь и принципы отбора материалов: расширился круг литературных источников (от А.С. Пушкина до произведений современников), было привлечено значительное количество слов народного языка из записей устной народной речи. Пополнение картотеки в этом направлении продолжалось до 1927-28. Затем, когда под руководством В.И. Чернышёва (с 1937 по 1949) началась работа над «Словарём современного русского литературного языка» в 17 томах, принципы пополнения БСК изменились: были поставлены задачи, связанные с отражением языка современной эпохи, с нормализацией языка. В соответствии с этими принципами пополнение картотеки продолжалось при последующем составлении «Словаря современного русского литературного языка» (т. 1-17, 1948-65) и «Словаря русского языка» (т. 1-4, 1961-65), а также и нового БАС.

С 1966, когда по инициативе А.М. Бабкина началась работа по подготовке «Нового словаря русского языка», материалы, извлечённые из произведений современных авторов, стали храниться отдельно. Новая картотека насчитывает около 2,000,000 карточек. Ведётся работа по вводу словаря картотеки в ЭВМ, использованию ЭВМ при обработке текстов.

Материалы картотеки были использованы при работе над «Словарём синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (т. 1-2, 1970-71), над «Словарём новых слов и значений» под редакцией Н.З. Котеловой (1970, 1984, 1995), над словарём «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К.С. Горбачевича (1973), используются при работе над многотомным «Словарём русских народных говоров» (в. 1-43, 1965-2010; издание продолжается), над новым фразеологическим словарём, который готовится к печати. БСК активно используется во втором издании «Словаря современного русского литературного языка» в 20 томах (т. 1-6, 1991-94; незаконченное издание) и при работе над новым БАС.

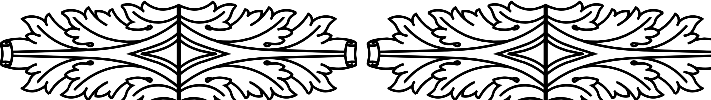
БСК пользуются исследователи по лексикологии, грамматике, стилистике, а также литературоведы, преподаватели вузов из Санкт-Петербурга, Москвы, из других городов России, зарубежные учёные.

«Сводный словарь современной русской лексики» (1991), а также сборники, посвященные практическим вопросам лексикографии, подготовленные составителями картотеки, облегчают работу по выборке материалов, подготовке разных типов словарей русского языка. В

1986 была проведена конференция, посвященная 100-летию Большой картотеки Словарного отдела.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Наиболее крупные публикации последних лет:

- «Словарь современного русского литературного языка» (с 17-го т.);
 - «Словарь русских народных говоров» (с 4-го т., ред. А. П. Баженова);
 - «Словарь русских народных говоров» (36 вып., ред. Ф. П. Сорокомова);
 - «Серию «Новые в русской лексике» и «Словаря новых иностранных слов» (ред. Н. З. Котелова и Е. А. Леванова);
 - «Словарь русского языка XVIII в.» (12 вып.);
 - «Словарь русского языка XVII в.» (3 томов); опубликованы в печать:
 - «Теория функциональной грамматики» (т. I–6, под ред. А. В. Бондаря);
 - «Серию коллективных монографий по типологии языковых средств» (опубликованы 7 книг под ред. А. А. Холодковой, П. В. Ниджалова, В. С. Храковского; почти все переведены на английский язык);
 - «С. В. А. Бондаря, «Теория значения» (системе функциональной грамматики» (М., 2002); В. С. Храковский;
 - «Теория языкования. Русистика. Арабистика» (В. С. Храковский) (С.-Пб., 2002);
 - «Семантика и типология императива. Русистика» (В. С. Храковский) (С.-Пб., 2002);
 - «История лингвистических учений» (с 4-го т., А. С. Ефимов, 1991–1999); лингвистическая труд, от ред. А. В. Десницкая и С. Д. Капустинского;
 - «Основы балканского языкознания» (с 2-го т., СПб., 1988
 - «Словарь терминов в доинформационной, компьютерно-восточноевропейской лингвистике» (опубликованы 2 тома);
 - «Словарь терминов в доинформационной лингвистике» (Словарь терминов в доинформационной лингвистике» (СПб., 2002); В. И. Цицину (тоя ред.);
 - «Сравнительный словарь тюрко-маньчжурских языков» (Л., 1979); А. М. Шарбан, «Этимология тюрко-монгольские языковые связи» (СПб., 1997); Н. В. Бастин;
 - «Языки народов Севера» (ХМ и СПб., 2001);
 - «2003 в институте языкознания Славянской школы языка, благодаря которой много миллионов по телефону 128 162 по рабочим ямкам с 1200 до 1600 часов по телефону, что является самым эффективным специалистом.
- Международные сотрудничества:* В Институте проводятся международные конференции по лингвистике (с М. М. Троицким, Совещание по Лесковскому атласу русских народных говоров), а также почти ежегодно проводится международные конференции по проблемам функциональной грамматики и типологии языков.
- Научные журналы:* С 1971 г. институт выпускает серию «Лингвистические исследования». С 2003 г. выходит журнал «Лингвистические исследования» (Лингвистические исследования). Acta Linguistica Petropolitana.

§ 89.1 Картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН

В каждой стране помимо золотого запаса — наличной валюты, месторождений нефти, лесных ресурсов и прочих богатств, от которых зависят процветание и жизнь этой страны, — есть место, где спрятано самое главное сокровище. Его нельзя потрогать руками, нельзя взвесить, измерить, продать или купить. Его невозможно оценить, потому что оно не зависит от курса доллара и евро. Место, где оно спрятано, доступно лишь избранным. И если место, скажи любому человеку, о чем речь, он не испытает никакого трепета, а в лучшем случае засмеется. Потому что самое главное сокровище любого народа — это его язык, а место, где хранятся доказательства этого, называется Большой словарной картотекой.

Здесь начинаются словари. Большие словариная Катерина Росина находится в Санкт-Петербурге, в Институте лингвистических исследований РАН. Это единственное «мирное» место, где собираются лингвисты, работающие с русскими словами. На воле не встретишь вооруженных охранников, лишь бабы-матери в халатах похотят поплакать, и покажут, что такое «матерный» русский язык. Здесь, в институте, просторно и светло помещаются, нем, много, короче, десятков словарей с выдвинутыми ящиками, в каждом из которых находится несколько сотен карточек, на которых записаны слова, собранные в конкретном, одному из создателей первого словаря Самуила Русского языке, поговорох или знаменитых, токе ушей. Было это в конце XIX века, и с тех пор размерный словарь стал расширяться. В 1910-е годы в институте старейший лингвист Академии наук Иван Пирас, старший редактор-оператор, потому что шафры-старожилы не могут отсчитать. Общих обилие 28 шафров ранен 71 тысяча карточек, а в 1920-е годы в институте появились «Большая» и «Малая» слова русского языка. Вообщем карточка насчитывает около 8 миллионов слов, но, для того чтобы понять, много это или мало, достаточно сравнить с количеством слов в словаре академического словаря. В нем содержится около 170 тысяч слов. Конечно, карточка это задание специфическое, слов не придется как в музей или в библиотеку, а придется переписать, как в аспиранты, кандидаты, ученые. Все они приходят сюда за ценнейшими сведениями, ведь карточка — это первоисточник, база, благодаря которой на свет появились все словари, которые прописаны и употреблены на письме с середины девятнадцатого столетия до девяностых годов двадцатого. Со временем, конечно, количество слов увеличивается, но, значит, что развития языка не фиксируется. Этим занимается особое подразделение Института лингвистических исследований — группа словарей новых

[illegible]

конкретном случае и указывает источник, а вот объяснить значение слова, его форму — это уже задача составителя словаря.

[illegible][illegible][illegible]

Большая картотека словарного отдела — самое крупное собрание лексических материалов по рус. языку. Картотека является одним из подразделений ИЛЛ лингвистических исследований в С.-Петербурге. Она содержит ок. 7 млн. карточек. Каждое слово зафиксировано на карточке в контексте предложения. Картотека содержит два типа карточек: карточки-цитаты из лит. произведений, т. е. обр. 19 и 20 вв., и карточки, содержащие извлечения из словарей 19 и 20 вв., энциклопедий, пособий, разного рода

справочников, учебников и т. п. В карточках первого типа даётся небольшой контекст (1-2 предложения), который раскрывает значение слова, показывает форму его употребления, стилистическую окраску. В карточках второго типа представлены сведения, на основе которых можно дать толкования терминов, установить принадлежность слова к тому или иному речевому жанру и т. п.

Картофель ведёт своё начало с 1886, когда Л. Б. Грот в Огайо носил своё имя и словосочетание Импортёр картофеля. В то время в США не было картофеля, поэтому слово «картофель» в языке (п. 1-3, 1891-95). На подготовительном этапе работы закладывались научные и организационные основы ведения картошки. После смерти Грота А. А. Пуштина до проведения современных (по А. А. Пуштина) исследований в области картошки в США слово «картофель» в языке из записки устной народной речи. Поименование картошки в этом направлении продолжалось до 1927-28. Затем, когда под руководством В. И. Чернышова (с 1937) в США началось исследование картошки, слово «картофель» русского диалектного языка в 17, том, что касается поименования картошки изменились: были поставлены задачи, связанные с отражением языка слов этого, что касается поименования картошки, в соответствии с принципами поименования картошки продолжалось при последующем составлении «Словаря современного русского диалектного языка» (п. 1-17, 1948-49) и «Словаря современного русского диалектного языка» (п. 1-17, 1961-65). Слово «картофель» русского языка в настоящее время вышло из употребления.

С 1966, когда по инициативе А. М. Бабкина началась работа по подготовке «Нового словаря русского языка», материалы, извлечённые из произведений современных авторов, стали храниться отдельно. Новая картотека насчитывает ок. 2 млн. карточек. Ведётся работа по вводу словника картотеки в ЭВМ, использованию ЭВМ при обработке текстов.

Материалы карточки были использованы при работе над «Словарём синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (т. 1-2, 1970-71), над «Словарём новых слов и значений» под ред. Н. С. Котеловой (Л., 1984, 1995) и над словарем «Трудности словоупотребления и варианты нормы русского литературного языка» под редакцией В. И. Бабина (Л., 1996).
Известно, что в начале XX века в русском языке существовал микротема «Словарь русских народных говоров» (т. 1-20, 1965-95; изд. продолжаются), над новым фразеологическим словарем, к-рый готовился к печати. Карточку активно использовали во 2-ом изд. «Словаря современного русского литературного языка» в 20 томах (т. 1-6, 1991-94; изд. продолжается) и при работе над новым словарем рус. языка.

Карточкой пользуются исследователи по лингвистике, лексикологии, грамматике, стилистике, диалектологии, истории русской лексики (С.-Петербург, Москва, ряд других городов России, зарубежные ученые).

«Сводный словарь современной русской лексики» (1991), а также сборники, посвященные практическим вопросам лексикографии, подготовленные составителями карточки, облегчают работу по выборке материалов, подготовке разных типов словарей русского языка. В 1986 была проведена конференция, посвященная 100-летию Большой карточки Словарного отдела.

Картотека словаря русского языка XVIII века

Картоотека СРЯИ содержит более 2 млн. карточек, цитат из письменных источников 18 в. и является самым крупным собранием лексических материалов по русскому языку 18 в. периода его формирования на национальной основе. По первоначальному замыслу картоотека создавалась как лексическая база «Словаря русского языка XVIII века» (в 1-8, 1984-95; изд. продолжается). Ее составление началось в 1960 по инициативе Г. П. Блока в Соварском секторе Ленинградского отделения Ин-та языкознания АН СССР (ныне Ин-та лингвистических исследований РАН). С 1961 работой возглавлял Ю. С. Сорокин и Л. А. Кутина, с 1990 - З. М. Петрова.

Основная масса карточек картотеки представляет собой выписки (обычно в виде законченного предложения или нескольких предложений), показывающие слово в его лексико-стилистических и грамматических связях с другими словами, достаточными для выяснения значения слова. Слова в Карточке расположены в алфавитном порядке. Материалы на каждое слово даны по периодам: кон. XVII - кон. 30-х гг.

Источниками для выбора служат все тексты, относящиеся к 18 в., а также не-русские памятники XIX и XVII в. нач. XIX. В исторических являются: художественная, научная, научно-популярная литература, публицистика, эпистолярная и мемуарная, деловая литература, также учебники, журналы, газеты, др. Для выбора привлекаются также оригиналы, рукописи, переводы, обработанные и черновые тексты, произведения авторов, принадлежащих к различным стилистико-языковым направлениям и школам. В картотеке представлены гл. обр. печатные источники. Рукописные тексты привлекаются крайне редко.

Поскольку выборкам для картотеки привлекаются издания XVIII в., хранящиеся в Отделе редкой книги Б-ки АН и в РНБ (С.-Петербург), их микрофильмируют и изготавливают фотокопии. Т. о. собраны филологич. собрание фотоконий с источниками – изданиях 18 в. Полный список источников – с их шифрами, используемыми в Словаре, опубликован в «Словаре русского языка XVIII в». Правила пользования Словарем. Указатель источников» (1984). По мере пополнения картотеки дополнительные списки источников публикуются в соответствующих выпусках Словаря. Составляется электронный словарь картотеки. Учет материалов картотеки ведется в книге поступлений словарных материалов, в которой фиксируются также шифры источников. Картотека хранится в Индустриальных исследованиях РАН (С.-Петербург).

На основе картотеки созданы индивидуальные и коллективные монографии (Кутыла Л. А., «Формирование языка русской науки», 1964; «Формирование терминологии физики в России», 1966; Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутыла Л. А., «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования», 1972; Кизикова Г. П., «Русское просторечие второй половины XVIII в.», 1974; Замкова В. В., «Славянizm как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.», 1975; Малыгина И. М., Молоков А. И., Петрова З. М., «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.», 1975, и др.).

Словарь Измаила Ивановича Срезневского представляет собой уникальное собрание лексического

материала по письменным источникам - древнейшим русским памятникам письменности (почти все известные до XIV века включительно, а также и более поздние по состоянию на середину XIX века). Приводимое слово сопровождается не только ссылкой на его упоминание в письменном источнике, но и переводом на латынь и русский язык середины XIX века, а так же указывается древнерусское слово-источник для переводных слов.

Картотека словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (КСДР) содержит 2.000.000 карточек-цитат (объёмом 30–60 слов), выписанных из древнерусских памятников письменности; свыше 1.500.000 составляют апеллятивы (см.) и служебные слова, ок. 400.000 — производные от них.

Картотека была задумана как база для «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (т. 1–4, 1988–91; изд. продолжается), идея создания которого принадлежит Р. И. Аванесову (главному редактору Словаря до 1982). Работа началась в 1957 в Институте языкознания АН СССР и продолжена с 1958 в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН.

Источниками картотеки являются древнерусские письменные памятники различных жанров XI–XIV вв., которые создавались или переводились на Руси, или, будучи переведены не на Руси, имели на древнерусском почве длительную лит. историю: переписывались, редактировались, перерабатывались.

Значительная часть источников расписана непосредственно по рукописям или фотокопиям. Выписка материалов по изданиям проводилась лишь в тех случаях, когда эти издания признавались удовлетворительными в лингвистическом отношении. Среди источников большое место занимают неизвестные памятники, в связи с чем в научный обиход вводятся много нового, ранее неизвестного материала. В карточке впервые фиксируется большое количество слов (их семантика, фразеология) раннего периода истории языка (из ранних памятников), сведения о которых или отсутствуют в словарях (напр., в «Материалах» И. И. Срезневского), или представлены недостаточно полно.

Историкни картокати – грамоти със и частично характер, в т. ч. грамоти на бересте, притиски и записки на полях рукописи, надписи на предметах материальной культуры, тексты юридической лиг-и, историческая, повествовательная, антографическая, церковно-проповедническая и церковно-юридическая литература. Историкни картокати относятся ко всей территории Древней Руси от Галича (Южная) до Суздаля. Многие из них характеризируются выражением территориальной приуроченности: Новгород, Псков, Новгород, Витебск, Смоленск, Москва, Тверь. Картоката вълватъ: есе втрещишъ истината на исторически слова. Ова содана на основе сплошной расписки: каждое слово зафиксировано в каждом его употреблении.

Составление картотеки было завершено в 1963. Сделан словоуказатель всех слов, зафиксированных в картотеке. Она существует в виде рукописных карточек. Все слова расположены в алфавитном порядке. Хранится картотека в Отделе истории рус. языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Согласно лексике, отражённой в письменных источниках до сих пор неизвестные грамматические формы, отличающиеся исследователями лишь условно, признаются. Картошка широко используется при написании докторских и кандидатских диссертаций. На базе картошки составлены «Словари» 1990, 1, 4, 1991; (или, продолжается) а также «Историческая грамматика русского языка. Глагол», 1982, изд. «Древнерусское правописание XII—XIII вв.», 1995 в Институте языка им. В. В. Виноградова РАН, ведётся работа по теме «Историческое словообразование русского языка», основным материалом для к-рой (по новому периоду) является эта же картошка.

Картотека Словаря Русских Народных Говоров.

Карточка словаря русских народных говоров-семантическое хранилище русской диалектной лексики. В ней собрано более 2.000.000 карточек, настраивающих свыше 300.000 диалектных слов и значений. В карточке представлена лексика, обозначающая животных и растений: мир, рельеф, водоемы, метеорологические явления, человека с его особенностями, орудия труда, промыслы и ремёсла, быт, общины, братры, жилище, одежду, жизнь и многое др. Это своеобразная энциклопедия оживи рус. народа, его материальной и духовной культуры, отражённой в языке.

Картотека начала создаваться в 1958 по инициативе Ф. П. Филина, разработавшего теоретические принципы составления сводного словаря рус. народных говоров и наметившего круг источников, из которых должна выбираться диалектная лексика.

В картотеке представлена диалектная лексика и фразеология по записям XIX-XX вв. на всей территории распространения русского языка. Собраны только диалектные слова, неизвестные в литературном языке, или слова, известные и в литературном языке, но обладающие диалектными значениями (т. н. семантические диалектизмы).

Материалы, лёгшие в основу картотеки, делятся на четыре основные группы:

- материалы, которым придана та или иная словарная (лексикографическая) форма (словари и словарики, толкования слов в текстах статей, в примечаниях к т. п.);
- записи живой диалектной речи, лексикографически не обработанные (часто не содержащие толкований значений слов);
- статьи, монографии, в к-рых диалектная лексика содержится в тексте, никак не выделяясь особо (иногда с толкованиями, иногда без толкований);
- фольклорные материалы.

Выявлено более 3 500 истоников, большинство из которых обработано. Это областные словари, как старые, так и вышедшие в конце XX в., «Толковые словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. I–IV), «Словарь русского народа», т. I–II, «Православный церковнославянский словарь по значениям XIX–XX вв.» [Опыт толкования] славянских словарей сельского хозяйства, диалектного, промыслов и быта народного». В Бурятия (т. I–2, 1983–84). «Словарь волжско-кузнецкого» С. П. Нестерова (1914), «Словарь старорусский» М. А. Кузьмина (1976) и др. Шабалина (в кн.: Орехово-Зуевская педагогическая институт. Труды кафедр русского языка, 1960) и др. материалы диалектологических исследований, в которых дается лексика является предметом специального исследования статьи и заметки об авторитетных сведениях, местных «памятных книжка», календари, в Трудах Общества российской

THE GREAT CARD INDEX SYSTEM
AT THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТАТЕКА
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Eine Kartei ist eine geordnete Sammlung von Daten auf kleinformatischen Karten, wobei jede der Karten für eine Informationseinheit steht und damit ein Objekt der Wirklichkeit repräsentiert.

Eine Kartei ist geordnet, um eine Suche nach den enthaltenen Daten zu erleichtern. Die Anordnung kann alphabetisch, nach einem Datum oder nach anderen Kriterien geschehen.

Eine Kartei wird meist auf Karteikarten geschrieben oder gedruckt, der Arbeitsgang selbst als Verkartung von Daten bezeichnet. Die Karteikarten werden in einem Karteikasten ihrer Anordnung entsprechend aufbewahrt. Durch in Abständen angebrachte Karteireiter, kurz Reiter, wird die Kartei übersichtlich gehalten. (Siehe auch Zettelkasten.)

Zum effizienten Benutzen einer Kartei ist die korrekte Anordnung der Karten unbedingt erforderlich; andernfalls lassen sich Daten nicht finden.

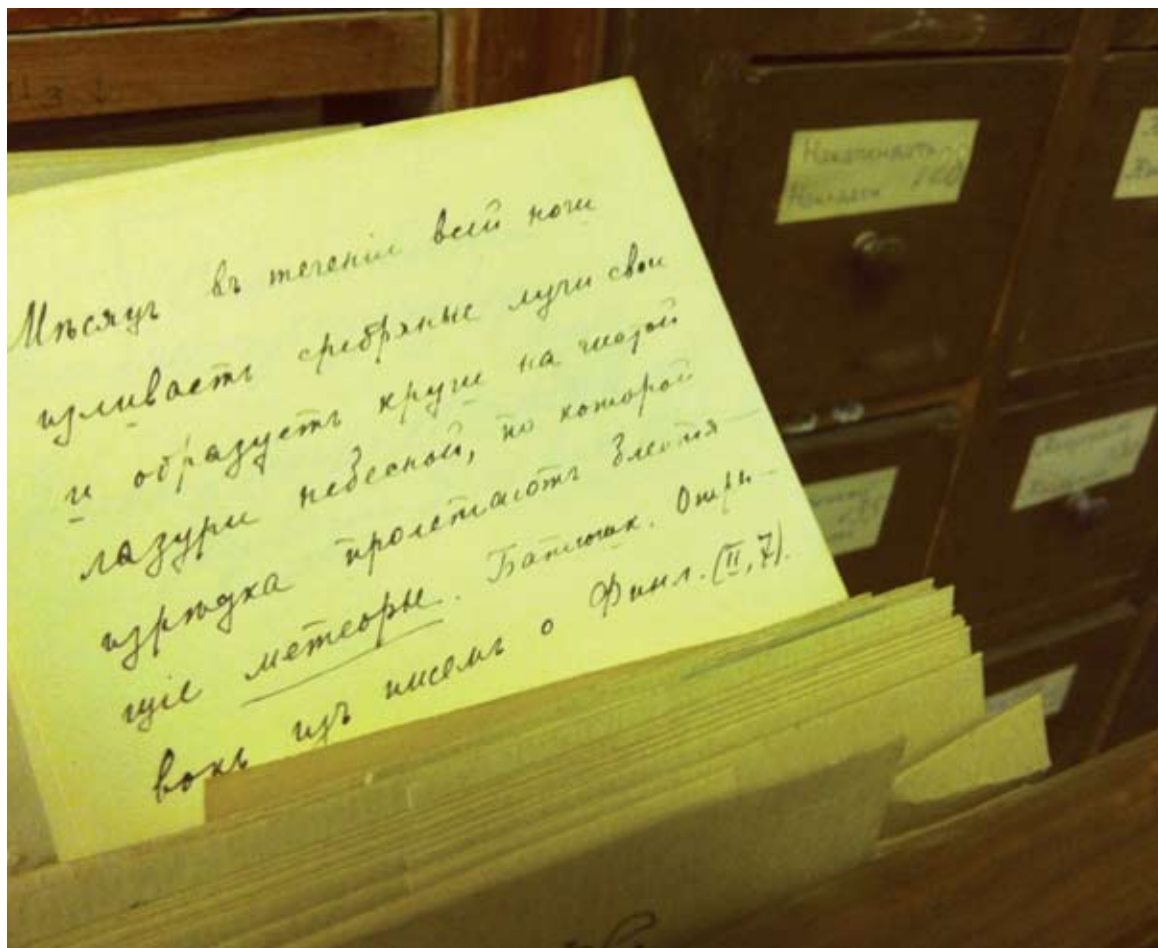
Zum Vervielfältigen und Archivieren werden Karteien analog auf Mikrofiche abfotografiert und sind anschließend mit speziellen Lesegeräten nutzbar.

Bis zum Ende des 19. Jahrhunderts entwickelten sich die Randlochkarten, bei denen Löcher in den Rand der Karte gestanzt sind, die die Merkmale, die auf der Karteikarte notiert sind, codieren.

Eine Kartei kann auf eine Datenbank elektronisch abgebildet werden. Im Gegensatz zu einer Datenbank besteht eine Kartei allerdings meist nur aus einer einzigen Ansammlung strukturgleicher Karteikarten. Die elektronische Entsprechung einer Kartei ist demnach die Tabelle einer Datenbank. Eine Karteikarte entspricht dann einer Zeile in dieser Tabelle.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

491

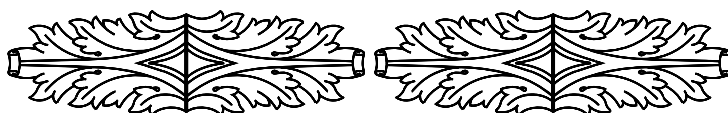

THE GREAT CARD INDEX SYSTEM
AT THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТОТЕКА
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Большая словарная картотека (БСК) Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), в которой собрано и систематизировано огромное количество словарных карточек с цитатами, позволяющих вести разнообразные словарные и филологические работы, насчитывает порядка 8 млн. карточек. Материалы картотеки были использованы при подготовке множества словарей и грамматик русского языка, включая такие фундаментальные труды, как «Словарь современного русского языка» в 17 тт., академическая «Грамматика русского языка» 1952-1954 гг., «Орфографический словарь русского языка» РАН и мн. др. [Рогожникова 1989, Рогожникова 2003, Приемышева 2003]. Картотекой пользуются ученые из различных городов нашей страны и из-за рубежа для исследований по различным проблемам русского языкознания. Сегодня с ее помощью создаются Большой академический словарь русского языка в 25 тт. [Большой академический словарь], новый фразеологический словарь русского языка и др.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

THE GREAT CARD INDEX SYSTEM
AT THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**БОЛЬШАЯ СЛОВАРНАЯ КАРТАТЕКА
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Картотека (от древнегреческого языка $\chi\alpha\rho\tau\eta\varsigma$ «лист папируса» и $\theta\acute{\eta}\kappa\eta$ «место хранения») — упорядоченное собрание данных, как правило на карточках малого формата. Представляет собой каталог.

Каждая карта является информационной единицей и предоставляет сведения о каком-либо хранимом объекте, с целью облегчения поиска этого объекта по определённым признакам. Упорядочение осуществляется обязательно по логическим критериям, по алфавиту, дате и т. д.

В конце XIX века были найдены эффективные методы и средства поиска карточек в картотеке — карты с краевой перфорацией. При помощи пробитых отверстий по краю, кодировались данные записанные на карте.

Для архивирования картотеки фотографируются на микрофишу с последующим использованием микрофиши при помощи специального устройства.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

ANASTASIA SERGEEVNA SHIMORINA
RUSSIAN LINGUIST AND LEXICOGRAPHER
A BRIGHT ALUMNI OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
ONE OF THE YOUNGEST CO-EDITORS OF THE GAD
 (PHOTOGRAPHY COURTESY OF L.E. KRUGLIKOVA)

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

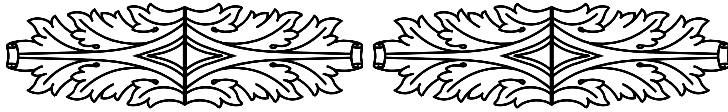

THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY
READY TO SEND FOR PRINTING
(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

MARK J. MOODY (1951-2011)
A BURL WOOD EGYPTIAN OBELISK WHERE DOCTOR MOODY'S ASHES REST
(PHOTOGRAPHY COURTESY A. BASHFORD)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

45. Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997. с. VII-XXXIV.

46. Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания, 2001, №4. с. 3-22.

47. Апресян Ю.Д. Взаимодельные лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении, 2002, №1 (3). с. 10-29.

48. Апресян Ю.Д. Два принципа и два понятия системной лексикографии // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005. с. 267-284.

49. Апресян Ю.Д. Вып. 6 активного словаря русского языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. с. 29-47.

50. Апресян Ю.Д., Дачков П.В., Лазурский А.В., Цинман Л.И. О компьютерном учебнике лексики русского языка // Русский язык в научном освещении, 2007, №2 (14). с. 48-112.

51. Апресян Ю.Д. и др. Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.

52. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

53. Апресян Ю.Д. Проблемы структурной лингвистики. — М., 1962.

54. Апресян Ю.Д. Экспериментальные исследования русского глагола. — М., 1967.

55. Аркадьева Т. Г. и др. Предисловие // Словарь русских историзмов / Аркадьева Т. Г. и др. М., 2005. с. 3-6.

56. Артюнова Н.Д. Трудности перевода с истанского языка на русский язык. — М., 1965.

57. Артюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999.

58. Афанасова И. О принципах и методах построения двуязычного толкового словаря терминов изобразительного искусства // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире. Материалы первой международной научной конференции. Т.1. Тверь, 2005. с.

59. Афанасова И. «Литературные труды княгини Е.Р. Дашковой», Санкт-Петербург, 1860.

60. Афанасова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1960.

61. Афанасова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

62. Афанасова О.С., Виноградов В. В., Иванов В. В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-лексической лексикологии. — ВЯ, №3, Москва, 1956.

63. Афанасов И.Х. Синтаксис карачаево-балкарского языка. — Нальчик, 1983.

64. Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2002. с. 11-35.

65. Бабенко Л.Г. Структура и лексикографические параметры словаря // Бабенко Л.Г. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2008. с. 18-22.

66. Бабов К. Благосвет русско-болгарский речник // Бабов К. Приносит на Димитър Благова за изучаването на руския език и руската литература в България. С., 1961. с. 157-176.

67. Бабов К. Двутомният руско-болгарский речник в память на Д. Благова // Език и литература, кн. 4, 1962. с. 91-96.

68. Бабов К. Постигания и проблеми на руско-болгарската лексикография (по повод на изданието на двутомния Руско-болгарский речник) // Систематическое изложение, кн. 4-5, 1988. с. 104-115.

69. Бабов К. Фотонивят триезичен речник // Систематическое изложение, 1992, кн.1. с. 5-16.

70. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка фразеологии. М.-Л., 1964.

71. Бабкин А.М. Лексикографическая традиция и пути ее обновления. Новое в старых и старое в новых словарях // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. XXIV. Вып. 5. с. 396-404.

72. Бабкин А.М. Новый академический словарь русского языка: Проспект. Л., 1971.

73. Балалай А.Г. Состав и структура словаря, лексикографическая характеристика знаков речевого этикета // Словарь русского речевого этикета. М., 2001. с. 3-20.

74. Баранов А.Н. Плунига В. А., Рахлина Е. В. Предисловие // Баранов А. Н., Плунига В. А., Рахлина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. с. 4-14.

75. Баранов А.Н. Добровольский Д. О. Внутренняя форма и проблема толкования // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.57, №1, 1998.

76. Баранов А.Н. Добровольский Д. О. Предисловие // Англо-русский словарь по лингвистической олимпиаде / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М., 2001. с. III-XIII.

77. Баранов А.Н. Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материал к словарю). — М.: 1991.

78. Бардуров С.Г. Новиков Л. А. Каким должен быть учебный словарь // Русский язык за рубежом, 1971, №3, с. 46-50.

79. Беликов В.И. Сравнение Петербурга в Москве и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня: Проблемы русской лексикографии. Вып. 3. М., 2004. с. 23-38.

80. Беликов В.И. Yandex как лексикографический инструмент [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/archive/2004/belikov.htm>, свободный.

81. Беликов Ю.А. Стилястика и культура речи. — М.: 2000.

82. Беликов Л.Н. Град. Слов. Эбни И.И. Автоматизация в лексикографии // Прикладное языкознание. СПб., 1996. с. 318-333.

83. Бейдиков А.В. Об интересе к русскому языку во Франции в советскую эпоху, в кн: Вопросы романской филологии. т. 1, [М.], 1979.

84. Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.

85. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: Словарь. Л., 1973.

86. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. Таллин, 1977.

87. Берков В.П. Двуязычная лексикография. СПб., 1996.

88. Берков В.П. О словарях XXI века: из лексикографической футурологии // Мир русского слова. СПб., 2000. с. 68.

89. Бестужев-Маринский А. А. Соч. Т. 1—2. — М., 1981.

90. Божидар Д., Колосовская С. Электронный корпус за целите на «Речник на българския език» // Лексикография и лексикология в съвременния свят. Велико Търново, 2007. с. 277-286.

91. Божидар Б. Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. С., 1988.

92. Бларн В. Лексикография лексикографии // Вопросы языкознания, 1985, №3, с. 77-82.

93. Божидар М. Речникът на Тодор Коджов и някои особености на езика на чуждите думи в епоката на формирането на българския книжовен език, отразени в него // Выпоси на съвременната българска лексикология и лексикография. С. 1986.

94. Большая энциклопедия Южакова, том 1, с. 226—227.

95. Большой академический словарь русского языка. ТТ. 1-19. СПб.: 2004. (издание продолжается).

96. Большая Советская Энциклопедия, 3-е издание, тт. 1 - 31, Изд. — по СЗ, Москва, 1970-1978.

97. Божидар Ю. А. "Словарь русского языка" С. И. Ожегова в контексте его научной деятельности // Родной язык. №4. 98. Будилов Р.А. Заметки о русском языке в современном мире, ВЯ, 1977, №1.

99. Будилов Г. Восточнославянские языковеды.

100. Бугалкин Т.В., Шмелев А.Д. Числительные в русском языке: лексикографические лакуны // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л.И. Юманин, Л.П. Крысин. М., 2000. с. 289-306.

101. Библиографический словарь, т. 1—3. Минск, 1976—78.

102. Буслав Ф.И. О преподавании отечественного языка, Ленинград, 1941.

103. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка, 2 изд., М., 1965.

104. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России, т. 1 (XIII в. — 1825). СПб, 1904;

105. Введенская Л.А. Русская лексикография : учебное пособие / Л. А. Введенская. — М. : ИКЛ «МарТ», Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2007. — 192 с.

106. Вережанин Е.М. Костомаров В. Т. Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974.

107. Вережанин Е.М. О пословицах, поговорок и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Филицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Вережанина и В. Г. Костомарова. М., 1979. с. 3-17.

108. Вережанин Е.М. Костомаров В. Т. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

109. Вережанин Е.М. Костомаров В. Т. Язык и культура. М., 1983.

110. Вережанин Е.М. О русских фразеологизмах в лингвострановедческом учебном словаре // Филицина В. П., Мокенков В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Вережанина и В. Г. Костомарова. М., 1990. с. 3-13.

111. Вережанин Е.М. Павлова А.Г., Капашева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону, 2000.

112. Веселов Д. Активен учебен речник на френския глагол за българин (за целите на средното училище). Автореф. на дис. ... «доктор». С., 2002.

113. "Вестник Европы", двуязычный журнал, издававшийся в 1802—1830 годах, Москва, 1802.

114. Вейдича А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М., 2001.

115. Вейдича А. Сопопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.

116. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

117. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2 изд., М., 1938

118. Виноградов В.В. «О некоторых вопросах теории русской лексикографии», Вопросы Языкознания, 5. Сентябрь. Октябрь, Институт языкознания, Академия Наук СССР, Москва, 1956.

119. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977.

120. Виноградов В.В. Семантикативный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания, Вопросы Языкознания, Год издания XV, АН СССР, Институт языкознания, №6 Ноябрь-Декабрь, Наука, Москва, 1966, с. 3-26.

121. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

122. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.

123. Виноградов В.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Савчук С.О. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века: создание, категоризация, автоматизированный анализ языковых особенностей // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, Филологический факультет МГУ, 13-16 марта 2001. Труды и материалы. М., 2001. с. 398.

124. Винокур Г.О. Русский язык. М., 1945.

125. Вязлов С. Русско-болгарская лексикография // Международная конференция преподавателей русского языка и литературы. Москва 22—28 августа 1969 г. Тезисы докладов и выступлений, Москва 1969. с. 81-82.

126. Вязлов С. Речников перевод и контекстуален перевод // Езикови проблеми на превода (руски език). С., 1987. с. 51-64.

127. Вязлов С. Участие иллативистического материала в семантизации сложной словарной единицы // Papers from the Eualex Third International Congress Budapest, 1988. p. 75-81.

128. Вязлов С. Перспективы развития русско-болгарской лексикографии и перевод // Болгарская русистика, 1988, №2, с. 80-85.

129. Вязлов С. К идее создания комплексного учебного русско-болгарского словаря // Болгарская русистика, 1990, №4. с. 9-12.

130. Вязлов С. Лексикографическая шпаргалка для начинающего переводчика. С., 1995.

131. Вязлов С.В., Златов В.В. Информационная среда современной лексикографии: корпус текстов и/или электронная картотека? // Сборник трудов VII Всероссийской объединенной конференции "Технологии информационного общества - Интернет и современное общество". (IST/IMS-2004). СПб.: 2004.

132. Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.

133. Вопросы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денникова и Л.А. Новикова. М., 1969.

134. Вукова В. Культурные коннотации и болгарско-русские словари // Болгарская русистика, 1983, №3, с. 53-58.

135. Вукова В., Леонидова М., Морковски В.В., Прохоров И.А. Теоретические основы создания ориентированного на болгарских учащихся словаря сочетаниями русских слов // Систематическое изложение, 1983, №5, с. 28-35.

136. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 1—12. — СПб., 1878—1896.

137. Гак В.Г. Оразных типах двуязычных словарей // Тетради переводчика. Вып. 1, М., 1964. с. 71-78.

138. Гак В.Г. Учебный словарь — краткая энциклопедия языка // Русский язык за рубежом, 1971, №4.

139. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977. с. 11-27.

140. Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопросы языкознания, 1987, №2. с. 3-16.

141. Гак В.Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1986. с. 119-125.

142. Гак В.Г. Двуязычный словарь активного типа // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. с. 53-62.

143. Галичина М. Екатерина Романовна Дашкова.

144. Герд А.С. Латинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета, Русская историческая лексикология и лексикография, №7 (2008) // Из истории наук, С. 3-23.

145. Герд А.С. Захаров В. П., Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2004»: Сборник докладов. СПб.: 2004. с. 122-130.

146. Герд А.С. РНК и академическая лексикография // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2006» (10-14 октября 2006 г., С.-Петербург). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006.

147. Герасова С. Некоторые вопросы сопоставительной фразеологии // Русский язык. Проблемы истории, теории и методики преподавания. Шумен, 2002. с. 381-388.

148. Герд А.С. К концепции нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Перечисленные задачи русской лексикографии. — СПб., Изд-во ИЛИ РАН, 1995. С. 24-30.

149. Герд А.С. Богданов В. В. и др. Автоматизация в лексикографии и словарно-конкордансы // Филологические науки, 1981, №1, с. 72-77.

150. Герд А.С. Из размышлений на пути к новому академическому словарю современного русского языка // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. с. 72-79.

151. Гершен А.И. Соч. и переписка с Н. А. Захарьиной. Т. 1—7. — СПб., 1905. Гершен А. И. Собр. соч. Т. 1—30. — М., 1954—1965.

152. Гершен А.И. «Книжка Екатерина Романовна Дашкова», Собрание сочинений, том 12, Москва, 1957.

153. Глебоский А. С., Ступин Л. П. Теория структуры словарной статьи в советской и зарубежной лексикографии // Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1990, вып. 2 (№9). с. 62-69.

154. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 1—14. — М., 1937—1952.

155. Голубов С.Т. Киевский митрополит Петр Мохила и его соподчиненные. — Киев, 1883.

156. Голубов И. А. Собр. соч. Т. 1—8. — М., 1952—1955.

157. Горбачев С.С., Сорокин Ф.П. Значение и оттонок в лексикографической практике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. 1975, №6.

158. Горбачев С.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV, М., 1983. с. 5-23.

159. Горюнов А. М., Полн. собр. соч. Т. 1—25. — М., 1968—1976.

160. Горюнов А. М. О литературе. Статьи и речи 1928—1936 гг. — 3-е изд., М., 1936.

161. Говя Г. Учебный словарь автономов русского языка (для студентов-иностранцев) // Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 2. Харьков, 1995. с. 32-36.

162. Говя Г. О. Проблема составления лексического минимума (активный словарь) // Выпоси на обучението по руски език и литература. С., 1971.

163. Грамматика русского языка, т. 1—2, М., 1953—54.

164. Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

165. Граудина Л. К. С. И. Ожегов // Русский речник, 1990. №4.

166. Гройбен А. Л. Русский язык в Латинской Америке, «Латинская Америка», 1977, 5.

167. Григорьев С.А. Крылов С.А. Материалы к справочному-библиографическому словарю русского языка. Часть 2. Лексика русского языка на страницах книги Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика» // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2: Интернальное описание языка и системная лексикография. М., 1995. с. 365-407.

168. Григорьев С.А. Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Общая характеристика и структура словаря. Единицы русской кириллической системы. Типы информации в словаре жестов // Григорьев

169. Григорьев С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов.

170. Гринев С.В. Введение в терминологическую лексикографию. М., 1986.

171. Гринев С.В. «Словарь вопросов русского правописания от Петра Великого до наших дней», 1873, Петербург.

172. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

173. Гудман М.М. Типологические исследования. М., 2003.

174. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

175. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

176. Гудман М.М. Типологические исследования. М., 2003.

177. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

178. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

179. Гудман М.М. Типологические исследования. М., 2003.

180. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

181. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

182. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

183. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

184. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

185. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

186. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

187. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

188. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

189. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

190. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

191. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

192. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

193. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

194. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

195. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

196. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

197. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

198. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

199. Гудий Н.К. К истории легенды о папе Григории, ИОРЯС, XIX (1914), 4, 1915.

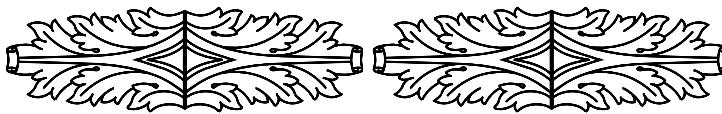
200. Дьял В.И. Толковый словарь князя Великопольского изд. от Петра Великого до наших дней, 1873, Петербург.

SAVANNAH, GEORGIA, UNITED STATES OF AMERICA
THE BUILDING (SCOTTISH RITE MASONIC CENTER, ESTABLISHED BY
FREEMASON JAMES OGLETHORPE AS THE FIRST 33RD DEGREE LODGE IN SAVANNAH,
DESIGNED BY FREEMASON W. WITCOVER IN 1912)
WHERE THE HISTORY OF THE GAD WAS PREPARED TO BE PRESSED.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

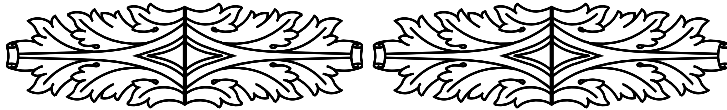

176. Дашкова Екатерина Романовна, *Записки*, Глава IV. Публикуется по изданию: Записки княгини Е. Р. Дашковой. Москва: Наука, 1990.
177. Дашкова Е.Р. *Записки* показывающие сравнительное состояние Академии в последние десятилетия. Санкт-Петербург, Типография Академии Наук, 1793.
178. Довель Л.А. Место двуязычного учебного словаря в преподавании РКИ в непрерывном образовании сегодня // Русский язык за рубежом, 2007, №5, с. 34-38.
179. Денисов П.Н., Морозов В.В., Новиков А.А. Перспектив учебного словаря сопоставимости слов русского языка. М., 1971.
180. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
182. Денисов П.Н. Учебная лексикография, итоги и перспективы // Проблемы учебной лексикографии. М., 1977, с. 4-22.
183. Денисов П.Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978, с. 25-33.
184. Денисов П.Н. Единичные словари // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1988, с. 48-52.
185. Денисов П.Н. Энциклопедистика и лексикография // Актуальные проблемы современной лексикографии. М., 1999, с. 7-15.
186. Дешерев Ю.Д. Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988, С. 5-41.
187. Джалалова М. Сопоставления с управлением в учебной русско-болгарской лексикографии // Лингвистические основы и методические проблемы интерференции при изучении русского языка славянами. С., 1973, с. 249-253.
188. Димитрова Г. Тълковно-преводен речник от тезаурусен тип за предметна област "Туризъм" // Български език, 1988, №1, 2005, с. 74-80.
189. Димитров Д.В. Принципы и структура словаря // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Димитриева, М., 2003, с. 7-18.
190. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1992, №4.
191. Добровольский Д.О. Современная двуязычная лексикография: проект нового Немецко-русского словаря // Теоретические лексикографические современные тенденции развития / Отв. ред. О. М. Карпова, Иваново, 2003, с. 3-5.
192. Добровольский Д.О., Кротов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов // Научно-техническая информация. Сер. 2, 2005, №6, с. 16-27.
193. Добровольский Н.А. Собрание сочинений в 9-ти томах, том 1, страница 392. Москва & Ленинград, 1961.
194. Доклад по Отечественной истории, Екатерина Великая, ВУЗ, Орловский государственный технический университет, Орел, 2009.
195. Документ к протоколу #174-18 А, PR/Rosenthal / Karaman 1994-2010. Sigma, 2011.
196. «Документы к истории славяноязычия в России (1850—1912)», под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1948.
197. Дубичинский В.В. Принципы лексикографирования и типология словарей // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992, с. 135-140.
198. Дубичинский В.В. Лексические параллели. Харьков, 1993.
199. Дубичинский В.В. Классические лексические омонимы. Харьков, 1993.
200. Дубичинский В.В. Лексикографические заметки. Рекомендации создателям словарей. Харьков, 1994.
201. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. Харьков, 1994.
202. Дубичинский В.В. Антиномии лексикографии // Vocabulum et vocabularium. Харьков, 1995, с. 65-71.
203. Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 1998.
204. Дубичинский В.В. Системы машинного перевода с позиций компьютеризации лексикографии // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2003, с. 55-63.
205. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М., 2008.
206. Дубичинский В.В. Шайнхиза Т. Концепция словаря лексических параллелей русского и испанского языков // Dubichynsky V., Chakhieva T., Sosanova E. Diccionario didáctico de paralelos lexicos ruso-español. Granada, 2006, p. 167-172.
207. Дубровская К. Как объяснить русский язык, *Высшаяшая ср. шк. "Gerous vilis"* 10 класс, Васгант, Литва.
208. Дьяков И. М. Книга воспоминаний.
209. Дьяченко И. О некоторых особенностях словарного состава современного болгарского языка (сравнительно с русским) // Сборник в честь на академик Александър Теодоров-Балан. С., 1956, с. 229-234.
210. Елистратов В.С. Русский кинематолог (о целях и структуре словаря) // Елистратов В.С. Словарь крылатых выражений (русский кинематограф). М., 1999.
211. Елистратов В.С. Предисловие // Словарь языка Василия Шукшина. М., 2001, с. 7-12.
212. Ермаков А. Все началось со словаря, Москва, 2008.
213. Ермаков О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.
214. Ермалович И.И. Имена собственные: Теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005.
215. Ермалович Д.И. Предисловие // Ермалович Д.И. Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возмужной лексики. М., 2004.
216. Еськова Н.А. О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа // Вопросы языкознания, 1972, №3.
217. Еськова Н.А. Об объеме информации орфоэпического словаря русского языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
218. Еськова Н.А. Орфоэпический комментарий к «Орфоэпическому словарю русского языка». М., 2005.
219. Журилов В.К. Социолитературный аспект истории литературных языков // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 68-109.
220. Задорожний М.И. К 50-летию выхода в свет Словаря Ожегова // Русский язык (Приложение к газете "Первое сентября"). 1999, №46.
221. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
222. Зинглер В.Ф. Владимир Даль у истоков русской паремологии // Болгарская русистика, 2001, №3-4.
223. Зинглер В.Ф. Русские пословицы и поговорки: подбор по активно усвоению от болгарские студенты русист. Автореф. по дис. д-ра филол. С., 2005.
224. Зларов В.П. Словарная картотека ИЛИ РАН как объект автоматизации. (Программа ОИРН РАН на 2006-2008 гг. «Русский язык, литература и фольклор в информационном обществе: формирование электронных научных фондов», проект «Развитие Большой словарной картотеки (БСК) Института лингвистических исследований РАН».)
225. Златов И. Лексикографическая разработка русских и болгарских междометий (на материале «Толкового словаря русского языка» и «Български тълковен речник») // VIII международный симпозиум МАПРЯЛ «Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века». Велико-Тырново, 2002, с. 100-103.
226. Золотова Г.А. «Синтаксический словарь русского языка» – словарь нового типа // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988, с.159-163.
227. Золотова Г.А. О новых возможностях лексикографии // Вопросы языкознания, 1994, №4, с.
228. Давидова Е.Р., «Записки 1743-1810», 'Наука', Ленинград, 1985.
229. Державин Г. Р. Соч.: Объяснительные примечания Я. К. Грота
230. Зларов В.П. (Захаров 2005 а) Веб-пространство как языковой корпус // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции "Диалог-2005" (Внегоспод, 1-6 июня 2005 г.). М.: 2005 С. 166-171.
231. Зларов В.П. (Захаров 2005 б) Компьютерная модель Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: Труды VIII Всероссийской объединенной конференции (IST/IMS-2005). СПб.: 2005.
232. Злеская Е.А. Вопросы Языкознания, 5 Сентябрь Октябрь, Институт языкознания, Академия Наук СССР, Москва, 1956.
233. Иванченко О.Н. Двунаправленный переводный словарь и потребности пользователя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rspru.ru/scd_slingvo2004_ivann.shtml, свободный.
234. Изв. имп. Акад. наук по ОРМС*, 1854.
235. «Изображение губернской, наместнической, коллежской и вельш шаттиской мундиро». Изображение губернской, наместнической, коллежских и вельш шаттиской мундиро. Санкт Петербург, 1794.
236. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка», М.—Л., 1958.
237. Илья И.А. Опыт автоматизации лексикографических исследований. Система DIALEX // Слово Достоевского. М., 1996.
238. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998.
239. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, Ш., Ленинград, 1930.
240. Калайдов И.И. Опыт правил для составления русского проповедного словаря. "Труды Общества любителей словесности", ч. V. Москва, 1824.
241. Карамзин Николай. Полное собрание сочинений, третье издание, том 9, Москва, 1820.
242. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.,1976.
243. Караулов Ю.Н. Источники словаря, его назначение и правила пользования им // Караулов Ю.Н. Частный словарь семантических множеств русского языка. М., 1980.
244. Караулов Ю.Н. Лингвистические конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
245. Караулов Ю.Н. Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982.
246. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. - М.: 1991.
247. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. - М.: 1992.
248. Караулов Ю.Н. Словарь и человек // Теория языка и словаря. Кишинев, 1988, с. 5-10.
249. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988.
250. Караулов Ю.Н. Предисловие // Русский ассоциативный словарь. Т. 1 / Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1994.
251. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: 1987.
252. Караулов Ю.Н. Концептуальная языковая картины мира. Статьи 1 // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2, М., 2004.
253. Караулов Ю.Н. Концептуальная языковая картины мира. Статьи 2 // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М., 2004, с. 70-85.
254. Карлов Н.В. «Две академии и два пера», Вестник Российской академии наук, том 72, № 7, С. 632-653, Санкт-Петербург, 2002.
255. Карский Е.Ф. Очерк научной разработки русского языка в академии СССР. Л., 1926.
256. Карпова О.М. Лексикографическая терминология и ее описание // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, № 2, с. 126-134.
257. Касаров И. Семантические проблемы на речниковата работа // Семантические проблемы в речниковата работа // Семантические проблемы в речниковата лексикографию. М., 1958.
259. Кизилдубова Т.А., Тгафрова Г.В. Введение // Функционально-когнитивный словарь русского языка. Уфа, 1998.
260. Ким С.С. Вопросы комплексной разработки типовой русской части для русско-национальных словарей // Вопросы языкознания, 1981, №5, с. 39-47.
261. Кочетков Н. Данные русско-болгарских и болгарско-русских словарей в свете семантического сопоставительного анализа // Болгарская русистика, 1987, №6, с. 48-66.
262. Коткин Л.С. Основная идея шахматовской лексикографии // Вопросы языкознания, 1971, №2.
263. Котков И.П. Обсуждение IV Тома СССР, Вопросы языкознания, страницы 102-106, 5 Сентябрь Октябрь, Институт языкознания, Академия Наук СССР, Москва, 1956.
264. Кош С. Реализация в WORDNET // Лексикография и лексикология в современности. свт. Велико Тырново, 2007, с. 287-296.
265. Козырев В.А. Русская лексикография : пособие для вузов / В. А. Козырев, В. А. Черняк. — М. : Дрофа, 2004.
266. Козырев В.А., Черняк В.Д. Слово в системе словарей русского языка. Л., 1989.
267. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004.
268. Козырев В.А., Черняк В.Д. Введенная в алфавитном порядке. Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.
269. Котков В.Г. и др. О надомном материале для словарей лексической сопоставимости слов // Из опыта преподавания русского языка нерусским. Москва, Мысль, 1965, выпуск 3.
270. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — М.: 1994.
271. Котков Л.В. Двуязычный словарь славянских языков // Вопросы языкознания, 1958, №3.
272. Котков Л.В. Теоретические предпосылки двуязычной славянской лексикографии // Вопросы лексикографии и издания словарей. Прага, 1974.
273. Котков Л.В. Лексическая сопоставимость слова в словаре // Современная русская лексикография. Л., 1975, с. 36-53.
274. Котков Л.В. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. М., 1978, с. 5-26.
275. Котков Л.С. Южновеликорусское наречие в 17 в. (фонетика и морфология). М., 1963.
276. Котков Л.В., Черняк В.Д., Леонидов М.С. Русско-болгарские словари. Болгарско-русские словари // Современный русский литературный язык. С., 1971, с. 161-165.
277. Котков Л.С. Словарь — это от одного языка к другому // Лексикографические проблемы на перевода. С., 1984.
278. Котков Л.В. Иерархия языкового языка. русский. I — Текстов, II — Напомение, III — Речник, Беград, 1910.
279. Кротов А.А., Ламонин А., Николаев Е. О новом типе двуязычного словаря // Русский язык за рубежом, 1988, №5, с. 44-66.
280. Круглова Л.Е. Охламон или охломон? // Русская речь, 2007, №5, с. 38-44.
281. Круглова Л.Е. Роль русского языка XIX в. в пополнении лексики и фразеологии современного литературного языка // Acta linguistic petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2008. Т. IV, ч. 3. С. 25-32.
282. Кривцова Ж. За устойчивости словосочетания и представителю им в двуязычной лексикографической практике // Лексикография и лексикология в современности. свт. Велико Тырново, 2007, 241-250.
283. Крылов С.А. Материалы к справочно-библиографическому словарю русского языка. Часть 1. Лексика русского языка на страницах сборника «Семантика и информатика» // Семантика и информатика. Вып. 32. М., 1991, с. 80-105.
284. Крылов С.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и сопоставительности. М., 2004.
285. Крылов Л.П. О типах лексикографической информации в русской части русско-инвалидных словарей // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005, с. 285-303.
286. Кузнецов С.А. Предисловие // Большой толковый словарь русского языка / Автор и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998, с. 3-21.
287. Кузнецов С.А. Предисловие // Современный толковый словарь русского языка / Автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2007, с. 3-9.
288. Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли, М., 1958.
289. Кузнецов Г.И., Павлова Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, 1994, № 4, с. 96-106.
290. Кузнецов Г.И., Крылов С.А. Материалы к справочно-библиографическому словарю русского языка. Часть 3. Лексика русского языка в работах по семантическим аспектам формализации интеллектуальной деятельности // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998, с. 387-413.
291. Кошечкин В. Българското речниково дело през Възраждането, С., 1997.
292. Лазарский А. Классификация личностей. Петербург, 1922.
293. Лазарский И.Н. Электронные словари Globus Software [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Larchdenkov.htm>, свободный.
294. Лазарский Е.А. Одиночный. "Словарь русского языка" Ф. И. Ожегова // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998.
295. Лазарский В.С. О влиянии объективных и субъективных факторов на распространение русского языка как мирового, ФН, 1977, №1.
296. Лазарский П. В. Помощь на лексикографическая практика // Български език, 1986, №5, с. 444-447.
297. Лазарский П., Татчева Т. Голям руско-български речник // Лексикографические проблемы на перевода. С., 1986, с. 35-42.
298. Лазарский П. За концептуальный анализ в лексикографии // Лексикографическая практика, 1999, №1, с. 7-13.
299. Лазарский П. Условие // Лазарский П. Тематический речник на термине на народния календар (имен циклы), С., 2000, с. 5-16.
300. Лексикография '89. Научно-практические лексикографические семинары. Связь на преподаватели в България. С., 1990.
301. Лексикография и лексикология в современности. свт. Материалы от IV национальная конференция с международным участием на Българското лексикографическо дружество в честь на проф. Кристиана Чолакова, София, 21-22 октябрь 2006 г. Велико Тырново, 2007.
302. Лексикология и лексикография в аспекте русского языка как иностранного. СПб., 2005.
303. Лопатин Н.Н. Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1997, №12, с. 5-20.

PERPETUAL SUPPORT

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

303. Лихоманова И. Лексикальная асимметрия между оригиналом и переводом (модель на анализе перевода лексемы р. дьявол и нейтральные синонимы) // Лихоманова И. Славяно-славянский перевод: лингвистический подход к искусству текста. С. 2006.
304. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
305. Лингвотомическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка / Под науч. рук. И. Червоникова и Т. Доргошевой. С. 1995.
306. Липовская А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. С. 2009.
307. Липовская Л.Я. Во главе духа академии. — М.: Наука, 1983.
308. Липовская М.В. Полное Собрание Соинений, Императорская Академия Наук, Петербург, 1803–1804.
309. Луковитка Четвертый Развитие письма, Москва, 1952.
310. Лудковская А. Основы на теорията на машинния превод с оглед на руско-болгарския МП // Годинник на СУ. Филологически факултет. Т. LVIII. 1. С. 1964, с. 285–308.
311. Макаров М. Н. Опыт русского протонародного словотворчества. «Чтения в Обществе истории и древн. росси», 1845.
312. Максимчук Н.А. Лексические пособия словарного типа: элементы формы и содержания // Русский язык за рубежом, 1993, №1, с. 59–64.
313. Манаскин В.Н. Составительная лексикология. Киев, 2004.
314. Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. — М.: Л.: 1933—37.
315. Марр Н.Я. Вопросы языка в освещении яфетической теории. — М.: 1933.
316. Марр Н.Я. Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории // Книга и язык. — Л.: 1927. — № 1.
317. Марр Н.Я. Избранные работы, т. 1—5. М.—Л., 1933—37.
318. Марченко М.А. Учебная лексикография // Прикладное языкознание. СПб., 1996, с. 308–317.
319. Маршак С. «Словарь». Собрание сочинений в 8 томах, том 5, Москва, Художественная литература, 1970.
320. Материалы к компьютерному тезаурусу лексики русского языка. СПб., 2002.
321. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1986.
322. Мельников А.А. Способы построения словарных определений для слов конкретной лексики // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1972, №2.
323. Мельчук И.А., Жолковский А.Х. Введение // Мельчук И.А., Жолковский А.Х., Апресян Ю.Д. и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien, 1984, 69–94.
324. Мельчук И., Иорданская Л. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2006.
325. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения, М., 1986.
326. Методология, проблемы истории славистики, М., 1978.
327. Мещанинов И.И. Введение в яфетологию, Л., 1929.
328. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945.
329. Мининко Н.А. История России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций, часть 1, под редакцией академика Б.В. Личина, Уральский государственный технический университет, Екатеринбург, 1995.
330. Мистков Т.Л. Тенденции семантической эволюции современного русского языка (на базе неологической метафоризации общепонятительной лексики в газетной публицистике 1992–1997 годов) Автореф. дис. — канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
331. Михайлова М. Фонетика, прозодия и лексикография // Славистика в начале на XXI век. С. 2003, с. 194–198.
332. Мокшенов В.М. О фразеологических неологизмах // Мокшенов В.М. Новая русская фразеология. Орел, 2003, с. VII–XII.
333. Морковкин А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка, М., 1968.
334. Морковкин В.В. Идеологические словари. М., 1970.
335. Морковкин В.В. Учебная лексикография как особая лингводидактическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977, с. 28–37.
336. Морковкин В.В. Предисловие ко второму изданию // Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. М., 1983.
337. Морковкин В.В., Беле Н.О., Доргошева И.А., Иванова Т.Ф., Успенская И.Д. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984.
338. Морковкин В.В., Сайфонов Ю.А., Степанова Е.М., Доргошева И.В. Лексические минимумы современного русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1965.
339. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. М., 1986, с. 102–117.
340. Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания, 1987, №6, с. 33–42.
341. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988, с. 131–135.
342. Морковкин В.В. О лексикографическом обеспечении профессионально ориентированного обучения русскому языку нерусских студентов // Теория и практика научно-технической лексикографии. М., 1988, с. 180–185.
343. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. М., 1990.
344. Морковкин В. В. и др. Предисловие // Морковкин В. В., Лукина М. М., Богачева Г.Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка. М., 1997, с. 3–20.
345. Надыр Е.А. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962, с. 45–71.
346. Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: 2005.
347. Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1988.
348. Никитин О.В. Сергей Иванович Ожegov // Московский журнал, 1999, №8.
349. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Лавов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984, с. 5–30.
350. Новое в зарубежной лингвистике, в. 15 — Современная зарубежная русистика, М., 1985.
351. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котляковой. М., 1984.
352. Норман Б.Ю. Грамматическая информация в словаре vs. лексическая информация в грамматике // Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Tartu, 2003, с. 148–162.
353. Общероссийский СЛП. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946.
354. Общероссийский С. П. Итоги научного изучения русского языка. «Учебные записки МГУ», 1946, в. 106, т. 3, кн. 1.
355. Ожegov Сергей Иванович (автор Л.И. Скворцов и Б.С. Шарыков) // Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти томах. Т. 5. М., 1968.
356. Ожegov Сергей Иванович (ба) // БСЭ. Изд. 3-е. Т. 18. М., 1974.
357. Ожegov Сергей Иванович (ба) // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
358. Ожegov Сергей Иванович (авт. Л.И. Скворцов) // Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х томах. Т. 2. М., 1999.
359. Ожegov Сергей Иванович (ба) // Краткий энциклопедический словарь: В 2-х томах. Т. 2. М., 2000.
360. Ожegov С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания, 1953, №2.
361. Ожegov С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
362. Ожegov С. И., Толковый словарь русского языка / С. И. Ожegov, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 1997.
363. К 90-летию со дня рождения С. И. Ожegov // Русская речь. 1990. № 4.
364. Ожegov С.С. Отец // «Дружба народов». 1999. № 1.
365. Ожegov С.С. Предисловие // Акушин Н. С., Ожegov С. И., Филиппов В. А. Словарь к письма А. Н. Островского. М., 1993.
366. Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Г. А. Богатовой. — М.: На-ука, 2000.
367. Очерки по истории русской академической лексикографии. СПб., 1995.
368. Очерки по раннему периоду складывания в Швеции, Lund, 1975.
369. Павлова С. Модель за изграждане на общ типове словник на родно-чужд речник // Българско езикознание. Проблеми на българската лексикология, фразеология и лексикография. Т. 3. С., 2002, с. 399–437.
370. Палащенко П. Р. Мой неистоматический словарь (Из записки кнженик переноски). М., 2006.
371. Переходная и учебная лексикография. М., 1979.
372. Петришина Е. Прагматичната информация в тълковния речник // Лексикографията и лексикологията в съвремения свят. Велико Търново, 2007, с. 52–66.
373. Петров Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
374. Петикова С. Представление русских и болгарских модальных слов, выражающих уверенность, в двуязычном словаре // IV Международный симпозиум «Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков». Белград, 1997, с. 334–339.
375. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию, Избранные работы, М., 1968.
376. Поливанов А.А. Проблемы и перспективы автоматизации лексикографического и лексикографического анализа с помощью ЭВМ // Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях. Киев, 1990, с. 167–180.
377. Поливанов А.А. Славянская компьютерная лексикография: задачи и проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_lex.htm, свободный.
378. Попов Д. Лексикография: наука — практика — искусство. Лексикографское описание на думата // Лексикография 89. Научно-практически лексикографски семинар. Связ на преводите в България. С., 1990.
379. Потемкина А. К истории звуков русского языка. IV — Этимологические и другие заметки, Варшава, 1883.
380. Прудин М.Н. Современное толкование, научность и здравый смысл // Вопросы языкознания, 1983, №6, с. 3–16.
381. Предисловие (по материалам статей А. А. Реформатского и Л. И. Скворцова) // Ожegov С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.
382. Приказкина М.Н. Карточка как источник лексикографической и научной работы. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2003.
383. Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1977.
384. Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике / Под ред. П. Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1978.
385. Пржевальский П. Очерки, статьи, письма, М.—Л., 1934.
386. Путин В. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации.
387. «Пущин в воспоминаниях и рассказах современников», ред. С. Я. Тессера, Л. 1936.
388. Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 16-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1937.
389. Пушкин А.С. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. Санкт-Петербург, 1837.
390. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва — Ленинград, 1949.
391. Радова В. Дифференциал речениц — концепция и структура / За думите и реченице. С., 2000, с. 53–60.
392. Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка: Пособие по выборкам. Л.: 1972.
393. Рафина Д., Архипова Т. Разработка словообразовательных гнезд для двуязычного словаря // Русский язык и русская литература в современном обществе. Шумен, 1999, с. 157–165.
394. Рахилина Е.В. О лексических базах данных // Вопросы языкознания, 1994, №4, с. 107113.
395. Речениц, издадени в България, и чужди издания с български текст (1944–1980). Библиографски указател / Сист. Т. Давидова; под ред. на С. Вахов. С., 1981.
396. Рахилинова Р.П. Большой Словарный карточке 100 лет // Практическая лексикография. 100 лет словарной карточке. М.: 1989.
397. Розенталь Д.Э. Предисловие // Розенталь Д.Э. Управление в русском языке: Словарь-справочник. М., 1981, с. 3–9.
398. Ростова Е.Г. Предисловие // Россия. Большой лингвистический словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М., 2007, с. IV–VIII.
399. Руданцева Е.А. Аспекты разработки двуязычных учебных электронных словарей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/pimnucova.htm>, свободный.
400. Русистика в ГДР. Библиографический указатель, Берлин, 1979.
401. Русская диалектология, 2 изд., М., 1965.
402. «Русская Старина», год XXXIX, январь 1908.
403. «Русские сатирические журналы XVIII в.», М., 1940.
404. Русский биографический словарь: Давыдов — Давыдовский. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. — Санкт-Петербург: тип. Товарищества «Общественная польза», 1905 [2]. — Т. 6. — С. 126. — 748 с.
405. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
406. Русский язык в странах мира, в. 1—3, [М.], 1973—79.
407. «Русский язык в школе», № 2, стр. 52, Москва, 1939.
408. Русский язык в современном мире, М., 1968; М., 1974.
409. Русский язык и советское общество, т. 1—4, М., 1968.
410. Русский язык конца XX столетия. — М.: 1996.
411. Русский язык сегодня: Проблемы русской лексикографии. Вып. 3. М., 2004.
412. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
413. Сазонова И.К. Предисловие // Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русского языка. М., 2002, с. 5–24.
414. Салони З. Современная лингвистическая теория и двуязычные словари (несколько замечаний) // Z. Saloni (red.). Metody formálne v opise jazykov slowanskich. Bialystok, 1990.
415. Сайфонов Ю.А. Русский «Голос России». Русский язык на радиостанции «Голос России» // Проблемы преподавания русского языка как иностранного: новые тенденции обучения. М., 2008, с. 27–33.
416. Светь в речника. Светь в речника. Юбилейн сборник, посветен на 70-годишнина на чл.-кор. д-р Емил Перишка. С., 2006.
417. Сборник ОЯС, т. CI, № 3, стр. 103–106 («Одиннадцатый интермедиум XVIII века», изд. О.А.Д.П. 1915, № CLXXXVII, 57).
418. Сводный словарь современной русской лексики. М.: 1991. Т. 1–2.
419. Семенов В. Электронные словари и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lingvoda.ru/transform/articles/selegy_al.asp, свободный.
420. Скворцова Л.И. Сергей Иванович Ожegov // Отечественные лексикографы XX в. Материалы для хрестоматии / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 1999.
421. Скворцова Л.И. Сергей Иванович Ожegov // Русская речь, 1962, № 6.
422. Скворцова Л.И. Сергей Иванович Ожegov (Проблемы культуры речи) // Русский язык за рубежом, 1971, № 3.
423. Скворцова Л.И. С.И. Ожegov. Предисловие // Ожegov С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
424. Скворцова Л.И. Сергей Иванович Ожegov (К 75-летию со дня рождения) // РЯШ. 1975. № 3.
425. Скворцова Л.И. С. И. Ожegov (Серия «Люди науки»). Пособие для учащихся. М., 1982.
426. Словарь русских электронных словари и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lingvoda.ru/transform/articles/selegy_al.asp, свободный.
427. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 2000.
428. Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. II. СПб., 1907.
429. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. — М.: Л., 1950—1965.
430. Словарь церковнославянского и русского языка, составлен Вторым отделением Императорской Академии наук, т. I–VI, 1847; 2-е изд., 1867–1868, Санкт-Петербург.
431. Словарь языка Пушкина, тт. 1–4, Москва, 1957.
432. Сметов В. А. Социниция, I, М.—Л., 1932.
433. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. Опис. LXVIII, 2, 1910.
434. Соболев В.С. Основные направления в обучении русскому языку в США. М., 1976 (АК-Д).
435. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. — СПб., 1890—1912.
436. Сталин И.В. МАКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, Сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная годовщине опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Издательство Академии наук СССР, 1951 г.
437. Степанов Ю.С. Предисловие. Вводные статьи: культура; концепт; кинематика // Степанов Ю.С. Констанция: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997, с. 7–78.
438. Селарская Г.Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания, 1988, №3, с. 84–97.
439. Селарская Г.Н. Новый Академический Словарь: Преспект, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 1994, 62 с.
440. Селарская Г.Н. Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988, с. 63–66.
441. Селарская Г.Н. Новый Академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очерки задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995, с. 15–23.
442. Селарская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995, с. 63–71.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

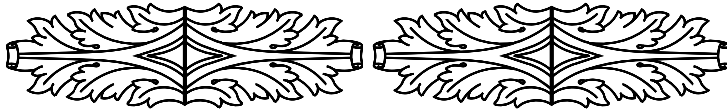

XIX
века

ПРОЕКТ

THE DICTIONARY OF XIX CENTURY RUSSIAN: PROJECT
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

443. Смирнова Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Смирновой. СПб., 1998, с. 7-36.

444. Смирнова Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Смирновой. М., 2006, с. 5-30.

445. Смирновских А.П. Лексикографическая фиксация идеологически неоднородных слов как культурно-речевая проблема // Филологические науки, 1998, №3, с. 31-36.

446. Смирновских А.П. Оценка и сопоставление толковых словарей // Научно-техническая информация. Сер. 2, 2000, №5, с. 1-5.

447. Словари и лингвострановедение. М., 1982.

448. Словарные категории / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1988.

449. Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

450. Слово в тексте и словаре: Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. Л.А. Иомдина, Л.П. Крысин. М., 2000.

451. Советская лексикография. М., 1988.

452. Современная русская лексикография. Л., 1975.

453. Современность и словарь. М., 1978.

454. Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по формальному сопоставлению). С., 1984.

455. Сопоставительное описание русской и болгарской лексики (материалы по содержательному сопоставлению). С., 1985.

456. Сороколетие Ф.П. Русская лексикография в Академии наук // Вопросы языкознания, 1974, №6, с. 19-31.

457. Сороколетие Ф.П. Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания, 1978, №3, с. 26-42.

458. Сороколетие Ф.П. Общая и учебная лексикография. Л., 1985.

459. Сукаленко Н.Н. Двуязычные словари и вопросы перевода. Харьков, 1976.

460. Супрун А.Е. Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978, с. 43-47.

461. Ситковский С. Основные принципы сопоставительного анализа языков // Русский язык за рубежом, 1976, №4, с. 69-73; №5, с. 70-73.

462. Татар Б. Русская лексикография. Анализ одноклассных филологических словарей русского языка. Будапешт, 1977.

463. Татар Б. Русская лексикография. Будапешт, 2000.

464. Телия В.Н. Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеологического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.

465. Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: Материалы V Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2003 г. / Отв. ред. О.М. Карпова. Иваново, 2003.

466. Теоретические основы разработки словарей учебного типа. М., 1981.

467. Теоретические и практические аспекты лексикографии. Иваново, 1997.

468. Теория и практика современной лексикографии // Под ред. П. П. Рогожинкова, Л., 1984.

469. Теория и практика учебной лексикографии // Под ред. В. В. Морковкина. М., 1988.

470. Тихонов А.И. Проблемы составления толкового гнездового словаря современного русского языка // Слово в грамматике и словаре. М., 1984, с. 194-200.

471. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия // Под ред. Г. Н. Смирновой. М., 2001.

472. Толстой М.П. «Е.Р. Дашкова – организатор российской науки». // Вестник Российской Академии наук, – том 63. – №3. – 1993.

473. Троицкий И.М. Сравнительно-историческое исследование, в кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968;

474. Трубачев Н.С. Письмо к Р. О. Якобсону от 6 ноября 1924 г. (Письма и заметки Н.С. Трубачева, М., 2004, с. 74-75);

475. Тучинина Л.В. «Великая россиянка»: Жизнь и деятельность княгини Е.Р. Дашковой // Москва, 2002.

476. Убин И.И. Автоматический переводный словарь. Принципы построения. М., 1989.

477. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. Домолюбовский период отечественной русистики. М., 1975.

478. Уфимцева Н.В. Предисловие // Славянские ассоциативные словари: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004, с. 3-22.

479. Учебники и словари в системе обучения русскому языку как иностранному // Под ред. В.В. Морковкина и Л.Б. Трушнина. М., 1986.

480. Учебные словари русского языка. Доклады советской делегации. Второй международный конгресс МАПРЯ. М., 1973.

481. Учебный словарь сопоставимости слов русского языка, ред. Денисов, П. Н.; Морковкина, В. В.; Изд-во: М.: Русский язык, 1978.

482. Чернышев И.В. Темные слова в русском языке, Избранные труды. - Т. 1. - М., 1970.

483. Файнштейн М.Ш. Российская Академия (1783–1841) в николаевскую эпоху, с.73

484. Файнштейн М.Ш. Из славу Франции в России превозносит: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002.

485. Фоборко И.В. Учебная лексикография: теория и практика. М., 2006.

486. Фет А. Лирика. Стихотворения. Лучей был полон сад, Художественная литература, страница 114, Москва, 1966.

487. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

488. Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, Том XXII, Выпуск 3, страница 177-189, Москва, 1963.

489. Филин Ф.П. Советские русистики 50 лет, в кн.: Советское языкознание за 50 лет, М., 1963, с. 196-200.

490. Филин Ф.П. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике: проблемы и методы лексикографии. Вып. XIV, М., 1983, с. 23-60.

491. Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987.

492. Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.

493. Фрумкина Р.М. и др. Семантика и категоризация. М., 1991.

494. Харасов М.М. «Ее сиятельству князине Екатерине Романовне Дашковой», 1783 г. Е.Р. Дашкова. «О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / Составление, вступительная статья, примечания Г.И. Смагиной. Санкт - Петербург, 2001.

495. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (культуры, картины мира, ментальность). СПб.: Алетейя, 2001.

496. Хроника, Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, том I, № 3, Издательство АН СССР, 1940.

497. Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

498. Цой А.С. Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре // Филологические науки, 2004, №4, с. 105-113.

499. Черенкова И. Сопоставительный анализ лексики и двуязычные словари // Болгарская русистика, 1988, №2, с. 69-79.

500. Черенкова И. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. С., 2011.

501. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. No 1.

502. Чернышев В.И. Русская песня у Островского, «Изв. по русскому языку и словесности [АН СССР]», II, кн. 1, 1929.

503. Чонгарова И. Идея создания комплексного учебного словаря по антропоцентрической подходе к лексикографированию // Болгарская русистика, 1991, №2, с. 73-78.

504. Чонгарова И. К вопросу о лексикографической интерпретации коннотаций // Научные труды на Пловдивский университет «Пансий Хилендарски». Т. 34. Пловдив, 1996, с. 189-195.

505. Чонгарова И. О лексикографировании некоторых этнонимов в русских, болгарских и английских словарях // Лингвистические и лингвокультурологические аспекты изучения русского языка в сопоставлении с родным. Доклады международной конференции МАПРЯ. Пловдив, 1997, с. 71-74.

506. Чонгарова И. Модерни лексикографски концепции и речникът за чуждозаиковото обучение в българското училище // Актуални проблеми на ранното чуждозаиково обучение. С., 1996, с. 68-72.

507. Чукалов С. Сто година руско-български и българско-руска лексикография // Славянская филология. Т. III. С., 1963, с. 333-341.

508. Чукалов В.Т. Ё – седмая, счастливая буква азбуки, ГРАМОТУ.РУ Москва, 2001.

509. Шапатов А.А. Очерк современного русского литературного языка, 4 изд., М., 1941.

510. Шведова Н.Ю., Апанович В.В., Удальцов И.С., Плотникова В.А. Изучение грамматического строя русского языка, в кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.

511. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988, с. 6-11.

512. Шведова Н.Ю. Теоретические основы словаря // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1-4. М., 2002, с. VII-XIII.

513. Шмелев Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

514. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.

515. Шуров М. «Мисс Вильмонт и княгиня Дашкова», Русский архив, Кн. 3, Санкт-Петербург, 1880.

516. Шудельская С.Г. Предисловие // Словарь крылатых выражений из области искусства. М., 2003, с. 3-8.

517. Шерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

518. Шерба Л.В. Предисловие [к русско-французскому словарю] // Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

519. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е. Э. Бабинцова, О.Ю. Богуславская, Е. А. Иомдина, Т. В. Крылова, И. Б. Лебедева, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.

520. Языковая личность: Текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: Сб. статей. М., 2006.

521. Atkins B.T.S. Building a Lexicon: The Contribution of Lexicography // International Journal of Lexicography, vol. 4, 1991, p. 229-231.

522. Aug. Comte, Cours de philosophie positive, IV, 3-mé ed, Paris, 1869.

523. Belentschikow R. Russisch-Deutsches Wörterbuch. 1: A. B. Herausgegeben von Renate Belentschikow. Harrassowitz Verlag, 2002.

524. Belentschikow R. (Hrsg.): Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 12-25.2005. Frankfurt am Main, 2006.

525. Bibliographie, die in den wissenschaftlichen Zeitschriften der Universitäten und Hochschulen der DDR veröffentlichten, Bd 1—2 (1951—1973), Greifswald, 1978—79.

526. Boswell J., Life of Samuel Johnson, 1791/ Letter to Francesco Sastres, 21 August 1784.

527. Bridges R., 'Henry Bradley. A Memoir'. In R. Bridges (editor), The Collected Papers of Henry Bradley, Oxford: Clarendon Press, Oxford, England, 1928, 1-58.

528. Dubois J. et C. Introduction a la lexicographie: La dictionnaire. P, 1971.

529. Eliot, Charles W., The Harvard Classics, volumes I-LI, New York: P.F. Collier & Son, 1909-1917.

530. Fontenelle T. Using a bilingual dictionary to create semantic networks // International Journal of Lexicography, vol. 10, 1997, p. 275-303.

531. Fontenelle T. Introduction: dictionaries, thesauri and lexical-semantic relations // International Journal of Lexicography, vol. 13, 2000, p. 229-231.

532. Fontenelle T. A bilingual lexical database for frame semantics // International Journal of Lexicography, vol. 13, 2000, p. 232-248.

533. France Anatole, (1844-1924), Lexicon, from P. Galpin's Private Library, Manhattan, New York.

534. Gallis A., Slavistik und Slavenistik in Norwegen, «Wiener Slavistisches Jahrbuch», 1974, Bd 20.

536. Grot J.K., (1812-1893), Russian Orthography, 1878, Lesser Literary Encyclopedia in volumes 1-9, Moscow, 1964.

537. Guizot E. P., History of Civilization in Europe, Yale Classics, Timothy Dwight Edition, volume 10, London & New York, 1899.

538. Hall Jun R. A., Archivum Linguisticum, III, 117, Glasgow, UK, 1951.

539. Hartmann R.R.K. Lexicography: Principles and Practice. NY, 1983.

540. Hartmann R.R.K. Theoretical and Practical Aspects of Lexicography // Теоретические и практические аспекты лексикографии. Иваново, 1997, с. 5-18.

541. Heard A.S., Essays from the History of Science, Larin's Lexicographical School of St.PetersburgUniversity, St. Petersburg, 2007.

542. Hippocrates, The Oath of Hippocrates, The Harvard Classics, Alumni Edition De Luxe, volume 38, New York 1910 & G.P. Putnam's Sons, Entered at Stationer's Hall, London, 1897.

543. Holenstein E. Jakobson und Huser: Ein Beitrag zur Genetologie des Strukturalismus // Parret H. (ed.). His-tory of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics. Amsterdam, De Gruyter, 1976.

544. Johnson S., A Dictionary of English Language, volumes I-II, London, 1755.

545. Karamian M., Analysis of Mathematical Models Used in J.S. Bach's Fugal Techniques, San Francisco, 1990.

546. Karamian M., Angolysis, The Dynamic Cycle from the Spoken Word to the Dictionary, Acapulco & Savannah, 2006.

547. Karamian M., Angolysis, Anales del Instituto de Literaturas Clásicas, La Universidad Nacional Autónoma de México, Mexico D.F., Eldonejo La Portal Electronica, Acapulco & Savannah, 2006.

548. Kilgariff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D. The Sketch Engine // Proceedings of EUROLEX-2004.

549. Kipper B.A. Workbook on lexicography. Exeter, 1984.

550. Knowles R.E. The computer in lexicography // Wörterbücher - Dictionnaires - Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie, 1990, vol. 2, p. 1645-1672.

551. Kromann H.-P., Riller T., Rosbach P. Principles of bilingual lexicography // Wörterbücher - Dictionnaires - Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie, 1991, vol. 3, p. 271-278.

552. Kruglikova L., The Archive of Letters and Correspondence for J. Rosenthal & M. Karamian, II, Acapulco & Savannah.

553. L'Hermite René Mar, marrisme, marristes: Science et perversion idéologique, une page de l'histoire de la linguistique soviétique. — Paris: 1987.

554. Landau S.I. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. NY, 1969.

555. Lloyd R. J., Die Neuren Sprachen, Marburg in Hessen, Germany, 1896.

556. Lavoisier A., Treatise on Elements of Chemistry, Translated by Dr. Robert Kerr, British Empire, Edinburgh, 1790.

557. Marshak S., The Dictionary, Translated by Walter May, Manuscripts, Poems and Personal Memoirs, New York, 1983.

558. Martinec A., Structural Variation in Language, cm. Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists, Cambridge Mass, 1962.

559. Muggelstone L., Lost for Words, The Hidden History of the Oxford English Dictionary, Yale University Press, New Haven and London, 2005.

560. Nida E. A., Language, issue XXIV, page 420, London, 1948.

561. The Oxford English Dictionary, Second Edition, Volumes I-XX, Clarendon Press, Oxford, 1989.

562. Paglia, Camille. Sex, Art and American Culture, New Essays, ISBN 978067741015, page ix, Vintage Books, New York, USA, 1992.

563. Penn W., Some Fruits of Solitude, The Harvard Classics, Edition De Luxe, vol. 1, New York 1909.

564. Reports of the Department of the Russian Language and Philology for 1886-1891, St. Petersburg, 1903.

565. Rosenthal Joseph, Archival Reports: "Los Estudios Philologica Por la Causa", Havana, 1963.

566. Rosenthal Joseph, The Philosophy of Mathematical Models Used in Russian Linguistics, MS, Los Angeles, 1999.

567. Russian National Corpus, www.rncorpora.ru, Institute of Russian Language after V.V. Vinogradov, Voronezh State University et al., Moscow, St. Petersburg & Voronezh, 2004.

568. Rychly P., Smrz P., Manatee, Bonito and Word Sketches for Czech - Труды международного конференции «Корпусная лингвистика-2004»: Сборник докладов. СПб., 2004.

569. Schweitzer Albert, J.S. Bach, English translation from the German edition, with alterations supplemented by the author, volumes 1-2, published by Breitkopf & Härtel, London, British Empire, 1911.

570. Sekaninova E. Dvojazychna lexikografia v teorii a praxi. Bratislava, 1993.

571. Shane A. M., American and Canadian doctoral dissertations in Slavic and East European languages and literatures, «Slavic and East European Journal», 1973, v. 17.

572. Shuguroff M., Miss Catherine Vilmont and princess Dashkova, Russian archive, book 3, St. Petersburg, 1880.

573. Shakhmatov A., Introduction to the Course of The Russian Language, Petersburg, 1916.

574. Slovo a Slovnik, Bratislava, 1973.

575. Spitta Philipp, Johann Sebastian Bach, volume I-II, First English Edition, London, 1951.

576. Thomas Lawrence L. The linguistic theories of N. Ja. Marr. — Berkeley, California: 1957.

577. Twaddell W. F., On Defining the Phoneme, Waverley Press, Baltimore, USA, 1935.

578. Velmezaova Ekaterina Les lois du sens. La sémantique marriste. — Genève: 2007.

579. Voltaire, Philosophical Dictionary, volume I-VI, First English Edition, Covent Garden, London, 1824.

580. Voltaire, Philosophical Dictionary, volume I-VI, Second English Edition, Covent Garden, London, 1824.

581. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.

582. Zakharov V., Russian Corpus of the 19th Century // Text, Speech and Dialogue. Proceedings of the 6th International Congress ISD 2003, České Budějovice, Czech Republic, September 2003 / Václav Matoušek, Pavel Mautner (Eds.). — Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, 2003. — P. 146-151. — (Lecture Notes in Artificial Intelligence, 2807).

583. Zgusta L. Lexicography today: An annotated bibliography of the theory of lexicography. Tübingen, 1988.

LILI IVANOVA

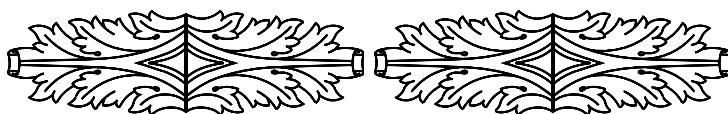
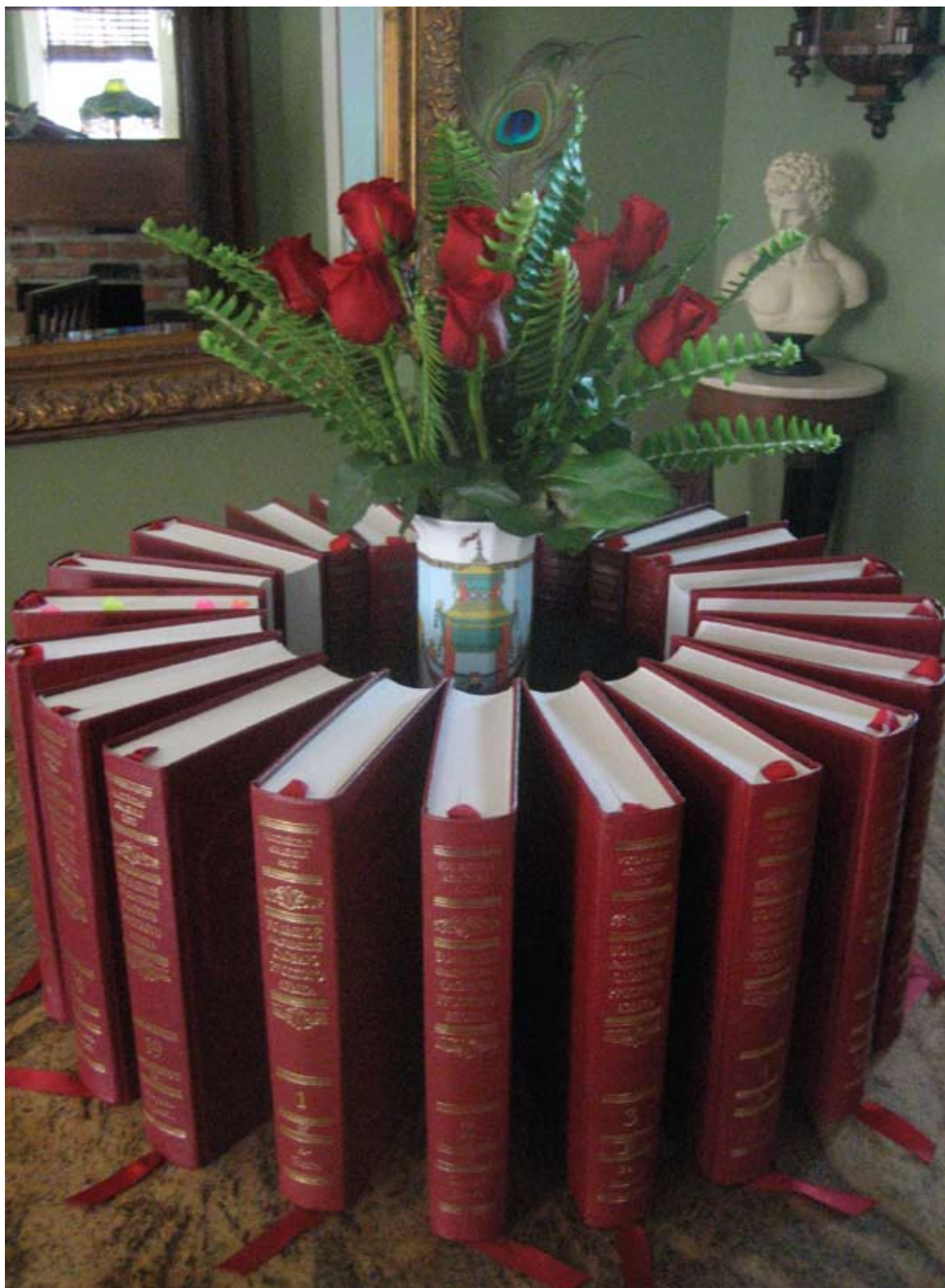
Лили Иванова родилась в городе Кубрат 24 апреля 1939 года. Отец будущей певицы, Иван Петров Дамянов, работал чиновником в мэрии, а мать — Мария Петрова Дамянова — была домохозяйкой, но иногда подрабатывала официанткой. В свидетельстве крещения Лили записана как Лиляна Иванова Петрова, в память о своей умершей сестре. После начала профессиональной карьеры, певица приняла своё настоящее имя и под ним стала известной как в Болгарии, так и во всём мире. Окончила медицинское училище в городе Варна в 1959 году, работала медсестрой только один год. Впервые обнаружили её талант в хоре рабочих. Стала популярной певицей с песней известного композитора Йосифа Цанкова «В субботу вечером» (1964). В 1963 году в Румынии вышел её первый альбом, а свой первый международный приз «Золотой Ключ» Лили Иванова получила в 1966 г. в городе Братислава за исполнение песни болгарского композитора Ангела Заберски — «Адажио». Затем следуют многочисленные победы на других международных конкурсах, певице удалось завоевать десятки международных наград во всём мире.

За почти 50 лет на сцене Лили Иванова записала более 600 песен в 35 альбомах, многие из которых стали Золотыми грампластинками в Европе. В 1997 году Международная ассоциация женщин номинировала её как одну из самых популярных женщин XX века, а в 1998 г. Лили Иванова получила высший орден фонда Св. Николая Чудотворца (Россия). 11 мая 2006 года она удостоена звезды на болгарской Аллее славы в городе София.

В апреле 2009 года вышла автобиографическая книга Лили Ивановой «Истината» под редакцией М.Карбовски, в которой она описывает свой жизненный путь начиная с самого детства и заканчивая своим триумфальным выступлением в парижской Олимпии в январе 2009 года.

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF VASIL KARKELAN)

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(PHOTOGRAPHY COURTESY OF A. BASHFORD)

LE FANTÔME DE LA BIBLIOTHÈQUE
(PHOTOGRAPHY COURTESY OF S. GOLOVAN)

Научное издание

**ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Введение к новому Большому академическому словарю русского языка

**THE HISTORY OF
THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF
THE RUSSIAN LANGUAGE**

An Introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language

Graphics by **CRYSTAL ANGSTEN-VAN RIDER, B.A.**

German Text Proofread by **ODETTE CARAVELLA, Ph.D.**

Russian Text Proofread by **GALINA KRUGLYASHOVA, Ph.D.**

Russian Text Proofread by **ANTONINA LYUBOV, Ph.D.**

Bulgarian Text Proofread by **SOFIA PAHLEVANIAN, Ph.D.**

Text Micrographically Reduced by **ALEX PAVISEL, Ph.D.**

French Text Proofread by **MERCEDES DE LAS SALAS, Ph.D.**

PRINTED IN BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA BY TBB PRINT HOUSE

www.tbb.sk

Сдано в набор 26.II.2012. Выпущено 31.XI.2012. Подписано к печати 31.V.2013.

Формат 70 X 108 ¹/₁₆. Бумага мелованная, бескислотная. Гарнитура Палатино.

Печать офсетная/цифровая. Усл. печ. л. 112 (макро). Уч.-узд. л. 147.2.

Тираж 50ТП/500 КП (ограниченный). Типографический заказ № МК/HGAD (Privado)

ISBN-13: 978-1-62209-422-6 (Луи Вутгон твердый переплёт, футляр, лупа [OUx8 и SGx6])

ISBN-13: 978-1-62209-423-3 (Кожанный переплёт, футляр, лупа [OUx8 и SGx6])

ISBN-13: 978-0-19501-737-3 Oxford University Press CEOD 2E Magnifier

ISBN 978-1-62209-422-6

9 781622 094226 >

MANY THANKS TO THE FOLLOWING ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS:

**THE HISTORY OF THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

An Introduction to the Great Academic Dictionary of the Russian Language

MANY THANKS TO THE FOLLOWING ORGANIZATIONS AND
INSTITUTIONS:

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE FRENCH ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
THE PUSHKIN HOUSE

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
THE STATE PETERHOF MUSEUM
THE STATE TRETYAKOV GALLERY
THE STATE RUSSIAN MUSEUM
THE STATE LITERARY MUSEUM
THE LOUVRE MUSEUM
THE BRITISH NATIONAL PORTRAIT GALLERY
THE BRITISH ROYAL MUSEUM
THE METROPOLITAN MUSEUM OF ART
THE NATIONAL MUSEUM, PRAGUE
THE GROENINGEMUSEUM

THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF ARMENIA
THE MESROP MASHTOTS INSTITUTE OF ANCIENT MANUSCRIPTS
YEREVAN STATE UNIVERSITY
YEREVAN STATE MEDICAL UNIVERSITY AFTER MKHITAR HERATSI

MICROGRAPHIC RRC TECHNOLOGY DEVELOPED BY OUP
MAGNIFYING GLASS X8 DESIGN BY OXFORD UNIVERSITY PRESS
GLASS MAGNIFIER X6 EXCLUSIVELY DESIGNED BY Σιγμα